

Сказки
Ф.П.ГОСПОДАРЕВА

ГОСИЗДАТ
К·Ф·С·С·Р
1941

Сказки
Ф.П.ГОСПОДАРЕВА

Ф. П. Господарев

*Владимир Шабельский
Троица*

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРЫ К-Ф ССР

*В знак благодарности
участникам*

Сосис, ВитМ,

Минус 14/11

СКАЗКИ

Филиппа Павловича
Господарева

ЗАПИСЬ ТЕКСТА
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
ПРИМЕЧАНИЯ
Н. В. НОВИКОВА

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ
М. К. АЗАДОВСКОГО

ГОСИЗДАТ К-Ф ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1941

тапов
Фин-
ского
кого
азки
ой —
ки»).

щих
работ
ения
ную
суб-
было
иное
ило-
ного
ни и
был
и сле

себя
очил
спо-
ции
того
боте
ким
ред-
нная

по-

РФ
Г 72

1992 г.

1973 г.

1992 г.

2006

74355к

БИБЛИОТЕКА
Института культуры
Академии наук СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Сборник сказок Ф. Господарева является одним из этапов работы Научно-Исследовательского Института Культуры Карело-Финской ССР по учету и исследованию сказочного богатства русского населения Карелии. Он примыкает к серии «Сказки Карельского Беломорья», первый том которой (в двух книгах) составляют сказки замечательного мастера-сказочника, М. М. Коргуева, а второй — сказки, записанные у разных сказителей Поморья («Поморские сказки»). Настоящий сборник имеет, однако, и ряд особенностей, отличающих его и от этой серии и от ряда других аналогичных изданий.

Происхождение этого сборника связано с другой линией работ НИИК. Наряду с изучением фольклора крестьянского населения Карелии Институт несколько лет тому назад предпринял аналогичную работу по изучению старого и нового рабочего фольклора в Республике и репертуара рабочих местных заводов. Первым опытом было обследование Онежского завода в Петрозаводске, произведенное в 1937 году группой молодых фольклористов (тогда студентов-филологов Ленинградского Университета, участников фольклорного кружка). Итогом этого опыта явилась небольшая книжка «Песни и сказки на Онежском заводе» (Петрозаводск, 1937), в которой был опубликован и ряд сказок, рассказанных рабочими завода, в том числе и сказки Филиппа Павловича Господарева.

Замечательное мастерство сказочника тогда же обратило на себя внимание участников экспедиции и Института; последний включил в свой план подробное изучение целостного репертуара Ф. П. Господарева, поручив выполнение этой задачи участнику экспедиции Н. В. Новикову, которому и принадлежала честь «открытия» этого замечательного сказочника. Н. В. Новиков посвятил этой работе более года, записав за это время свыше ста сказок и составив таким образом почти весь репертуар Ф. П. Господарева. В дальнейшем предполагалось провести еще ряд повторных записей, но неожиданная смерть сказочника оборвала эти замыслы.

Уже приходилось писать о том, что каждый сборник сказок, по-

мимо своего краеведческого значения, помимо того, что знакомит нас с творчеством того или иного мастера, должен иметь и общетеоретическое значение; каждый сборник должен внести что-то новое в наши знания о сказке и законах ее жизни. Этому требованию вполне удовлетворяет данный сборник, который можно смело причислить к крупнейшим явлениям нашей фольклористики. За последнее время вышел в свет и продолжает выходить ряд выдающихся сборников сказок, записанных в разных местах нашего Союза и знакомящих нас с разнообразными мастерами. Все эти сборники значительно расширяют и углубляют наши представления о сказке, — однако они не вносят каких-либо новых принципиальных моментов, являясь только ценнейшим дополнением к положениям, уже разработанным наукой о фольклоре и особенно советскими фольклористами. Сборник Господарева открывает совершенно новые стороны в жизни сказки и освещает новым светом многие ее процессы.

Необычна и сама биография сказочника. Господарев — белорусский крестьянин, участник крестьянского революционного движения 1905 года, позже рабочий Онежского завода. В галерее русских сказочников до сих пор не было сказочника с такой биографией и не было таких сказок, которые бы так резко и ярко отразили революционную стихию и революционное мирозерцание. Давно известные сказочные сюжеты выступают перед нами в необычном освещении, с необычными деталями, отражающими крестьянские революционные настроения. Отдельные элементы такого рода встречались, конечно, и раньше у других сказочников; они особенно характерны для того раздела сказок, которые покойный Б. М. Соколов называл первым членом сказочной социальной трилогии, т. е. для сказок о мужике и барине. В сказках Господарева такие черты являются уже не отдельными и случайными элементами, но они целиком пронизывают его сказки, захватывая сюжеты новеллистические, волшебные, богатырские и создавая подчас новые типы сюжетов.

Во вступительной статье автор указывает на связь сказок Господарева с фольклорной традицией белорусского народа; по справедливому замечанию автора, белорусское народное творчество «наполнено пафосом борьбы с крепостным порядком, эксплуататорами и религией». Сказки Господарева отражают таким образом определенную традицию, — но вместе с тем они являются и совершенно исключительным явлением, ибо ни у какого другого сказочника — ни у русского, ни у белорусского — мы не встречаем такой цельности, такой последовательно проведенной антикрепостнической, антипомещичьей тенденции, как у него. Если в репертуаре некоторых сказочников можно иногда выделить особую группу такого типа сказок или от-

дельные элементы и высказывания такого характера, то у Господарева в эту группу может войти большинство сюжетов. Антикрепостнический характер носят у него и такие сказки, как «Семилетка», «Золотое личко», «О глупом Омеле» и пр. Чрезвычайно сильны также в его сказках антирелигиозные настроения, — причем, не просто антиклерикальные, противопоповские, как это весьма часто наблюдается, а именно антирелигиозные, атеистические, например, в сказках «О святом Феодосии», «Поп и работники» и др. Особенно замечательна по своему резко выраженному классовому характеру сказка «Солдатские сыны». Наконец, в некоторых сказках мы встречаем в сочетании с данными чертами и специфические элементы, характерные для рабочей среды и ее идеологии. Все это делает сборник Господарева совершенно уникальным в нашей обширной сказочной литературе и выдвигает перед исследователями целый ряд новых и серьезнейших проблем.

Тексты сказок публикуются согласно принципам, выработанным редакционной коллегией для серии «Сказок Карельского Беломорья». Как и в том издании, здесь отвергнут традиционный способ воспроизведения всех фонетических особенностей речи сказителя, в частности, не отмечается ряд черт, свойственных белорусскому языку (Р твердое, У вместо предлога В и т. д.). Синтаксические же и лексические особенности сохранены с максимальной, доступной для собирателя, точностью. Характеристика языка сказочника дана в специальной статье Г. Ф. Нефедова «О языке Ф. П. Господарева», к которой приложен и образец фонетической записи.

М. Азадовский.

ФИЛИПП ПАВЛОВИЧ ГОСПОДАРЕВ И ЕГО СКАЗКИ.

I

Жизнь прожить — не поле перейти.
(Народная пословица).

Престарелый отец, умирая, давал заветы своим сыновьям:

«Ну, сыны! Живите дружно, сообща, помощь оказывайте друг другу. Будете жить врозь — скрутит, сломит вас нужда...»

В подтверждение правильности своих слов, как в сказке, старик предлагал рослым сыновьям поочередно ломать веник. Каждый силился, но сломать веник так никому и не удавалось. Тогда отец вынимал из веника отдельные прутья, и сыновья легко переламывали их...

В числе сыновей выслушивал завешание и молодой светлорусый Филипп.

С того дня прошли десятки лет. Со смертью отца развалилась семья. Одних бедность забросила далеко от родной деревни: ушли искать счастья в чужие края; другие за «неблагонадежность» были высланы полицией на далекие окраины России...

Филипп Павлович Господарев родился в 1865 г.¹ в дер. Забабья Староруднянской волости, Рогачевского уезда, б. Могилевской губернии, в бедной семье крепостного крестьянина Павла Ивановича Господарева.

В этих краях, находившихся под гнетом и произволом помещиков-самодуров, прошли детство и молодые годы нашего сказителя.

Тихая деревенька Забабья — в двадцать изб. Избы старые, маленькие, с почерневшими от дождей и времени соломенными крышами, с низкими покосившимися окнами...

«Лет до семи, — вспоминает Ф. П., — делать было нечего, на

¹ Точно установить дату рождения сказителя не удалось. Из паспорта, выданного в 1903 г., явствует, что Ф. П. родился в 1874 г., по другим же документам — в 1864—1865 гг. Сам сказитель последнюю дату считал наиболее правильной.

работу не заставляли ходить. Летом босиком, без штанов бегаешь по улице, а девочки без юбок — в одних рубашках длинных. Мальчишкам отец и мать, как волосы вырастут, берут большие ножницы и, словно овечку, остригут рубцами (ровно разве острижешь!). Зимой была у нас среди деревни горюшка, на санках катались, руки и носы отмораживали. Кругом горюшки стояли тополя большие. Мужики стигивали на эти тополя деревенские бороны, — бороны не такая, как здесь, а деревянная, — и кляли их на вершинки тополей.

Летним временем прилетали бутяны [ансты] и на этих боровах свои гнезда вили. Бутянов никто не убивал, и они ходили по полям, сенокосу, собирали жаб и гадюк, своих ребят кормили. В гнездах бутянов, снизу, воробьи свои гнезда вили. Другой раз полезешь, воробьев заберешь, а бутянов не тронешь. Старики рассказывали: «Вот этот бутян каждый раз из гнезда выкидал хоть дыпленка, хоть яйцо своё. Когда скинет яйцо, тот год хороший будет, а когда скинет дыпленка своего, то и мужику придётся отдать помещику, или кому там, своего ребятёнка, и мужику будет тесно [трудно] жить».

Вечерами, после пригона с пастбищ скота, собирались мужики на завалине дома крестного Филиппа Павловича — дедушки Кузмы Кондратьевича Шевцова — и за мирной беседой отдыхали от дневных работ и тревожений. Такие сборища любил Филипп. Примостившись где-нибудь в сторонке, он внимательно слушал беседы мужиков. Здесь он однажды услышал о страшном крепостном праве. Шевцов рассказывал: «Издавались помещики над крестьянами. Скажем к примеру, не понравилось помещику лицо твоё, он тебя возьмёт да и продаст другому за пять рублей, ну и пойдёшь к другому помещику работать. Или делал барин так: прикажет: «Приведите мне таких-то деревенских ребят». Ему приведут. Он посылает: «Полезайте на берёзу, а не то на эти тополя». Они влезут, а он берёт ружьё и стреляет в их. Они оттудова катятся. Помещик смеётся, родители плачут, а сказать не могут. Наш барин Башилов драл мужиков. Да еще как драл!»

Говорили мужики и о народных восстаниях против царских угнетателей, польских и белорусских помещиков, о легендарном предводителе крестьянских отрядов Кастусе Калиновском.

Беседы односельчан расширяли умственный кругозор мальчика. Мальчик глубже познавал трудовую жизнь и борьбу крестьянства. Но особенно влекли к себе Филиппа чудесные сказки дедушки Шевцова. Свои «историйки», как он называл их, Шевцов рассказывал не только взрослым, но и ребятишкам. В их среде дедушка и его сказки всегда пользовались большой любовью и популярностью.

«От кого он слышал сказки, мы не могли допытаться, — говорит сказитель, — но какие прибаутки! Что скажет — сольёт». И ещё: «В праздник Шевцов одевался так: белые штанишки, рубашка с холста деревенского, лапотки на ногах (девки на наших местах тоже обувались в лапти, в «ёлочку» у их называлась обуточка: так обуточка лежит на ноге, что лучше не надо), шапка валеной шерсти, что без рубца. Подойдёт к нам, бывало, и ну занимать рассказами: «Вот, видишь, ребята, у меня шапка. Такую шапку чорт нашол, как у меня, и интересно ему стало, как она, шапка, сделана. Взял и разрезал эту шапку и стал спивать, — рубец оказался. Он и говорит: «Чорт хитёр, а мужик хитрей чорта: сделал шапку, что шва нет».

У дедушки была борода большая, по грудь, черноватого цвета. Курил он трубку и слыл на деревне краснобаем. «До ста лет не было у его волос сивых (седых), а после ста лет сделался белым, что яблочко. Когда мне исполнилось десять лет, — повествует Ф. П., — Шевцову уже восемь десятков стукнуло. Работать он не мог. Четверо его сыновей вели хозяйство, а старик целное лето всё нами, ребятишками, занимался. Прожил он 110 лет, в могилу сивеньким старичком сошёл. Жил среди деревни. Вроде сторожа надо всей деревней был: смотрит, кто куда идёт али едет. Учил он нас играм разным, песням и сказкам. Из тряпок мячик делал. Сидит дельный день на завалинке и забавляется нами. Сказки свои больше на благодать сказывал: мужики на работе, женщины на работе. И так делал: «Я расскажу вам сказочку, но чур! Сначала сыграем в перегонки: кто первый прибежит, тому и сказку слухать». И вот бежишь что есть духу. А нет — заставит бороться. В чехарду затевал играть. Вот где потеха! Пять-шесть ребят вставали в ряд и махали поочередно друг через друга... На разных игрушках помучает ребят, а потом созовёт и сказывает. Другой раз прибежишь один к ему, он и говорит: «Что ж ты один прибёг? Бежи, собирай ребят». Ну и бежишь. Ему, верно, скучно одному, без ребят, сидеть было и трубку курить, а ребятишек он любил. Так вот и сейчас, выйдешь на улицу, на лавку, а вокруг тебя ребятишки быстро соберутся: «Дядя Филя, расскажи нам что-нибудь». Ну и станешь им заливать небылицы».

Часто рассказывал Шевцов сказку «Солдатские сыны». В лето раза три проговорит ее, да еще спросит маленьких слушателей: «Поняли?» Если скажут, что поняли, дедушка просил кого-нибудь из них повторить ее сначала до конца, а что не так — поправлял, учил, как надо сказывать.

«Впервые, — говорит Ф. П., — «Солдатских сынов» слухал от

Шевцова в праздничный день на брёвнях. Солнце не зашло — начал он рассказывать, и темно стало — старик не досказал.

На другой день, рано утром, я нарочно пришёл к ему: «Дедушка, доскажи сказочку!» И дедушка досказал. Таких потешных мужиков не было во всей деревне...»

Почему же мальчика так неудержимо влекли к себе чудесные сказки дедушки Шевцова? А вот почему: по бедности родителей Филипп не мог посещать школу. Шевцов и его сказки оставались единственной интересной «книгой», которая раскрывала перед любознательным мальчиком просвет в мир: «Тянуло к сказкам. Как, что на свете было, хотелось узнать, потому и тянуло».

Семья отца Ф. П. была многочисленна. Она состояла из 13 человек.

Зимой спали мы на полу, — вспоминает сказитель. — С вечера вносили в избу тукáč соломы. Расстилали его по полу. Сверху на солому набрасывали дерюгу деревенскую, которая из пеньки выткана (мать ткала), а нет — так просто на соломе спишь, дерюгой укрывшись. Под головы подушек не было — солому подкладывали. Который замёрзнет на полу, тот лезет на печку. Ну, действительно, на соломе да под дерюгой, как поросята, друг к другу прижмётся — и тепло. Утром встаёт мать и отец. Проходу мало ходить по избе. «Эй, ребята, время вставать». Подымаешься. Ну, вот, который постарше — собирает эту солому и тащит коровам в сарай, расстилает на навоз, а к вечеру уже новый тукáč вносят. Так и шло... Проснёшься, помоешься, богу помолишься и за стол садишься. Мать достает из печки чугуи картошки, по куску хлеба режет. Картошка идёт хорошо. Чаю не полагалось; сахару не было; а если и увидишь чай и сахар, то только в лавке. Чай делали свой, с липового цвету — для больных. Ну, больному давали и кусочек сахару: «Напейся, и простудка пройдёт». После завтрака — кто куда. Взрослых отец посылает: «Ты туда бежи, а ты сюда». Малышей или на улицу гулять посылал или в избе заставлял сидеть. Отца слушались. Хороший отец был. К обеду мать с капусты али с бураков варила побольше ведра такой горшок похлебки. Ну, там заправы есть али нет в том борще — разное бывало. Вытягивает мать этот горшок с печки, наливает миски две, друг перед другом и захватывает этот борщ, другой раз и без хлеба похлебает. Весной месяца на два не хватало своего хлеба, потому что земли мало было. Тогда мать примеси делала к хлебу: отруби, картошку и третью часть муки. Было и такое время: иной раз два дня хлеба не видишь, одной картошкой живёшь. Вечером ждёшь ужина, скулишь перед матерью: «Дай, мама, хлеба!» Если есть хлеб, она по ломтю отрежет. Съедем. Кто мал — тому

довольно, кто побольше — тому мало. Кричат: «Дай, мама, еще!» Тогда покойница и сказывала: «Довольно много есть. Надо держать брюхо в голоде, голову в холоде, а ноги в теплоте, то вы тогда будете здоровы, а то видишь, вон, кто много ест, так делается брюхатым, он идёт, что паровая — храпит. А если мало будешь ёсти, то ты бегом будешь бёгти и не задышешься».

Отец Ф. П. считался в деревне мастером на все руки. Сделать коробку из лыка, полоз для санок, согнуть дугу или обод — для него не стоило большого труда. Зато сын ни разу не слышал от отца сказок («у его было такое семейство, что некогда было сидеть на завалянке да рассказывать — нужда заставляла день и ночь работать»). И только как-то раз за обедом молчаливый и угрюмый Павел Иванович рассказал семье предание о деревне Забабья и своём отце.

«Раньше нам фамилия не Господарёвы была, а Бёковы, а теперь мы Господарёвы. Это помещик деду такую дал фамилию. Мы теперь Господарёвы, так что несколько домов стало Господарёвых из одного дома. Дед у помещика Башилова был вóйтом [старостой]. Что помещик прикажет, то и делал. Скажет, что «Вот дай-ка такому-то мужику двадцать розог», он всыплет, и помещик стоит тут; если видит, что вóйт дерёт плохо розгами, то он и вóйту покажет, как надо бить. То и вóйта покладёт и посадит двух мужиков, да берёт розги сам в руки, да разá четыре вы́тягнет и говорит: «Вот как надо бить». Тут жалей, не жалей, а надо было бить. Пана нет — так вместо пятнадцати он даст пять, а при пане — сколько назначено, столько и получай, да и руки не жалей — как следует отдергивай. Так как он [дед] ослеп, и старость подошла, не мог он действовать, то помещик его с этой деревни перегнал в другую деревню, с Пиревич в Забабья, и дал ему фамилию, что ты будь Господарём. И вот мы Господарёвы и сейчас есть. А почему деревня называется Забабья? Там был Катерининский шлях, вот какая-то женщина шла и задавилась на такой-то пóжне. И вот оно сказано — Забабья, даже место есть и сейчас и называется «Бабына пóжня».

«Присмотру за нами мало было, — продолжал Ф. П. — Лазали в сад к помещику, воровали яблоки и ягоды. Сад был десятин на пять, на шесть. Сторож иной раз пугнёт — бежишь, пятки сверкают. Ходили по ягоды, по грибы».

В летнюю пору, когда старшие уходили на сенокос, Филипп пас лошадей. Покойный отец не раз сказывал сынишке: «И тот косец, кто и лошадей пасёт». Этими словами отец подчеркивал значение данной работы. И в самом деле, без присмотра пускать лошадей в стадо было дело рискованное, потому что «кругом помещичьи

пóжни. У помещика ограды никакой. Как весна подходит, приходит лесничий, вырубит деревину и поставит вежу. Уже на эту пóжню, значит, никто не имеет права пустить скот. А если пустил, то заберут, и плати, чего и трава помещика не стóит. Поэтому-то и назывался малолетний косдом. На деревне и так было: кто не мог присматривать за лошадьми, запирали их на целый день в сарай — «подалше от греха»...

«С 12 лет с отцом стал ходить на сенокос. Помню — коса у его была большая, а у нас с братаном маленькая. Учил: «Косите, не торопитесь!» Сам за руки возьмёт и стоит за плечами. Косу направлять тоже учил».

Выполнял Филипп и другие крестьянские работы: пахал на быках и лошадях, с сохой «маялся» продолжительное время, а потом перешёл к плугу с деревянным дышлом. Когда же ему исполнилось 14 лет, стал отец сына другому «ремеслу» обучать.

«Отец был спец гнуть ободья и полозья на санки. (А лес был, так что, версты полторы.) На лошади итти в помещичий лес — следы будут. Отец заберёт меня и брата, пойдём в лес. Он вырубит себе на четыре колеса (четыре колеса носил старик! Это тяжело. Попробуй, на четыре колеса принеси дуба!), а нам хоть по колесу. Принесём на шесть штук колёс сразу (отец мой был здоровый мужик, силы у его, пожалуй, что у лошади). Он в гумне, где сушат рожь, парил их. Сегодня принесли шесть штук, назавтра — шесть штук, и он их распарит. Мы загнём. Тут, смотришь, отец мужикам же своим продаёт. Продаст и говорит: «Теперь можно и подати заплатить». А легким временем он любил тоже из леса воровать, другой раз троих сыновей возьмёт в лес с собой и показывает: «Тут, видишь вот, лесная яблоня, осенью можно собрать яблоки, а здесь вот липа растёт». Дает нож каждому в руки. Придёшь — небольшой толщины стоит липа, с которой ланги плетут. Он покажет, как ее срубить, обчистить и как содрать кожу с липы. Эту кидает, серединку, куда-нибудь под вершинку, чтобы ее не видеть было. Кто побольше, тот штук тридцать наберёт лутья, из которых ланги плетут. Ну, и почти каждый себе нóшку [ношу] надерёт. А он себе липы такие толстые выбирал, их не валил: он отмеряет четвертями (восемь четвертей рукой; который без сучьев, так он меряет на шестнадцать четвертей), топором их протягнёт и снимает с ее кожу, так что он снимет штук восемь, а иной раз до десятку. Луть себе перевяжет и нам перевяжет, и пойдём. Что мы рубили — он по копейке продавал, а сам что рубил, дак он их разворачивал и сушил. И вот они у его сухие лежат. Уже как у его нехватит весной хлеба, он постоянно, так что недели за две до пасхи, занимается, шьёт коробки с липы.

И он штук по восемь, по десять пробовал плести. Тут и воскресенье. Он запрягает ночью коня и выезжает, чтобы его никто не видал, а то увидят — помещику донесут, тогда всё пропало. И едет по деревням и торгует. Которая семь гривен, восемь гривен, то люди забирали, что новая штука — пасху святить в коробке, а он бóльшей частью на хлеб менял. У мужиков денег мало было. Воз коробок продаст — воз хлеба домой привезёт. Так разá три съездит, три воза привезёт. «Ну, вот, — говорит, — и дождём своего [хлеба] скоро». Ну, свой хлеб сожнёт и говорит: «Наплевать богачу, я теперь свой хлеб молочу». Отец из лутья плёл ланги сам на всю семью, а потом стал нас учить плести. Мы уже стали плести и сёстрам и себе, а иной раз отцу некогда — и ему сплетёшь».

О зимних вечерах особенно ярко сохранились воспоминания. На дворе в окна хлещет вьюга, мороз на стеклах рисует свои причудливые узоры...

«Как наступал вечер, по деревне у нас зажигали лучники. У трубы подвешивалась на четырёх цепях или на проволоке железина, на эту железину клали лучину и зажигали: тепло и светло. Из лучников дым выходил по трубе на улицу. У нас в халупке был не лучник, а камёнка. И дым шёл в печную трубу. Устраивалась камёнка в левой стороне печи, так что свет не попадал к порогу и на печку, а на середину избы, и жару давал. Около камёнки собирались бабы и пряли, пели песни и рассказывали присказки. Сидишь, бывало, на печке, или на полу, слухаешь и заснёшь. Песни пели заунывные:

Не пылите, вётреки, моего личинька.
Моё личинько запылалось,
Я по своему милому зажурилася,
Что я своего милого не проводила.
Проведу я милого хоть до Киева,
А с Киева-города хоть до Питера,
А в Питере-городе становилися;
Воронь лошади притомилися,
Золоты седельшки запылилися.
Все наши людшки сдвигилися:
Чья это парочка разлучилася?
Это муж с женой али брат с сестрой?
Это не муж с женой и не брат с сестрой —
Добрый мблodeц с красной девушкой...»

Когда Филиппу исполнилось пятнадцать лет, отдал его отец в ученики к кулаку-кузнецу в соседнюю деревню. Больше двух лет работал парень на кулака, был на побегушках, мех раздувал, подметал кузницу... Жалованье получал грошевое, да и то всё отцу

отдавал, ограничивая себя одними лишь хозяйскими харчами. Ночью перед сном кузнецам сказки сказывал и больше все те, которые от Шевцова слышал. Получалось удачно. Смышлеиным пареньком слыл у рабочих Филипп («даром что неграмотный, а поди — что знает»). Рослый да веселый, парень приглянулся хозяйской дочке.

«Краса не одинакова у всех, — говорит Ф. П., — да молодость у всех одна и та же. По молодости лет и я ее полюбил. Стречались за ригачами, подалше от хозяйского глаза. Но недолго продолжались встречи. Приметил отец отлучки дочери из дому, выследил нас и меня прогнал со двора».

От кулака Филипп перешел в качестве молотобойца на работу к помещику Кузнецову, где проработал до 1903 г. с кратковременными отлучками в Минскую и Витебскую губернии по барским поручениям (закупка лошадей) и в город Бобруйск на сезонную работу. Женился Ф. П. рано — 21 года. В жены взял девушку из крестьянской семьи, польку по национальности.

В 1894 г. являлся к исполнению воинской повинности и по вынужденному им жребью был зачислен в ратники ополчения первого разряда.

Не попав на действительную военную службу, Ф. П. продолжает работать в кузнице помещика. Работает с увлечением, любит свое дело и всецело отдается ему («работник — прямо-таки золотые руки», — поговаривали о нем в деревне), да к тому же исправно ведет свое собственное хозяйство. Но хозяину-барину не нравится «мужик» Господарев, не нравится потому, что последний слишком смело и открыто высказывает «дерзкие», а подчас «бунтарские» мысли, направленные против помещичьего гнета и произвола. С каждым днем все больше и больше обостряются отношения между «мужиком» и баринном.

«Припоминаю такой случай, — рассказывает Ф. П. — Раз помещик загнал мою лошадь за потраву в загон и вызывает меня к себе в усадьбу. Ну, я, конечно, пришел, и меня позвали в кабинет. Вот помещик и спрашивает:

— Твоя лошадь?

— Моя, — отвечаю.

— Раз твоя — плати два рубля штрафа, иначе лошадь не отпущу. Я преспокойно вынимаю ему два рубля. Положил на стол и говорю:

— Только, барин, дайте мне две копейки сдачи.

Барин на меня эдак косо посмотрел и спрашивает:

— А зачем тебе?

А я не утерпел и выпалил:

— Как зачем! Мужику нужно табаку купить на копейку, на другую спичек, — закурить, да и вас подпалить!

Барин-то, видно, напугался, аж побледнел в лице. Отдал обратно два рубля, да еще пять рублей от себя дал, заговорил помягче:

— Что ты, Филипп, выбрось из головы эти мысли».

Но «эти мысли» не покидали Ф. П. Господарева. В 1903 г. он принимает участие в крестьянском восстании (Могилевской губ.). Крестьяне самовольно жнут рожь на барских полях, захватывают и делят между собой помещичью землю. После разгрома восстания Господарева, как «зачинщика», по его же собственным словам, в числе 9 человек организаторов и руководителей движения заключают в тюрьму, а затем ссылают пожизненно в б. Олонедскую губ. (дер. Шуя).

«Зима. Январь 1906 года. Погода холодная, — рассказывает сказочник. — Я первого января вышел с Псковской тюрьмы. Пришел в Петроград¹, тоже в январе, в казачью пересыльную тюрьму. То тут нас назначили двадцать пять человек на этап. Из Петрограда мы приехали в Шлиссельбург, ехали на дачном поезде. Сидели в Шлиссельбургской тюрьме неделю. Отсюда пошли мы пешком до Ладоги. Пошли в наручниках. На ночь расковывали. 25 человек шли. Только одна подвода была для вещей, 8 человек конвоиров.

В избах на этапах рассказывал сказки: «Солдатские сыны», «Незнайка», про своё «путешествие» до тюрьмы. Что рассказывали другие — забыл. Сквозь уши летело (не до поросят, когда саму свинью палат). В Новой Ладоге сидели две недели. Потом с Ладоги перешли в Лодейное Поле. Там еще сделали забастовку, что плохая корма была. В баню сходили, что вощи пошли. Из Лодейного Поля пошел до Олонды вместе с Михаилом Ивановичем Калинин². Рас-

¹ В своем воспоминании Ф. П. сохранил позднейшее название города. До 1914 г. Петроград именовался Санкт-Петербургом.

² П. Я. Заволокин в книге «М. И. Калинин в ссылке (1904)» (изд. Политкаторжан, 1928) дает довольно подробное описание следования по этапу М. И. Калинина с другими ссыльными. Он пишет:

«Из Олонды в Петрозаводск отправились утром 20-го апреля 1904 г. Этап, с которым мы шли, был небольшой, всего восемь человек: пятеро уголовных и нас трое. В числе уголовной пятерки — двое мещан города Повенца водворялись к себе на родину за письменность. Двое бродяг — Волкобоев и Самозванов — для установления их личности, пересылались в Архангельск. Девушка Крутикова, как имевшая две судимости за нанесение оскорбления действием чину полиции, высылалась административно в Повенец. Волкобоеву и Самозванову одели наручники» (стр. 11).

Как видно, данные рассказа Ф. П. Господарева во многом расходятся с данными, сообщаемыми Заволокиным. На наш письменный запрос относительно

прощались с ним в Шуче-деревне. Шли так: его рука и моя рука — вместе шли до Олонца. Снег в тот год был большой. Дорога была, не сказать хорошая, но и не худая. Морозливо было, дорога стояла. Впереди два солдата, а сзади шесть. Шли по два человека. В дороге Михаил Иванович дал мне рубашку тёплую, а я ему дал сапоги холодные. Он мне приплатил сколько-то. Сапоги я получил в тюрьме (были свои сапоги, но я их не показал, когда шёл на этап).

В Олонце три человека осталось: освободили (тоже ссыльные были). С Олонца — до Петрозаводска. И вот я помню, как сейчас: 22 февраля освобоёлся из тюрьмы, и послали меня в Шучу — 17 вёрст. В городе не давали жить, а Михаил Иванович Калинин пошёл на Повенец. Тут я ещё приходил к им в Шучу, они ночевали тут, — у Федоткова была этапка (изба с решоткой) — пели песни в избе:

По воле летает
Орёл молодой,
Летавши, летавши,
Добычу искал.
Не нашёл добычи —
Сам в клетку попал.
Клюёт и бросает
Добычу свою.
К ему товарищ
Его прилетел:
«Товарищ, товарищ,
Давай улетим,
Где солнце не светит,
Луна никогда!..»

В дер. Шуче Господарев находится под надзором полиции до конца 1906 г.; в начале 1907 г. ему разрешают вместе с семьёй (жена и двое детей), прибывшей из Могилевской губернии, переселиться в г. Петрозаводск. В городе семья Господаревых живет впроголодь на случайные заработки отца.

фактов, сообщаемых Ф. П., от заведующего секретариатом Председателя Президиума Верховного Совета СССР получен следующий ответ: «Ваше письмо доложили Председателю Президиума Верховного Совета СССР. К сожалению, он ничего не может сказать по существу интересующих вас вопросов, потому что не помнит таких подробностей».

Можно предполагать, что рассказ Ф. П. о встрече с М. И. Калининым носит легендарный характер. Вероятно, знакомство нашего сказочника с одним из ссыльных, следовавших по этапу, впоследствии было воспринято Господаревым, как встреча с М. И. Калининым. Конечно, сам Ф. П. и мысли не допускал, что это могло так случиться. Летом 1938 г., мечтая о поездке в Москву, он говорил своей жене: «Буду в столице — непременно побываю у Михаила Ивановича — признает али нет, как шли с ним по этапу».

«Раз сижу дома, — вспоминает сказитель, — в кармане ни грёша и заработать негде. Приходит человек от заводского мастера Лебедева и спрашивает:

— Ты будешь Господарёв Филипп?

— Я.

— Мастер Лебедев тебя на дом требует.

Пришёл к Лебедеву на дом. Тот расспросил меня, что, откуда, чем занимаюсь, и сказал:

— Я слышал от людей, что ты плотничать можешь.

— Могу.

— Ну, так возмись сделать мне крыльцо.

Взялся делать. Делал недели две. На совесть сделал. Лебедеву понравилось. Стал он со мной расплачиваться, да и говорит: «Хочешь, на постоянную работу устрою?» — Я с большой радостью согласился. — «Завтра приходи к проходной».

На следующее утро ни свет, ни заря у проходной завода торчу. Жду. Идёт Лебедев. Узнал меня и рукой махнул: дескать, иди за мной. Я в проходную — за им следом. Вот так мастер Лебедев и всади́л меня в завод»¹.

Вскоре от туберкулеза легких умирает жена, оставив на руках Ф. П. двух детей. Почти одновременно с ней умирает дочь.

С 1907 по 1917 г. Ф. П. работает на Александровском (ныне Онегзаводе), вначале в качестве подсобного рабочего, землекопа, затем — штамповщика и сварщика.

Александровский завод в то время числился государственным военным заводом. На нем отливались снаряды. Работа тяжелая, оплата низкая. На заводе использовался труд женщин и подростков. Работница Чехонина Евдокия Ивановна вспоминает:

«Отдала меня matka в завод, когда мне едва 12 лет исполнилось. Приходилось тачки с личиками возить. Возила, что и взрослые. Потом корни катала к печи. Зарабатывала по 12 копеек в день».

Старший рабочий-кадровик — Николай Иванович Одинцов рассказывает:

«Трудно жилось и работалось. Придешь домой с работы — двери полы, ребята — голы».

Марфа Ивановна Господарева — третья жена Ф. П. (вторая, Анастасия Федоровна Данилова, скончалась в 1915 г.) — вспоминает:

«По 11 часов, бывало, работал мой покойничек в штамповочном

¹ В сборн. «Песни и сказки на Онежском заводе», стр. 133, при изложении своей биографии, Ф. П. допустил ошибку: начало работы его на заводе, как впоследствии он мне сообщил, следует считать не 1905, а 1907 г.

цеке. Болванки по два пуда бросал в печь, а из печи раскалёнными клещами вытаскивал. Где тяжёлая работа, он там и мичкал. Бывало, придёт с работы домой, я накрою на стол: думаю что он обедать хочет, а он с жару подходит к бочке холодной воды и ну воду пить. Я у него и спрашиваю:

— Верно, вас там на заводе обедом-то сытно кормят, что водушка пьётся?

А он заругается, да и скажет:

— Сходи-ка, умница, туда да пообедай.

— А чего ж ты пьёшь?

— А то пью, что у печки жара невыносимая. Покидала б в такой жаре железные болванки, тогда б не говорила так.

Работал муженёк до пота, поверите или нет, а у него от работы холстяная рубашка солью покрывалась, соль сквозь одежду проходила».

Среди стариков-рабочих Господарева знают многие. Знают его и как хорошего сказочника и как силача (рассказывают, что в предреволюционные годы Ф. П. выступил публично померяться силой с борцом-профессионалом, приехавшим в Петрозаводск на гастроли, и поборол его). Физическую силу сказителя один из его товарищей так охарактеризовал: «У него — нечего сказать — силёнка есть: негретое [железо] гнёт».

Вся история Онежского завода последних лет прошла на глазах Ф. П.: революционные выступления рабочих, митинги на «Кургане», заканчивавшиеся пением революционных песен, вывоз с завода на тачках ненавистных рабочим мастеров. Так было, например, с мастером прессового цеха Антоном Житковым.

«Житкова-мастера, — говорит Ф. П., — при мне с завода на тачке выкатили. Вот где потеха была! Надоел он всем. Придирчив был. Как что — штраф. Ну, его и выкатили».

Сказки свои Господарев рассказывал на заводе в перерыве работы, «за закуркой».

«Соберутся мужиков пять-семь около меня, ну и зачнёшь им что-нибудь посмешнее, да посолонее: о попах да барах много говорил. Рассказывать приходилось с оглядкой. Неровен час — начальство подслушает или кто по начальству донесёт — с работы вытурят. Где хлеба тогда для семьи искать? А с голодным брюхом недолго проходишь. В то время у себя дома сказывал — куда повольней было!»

В 1917 г., в связи с пожаром на заводе, приостановилась работа в ряде цехов. Часть рабочих была сокращена, в том числе и Ф. П. Господарев. В Петрозаводске, на берегу р. Неглинка, он приобретает небольшую кузницу и до 1922 г. занимается кустарной работой,

выполняя главным образом государственные заказы:ковка лошадей для отрядов Красной Армии, заказы для Н-ского военного строительства и т. д.

С 1922 г. в продолжение двенадцати лет Ф. П. работает возчиком и кузнецом в артели «Красный транспорт». В 1934 г. получает на производстве увечье (на грудь ему наступила лошадь) и зачисляется на пенсию по третьей группе инвалидов. Оправившись от раны, поступает сторожем на слюдяную фабрику им. 8-го марта (г. Петрозаводск) и затем на временную работу в местный совхоз № 1 им. Первого мая, где и работает до 1938 г.

Мое знакомство с Ф. П. Господаревым состоялось в феврале 1937 г. Бригада фольклористов (в которой участвовал и я) по заданию Карельского научно-исследовательского института культуры проводила работу по сбору фольклора в Петрозаводске. В семье одного из рабочих Онежского завода мне посчастливилось встретиться с сыном Ф. П. — Константином¹, который заявил:

«Папаша у меня до сказок охотник. Вечером можно зайти к нам. Он по вечерам больше дома сидит, всегда застанете».

Заинтересовавшись сказочником, я в тот же вечер явился в дом Господарева. Семья пила чай. В комнате находилось несколько человек соседей. Хозяева встретили меня гостеприимно, предложив «отведать чайку». Разговор быстро принял дружеский тон. На мой вопрос: «Много ли сказок вы знаете?» Ф. П. ответил: «Знаю столько, что в мешке не унесёшь. А если по три сказки в вечер записывать, так месяц сидеть, а то и больше...»

После чая, Ф. П., не спеша, вынул из кармана свой кожаный кисет, набил трубку табаком, закурил (в дальнейшем он так делал всегда перед сказыванием) и ровным, спокойным голосом начал излагать сказку «Солдатские сыны». Я приступил к записи. Далеко за полночь длилось повествование о чудесных приключениях Ивана и Романа. Жена и сын не спали — слушали; слушали и соседи. Это было 2 февраля 1937 г. Следующий вечер, а за ним ещё вечер мы просидели за «Солдатскими сынами».

Зимой 1937 г. мною были записаны от Ф. П. «Солдатские сыны», «Иван-кузнецкий сын», «Незнайка», «Про купеческого сына», «Сова и сыч», «Лиса, волк и журавль», «Портной и кузнец». За июль 1937 г. (30 дней) записал 31 сказку, а в 1938 г. (в общей сложности

¹ Константин — сын Ф. П. и Марфы Ивановны. Первый сын Ф. П. в 1917 г. ушел на фронт гражданской войны. Сражался на стороне красных. Пропадал без вести.

около четырех месяцев) — 64; всего от Ф. П. Господарева мною записано 106 сказки; в том числе ряд народных анекдотов¹.

Зимним временем запись сказок обычно проходила в доме Господаревых в отдельной комнате («чтоб никто не мешал»), летом — в небольшом садике у дома, в 1938 г. — главным образом в стенах Карельского научно-исследовательского института. Благоприятные внешние условия, в которых проходила запись, позволяли все сказки, представленные в данном сборнике, записать дословно.

В марте 1938 г. Ф. П. побывал в Ленинграде, где с успехом выступил со сказкой «Солдатские сыны» и другими сказками на Филологическом факультете Ленинградского государственного университета. Вместе с ним я побывал в театре, кино, посетил ряд достопримечательных мест города. Большое впечатление на сказителя оказал Зимний дворец. После осмотра дворца Ф. П. сказал:

«Пожили на наши трудовые копейки. Ишь сколько мраморных лестниц понастроили. Нас картошкой кормили впроголодь, а сами в каких палатах жили, да на пуховых подушках катались. А мужики-дураки несли пятаки, а сами на соломе спали».

10 марта 1938 г. на Октябрьском вокзале в Ленинграде я проводил его на поезд и в последний раз простился. Это было поистине прощальное пожатие рук.

9 июля 1938 г. Филипп Павлович Господарев умер от разрыва сердца, направляясь на работу. Похоронен на Заречном кладбище г. Петрозаводска.

II

«Как не горе? Мужик кругом горе! Государь налоги требует, а помещики тоже. Надо свой сработать, помещику пригон отслужить. Себе три дня и помещику три дня. Вот тут и горе, что мужику и отдохнуть некогда».

(«Государский сын»):

Ф. П. Господарев покинул Белоруссию накануне революции 1905 г., в разгар стихийных крестьянских волнений, охвативших даже самые отдаленные медвежьи уголки «захудалой аграрной провинции» Российской империи.

¹ Кроме сказок и анекдотов, Ф. П. знал много старинных народных песен, главным образом белорусских. К сожалению, записать их не удалось.

В. И. Ленин о настроениях крестьянства в эти годы писал: «...века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь и помещиков и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции...»¹

Крепостное право и пореформенное время, в особенности, мучительно тяжело отразились на белорусском крестьянстве, национально и социально угнетаемом царским правительством, польскими панам и русскими помещиками. На многовековой крепостнической эксплуатации деревни паразитические классы создавали свое богатство и благополучие. «Живя не в Польше, мы чувствуем себя как бы в Польше, даже лучше, чем в настоящей Польше».² Так писало панство, проживающее на территории Белоруссии, в адрес царского правительства.

Участь же крестьянства была далеко не завидной. В своих записках декабрист Н. И. Тургенев отмечает, что в белорусских провинциях «крестьяне так несчастны, что вызывали сострадание даже русских крепостных»³.

Реформа 1861 г., проведенная в интересах земельных магнатов, еще больше усилила и без того уж бедственное положение белорусского крестьянина. Огромная часть крестьянства после «освобождения» получила голодные наделы. Лучшие земли отошли к помещикам, худшие (леса, заросли, болота и т. п.) помещики продавали крестьянам.

В книге «Опыт описания Могилевской губернии» (1882 г.) А. С. Дембовецкий приводит следующий факт: «Крестьяне эти (речь идет о крестьянах с. Гадячева, Марковичской волости, Гомельского уезда — И. И.) в числе 379 душ получили по выкупному договору землю до такой степени песчаную, что после расчистки зарослей две смены полей были занесены сыпучим песком и сделались неудобными к обработке». Это было причиной неуплаты выкупных платежей помещику, что «возбудило в крестьянах решительное стремление оставить вовсе свои земли и переселиться на Кавказ» («Вместо пре-

¹ Ленин. Собр. соч., т. XII, стр. 333.

² Цитирую по книге: В. Игнатовский. Белоруссия. Территория, население, экономика и важнейшие моменты истории. Минск, 1925, стр. 38.

³ Там же, стр. 38.

дисловия», стр. 15). Газета «Вперед!», рассказывая о тяжелой жизни крестьянина белоруса в пореформенный период, между прочим, пишет: «Особенно чувствительны для крестьян поборы за так называемые «обрезы», т. е. клочки земли, оставшиеся за межою их владений: невозможно уберечься, чтобы скот не переходил за межу — а за это сейчас огромный штраф; для избавления от постоянных штрафов и тяжб, крестьяне снимают у помещиков эти обрезы, и за незначительные клочки отрабатывают по несколько дней с каждого двора. Некоторые помещики большую часть работ исполняют таким образом. Зная ценность таких «обрезков» помещики умели создавать их искусственно». ¹

Безземелье и малоземелье, крепостные пережитки, просуществовавшие вплоть до Великой Октябрьской революции (отработка, кабальная аренда и т. д.), непосильные государственные налоги, грабежи населения местными властями, недоимка, скудные урожаи, повышение цен на зерно, большие сборы в пользу церкви и т. д. накапливали «горы ненависти» у крестьян и толкали их на борьбу с самодержавием. Неудивительно, что Белоруссия XIX и начала XX вв. является ареной жестоких классовых боев. За четыре года (1900—1904 гг.) здесь произошло более тридцати революционных крестьянских выступлений. Крестьяне вырубали помещичьи леса, поджигали имения, убивали ненавистных помещиков, захватывали барский скот, хлеб и т. д.

История Белоруссии этих лет нашла свое яркое отражение в устной народной поэзии и, в частности, в сказках, которые наряду с элементами жизни, быта, мировоззрения народов отдаленных веков впитали в себя живую социальную действительность и выразили основное противоречие феодальной эпохи: противоречие между мужиком и баринном.

В многочисленных сказках народ навеки запечатлел реальный облик своего кровного врага — барина (пана): «И чаго только пані не вычварали, як енй не мучыли людзей, як не здэкуваліся над імі» (Сержпутовский, 70). «Жив дзед из бабой, и дужо яны были бедны: были у их одны жорны, и тэя пан узыв!» (Романов, III, 5; вариант № 1 сказки «Жоровцы»).

В сказке «Мужик и пан» (Сержпутовский, 47) сказочник Редкий (прозвище), обладавший, по словам собирателя, «недюжинным художественным талантом» повествует: «Быў сабэ адзін пан да такі пагань, злосны, што прэсто бедá. Нихтó не мог ему ўгадзіць. Усё егó байліся, бы чórта. Бывáло як прýдзе к ему хто чагó

ко́львек прасіць, а ён раптóўне й крыкне: «што скажэш?» — Той кáа: «ўсё добрае, панóчку,» — а сам дрыжыць, бы асіна. А па добрум што?» — закрычыць пан. — На коніюшню егó галгана». Он так не даць и слова прамóвиць. Інáчэй ён и не умеў з людзьмі гаварыць. И байліся ж людзі гаварыць таму пану, што нибўць кэпськае, не пад гўмар: засечэ, ўсю шкўру зніме, калі хто не патра́підь сказаць ему так, як ён хочэ, а скажэ не па шэ́рсеці».

Сказка «Як мужик искаў кумоў справядливых» (Добровольский, 316) обрушивается на бар, духовенство и религию. На просьбу встречного попа взять его в кумовья мужик заявляет: «Нет, ни вазму: ни справядлива бяреш: с живого и мертвого лупиш». Под предлогом «нисправядлива бьеш, народ сикеш» мужик отказывает и барину и, наконец, святому: «Нет, ни вазму [отвечает мужик святому]: нисправядліў: у каво дитей многа, таму большій даеш; у каво денег многа таму большій даеш: а у мяне дитей нету, так и ни даеш».

Отношение трудящихся Белоруссии к религии и служителям церковного культа можно проследить даже по заглавиям огромного количества сказок: «Як поп с дьяканым дянгу наживали: дьякан чужея вещи хува, а поп отгадывал», «Як мужик с салдатом папоў губили», «Як поп казлом зделаўся», «Как поп тляўся»¹, «Хітры поп» «Хітрыкі ксяндза», «Завідны поп» и мн. др.²

Но сказка не ограничивается дачей отрицательных характеристик барину-пану или попу (ксендзу). Обычно она противопоставляет им изворотливого, умного деревенского мужичка, ловко проводящего и барина и попа, ставившего их в смешное и унижительное положение, издававшегося над ними.

От легких подшучиваний и насмешек над врагом сказочники иногда поднимаются в своем мировоззрении до классового осознания роли барства и духовенства, создают героев, всем нутром ненавидящих эксплуататоров, открыто борющихся с крепостным порядком. Для примера приведем одну из замечательных сказок уже знакомого нам старика Редкого. Сказка называется «Асилак» (Сержпутовский, 48). Долго дед и баба не имели детей. Наконец баба от чудесного зачатия (испеченного колобочка) родила такого хлопчика, «што ўсе й надзівітца не мóгуць». Стали звать его Асилком. Вырос Асилак, сил набрался, стал бороться против панов («хто хочэ быць панам над другімі людзьмі, той мой вóрог»). Недолго Асилку пришлось ходить по деревням, людей поучать, как нужно против панов бороться; словили его паны и начали придумывать кару Асилку. Один говорит:

¹ «Вперед!», № 38, 1876 (корреспондент «Из Белоруссии»)

¹ Добровольский. Смоленский этнографический сборник. Ч. I. 1891.

² См. «Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі», Менск, 1939.

«Шкуру с живого содрать», другие: «Гвозди в тело вогнать», третьи «Повесить за язык», четвертые: «Язык отрезать да ноги перебить». Спорят паны, а Асилак встрепетнулся, веревки порвал, призвал мужиков «ат варагбў баранітца гурббю» и, превратясь в колобок, ушел от мученической казни.

Проф. Н. Ф. Сумцов в одной из своих работ писал: «Белорусса в нравственном отношении выдвигает не обилие мифических сказок на шаблонные мотивы о борьбе со змеями и т. п., а обилие мягких и гуманных легенд, в которых социально-экономические вопросы разрешаются в духе христианской любви и кротости»¹. Стоит только обратиться к главнейшим сборникам белорусских сказок, чтобы наглядно убедиться в ошибочности, больше того, реакционности такого утверждения.

Творчество белорусского народа наполнено революционным пафосом борьбы с крепостным порядком, эксплуататорами и религией; не потусторонний мир привлекает народных героев сказок, не там они обретают для себя рай; счастья и благополучия они с упорством добиваются на земле. Эту традицию белорусской сказки продолжил и углубил в своем творчестве Ф. П. Господарев.

Сказки Ф. П. — это отзыв боевых настроений, чаяний и надежд белорусского крестьянства перед революцией 1905 г. Вместе со своим народом сказочник негодует на класс тунеядцев: царей, помещиков и духовенство. Он мучительно ищет пути и героев освобождения. Правда, сам Ф. П. социальные вопросы хотя подчас и разрешает с позиций патриархального крестьянства (см., например, развязку сказки «Солдатские сыны»), все же в его сказках чувствуется полная осознанность паразитизма эксплуататоров, чего иногда не доставало многим сказочникам прошлого. Так, в сказке «Государский сын» крестьянин с чувством собственного достоинства заявляет: «если б я эту работу не работал, то мы б все с голоду сдохли, не носил бы ты [т. е. государский сын] такого пиджака на себе». И в скобках сказитель добавляет: «Мужик, видно, был умный человек». Герои сказки «Княгиня» — Гронин и Воронин заявляют помещику: «Мы делаем так: бедных не обиждаем, а с вас, толстобрюхих, так мы последние рубашки берем; у вас не трудом и нажито, то вы делаете над мужиком, что вам захочется, так и командуете; а с нами немного ты пошীкаешь, мы скоро распорядимся с вами».

В сказке «Про глупого Омеля» боярин, узнав о самовольной порубке леса, ставит стражу («кто такой рубит в его лесу без спросу»).

¹ Отчет о пятом присуждении премий митрополита Макария, СПб., 1895, («Обзор этнографических трудов Е. Р. Романова»), стр. 169.

Боярская стража стремится задержать злого порубщика Омеля. Тогда Омеля приказывает дубинке: «Ну-ка, дубинка, походи-ка у их по спинке, чтобы они знали, когда глупого Омеля задержали!» Дубинка и стала ходить по плечам. Те и приезжают и докладывают своему государю, что он нас бил и сам укатил.» Интересно, что волшебную дубинку Омеля, народный герой, опускает на спины собственных и их защитников. И когда боярин, призвав Омеля к себе, спросил: «Как ты смел без спросу ехать в мой лес?» — Омеля остроумно ответил боярину: «А вы что ж, лес рбстили? У вас много, а у нас совсем нет. Лес рос по природе, и каждому можно рубить, а то у одного много, а у другого совсем нет».

Негодование и насмешку по адресу эксплуататоров выражают не только герои сказок, но и сам сказочник. Так, например, в сказке «Об золотом кольце» Ф. П. вносит мотив издевки над барством: «Это, бывало, по привычке и барин ездил на бричке. А теперь тот же самый барин ходит пешком, да и посматривает бочком, чтоб не дёрнул бы в шею обушком, потому он знает, как мужиков драг, да с их пользу брал».

Вообще нужно отметить, что антикрепостническая тенденция является ведущей тенденцией для большого количества сказок Господарева. «Княгиня», «Барин-драчун», «Солдатские сыны», «Девочка-семилетка», «Солдат Данила», «Про золотое яичко» и многие другие произведения (в особенности из группы сказок-новелл) тематически объединяются в обширный цикл антипомещичьих сказок. Герои в них не только глумятся и издеваются над глупыми, трусливыми барями, но, негодуя, решительно и смело вступают в открытую непримиримую борьбу с ними. Недаром один из рабочих Онежского завода писал: «Сказки Господарева мне нравятся тем, что в них все время отражается борьба трудового населения со своими угнетателями».

В сказках «Кузнец и поп», «Поп и работник», «Цыган на исповеди», «Про цыгана и про попа», «Музыкант», «Поп, мужик и коза», «Беззаботный монастырь» и др. Ф. П. дает злую сатиру на глупых, жадных и трусливых попов, на церковные обряды, разоблачает лицемерие и тунеядство духовенства. Антиклерикальную направленность сказок Господарева во многом определило мировоззрение самого сказителя: к церкви и духовенству он относился враждебно. «Попов Филипп Павлович недолюбливал и считал их вредными, — вспоминает Марфа Ивановна Господарева. — Как завидит, что попы идут по домам, так велит или дверь запереть или сам уйдёт из дому. В церковь не ходил. Не раз в шутку покойничек говорил: «Вот умру, так вы меня с музыкой хороните».

Умонастроенность Ф. П. в сильной степени сказалась на героях

его сказок. Так, герой волшебной сказки «Солдат Данила» строит чудесным образом «дом пятиэтажный с обстановкой» и церковь. Характерно, что дом он строит лично для себя, а церковь «для потехи государю».

Мужик в сказке «Про бедного мужика» идет крестить ребенка отнюдь не по личным убеждениям, а потому, что «некрещёного оставить нехорошо: то могут сказать, что я уж в какую-нибудь другую веру переступаю». Церемония с крещением ребенка (там же) по существу является пародией на церковный обряд: «И берёт [поп] младенца и сáдит его в холодную воду (тёплой воды не успели приготовить). Кувыркнул его там три разá и подаёт куме». Кума-смерть разоблачает жадность и скaredность попа, который отказывался в обедню крестить ребенка: «А ты думаешь — крестом помахавешь, больше денег достанешь, а с ребёнка мало пользы?» Устами мужика-бедняка сказитель разоблачает практику священника, который берет «пятьдесят копеек перекрестить, двадцать копеек берёт за крестик, ну и платы берёт, — с богатого берёт дорогой платок, а с бедного хоть ситцевый; всё равно — что не дай, то берёт».

Герой сказки «Мужик и поп» не только перехитрил попа, но и расправился с ним. Когда поп полез «к мужику драться», мужик с гневом заявляет: «Ты всё равно, как проклятый змей, людей ел, да ты хочешь так мужика съести! Нет, не съести мужика!»

В сказке «Правда о святом Феодосии» свое благополучие поп и кулак стремятся построить на обмане мужиков. По совету кулака, поп забрасывает икону в чистое поле к ручью и объявляет чудо: «Икона сама ушла из церкви». Темные мужики верят в это и соглашаются выстроить у ручья часовенку. К новоявленной чудотворной иконе стекается масса народа. Кулак около часовенки строит трактир. «Мужик приедет помолиться, жертву даст иконе, а поп всё забирает себе, а из церкви зайдёт в трактир к кулаку, и кулак всё подороже берёт. Они пожили несколько лет. Поп разжился, и кулак разжился». В конце сказки поп и кулак сами разоблачают свои проделки перед приезжим мужиком. Мужик узнает, кого икона «поправила» («Тебя и попа она поправила», — заявляет он кулаку), и «пропечатал в газетах правду о святом Феодосии». Сказочник не верит в чудодейственную целительную силу иконы. Но как же получалось, что иногда приезжие мужики излечивали свои болезни? А вот как: «Кто чем заболел, едет, может быть, за тысячу вёрст [к иконе]. Пока едет, ему легче станет — не работает. Водушку [из ручья] эту попьёт, болезнь как бы и спадёт».

«Поп и работник» — одна из лучших юмористических сказок Господарева. В ней рассказывается, как хитрые работники воруют

у попа сметану и делают так, что всю вину сваливают на икону св. Пантелеймона. Один из работников прячет ее в болото («батюшке доход не будет»). Но батюшка, чтобы не потерять доход в престольный праздник, на место исчезнувшего «святого» ставит живого мужичка. Во время богослужения мнимый Пантелеймон убегает из церкви и попадает в болото. Прихожане, следуя за ним, случайно находят подлинный образ («Видят во мху закопанный, только ноги торчат»), принимают совершившееся за чудо и с почестями водворяют «убежавшую икону» на ее прежнее место. Поп остается с доходом.

Две последние сказки говорят не только об антиклерикальной настроенности сказочника, они свидетельствуют также об антирелигиозности его, ибо в этой сказке Ф. П. выступает безбожником, разоблачающим «чудеса» религии. Безбожие автора просачивается даже в сказки-легенды. В уста солдата («Солдат на том свете») сказочник, например, вкладывает такую реплику: «Какой же ты бог, когда ты сам не знаешь, что я делал!»

О Ф. П. Господареве можно говорить, как об атеисте-художнике. Еще в ранней юности он перестал ходить в церковь и не верил в бога. Большую роль в деле привития атеистических взглядов оказало неоднократное посещение им дер. Кошелево (Белоруссия). «Я был там, — рассказывает Ф. П., — где богов делают, в мастерской в Кошелеве, деревне. Там богомазы работают, малюют иконы и бросают, складывают богов, как дрова бросают. И говорят: «Это не бог. Это обман людей». Но антирелигиозное мировоззрение сказителя окончательно сложилось и окрепло под влиянием рабочей среды и идеологии революционного времени.

В плане социальном происходит в основном и переосмысление Господаревым целого ряда сказочных образов. Этот художественный метод позволяет Ф. П. одновременно сохранить сказочную традиционную схему и обогатить сказку новым жизненным материалом, наполнив ее более реальным содержанием. Сказка «Два мужика», как и варианты к ней (Ан. 875 и дополнительно см. примечания к нашему сборнику), изложена Господаревым в рамках традиционной схемы: правый (бедный) и неправый (богатый) спорят между собой (из-за наследства, коня и т. д.) и, не разрешив спора, идут к барину (царю) на суд. Барин дает им задачи. За правого остроумно разрешает его дочь-семилетка. Барин (царь) узнает об этом и дает ей задачи дополнительно. Семилетка успешно с ними справляется, и правый награждается.

Центральным образом сказки выступает смышленная крестьянская девушка. Действия ее в наиболее близких к нашей сказке вариантах ограничиваются также, как у Господарева, остроумными ответами

(Красноженова, 25, 27; Смирнов, 47; Афанасьев, 188; Романов, III, 390, 392), и несмотря на это, идеологическая направленность ее образа далеко не одинакова. Кроме ума (хитрости) девочка в сказке Господарева наделена еще настойчивостью, смелостью, ненавистью к помещику. Последняя черта в ее характере очень рельефно проявляется в заключительной сцене, когда семилетка является к барину «ни пешком, ни на лошади» (ни шла, ни ехала). На запугивание барина: «Я пошлю тебе собак — сейчас тебя разорвут», семилетка спокойно заявляет: «Собаки, барин, не разорвут, а гляди, чтоб ты сам не разорвался (она уже смело поступает, — замечает сказитель); через полгода, барин, разорвешься, и помину твоего не будет, что ты был барин и людей судил и богатство разделял. А, может, и твоё разделят». Характер девушки-семилетки во всех нам известных вариантах наделен мягкостью, уступчивостью, сговорчивостью. Женитьба барина (царя) на умной девушке-крестьянке — обычное явление подобных сказок. Семилетка же у Господарева выступает бунтарем, сильной, повелевающей натурой, которую при таком складе ее мыслей, конечно, никак невозможно примирить с глупым и к тому же трусливым баринком.

Обратимся к другой сказке — «Солдатские сыны». Традиционная схема ее такова: рождаются два брата-близнецы (в некоторых сказках рождаются они чудесным образом: от выпитой воды, от съеденной рыбы и пр.). Один из братьев побеждает Змея и освобождает царевну. Баба-Яга (ведьма) превращает его в камень; другой брат спасает его от чар. Разработку сказки с подобным сюжетом мы имеем у ряда сказителей (см. Ан. 303). Господарев также строго сохранил сюжетную рамку. И все же какая большая разница получилась между нашей сказкой и ее вариантами! Введение в сказку одного лишь персонажа — помещика — изменило ее до неузнаваемости: оно определило антипомещичью направленность всей сказки и усилило агитационную значимость произведения. Недаром К. К. Шевцов, рассказывавший сказку «Солдатские сыны», снабжал ее следующими примечаниями: «Придет, мужики, время, не будет помещиков. Вот теперь нас освободили от пригону, а потом освободимся от помещиков», или: «Помещики очень обиждали людей. Я не дожду, а, может, из вас кто дождет, что помещиков не будет совсем».

Центральные образы — братья Иван и Роман, — как и девочка-семилетка из сказки «Два мужика», наделены, помимо всех прочих качеств (храбрость, щедрость и т. д.), классовой непримиримой ненавистью к помещику, «толстобрюхому чорту». Братья выступают героями трудового народа. К народу они питают особо горячую симпатию и любовь. С презрением и негодованием они относятся

к барину — притеснителю крестьянства. Под угрозой насилия заставляют помещика выполнить ряд трудных задач: «В ночь выковать булôвы по двадцать пять пудов», приютить их мать в имении, с условием, «чтоб... матери давал мяса, мягкого хлеба (чтоб чорствого не ела мать) и прислугу матери», выстроить для бедняка дом новый, «чтоб было три комнаты, четвертая кухня, и двор, и дал ему корову и лошадь, и чтоб он ему не служил (не работал у помещика), и что он будет жить, что как и ты, дворянин. Надо в лес ехать, чтоб его не забирали» и дальше: «Смотри ж, толстобрюхий чорт, что я сказал тебе, чтоб было сделано этому мужику, а не будет через год сделано, то тогда у живого глôзы выколю!»

Через посредство героев сказки — Ивана и Романа — угнетенные массы трудового крестьянства выразили свою глубочайшую ненависть к помещикам. Как активное идеологическое орудие, сказка «Солдатские сыны», несомненно, сыграла большую роль в деле воспитания масс в духе ненависти и борьбы с угнетателями.

Усиление демократизации волшебных сказок, их эволюция шли и идут не столько по линии сознательной или механической замены героев-царей и их приближенных героями из «низов», хотя и это имеет место, сколько по линии их качественного изменения. Многие волшебные сказки мира, в том числе и русские, являются продуктом глубочайшей древности, бесклассового первобытного общества. В этом обществе на основе трудовой деятельности человека, направленной на борьбу с природой, возникает, развивается и совершенствуется народное искусство.

С разложением родового строя, с возникновением частной собственности на средства производства с «изобретением государства» (Ф. Энгельс), с появлением узурпаторов власти и отделением этой власти от трудящихся, можно предполагать, что героические черты подлинных своих вождей-избранников народ перенес на представителей аристократической знати: князей, царей, королей, принцев и т. д. Одна из основных причин столь явной их идеализации та, что массы в продолжение многих веков не понимали классовой сущности этой власти; причина, которая давала «тогдашним «правителям» оставаться у власти на более или менее продолжительный срок», — это «темнота, некультурность, покорность и политическая забитость масс»¹. Немалую роль в деле укрепления авторитета царя

¹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г., Партиздат, М., 1933, стр. 7.

в народе сыграло духовенство. Духовенство отравляло сознание масс проповедью подчинения и смирения, проповедью того, что «царь — помазанник божий на земле» и т. п. В официальной правительственной литературе образ царя также рисовался в самых привлекательных тонах, обильно наделялся чертами добродетели. Трудовые массы крестьянства, хорошо понимая паразитизм барства и духовенства, долго не могли разглядеть, что «царь-батюшка» — выразитель и защитник классовых интересов собственников.

Иосиф Виссарионович Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом заявил: «...говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь, таков был их лозунг»¹. Наивная вера в царя настолько была укреплена в сознании масс, что захватила даже многих рабочих, которые в памятный день 9 января 1905 г. организовали шествие к царю, надеясь, что царь выслушает их жалобы и примет меры к улучшению их материального и правового положения. Нужен был исторический опыт масс, нужна была огромная работа партии большевиков для того чтобы развенчать образ царя и окончательно убить его авторитет в массах. Под воздействием роста революционного самосознания масс изменяется отношение народа к царю, и в связи с этим устраняется вовсе или переосмысливается образ его в фольклоре. Сказочница Анна Антоновна Слепая в зачине сказки (послереволюционная запись) «Чаревна-золотые косы» (Карнаухова, 2), обращаясь к записывающей, заявила: «Ну это, милая ты моя, опять про чаря. Как хошь! Хошь пиши, а нет — не надо. Теперь чари не в почёт пошли, а только так я в старину слыхала. Хошь? Ну, ладно.»

Известный сказочник Чупров Алексей Васильевич еще в начале XX в. открыто давал отрицательные характеристики царям. Излагая сказку «Царь-чернокнижник» (Ончуков, 2), сказочник заявил: «Этому царю што дурно, то и потешно». Еще показательнее характеристика царю дана им в сказке «Царь и Черепан» (Ончуков, 7). В ответе Черепана царю мы видим осознание самим сказителем роли царя как выразителя классовых интересов эксплуататоров. Сравнение дикости лошади с дикостью государя — очень примечательно: «Ах ты, кобыла! Дика, как государь». И когда государь спрашивает черепана: «Что, черепан, разве государь у нас дик?» — Черепан отвечает: «А как государь не дик: у бояр полны погреба денег лежат, да всё их жалует, а у нужного, у бедного с зубов кожу дерёт, да всё подати берёт».

В старой сказке отрицательная характеристика царей не единична.

¹ И. Сталин, там же, стр. 9.

Но часто изображение острых социальных конфликтов беспощадно истреблялось правительственной цензурой, а иногда устранялось самими собирателями и составителями сборников сказок. Причиной этого зачастую являлось и то, что сами сказочники, опасались, и не без основания, преследования властей. В предисловии к «Белорусскому сборнику»¹ Романов оставил нам ценное свидетельство. Он писал: «Были случаи, что казанники стеснялись (вернее опасались — Н. Н.) говорить сказки, в которых действующими лицами являлись цари. Причиной этому, как я узнал, было то, что где-то урядник составил из-за такой сказки полицейский акт, хотя не причинивший казаннику ничего неприятного, но тем не менее заставивший всех рассказчиков быть настороже. Равным образом приходилось замечать большую осторожность и в сообщении обрядов. Оказалось, что и они не избегли надзора со стороны урядников, частью по собственной инициативе сих последних, частью по настояниям других».

Но идеализация образа царя в волшебных сказках не исчерпывается только вышеуказанными причинами. Она коренится также в стилевых приемах художников слова, в специфике данного вида сказок, в которых на первый план выдвигается фантастика. А раз так, — в сказках наблюдаются волшебные, невероятные, далекие от мира, в котором живет сам сказочник, явления — чудесные предметы, чудесные задачи, чудесные помощники, наконец, чудесные герои из иной, зачастую плохо знакомой сказочнику или вовсе незнакомой среды; как-то: цари, царевичи и т. д. В сказке все должно быть «сказочно». Но «сам характер «чудесных» подробностей, — говорит проф. Б. М. Соколов, — измеряется порой очень скромным масштабом деревенской околицы: крестьянин переносит в этот мир свои, порой очень скромные и наивные, но для него казавшиеся недостижимыми, потому «чудесными», необыкновенными, желания и идеалы»². Об этом же пишет проф. М. Азадовский в антологии «Русская сказка»³. «Мир царей и королей — это только внешняя оболочка, внешняя сюжетная схема, за которой раскрывается иной мир и иное миропонимание».

Царь в сказках Господарева — по обыкновению отрицательный персонаж⁴: он корыстен, коварен, зол, неблагодарен; все его по-

¹ Е. Р. Романов. Белорусский сборник, т. I, вып. III, Витебск, 1887, стр. XI—XII.

² Б. М. Соколов. Русский фольклор. Вып. II, М., 1930, стр. 81.

³ Марк Азадовский. Русская сказка, I, стр. 11.

⁴ В некоторых сказках Филиппа Павловича, как-то: «Чудесные дети», «Еруслан Лазаревич», образ царя трактуется в традиционном духе, т. е. положительно. Такая трактовка является редким исключением для творчества Господарева.

мысли и действия направлены к тому, чтобы «известить» героя, выходца из крестьян, солдат и других демократических слоев населения.

В «Незнайке», «Иване-кузнецком сыне» и некоторых других сказках Господарев подчеркивает бессилие и растерянность царских особ перед теми или иными бедствиями. Он метко иронизирует, осмеивая царей, которые выглядят ничтожно слабыми, жалкими и смешными в сравнении с народными героями и их благородством и смелостью поступков. В этом отношении интересен заключительный эпизод сказки «Иван-кузнецкий сын», где описываются встреча героя с государем и отъезд их обоих в царский дворец. Министр докладывает Ивану-кузнецкому сыну: «Государь просит, чтобы вы приехали к нему во дворец». А он [герой] отвечает: «Небольшой господин и государь ваш, пусть придет, запрягёт шесть лошадей, а на одной я не поеду!» Министр поехал и доложил государю. Государь велел шестерых лошадей запрясти, и с кучером, и приезжает сам сюда, к этой старой избушке. Иван-кузнецкий сын велит Мише [медведю] идти и вести государя в избу. Миша идет и государя ведет. Иван-кузнецкий сын предложил государю сесть за стол. Государь сел (ну, да куда денешься?!). Наливает государю стопку коньяку и себе. «Ну, давай выпьем свадебного». Государь хоть морщился, а выпить надо. Он наливает другую (для смелости). Государь говорит: «Довольно!» — «Да выпейте, смелей будет ехать». Государь выпил, и он выпил. Иван спрашивает: «А что, у вас лошади хорошие?» «Да ничего! — говорит. — Неужто нас двоих не свезу?» — «Да мы не двоём поедём». Вот они вышли к лошадям, он велит: «Ты, волк, показывай дорогу — вперёд бежи; а ты, лев, забирайся на карету, чтоб карета не шаталась; а ты Миша, садись за кучера; а ты, собака, садись на мою лошадь, а другая полезай с нами в карету». Посадил он государя. Миша на кучерское место садится. Миша берёт кучера и сажает его в карету вместе с государём».

В «Государском сыне» встречи мужиков с героем для сказочника являются тем материалом, с помощью которого он раскрывает социальные картинки деревни, определяя отношения крестьян к помещику и царю: «...почти каждый мужик ему [т. е. государскому сыну] своё горе рассказывает: «Как же, молодой человек, не горе? У самого хлеба не хватает, а государь подати собирает; себе не остаётся ничего, а ему дай. Вот тут и горе». И дальше: «И сколько он не идёт по деревням, все ему отвечают одну беду, что государь много подати берёт».

В своих жалобах герою мужики «задевают» и помещика и царя. И того и другого крестьяне относят к одной группе — группе эксплуататоров, живущих за счёт трудящихся. «Как не горе? Мужика

кругом горе! Государь налоги требует, а помещики тоже. Надо своё сработать, помещику пригнать отслужить. Себе три дня и помещику три дня. Вот тут и горе, что мужику и отдохнуть некогда».

В сказке «Правда и Кривда» царь неблагодарен и властолюбив. Попытка героя стать бессмертным и «скрозь молодым» кончается неудачей: герой погибает по прямому указу царя. «Теперь другой водой его нельзя оживлять, — говорит царь, — авзять его и похоронить. А если его воскресить, то он будет старше нас всех». — Взjali и похоронили...

Физическое и насильственное устранение героя в сказке — явление исключительно редкое. Большинству сказок присуща оптимистическая концовка: торжество героя над врагом.

В «Незнайке» царь — пассивный образ. К герою сказки он относится отрицательно: «Ну, ладно, про него [Незнайку] нечего сказывать: дурак, так дурак! И пусть живёт в своей комнате, может, когда спотыкнётся и он. А эти умные растут зятый, слава идёт, а дурак песенки поёт».

В своих решениях царь неустойчив. Пообещав дочь за того, кто выполнит задачу и «доскочит до третьего балкона», царь не выполняет своего обещания, когда узнает, что дочь должна достаться в жены Незнайке. «Государь ему даёт большие деньги за то, что, говорит, не будь зятем моим, а он [Незнайка] отвечает: «Где ваше слово? Тогда всё можно изменить» (деталь, отсутствующая в известных вариантах). И дальше: «Ну, государь видит, что делать нечего, надо свадьбу играть».

Следовательно, не по желанию, а по требованию и настоянию самого героя царь отдаёт ему в жены свою дочь. При первом повернувшемся случае царь готов изменить свое решение и нарушить свое царское слово. Когда Незнайка в образе богатыря-победителя приезжает в царский дворец и просит руку царской дочери (своей жены), царь на это отвечает: «Я согласен отдать».

Завистником, сластолюбцем, «самовластителем-злодеем» выглядит царь в сказке «Солдат Данила». Замечанием: «Государь не мог сам определить, какую службу дать на месте, то у его была волшебница: она скажет, какую ему службу дать» — сказитель подчеркивает слабоумие царя. Отношение самого рассказчика к царю далеко не доброжелательное: «Ну, у государя головка там не варила очень крепко» — замечает Филипп Павлович.

Отправив солдата Данилу на выполнение трудных задач, царь-сластолюбец «начал с ей [женой Данилы] заигрывать, думает: «Теперь я попользуюсь ею». Сам царь ненавидит героя сказки. На каждом шагу он грозит его умертвить («моя меч — твоя голова

с плеч»). Паразитизм царя обнаруживается в назойливом его приставании к герою с предложением отдать волшебные предметы. Так, он требует отдать «Невидимку-Баса», мотивируя это тем, что «ты принёс — ты мне должен ее отдать». Несправедливое требование царя возмущает героя: «А нет, государь, — говорит Данила, — не придётся тебе взять этой штуки [Баса]. А ты, если хочешь эту штуку взять, так вытопим мы печку жарку, да кинем тебя в печь: если ты переночуешь в печке и будешь живой, то эта штука пойдёт к тебе, потому что я сам достал так ее, так и вам советую». Таким образом, герой ставит перед царем невыполнимые условия. Конфликт между ними нарастает быстро и доходит до открытой схватки. «Царь загрубился: «Я с таким дураком и разговаривать не буду, а завтра выступаю войной». А он [Данила] говорит: «Для меня всё равно. А ты дурнее меня еще». Вступать в борьбу с героем один-на-один царь трусит. Вместо себя он выставляет «не один полк солдат». На пути к месту боя герой издевается над «храбростью» царя. Угроза царя: «Идешь последний раз» вызывает решительное возражение со стороны солдата Данилы: «А может ты последний раз идешь?» Царь не унимается: «Молчи, а то сейчас мечью голову сниму!» На что герой отвечает: «Да твоя меч оскользнётся от меня. Бас, толкни его раз!» — Бас его толкнул, так он с мечью три раза перекрутился». Тогда герой не без насмешки в голосе спрашивает: «Ты что, государь, споткнулся верно? Так не спотыкайся. Надо ноги держать по-военному». А у государя «слезы катятся». Слова и действия героя сбавляют пыл царя. К своему войску он движется уже с помощью героя. Выставленную роту солдат Данила побивает. Царь выставляет полк солдат. Солдат Данила «махнул пашкой направо и налево, и полк готов». Государь кричит: «Поставляйте второй!» Тогда герой держит речь, в которой клеймит помыслы и поступки царя, выступая в защиту солдат: «Солдат Данила отвернулся и говорит: «Да тебе, — говорит, — не жалко солдатских шей, а свою ты жалеешь! Так вот, видишь, сколько погибло людей, а ты что за лицо? Без тебя не могут царствовать?...» Речь героя доходит до прямых оскорблений царя: «Так вот каждый жить на свете хочет, а ты только хотел сам жить. Сколько я муки принял через тебя, дурака... Ну, так вот, сегодня тебе голову сниму и волшебнице, а сам застаю царствовать. А если солдаты не согласны, чтобы я царствовал, пусть другого выберут». Царь умоляет героя простить ему, на что герой решительно отвечает: «А ты мне прощал, царь? Ты же меня не прощал? То я тебе не прошу. Я дождал этот случай давно, чтоб тебе голову снять. Вот твоя кончина тут и будет сейчас». Царь уговаривает:

— Так пусти меня попроситься с семейством.

— А ты меня отпускал?

— Нет.

— Ну, и я нет. Ну вот, собаке собачья смерть будет.

Повернул свою пашку, срубил ему голову, и тогда все солдаты крикнули ура».

Так герой жестоко расправился с ненавистным ему царем.

По силе и яркости изображения Господаревым заключительной сцены, в которой герой выражает свой гнев и презрение к царю и учиняет расправу над ним, мы не встречаем ни в одном известном варианте сказок на сюжет «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что» (Ап. 465А).

Насильственная смерть царя, встречающаяся в весьма немногих вариантах, описывается бледно и как бы мимоходом. Так, например, один из героев сказки Смирнова (4), приказывает: «Моё войско, иди и голову руби, кто на меня зло думает. — Войско пришло и первую голову смахнуло царю».

В сказке Смирнова (36) по приказу солдата: «Сними с них головы и брось за окошко» чудесный Филиппка «сдергивает» головы с генералов и царя. У Афанасьева (122а) король (царь) также гибнет не непосредственно от руки героя, а в сражении с его войском. В сказке Зеленина («Вятск. ск.», 32) царь умирает от одного только взгляда на Чудо-диво: «Как увидало Чудо-Диво царски глаза, тут ёво и разорвало».

В большом количестве вариантов наказание врагу или смягчается или вовсе устраняется. Так, у Карнаухова (53) герой-солдат прогоняет царя живым и лишь отбирает царство (чтобы не издевался «больше над нашим братом-солдатом»). Герой сказки «Ондрей-стрелец»¹ М. М. Коргуева, несмотря на совет свата Наума (Невидимки): «казнить ёго [царя], а тебе [т. е. Ондрею] поступать на чарьство», отвечает: «Нет, сват-Наум, казнить я не намерен, зла помнить, а с ним лучше што другоё сделать и што он будет говорить». Когда чарь подошел к Ондрею-стрелку, то очень испугался и стал просить помилованья: «Ондрей-стрелец, што хочеш делай со мной, но только моей головы не казни». И увидал громадное войско. «Мне не надо от тебя ничего, што принёс или не принёс ничего, мне ничего не надо, только не казни ты меня». — «Ну, ладно». — «Отдам я тебе престол, становись на престол, а я сойду». Ну, он тогда сказал чарю: «Ну, ладно, оставляю я тебе жизнь, но будёш сорок лет в пастухах...»

¹ «Сказки Беломорья», стр. 7.

В отдельных вариантах сказок наказывается не сам царь, а его приближенные, подстрекавшие царя в даче трудно выполнимых задач герою. В сказке Карнауховой (7) волк съедает «сенаторов и думщиков». Сказка заканчивается следующими словами: «А у царя теперь кот-певун, да гусли-самогуды, да нешто нашто, ему больше ничего и не надо. Он царско Вани с женой и отписал». Или герой заставляет царя своего воеводу живьем закопать в «сыру землю». «А Бездольный остался жить при царе; кот-баюн их обоих слушался, Никто им прислуживал, и жили они долго и весело» (Афанасьев, 122b).

Сказка Садовникова (9) заканчивается полным примирением солдата с царем. Когда царь испугался войска, выставленного солдатом, то отдал солдату его жену и «подарил ему отличный дом, просил, чтобы когда будет приступать к городу неприятель, то чтобы его войско царю защитой было. Солдат отвечал, что его войско, всегда когда нужно—готово будет». У Смирнова (310) царь в награждение за все добытое усыновляет героя. И т. д.

На сказке «Солдат Данила» Господарева, несомненно, сказалось влияние солдатской сказки. Герой в ней не только наделен званием солдата, но и является горячим защитником солдатских масс. Обрисовка батальных сцен, военная терминология («Становись все в ширенгу» и пр.) и т. д. указывают на то, что сказка прошла через военную среду.

Наш сказитель на военной службе никогда не был и о солдатской жизни мог знать только по рассказам других. Сказку слышал в б. Могилевской губернии в девятисотых годах XIX в.

Романов в предисловии к «Белорусскому сборнику» замечает: «Это не значит, что в Белоруссии нет сказок заносных. Начни я записывать произведения от солдат, напр., — мой сборник имел бы совершенно другой характер» (стр. X). Замечание Романова указывает не только на распространение в Белоруссии так называемых солдатских сказок, но и на качественно различный характер их от сказок крестьянских: солдатская сказка пронизана более острым социальным самосознанием. Эта острота социального самосознания в сказке Господарева, рельефно выраженная в эпизоде столкновения солдата Данилы с царем, еще более углубилась вследствие того, что сказка впитала в себя элементы психо-идеологии современного сказочника-рабочего.

В переосмыслении образа царя, как и в целом ряде других моментов (о них будет сказано ниже), Господарев тесно примыкает к сказочникам-рабочим. Четкая осознанность классовой роли царя дана, например, в сказке «Об Иван-Царевиче и Иван-Стороже-

виче»¹ (примерно, Ан. 303, Ан. 465, Ан. 513 А. Запись бывшего машиниста Пермской железной дороги — Георгия Георгиевича Шаброва).

В этой сказке Г. Г. Шабров наделяет царя Пестогона чертами реального царя, подчеркивая при этом его привилегированно-классовое положение в обществе: три раза по совету старика и царскому указу забрасывается невод в море, но золотая рыбка в невод не попадает. Разгневанный царь приказывает призвать к себе старика-советчика. Старик приходит. Царь обрушивается на него с ругательствами и упреками. На вопрос старика: «А ты сам-то помогал ловить ее?» (т. е. золотую рыбку) царь кичливо заявляет: «Я царь! Зачем я поведу в воду?». Не менее характерно другое место в сказке, подчеркивающее социальное неравенство Ивана-Царевича и Ивана-Сторожевича и объясняющее уход Ивана-Сторожевича из родительского дома. «Растут оба Ивана не по дням, а по часам, — повествует сказочник. — Когда выросли оба и начали силу пробовать, то Иван-Сторожевич Ивана-Царевича, как маленького ребенка, стал класть. Царю не понравилось это дело, — вроде как оно бесчестит царского сына. Сказал царь сторожу, чтобы его сын никогда с царским не играл, нето засадит их обоих в темницу». Опечаленный отец Ивана-Сторожевича говорит сыну: «Поезжай, милый сын. Пока поезди по белу свету, а к тому времени может царь поумнеет, тогда и домой вернешься». Социальное неравенство также отчетливо выражено в ответе царя Пестогона на просьбу Ивана-Царевича поехать вместе с Иваном-Сторожевичем по свету: «Не подстать тебе ехать с человеком ниже себя».

Бросается в глаза, что сказочника не привлекают царский сын и его дальнейшая судьба. При первой же встрече с «косматыми людьми» «героя» одолевает страх, и он, не приняв даже боя, «повернул обратно и был таков». К нему больше сказочник не возвращается. Совсем иначе он относится к герою из народа. Ивана-Сторожевича сказочник награждает силой, умом, храбростью, подробно излагает его похождения, симпатизирует ему.

Враждебность народного героя к царю звучит в развязке сказки. Тот же старик-советчик говорит Ивану-Сторожевичу: «Ступай во дворец к нашему царю и садись править вместо него». Послушал Иван-Сторожевич старика, пришел во дворец и просто и коротко заявил: «Ну, царь, теперь тебе пора уходить отсюда, — сказал ему Иван-Сторожевич, — а вместо тебя я буду править царством твоим». Царь крикнул охрану свою, но свита мелитрисина изрубила в куски

¹ «Фольк. Урала», стр. 238.

его охрану. Тогда Иван-Сторожевич взял за ворот даря и вывел его за ворота, дал ему по затылку и проговорил: «А если вернешься, то велю тебя посадить на кол, как и мне за тебя обещали».

В заключение старик-советчик говорит свергнутому дарю: «Вот ты меня обманул, не заплатил за совет, правил, народ обманывал, так я за это за все посадил на твое место простого человека, который будет править этим царством верой и правдой, а ты теперь ходи по свету нищий».

Сказки Господарева, перенесенные в городскую и фабрично-заводскую обстановку, как и сказки некоторых других рабочих-сказочников (напр., Н. И. Одинцова, В. В. Чижилова и др.), в новых условиях претерпели существенную деформацию и образовали особую группу сказок, усвоенных рабочей средой. Особенности этой группы наглядно прослеживаются на сказках Ф. П. Господарева. К чему же сводятся эти особенности?

Во-первых, в сказках Ф. П. последовательнее и резче проведена грань между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Во-вторых, для этих сказок характерны моменты осознанного отношения к народу (Господарев, например, так и говорит о герое сказки «Солдат Данила»: «У его сердце было мягкое для народа»).

В-третьих, введены некоторые специфико-рабочие элементы. Так, в сказке «Португей-прапорщик» змей советует верою порерубить металлическую цепь с помощью рабочего инструмента («зубила и молотка»). Молоток в качестве волшебного предмета выступает и в другой сказке — «Солдат Данила». Принадлежность сказителей к рабочим сказывается также и в такой детали, как изготовление действующими лицами различных чудесных предметов. У Господарева, например, кузнец («Иван-кузнецкий сын») выступает незаурядным мастером своего дела, способным на выделку таких сложных вещей, как железный волк. Мотив этот в крестьянских сказках отсутствует. Такого же мастера-искусника мы находим и в сказке «Мельница и мастер»,¹ где волшебная мельница изготавливается руками самого мастера, а не является чудесным даром, как это мы видим во многих вариантах крестьянских сказок.

В-четвертых, значительно обновлен словарь сказок. Для сказок Господарева, как и многих других сказочников, характерно обилие слов, обозначающих новшества науки, техники, культуры и политики, слов города и фабрично-заводской среды. Так, в «Незнайке» упоминается парикмахерская (отец говорит сыну: «Эту лошадь надо вестъ в парикмахерскую, да отдать пятьдесят рублей, чтобы

они обстригли ее»), магазин; герой покупает булку в пекарне; хозяину гостиницы Незнайка наказывает: «сделайте ванну мне»; вызов на войну происходит посредством посылки телеграмм; Незнайка носит пальто и т. д. В «Солдатских сынах» перед поеданием Змеем государственной дочери в городе вывешиваются «траурные флаги», «не велено в музыку играть» и пр. Кроме того, у Господарева встречаются слова и выражения, вошедшие в употребление уже в нашу советскую эпоху. Так, в «Солдате Даниле» герой дает такой наказ: «Все общество, будьте хозяином над моим имением, то можете вы обработать своей силой, коммуной значит»; государский сын после получения навыка в работе вручает деньги за обучение и говорит: «Кто учит, тот и зарплату получает» («Государский сын»); в той же сказке государь спрашивает у волшебника: «Кто такой есть спец», и т. д.

К характерным моментам творчества Ф. П. также относятся следующие. Во-первых, многочисленные и разнообразные пояснения, встречающиеся в сказках, в чем находят свое отражение элементы жизни и быта дореволюционной Белоруссии. В сказке «Про Клима-большого злодея» сказочник пытается дать объяснения «пригона»: «Раньше работали два дня помещику и четыре себе. Мой отец служил по пригону. Это здесь барства не было, а на наших местах¹ — пять вёрст и помещики. Кругом помещики».

В сказке «Микола и Егорья» Ф. П. объясняет, что такое деревенский магазин, и попутно освещает одну из сторон общественных отношений в дореволюционной деревне: «Раньше магазинны были по деревням общие — для ссыпки семян в сев. Бедняк возьмёт много, бедняку много надо и отдать; если он восемь малёнок возьмёт весной ржи, смеет, у его хлеба нехватает, съест; то когда он осенью намолотит, привозит, то отдаёт сверхом малёнку, а забирает из магазина без верху».

Большую часть пояснительный материал подается Ф. П. в наглядных сравнениях прошлого с современностью («раньше было») или же по социально-экономическому и географическому различию («на наших местах было»). Например, после слов Егорья: «Пусть он [т. е. мужик] насадит сто снопов в ёвию», сказитель поясняет, что «ёвня» — «по-нашему² называется, а здесь — сушилка» («Микола и Егорья»).

Чутье художника подсказывает Ф. П., что подобные пояснения в ряде случаев необходимы, ибо сказка белорусской деревни далеко не всегда бывает воспринята (понята) во всех своих подробностях

¹ Там же, стр. 226.

¹ Белоруссия.

² Т. е. по-белорусски.

современными и местными, т. е. петрозаводскими (северными) слушателями.

Во-вторых, сознательное обращение к современности и включение нового материала в старые сказки. Так, в сказке «Про золотое яичко» народ выбирает себе «государя» («чтоб там нашолся человек, вот как сейчас у Советской власти Ленин, когда сбросили царя»). Народ мечтает о выборе такого «царя», который избавил бы его от гнета помещиков. Избранный «царь» (один из героев сказки) провозглашает следующую декларацию: «Я-то могу быть царём, но я не хочу быть; я буду вам сказывать, а вы только должны слушать. От гнёту мы освободимся, только надо слушать меня. Когда мы возьмём всё государство в свои руки, то у нас не будет помещиков, не будет кулаков, не будет государя, а только будет один научать, как на свете проживать, а мы будем все равные, как я, так и вы».

И дальше сказочник повествует (явно переключаясь с революционными событиями наших дней): «Начали вместе работать все. Собралась их кучка небольшая, а всё идёт вперёд, за ними идёт весь народ. Год от году кучка прибывается, побольше собирается. Живёт несколько лет, помещики и не стали драть и на работу гнать. Стали они жить, веселиться, и стало всего много, так что и класти некуда».

Далее Ф. П. уже говорит об изменениях в стране и о любви трудящихся к вождям революции, давшим народу счастливую, зажиточную жизнь: «И вот сказал: случится, что и богатый к бедному стучится. Вот теперь и богатые поверили бедным, что правду бедняки сказывали, что и мы будем командовать вами. Так кулаки крылья опустили, а рабочие люди, у их крылья выросли, и теперь они живут и благодуют Ленину и Сталину, что пошла наша жизнь хороша» («Об золотом кольце»).

В «Чудесном сыне» могущество богатырей сказки Ф. П. сравнивает с могуществом руководителей Советской власти:

«Вот сказать сейчас: Ленин помер, Советскую власть взял,¹ а двенадцать молодцов оставил, и они все ведут, и Советскую власть держат. И их никогда никому не взять, потому что молодцы эти не помрут: один помирает, а другие научаются. А все они идут за нас, за Советскую власть. То эти богатыри собьют врага».

Все это свидетельствует, с одной стороны, о глубочайших сдвигах в экономике и сознании людей страны Советов, происшедших за время Великой Октябрьской революции, с другой — определяет отношение самого сказителя к социалистическому обществу, указывает на пути, которыми шел Ф. П. к созданию своих оригинальных сказок.

¹ — Создал.

III

Много в синем море белых лебедей, серых уток,
Много на свете разных сказок-прибауток.
Не перестрелять всех уток в три осени,
Не пересказать всех сказок в три зимунки.
Не плывёт корабль без ветра,
Не летит птица без крылов,
Не говорится сказка без присказки,
Не стану говорить сказки, когда слушать
не будете.

(Сказочник И. Ф. Микиши, Архив КНИИК)

Сказка складом, песня ладом красна.

(Народная поговорка)

К какому же типу сказочников можно отнести Ф. П. Господарева? Пожалуй, что по разнообразию репертуара и по художественному исполнению произведений он больше всего подходит к типу сказочников «универсалов». Охотно, с искусством знатока своего дела, излагал Ф. П. и волшебные-легендарные сказки, и сказки-новеллы, и сказки о животных. В процессе рассказа он нередко вставлял свои замечания по поводу тех или иных поступков или характеров сказочных героев, часто острит, отчего отдельные места в сказке принимали юмористическую окраску.

Сказки в изложении Господарева были очень подвижны. Многие сказки я слушал неоднократно, и каждый раз, повторяя какую-либо сказку, он, сохраняя общий сюжетный каркас, вносил в нее массу изменений и дополнений. Недаром Ф. П. утверждал: «Сказка — гармошка: ее можно растянуть, сделать долгой, а можно и короткой, как придется».

И о свободе замены одних действующих лиц другими он говорил: «Тебя зовут Николаем, а можно сказать Костя, меня Филиппом, а можно назвать по-другому, — также и в сказках. Есть Иван-царевич, а можно назвать Иван-кузнецкий сын». Припоминаю, как однажды на мое замечание: «Сказка «Про золотое яичко» у Вас необычно кончилась, обыкновенно свадьбой кончается», Ф. П. ответил: «Если сказку одним и тем же кончать, не интересно будет». Манера изложения сказки у него была непостоянна и находилась в прямой зависимости от условий, в которых развертывалась сказка и от настроения самого сказителя. Так, сказку «Солдатские сыны» я слушал от Господарева впервые в узком кругу родных и знакомых, во второй раз — в студенческой большой аудитории Ленинградского государственного университета. Разница изложения в первом и во втором случаях значительна. Дома сказитель излагал

ее неторопливо, детализируя отдельные места, точно соблюдая сказочный канон, не обрывая сюжетной нити в середине изложения. Совсем по-иному рассказывал он сказку в студенческой аудитории: сказитель торопился, пропускал многие детали. Так, им был упущен эпизод возвращения Романа к себе в деревню после нахождения отца. Добавлена традиционная формула «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Песня «Дубинушка» исполнялась сказителем на-голос, а не говорилась, как в первый раз; целостность изложения сказки не выдерживалась: сказитель много раз обрывал сказку, чтобы «отдохнуть и покурить» (а как он после признался мне, чтобы «собраться с мыслями»).

В вынужденные перерывы он забавлял слушателей смешными анекдотами и прибаутками. Им были рассказаны: «Зять у тещи», «Два мужика» (про курящего и некурящего), «Земля и небо», «Хвастливый мужик и работник», ряд прибауток типа: «Раньше по привычке и барин ездил на бричке» и т. д. Выбор Господаревым из своего обширного репертуара той или иной вещи главным образом определялся обстановкой. Учет аудитории при этом играл существенную роль. Детям Ф. П. рассказывал большей частью сказки волшебные и о животных, взрослым — всевозможные сказки. Аудитория не только влияла на выбор того или иного произведения, но и оказывала влияние на содержание и форму последнего. Об этом сказитель говорит: «Если слушают ребятки — рассказываешь по-одному; мужики — покрепчѣй, мадамы — помягчѣй».

Дома в долгие зимние вечера («зимой, бывало, — вспоминает К. Господарев, — соберутся домашние, соседи, жильцы слушать отцовы сказки. Ключѣшь носом, спать тянет, а сидишь, слушаешь, больно уж интересно до конца прослушать сказку, конец узнать») или летом у дома перед днем отдыха и в день отдыха, когда свободного времени было достаточно и у слушателей и у сказителя, Ф. П. рассказывал «долгие» сказки.

Летом 1937 г. нашему сказочнику приходилось бывать вместе с рабочими совхоза в Заонежье на пастбище. Об одной из таких поездок Ф. П. рассказал мне: «Будя! Поработал — похвалили старика, за молодого сработал. Загубил бабам сказки. Рыг разинули. Слушали напролѣт ночь. Дело так было: приезжаю на тот берег. Доярки пристали: расскажи да расскажи, дедушка, сказочку. Ну, и до светка их занимал. Слушали — не оторвѣшь. Угощали молоком за это».

В перекурки на работе и в быту за делом обыкновенно рассказывались короткие сказки, пришедшие, так сказать, «к слову». Заходит в дом Ф. П. соседка и рассказывает о том, что она перешла с механического станка на автоматический, а выработка у нее осталась

прежней. Удивился сказитель, а потом «к слову» рассказал ей нравоучительную «прибаутку» — «Сороку и ворону». Женщина смутилась: иллюстративный материал был подобран удачно.

Всегда, в любых обстоятельствах у Ф. П. чувствовалось стремление к красочному слову, доступному образному языку, который он знал и которым владел в совершенстве. С детства до глубокой старости сказочные образы оставались неизменными его спутниками. Он жил сказкой. Жизнь и сказка для Ф. П. были чем-то органически нераздельным, единым. Однажды он начал мне рассказывать из своей прошлой жизни: «Пиши сказку». Я попробовал заметить: «Но, Филипп Павлович, ведь это из жизни — не сказка». На что сказочник ответил: «А жизнь-то — сама сказка». Поэтому не случайно, что содержание многих его сказок тесно связано с жизнью, с личностью самого сказочника, его биографией. Приведу несколько примеров. В сказке «Шут Балакирь» облик героя во многом подходит на облик нашего сказочника. Взять хотя бы начало сказки: «Жил в деревне мужичок, к нему много собиралось слушать басен. Как свободен, так полная изба набѣется, а он всё разные штучки заворачивает». Об этом точно так же и неоднократно говорил и сам Ф. П. Как сказочник, он пользовался в деревне широкой популярностью, и редкий зимний вечер проходил, чтобы изба сказителя «не ломилась от мужиков». Приходили послушать побасенки и погудорить меж собой. Может быть, в отдельных случаях сам сказитель подражает своему герою. В этом отношении интересен эпизод с шапкой. Как-то летом после обеда Ф. П. пригласил меня в садик на запись сказок. Стояла жара. Сказитель, утомленный дневной работой, дремал. Запись шла медленно. Вдруг, прервав сказку, Ф. П. встал и пошел к дому.

— Куда вы, Филипп Павлович?

— Не пойдѣт работа у нас! — ответил он. — Видишь, шапки у меня на голове нет: дома ее забыл. А сказки-то у меня все в шапке.

В сказке «Шут Балакирь», когда поп просит у шута Балакиря «развести скуку», последний тоже схватил себя за голову и говорит: «Эх, батюшка, я забыл дома шапки взять, а сказки все в шапке, то не могу тебе развести скуку».

Другой пример: как-то я попросил его рассказать хорошую сказку; на мою просьбу сказочник ответил буквально словами шута Балакиря: «Есть у меня хорошие, есть худые, так всё хороших не наберѣшься».

Автобиографические черты очень характерны для некоторых эпизодов сказки «Государский сын», например в описании обучения героя

косьбе. Независимо от сказки, Ф. П. мне рассказывал, как отец его учил косить, и рассказ его почти дословно совпадал с тем местом, где описывается обучение косьбе государственного сына. Только в первом случае рассказ велся от первого лица и обучал отец, в сказке же — от третьего лица и учит мужик. «Мужик ему: «Ну, так вот! На косу, попробуй». Он взял косу и стал резать. Коса его то поверху идёт, то в землю лезет. Мужик ему отвечает: «Вот видишь, господин кажный бы косил, если б чорт косу носил. (Поговорку эту Ф. П. заимствовал от отца; последний любил ее употреблять при обучении косьбе своих сыновей. — Н. Н.) А то у тебя идёт то поверху — траву портишь, то землю режешь — косу портишь. Тут надо учиться: раньше наглядеться, а потом за косьбу браться. Ну-ка, бери косу в руки!» Господин взял косу в руки. «Держись вот за ручку, а этой берись выше рукой левой». Сам становится сзади его. Правой рукой берёт за его правую руку, а левой — за левую руку, и ну двоём косить одной косой. Коса идёт правильно. И говорит: «Так надо закладывать, так ровно потягивать. Видишь, у нас и чисто выходит...»

В сказке «Про бедного мужика» интересна сцена с крещением ребенка. Дело в том, что несколько месяцев спустя после записи данной сказки, сказитель, запамätовав включение этого эпизода в сказку, рассказал мне о будто бы подлинном случае, происшедшем с ним, и рассказал так, что, если вместо кумы-смерти поставить самого Ф. П., а вместо бедного мужика — бедную крестьянскую девушку с незаконнорожденным ребенком, — все остальное повествование: пререкания со священником, обряд крещения и пр., вплоть до выноса ребенка из церкви, можно оставить, как биографический момент.

Гневные и разоблачительные речи, которые произносят его герои перед помещиками, попами и пр., — Иван и Роман («Солдатские сыны»), Данила («Солдат Данила»), Омель («Про глупого Омеля»), Гронин и Воронин («Книгиня»), девочка-семилетка («Два мужика»), мужичок в сказке шута Балакиря («Шут Балакирь») и др., — вполне соответствуют настроениям самого сказителя и его отношению к эксплуататорам.

Иногда Господарев прибегает в сказках к сравнениям героев с самим собой: «Этот старик-генерал, который проиграл всё, был вроде меня — стариком» («Про купечского сына»); в другой сказке: «Через несколько время он [Алеша] сам сделался старым старичком, коклатым мужичком (как и мы сейчас). Сидит, — во все стороны волоса действуют» («Про золотое яичко»).

В сказке «Как мужик и рабочий правду искали» сказочник при описании тяжести работы на фабрике, подтверждая данное положение

фактом, взятым из своей практической работы, говорит: «Ну даже прихотилось им [рабочему и крестьянину] по два раза рубашку скинуть и другую одевать, а на этой рубашке чуть не соль выходит (оно правильно, работаешь, а на рубашке — соль)». Сравните также рассказ Марфы Ивановны Господаревой (стр. 17—18).

На приведенных примерах наглядно прослеживается органическая связь между сказочником и сказкой, подтверждается, какое огромное значение имеет личность художника для сказки и, наоборот, сказка — для формирования этой личности.

Портническое мастерство Ф. П. Господарева можно поставить на один уровень с мастерством таких замечательных сказочников, какими являются Н. О. Винокурова, А. Д. Ломтев, Ф. И. Аксаментов, М. М. Коргуев и др. О себе он не без гордости говорит: «Были у меня профессии: кузнец, штамповщик, сварщик, плотник, бочар, пильщик на доски. Ну, сказки — тут, можно сказать, — спец».

Сказки, по словам Ф. П., перешли к нему «по наследству от крестного отца Шевцова». О нем он сохранил самые лучшие воспоминания, как о прекрасном человеке и сказочнике. Не раз он мне говорил: «Если б это, что я рассказываю, старик рассказал, — за три б года не списал». Или: «Шевцов за три года наперёд мог сказать: вот в такой-то день будет такой-то праздник. На деревне вроде пророка считался, а ведь был, как я, неграмотный». И дальше: «Много водилось у дедушки прибауток: «парень красивый да несчастливый». Так у его складно выходило!» Складно говорить сказки Ф. П. продолжительное время учился у Шевцова и учился упорно. От него он усвоил большое количество сказок, прибауток, традиционных устойчивых мест, сказочных формул. «Школа» дедушки Шевцова оказала, если судить по воспоминаниям Ф. П., большое и плодотворное влияние на нашего сказочника.

Даже в отдельных выражениях, не говоря уже о манере рассказа, Ф. П. стремится подражать учителю. Например, как Шевцов, он говорит не «расскажем сказочку», а «споем» («Давай еще споем одну сказочку»). Любовь к «долгой» сказке также привил тот же Шевцов («Сказываешь долгие сказки — само по себе так и липнет»). Воспринял Ф. П. от дедушки и некоторые приемы сказа. Так, например, «Солдатских сынов», — вспоминает Ф. П., — Шевцов всегда начинал с прибаутки: «В некотором царстве, в некотором государстве...» — и прибаутка шла у его, что по маслу. А потом: «Жил в деревне мужик бедный, он оженился. Помещик сдал его в службу». Примерно так же начинается «Солдатских сынов» и наш сказочник. Пройдя выучку в «школе» дедушки Шевцова, Ф. П. располагал не только порядочным сказочным репертуаром, но и незаурядным мастерством сказа.

В дальнейшем от соприкосновения с другими сказочниками репертуар Ф. П. обогащался, а мастерство сказа непрерывно совершенствовалось. Из практики работы со сказителем отмечу, что до самой последней записи он ни разу не сбился в последовательности расказа, материал всегда излагался им уверенно, и казалось, что сказкам его конца не будет. При окончании той или иной сказки у него уже были на памяти новые, которые он мог начать рассказывать свободно и легко без всякой подготовки.

Спокойная, плавно льющаяся речь позволяла ему иногда выдавать себя за искусного чтеца-грамотея. «Иногда, — говорит сказитель, — разложишь книгу перед собой и рассказываешь сказки, вроде как по книге читаешь. Слушают ребята, рот разинув. А потом приходят к тебе, пристают: «Дай прочитать твою книжку». А я не даю: «Сходи купи».

Все сказки своего репертуара сам Ф. П. делит на четыре больших группы: 1) сказки, «где всё делается волшебством» (волшебные и легендарные); 2) сказки, «где всё делается головкой» или «разумом делается, а не только волшебством» (новеллистические сказки; сюда же относятся и «прибаутки» — короткие, главным образом на бытовые темы, рассказы, которых, по словам Ф. П., «можно насказать целую шапку»); 3) «сказки со зверями» (животные сказки) и 4) сказки «забадушки» (с эротическим содержанием).

По своему объему сказки, «где всё делается волшебством», занимают первое место в репертуаре Господарева, однако в количественном отношении они далеко уступают сказкам-новеллам.

Волшебные сказки обычно «долгие». В них чувствуется стремление сказочника к фундаментальности, к детальной обрисовке явлений и действующих лиц (в этом он примыкает во многом к сказочникам Белоруссии и Карелии, в частности, к М. М. Коргуеву). В волшебных сказках Господарев выступает ревностным хранителем традиционного сказочного канона (зачины, концовки, постоянные формулы, народные эпитеты, трехчленность и т. п.). Развернутых присказок у Ф. П. сравнительно немного. Отсюда, конечно, не следует заключать, что сказочник не придает им значения. Значение их подчеркивается в сказке «Государь и купечка дочь»: «Хорошо жить тому на свете, у кого жонка и дети. Он много знает и сказки болтает. Прибаутка рассказалась, и сказка завязалась». Следовательно, присказки у него являются важными, как бы отправными моментами: они не только настраивают внимание слушателей, но и вдохновляют самого сказителя на дальнейшее повествование. И, несмотря на это обстоятельство, все же, повторяю, присказок у него немного. Объясняется это тем, что сказочник облюбовал, запомнил и по-своему переосмыслил только одну развернутую присказку: «В некотором

царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живём, за номером пятым, в этом доме проклятом, за номером седьмым, где мы сейчас сидим. Это не сказка, это присказка. Сказка будет после обеда, наевшись мягкого хлеба, похлебав кислых щей, чтоб было брюхо толще», — которой он и снабжал большинство своих волшебных сказок. И ко многим из записанных мною сказок он говорил эту же присказку, но, узнав, что сказки будут напечатаны «одна за другой» и что сборник может быть прочитан от начала и до конца одним человеком, он снабдил этой присказкой одну сказку — «Солдатских сынов», в остальных же оставил или короткий типичный зачин: «В некотором царстве, в некотором государстве» («Об золотом кольце», «Конек-горбунок», «Портупей-прапорщик», «Государский сын», «Красные орлята», «О четырех богатырях») или непосредственно приступал к повествованию, вовсе опуская зачин, например: «Жил в деревне кузнец. Он хорошо занимался» («Иван кузнецкий сын»); «Солдат Данила жил на службе двадцать лет» («Солдат Данила»); «В одном месте жил-был царь — не царь, студент — не студент» («Чудесный сын»); «В деревне жила женщина» («Про золотое яичко»); «Жили два брата» («Доля»); «В деревне жил мужик» («Про глупого Омею»); «Было у мужика три сына» («Правда и Кривда»); «Был царь. И было у его три сына» («Еруслан Лазаревич»); «Ну, ладно, расскажем так» («Царская дочь») и пр.

Зато богато разработаны в сказках Господарева концовки. Например: «Там я был, мёд-вино на свадьбе пил. В роте не было, по бороде не текло, и дали мне блин, который трое суток в кадушке гнил. Ну, я там видал, что бабы пекут свежий блины. Мне захотелось свежего блина взять. Бабы меня кочерёжкой гнать. Мне деваться некуда было, бегти. Ворота были в заперти...» («Иван-кузнецкий сын»); или: «То Иван с Анастасей Федоровной стали двоём проживать. И я у их был, мёд, вино пил, и видал красавицу, красавца и Конька-горбунка. И сказка — вся». («Конек-горбунок»); или еще, например: «И теперь он там царствует и мёд, вино пьёт, проходим на дорогу денег даёт. Вот и мне случилось туда зайти, посмотреть его, и он меня напоил и спать уложил» («Еруслан Лазаревич»); или так: «Вот сказка кончается. Он приезжает домой. Стречает его бабушка-рябушка. Вот тут сивые черти скáчут, под печью куры кудáчут. Ну, та́я баба-шепетуха не полюбила моего духу...» («Государский сын»); или еще: «... сам остался на ее месте проживать и добро наживать. Там женился. И я, как в то́е время был, и мёд, вино пил, даже в роте не было и по бороде не текло, а пьяным сделался» («О четырёх богатырях»).

Иногда концовки становятся в большей степени продуктом лич-

ого творчества Господарева. Сказочник как бы сближает их с современностью и заставляет звучать по-новому. Такие концовки оригинальны и серьезные. В них нет того зубоскальства и шутовства, какое мы имеем в только что приведенных формулах-заклечениях. Например: «...и начал царствовать в своём царстве, поживать и бедных людей не обижать. И я проехал, там очень хорошо живётся, как у нас сейчас. Ну и сказка кончена» («Солдатские сыны»); «Он стал с женой и с двенадцатью сыновьями проживать, силу укреплять, так что этих теперь двенадцать молодцов никто не возьмёт. Они и сейчас живут» («Чудесный сын»); «...и теперь они живут и благодарят Ленину и Сталина, что пошла наша жизнь хороша» («Об золотом кольце»); «Ну, и они начали жить дружно. Вот уже живут двадцать первый год и никто их не собьёт» («Красные орлята»).

В некоторых сказках развернутые формулы-заклечения Ф. П. заменяет краткой и простой концовкой. Например: «Портупей-прапорщик стал жить-поживать и не горевать» («Портупей-прапорщик»); или: «Тут он и кончился, и конец сказки» («Правда и Кривда»); или: «Но сейчас не знаю, как Омелья живёт там. Больше не случилось быть» («Про глупого-Омеля») и т. д.

Господарев обильно и с большим мастерством вводит в сказку массу традиционных формул, например: «Маленький мужичок, сам с ноготок, голова с пивной котелок» («Портупей-прапорщик»); «Ветры мои милые, ветры мои буйные, берите этот шок и несите в мою сторону, сошейте свёкру рубашку моему; и уберите ее разными цветами, и чтоб краше она была всех рубах»; «Он берёт шапку-невидимку, расстилает ковёр-самолёт, берёт драчун-дубинку: «Ну-ка, ковёр-самолёт, неси-ка меня на море-окиян, на остров Буян, где стоит дуб на двенадцати кокотов, на каждом кокоту двенадцать чертов; где под дубом стоит сундук, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — Корчуна смерть» («Еруслан Лазаревич»); «Избушка, избушка, встань к лесу стенами, ко мне дверями» («Солдат Данила»); «Голос в голос, волос в волос» («Солдатские сыны») и др. К традиционным формулам примыкают и устойчивые места, каковыми являются, например, разговор героя с врагом во время борьбы («Иван-кузнецкий сын», «Солдатские сыны»); опрос Змеем домашних вещей («Иван-кузнецкий сын»); метод разоблачения царских зятьев («Незнайка») и т. д.

Господарев в своих сказках строго придерживается эпического закона — троекратности: три комнаты, три ключика, три превращения героя (в лошадку, яблоню, селезня) («Портупей-прапорщик»), три волшебных предмета (гребень, брус, платок); три посланки Ивана к животным (волчице-богатырке, медведице-богатырке, львице-

богатырке); троекратная борьба Ивана-кузнецкого сына со змеями, причём противник дается в градации (каждый последующий сильнее предыдущего): змея о шести головах, девяти, двенадцати («Иван-кузнецкий сын») и т. д. В качестве волшебных выступают предметы, являющиеся неотъемлемыми атрибутами волшебных сказок вообще: ковер-самолет, шапка-невидимка, драчун-дубинка («Еруслан Лазаревич»); шашка-саморубка («Портупей-прапорщик»); чудесное кольцо («Об золотом кольце»); чудесная дудочка («Две доли»); живая и мертвая вода («Правда и Кривда»); золотое яичко, чудесное яблоко («Про золотое яичко»); чудесное перо («Конёк-горбунок») и т. д. Действующие лица сказок обладают возможностью прясть и ткать в одну ночь большое количество материи, строить прекрасные дворцы и хрустальные мосты, наделены неимоверной силой... Врагами героев выступают змеи и чудовища (Корчун, «мужичок с ноготок, голова с пивной котелок»), друзьями — животные. Сказку украшают народные эпитеты: красна девица, черный ворон, чисто поле, жар-птица, добрая лошадь и др.

В противоположность Н. О. Винокуровой, которую «интересует не волшебнико-фантастическая сторона, но исключительно только бытовая и психологическая»¹ и для которой «характерно некоторое, если можно так сказать, пренебрежение к сказочной обрядности»,² Господарев одновременно и строго хранит сказочную обрядность и проявляет живой интерес к бытовой и психологической стороне. Не торопясь, покуривая трубку, он развертывает перед слушателями чудесно-яркое полотно волшебного сюжета. С поразительной четкостью выступают сквозь поэтическую фантастику сказки реальные общественные отношения. Герои в ней начинают жить полноценной человеческой жизнью; в них земная сила и страсть, кипучая деятельность и народная мудрость.

Классическим образом сочетания фантастических элементов с бытовыми и психологическими может служить сказка «Незнайка».

«Незнайка» относится к числу «долгих» сказок Господарева. В ней прекрасно сохранен сказочный канон: зачин («В некотором царстве, в некотором государстве...»), концовка («...тут пошел пир на весь мир. И я там был, мёд, вино пил, в роте не было, по бороде не текло. Дали мне пук иголок, я кинул — стал ёжик и посейчас колол»), троекратность (три покушения на героя: яд в булку, яд в чае, рубашка-смерть; путешествие к трем богатырям; три попытки доскакать до третьего балкона; три царских дочери и т. д.), ска-

¹ М. Азадовский. Литература и фольклор. Л., 1938, стр. 239.

² Там же, стр. 237.

зочные формулы («Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой», «утро мудреней вечера» и пр.), волшебные предметы (клубочек-самокат, рубашка-смерть и др.), чудесные животные (Сивка-бурка, лисица-волшебница, золотой баранчик, свинка — золотая щетинка, бык золоторогий и др.). Наряду с этим, в сказке дан целый ряд очень интересных бытовых картин (см., например, солдаты за чисткой государских кастрюль или другой мотив: выбор коня, представляющийся на вид невзрачным, — разработан Господаревым весьма оригинально, в подчеркнуто реалистических тонах, с включением ряда эпизодов, нигде более не встречающихся и т. п.). Наконец, рельефно обрисована и психология действующих лиц.

В вводной части сказка повествует о разладе в семье купца, в результате чего герой покидает родной дом и уходит на чужбину. Здесь внимание художника привлекают образы купца, Незнайки, матери и начальника тюрьмы. Сказочник подчеркивает добродушие, мягкость и уступчивость характера купца. Так, после вторичного сообщения сына об измене матери купец снова ограничивается, как и в первый раз, моральным наставлением: «Как тебе не совестно!?» В эпизоде с покупкой лошади раскрывается другая черта в характере отца героя, а именно: его боязнь уронить свою репутацию «именитого» и богатого купца. На предложение Незнайки взять облюбованную им лошаду («Вот эту надо взять, папа, лошаду»), купец отвечает: «Да что ты, сын, это все люди засмеют нас, что такой именитый купец купил такую лошадь». Но и тогда, когда купля все же состоялась и сын «взял за узду и повёл своего коня», отец считает неудобным для себя идти рядом с ним и с такой лошаду. «Ну, ты иди, — говорит он сыну, — а я пойду в другой бок». Но у сына иной взгляд на вещи: «А нет, папаша, — отвечает он, — не иди, пойдём вместе, зайдём в магазин. Купишь мне хоть седло да узду, то конь станет красивый. Видишь, другая барышня идёт, — платье на ней худое, а самая хорошая, а идёт другая, что не стоит ничего, а платье как оденет хорошее, — думаешь, что она хорошая. Так и мы, как на коня оденем сбрую хорошую, то у нас будет конь хорош». И отец повинуетсЯ сыну, ибо, поясняет сказитель, «сыну поперечить он не мог».

Гораздо прямолинейнее дается образ начальника тюрьмы. Это действующее лицо, не колеблясь, пускается на самые тяжкие преступления, устраняя на своем пути все, что в какой-то мере противодействует достижению намеченной им цели. Он, например, без колебаний рекомендует своей любовнице различные средства «извести» сына, являясь, таким образом, активным подстрекателем к его убийству. В жене купца чувство любовницы хотя и торжествует

над чувством матери, но борьба этих двух начал уже намечается хотя бы в мотиве попытки отравления сына. Предполагая, что сын ест булку, отравленную ядом, мать, после слов: «Ешь, ешь, сынок, на здоровье!», повернулась и пошла. Такое поведение матери сказочник объясняет ничем иным, как чувством жалости к сыну («всё-таки жалко смотреть»)¹.

Из других частей сказки следует отметить драматические коллизии повара, жены Незнайки и царских зятьев.

Государь собирает «гостёбу» и приказывает повару приготовить обед к 12 часам. Повар, проиграв продолжительное время в карты, решает подремать и наказывает Незнайке разбудить его. Последний обещает, но обещанного своевременно не выполняет. В 5 часов Незнайка встает «и что приказано повару, делает обед сам, без повару». 10 часов — повар спит, 11 часов — повар спит. Во дворце стали беспокоиться. Царские дочери в волнении забежали на кухню: «Готов ли обед? Где повар?»

Половина двенадцатого — «повар спит», а у Незнайки «обед уже готов». Тогда Незнайка идёт к повару, будит его: «Повар, время вставать!» — «А сколько время, Незнайка? — спрашивает спокойно повар и, услышав, что двенадцать, вскрикивает: «Что же ты надеялся?!» Отчаивается и решает покончить жизнь самоубийством. «Ступай уже, — говорит он Незнайке, — подай верёвку, я задавлюсь».

Убедительно и красочно показаны глубокие душевные переживания жены Незнайки, связанные с мотивами поимки чудесных животных и войной. Она горюет и сетует на свою участь. Ей обидно, что мужья сестер успешно добывают по заданию царя чудесных животных и за добытое получают награждение. Она упрекает Незнайку: «Ты того не ловишь, что люди ловят, а только сосны возишь» и при очередном награждении зятьев настаивает: «Иди, проси у отца, пусть и нам что-нибудь даст». На это Незнайка отвечает: «Ты ж дочка его, то ступай и проси у его, чтобы он дал тебе, что отписал, а мне не надо». Разыгрывается следующая сцена: «Ну, она и не пошла, заплакала и пошла в другое помещение, а он ей отвечает: «Ты не плачь, дура, они [т. е. зятья] больше поплачут нас». Она плюнула и пошла, и разговора его не хочет слышать».

Эмоционально углублен и подробно разработан эпизод расставания Незнайки с женой перед третьим поединком с богатырем

¹ Борьба чувства матери с чувством любовницы описывается и в другой сказке — «Про золотое яичко». Колебания женщины-матери в этой сказке более драматичны, нежели в «Незнайке». И все же в итоге и здесь чувство любовницы оказывается сильнее материнского чувства.

неприятельского войска. Здесь Незнайка признается жене, что в капусту он уходил для видимости, что на самом деле он был тем неизвестным богатырем, подвиги которого принесли дарю выигрыш в двух войнах. «Тут она [жена] бросилась к ему на шею: «Эх, милый мой, что же ты не сказал раньше?» и когда он оделся и стал собираться в капусту, то она «вдарила в слезы...» И еще: «Вот они обнялись, поцеловались, попрощались, она и зарыдала, когда он пошел в капусту. У ее сестры и спрашивают: «Почему ты плачешь так? Наши мужья на войне, и то мы не плачем, а ты плачешь, что твой пошел в капусту».

В ответе жены Незнайки сестрам звучат ирония и шутка и вместе с этим — затаенная грусть расставания с любимым мужем: «Я оттого плачу, что несчастная, — говорит она. — Ваши мужья воюют, а он меня всё капустой кормит, от того я и плачу».

В заключительной части сказки описывается разоблачение Незнайкой царских зятьев, в результате чего «Им [царским зятьям] совестно стало, и они тут при публике выхватили по револьверу и сами себя застрелили». Любопытно, что самоубийство зятьев Господарев мотивировал тем, что «им совестно стало». В других вариантах сказок мы нигде не встретили подобной развязки. Обычно царские зятья наказываются или самим героем (например, Красноженова, 16; Зеленин. «Пермск. ск.», 2) или царем (Смирнов, 38 и др.).

Сосредоточивая свое внимание на внутреннем мире героев, Господарев сохраняет их традиционный внешний облик. Красота, например, описывается так: «Иван кувырнулся раз, второй раз, третий раз и выскочил из котла и встал на скамейку. Оделся и сделался таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни портрет нарисовать» («Конец-горбунок»). Или: «...она снимает с руки кольцо и кладёт на стол, то сделалась красавица, что он никогда такой красавицы не видал. Он и растаял вокруг ее уже» («Еруслан Лазаревич»). Или так: «Солдат Данила повернулся, видит, что такая красавица, что даже совестно подойти» («Солдат Данила»).

Стремление сказочника к внешней индивидуализации лиц заметнее проявляется в устной передаче, при которой Ф. П. старается оттенить речь того или иного героя. Незнайка у него, например, разыгрывая парня-простака, говорит низким басом и растяжно; язык цыган — окаяющий, с частым применением слова «батьшко»; наконец, типизирована речь стариков и старух. Для их речи характерно ласкательное слово «голубчик». «Вот что, голубчик, — сообщает герою бабушка, — змей шестиглавый требует государскую старшую дочь на поеданье» («Иван-кузнецкий сын») и др. В остальных случаях голос героя ничем не отличается от обычного голоса самого сказителя.

Сказочная традиция, представленная в творчестве Господарева, во многом примыкает к прекрасно разработанной традиции белорусской сказки, стиль которой (так же как и тематика) родственен стилю и тематике сказок русских и украинских.

В репертуаре Ф. П. имеются сказки, некоторые мотивы которых перекликаются с былинным эпосом (таков, например, мотив чудесного прибавления силы Ивану — купеческому сыну в «Незнайке» и др.), явление, указывающее на родственность мотивов эпических жанров народного творчества, на отзвук когда-то существовавших былин в Белоруссии¹, на жизненность былевой традиции в Карелии.

Если в волшебных сказках Ф. П. стремится к монументальности полноты, многосюжетности, то в сказках-новеллах наблюдается обратное явление, тяготение его к малым, простым по структуре формам (исключение, разве, составляет «Шут Балакирь», «дóлгая» и сложная по композиции сказка).

Здесь своеобразие художественного мастерства Ф. П. проявляется главным образом в разработке рифмованных концовок и концовок-поговорок, что, вообще говоря, не часто встречается у сказочников-новеллистов. Например: «Ну, и вот, сказка кончается, время к полночи подвигается, рассказчик спать захотел» («Шут Балакирь»); «...стал сено косить. Сало можно было на что купить. Шол и я там видал его. Хорошо стал жить» («Кабанье мясо»); «Как в Вильне, так и здесь, что замелешь, то и съешь» («Как парень женился»); «Что с возу упало, то пропало» («Цыган на исповеди»); «Ну, вот, остался он жить-поживать, добро наживать, ребят копить, и научил ее на поле ходить» («Помещик и бедный мужик») и др.

Для всех видов сказок Ф. П. — будь то волшебные, новелистические, легендарные, животные — характерны живые, мастерски сделанные диалоги; умелое использование (и в довольно большом количестве) пословиц, поговорок и загадок; богатство сравнений [«Сейчас оказалась на море бесёдка, плывущая, и такая красивая, как у другого цари в терему» («Солдат Данила»)], «А как солнце закатится, тое время делается слепая — так, как курица не видит ночью, так и эта птица» («Кабанье мясо»); описание природы. Природа выступает или как аккомпанемент настроению действующих лиц и общему содержанию сказок (в сказке «Булочник» радостному настроению героя соответствует цветущая природа: «Выезжают на лодке на остров. Дают, видно, что есть малин, есть клубыш, разных ягод — чего хочешь; и цветы везде цветут и ароматным воздухом даже кормят»).

¹ См. Е. Ф. Карский. Следы богатырского эпоса, стр. 483. Белорусы. Т. III, М., 1916.

или она является простой пейзажной зарисовкой. Приведу одну из замечательных по своей свежести и обаятельности описательную картинку: «Выходит он с этой деревни,—стоит крестьянская рожь, такая большая, что человека не видать, только ветер повевает, как сегодня. Она колыхается, что волна бьёт» («Государский сын»).

Как подлинный мастер художественного слова, Ф. П. явился не только ревностным хранителем старой народной поэтической традиции, но и создателем новых современных сказок. Собственно оригинальных сказок у него две — «Красные орлята» и «Как Марья с Иваном сравнялась». Сказка же «Как рабочий и мужик правду искали» — творчески переработанный вариант известной белорусской сказки «Ленинская правда».¹ «Красные орлята» — это отклик сказочника на волнующие события наших дней: завоевание Северного полюса нашими славными советскими людьми (папанинская и чкаловская эпопеи). «Красные орлята» — первая попытка Ф. П. воплотить дела и мысли героев — советских людей в образ художественного произведения — в сказке. Радио, газеты, книги, беседы помогли осуществлению замысла художника. Огромным стимулом в деле создания новой сказки явилась сказка «Чапаев» М. М. Коргуева, которой он как бы вызвал на соревнование сказителей, в том числе и Ф. П. Господарева, на поэтическую разработку тем гражданской войны и социалистического строительства.

Долго и упорно работал Ф. П. над «Красными орлятами». Не один раз он мне говорил: «Куда ни пойду, что ни делаю, а «Орлята» из головы не выходят. Всё подбираю, что к чему». Первый вариант сказки от последующего отличался своей громоздкостью, нагромождением второстепенных и третьестепенных деталей, из-за которых затемнялся основной смысл произведения. Наряду с орлом-отцом и тремя орлятами в сказке были выведены филин, воробьи и пр., начальный эпизод открывался не борьбой орла с силами природы (солнцем, ветром, дождем), а борьбой орла с филином.

По желанию сказочника, с текстом «Красных орлят» ознакомилось несколько товарищей. Сказка была ими внимательно прочитана и разобрана. Господарев выслушал их критику и серьезно взялся за переработку. В процессе переработки он неоднократно рассказывал «Красных орлят» рабочим совхоза № 1 (Петрозаводск). Об одном из таких рассказов сказочник сообщил мне: «Сказывал «Орлят-боевых ребят». Слушали со вниманием. Один спросил: «А как же дальше?» А у меня конец не готов. Сказал: «Вот мороз-красный нос дыхнул, а догнать не мог». Поняли, о чем идёт речь. Один сказал: «Наши

самолеты летали через полюс в Америку, вот это про них...» А через некоторое время Ф. П. еще сообщил: «Пробовал еще раз рассказывать «Орлят». Лучше выходит, глаже!»

Так постепенно, шаг за шагом, закрепляя и уточняя отдельные места, сказитель пришел к завершению сказки.

«Красные орлята» — аллегорическая сказка. В образах птиц олицетворены деятели нашей Сталинской эпохи. Красный цветок выражает символ победы людей над стихиями природы. Поэтика сказки основана на традиционной поэтике волшебной сказки (зачин, концовка, трюничность). Поступки сказочных персонажей мотивированы. Сказка подчеркивает необходимость взаимопомощи в достижении цели.

Другая по времени создания и записи — сказка «Как мужик и рабочий правду искали». Сказку (белорусский вариант) Ф. П. слушал в передаче по радио.

Сказка «Ленинская правда» возникла на основе мирового сюжета: поиски правды, счастья, своей доли. Сличение белорусского варианта с вариантами Господарева, показывает нам, насколько индивидуален, самобытен и оригинален Господарев даже в разработке столь известного сюжета. Он не копирует сказку, а по-настоящему творчески перерабатывает ее. Для вариантов Господарева примечательны: лаконичный, живой и выразительный язык, динамика действий, детальная обрисовка бытовых и исторических подробностей (работа рабочего и мужика на фабрике, встреча их с Лениным и пр.).

На мотиве поиска правды (права) построена третья, вполне оригинальная сказка Ф. П. — «Как Марья с Иваном сравнялась». Сказка четко раскрывает передовую партийную позицию сказителя, утверждающего и отстаивающего в своем произведении равноправие женщины.

Н. Новиков.

¹ Творчество народов СССР. 1937, стр. 12.

СКАЗКИ

Ф.П.ГОСПОДАРЕВА

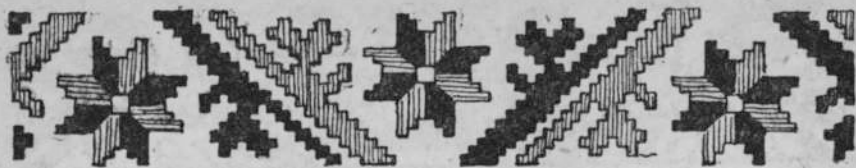

1. ОТКУДОВА НАЧИНАЮТСЯ ПЕСНИ И СКАЗКИ.

есни и сказки сочиняют морские цыганки, вроде русалок. Они в море сидят и песни поют и сказки сказывают. Зато без девушки ни одна песня не поётся, ни одна сказка не сказывается. А люди, такие спецы, сидят на берегу и слухают и записывают: какой мотив песни и какая песня, и сказки записывают; и спускают написанное по свету. Вот один читает, а другой слухает, а этот передаёт другому, а другой третьему, а третий четвёртому... Так они и идут своей дорогой, как мы скажем сейчас: есть у нас ряса, по всему свету растяглась, от конца до конца, куда ни иди — всё тут она.

2. СОЛДАТСКИЕ СЫНЫ

(Иван и Роман).

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живём, за номером пятым, в этом доме проклятом, за номером седьмым, где мы сейчас сидим. Это не сказка, это присказка. Сказка будет после обеда, наевшись мягкого хлеба, похлебав кислых щей, чтоб было брюхо толщей...

В одной деревне жил мужичок, по бедноте не было у его ничего; весной он оженился, а осенью помещик сдал его за богатого мужика в службу.

Ну, как он бедняк, его отправили подальше. Денег у его не было письмо домой написать — где он находится; жена его не знала, куда писать.

Прожила она несколько время и родила без его двух сынов. Эти сыны росли не по годам, а просто по часам.

Годов через пять, как она в бедности жила, она пошла к старосты и попросила:

— Староста, — говорит, — нельзя бы устроить моих сынов в школу, так что я средства не имею... (А раньше учителям платили.)

Староста сказал:

— Ну, как-нибудь устроим, эго дело!

Вот начали ребята ходить в школу. Один звался Иван, а другой — Роман, и они были оба волос в волос, голос в голос, что не разберёшь, какой из них Иван, какой Роман.

Проходили они зиму. Проходили они вторую. На третью зиму

стали ходить в школу обратным путём. Там богатого отца, старосты, сотников сыны ходят — отцовские дети, а они как бы бавструкí были. Их и начали ребята подталкивать:

— Эх вы, бавструкí!

Как выйдут они на прогулку — один пихнёт, другой пихнёт, а им жалиться некому: и называют их бавструкáми. (Незаконно будто рождены.)

Однажды они приходят домой и спрашивают у своей матери:

— Мама! — говорят.

— А что, сынки?

— Почему нас называют бавструкáми?

Она отвечает:

— Вы не есть бавструкí, а ваш отец служит уже шесть лет. (Раньше служили по двадцать пять лет.) Его помещик сдал вне очередь на службу.

На утро они отправляются в школу.

Вот урок у их прошол, отпустили их погулять на улицу. Ребята обратным путём подталкивают их и называют бавструкáми. Иван и говорит Роману:

— Эй, брат Роман, мы есть солдатские сыны, а не то что бавструкí. Они нас бавструкáми называют. Давай-ка, распорядимся мы с ими.

Вот Иван которого ни хватит за руки — руки прочь, хватит за голову — головы нет, так что которые были побойчей, те попали, а послабже сбежали. Они собрали шанки, приходят к школе. Роман поднимает угол школы, а Иван кладёт под угол шанки.

Роман и говорит:

— Теперь пойдём до учителя, он тоже напрасно линейкой бил нас.

Пришли к учителю. Учитель сел на колени и начал просить:

— Простите мне, наша должность такая.

— Ладно, мы тебя прощаем.

Учителя они не тронули, а сами отправились домой.

Приходят они домой. Мать у их спрашивает:

— Вы чего так рано пришли?

— Да мы так, немножко подкачали.

— Как?

— Да так: стали называть нас бавструкáми, ну мы распорядились. Которого ни хватим за руки — руки нету, которого ни хватим за голову — головы нет.

— Что же вы наделали?!

— Ничего, — отвечают они.

— Теперь нас помещик убьёт.

— Это как придётся, — они отвечают.

Мужики собрали сходку:

— Что с этими бавструкáми делать?

Призвали помещика и позвали ихнюю мать на сходку.

Когда там советовались, начал учитель сказывать, что они большую силу имеют, их не уничтожишь, не уничтожишь никаким образом.

Помещик и надумался, что сделать над ими:

— Мы скажем: пушай мать их прорубит прорубь и пустит их под лёд.

Это ей помещик и сказывает:

— Ты ступай домой, проруби прорубь и пихни своих сынов в воду, а если ты этого не сделаешь, то мы тебя туда впихнём.

Она, бедная, заплакала и пошла домой. Идёт и плачет, а они с нетерпением ожидают своей матери, что там на сходке скажут ей.

Вот встречаются мать. Мать плачет.

— Ты чего, мать, плачешь?

— А вот сказал помещик, чтобы я прорубила прорубь и вас пустила под лёд.

— Так. Ну, так воротись, мать, назад, и мы пойдём с тобой.

Мать воротилась назад. Идут они троём. Сыны сказывают:

— Ты, мать, иди в избу, а мы стоим под окошком, и скажи помещику толстобрюхому: «Толстобрюхий чорт, меня сыны прислали сюда».

Она так и сделала. Помещик сгорёл:

— Как ты имеешь право называть меня так?!

— А как же ты имел право сказать, чтоб я прорубила прорубь и пихнула своих детей. Так они сказали, чтоб завтра к двенадцати часам, за ночь, были сделаны булбóвы по двадцать пять пудов весом из мягкого железа.

Помещик тут закусил свой язык. А сыны уперлись с улицы в стенку — стенка проломилась, и они вошли в стенку.

Тут помещик стал их просить:

— Простите меня, сделаю я вам булбóвы. К завтрашнему дню будут готовы.

— Ну, смотри, толстобрюхий чорт, а то на одну твою ногу станем, а другую разорвём.

Помещик отправился поживей в своё имение, заставил кузнеца выкатывать эти булбóвы с ручками. Так что помещик не мог до двенадцати часов сделать, то он приехал к солдатским сынам и стал просить хоть на двое суток отложить.

— Ну, ладно, давай. Но чтоб за двое суток готовы были булбóвы. А ты, толстобрюхий чорт, выкати бочку вина на деревню и зарежь трёх коров, и делай этим ребятам поминки, которых мы подавили. И это чтобы было сегодня устроено.

Помещик сказал:

— Рад стараться, всё будет.

— Мы придём проведать.

— Пожалуйста. Нето в деревню, хоть ко мне придите, я и там угощу вас.

— Ну, мы к тебе не согласны идти, мы здесь будем поминать.

Помещик уехал и живо в деревню приставил вина бочку и три коровы привёл в живых. Иван и Роман не искали ножей, а целиком сорвали кожи с этих коров и сказали:

— Ешьте и поминайте этих ребят, которые называли нас бавструкáми.

Сами они отправились домой.

— Ну, иди и ты, мамаша, на угощение туда и послушай, что будут сказывать там.

Мать отправилась. Ну, тут уже худого ничего никто напротив не сказал. Мать угостилась и пришла домой.

— Ну, как, мамаша, там?

— Да всё благополучно. Все одобряют вас, никто не ругает.

А они сказали:

— А-а...

Прожили три дня, помещик привозит им булбóвы и говорит:

— Нате, молодцы, ваша просьба сделана.

Схватывает Иван булбóвку свою и говорит:

— Легковата! Здесь нет двадцати пяти пудов.

А Роман сказывает:

— Должно быть.

— А попробуй-ка ты взять.

Роман тоже схватил.

— Да, пожалуй что негу.

— Ты что ж делаешь так, толстобрюхий? Тебе сказали по двадцати пяти пудов, а ты по шестнадцати!

— Нет, вы попробуйте, солдатские сыны. (*Уже солдатскими сынами называет.*) Если не верите, я сам видал, что вешали; даже лишнее есть, чем двадцать пять пудов.

Они стали играть булбóвами: подбрасывают вверх, ловят и опять кидают. Помещик стоит и боится двинуться.

— Ну, ладно, булбóвы готовы. Будем верить твоему слову чортоскому. Теперь тебе задачу даём мы. Выкатить тоже бочку, сорок

вёдер, вина на эту деревню, чтоб знали все христиане, что мы пойдём искать своего отца. И смотри, когда угостятся, чтоб нашей матери давал мяса, мягкого хлеба, — чтоб чорствого не ела мать — и прислугу матери. Что ей понадобится, чтобы живчиком было приставлено, а если не будет приставлено, мы вернёмся, то тебя и живого не пустим.

Помещик сказал:

— С большим удовольствием будет представлено всё, что ей надо. Нето пущай покидает свою деревенску избу и идёт в мою комнату, то будет ей тут прислуга и постоянно поднесут ей всё. Пусть пьёт и ест, что ей хочется.

— Ну, смотри теперь, толстобрюхий чорт! *(Они добром его не называют.)* Смотри, как у нас булбывы засвистят. Куда булбывы засвистят, туда мы пойдём.

Иван был вроде старше.

Роман и рассказывает:

— Ну-ка, брат Иван, пусти-ка свой гостинец.

Иван схватил свою булбву и пустил — всё равно, что с орудий стукнуло, заучило и из виду скрылось.

— Ну, давай теперь я пушу.

Роман схватывает свою булбву и пустил, что это заметно, и эта булбва пошла куда та...

Они попрощались с матерью и с помещиком, толстобрюхим чортом:

— Ну и до свиданья, — сказали они.

Вот и пошли этим следом, куда булбвы полетели.

Шли они может быть день, два. Вот входят они в один лес, и смотрят они на вершинах, что когда булбвы летели, так сучья отлетали.

— Это, — говорят, — наши гостинцы летели.

Проходят они лес, видят поле. На поле стоит большой дом, и обнесёно оградой высоко, и ограда как по тюрьмах: что острые штыки тёсаны. И видят, что на каждом колу торчат человеческие головы, а два столба стоят, на которых головы нет, и кóло столба лежат их две булбвы.

— Вот дошли, — говорят, — до конца. Гостинцы наши здесь. Для гостинцев, видишь, и место свободное, наверно наши головы повесят тут. Делать нечего, надо спросить.

Хватают они свои булбвы в руки, добираются до двери. На двери замок был крепкий, двери крепко были закрыты.

Вдруг с той стороны, слышат, открываются двери. Когда дверь открылась, то выходит старуха и говорит:

— Эх, солдатские сыны, рано вы пришли. Пусть вам было бы лет по пятнадцать, а вам всего по восемь лет. И вы пошли в такую атаку! Жалко мне вас, то не трогайте своих булбв здесь. Поставьте на это место, где они были. Мой сын ожидает вас уже три дня. Ступайте за мной, — сказала старуха, — я знаю, что вы с дороги, вы кушать хотите.

— Да, бабушка, хотим.

— Ну, кушайте поживей, а то скоро придёт сын мой, так он вас сгубит.

Она их накормила и видит — сын едет. Она их взяла ударила, одного по голове и другого, и сделала их палками и поставила их за шквп. Открыл сын-Змей двери и говорит своей матери:

— Мамаша, что, — говорит, — русь-кость пахнет?

Мать отвечает ему:

— Ты по Руси летал, нанюхался русской кости, то тебе отдаёт в избе русской костью.

— Давай поёсти.

Старуха дала Змею-сыну кушать. Он покушал и говорит матери:

— Коли придут солдатские сыны сюда, то ты их удержи.

— Хорошо, сынок, задержу.

— А я, — говорит, — полечу.

— Ну, лети, — сказала она.

Змей улетел. Она берёт эти палки, ударяет их, и они делаются как и были.

— Слыхали, — говорит, — вы, что сказывал?

— Да, бабка, — говорят, — слышали.

— Так это сын мой.

— Слышали, бабка.

— Вот теперь я дам вам загадку. Не загадку, а просто службу сослужить мне.

— Мы рады стараться, бабка.

— Ну, ступайте за мной.

Они пошли за бабушкой. Она одному даёт лопату, другому топор и ведёт их на земляную гóру. И на этой горе стоял дуб вершков двадцать толщины, а под этим дубом стоял склеп. В этом склепе за дверьми два богатырских жеребца стояли *(они этого не знали, что тут есть)*.

Бабушка привела их, сказала:

— Вы этого дуба изрубите и коренья вытягните и тогда придите за мной; и поживей старайтесь, чтоб сын не наскóчил.

Роман тóкнул топором — корень сразу слетел. Второй раз тóкнул по другому корню — корень слетел и топорище улетело.

— Что ж мы ломаем, давай попробуем так.
Они подклали свои руки к этому дубу, то дуб пошатнулся.
— А давай-ка «Дубинушку» запоём.
— А как же петь?
— А ты слыхал, как мужики запевают «Дубинушку», когда тяжолый груз тянут?
— Ох, дубинушка, охни, зеленая сама пойдёт...
— Ура!
Крикнули «ура», хватили — дуб полетел.
— Видишь, «Дубинушка» пособила.
— Ну, ты, Роман, бежи к бабушке, а я остатки коренья выдерну.

Роман побёг к бабушке, а бабушка только домой пришла.
— Бабушка, да у нас дуб готов!
— Вот молодцы, ребята, — сказала баба. — Я думала часа на три вам хватит, а я только дверь отворила, а ты за мной. Ну, пойдём же, беседовать некогда, — сказала баба.
Когда пришла бабушка сюда, то Иван уже коренья выдернул и почти землю выкопал до дверей. Она и рассказывает:
— Вот, солдатские сыны, здесь стоят две лошади богатырей. Они принадлежат вам. Когда двери откроем, жеребец выскочит, то ты крикни: «Стой, пёсё мясо, передо мной; не ты будешь владеть мной, а я тобой».

Они так и сделали. Тогда лошадь остановилась и покляла голову на Ивана-солдатского сына. Так взял и Роман свою лошадь. И одела она им богатырскую одежду и дала им мечи по двадцать пять пудов, и говорит им:

— Теперь вы отправляйтесь в дорогу. Когда приедете вы к морю, то пустите своих лошадей погулять на воздухе, и они от вас никуда не уйдут. Ну только спать не ложитесь у моря, а то мой сын будет лететь и увидит коней и вас, и вы будете спавши, вы будете побеждёны, а если не будете спать, то он с вами ничего не сделает, не осилит он вас двоих. И вы его живого не пускайте.

Они пустили своих коней и начали играть в мячик, чтоб не заснуть. Немного поиграли в мячик, вдруг является Змей шести-главый.

— Да, старый чорт, я собственно слыхал, что русь-кость пахла в избе. А она мне ответила, что по Руси летал и русь-кость наюхалась, так тебе везде сдаётся. Всё равно вы от меня не уйдёте!

Братья схватили свои пашки, и явились мигом ихние лошади.

Иван срубил две головы Змею и Роман две, а у Змея уже две нарастают головы опять. Они еще по головам срубили, а у Змея еще

выросли три. То одна лошадь поднялась на дыбы и Змею на плечи взвалилась, а другая по боку ударила копытами, и Змей свалился, и лошади притисли Змея ногами (*вот лошади!*). Они остатки дорубили головы и на куски его порубили, и наклали костёр дров, и бросили его в огонь. Сами сели на лошадей и уехали.

Ехали они мало-немного. Где остановятся, сами делают шатёр себе с холста, лошадей пускают на божью волю. Утром прочищаются и лошади к ним являются. Седлают лошадей и в путь-дорогу выезжают.

Вот едут дорогой — стоит столб и две дороги лежат. Написано на таблице:

— Кто поедет правой стороной, тот будет сыт и богат, а левой стороной — неизвестно, что будет.

Они стали и прочитали и говорят сами с собою:

— Какие ж мы есть богатыри, что мы двоём ездим вместе, — придётся нам разделиться. Одному ехать в правую, другому в левую, и сделать такой договор, что если вот такого числа не сойдёмся где-нибудь, то должен воротиться на это место, на котором мы разъехавшись, и ехать тем следом, куда он поехал. Ну, и вот, как мы теперь? Кто же из нас поедет по правую, кто по левую?

Роман говорит:

— А давай кинем жеребий, то обижаться не будем друг на друга.

— А какие жеребия мы кинем здесь?

— А вот стоит куст ореховый. Слезем с лошадей, выломим себе вичку и станем мериться: чья рука будет наверху, то ехать в правую сторону.

Роман выскакивает, ломает вичку, подносит Ивану, и стали мериться. Иванова рука оказалась наверху.

— Вот тебе, брат Иван, ехать в правую сторону, а я поеду в левую. Проездом месяц, то если я не буду, то ты ворочайся, ищи меня, а если тебя не будет — я вернусь на это место и поеду искать тебя.

Ну, а теперь мы бросим Романа, а возьмёмся за Ивана.

Вот Иван мало-немного проехал по правой стороне. Стоит избушка на куриной ножке и к лесу дверями, а к дороге стенами. И он подошел к избушке. Как ни подойдёт — избушка вертится, всё попадает стенкой, и он крикнул:

— Избушка, стань к лесу стенами, а ко мне дверями.

Избушка стала к ему дверями. Он открывает двери, — там сидит

мужичок, сам маленький — до потолка, голова в пивной котёл, и говорит ему:

— Ну, спасибо, Иван-солдатский сын, что ты заехал ко мне. Есть у меня для тебя попить, поесть, но жалко, что для лошади нету корма. А второй раз будешь ехать, я приготую для лошади твоей.

Иван-солдатский сын поблагодарил старикү за то, что он его угостил.

— Ну вот, я даю тебе подарок, Иван-солдатский сын. Знаю, что вы с бедного состояния, у вас неоткуда чего взять, то вот тебе мой старый кошелёк — на. Понадобятся тебе деньги, то ты тряхни кошелёком, — сколько надо, столько ты и возмёшь (вот кошелёчек-то!). И в другой раз заезжай, не забывай меня.

Иван поблагодарил старикү и поехал дальше.

Приезжает Иван в город (так, как в Петроград), где жил государь. Заезжает в гостиницу. Снимает номер в гостинице (денег хватает у его!) и нанимает сарай для лошади. Проживает он день в гостинице этой, ну и второй, может быть и третий (там неизвестно уже).

Утром просыпается, — что-то жалобны е флаги вывешены. И он спрашивает у хозяина:

— Хозяин, что у вас такое: вывешены траурные флаги?

— Молчи, молодой человек, это у нас несчастье здесь в городе.

— А что такое?

— Да царю Змей прислал шестиглавый письмо, чтоб государь прислал свою дочку на поедание Змею, а если государь не пошлёт, то он всё царство сожгёт. Так это и траурные флаги вывешены. А у царя дочка одна.

Иван выслушал его разговор и говорит ему:

— Ты, хозяин, засыпь моему коню порцию овса и подай мне порцию еды.

— Сейчас, молодой человек, сей минутой сделается.

Иван покушал и говорит хозяину:

— Хозяин, я уеду на охоту.

— Ну поезжай.

Он отправился на охоту.

Приезжает к морю. А там государева дочь была в бесёдку прикована цепями. Он ей говорит:

— Здравствуй, прекрасная царевна!

Она думала, что это Змей такой красивый.

— Ещё ты называешь меня прекрасной царевной, а приехал меня поесть!

— Нет, — говорит, — я не Змей.

Скинул шапку, перекрестился.

— Я приехал избавить тебя. Избавлю, али нет, а всё-таки попробую. Сорвал ей цепи и бросил в море.

Вдруг выходит Змей из моря и говорит ему:

— Да, государь милостивый: я требовал одну, а он прислал трое. Будет выпить и закусить.

— Может закусишь, а может подавишься!

Змей засмеялся:

— Такого противника у меня нету и близко, а есть в некотором царстве, в другом государстве два солдатских сына, так они ещё малы — им только по девять лет. Так их сюда вброн костей не занесёт.

— Вброн костей не заносит, а сам добрый молодец приходит.

Он спрашивает:

— Ты Иван-солдатский сын, аль Роман? Так это ты моего дядю ушлёпал?

— Да, — говорит, — я.

— Это тая, проклятая, вам лошадей дала! Ну, ладно, я всё-таки с тобой справлюсь.

— А посмотрим, — он отвечает, духом не падает.

— Ну, Иван, что ж — будем биться, аль мириться?

Иван отвечает:

— Не приехал мириться, а приехал побиться! Кому достанется государская дочь: мне, али тебе?

— Давай, — говорит.

Иван как рубил — три головы слетело со Змея. А Змей как ударил — Иван по колен в землю вшол. Иван срубил ещё две головы. Змей его вбил в землю по пояс.

Иван и говорит ему:

— О, Змей! Мы бьёмся, дерёмся. Цари и короли бьются, и то отдыхку делают, а мы с тобой не отдохнём, за какую-то королевну бьёмся.

У Змея ещё две головы вырастают.

— Ну, давай отдохнём. (Змей надеется, что у его голов прибавится, а Иван надеется, что из земли выберется.)

Иван выбрался с земли и стал на крепкой почве и говорит:

— Мы уже отдохнули.

И опять мечом ткнул его. Остаётся у Змея одна голова (головы не успели вырасти). Змей его ударил, но глубоко в землю не вбил. Змей ему и говорит:

— Последняя голова осталась. Хотя ты молод, да умён. (Змей видит, что обдул Иван) — Теперь вижу, что я погиб, — Змей уже сознаётся.

Иван махнул мечом и остатки срубил. Головы кладёт под камень, а языки на камень и берёт у царевны заручённое кольцо и отправляет ее домой, и она его зовёт на пару стаканов чаю. Он ответил:

— Я через месяц приеду, а сейчас мне некогда.

Он и еще ей сказал:

— Я через месяц приеду и буду жениться на тебе.

Она его обняла, поцеловала и сказала:

— Проведи меня хоть до городу.

А он ответил ей:

— Небольшая ты есть фрейлина, — можешь дойти одна, а мне надо поспеть в другое место.

Она заплакала и пошла, а он сел на своего коня и отправился.

А в то время водовоз брал воду, всё видал, как он бился со Змеем и куда клал головы и языки.

Он подходит к царевны и говорит ей:

— Скажи, что я тебя спас.

И она ему говорит:

— Как же я могу говорить, что ты меня спас?

— Как хочешь. Не скажешь, так вот черпаком убью и в море брошу и скажу, что Змей съел.

Она думает: «Вот беда: одного сбыва, на другого наскочила».

— Ладно, скажу, что ты меня освободил и Змея шестиглавого убил.

— Сядь на коленках и поклянись, и ком земли съешь, тогда поверю, что ты это скажешь.

Она это сделала. Он ее подмышку взял и тащит домой.

Когда привёл, она и рассказывает, что вот такой-то убил Змея.

Тут ему нашивочки нашили и почёт дали, и сказал государь:

— Зятем будешь моим.

Иван приезжает в свою гостиницу домой и говорит хозяину:

— Ты, хозяин, дай мне две порции поёсти сразу и дай коню моему порцию овса. Я на трое суток закрываю свою комнату и буду писать письма домой. Чтоб никто не приходил ко мне трое суток, так что я выходить не буду. А лошадь, смотри, корми как следует, каждый день.

А сам пообедал и лёг спать на трое суток.

На третьи сутки происходит. Опять по церквам звоны пошли, и траурные вывешены флаги, и он у хозяина спрашивает:

— Хозяин, это что такое?

— Молчи, молодой человек. Тот раз шестиглавый Змей требовал царскую дочку, а теперь девятиглавый. В тот раз водовоз Змея шестиглавого убил, так надеется, что, может быть, и этого убьёт.

— А дочка, что ж, одна у государя?

— Одна, одна дочка.

— Дай-ка мне две порции поёсти скорей и засыпь коню две порции овса!

— Сейчас, молодой человек.

— Ну-ну-ну — поскорей!

Поел.

— Ну, я отправлюсь на охоту.

Ну, вот и отправился.

Когда он поспешил, то первый раз народ его не видал, а второй раз, когда он ехал в ту гору, в ту бесёдку, шёл народ оттуда. Народ упал весь на землю, все сказали:

— Поехал Змей! (Он шибко ехал и его признали за Змея.)

Когда приехал он туда, она прикована была обратным путём. Она и говорит ему:

— Вот, милый друг, не повёл ты меня до городу, то пришлось мне дать клятву водовозу. Ему уже нашивки нашили.

— А тебе не всё равно? Либо был мужик. Ну, вот и жених будет, из бедного станет богатый. Всё равно, хочешь за мной, хочешь за им.

Но, так как рассказывать дальше некогда было ей, — что явился Змей и говорит:

— Да, государь милостивый, прислал выпить и закусить; я ждал одну, а он прислал трёх.

А Иван говорит:

— Может быть и выпивкой подавишься!

Змей усмехнулся:

— Это, — говорит, — ты убил брата моего, а меня не убьёшь!

— Посмотрим!

Иван своего коня не привязал к бесёдке, а только подвязал поводок.

Когда Иван ударил Змея — три головы срубил. А Змей Ивана выше колен в землю вбил. Он второй раз махнул — тоже три головы срубил. Остается у Змея три головы, а две нарастают. То лошадь кинулася на Змея и сбила с ног, а в то время Иван выскочил из земли, но с ухваткой, срубил две головы. Змей ему и говорит:

— Счастлив ты через лошадь! Я погибну, а у меня брат приедет на лошади, двенадцатиглавый!

Всё-таки Иван кончил его и сказывает царевны:

— Кольцо я у тебя взял, а теперь ты дай водовозу кольцо, как ты клятву дала, и выходи замуж.

А она ему отвечает:

— А где ж ты будешь встречаться с двенадцатиглавым Змеем?
(Она слышала.)

— А придётся у этой бесёдки встречаться. И ты будешь тут.
А где ж ваш водовоз сидит?

— А вот там на дубе.

— Ну, я заеду, покалякаю с им.

Ну, вот подъезжает к дубу. А царевна осталась тихонько итти.

— Ну-ка, вояка, слазь-ка с дуба! Мы поговорим с тобой.

— Нет, не полезу.

— Ну, скатись, что горошина!

Иван слазит с коня. Тряхнул дуба, он и покатился. И он до земли не допустил — на воздухе его схватил и поставил его на ноги, своей плёткой вдáрил его тихонько один раз.

— Ну, и довольно, будет с тебя. Бери царевну, веди домой и можешь жениться на ей. Я женатый уже, и мне не надо.

Водовоз зародовался, что попадёт кусок товару хорошего. Вот он взял царевну и повёл. Там уже ему стали делать перевязку от кнута.

Иван-солдатский сын приехал в свою гостиницу и таким образом рассказывает хозяину:

— Подай мне две порции поёсти!

Хозяин подáл, и он сказал:

— Смотри, на́ трое суток запираюсь в комнату. Чтоб ко мне никто не приходил. Буду писать письма. А лошади давай такую порцию, как и надо. А я выходить не буду.

И лёг спать.

Трое суток спит. На третьи сутки прочинаётся. Опять по церквам звоны, и траурные флаги. Он хозяина и спрашивает:

— Что такое, хозяин?

— Молодой человек, двенадцатиглавый Змей пишет государю, чтоб он прислал свою дочку на поедание. А если государь не пошлёт, то он всё царство наше сожгёт.

— А во сколько часов?

— В двенадцать часов ровно, чтобы она была там у моря.

— Так дай-ка мне тройную порцию и лошади моей дай тройную порцию! Дай мне, хозяин, сто рублей денег.

— Ой, помиуйте, молодой человек! Ей-богу, сейчас денег ни копейки нету.

— Так ступай скорей сюда!

Хозяин приходит.

— Держи полу!

Хозяин свой халат подымает, подходит к ему. И он вынимает кошёлёк, начал трясти в его полу.

— Ну, что, будет? — кричит.

— Прибавь ещё немножко.

— Ну, смотри, я буду прибавлять, а если упустишь — все мои.

— Нет, не упусти!

Он сильнее стал трясти кошельком. У хозяина руки изомлели, а всё мало. У хозяина и руки разъехались, и деньги посыпались на пол. Он на хозяина:

— Прочь из комнаты!

— Дай хоть половинки.

— Ну, забирай скорей все!

Хозяин кряхтит, загребает.

— Вот вам полтора ста рублей денег.

Иван берёт эти деньги, садится на своего коня, приезжает в магазин.

— Дайте мне пять пудов пеньки.

Ему подают пять пудов пеньки.

— Дайте мне бочку смолы.

Ему подают бочку смолы.

— Дайте ведер в шесть котёл такой.

Ему и котёл подают. Он это всё забирает, садится на своего коня и ф-футь — пошол.

Вот приезжает, станóвит котёл, наливает смолы и начал греть.

Когда смола согрелась, он берёт седло с лошади и мочит в смолу пеньку, и обкручивает своего коня пенькой. И он так, что обвертел коня почти на два вершка толщиной кругом. Тогда кладёт седло, садится на коня и отправляется к морю. Приезжает сюда. Только управился снять цепи с государственной дочки, тут является Змей двенадцатиглавый и говорит ему:

— Ну, вот, Иван-солдатский сын! Теперь мы будем биться, аль мириться?

— Не на то приехали мы, чтоб мириться, а приехали биться!

То Змей ему отвечает:

— Мы теперь пустим своих лошадей биться, а потом будем биться сами. Если твоя лошадь побьёт мою лошадь — придётся мне погибнуть, а если моя лошадь собьёт твою — придётся тебе погибнуть.

Вот пустили они лошадей. То змеев конь как хватит этого коня за шкуру, так кусок пеньки летит смоляной. А иванов конь как змеева коня хватит — кожи клок вон. Так что иванов конь избил змеева коня. То Змей рассказывает Ивану:

— Ты хитростями! Твой конь сбил моего коня, а меня ты не собьёшь!

А он отвечает:

— Если я ухитрился сбить коня, то ухитрюсь сбить и тебя!

И начали они биться. То когда Иван ударит — три головы слетают; а он его по колен в землю вбил. И он второй раз взмахнул — три головы сбил, Змей его до пояса вбил. Иван махнул третий раз — тоже три головы ему срубил. А у его две головы вырастают. Змей вбил его в землю до рук. То Иван-солдатский сын рассказывает:

— Эх, Змей! Из-за какой-то королевы мы бьёмся. Цари-короли дерутся, и то отдышку делают, а мы с тобой не отдохнём. Давай, хоть по черпаку воды выпьем.

Ну, вот Змей ответил:

— Давай, отдохнём! *(Змей надеялся, что у его головы прибавятся, и когда выпьет воды — сильнее будет.)*

Они стали отдыхать. Иван выбрался с земли, а у Змея выросло две головы. Иван и крикнул на царевну:

— Эх, прекрасная царевна! За тебя мы бьёмся. Хотя б подала нам по черпаку воды.

И она черпает черпак воды и подносит Ивану-солдатскому сыну. Когда Иван выпил, то Змей говорит:

— Подай же мне воды!

Иван отвечает:

— У тебя ж не одна голова, а пять. Так пока она пять черпаков принесёт, она и устанет. Можно и так обойтись. Теперь давай драться.

Вот опять они начали драться. Когда Иван махнул — отрубил три головы. А у его еще остаются две, Ивана по пояс в землю вбил сразу Змей. Тогда подскакивает лошадь и сбивает Змея с ног. Тут Иван кончил все головы ему. Головы — под камень, языки — на камень и попрощался с царевной. И сказал ей:

— Можешь выходить за водовоза замуж, а я женатый.

Царевна заплакала, но делать нечего; только сказала:

— Жалко, жалко.

Иван отправился в свою гостиницу, а водовоз взял ее и повёл домой. Иван приезжает в гостиницу, сказал хозяину:

— Подай мне две порции и ко мне трое суток никто не ходи! А коня смотри.

— Хорошо, хорошо.

Тут прошло несколько дней, он проснулся и спрашивает:

— Ну, что у вас слыхать в городе?

— А слыхать у нас в городе то, что будто венчается водовоз на государственной дочке, и он будет у нас государём.

— Ну, так вот, хозяин. К этому дню, когда он будет венчаться, чтобы ты свою гостиницу!.. Была б духовая музыка, и кто ни при-

дёт — на мой счёт угощать. И духовая музыка на мой счёт. И чтобы музыка всё время играла.

Хозяин знал, что у его такой кошелек и расплатиться есть чем, и нанял музыку. И музыка играла целые сутки без перестанка.

То когда они ехали к венцу, Иван подъехал и схватил ее на коня и привёз в эту гостиницу. То все сплеснули руками и подумали, что Змей схватил государственную дочь в среди города и куда повёз, неизвестно. Так жених и остался не при чём.

Тогда государь во всех церквях стал отпевать ее, вывешены были траурные флаги, и все трактиры, магазины на трое суток закрыты были и не велено в музыку играть. Но в этой гостинице, как нанята была музыка — должна была играть. То государь говорит:

— Почему в такой гостинице играет музыка, не закрывается? Моего приказанья не слушают?!

Вот посылает он, чтоб была закрыта эта гостиница немедленно. Посылает он человека, то эти посланцы приходят заявить, чтобы эта гостиница была закрыта, и видят они государственную дочь здесь. То государь приезжает сам в эту гостиницу. Она и говорить отцу:

— Отец, вот мой избавитель, который сбавил меня от Змея.

А он отвечает:

— Да, теперь ты нашла другого. Тебе просто сказать, что этот тебя сбавил. Почему ты тогда не сказала?

Велел закрыть эту гостиницу и арестовать этого молодого человека. Арестовали и одели его в кандалы и повели его туда, к государю, на допрос. [На допросе] Иван-солдатский сын и говорит:

— Пусть же ваш вояка покажет, где лежат змеевы головы. Когда он Змея убивал, куда он девал головы?

И он [водовоз] говорит:

— Под таким камнем один, под таким камнем другой, под таким камнем третий *(он ведь видал)*.

— Тогда, — говорит Иван, — пойдёмте к морю, и пусть он покажет, поднимет камень — покажет.

Вот они приходят тула, водовоз и говорит:

— Здесь головы шестиглавого Змея, здесь — девяти, здесь — двенадцатиглавого *(по языкам видал)*.

— Ну, так вот, ты подыми камень и покажи головы. Языки видны тебе, что на камне лежат, а покажи головы.

Он и пошёл кругом камня, камень ворочать. Так где же ему повернуть тот камень! Камень не ворочится. А Иван-солдатский сын закован в кандалы.

— А вот я покажу.

Он подходит к этому камню, где лежат головы шестиглавого

Змея, — не руками взял, а взял ногой как свистнул, — камень покати-
лся в море, и кандалы полетели вслед, порвались. А потом поды-
мает все камни, показывает публике. То вся публика сказала:

— Действительно, этот освободил, а не водовоз. Водовоза за
эти штуки взять и к конскому хвосту привязать и пустить в чисто поле.

А Иван-солдатский сын отвечает публике:

— Зачем гонять лошадь зря!

Подхватывает его за пояс и бросает его среди моря.

— Вот пусть рыба ест!

За теми пирогами, которые были приготовлены к той свадьбе,
сделали свадьбу. Вот и стал женатым Иван-солдатский сын.

Пожил он дня три-четыре со своей женой и говорит ей:

— Пойдём-ка, прогуляемся, дорогая.

Они вышли на балкон. Стоят на балконе, разговаривают. Иван
видит, что вроде кладбища стоит роща, и спрашивает у нее, у своей жены:

— Что такое за лес?

Она ему отвечает:

— Это роща. Называется она Мáriaна роща у нас. В этой
Мáriaной роще как кто пойдёт, никто не вернётся назад. Два полка
солдат послали — и то их нету.

Он выходит с балкона и сказал:

— Оседлайте мне коня!

И она его спрашивает:

— Куда ты поедешь?

— А поеду, прокачусь.

— Только, пожалуйста, не едь в Мáriaну рощу.

Он как сел, свистнул — прямо в Мáriaну рощу и полетел. Захо-
телось ему знать, что такая за Мáriaна роща. Но жена наблюдала
и видит, что он отправился в Мáriaну рощу.

Когда он только уехал в Мáriaну рощу, тут оказывается лисица
ему. Он за этой лисицей погнался. Он ехал, кажется, немного, а он
проскочил в другое царство, а лисицы догнать не мог.

Ехал он деревнями, ехал он скалами (за этой лисицей всё
гонался). Вдруг стоит дом (один дом на всём пути встретил). То лисица
под воротами, а лошадь через ворота проскочила. Он поставил свою
лошадь и пошел в дом. Отворяет двери. Тут солдатская оказывается
кухня: обед варят. Он спрашивает:

— Кто здесь живёт?

Ему никто не отвечает, сделались все камнем. Он отворяет дру-
гие двери (далее пошел) и видит — солдатская швейня: одежду
солдатскую шьют.

Когда он спросил, то и они камнями сделались. Он видит третьи

двери. Он отворяет третьи двери, не обнаживши своей шапки
Вдруг навстречу бежит старушка (та самая, которая вела его сюда —
волшебница). Он спрашивает:

— Кто здесь живёт?

И он выхватил шапку. А она махнула на его носовым платком
и сделала его камнем. И он теперь стоит.

Проходит время, как они договор сделали с братом.

— Надо теперь вернуться на ту дорогу, на которой я был
и распростился с братом.

Ну, вот приезжает Роман на эту дорогу, заворачивает на тот
след, куда брат поехал, то конь его быстрее понёс (конь знал, что
уже брата нету).

Заезжает он следом. Стоит избушка на куриной ножке (такая)
и к лесу дверями, а к дороге стенами. Он заходит к дверям. Из-
бушка покрутилась опять (на куриной ножке она крутилась, чтоб
никто не заходил).

Он крикнул:

— Встань, избушка, к лесу стенами и ко мне дверями.

Входит, открывает двери. Там сидит маленький человек — ростом
под потолок, голова с пивной, с банный котелок. Он и говорит:

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, здравствуй!

— Ну, спасибо, — дедушка рассказывает ему, — что ты мимо не
проехал меня и заехал ко мне. То теперь, — говорит, — есть для ло-
шади корму — я запас, и есть для вас что попить, поесть.

Стали они угощаться. Дедушка это угостил его, и он отправился
в дорогу. Дедушка не знал, что это был его брат (они волос в волос
были, голос в голос). Подарка ему никакого не дал (тому дал ко-
шелек; вот бы нам такой кошелек!). Вот он отправился быстрее.

Приезжает он в этот город, то лошадь везёт его прямо на по-
стоялый двор, где он [Иван] стоял. То выскакивает хозяин и кричит:

— Здравствуйте, ваше императорство! Спасибо, что заехали к нам.
А мы все думали, что вас и в живых нету.

А он отвечает:

— Как в живых нету? — Вот мы!

Стал он угощать. Пошел слых, что государь приехал, а не заехал
раньше домой, а заехал в гостиницу. И он тут угостился и садится
на коня, и отправляется его следом.

Вдруг его на дороге встречает фрейлина молодая (жена Ивана)
и бросается ему на шею:

— Эх ты, милый друг! Сколько время не было тебя, и ты
раньше не заехал домой, а заехал в гостиницу!

Роман отвечает:

— Это по привычке.

Вот приехали, и он во дворец. И вот приказал поставить лошадь на место *(где стоял братов конь)*. Коня поставили. Она его повела в комнату, показывает:

— Что тебя не было, я и в комнате мало находилась.

Тут они угостились, выпили, закусили. Пошли в комнату, и она к нему повисла на шею кряду.

Он и говорит ей:

— Ты, — говорит, — сегодня поменьше со мной заигрывай.

— Почему, милый мой?

— Да так, — говорит.

Вот уже приходит ночь, надо спать *(как и нам, грешным людям, знаешь)*. Он и говорит ей:

— Знаешь, моя дорогая, что? Ты мне постели постель особенно. Я буду один спать.

— Почему, — говорит, — так?

— Да так, — говорит.

— А что, я для того замуж вышла, чтоб особенно спать?! Всё равно не постелю другой постели! Всё равно ляжем на одной!

То он ей говорит:

— От тебя не откреститься. Такая красивая, молодая.

Он берёт меч и кладёт середине себя. И сказал ей так:

— Смотри, я был в такой положении, что я поклялся сам собою, что как приеду домой, то с женой ничего не делать. Там вот лежит в средѣ меч. Если ты покладёшь на меня руку — рука у тебя прочь, а если ногу — нога прочь.

Она легла. Когда он заснул, она берёт платок и бросает на его платок; половина на ём, половина у нее в руках. Она не поверила, снимает кофту и кофту бросила, и юбку тоже прорубила. Она тут ночи не спала, боялась повернуться, чтоб не доткнуться до его меча. И проспали они до утра.

Утром встают, чаю пили. Она и говорит ему:

— Я думала, друг, что ты поехал в Мярину рошу и что ты оттудова не вернёшься.

— Нет. А где же это ваша Мярина роша?

— А я тебе показывала с балкона, и ты прямо поехал туда. И я следила за тобой с балкона, что вы поехали прямо в Мярину рошу.

— Так покажь-ка мне ее, что за Мярина роша.

Она вышла на балкон и показывает:

— Вот она!

— Ну, я сейчас поеду в неё, — он отвечает.

— Да что ты, милый мой! Туда полк солдат послали, и те не вернулись, а ты поедешь.

— А какой же я есть богатырь, что я буду бояться Мяринной вашей роши. Я мигом туда полечу.

Сел на коня и уехал прямо в Мярину рошу. Когда он подъехал к Мяринной роше, является эта самая лисица. Ну, он за этой лисицей гнаться. Лисица этим следом, которым и брата вела. Он пролетел в это царство ее. Стоит дом на поле, кругом камень весь. Лисица под воротá, а лошадь через воротá с ним перескочила. И лошадь подошла к лошади Ивана и стала лизать. А лошадь стоит, как камень, но видно, что лошадь. То лошадь подошла к этому камню и начала нюхать и лизать этот камень, и он видит, что это его брата конь. Он поставил своего коня рядом. Сам обнажил шашку и пошел.

Он первую дверь открывает — солдаты варят обед. Он спрашивает:

— Кто здесь живёт?

Они камнем все обратились, не ответили ему ничего.

Он открывает другую дверь — то солдатская швейня *(шьют солдатам одежу)*. То он тоже спросил:

— Кто здесь живёт?

То они камнем обратились.

— Ну, теперь я открою третьи двери. Спрашивать больше не буду. Кого увижу, сейчас голову сниму!

Открывает третьи двери и вперед пускает свою шашку.

Вдруг является к нему старуха. И он, не спрашивая ее, чикнул — срубил ей голову. А у нее в руках носовой платок. Он тогда берёт этот платок и стал искать по карманах, что еще есть. Вынимает он другой платок. Взял махнул другим платком, который платок был в руке у этой старухи, — то она сделалась камнем. Он видит, что стоит здесь тоже отмалёванный человек, как и он, только камень. И он махнул этим платком, который был в кармане — то брат такой стал, как и был, и говорит:

— Эх, как я долго спал!

А тут за дверями крикнули:

— Ура! — все, — вот спаситель, спас всё царство.

Он глянул в окошко, — где были скалы, тут оказался город. Люди засуетились по всему городу и вот кинулись в этот дом и крикнули:

— Ты у нас будешь государём *(на Романа)*.

И вот он приступил на престол. Тут и брат его был с им же. Тогда они и говорят:

— Ну, давай же, брат, поедem ко мне! Я ведь тоже царём.

— Знаю, знаю, — отвечает Роман. — Давай поедem в твоё царство.

То Роман дал брату платки своему.

— Вот, — говорит, — я какие платки имею!

Проехали они мало-немного, стали разговаривать про жизнь. Роман усмехнулся и говорит:

— Знаешь, брат Иван!

— А что? — говорит.

— Я сегодня ночь ночевал с твоей женой.

Ивану стало жалко, что тот может что сотворил, и думает: — «Что же, такую насмешку никто знать не будет и верить никто не будет, что брат был у меня, что брат освободил меня».

Вынимает из кармана платок и махнул на его этим платком. Роман сделался среди дороги камнем, а он быстрее стал ехать домой. Что ни гонит своего коня, дорога не перёдится. Видит, что у его конь смётно идёт, — как он его ни подталкивает, конь не несёт, не шевелится. Он сам себе подумал: «Эх, какой я есть дурак! Жену-то я могу найти себе, а брата не найду. И он меня освободил, а я такую подлость сделал для его. Вернусь назад, попрошу прощения».

Когда только он повернул своего коня, ехать к брату назад, то конь полетел, что с ружья пуля назад. Так что он ехал туда цельный час от брата, а к брату приехал за пять минут. И махнул другим платком и начал брата просить:

— Прости, брат, мне, что я сделал так ко́ло тебя.

— Ну, ладно, — говорит, — пусть так. Придешь домой, то ты узнаешь, как я с ей спал.

Вот они уже приезжают вечером (*в такое время, как мы с вами сидим, часов в девять-десять*) и подъезжают к государскому дворцу. Стоят часовые на часах на воротах. Вот Роман подъехал и спрашивает:

— Дома ваш молодой государь?

— Да, был, — говорит, — третьего дня был дома. Его, — говорит, — не было двадцать дней, а третьего дня он приехал и опять уехал.

— А можно туда до жены его добиться?

— Не знаем, мы не можем тебя туда пропустить.

А он говорит:

— Вы посмотрите, может государь ваш здесь? Хорошо вы знаете его?

— А мы и не видали его, что за государь. (*Где каждый солдат знает государя!*)

Он слышит голос, подходит под ихний голос, Роман и спрашивает:

— Ты, — говорит, — служивый, сколько лет служишь?

— Девять лет, десятый пошел.

— А с какой ты местности?

— Вот с такой-то.

— А деревню вашу как зовут?

— А вот так-то, там Пиревичи или Слобода, скажем, Пиревичи.

— А кто ж у тебя дома есть?

— А теперь не знаю, кто у меня дома есть.

— Да что, — говорит, — ты писем не пишешь?

— Да простите, писать не на что, нету капитала.

— А с дому вам пишут? Тебе пишут с дому?

— Да почти некому с дому писать. Кому?

— Почему некому писать?

— А потому некому писать, что, я перед службою женился и какой-нибудь месяц пожил с женой. Так не знаю, жива она, али помёрши. А девять лет друг другу не писали, и она не знает, где я живу. А мне писать не за что. Так что я уже прозабыл (*это правильно сказано*).

Роман и отвечает:

— Забывать не надо.

А Иван настаивает, помалкивает.

Вот Роман подъезжает к ему ближе, берёт его за шкёрку и сáдит его к себе и говорит:

— Ты — отец наш. Теперь поедem в воротá.

Воротá были закрыты. Иван говорит:

— Надо открыть воротá. Я сейчас открою.

Взял толкнул, воротá полетели со стояками, дорога очищена.

Подъезжают они к крыльцу, там уже и звесть дана. Она выскочила и бросилась к одному на шею, к другому на шею. И солдат с ими тут. И пошли они все в комнату. Она и говорит:

— Для чего солдата ведёте?

А Роман отвечает:

— Ты этому поклонись в ноги, да поцелуешь руки, этому солдату.

А Иван всё помалкивает, да такой смётный.

Роман и говорит:

— Вот за это слово, что ты сказала, для чего солдата ведём, то поклонись этому солдату низко в ноги и поцелуй ему руку, и попроси у его прощенья за своё слово.

Она так и сделала: поклонилась, поцеловала в руку. А Роман говорит:

— Скажи: «Отец, прости мне».

То солдат говорит:

— Ну, я прощаю тебе.

— Ну, ладно, — сказал Роман, — теперь же давай-ка мы угостимся, мы с дороги.

А Иван всё помалкивает, Роман командует.

Собрались государь старый (тесть), государыня. Вот он стал, Роман, рассказывать:

— Ну, теперь, голубушка, узнай-ка своего мужа сейчас, которой твой муж есть: я аль этот?

— Да я не знаю, который муж.

— Ну вот, если ты не знаешь, который твой муж, так вот расскажи-ка, как третью ночь ты ночевала с мужем.

— Да, действительно, спала на одной постели. Ну он просил меня, чтобы я постлала ему отдельную постель, но я не согласилась отдельно спать и дала ему ответ такой: «Для того я и замуж пошла, чтобы отдельно мне спать?». То он мне сказал: «Ну, вот, дорогая моя! Я был в таком месте и поклялся сам собою, что приду домой, я с женой спать не буду». Ну, он всё-таки от меня не мог откреститься, я легла с им на одну постель. То он встаёт и берёт свою шашку (*али меч — всё равно*) и кладёт в середину и сказал мне, что если ты покладёшь на меня руку, то рука тебе прочь, а если ногу, то и нога прочь. Ну, когда он заснул, то я сделала опыт: взяла бросила платок на его, — половина на ём, а половина у меня в руках. Я второй раз не поверила этому. Взяла свою кофту бросила, и кофта половина у его, половина у меня. Я сняла свою юбку, в которой спала, и бросила на его, — половина у меня в руках, а половина у его. То я целную ночь не спала и боялась повернуться.

Тогда Иван бросается Роману в ноги и просит его:

— Прости, брат, мне за эту за мою вину.

— Ну, проси отца, что он простит тебе вину.

Иван стал просить отца, чтобы он простил ему эту вину.

— Ну, вот, этот твой муж, который поклонился мне.

Вот они стали здесь подгуливать. Подгуляли сутки, отдохнувши; другие подгуляли.

Роман и говорит брату своему:

— Ну, пусть отец живёт у тебя, пока я съезжу домой.

Оседлал коня и махнул в деревню за матерью.

Приезжает он в деревню, заходит в родительскую избушку, а там уже другой бедняк живёт в этой избушке. И он и спрашивает:

— А где хозяйка?

— Хозяйка, что ей? Просто жить. И она живёт лучшей барыни.

Живёт она в комнате; кормят ее, поят, что она хочет; денег у ей до пальцев; даже несколько разов приходила сюда, и как придёт, то рублей пять-шесть даст (*этому бедняку*). То и мы за ее богу молимся.

— А у тебя что, избы нету?

— Да, нету, молодой человек. Изба была у меня, да она сгорела. То мне помещик — наш барин — дал мне эту избу.

— А что он, хозяин ей?

— Да, что велит, то надо делать — он отвечает, бедняк.

— Ну, ничего. Я прикажу толстобрюхому, чтобы он сделал тебе новый дом в этом месте и с тремя комнатами.

— Где ж он вас послушает? — сказал бедняк молодому человеку.

— А ты знаешь, кто я?

— Нет, не знаю.

— А вот в таком-то году, что было у вас? Кто в этой избе жил?

— Да тут жила солдатка, фамилия такая-то, то ее сыны были богатыри и приказали, чтобы помещик ее воспитывал.

— А ты признаёшь меня, что я самый и есть?

— Не могу признать. Так вы тогда были маленькие. Хотя вам помещик по двадцать пять пудов б у л о в ы сделал, и вы пошли вслед за ими, я не признаю, что вы, собственно, теперь — какой мужик. А им еще десять лет.

— Нет, самые и есть. Ну, вот, завтрашний день я толстобрюхому велю, чтобы он собрал сходку, и ты приходи туда. А я еду в имение. Сел и поехал.

Приезжает в имение и спрашивает, где такая-то живёт по фамилии. Там придворные рассказывают: «В тех комнатах, где барин находится». Он от придворного прямо к комнатам покатил. У крыльца лошадь оставил, а сам пошел в комнату. Увидал барин, что идёт человек, такой молодой, красивый, он подходит к ему и спрашивает у его:

— Что вам надо, молодой человек, от меня?

— Я пришел к такой-то женщине, повидать ее!

— А вот она в тех дверях находится (*помещик догадался, знаешь*), можете пройти.

Он приходит к матери. Мать по лицу узнала, только не знает, который. Она и спрашивает:

— Который — Роман, аль Иван, сынок?

— Нет, мамаша, — Роман.

— А где ж Иван?

— Иван царствует; уже второй месяц пошел, как женился. Заступил государём вот в таком-то месте, а я тоже поступил на престол вот в таком-то месте и приехал за тобой. И отец наш теперь живёт у Ивана, а ваш муж.

Старуха (*какая старуха!*) израдовалась, а помещик всё в дверях [стоит] и слухает.

— Ну, ладно, мамаша, это всё хорошо. Ну а как же толстобрюхий чорт тебя питал, хорошо?

— Хорошо, хорошо, сынок. Спасибо ему, барину.

— Ну, какой чорт ты ему спасибо говоришь?! Ему глаза выколоть надо! Вишь богатого не сдал, а бедняка в службу сдал. Ну, ладно, простим ему эту вину, чорту этому; другой раз помнить будет. Не охота рук пачкать, заколоть его, так что и так уж скоро сдохнет (*стар был*). Ну, я пойду скажу, чтоб коня убрали в конюшню.

Помещик от дверей побёг.

Вот он входит:

— Ты, толстобрюхий чорт, завел, чтоб коня убрали в конюшню.

— Вы, может быть, хотите покушать, молодой человек?

— Да, не мешает.

Он крикнул. Подали ему покушать. Здесь было пиво, коньяку, вина, — всего. Потом он и говорит:

— Ну, ты толстобрюхий чорт (*он иначе его и не звал*), ты дай известие, чтоб завтра староста собрал сход, чтоб все были на сходке, не один не отлучился, и скажи им: и ты приедешь и Роман такой-то приедет, солдатский сын.

А мужик давно уже рассказал крестьянам своим, что приехал такой-то.

Помещик живо велел запречь лошадь, и сам отправился в деревню. Приехал и на старосту приказывает:

— Чтоб завтра была к девяти часам утра сходка, чтоб никуда ни один не отлучился. Я приеду и Роман приедет.

А сам отправился в имение.

Приезжает, докладает Роману, что это всё будет готово.

— Ну, так вот же ты, толстобрюхий чорт, ты чтоб сорок вёдер бочку вина отправил туда и убил три коровы и послал туда два котла больших, чтоб было в чём варить. Ну и крупы три пуда пошли, хлеба напеки за ночь пудов семь (*хватит с мясом там*).

Толстобрюхий чорт сказал, что это всё будет готово; то ему спать некогда было со своими прислугами.

На утро к девяти часам помещик запрягает три лошади и отправляет в деревню, и сами туда поехали. А мужики уже собравши все.

Роман говорит:

— Ну, вот, раньше по кружке выпить, а потом, — говорит, — разожгите костёр, поставьте котлы и поставьте человек несколько, чтобы они готовили.

То мужики рады стараться этому случаю. Вот они выпивают и подхваливают и благодарят Роману:

— Вот, Роман, молодёц, третий раз выпиваем за твоё здоровье!

— Ну, пейте наздоровье.

Потом он приказывает помещику:

— Ну, вот тебе последняя загадка, толстобрюхий чорт: вот на этом месте, где вот такой бедняк живёт, выстроить дом новый, чтоб было три комнаты, четвёртая кухня и двор и дать ему корову и лошадь; и чтоб он ему не служил (*не работал у помещика*), и что он будет жить, что как и ты, дворянин (*помещики раньше дворяне были*). Надо в лес ехать — чтоб его не забирали.

Мужички выпили, поблагодарили, и он мужикам поблагодарил.

— Живите спокойно, а я уеду.

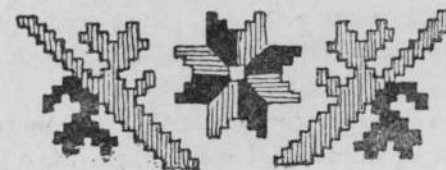
Берёт мать и отправляется. А помещику сказал:

— Смотри ж, толстобрюхий чорт, что я сказал тебе, чтоб было сделано этому мужику, а не будет через год сделано, то тогда у живого глаза выколю.

— Сделаю, сделаю, солдатский сын.

Вот Роман приехал в это царство, где его отец и брат, и они здесь погостили. Роман берёт отца и мать и отправляется в своё царство и начал царствовать в своём царстве, поживать и бедных людей не обижать. И я проехал, там очень хорошо живётся, как у нас сейчас.

Ну, и сказка кончена.

3. СОЛДАТ ДАНИЛА.

Солдат Данила жил на службе двадцать лет. У него так что денег нехватало отцу, матери писать писем. Вот отслужил он службу. Отпускают его домой. Солдат Данила приходит домой. Стоит у его в деревне избушка, — забиты окошки. Он приходит там к дядьку своему:

— Что ж, — говорит, — дядюшка, в нашей избе забиты окошки? Дядюшка ему отвечает, что:

— Отец уже два года помёрши, мать всего три месяца как померла. Ну, а про тебя даже слыха не было: придёшь ты домой али нет. Что пять лет уже ответа не было от тебя. Ну, так вот, племянш, можешь у меня трое суток пожить, а потом придётся тебе свою избушку открыть, и там ты можешь жить.

Солдат Данила прожил у дяди три дня. Отправляется на своё помещение, на отцовское. Открывает окна и двери. Заходит в избу и заплакал:

— И какой я несчастный человек. Служил двадцать лет, и денег нет, и дядюшка не принимает. Я б согласен был в работниках у его, у дядюшку, но как он сказал, кланяться не пойду уже (значит, он на дядюшку осёрдился). Теперь же нужно взяться по-военному, как я и на службе служил. У меня нет ничего.

Попол он в чулан. В чулане у его всё чисто — ничего. Он в подполье, и там тоже ничего нет. И думает:

— Как же, уже сентябрь месяц. Уже будет холодно. Как же запасти себе дров? Общественного лесу нету, так что мужики покупают у барина, а у меня денег нету, за что я куплю?

Потом и надумал:

— Пойду я до барина до своего.

Солдат Данила отправляется к своему барину. Приходит к барину, снимает шапку и поклонился ему:

— Барин, я пришол к вашей милости.

— А чего, солдат Данила?

— Да вот жил двадцать лет на службе. Денег нету, и отца у меня нету, и матери нету, и пособить мне никто не хочет. Дядюшка родный только три дня меня продержал, а потом меня в пустую избу отцовскую послал. Так что я сейчас беден кругом. Так бы ты мне, — вот у вас в таком-то месте лес изрубленный, — так дал бы мне этих пней корёнья тягать, всё-таки я себе пользу сделаю, да и вам не худо будет. Если я где вытягну, так вам не нужно уже людей нанимать.

Помещик подумал.

— Да, правильно ты сказываешь, солдат Данила, то я позволяю тебе, — рой, сколько хочешь, и каждую неделю я еще буду давать тебе по рублю за это.

— Вот спасибо, барин!

Солдат Данила приходит домой и сам себе рассуждает:

— Теперь я буду с дровами, и каждую неделю еще буду получать рубль. Теперь я, пожалуй, поживу!

Вот он отправился смело работать. День покопал — разá три принёс, у его всё прибывает. Второй день. На третий день он приходит обратным путём, вытаскивает корёнья, навязал верёвку и подымает на плечи.

Вдруг у его сзади кричит голосом человеческим и говорит ему:

— Солдат Данила, спаси меня!

Он посмотрел — никого не видеть. Он обратным путём подымает свою ношу на плечи, и опять кричит:

— Солдат Данила, спаси меня!

Он бросил свою ношу — и опять никого не видеть. Он и говорит:

— Кого-ж я буду спасать, когда я не вижу никого?

Она и говорит ему:

— Отступи три шага назад, то ты меня увидишь.

Он отступил три шага назад, видит — голова только торчит с земли. Ну, и такая красавица, что он не видал никогда. Он и сказывает:

— Что ж, взять лопату да выкидать кругом землю от тебя, да и подтянуть с земли тебя.

— Нет, — говорит, — солдат Данила, лопатой ничего не возмёшь. А ты вот мне сослужи службу, то я буду твоя жена, а ты будешь мой муж. Тогда корёнья-то копать не будешь.

— А какую ж мне службу сослужить тебе?

— А вот иди в деревню и не бери этой своей ноши, пусть она останется здесь, — тебе она не понадобится больше, — и сberi верёвки али шпагату и обчерти меня на полверсты кругом (*тоже загадка хохля!*).

Ну, конечно, у его, может быть, деньжонок былб. Думает, что если покупать верёвки — у меня средствá не хватает, а дай-ка я куплю шпагату.

Он накупил шпагату, отмерил, сколько сажений полагается на полверсты, поставил т́ичку, потом приходит на то́е место, с которого места стал мерить прямой путь. Он уже берёт с этого места — опять меряет. Измерил столько сажений — опять т́ичку ставит, и обратным путём ворочается на то́е место. С этого места он уже берёт прямым сообщением, чтоб опять на полверсты вышло. Опять измерил, поставил т́ичку. Ворочается он третий раз назад, на то́е место, откуда стал мерить, и пошол мерить уже в четвёртый раз напрямую. Когда он в четвёртый раз измерил, ворочается назад, берёт свой шпагат, ему отвечает голос:

— Ты, солдат Данила, правильно смерил-то. Если нехватает тебе шпагату, то бежи́, доставай еще.

Солдат Данила приходит, забивает кол покрепч́ей на этом месте, где его стояла т́ичка, и завязывает шпагат, и отправляется по расстоянию кругом, чтоб попасть ему на вторую т́ичку. Но так, может быть, что он блудил всё, но всё-таки он попал на вторую т́ичку. Он берёт обратным путём кол, забивает его покрепч́ей в землю и оборачивает кругом кола́ раз шпагати́ну, чтоб она не ёрзала, и отправляется дальше. На третью т́ичку он попал скоро, тоже вырубля́ет, забивает в землю, тоже шпагати́ной кругом завернул и отправляется. На четвёртую т́ичку тоже солдат Данила скоро попал. Ну, как он был смекалистый — раз он обмерял. На четвёртой т́ичке, он, когда пришол, тоже обрубил кол, забивает покрепч́ей, обернул и да́ле пошол. Доходит он до первого кола́, — у его еще шпагату осталос́я на четверть версты, еще можно прибавить. И уже стало темнеть. Он отправляется на это место, где ему сказано, и он приходит и отвечает:

— Ну, справил всё.

Она:

— Молоде́ц, — говорит, — солдат Данила, только ты лишнего шпагату купил. Ну, вот придётся тебе еще завтра добавлять столько. Ну, теперь же ты отойди от меня на́ три сажени и ложись спать здесь и смотри, — говорит, — будут стрелять из ружья, с орудиев и будут кричать, что, солдат Данила, убегай, но ты не убегай, — как лежал, так и лежи.

Ну, действительно, солдат Данила накида́ет свой шинель и ложится спать. Он всё-таки побегал; а, сказать, уже не молодёнок — сорок один год ему! Он заснул крепко и спит. Вдруг затрещали пули кругом его. Он прохвати́лся, вздрогнул здорово.

С орудий стали стрелять и говорят:

— Утека́й, солдат Данила, а то убьём мы тебя!

Солдат Данила схвати́лся, хотел только бегчи́, а ему голова отвечает:

— Солдат Данила! На войне ты был — не убежал, а тут бои́шься. Ложись спать, как спал.

Солдат Данила обратным путём завалился спать. Но ему не спится. Стрельба идёт, а ему не попадает. Ну, вот и стихло. Солдат Данила заснул. Свето́к начинается, а солдат Данила спит.

Его и будит:

— Солдат Данила, милый мой, прочни́сь! Спать некогда, а надо дело делать.

Он прочина́ется. Гла́зы свои открывает. Перед ним стоит эта красавица — вышедши из земли, можно сказать, до пупа. Вот он подходит к ей и говорит:

— Я теперь могу тебя вы́тягнуть.

А она отвечает:

— Раз лишний шпагат купил, так приходится еще послужить мне. Ступай же, еще шпагату купи и еще на полверсты обведи. И смотри, что эта ночь еще будет страшней, как прошлая была.

Солдат Данила как посмотрел на такую красавицу, так он сам себя не жалел. Ж́ивчиком отправился в деревню, купил шпагату и приходит к первой т́ичке. Обратным путём от этой т́ички стал тоже мерить, на полверсты прибавлять и т́ички ставить новые. Поставил т́ички, снял старый шпагат (*уже не в моде этот шпагат*). Когда он снял шпагат, кругом оббёг, то приходит на первую т́ичку. Завязывает шпагат и пошол на вторую, кругом по соли́ду. Со второй т́ички он пошол на третью, с третьей он пошол — у его шпагату нехватило. Он прибавляет шпагату нового. Доходит он до четвёртой т́ички. С четвёртой т́ички дошол до первой т́ички, у его нехватило до первой т́ички два аршина шпагату. У его пояс был. Он развязывает пояс. Привязывает к шпагату, видит, т́ичка недалеко, должно хватит, — и то у его нехватает. Думает:

— Что ж мне делать? Осталос́я пол-аршина до т́ички. В деревню бегчи́ — далеко, да уже и поздно.

Он скида́ет с себя рубашку, вынимает нож и обрезал себе рубец у рубашки. Обрезал он полрубашки, чтоб хватило ему. Дошло до т́ички, но обвязать нечем. Он становится на конец ногой и от-

резают от рубашки еще кусок. Привязал к этому куску, и только-только у его хватило завязать т ч к у. Тут уже стало темнеть. А версту еще до места надо идти. Ну, всё-таки он добрался до места. Он приходит в то место, то красавицы не видать своей. Он и говорит:

— Сделал хорошо, а красавицы не вижу своей.

А она отвечает ему:

— Ты меня не видишь, а я тебя вижу. Ступай, — говорит, — ложись спать на то место, где спал вчера, ну, смотри, эта ночь будет страшней той, но не пугайся, как лежал, так и лежи.

Да. Вот тут часов кóло двенадцати вокруг этой черты сколько наехало войска, вроде солдат. Тут и стреляют, тут из пушек, тут и всё, и кричат:

— Убегай, солдат Данила, а то убьём мы тебя!

Но хоть ему страшно лежать, на вторую ночь он не кинулся бежать, как она ему сказала. Прошла стрельба. Солдату Даниле не спится. Как бы красавицу увидеть. Приходит на то место, где она стояла, — там только следы бóсье остались, и больше ничего нету. Он и говорит:

— Вот старался, да не видать ее.

А она отвечает ему:

— Нет, я здесь. Так вот, солдат Данила, милый мой, я здесь нахожусь. Больно мне совестно сейчас показаться тебе. Сходи в деревню, принеси женскую одежду мне.

Он пошел в деревню, там у тетушки, а там у какой-то бабушки: кто рубашку дал, кто юбку, кто платочек, а кто кофточку, а щепетёнки у его были солдатские, свои, — захватил и бегом отправился туда (*не терпится мужику*). Прибегает на место и говорит:

— Я притащил всё.

Она говорит:

— Вижу, вижу, что всё есть. Положи на это место, где следы мои, а сам отступи три шага и смотри в другую сторону, пока я не скажу.

Да. Он отступил три шага и смотрит в дальнюю сторону.

Ну, прошло, может быть, минут десять, али пятнадцать, — часов у его не было. Показалось ему долго. Слышит голос:

— Повернись, солдат Данила, сюда!

Солдат Данила повернулся, видит, что такая красавица, что даже совестно подойти. Она ему отвечает:

— Подходи, подходи, ты мой муж, я твоя жена, так что ты меня сбавил, то я должна тебе повиноваться. Ну, вот, на тебе от меня подарок, на тебе носовой платок мой и на тебе тросточку мою, а свадьба наша будет десятого мая (*значит, на будущий год*). Ну,

и смотри, какой ты ни будешь богач, чтоб ты не скидал с себя шинелю до десятого мая, и не бери ни от кого ничего до свадьбы. И смотри, я буду ехать на серебряном корабле по морю, а ты до десятого мая не увидишь, мы с тобой попрощаемся. И ты выйдешь к морю и встречай меня. И я тебя на корабль возьму, и будем делать свадьбу.

Подала ему руку и попрощалась, и сказала, что «будь здоров и ожидай меня, ты будешь мой муж, а я твоя жена».

И в ту минуту она и скрылась, только он и видел ее.

Приходит он домой. Сколько было денег, на шпагат израсходовал, кто давал кофточки, да юбочки, тоже заплатить надо, а денег нету, только всего получил в подарок платок и тросточку.

Он затопил печку этим кореньям. Ну, коренья хорошо горят. А варить нечего. Он сам себе задумался:

— Ах, какой я несчастный человек. Тут счастье попадало. Как доживу я до десятого мая?

И задумался. И потом говорит:

— Ах, пропала жена моя — пропадай и платок ее! И бросает этот платок в печку, чтоб сгорел платок. Когда он бросил в печку платок, огонь платка не взял, то посыпалось золото и серебро из платка, и он платок вытянул и начал трясти платком. У его чуть уже не малёнка денег стала (*вот платок, нам бы с тобой такой!*). Он у кого брал рубль, — даёт двадцать пять, у кого брал пятёрку — даёт сотню, у кого десятку брал — тому даёт две сотни. У кого платок брал, тоже деньги даёт большие, кто давал юбку, тоже деньги большие, кто давал кофточку, тоже деньги большие. А приказ такой данный: пока не женится шинелю не скидай. Он и думает:

— Теперь можно прожить до десятого мая в шинели. А жена-то есть, а жениться не буду с прочими.

И надумался:

— А пойду-ка у барина куплю имения.

И отправился в своей старой шинели (*раньше солдат в старой шинели отправляли домой*).

Он приходит к барину.

— Здравствуй, — говорит, — барин!

— Здравствуй, здравствуй, солдат Данила! Что, пришел за получкой? А много пней накопал?

— Да, барин, обкопал кругом, — говорит, — на целу версту.

— Так ты что, — говорит, — на всю деревню накопал пней?

— Да печки на три, — говорит, — есть еще дров.

— Так вот, неделя прошла — придётся рубль дать. То ты верно версту обошел моей земли.

— Не один раз я обошел землю — разá три обошел. Я пришол, барин, не за получкой к вам, а, будто, слышал от своего старосты, что вы хóчете своё имение продать.

Барин усмехнулся.

— Что же, — говорит, — продам.

— А сколько вы, барин, цените, всё имение своё?

Барин отвечает:

— Если бы это покупал богатый, так восемьдесят тысяч рублей за имение. А как, знаешь, у тебя денег нет, отдам за сóрок.

— А я, барин, дам и пятьдесят, за то что ты позволил мне копать корёнья.

Барин со смеху чуть не закатился.

— Да ты хоть найди сóрок!

— Так вот, барин, позовём двух человек. Пиши доверенность, что ты продаёшь за сóрок, а я даю пятьдесят. Я своему слову хозяин, и ты, — говорит, — барин, будешь своему слову хозяин.

Барин отвечает:

— Я своему слову не изменю.

Подзывают они двух человек. Барин со смехом пишет.

— А когда же ты приступишь, солдат Данила, хозяином здесь?

— А когда, — говорит, — деньги отдам.

Ну, у барина было имение другое. Когда барин написал — подписали свидетелá, что продано вот такому-то солдату Данилу за пятьдесят тысяч.

— Так вот, сегодня, барин, я принимаю хозяйство, а ты можешь выезжать.

— Так у тебя сейчас денег нету!

— Нет, барин, деньги при мне. Я отдам золотом, чтоб легче считать. Ну, пойдём в горницу.

И зовёт этих двух человек свидетелев с собой.

— Ну, садитесь кругом стола. Я буду выкидáть, а вы считайте.

Он вынимает свой платок. Перед барином тряхнул — и почти полная кружка денег.

— Ну вот, считай, барин, складáй по сотне. Потом будешь считать сотни.

У барина аж обморок повелó.

Тряхнул он другому. Вот и свидетель стал считать. Тряхнул третьему. Мужики считают, а барин вроде как с ума сходит, что дешёво продáл.

— Ну, считай, считай, барин! Теперь я хозяин, а не ты.

Барин и принялся считать. Насчитали они все кругóм по двадцать тысяч. Барин и говорит:

— Приходится десять тысяч назад отдать.

А солдат Данила отвечает:

— Это тебе, барин, на чай.

— Ну, я не надеялся, что ты купишь так.

— Так вот, барин, ты отдавал за сóрок тысяч, а я тебе десять прибавил. А вот вы считали по двадцать тысяч все кругóм, вот я тебе даю на чай десять тысяч. А я знаю, что ты не дал бы мне десять рублей.

— Ну, ладно, солдат Данила. Вот только жалко, что скот здесь хороший остаётся.

А солдат Данила отвечает:

— Хороший скот — хорошо и мне здесь будет. За хороший скот я тебе и на чай десять тысяч дал. Ну, через три дня ты должóн очистить мне комнаты!

— Да, приходится, солдат Данила. Ты повида́х богаче меня.

Бумажку он эту забирает, свидетелáм даёт по две тысячи рублей, заступает хозяином. Призывает своё общество к себе в имение и говорит им:

— Вот, господа общество, я пока буду барином, хозяйствовать, то я с вас не буду брать ни за пáшу скота и пригóну. Служить вы мне будете. Ну, только что мне убрать там на полях, то я буду вам платить деньги. Бесплатно у меня работать не будут, и буду платить, что полагается.

Его мужики поблагодарили. Он выкатил бочку вина и напоил мужиков всех, и с благодарением они пошли домой.

У барина была молочница. Она корову на аренде у барина держала. Молоком она пользовалась, продавала масло. Она волшебница была. И она осталáсь, обратным путём, — как при том была, так и при этом барине. Эта молочница стала почаще ходить к этому новому барину. Ну, и она знала, отчего он разбогател.

Она и говорит ему:

— Вам даже совестно в этой шинели ходить сейчас. Такое имеете имение! Вы, по крайней мере, сейчас оделись бы хорошенько — у вас достатка хватает одеться. И женились бы, всё-таки двоём лучше жить, как вы живёте один.

А он и говорит:

— Рано жениться мне ещё.

А у этой волшебницы была дочка, тоже ничего, красавица была. И волшебница его принуждала жениться, чтоб он взял дочку ее. А он никаким способом не соглашается жениться, потому что у его уж невеста есть, то что он слóхал приказ ее. Подходит май месяц.

И он первого мая собирает всё общество к себе в имение и садится и пишет бумагу:

— Вот, господа, мое общество! Так что я уезжаю десятого мая, то если я вернусь назад, то я буду такой барин, какой был, а не вернусь, так вот с десятого мая вы, всё общество, будьте хозяином над моим имением. То можете вы обработать своей силой, коммуной, значит, моё имение. По кускам его не делите, а лучше наймите управляющего распорядиться здесь. Доход ваш будет весь, а только у вас будет расход — платить одному управляющему. Я вам даю еще двадцать тысяч на первый случай, пока вы разживётесь.

Волшебница не могла его никак уговорить, и стал он прощаться с обществом, с волшебницей, то она стала просить:

— Возьми моего мальчика до берега моря, пусть он с тобой пройдет.

А он только ответил:

— Ну, пусть идёт.

Но в море вода соляная, то она дала мальчику бутылочку [пресной] воды. Когда Данила дойдёт до моря дожидать корабля своего, она сделала так, чтобы его жажда забрала.

Вот только он к морю подходит, его тут жажда забрала. Он и говорит:

— Ах, как пить охота! А в море вода соляная.

А мальчик и говорит:

— А я знал, что вода соляная, то я взял бутылку воды с собой.

— Так давай, я попью.

— Да нѣ, пей, барин! Не жалко мне. Но всё-таки оставь мне немножко, может я захочу.

Когда эту воду выпил и присел, склонил его сон, он и заснул.

Приходит корабль серебряный на то место, где он спит. Она остановила корабль и на ладье выехала на берег. А мальчик и спрятался. То она будила, будила его, никаким рѣдом его не разбудить. Она написала записку и поклала ее в карман. «Я сказывала, — в записке написала, — что остерегайся и не бери ни от кого ничего. Ну, вот теперь я уезжаю, и до свиданья. Но ты будешь мой муж, я буду твоя жена. Я буду ехать десятого мая на будущий год в золотом корабле».

Когда корабль скрылся, то мальчик стал будить его. Разбудил его и говорит:

— Эх, какая красавица съехала с корабля на ладье сюда! Будила, будила тебя и не могла добудить, и уехала. И корабль уже скрылся.

Он заскучал. Стал доставать табак, закуривать, то в кармане оказалась у его записка. Он эту записку прочитал и подумал:

— Теперь мне год нужно ждать.

Вернулся он назад, в своё имение, в тот же день. Ну, как был барин, так и остался барин. Стали ему приносить эти деньги, которые он дал на управляющего. Он стал сказывать:

— Что дано, назад не ворочается. Вы эти деньги разделите обществом. Кто побогаче — дайте поменьше, кто победней — дайте побольше. А то письмо, которое мы писали, оно будет действовать и на будущий год вам, а переписывать имение не будем. А я у вас буду вроде управляющего, а имение — ваше.

Ну, вот, и проживают обратным путём год. Командует, мужики слушают. Какой есть доход, он и мужикам делить.

Волшебница опять добивается до его:

— Женися, тебе своей красавицы не видать.

И дошла до того, что надоела ему. То он и сказал ей, что «Если ты будешь надождать, то я тебя выгоню к чорту со своего имения».

Она перестала в глаза ему сказывать, а всё-таки своё мыслит:

— Если она приедет еще раз, да он будет спать, то она напишет: «Ты не мой муж, я не твоя жена», и она оставит его здесь.

Он дожидает десятого мая, сзывает своих мужиков обратным путём и говорит им:

— Вот это письмо, которое мы в прошлом году писали, оно так и должно быть. А вот вам еще пятьдесят тысяч денег на расход. Пожалуй, я больше сюда не вернусь.

Волшебница и просит его:

— Барин, пусть мой мальчик пройдет с вами до моря, посмотрит там.

Он говорит:

— На кой чорт мне он? И один хорош.

— Да всё-таки, — говорит, — барин, двоём вам веселее.

Ну, как у его сердце было мягкое для народа, он ответил:

— Пусть идёт, но только я не возьму от его ничего.

А она дала мальчику иглу, что «когда будет итти, то ты сунь в шинель иглу».

Мальчишка ему и сунул. Он подходит к морю — склонил его сон, и он упал и заснул.

Приходит на показанное место золотой корабль. Она вылазит с корабля, на лодке выезжает на берег и стала будить. А парнишка спрятался. Будила, будила, никаким рѣдом его не разбудить. То она пишет записку: «Ты не мой муж, а я не твоя жена, когда ты не мог уберечься. И за этим прощай. Ну, всё-таки, когда проснёшься, будь осторожным». И еще написала: «А для чего тебе дана тросточка?»

Мальчишке этому стало жалко его. Думает, что он не видал корабля ни серебряного, ни золотого, так давай хоть золотого корабля покажу, хоть краешек.

А золотой корабль уже почти стал скрываться. Он вытягивает иголку, и Данила прочиняется. Мальчишка и говорит, что «приезжала барышня, будила, будила, не могла разбудить, а я тебя разбудил, чтоб ты посмотрел золотой корабль».

Он цапнул в карман, достаёт записку и читает. Когда он до тросточки дочитал, то он и бросил ее в море.

— Пропала моя жена — пропадай и тросточка моя!

Явилась лодочка и двенадцать гребцов.

— Садись, солдат Данила, сейчас догоним корабль!

Солдат Данила сел, и повнеслася лодка вихрем прямо. То она видала, что он едет. Она остановила корабль, и он на корабль сходит. Она подаёт ему руку, и он ей. И корабль пошел в ход в ее царство. Она и рассказывает ему:

— Теперь мы с тобой будем жить, но только жениться не будем пока. Если б ты на серебряном корабле догадался тросточку бросить, то нам было б легче жить, а теперь нам будет потяжелее, потому что за мной улегает наш государь в нашем царстве, но я всё-таки не согласна. Свою честь я держу честно, потому что я дала клятву тебе.

Они приезжают в это царство. Снимают себе гостиницу и проживают там. Государь узнал, что они приехали. То государь делает бал и сзывает всех. Зовёт солдата Данилу и жену его на бал (он узнал, что Данила муж ее). Она велит:

— Данила, иди на бал. Отказаться нельзя. А если спросит государь, что жена не пришла, скажи ему, что больная. Ну, всё-таки, когда на балу побудешь, то его к себе в гости не зови.

На балу царь и спрашивает Данилу:

— Почему, солдат Данила, ты своей жены не привёл?

А он отвечает, что она больная.

Ну, вот на балу все побыли, бал разошелся. Царь и говорит:

— Солдат Данила! Ты побывал на балу, неужели не можешь меня позвать к себе?

Но, ему неловко было отказаться:

— Пожалуйста, — говорит.

— Ну, я завтра приеду к тебе.

Назавтра он и приезжает. Когда государь приехал, солдат Данила встречает его. Жена легла на кровать, волоса распустила, будто больная. Государь спрашивает:

— А где жена?

А он говорит:

— Лежит больная.

— А разве больную нельзя посмотреть?..

Ну, всё-таки государь добился до жены и посмотрел, что она такая красавица. Он и говорит:

— Ну, вот, солдат Данила, если мне сослужишь службу — будет твоя жена, а не сослужишь — моя.

Солдат Данила и спрашивает:

— Какую же вы даёте мне службу?

А государь отвечает ему:

— А я завтра скажу, какую службу.

Государь не мог сам определить, какую службу дать на месте, то у его была волшебница: она скажет, какую ему службу дать.

Государь прямым путём отправился к этой волшебнице.

— Что мы будем делать с солдатом Данилой? — спрашивает волшебницу эту.

А она отвечает:

— Вот такую ему службу дать: в некотором царстве, в некотором государстве, не именно в том, в котором мы сейчас живём, стоит жеребец уже двадцать лет. Пусть он представит этого жеребца. Три года он будет ехать туда и три года сюда (если достанет). И дай ему дряхлый корабль, чтоб он не мог просуществовать шесть лет, этот корабль, и дай ему матросов не жалких и капитанов не жалких, а продуктов всё-таки на шесть лет дай. И то, что он спросит, всё ему дай, — всё равно они погибнут в море. Ему не вернуться обратно сюда.

Государь требует солдата Данилу к себе. Солдат Данила приходит.

— Что прикажете?

— А вот, солдат Данила, в некотором царстве, в некотором государстве, не именно в том, в котором мы живём, стоит склеп, в этом склепе стоит жеребец. Что б ты представил его сюда, а если не представишь, моя меч — твоя голова с плеч, хоть и вернёшься!

Солдат Данила задумался и пошел к жене. Он и рассказывает жене, что так и так. И она рассказывает, что утро мудренее вечера, а завтра пойдёшь к государю, чтобы он приготовил всё это.

Солдат Данила утром идёт к государю и заявляет ему, чтоб к завтраму всё было готово, — завтра выезжаю.

Ну, у государя недолго. Государь спросил, какой корабль поплёше.

Когда солдат Данила приходит на корабль, то и говорит государю:

— Если ты посылаешь меня, чтоб команда слухала меня, куда я заведу.

Государь дал даже ему бумажку такую, чтобы слухали все.

— Ну, я съезжу на извозчике, попрощаюсь с женой.

Он приезжает к жене.

— Так что, уезжаешь?

— Да, — говорит, — уезжаю.

— Ну, далеко от берега не уезжай. Три дня проедешь — останови корабль на якорь и напой матросов дотла вином, а корабль поверни назад. И жеребец будет стоять у тебя в каюте.

Он и отправился. Три дня проехал, велел команде поставить корабль на якорь и крикнул команду:

— Давайте, за моё здоровье выпьем!

Вот по кружечке, по кружечке и по другой. Кто мало пьёт, он приказывает:

— Пей побольше!

Уже вся команда напилась и заснула. Он берёт корабль и ворочает его носом, как вперёд идти. Корабль поставил, идёт в каюту. В каюте жеребец тот стоит.

Команда проспалась. Он их будит:

— Ну, ставайте, опохмеляйтесь, поедем в ход!

Они похмелились и пустили корабль в ход.

Вот едут они день, едут второй. Капитан и говорит:

— Солдат Данила, да мы, кажется, в свой город едем?

— Ну и что ж! Не вы будете отвечать, а я буду отвечать.

Подъезжают они к пристани. Подают свистки в те самые часы, в которые выехали, и велит дать залп из пушки холостой. Государь услышал.

— Кто такой приехал сюда?

Там докладывают:

— Солдат Данила приехал назад.

Поклали трапку, и солдат Данила выводит жеребца и ведёт к себе на квартиру. На квартире побыл, садится вёрхом на жеребца и едет к государю.

— Вот вам, государь, и жеребец.

Государь его спрашивает:

— Как ты скоро достал?

— А это, царь, дело моё, а ты принимай его.

Ну, государю делать нечего, принял жеребца. Он опять, государь к этой волшебнице:

— Как он мог достать скоро?

Она и говорит:

— Нужно ещё ему загадку дать. Отправить его на двенадцать лет в этом самом корабле, только прибавить ему продуктов. И послать его в некоторое царство, в некоторое государство, не именно

в то, в котором мы живём, через тридевять земель, в десятом царстве, — там стоит дуб на острове. На том дубе птица-орёл — царь надо всеми птицами. Если он ту птицу не представит, то наша меч — ему голова с плеч.

Ну, у государя головка так не варила очень крепко. Он это всё описал, что ему волшебница говорила, и требует солдата Данилу к себе.

— Ну, вот, — говорит, — солдат Данила, сослужил службу, молодец! Сослужи ещё службу.

— Какую прикажете, царь?

— А вот, в некотором царстве, в некотором государстве, не именно в том, в котором мы живём, через тридевять земель, в десятом царстве стоит дуб на острове. На том дубе птица-орёл. И вот тебе шесть лет туда и шесть лет оттуда и привезти эту птицу. Если не привезёшь, моя меч — твоя голова с плеч!

И он задумался и пошёл к своей жене и рассказывает, — государь отправляет туда-то.

Она говорит:

— Ложись спать, утро мудренее вечера будет.

Солдат Данила лёг спать. Поспал, а птица уже в клетке сидит.

— Ну, вот, ступай к царю, чтоб он отправлял тебя скорей. И ты проедешь двенадцать дней: шесть туда и шесть оттуда. Вот и будет двенадцать лет. Таким способом матросов напоишь, корабль повернёшь. А птичка будет у тебя в корабле сидеть. Хотя я дома, хоть ты там будешь кормить.

Он и заявляет государю, чтоб он поживей отправлял его.

— Завтра будет готово.

А не жалкая команда с парохода еще не вышедши.

Вот он отправился в путь. Шесть дней они ехали без остановки. На шестой день они остановились. И он начал свою команду спаивать. Спойл свою команду, они все заснули. И он корабль повернул назад. Ну, и обратным путём они ехали шесть дней без всякой остановки. На шестой день капитан видит — опять к своему городу подъезжают. Он и говорит:

— Солдат Данила, мы едем опять в свой город.

— Ну, так что?

— А мы же той птицы не поймали?

— Как не поймали? Иди посмотри, у меня в каюте птица сидит.

— Так мы только ехали двенадцать дней!

— А разве нельзя посчитать двенадцать дней за двенадцать лет? Это же можно.

Подъезжают они к городу. Подают свистки и сразу выстрелили

два разá из пушки холостой (два разá ездили, надо два разá выстрелить).

Государь услышал (в городе стукнуло — и государю слышно). Он скорей кидается к волшебнице:

— Неужели это солдат Данила приехал?

— Да, должно быть он.

— Да разве мог он за двенадцать дней достать ее?

Волшебница ему отвечает:

— Не только что за двенадцать дней, он может за двенадцать часов достать ее! Это же не он командует, а это командует жена его.

Ну, вот он слáзит с парохода, берёт ее с клеткой и тащит государю.

— И вот, государь, вам вашу птичку, извольте получить.

Государь сказал:

— Ну и молодёц!

Он сказал:

— Да, государь, солдат по привычке делает.

И отправился домой.

Государь кинулся опять к этой волшебнице:

— Что нам делать с им?

— А что с им делать? Куда его ни пошли, он всё достанет.

А вот, — говорит, — я надумала, как его сбить.

— А как его сбить? — государь спрашивает.

— Вот, — говорит, — позови его сюда и дай ему загадку такую, что иди туда — неизвестно куда, принеси того — неизвестно чего.

А если не принесёшь, моя меч — твоя голова с плеч.

Государь так и сделал.

Солдат Данила приходит к своей жене и рассказывает:

— Вот дал загадку мне государь.

Она говорит ему:

— Знаю, знаю, какую загадку дал, что иди, — говорит, — туда — неизвестно куда, принеси того — неизвестно чего. Ну, всё-таки ложися спать, утро мудренее вечера.

Солдат Данила спит. Жена собрала всех чертенят и спрашивает их:

— Знаете вы, что это: иди туда — неизвестно куда, принеси того — неизвестно чего.

Они говорят:

— Мы не знаем этого, даже не слыхали.

Утром он встаёт, и она ему говорит:

— Иди к государю и скажи: иду туда — неизвестно куда, принеси того — неизвестно чего.

И дала клубочек ему и вот:

— Куда этот клубочек будет катиться, туда и иди.

Когда солдат Данила ушел, то государь потребовал ее к себе, и сидели они на третьем этаже с государём. Он стал рассказывать:

— Теперь солдат Данила не вернётся к тебе.

Она ответила:

— А может быть и вернётся.

И он начал с ней заигрывать, думает: «Теперь я попользуюсь ею». Она вдáрилась об землю и сделалась голубкой и в окошко вылетела. Государь и остался один...

А солдат Данила отправился в путь с этим клубочком. Идёт он день, идёт другой. Харчи у него с собой. Клубочек прикатывается: стоит избушка на куриной ножке, к лесу дверями, к дороге стенами. Да. Остановился этот клубочек, он и крикнул:

— Эй, избушка, крутнись ко мне дверями, а к лесу стенами!

Избушка крутнóлася. Открываются двери, выходит оттудова старуха и кричит:

— Что, солдат Данила, пришол ко мне? Ну, заходи, Расскажи, как живёшь с сестрой моей?

Он заходит. Она его накормила, напоила и спрашивает его:

— Зачем ты сюда пришол?

— Да вот, — говорит, — государь меня послал, что иди туда — неизвестно куда, принеси того — неизвестно чего.

— А что ж, — говорит, — сестра не пробовала искать этого дела?

— Нет, — говорит, — пробовала, но ей ответили, что не знают, она послала к вам.

— Ну, так вот, погостюй дня два у нас, мы поищем.

Солдат Данила погостил. Лёг спать. Она собрала всех чертенят. Спрашивает их, но они не отвечают. И она крикнула большого великана и села на великана и уехала. В среди моря встала и начала водяников собирать, и теи ответили:

— Не знаем.

На утро солдат Данила встаёт, она и говорит:

— Я уже испытала и земляников и водяников — никто ничего не знает. Вот тебе, зять, придётся идти до нашей старшей сестры.

Даёт ему второй клубок. А этот оставила себе, так чтобы старшая сестра знала, что он идёт от средней сестры.

— И смотри, — говорит, — эта сестра очень зла, и когда ты придёшь, она спросит тебя: «Чего ты ко мне пришол сюда?» А ты скажи ей: «Ты не спрашивай, чего я пришол, а дай лучше попить, поесть мне». А она ответит: «Поешь, поешь, а завтра мы будем тебя ёсти». А у меня есть носовой платок. Когда ты ляжешь спать, накройся носовым платком. То она тебе вытопит печку и бросит

тебя в печь горячую, и на завтра она пошлёт свою горничную вытягать тебя мёртвого с печки, а ты будешь живой, то она тогда узнает, что ты зять ее.

Он и пошел за клубочком к старшей сестре. Когда он пришел, клубочек остановился. Стоит избушка на куриной ножке. Куда ни пойдёт, всё она вертится. А он и сказал:

— Избушка, встань к лесу стенами, ко мне дверями!

Избушка встала. Он открывает двери, она спрашивает:

— Солдат Данила, зачем ты пришел ко мне?

— Ты не спрашивай, что я пришел, а дай попить, поесть.

Она и говорит:

— Ну, на, поешь, а завтра мы будем тебя есть.

Когда он попил, поел, она и говорит:

— Ну, ложись отдыхать.

Солдат Данила лёг отдыхать и накрылся носовым платком. Тогда она велела вытопить жарко печь и бросить его туда. Солдат Данила этого не слышал. Горничная пришла на утро вытягать его мёртвым с печки, а он потягивается и говорит:

— Как хорошо было спать!

Горничная бросилась к своей чертовке и сказала, что его и печь не взяла.

Чертовка и говорит:

— Тогда так ты скажи ему: «Ты грязный, помойся» и потом подай ему полотенце, то это полотенце его разорвёт.

А у него было своё полотенце, потому что ему было сказано жонкой, что ты чужим полотенцем не вытирайся, а своим вытирайся, и он это хорошо сам знал. Когда она ему подаёт полотенце, он говорит:

— Спасибо, у меня своё есть.

Она сказала:

— Зато тебя и печка не взяла, что ты, значит, зять наш. Но расскажи, зачем пришел?

Он говорит:

— Государь послал: иди туда — неизвестно куда, принеси того — неизвестно чего.

— Ну, утро мудреней вечера, — она ответила. — Погостий у нас до вечера.

Вот она стала собирать всех чертенят. Собрала и спрашивает:

— Кто знает, что: иди туда — неизвестно куда, принеси того — неизвестно чего?

То они отвечают, что «Не знаем».

Она вызвала двух великанов. На одного сама села, на другого посадила солдата Данилу и полетела. Среди моря остановилась и начала

спрашивать и выпытывать водяников и земляников. И явились к ней и спрашивают:

— Почему так экстренно ты нас требуешь?

А она отвечает:

— Я для того вас потребовала, может быть знает кто из вас эту штучку, которую я буду спрашивать у вас.

И они крикнули все:

— Рассказывай!

Вот она стала рассказывать, что иди туда — неизвестно куда, принеси того — неизвестно чего. Все ответили, что «не знаем».

Она велит этим великанам:

— Несите на берег.

Она вышла на берег, пустила великанов и сама крикнула:

— Собирайтесь все сюда ко мне!

И тут собрались все черти. Она и кричит:

— Кто может сказать мне, что: иди туда — неизвестно куда, принеси того — неизвестно чего?

Все отвечают, что «не знаем».

— А всё же вы собрались. Становись все в шеренгу!

Все повстали. И она стала считать:

— Первый, второй, первый, второй, первый, второй... — И дошла до конца и кричит: — Одной нету, жабы старой!

Жаба и скачет на трёх ногах. А она кричит:

— Что ж ты так долго ходишь?

— Молчи, владычица, играли мы свадьбу. Так вот, я с ершом танцевала, то ёрш мне наступил на ногу. Вот у меня нога больна. Зато я и долго и пла.

— Ну, а ты не знаешь того, что я скажу тебе?

— А чего, владычица?

— Что иди туда — неизвестно куда, принеси того — неизвестно чего?

— Знаю, под моим домом есть.

— Так выкинуть на семеро суток на сухое место ерша под арест! Ну, а ты, солдат Данила, отправляйся за лягухой! Она тебе всё там покажет.

Он и отправляется за лягухой потихоньку. Вот она скакала, скакала, доскакала до дому. Стоит дом трехэтажный. Ворота закрыты. Лягуха отвечает ему:

— Ты постой, солдат Данила, здесь, а я, как жаба, влезу в щёлку и открою тебе ворота.

Она влезла в щёлку, открыла ему ворота и поскакала в дом, и его ввела. И говорит она ему:

— Вот, видишь, стоит шкап, то ты залазь в этот шкап и сиди тут. Скоро придут обедать два человека, и вот смотри и слушай, что они будут говорить. А когда они пойдут, то ты из шкапа вылез и садись за стол и требуй, как они требовали.

Он слышал, как они пришли, сели за стол и крикнули:

— Бас! Давай нам обедать!

Он сказал:

— Сейчас.

То на воздухе летят тарелки, неизвестно откуда, закуски и выпивки — что им только хочется. Поели они и говорят:

— Убери, Бас.

На столе чисто стало, ничего нет, — убрал. Сами отправились.

Солдат Данила вылез из шкапа, сел за стол и крикнул:

— Дай-ка, Бас, попить, поесть мне!

Бас отвечает:

— Сейчас.

То на воздухе стали тарелки лететь и выпивки и закуска. Солдат Данила крикнул:

— Бас!

— А что?

— Садись-ка со мной кушать!

— Вот спасибо, — говорит. — Я живу сто лет здесь и никогда меня не приглашали поесть.

Неизвестно откуда тарелки летят на стол и съедаются, а кто съедает — не видно. Когда солдат Данила поел, и сказал:

— Прибери, Бас.

Бас сказал:

— Сейчас.

Солдат Данила и спрашивает:

— Бас!

— А что?

— Ты не пойдёшь со мной?

— Да без тебя я не останусь. Я уже этого хозяина бросаю. Ну, так давай же, — Бас кричит, — пойдём поживей!

Солдат Данила отвечает:

— Нам надо будет взять и кушанья с собой.

А Бас отвечает:

— Оно постоянно с нами, хоть сразу на роту солдат — подается в одну секунду, если потребуешь.

Солдат Данила и пошел. Идёт, идёт и спрашивает:

— Бас, ты здесь? (А Бас невидимка был.)

— Здесь.

Бас шол, шол и говорит ему:

— Ты, наверно, устал, солдат Данила?

— Да, устал.

— Ну, чего ж ты пешком идёшь?! Ты только завел мне, что надо.

Солдат Данила сказал:

— Бас, поедем!

Вдруг неизвестно кто подхватывает и прямо по воздуху — пошел! Он и говорит, Бас, ему:

— Ты, может быть, кушать хочешь?

— Да как же мы здесь будем кушать, когда мы здесь среди моря, край края не видать?

Бас говорит:

— Это неважность, что мы на море, сейчас будет бесёдка.

Сейчас оказалась на море бесёдка плывущая, и такая красивая, как у другого царя в терему. Тут и столы, тут и всё. Солдат Данила говорит:

— Вот теперь поедем! Ну, давай-ка, Бас, попьём, поедем!

Бас отвечает:

— Сейчас.

— Ну, подавай на двух кушанья: для меня и для себя.

Уже и кушанья на столе. Солдат кушает, и у того тарелка убывает. Ну, и выпили они хорошо с Басом, закусили. Бас ему и рассказывает:

— Ну, теперь, солдат Данила, не зевай! Сейчас идёт волшебный корабль сюда, и волшебник вроде генерала сам едет. У его штука хорошая есть, но он ее сменяет на меня.

— А как же я тогда к царю вернусь?

— Да я не останусь от тебя. Вот этот корабль, видишь, идёт. То этот волшебник заинтересуется, что такая за бесёдка здесь на море на такой глубине и ширине, что край края не видать. Он заинтересуется и приедет к тебе, к бесёдке, и взойдёт в нашу бесёдку, то ты тогда, он как спросит: «Кто ты такой?», — ты скажи, что я солдат, видишь сам. «А как же ты оказался среди моря в бесёдке здесь?» А ты ему скажи: «Ну, что, всё равно, что на суше, то и на море».

Вот генерал всходит в бесёдку. А солдат Данила сделал всё, как Бас рассказывал.

— Ваше превосходительство, у меня какая штука есть!

— А какая у тебя, солдат, штука?

— А вот садись за мой стол.

Генерал сел за стол. Он и кричит:

— Бас, дай нам попить, поесть с генералом.

Бас ответил:

— Сейчас.

То на воздухе явилось всё, и у них на столе. Стали они выпивать, закусывать. Генерал выпил, закусил и говорит ему:

— Солдат, — говорит, — давай сменяемся со мной. У меня штука очень хорошая есть.

— А какая у вас штука?

— Да вот у меня есть молоток волшебный. Этим молотком, если ты захочешь поставить дом на один этаж, — стукни один раз, то будет дом с обстановкой. Если стукнешь два раза — будет два этажа, если стукнешь три — будет три этажа, четыре раза стукнешь — четыре этажа будет дом, пять раз стукнешь — пять этажей. Захочешь построить мост, хоть на тысячу вёрст, — переверни другой стороной молоток — сколько вёрст надо тебе, столько разов стукни. А если надо хрустальный мост, то переверни молоток и серединой молотка потягни, как рубанком, — сколько проведёшь, столько вёрст будет хрустальный мост.

Ну вот он и говорит:

— Нет, ваше превосходительство, на эту штуку я не сменяю. Домов я есть не буду, а это — я могу даже всю команду вашу, что на пароходе есть, накормить и могу целый год кормить вашу команду и мёли не будет. А это, если я наделаю домов, что ж я с домами делать буду? Мне много домов не надо. Один дом — и то с меня довольно.

Генерал и говорит ему:

— Ну, я ещё прибавлю тебе штуку одну.

— А какую?

— Да вот я тебе дам волшебную шашку, так поставь хоть пять полков солдат, так ты только махнёшь вперёд и назад, то они все будут изрублены.

— Тоже, ваше превосходительство, мне чужого царства не надо. Воевать я не буду.

А генерал отвечает:

— Нет, придётся воевать тебе.

А Бас ему под бок тычет: «Меняй, бери!»

— Так если я сменяю с вами, ваше превосходительство, то как я могу попасть на берег?

Генерал говорит:

— Бери свою бесёдку, поставим ее на корабль, я тебя приставлю к берегу.

Он и говорит:

— Ну, всё равно.

— Я возьму своих слуг и велю поднять бесёдку на корабль, — генерал говорит.

А солдат:

— Мы сейчас подъедем к кораблю.

А Бас рассказывает:

— Я сам подыму.

Подъехали они к кораблю. Сидят они в бесёдке. Генерал кричит:

— Подайте нам трапку!

А солдат Данила отвечает:

— А не стоит трудиться, ваше превосходительство!

— Да что ты, верно, не хочешь менять?

— Нет, я, — говорит, — хочу менять, но не стоит трудиться. —

И крикнул:

— Бесёдка, иди на корабль!

Бесёдка мигом на корабль стала. Генерал и говорит:

— Ты, пожалуй, мулрее меня еще!

— Нет, это так, — говорит, — у меня работает Бас всё. Но-ка, ваше превосходительство, сяди своих солдат за столы, я завелю Басу покормить их.

Вот генерал скомандовал. Все за стол сели. Солдат Данила и крикнул:

— Бас, дай кушать всем этим, что есть на корабле; пить и есть что они хотят.

И сейчас начали тарелки и бутылки — всё, что на свете есть, всё перед каждым стоит уже. Когда они попили, поели, то много еще осталось. Тогда он велел:

— Бас, это можно прибрать, остатки.

В тот же миг нет ни тарелок, нет ни кушаньев — всё чисто. Корабль пошел в ход, и солдат Данила поехал с ними на корабле. Генерал дал особенную каютку отдохнуть солдату Даниле. Он ложится спать, генерал приходит к нему и говорит:

— Ну, так давай сменяем!

Солдат Данила отвечает:

— Когда приедем к берегу, тогда мы сменяем, а то, если я сменяю сейчас с вами, вы можете меня выкинуть за борт, останется Бас мой вам и ваши молотки и шашка, а если я сменяю у берега, у меня их никто не возьмёт. А здесь, если что надумается, круто придётся, то меня Бас вынесет.

Генерал сказал:

— Ну, ладно.

Вот солдат лёг на мягкую постель спать, а Бас ему говорит:

— Смотри, — говорит, — когда он с тобой сменяет и выйдешь ты на берег, то там будет железная дорога; ты садись на поезд и удирай подалее. Когда ты проедешь тысячу вёрст, то тогда я тебя догоню. Генерал нас не возьмёт. А ты этого не бойся, что я брошу тебя. А твои вещи тебе пригодятся.

Ну, вот выехали они на берег. Получил он молоток и пашку, сел на поезд и уехал.

Проехал он станцию, проехал он другую и заскучал, что «напрасно я отдал Баса».

Проезжает он третью станцию.

— Бас!

Баса нету. Бас не отзывается. И он уже сутки едет, и жрать охота. Но, всё-таки у его был свой платок, он разворачивает своё кушанье и кушает. И уже надеется, что скоро тысяча вёрст уже должна быть.

Он покушал.

— Бас!

Опять Баса нет.

Проезжает он ещё станцию и крикнул:

— Бас!

А Бас говорит:

— Что прикажете? *(Уже коло его.)*

Бас ему и рассказывает:

— Вот, — говорит, — заказал генерал пить и есть. А моя минута уже подходила удира, я уже узнал, что ты тысячу вёрст проезжаешь. То я тарелки подал, а убирать сами будут. А у нас хватит. Ну, теперь же доедем до станции, и ты выходи с поезда — мы скорей дома будем.

Вот они подъехали до станции. Солдат Данила выходит. Прошел немножко и крикнул:

— Бас! Давай-ка поедим и дай бесёдку, что было бы где поёсти. Всё мигом сделалось.

— Бас!

— А что? — говорит.

— В этой бесёдке нельзя ехать?

— Да мы и так едем. *(Они едут — бесёдка летит.)*

Пока они ели, оказывается город их уже.

— Это не ваш город? — спрашивает Бас солдата.

— Да, наш.

— Ну, можно потише ехать.

Они поели, и видать, что на одной тарелке осталось у солдата, то и на другой тарелке осталось такое же кушанье. Он рассказывает:

— Что, Бас, уже наелся?

— Да, наелся. Я скорей вас ем. Я только не сумею сам взять. А что мне велят, то я мигом ем.

— Ну, так приberi.

Уже кушанья нет, приберал уже. Ну, вот, они приехали в город. Выходят с бесёдки.

— Бас, убери бесёдку.

Тут ее и нет.

Солдат Данила вешает свою пашку по-военному, укладывает свой молоток в карман и пошел. Пошел туда, где оставил жену. Входит. Где жена жила, там и живёт.

— Здравствуй, милая моя!

Она отвечает:

— Здравствуй, здравствуй! Я уже с неделю знала, что ты достал. Ожидаю тебя с часу на час.

Ну, вот он:

— Садись со мной за стол.

Она села. Он крикнул:

— Дай, Бас, попить, поёсти нам с женой, да и сам садись с нами рядом!

Им подано, и рядом тоже стоит тарелка. Что они едят — убывает, то и на той тарелке убывает. Они попили, поели, потом он и говорит своей жене:

— Здесь нам неудобно жить, на этой квартире.

А она отвечает:

— А где же мы лучше дом возьмём, как этот?

— Так это чужой, а это будет свой. Ну, вот, я сострою к завтрашнему дню. На такой площадке выстрою церкву, а на другой площадке выстрою дом пятиэтажный с обстановкой. *(Церкву — для потехи государю.)*

Так он и сделал. И еще выстроил от своего крыльца до государственного крыльца мраморный мост. А у государя эти площадки были видны из дворца. Когда государь проснулся, видит, что на одной площадке церква образовалась, на другой площадке — дом пятиэтажный.

— Кто это мог за ночь сделать?

Он побег к волшебнице к этой. Выходит на двор, видит, что у его мраморный мост, и он этим мостом пустился бегать. Как раз тут его встречает солдат Данила и говорит ему:

— Ну, вот, я, царь, сходил туда — неизвестно куда, принёс того — неизвестно чего.

— А где же оно? Покажи.

— Иди, посмотри.

Государь входит к нему в дом. Солдат Данила велит:

— Садитесь за стол и ведите его, неизвестно кого.

Государь сел за стол. Он и крикнул:

— Бас, дай-ка попить, поесть нам с государём!

— Сейчас.

Явились мигом на столе закуски и выпивки, и государь стал выпивать и закусывать. Государь спрашивает:

— Так это что за штука такая?

— А ты ж видишь, царь, это самая штука и есть, что иди туда — неизвестно куда, принеси того — неизвестно чего. Вот видишь, нам тарелки подают. А кто убирает их? Вы ж не видите, кто убирает.

Государь ничего не мог ответить. Поблагодарил его за угощение, пошел к волшебнице и спрашивает:

— Ну, что нам с им делать теперь?

Волшебница отвечает:

— А ничего, государь, вам с им не сделать. Только остаётся так, чтоб он повоевал с вашей ротой солдат, может солдаты собьют.

Государь зовёт к себе в дом солдата Данила и говорит ему:

— Ну, если ты такой премудрый, то повой с моей ротой солдат. А если не повоеешь, то моя меч — твоя голова с плеч!

— А когда, царь, будем войну открывать? — он уж посмелее спрашивает.

— Так ты еще отдай мне штуку твою, что иди туда — неизвестно куда, принеси того — неизвестно чего. Ты принёс — ты мне должен ее отдать.

— А нет, государь, не придётся тебе взять этой штуки. А ты, если хочешь эту штуку взять, так вытопим мы печку жарку, да ки-нем тебя в печь: если ты переночуешь в печке и будешь живой, то эта штука пойдёт к тебе, потому что я сам достал так ее, так и вам советую.

Царь загрузился:

— Я с таким дураком и разговаривать не буду, а завтра выступ-паю войной.

А он говорит:

— Для меня всё равно. А ты дурнее меня еще.

Вот он и поставил два полка солдат, государь-то.

Солдат Данила берёт свою пашку и отправляется к государю.

— Ну, так пойдём же воевать! (Он идёт смело.)

— Так у меня уже за городом не один полк стоит, а три полка уже.

— Ну, так пойдём же, пойдём, государь! Желеешь — проходи к своим солдатам, а нет — иди за мной.

Но государь так свирепо идёт за им и говорит ему, что «идёшь последний раз».

А солдат ему говорит:

— А может ты последний раз идёшь? (Солдат тоже осердился.)

— Молчи, а то сейчас мечью голову сниму!

— Да твоя меч оскользнётся от меня. Бас, толкни его раз!

Бас его толкнул, так он с мечью три раза перевернулся.

— Ты что, государь, споткнулся верно? Так не спотыкайся. Надо ноги держать по-военному.

А у государя аж слезы катятся.

— Да, меня вроде кто толкнул.

— Да здесь никого нету ко́ло нас. Это так тебе подалось, верно ты неловко стал. Ну, пойдём, пойдём! Если не можешь, я помогу пособить тебе идти. Твоя меч тяжела, верно, стала? Так давай я буду поддерживать, чтоб еще раз не упал.

Вот под руку его взял и подводит его ближе к войску и говорит:

— Ну, ты теперь, государь, немножко отойди и скамандуй хоть одной своей роте повоевать со мной.

Он и крикнул генералам:

— Велите солдатам обнажить пашки!

Солдаты обнажили пашки и крикнули:

— Ура! Наступаем!

Солдат Данила до себя эту роту так сажени на три не допустил, махнул пашкой в правую сторону — не захватил всех; он повернул налево — и теи готовы. Государь кричит:

— Поставляется цельный полк!

Они поставили полк, обнажили пашки, идут на его, тоже крикнули «ура».

Солдат Данила махнул пашкой направо и налево, и полк готов.

Государь кричит:

— Поставляйте второй!

Солдат Данила отвернулся и говорит:

— Да тебе, — говорит, — не жалко солдатских шей, а свою ты жалеешь! Так вот, видишь, сколько погибло людей, а ты что за лицо? Без тебя не могут царствовать?.. Вот ты мне загадку давал, что я иду последний раз, а я тебе сказал, что ты идёшь в последний раз. (А полк стоит через три сажени, так всё слышит, ну дисциплины изменить нельзя. «Пропали, так пропали уже», — думают солдаты.) Так вот, кажный жить на свете хочет, а ты только хотел сам жить. Сколько я муки принял через тебя, дурака. Ты жил чужим умом: что тебе волшебница скажет, то ты делал. Ну, так вот, сегодня тебе голову сниму и волшебнице, а сам заступаю царствовать.

А если солдаты не согласны, чтобы я царствовал, пусть другого выберут.

Государь стал просить:

— Ты мне прости, солдат Данила, что я так делал, я до тебя касаться не буду.

— А ты мне прощай, царь? Ты же меня не прощай. То я тебе не прощу. Я дожидаясь этот случай давно, чтоб тебе голову снять. Вот твоя кончина тут и будет сейчас.

— Так пусти меня попрощаться с семейством.

— А ты меня отпускал?

— Нет.

— Ну, и я нет. Ну вот, собаке собачья смерть будет.

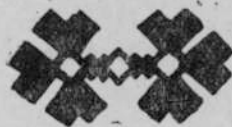
Повернул свою пашку, срубил ему голову. И тогда все солдаты крикнули «ура».

— Спасибо тебе, что ты извёл его! Будь у нас ты государём.

И вот отправились они в город, и все подтвердили, чтобы он был царём, и велели ему стать на престол. И он говорит им:

— Я на престол стану тогда, когда со своей женою повенчаюсь, то я скину тогда свой рваный шинель.

Ну, тут он скоро сделал свадьбу. После свадьбы стал на престол. Открыл все трактиры бесплатно, угостил всех своих жителей городских и деревенских, скинул старый шинель и начал царствовать. Ну, и теперь живёт там.

4. ГОСУДАРСКИЙ СЫН.

некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Картаус. У него был сын Обус. Он был не дурак, а родом так. Царь был староватый, а сынок был вроде глуповатый. Ну, это не сказка, это только присказка.

Ему окончился двадцать первый год. Царь и говорит сыну своему, глупяку:

— Я уже староват, а ты женись-ка, глупяк.

А он говорит:

— Что ж я буду жениться? Ты живёшь, царствуешь, а подданные твои горюют.

— Как так горюют? — отец рассказывает.

— Да хорошенько, — говорит, — горюют. Тебе что напишут, подают, ты подписываешь, а бумажки твои идут...

Отец говорит:

— Мне с тобой, сын, горе.

А сын горя не знал.

— Ну, если, — говорит, — горе, так я пойду искать горе.

Государский сын в дорогу отправляется искать горе. И вот он пошел по деревням, по простым мужикам. Кого не стретит, — «Здравствуй» даёт и спрашивает у каждого человека:

— И скажите мне, что есть за горе на свете?

Ему отвечают, почти каждый мужик ему своё горе рассказывает:

— Как же, молодой человек, не горе? У самих хлеба нехватает, а государь подати собирает; себе не остаётся ничего, а ему дай. Вот тут и горе.

Царский сын и отправляется дальше, и сколько он ни идёт по деревнях, все ему отвечают одну беду, что государь много подати берёт. Он проходил несколько время, все ему на одно горе указывают. Он это горе бросил и подумал: «Буду узнавать, как мужики работают».

Идёт он дорогой. Видит, мужик пашет. Он заходит к этому мужику и говорит ему:

— Помогай бог!

— Спасибо.

— Что ты делаешь? — мужика спрашивает.

Мужик ему отвечает:

— Ты видишь сам, — если б я эту работу не работал, то мы б все с голоду сдохли, не носил бы ты такого пиджака на себе. (Мужик, видно, был умный человек.) Вот видишь, я сейчас работаю, а через год я буду только иметь пользу.

Он отвечает:

— А я думал, сейчас поработаешь и деньги можно получить.

А он и говорит:

— Я ж пашу под рожь, готую на будущий год. Что я сей год делаю, я на будущий год получу пользу, а что в прошлый год делал, посмотри-ка, господин, вон у нас, — говорит, — видишь какая стена стоит рожки у каждого мужика, — вот эту будем иметь пользу сей год.

Царскому сыну и понравилось это, и он рассказывает мужику:

— Вы работаете в запас, и у вас хватает, так и хорошо. Теперь ты научи меня пахать.

Мужик ему и говорит:

— Пожалуйста! Ну, вот соха стоит, и лошадь ходит. Я взял две сохи и две лошади, а сын побёг сено ворочать. Прибежит, будет пахать.

— А ты мне запряги лошадь.

Мужик ему лошадь запрёг. Он не видал как пашут. Мужик ему и показывает:

— Вот так.

Он борозды две прогнал — немного не так стал пахать. Мужик ему и говорит:

— Я вижу по твоей смекалке, ты можешь пахать. Только ты не видал никогда [как пашут].

— Да, не видал.

Мужик говорит:

— Держись за рогач.

Царский сын взялся за рогач обеими руками, а мужик взялся

с левой стороны правой рукой за рогач и поддерживает ручкой, что у его соха идёт правильно за лошадью. Они прогнали борозду, мужик ему и говорит:

— Вот видишь, как ты сейчас прошёл хорошо. Нигде у нас кривинки нету.

Поворачивают они назад коня. Мужик ему и говорит:

— Ну-ка, сам теперь гони!

Он и пошёл. Конь идёт правильно, и он держит соху правильно. Запустил он поглубже в землю. Мужик ему говорит:

— Немножко помельчей, а то дедушкин навоз стал выворачивать.

Он останавливает лошадь и спрашивает у его:

— Откуда тут дедушкин навоз нашолся?

Мужик ему отвечает:

— Так вот, господин, мы через год кладем под рожь навоз, видишь, у нас земля черная. Дедушка мой клал навоз сюда, и отец мой клал, и я тридцать лет кладу навоз сюда, то у нас земля черная. А с дедушкина навоза видишь, какая земля уже — желтая. Если нам так вспахать, то дедушкин навоз вывернуть наверх, то у нас урожай не будет на будущий год, а если мы будем только свой навоз пахать, то у нас урожай будет. А то, бывает, случится так, — если дедушкин навоз на всей полосе вспахать, — хотя мы посеём, так колос от колоса не услышишь голоса, сноп от снопа на три сажени будет, а копа от копы чуть не на три версты. Тут и дождай тогда хлебушка! А если мы будем так пахать, как я, то у нас, если будет урожай худой, так сноп от снопа будет лежать на три вершка, а если хороший урожай, так сноп от снопа будет лежать — даже самому стать негде.

Государский сын отвечает:

— Да, мужик живёт всё по приметам.

А мужик ему отвечает:

— Нет, господин, приметы небольшие. Поработал бы ты год-два, так вот ты сам узнал: я сей год сделал так, а на будущий год сделаю так. Прошлый год был такой урожай, а сей год я иначе вспахал, значит урожай лучше стал. Тут и примета, и не надо примечать. Оно само показывает, как работать. Возьмите, — вы вот, люди грамотные, я вижу, по видах, — видно вы не один год учились, а несколько лет. Сразу у вас выходило, может быть, нехорошо, вам люди и показывали, и вы дальше-больше и людям можете показывать свою науку. Так и мужик показывает свою природу, потому что отец сыну показывает, а я тоже показываю сыну, и вот так оно по природе и идёт. Тут и приметы все.

— Ну, так ладно, дедушка, научи меня пахать.

— Так я вас не отказываюсь — паши. Пахоты у меня много есть, — он рассказывает.

И поехали опять пахать. Господин стал пахать впереди, а мужик вслед на другой сохе. Где господин не возьмёт, то мужик это захватывает. И вот они поработали день. Поехали они домой. Мужик накормил, напоил государственного сына и говорит ему:

— Ну, господин, иди отдыхай. Ты работал очень хорошо, до поту, теперь тебя можно одного послать пахать. За день по-настоящему ты научился. А если ты проработаешь у меня недельки две, то ты будешь пахарь очень хороший.

— Нет, дедушка, попахал день — довольно. Спроси у меня лучше, сколько ты возьмёшь с меня за то, что ты научил меня пахать?

Мужик думал-думал, что ему в ответ дать.

— Так ты что, не думаешь больше работать?

— Нет, дедушка, не буду.

Мужик и говорит ему (он не понял государственного сына):

— У нас пахарю платят на нашем хлебе семь гривен, и я тебе заплачу столько.

Пошел мужик за деньгами. Приносит ему семь гривен, даёт. А он вынимает свой кошелёк и подаёт ему семьдесят рублей за науку. Мужик даже перепугался. Мужик и рассказывает:

— Вы так работали до поту, да ещё даёшь мне деньги?!

— Так кто учит, тот и зарплату получает. Ну, так вот: ты меня учил, ты и получай. Если б ты сказал — получаешь рубль, так я б тебе дал сто рублей.

Мужик думает: «Маловато сказал, но делать нечего».

Проночевал он. Утром мужик его напоил, накормил. Царский сын и отправился в дорогу.

Выходит он с деревни с этой самой и смотрит, где кто работает. Не видать никого. Проходит дальше, видит — мужик без шапки косит. Он скорей к этому мужику. Подходит к этому мужику:

— Помогай бог!

— Спасибо, господин,

— Что делаешь ты?

— Так вот видишь, когда есть у тебя глаза, — траву кошу.

— Так научи меня косить.

— Ну, да где уж вам косить! Я думаю так, что вы не видали как и косят.

— Да, не видал. Так охота повидать и попробовать покосить. Поучиться, как мужики работают.

Мужик ему:

— Ну, так вот! На косу, попробуй.

Он взял косу и стал резать. Коса его то поверху идёт, то в землю лезет. Мужик ему отвечает:

— Вот видишь, господин, кажиный бы косил, если б чорт косу носил. А то у тебя идёт то поверху — траву портишь, то землю режешь — косу портишь. Тут надо учиться: раньше наглядеться, а потом за косу браться. Ну-ка, бери косу в руки!

Господин взял косу в руки.

— Держись вот за ручку, а этой берись выше рукой левой.

Сам становится сзади его. Правой рукой берёт за его правую руку, а левой — за левую руку, и ну двоём косить одной косой. Коса идёт правильно. И говорит:

— Так надо закладать, так ровно потягивать. Видишь, у нас и чисто выходит.

Они немного прошли. Государский сын и говорит:

— Ну-ка, дядюшка, пусти, я один попробую!

— Ну, вали!

Он и так стал, как мужик показывал. Стала у его коса идти вроде хорошо, ну немного стало травы оставаться. Мужик ему и говорит:

— Где трава осталась, ты махни второй раз, трудов своих не жалеи.

— А как же второй раз махнуть?

— А вот, давай-ка косу, я покажу.

Мужик берёт косу и махнул косой. У его тоже осталась трава.

— То я, видишь, немного отступлю и эту схвачу. Вот у нас и чисто.

— Ну, так давай косу!

— Ну, на.

А себе берёт другую косу. И пошли косить. Господин идёт впереди, а мужик идёт сзади. У мужика поту нету, а у этого стало капать уже. И он, дальше-больше, несколько прошёл покосов, и у его стало выходить хорошо. Мужик спрашивает его:

— Теперь я вижу, тебе становится полегчей.

— Да, полегчей.

Мужик ему и рассказывает:

— Без науки всё тяжело, а как научишься — оно выходит легко, думаешь, что так и надо.

— Да, верно, дядюшка, ты рассказываешь.

Мужик рассказывает:

— Да, двое — так двое, не один. Вот уж где мы стали. Одному было б до обеда косить, а двое всё-таки подаётся ладней. Ну, пойдем позавтракаем!

Пошли. Мужик и говорит:

— Я брал на одного завтрак, а приходится завтракать двоём. Хотя немножко маловато на двоих будет, ну всё-таки перекусим. В обед пообедаем: хозяйка принесёт пообедать.

— Ну, я, пожалуй что, не голодный.

Они сели ёсти. Мужик оплетает и его подгоняет:

— Ешь, ешь, молодой человек! *(Уже человеком назвал.)* Не стесняйся.

— Да я ем и так.

— Верно завтрак мой вам не нравится?

— Нет, я там, в деревне, ночевал, подкрепился хорошо, так неохота жрать.

Царский сын вынимает папироску:

— На, дядюшка, закури.

— Я-то курю, да мало, — мужик отвечает.

— Так ты небось всё жаришь махорку?

— Да другой раз и махорки нету: часто в город не ходишь, а деревенски-то лавки наши привезут, так они вдвойне лупят *(знаешь, купцы)*. Иной раз куришь, иной раз и нет.

— Так у нас хватит папирос на день. Видишь, я с собой захватил десять пачек. Кури!

Мужик закурил папиросу и с провóльки курит, а царский сын скоро выкурил и говорит мужику:

— Так мы, дядюшка, не пришли сюда рассиживать — пришли работать, то надо косить.

Стали косить.

Хозяйка принесла обедать. Пообедали. Эту пóжню скосили перешли на другую. Мужик и говорит:

— Теперь можно нам и отдохнуть. Мы и так хорошо выкосили.

Царский сын и говорит:

— При работе отдыхать некогда. Когда мы несколько разóв курили, в тоё время мы отдыхали. А теперь надо браться работать.

Мужику делать нечего. Встали, принялись за работу.

Ну, так и мужику стало тяжело, мужик и говорит:

— Ну, давай хоть закурим.

Они закуривают. Царский сын как возмёт папиросу, так у его скоро папироса кончается, а мужик с провóлькой курит, чтоб отдохнуть. А царский сын говорит:

— Что ты, вроде как в гости пришёл? Это только в гостях так курят с провóлькой.

Отправились косить. Проработали до вечера.

Приходят домой. Поужинали. Государский сын и спрашивает:

— Сколько ты возмёшь за это с меня, что ты научил косить?

— Да придётся гривен восемь дать тебе за работу. У нас так платят косцу. Всё-таки ты хорошо косил, старался.

Государский сын вынимает кошелёк и подаёт ему восемьдесят рублей денег. Мужик и говорит:

— Вы что мне даёте деньги? Я должóн вам заплатить, не вы мне.

Он мужику отвечает:

— Кто учит, тот и деньги получает.

Мужик деньги взял. Государский сын сказал:

— Ну, спасибо, что ты научил меня косить. Я знаю теперь, как косить.

Он в этой деревне переночевал, позавтракал у мужика. Мужик ему и говорит:

— Ты покоси ещё у меня день. Ты теперь хорошо косишь.

— Нет, спасибо, дядюшка, — он рассказывает. — Я уже научился пахать и косить, а теперь пойду искать работы ещё учиться. Надо каждую работу попробовать. Ты знаешь, что я ж не простой мужик: я есть царя Картауса сын. Вот мне и охота узнать, как мужики работают. Ну толко ты помалкивай, а я пойду дальше.

И вот он пошёл с этой деревни. На поле ему стрéты никакой не случилось, не видал никого. Входит он в лес дорóгой. Там мужик вáлит лес, а с другой стороны огонь горит и выпаливает лес, — чтобы сделать полянку и посеять здесь репу на свежей земле *(потому что репа растёт здесь лучше, как на поле)*. Он подходит к этому мужику и спрашивает у его:

— Что ты, мужик, делаешь?

— А вот валю лес, а с той огонь наклáл по ветру. Лес сгорит тут, и трава погорит, и сделаю здесь полянку. Сей год посею репу, то должна репа хорошая быть, а на будущий год здесь посею уже рожь, и рожь должна быть хорошая, потому что это новое место, на новой земле лучше урожай, чем на старой.

Он и говорит:

— Всё-таки мужицкая примета хорошая.

А мужик отвечает:

— Да, если захочешь лóпать, будешь тóпать. Вот видите, вы в сапогах, а у меня и лапти рванные.

— Ну, не каждому сапоги носить, — царский сын отвечает. — Так всё-таки, мужик, я хотел тебя попросить: научи меня, мужик, так работать, как сам работаешь.

— На топор, пожалуйста.

Он берёт топор и начал рубить лес. Мужик ему показывает:

— Ты сплеча руби, так топор будет дальше идти в дерево. И вот ты подходишь к дереву, то ты раньше прутьики сруби вокруг дерева, а потом можешь рубить и дерево, то у тебя ошибки не выйдет. А если ты прутьиков не срубишь да станешь дерево рубить, то этот пруттик может топор задержать, топор не попадёт в дерево, а может попасть в ногу, и можешь сам себе досадить.

Царский сын и начал христать, а мужик пошёл к огню и головешки складывает в кучу. Государскому сыну работа эта понравилась — рубит до пота.

Проработали один день. Мужик ведёт государственного сына на ночь к себе домой, в деревню. Поужинали. Государский сын и спрашивает у мужика:

— Ну, что тебе дать за науку, что ты меня научил рубить и готовить землю для репы?

Мужик не обдумался:

— Ну, что ж, конечно пятьдесят придётся заплатить тебе, всё-таки работал ты хорошо.

— А не мало будет? — государский сын отвечает. — Всё-таки надо хоть на рваные лапти дать тебе побольше.

— Простите, молодой человек, больше у меня средств не хватает дать.

Государский сын вынимает кошелёк и подаёт ему сто десять рублей.

— Сто рублей — это тебе на семейство, а десять рублей — купи сапоги.

Ну, вот они переночевали, и он отправляется. Мужик и говорит:

— Спасибо вам, молодой человек, что вы день работали и дали сто десять рублей денег.

Государский сын ответил:

— Кто учит, тот и получает. Я вижу, наука твоя хорошая, ты сразу меня научил; за что я даю тебе деньги.

Выходит он с этой деревни, — стоит крестьянская рожь, такая большая, что человека не видеть, только ветер поведает, как сегодня.¹ Она колыхнется, что волна бьёт. Он подходит, срывает колос и вынимает зёрнышки с того колоса и стал считать. Насчитал он двадцать три зерна. Он и говорит сам себе:

— Да, правильно тот мужик сказал, у которого пахал, что с одного зерна выходит столько зёрнов.

Вот он просчитал эти зёрнышки и думает сам себе: «Поэтому

мужики и богаты: сеет одно зерно, а выходит двадцать три, значит, двадцать два зерна в пользу мужика».

Вот немножко он прошёл, видит — женщина жнёт рожь. Он подходит к этой женщине и говорит:

— Помогай бог!

— Спасибо.

— Ты что, рожь жнёшь?

— Да.

— Научи меня жать.

— Пожалуйста, — она говорит. — Я два серпа взяла, потому что свекровь принесёт завтракать и будет жать со мной. Так вот, бери серп, не жалко.

Он взялся жать. Ну, как он не знал, как жать, она показала ему. Он стал жать, порезал себе палец. Потекла у него кровь. Она видит, что у него кровь течёт с мизинцевого пальца. Она взяла тряпку, завязала ему и говорит:

— Вы никогда не жали, да и не видали. Так идите своей дорогой, а то ещё порежете себе руки.

Он и рассказывает:

— А ты, ведь, не сразу научилась жать?

— Нет, конечно, нас мать учила с малых лет.

— Так и я не старик. Могу научиться. Я слышал так, что не святые горшки делают, а такие люди, как и мы.

— Ну, учись.

Он и жнёт. Молодуха видит, что мужик берётся хорошо жать.

И свекровь приходит. Видит, что двоём жнут, она и спрашивает:

— Откуда ты такого жнеца взяла себе?

— Да вот, шёл дорогой, да зашёл сюда, просит: научи жать. Я дала твой серп. Он руку порезал себе, а теперь, видишь, работает подходяще.

Свекровь сказала:

— Ну, пусть работает, а я хоть буду в бабки снопы становить.

Проработали они день. Приходят домой. То же самое поужинали. Государский сын спрашивает:

— Сколько мне дать тебе за науку, что научила жать?

Молодуха говорит:

— Маленька, по его старанию надо копеек сорок дать.

Когда она сказала сорок копеек, он вынимает кошелёк и подаёт ей пятьдесят рублей. Молодуха и рассказывает:

— Что ты мне даёшь деньги? Я должна дать тебе, а не ты мне.

— Я ж тебя не учил, — он отвечает, — а ты меня учила, то кто кого учит, тот и зарплату получает.

¹ Запись сказки производилась летом в садике Ф. П.

Она говорит:

— Так ты у нас жал?

— Пусть у вас я жал, так я ж учился, а ты показывала мне, за это ты и получай деньги. Ну, теперь надо отдыхать, а то что-то у меня без привычки поясница болит. Жать — тяжёльше всех работ.

На утро тоже его накормили, напоили, и он отправился в дорогу. Идёт, сам себе рассуждает:

— Теперь работы все попробовал мужицкие. Буду добиваться, чтобы увидеть мне, что за горе (ему всё-таки интересно знать, что есть за горе, никто ему не показал его).

Вот он идёт, кого ни стретит и спрашивает:

— И скажите, что есть за горе?

Ему и рассказывают:

— Как не горе? Мужiku кругом горе! Государь налоги требует, а помещики тоже. Надо своё сработать, помещику пригон отслужить. Себе три дня и помещику три дня. Вот тут и горе, что мужiku и отдохнуть некогда.

Сколько он ни идёт, ни спрашивает, всё помещиков мужики задевают.

— Быть не может, найдётся такой человек, что покажет горе.

Идёт он дорогой, подходит к деревне. Идёт старуха. Он спрашивает:

— Бабушка!

— А что, голубчик?

— И скажи мне, что есть за горе в свете?

Бабушка посмотрела на его, что одёжа хорошая на ём.

— А что да сй мне? Я покажу тебе горе, голубчик.

— Ну, я тебе дам, бабка, сто рублей.

— Давай!

Он даёт бабушке сто рублей. Она берёт эти деньги. Бабушка видит, что у его ещё порядочно денег остаётся. Она и говорит ему:

— Сейчас рано показывать. А вечером придёшь на это место, где мы сейчас стоим, купи бутылку вина, набери закуски хорошие, то мы выпьем, закусим, — через время и горе я позову, и посмотришь на его, на горе.

Бабушка пошла дальше, а государский сын пошёл в деревню закупать вина да закуски. И глядит на солнце:

— Скоро ль будет солнце садится?

Вот с нетерпением он выходит на это место. Бабушки нет, не пришла еще. Под вечер потемнело. Солнышко зашло. Является бабушка, которая взяла сто рублей у его.

— Ты что там, бабушка, долго сидела?

— Нет, я пришла в своё время, как сказала тебе, молодой человек. Вина купил?

— Купил, бабка!

— Ну, так пойдём же.

Они и отправились. Бабушка его повела. Приводит его к реке и к лесу.

— Ну, тут давай мы выпьем, закусим, а потом я горе призову, ты посмотришь.

Выпили они, закусили. Он рассказывает:

— Ну, бабушка, горе идёт?

— Нет, голубчик, через час оно придёт. Скидай с себя свой пиджак.

Он скинул.

— Ну, скидай сапожки, скидай свои брючонки, скидай рубашку и иди в эту реку, пока до головы вода не дойдёт. И смотри в тую сторону, сюда не смотри, и стой там приблизительно три четверти часа, то я в это время и горе призову сюда. А потом ты крикнешь мне, я скажу: «Выходи, горе пришло уже».

Государский сын и отправился. Он видит, что он дальше идёт, что уже покрывает вода его. Она кричит:

— Довольно! Ну, сюда же не смотри. Столько время стой, сколько я сказала.

Когда видит бабушка, что он стоит спокойно себе, она забирает его одёжу, забирает его добро, всё оставляет там — не добила вина и закуску, а сама и улетела. Он чувствует, что простоял это время, что бабка ему сказал, и он кричит:

— Бабушка!

Бабушка не отвечает.

Он несколько разов крикнул. Бабушки нету. Он ворочается с воды на берег, видит, что одёжи нету и бабушки нету, только закуски и выпивка.

Тут комары и мошки стали его кусать. Он руками начал хлопать, комаров убивать, — комары его еще больше жгут. Да. Он тогда подумал:

— Вот горе, так горе! Правда бабка сказала, что оно само придёт, — оно и пришло. Куда мне теперь деться?

Он сам себе план разбивает.

— Теперь бабушку не увидишь эту, да и не найдёшь ее. Теперь только остаётся идти в деревню да где-нибудь спрятаться, пока мужик не заснёт, — украсть одёжу, одеться.

Он так и сделал: отправился в деревню.

Идёт по деревне. В одной избушке горит огонёк. Он в окошко посмотрел — никого не видит. Он заходит во двор, заходит в избу — никого нету. Видит, подпечье большое.

— Давай-ка я полезу под печь! Как они заснут, так вот тут висит какая-то одежда, я оденуся.

Влез он под печь и сидит и выглядывает.

Незадолго приходит женщина, накинутая платком большим. Садится на деревянную лавку, как раз напротив подпечья. Он посмотрел:

— Всё-таки не поймёшь, — больная — не больная, а если в крайнем случае ляжет спать, больше никто не придёт, так я переоденуся.

Так минут через десять кто-то стучит в окошко. Она и кричит, что двери открыты.

Приходит батюшка и подаёт ей:

— Вот тебе бутылка вина, от матушки украл блинов, колбаски купил, что надо тебя покормить.

— Хорошо, батюшка, — она говорит ему.

Берёт она эту колбасу, берёт вино и блины. Блины кладёт за печку, колбасу пихает в печку, а вино ставит в ступу, в которой мужики толкут ячмень, пшено сами делают. А он всё это смотрит. Вот поп и рассказывает там:

— Давай, Марья, выпьем.

Она говорит:

— Сейчас, батюшка, можно достать.

Вдруг кто-то стукнул опять в окошко. Она уже не кричит, что двери открыты, а помалкивает.

А батюшка спрашивает:

— Кто там стучит?

Она говорит ему:

— Это, верно, мой муж едет с города. Он за лекарством мне ездил.

— А куда ж мне, — говорит, — деться?

— А полезай, батюшка, под печь. И он когда приедет, коня отпряжёт, поужинает, да и лошадь погонит на пашу, а я скажу, чтоб и ночевал там, — то мы с тобой будем свободны.

Так он и шмыгнул под печку, поп. Ну, когда залазит под печь, видит, что здесь сидит вроде человек, только голый, и он спрашивает:

— Ты кто такой?

А царский сын отвечает:

— Я кто такой? Я — чорт. А ты чего сюда залез?

— Да я залез, вот захотелось мне с деревенской погулять, — поп рассказывает.

— Так вот сейчас хозяин войдёт, и я выведу тебя и покажу хозяину, ты и будешь знать!

— Молчи, чорт! — батюшка крикнул ему.

— А чего ж я буду молчать?

— Что хочешь с меня возьми, только молчи.

— Что, думаешь мне душа твоя надо? Ты и так у нас, а вот если ты хочешь, чтобы я молчал, давай сто рублей денег мне — откупись на этот раз, и верхнюю одежду мне дай и сапоги, тогда я могу вывести тебя.

Поп и скидывает сапоги, подаёт ему сто рублей, даёт свою шляпу и свою свиту даёт с широкими рукавами. Чорт оделся и думает:

«Теперь всё-таки я не голый. А ты посиди, можешь в одной рубашке добеги».

Только чорт получил свой подарок, аж тут идёт дьякон.

— Ну, как ты, Марья, живёшь?

— А плохо, отец дьякон.

— Так вот, Марьюшка, я принёс бутылку вина и закуску хорошую. Так на, прими.

Она приняла. Вот эту бутылку вина, как ступа стояла, она за ступу поставила. А государский сын себе и думает: «Ага, тут благодать другая будет». А эту закуску взяла от дьякона, в решето на полку покляла.

Ну, дьякон рассказывает:

— Как, Марья, будем делать?

Вдруг опять в окошко стукнули. Дьякон и говорит:

— Это кто там стучит?

— Так это, — говорит, — муж мой едет с города.

— Так куда ж мне теперь деться?

— А полезай, отец дьякон, под печку.

Отец дьякон забирается под печку. Поп молчит.

— Что народу много здесь собралось?

А чорт отвечает:

— Я чорт, а этот — поп, а ты — отец дьякон.

Дьякон говорит:

— Так ты молчи, чорт.

— Нет, я молчать не буду.

— Так это нехорошо будет, — дьякон уже.

— Как нехорошо? Раз залез под печь, будет хорошо, — это чорт отвечает. — А вот если ты желаешь, чтобы я молчал, так давай мне сто рублей и споднюю одежду мне, так я буду молчать.

Отец дьякон отвечает:

— У меня всего пятьдесят рублей есть.

— Ну, давай эти.

Дьякон скидывает споднюю одежду, подаёт пятьдесят рублей ему. Чорт одётся. А тут является цыган в избу. Чорт и подумал: «О-о! Пожалуй я своей горе поправлю».

Цыган приходит:

— О, здравствуй, Марьюшка! Как живёшь?

— А ничего, цыган, живу.

— Туши-ка лампадку свою.

— А выпить-то принёс? — Марья отвечает.

— О-о! Каждый день ходить да всё горелку носить. Да где ж я тебе наберусь? Я вчера был, тебе бутылку принёс, — дак тебе всё мало. Завтра приду — другую принесу.

Ну, Марья тут отпирается, знает, что два гостя под печью сидят, — неловко уже.

— Я сегодня больная, — Марья рассказывает цыгану.

Цыган:

— Когда принесёшь, тогда ты здоровая бываешь, а, значит, не принёс ничего, так дорого не хлебаешь, а солоно не едаешь?! Так придётся дураком идти? Ну так, я думаю, ты поздоровеешь.

Тут кто-то опять под окошком стукнул.

— Ох, Марьюшка, кто там стучит?

— Молчи, цыган, — говорит, — это, верно, мой муж едет.

А он говорит:

— Не может быть, что муж так рано ехал!

Она говорит:

— Верно лошади не пожалел, поживей ехал.

— А куда ж мне деться теперь?

— А полезай под печь.

А цыган говорит:

— А что ж такое, если я под печь полезу?

Она рассказывает:

— Ты под печь полезешь, там посидишь. Муж придёт, поужинает, поведёт коня пастись, а ты тогда выйдешь с-под печи, домой пойдёшь.

Ну, цыган лезет, а чорт и рассказывает попу и дьякону:

— Вы лезьте дальше, а я буду спереду.

Цыган лезет под печь, видит — лежат тут, и спрашивает:

— Это кто?

— Чорт.

— А это, второй кто?

— Поп.

— А это кто?

— Отец дьякон.

Цыган отвечает:

— Ух, тут и черти, и попы, и дьяконы, да и цыганы! Видно эта молодуха хорошая.

Поп кричит:

— Молчи, цыган!

Цыган:

— Кто в бога верует, того и чорт не возьмёт!

А чорт рассказывает:

— Нет, неправда. Раз залез под печь, и бог не поможет, а чорт выведет тебя и покажет тебя хозяину.

— Ну, так что ж ты хочешь, чорт, себе?

— А давай мне сто рублей, я буду молчать.

— Хо! У меня сто копеек нету, не то что сто рублей.

— Ну, ладно, цыган, верю тебе.

Тут тишина, никого не слышать, а молодуха всё сидит за столом. Чорт думает:

— Чего ж тут сидеть теперь? Денег у меня есть теперь полтора-ста рублей, да и приоделся теперь, так нечего теперь под печью сидеть, можно и выйти.

Он и говорит им:

— Знаете что? Я уж эту молодуху давно знаю. Мне охота было вас загнать под печь. Я раньше забрался, сидел и знал, что вы придёте. Вот первый раз поп стукнул — я знал, что через час придёт и дьякон. Дьякон попал сюда — я знал, что и цыган придёт. Ну, и четвёртый раз стукнул, — так это чертёнок стукнул, чтоб вы не вылезали. Ну, а вот теперь я пойду скажу меньшому чертёнку, чтобы он больше не стучал, а потом я приду и вас выведу отсюда всех.

Чорт и отправился с-под печи. Вот он выходит на улицу и смотрит в окошко, — как станут головы высовывать с-под печки, царский сын стукнет в окошко — и они опять назад в подпечье.

Ну, вот уже он проходил и надеялся по цыганову разговору, что рано хозяину приехать, так понадеялся, что скоро должен приехать. Он ходил, ходил, видит — летит сова. И сова хотела опуститься наземь, а там протягнута была верёвка, на которую вешали бельё, и она попала когтями на эту верёвку. Он видит, что она крутится на верёвке, а лететь не может, то он подходит к этой совой, снимает ее с верёвки, завязывает ей крылья и ноги, берёт ее подмышку и опять к окошку и думает: «Погоди, придёт хозяин, мы подкрепимся».

Вдруг слышит, что телега скрипит.

— Наверно, хозяин едет.

Он взял дальше отошел под соседний двор, чтоб хозяин не видал.

Хозяин приезжает, лошадь сунимает. Подходит к воротам, открывает ворота и кричит:

— Ну, Лыска, иди во двор!

А хозяйка уже на кроватку легла. Лампадка горит.

Хозяин ворота закрыл. Государский сын уже под окошко прибыл (чтобы «черти» не выскочили). Хозяин лошадь отпрёг, входит в избу и говорит:

— Ну, вот и я приехал!

— Да ты долго ездил.

— Да вот к одному доктору пришол, и к другому пришол.

— А, может быть, ты у доктора и не был. Может быть, зашел в трактир да погулял там хорошенько.

— Да не до гулянки глаза смотрят, — он ей отвечает. — Так вот на-ка, выпей лекарства. Три раза в день, сказал доктор, пить.

— Ну, поставь его.

— Да я жрать хочу, дорогая.

— Так у меня нечего и дать, я не готовила ничего такого, а утром картошки спекла, две штуки съела, кажется, штук пять осталось. Так вот бери, лопай их.

Мужик берёт эту картошку, хлеб, соль. Картошку лопает — в соль макает и в рот кидает, и вкусно показывается.

А царский сын стоит под окошком. Застучался:

— Хозяин, пусти переночевать!

— Эх, дорогой, пустил бы я тебя ночевать, да тебе беспокойно будет.

— Какое беспокойство?

— Да вот у меня жена больная, всю ночь лампадка горит, всё-таки нехорошо вам будет спать. Да и она там будет стогнать. Это всё-таки неловко будет вам.

— Так это, хозяин, ничего! А ты прохожих постоянно пускай. А, может, я посмотрю на твою жену, да и скажу, какая болезнь у нее есть. Врач приезжает и признает болезнь, пишет рецепт, даёт капли, а я, может быть, признаю протягалку дать.

— Так, пожалуй, иди в избу. Ворота мои полны.

Она кричит:

— Не пускай!

— Да как? Человеку сказал — и не пускай. Пусть идёт. Он тебя же не съест.

Он входит, открывает двери. Мужик видит, что батюшка идёт, он и говорит:

— Простите мне, батюшка, что я вас не пускал.

Мужик встаёт, батюшке руку целовать. А батюшка крестит его.

— Садись, батюшка, со мной кушать, что есть у нас. Жена больная, так вот утром картошку спекла, сама две штуки съела, да мне пять штук осталось. Ну, вот еще три штуки есть, и эти съедем.

Батюшка садится и кладёт свою сову в уголок, берёт за картошину, а потом сову рукой тронул. Сова: «Шш-ш-ить!» — шикнула. Батюшка и говорит:

— Молчи, дура! Мало ли у людей что есть, тебе того хочется.

Мужик спрашивает:

— Чего она рассказывает?

— Да мало ли она что рассказывает!

— А всё-таки, батюшка, скажите мне?

(А мужика звали Иван.)

— Так вот, Иван, она показывает, что в ступе бутылка вина есть.

Иван идёт, достаёт вино.

А батюшка рассказывает:

— Там на печке, на сошке, есть блины.

Иван достаёт и блины.

— Смотри, в печи и колбасы есть.

Тот достаёт и колбасы, тащит на стол. Начали выпивать, а картошку кидать. Мужик с дороги выпил, да и батюшка выпил. Уже у них стало веселей. Мужик и говорит:

— Да, батюшка, у тебя гадалка хорошая.

— Да, Иван, ничего. Она знает сейчас, что в доме есть.

Батюшка видит, что это маловато вина и закуски, ну он знал, что дякон еще принёс. Тот опять сову тронул. Сова опять: «Шш-ш-ить!» — шикнула.

— Ну, довольно тебе уже!

— Батюшка, что она говорит?

— Да что она говорит? Да там за ступой, под лавкой, еще вина есть.

Мужик пошел за ступу, тянет бутылку вина. Поп кричит:

— Иван, на полке в решете там возьми еще закуски!

Вот и эту приносит. Стали выпивать. Мужик и говорит:

— Батюшка, продай ты мне эту сову!

— Да как продать-то не штука, Иван. Ты знаешь, я куда ни приду, она мне всё покажет, где что есть, и тебе будет показывать. Ну, сколько же ты мне дася за нее?

— Да сто рублей дам, а больше, батюшка, денег нет.

— Ну, ладно, Иван, давай сто рублей! Только сегодня я буду спрашивать у ее, а завтра ты.

Ну, вот они подпили: мужик пьяный, да и батюшка пьяный уже. Мужик и говорит батюшку:

— Да ты, батюшка, спроси у ее, чем моя жена больна?

— Сейчас, Иван.

Он ее и чкнул, так сова не то что шикнула, а чикнула.

— О Иван! Тут секрет большой, — говорит. — Можно вылечить вашу жену, что нескоро заболит. Даже можно заставить, чтобы плясать сейчас пойдёт. Только вот, Иван, что у тебя под печью есть три чорта разного сословья. Один тягнет из ее кровь, и другой тягнет, и третий тягнет кровь из ее.

— А как же этих чертей выгнать, батюшка?

— У тебя есть сухие дрова? — он спрашивает.

— Есть, батюшка.

— Ну, ступай, носи дрова! Затопим печку, поставим два чугуна воды и кипятком будем поливать под печь, так они выскочат, а иначе их не выгонишь. Так ты иди за дровами, а я возьму толкач, которым в ступе толкут, и буду ходить с толкачом по избе: как только станут выскакивать, так я толкачом всех убью.

Мужик пошел за дровами.

Воды нагрели. Батюшка берёт ковшик и всыпнул туда ковшик воды. Цыган и кричит:

— Не наливай! Я и так вылезу.

Ну, цыган вылез. Он второй ковшик.

— Вылезайте, черти!

Вот «черти» и вылезли. Он и говорит:

— Бери-ка, мужик, гуж, да дуй вот этого первого чорта, чтоб не брал с твоей жонки кровь!

Вот и начали пона дуть.

— А ты, цыган, — говорит, — посиди, остатки допьём с тобой.

Цыган думал, что и правду выпьет.

Вот пона отдули, пустили.

— Ну, возмись за дякона!

И дякона отдули, и дякон удрал.

Ну, теперь стали браться за цыгана. Цыган и говорит:

— Хох! Вы нас обманули! Вас было двое, а нас было трое.

Можно бы с вами разделаться, а теперь мне одному поздно.

Вот и цыгана отдули, пустили.

— Ну вот, теперь берись за больную таким самым способом, как за пона, за дякона, за цыгана.

И стали больную так же. И больная чуть не плясать пошла, стала здоровая.

Царский сын у мужика проночевал, явился в город, купил себе вольную одежду хорошую, и вот прогуливается по городу. Подходит к церкви, видит, что народ идёт в церковь.

— Дай, и я зайду в церковь, посмотрю, не этот ли поп служит молебен, который сидел со мной под печью.

Он попал в ту же церковь, где служит архиерей. Тут уже попов много находится. Он встал, стоит любителю. Тут начальства много было, и народу много, так что тесно даже пробраться. Недалеко от него, видит, что забираются одному в карман. Вытягивает кошелёк и поворачивается от него, и пошел. Ему стало интересно, и подумал, что «вот работа лёгкая: без трудов взял и пошел. Это бы не мешало и мне так».

И он завернулся, и он за им вслед. Царский сын догоняет его.

— Постой-ка, господин!

— А что тебе надо?

— Да я видал, как ты в церкви кошелёк взял.

— А твоё какое дело? — тот говорит. — Что ты думаешь, я тебе половину дам? Я тебе половину дам, так и глаза выскочат.

— Нет, мне половины не надо. Мне интересно, чтоб ты меня научил так.

— Пожалуйста! Мы от этого не прочь. Пойдём к нашему старшему. Даси подписку ему на три года, так не то, что вынуть кошелёк этот, так ты научишься волшебству и голубком можешь летать, и можешь в любом месте взять всё, всё, что только захочешь.

Царский сын с охотой крикнул:

— Пойдём!

И вот пошли. И он записался. Три года отработал и научился всего.

Когда он получил уже расчёт, является к своему отцу. Отец думал, что его на свете уже нет. Ну, вот и говорит отцу:

— Теперь, отец, я могу жениться, потому что я прошёл горы, земли и трубы, и попался чорту в руки и оттуда вышел. Теперь я думаю, что можно и жениться.

Отец ему и говорит:

— Ну, женись, выбирай невесту!

— Да я почти и так знаю, где невеста есть. Можно даже в своём городе взять.

— Да как ты возьмёшь в своём городе, своих подданных?

— Так всё равно, в сарафани все одинаковы.

— Так тогда тебя не признают, что ты будешь наследник мой.

— Ну ладно, так мы возьмём тогда в другом царстве.

Вот они поехали в другое царство, засватали невесту, и вот такого-то числа будет свадьба. Там опубликовали по газетах, что вот у такого государя будет жениться сын вот в таком-то царстве. Когда подходит тот день, когда ему нужно ехать в тоё государство венчаться, где его невеста, и он созывает своих министров и весь свой сенат и говорит им:

— Вот вы сколько лет живёте здесь, а никто ничего не понимает. А смотрите я что понимаю: я три года с месяцем не был дома, а до чего я выучился!

Вдвряется об землю, делается голубком и подымается под самые облака. Они все смотрят. Ну, вверх ему тяжело было подниматься, а вниз полегче опускаться. А тут ветер захотел над им насмеяться и начал его дуть пошибчей. Он старается опускаться, а ветер нажимает да дальше его отправляет. Ну, всё-таки ветер его пересилил и затащил его в другое царство. А в другом царстве у его волшебство это не действовало уже, чтобы ему делаться голубком, и бросил его ветер в лес. И он сделался человеком, как и был, в той же самой одежде, в которой он подымался.

Для три он путался по лесу, не мог даже выбраться с леса. То он уже не одну ночь обночевал и слышит ночью, вроде как кто рубит дрова. Он тихонько и подался туда, на этот стук. Подходит. Видит, что мужик рубит дрова. Он говорит:

— Помогай бог!

Тот оглянувшись, испугался и топор из рук упал.

— Простите, государь, мне *(он в государственной одежде был)*, что я заехал в ваш лес воровать дрова себе. Денег нету купить, так поневоле поедушь.

Он ему отвечает:

— Ты не пугайся, что ты в мой лес заехал. Это какой мой, такой и твой, а ты будь моим старшим братом, а я буду твоим меньшим братом. Давай поедем скорей домой!

— Так нет, надо дров всё-таки нарубить немного.

— Ну, наруби на печку, а мы завтра хоть пять возов купим дров! У меня денег есть.

Ну, мужик повеселел. Немного дров взяли, поехали домой.

Приезжают в концы города. Стоит избушка старая. Заезжают во двор. Отпрягают своего быка *(мужик на быку был)*.

— Ну, пойдём, брат, в избу!

Вошли они в избу. Он и говорит:

— Что, брат, у тебя есть чего поёсти?

— Да есть немного. Только моё кушанье тебе не понравится.

— А какое кушанье?

— Да вот варили щи, да они холодные — утром варили.

— Голодный ест и холодное, — он отвечает.

Хозяйка вытягивает с-под лавки щи *(под лавку поставили, чтоб не укисло)*.

— Так, а что — у вас в городе есть трактир?

— Есть, здесь у нас кабачок недалеко. Больно поздно уже.

— Итти с деньгами, так поздно не будет. Я слышал присказку такую, что за деньги и поп пляшет. На-ка сто рублей тебе, купи, что только есть, и вина захвати.

Мужик и отправился. Купил вина, колбас, хлеба, булок. Ну и пришол. Выпили, поели, спать легли. Утром прочинаются, опять подкрепляются. Он вынимает сто рублей.

— На, ступай, купи дров и что надо тебе, всё покупай!

А сам отправляется на город пронохивать, как прожить. По городу походил, тысяч десяток и нажил *(с карманов выткнул)*.

Приходит:

— Ну, как, расходовал деньги все?

— Нет, всех не расходовал.

— Что, верно не понравилось ничего, что не расходовал денег?

— Так если в сутки расходовать по двести рублей, так откуда мы чего возьмём?

— Эх ты, брат ты мой! У меня в правой руке есть волшебство. Я сегодня десять тысяч нажил. Так вот ты боишься расходовать деньги. На-ка тебе, молодуха, деньги — десять тысяч, покупай одежду себе и мужу — брату моему, чтоб маклаком таким не ходил, что пущай богатый дивится, с чего бедняк живётся.

Ну, вот, опять проночевали. На утро опять пошел по городу.

Ну, молодуха сотни три расходовала. Он опять приносит денег. Вот он спрашивает:

— Ну, что купила?

— Да купила много чего! Сейчас покажу вам.

Она показала.

— Это ничего, — говорит. — Ну, вот, нате еще пять тысяч, — даёт.

— Ну вот, теперь поживём! — он рассказывает.

— Да, спасибо вам, молодой человек, — она отвечает. — Мы век таких денег не видали, да и не видать бы нам.

— Ну вот, это не деньги еще. Я шол по городу, видал в таком-то месте, на такой-то улицы, с торгов продаётся дом за тридцать тысяч. Так вот ступай-ка ты, старшой брат, завтра на торги, да купи этот дом.

— А за что ж мы купим?

— Что ж, у тебя есть еще тысяч тринадцать?
— Да, пожалуй что побольше есть.
— Ну вот, сколько есть — дай задатки, хоть будут добивать до сорока тысяч, ты давай, не опускай дом.
Брат старшой пошел. Там и торгуются. Вот купцы дивятся, из чего лапотники живут:
— Тридцать тысяч дом ассигнованный, а пришел покупать!
Друг с другом перешептались.
— Он только пришел нам цену набивать! Где ж он может денег столько взять?
Тут и пошла торговля. Пристав кричит:
— Сейчас идут торги! Тридцать тысяч! Кто больше?
Их было записавши пятнадцать человек на этот дом, в том числе лапотник был. Один кричит купец:
— Тридцать с половиной!
Другой кричит:
— Тридцать одна!
Третий кричит:
— Тридцать одна с половиной!
Все крикнули купцы, остаётся только лапотнику крикнуть. Лапотник кричит:
— Тридцать пять! — сразу.
Пристав кричит:
— Кто больше?!

Опять начали по сотне прибавлять купцы. А лапотник помалкивает. Добили они, значит, до тридцати шести тысяч ста рублей. Лапотник кричит:
— Тридцать семь тысяч с половиной!
Все замолкли.
Пристав второй раз кричит:
— Кто больше?
Молчат все.
Вот один купец прибавляет сотню. Пристав кричит опять:
— Кто больше?
Лапотник кричит:
— Тридцать восемь тысяч!
— Кто больше?
Никто не отвечает. Купцы стали перешептываться.
— А пусть, — говорят сами с собой, — лапотник покупает.
Пристав крикнул третий раз. Лапотник еще сотню прибавил. Раз сотню прибавил, приставу надо еще кричать.
— Кто больше?

Пристав кричит второй раз:
— Кто больше?
Все молчат, не прибавляют.
Он кричит три раза:
— Кто больше?
Молчат все.
— Остаётся дом за таким-то.
Лапотник подходит к столу и говорит:
— Вот я четырнадцать тысяч даю, а через неделю остатки принесу. А если не принесу я вам денег к такому-то числу, мои деньги пропадают.
Расписку от пристава взял. Отправился домой и думает сам себе:
«И чорт повёс меня на торги! Я с этими деньгами сколько мог прожить бы, а теперь где мы эти деньги возьмём?»
Ну, как в концы города он жил: «Дай, пойду до базару».
Идёт по базару. На базаре народу много (как сейчас в день отдыха). Ну, так что купить не на что. Вдруг его за плечо кто-то хватил. Он оглянулся — ан меньшой брат тут!
— Ты что, на торгах был?
— Был.
— Дом купил?
— Купил. Да, пожалуй, зря, — брат отвечает.
— Как зря?
— Да вот четырнадцать тысяч отдал, а не знаю, там у хозяйки есть ли хоть на обед.
— А на сколько ты срок дал? — он спрашивает.
— На неделю.
Младший брат засмеялся:
— Да мы за неделю купим три дома, не то что этот дом! Там у меня пятнадцать тысяч уже есть. На тебе сотню денег (подаёт ему). Покупай хлеба, если ты плачешь, что нет, закуски и водочки побольше и бери извозчика, поедем в старую халупку.
Тот закупил, извозчика взяли и поехали домой.
Приезжают. Закусили, выпивают.
— Так вот, неси эти пятнадцать тысяч приставу, а завтра вечером остатки получишь. Скажи ему, что вот я свой дом продал, а деньги не получил. Ну, завтра я получу и остатки принесу.
Он так и сделал.
Пристав получает и опять ему расписку даёт и говорит ему:
— Немного остаётся вам уже доплатить. Теперь дом будет, пожалуй, ваш.
Он расписку взял, домой прибывает. Меньшой брат является.

— Что, деньги занёс?

— Да, занёс.

— Расписку взял?

— Взял.

— Ну, покажи-ка?

Он ему показал.

Младший брат прочитал.

— Ну, вот, тебе еще десять тысяч денег. Завтрашний день вовремя занесёшь, как сказал, и вели, чтоб постояльцы выбирались с дому. Если у каких постояльцев нехватит денег, так ты давай деньги.

Тот так и сделал. Остатки отдал денег, постояльцев выжил. Ну, израсходовал он тысячи полторы на постояльцев.

Приходит домой, брат его младший уже дожидает:

— Ну, как, брат, дела?

— Да дела все справил! Даже нотариусом заверено, что дом наш, и постояльцев выжил всех. Только тысячу денег израсходовал.

— Ну, так это не беда. Значится, завтра можем перебираться?

— Да, можем.

— А небось тебе жалко этой отцовской халупки?

— Да нет, не жалею.

— Ну, не жалеешь, так отдай бедняку какому-нибудь. Пусть живёт. Скажет, вот добрый человек, что отдал мне свою халупку.

Там забирает ломаные горшки *(всё-таки мужику это жалко оставлять)*. А он рассказывает:

— Если тебе не жалко этой халупки, так не жалею этих старых горшков, а иди бери двух извозчиков — поедem.

Он двух извозчиков взял. Подъезжает с извозчиками к халупке.

— Ну вот, бери платье. Остатки пусть бедняку остаются.

Они поехали в этот дом. В этом же доме на каждого по две комнаты, — как на ребят, так и на их.

— Ну, вот теперь жить можно!

И начали проживать. Он [государский сын] ему рассказывает:

— Ты не знаешь, брат, где государский склад с деньгами?

Он отвечает:

— Знаю.

— Ну, так сегодня надо разжиться. Не всё господ обижать, надо за государя встать. У его деньги тёмные.

Подходит вечер. Он и говорит:

— Запрягай-ка лошадь! *(Они уже лошадь купили себе.)* Поедем к складу.

— К складу поедem — там часовые ходят.

— Ну, так что ж такого, пусть ходят. Они ходить будут, а нам что надо взять, мы возьмём.

Вот и помчались. Подъезжают ближе к складу. Он ему тихонько говорит:

— Вон склад. Вон видишь, и часовой пошел.

А он [младший брат] кричит:

— Чего ты боишься часового? Пусть ходит, а ты подъезжай ближе.

Они проезжают около часового.

— Так это склад? — кричит во всю глотку младший брат.

— Да, это, — тихонько говорит старший брат.

А он кричит:

— Если это, так стой!

Этот остановился.

— Ты здесь стой, а я пойду работать.

Ну, и пошел младший брат. Минут через пятнадцать кричит:

— Подъезжай сюда ближе!

А часовой ходит.

Он подъехал. Наваливает бочку золота и бочку серебра и отправился.

Там государь приходит. Печати целы все, разлому нигде нету, а бочки золота, бочки серебра нет. Он и думает: «Как же так?»

У его был волшебник. Он приходит к этому волшебнику и говорит ему:

— У меня есть покража.

— Какая?

— Да бочка золота взята да бочка серебра, и знаку нету, откуда взята.

Волшебник ему и рассказывает:

— Ух, царь! — говорит. — Это вор — весь склад вывезет, и знаку не будет.

— Да как же его, — говорит, — поймать?

— А не знаю, — говорит, — как его поймать. А если хотите знать откуда он взял, так я вам скажу. Возьмите накидайте костры и запалите, тогда увидите, куда пошло золото и серебро — дырка покажется уже.

Ну, тут сейчас же накидали костры, запалили. То в стенке образовалась дырка. Он опять к этому волшебнику.

— Дырку оглядели уж мы.

— Ну, вот в эту дырку он придет не один раз брать.

— Ну, так что, поставить стражу здесь?

Волшебник ему рассказывает:

— Нет, — говорит, — царь. Ты хотя поставь на каждую бочку по три солдата, так он возьмёт. А вот что я вам советую: в этой дырке поставьте бочку и налейте смолы, и подогревайте, что когда он будет в эту дырку лезти, — если попадёт в смолу, то тогда поймаете, а не попадёт, так тогда и делать нечего.

Государь недолго всё это устроил.

Дня через три брат и говорит брату своему:

— Надо, брат, ехать очищать склад, а то там полно, а у нас маловато.

Брат веселее стал коня запрягать. И вот подъезжают к этой дырке, и он [государский сын] уже знал, что здесь пасть наготовлена на его. Он и говорит ему:

— Ты стой здесь, а я пойду с другой стороны.

Он [Иван] и думает: «Пока ты ходишь, ты дырку ищешь, я выкачу с этой дырки скорей».

Он [государский сын] с другой стороны стену пробрал, бочку золота выкатил и кричит:

— Эй, подъезжай сюда!

Голосу не слышать. И он второй раз крикнул. Не слышать голосу. Он и говорит:

— Ага, ты попал уже!

Он приходит, коня берёт, наваливает бочку, подъезжает к дырке, которая была раньше разделана, и подходит к этой бочке. Там только торчит голова в смолы, а он уже мёртвый. Он и говорит:

— Раз тебе мало было, теперь хватит навсегда.

Он берёт нож, режет его по горло, отвертывает голову (по голове, знаешь, могут узнать), кладёт на воз и поехал домой.

Приезжает он домой и рассказывает его жене:

— Вот, видишь, — говорит, — захотел знать больше меня. Я сказал: «Постой», а он пошел выкатывать, а там уже было приготовлено. Я пока в другом месте дырку пробрал, а он уже в бочку попал. Ну, вот я с мёртвого с его голову снял, чтобы не узнали меня. Так ты не тужи поэтому — делать нечего уже. Я буду твой муж, а ты будешь моя жена, и хватит у нас добра.

Ну, а молодухе всё-таки жалковато было.

— Сколько лет я жила, а теперь не пришлось и похоронить его.

— Так всё равно, — говорит, — похороним голову, поминки справим.

Они голову похоронили, поминки справили.

А государь на второй день посмотрел, что бочки золота, бочки серебра нету, и труп есть и головы нету. Он и спрашивает волшебника:

— Как же? Труп есть — головы нету. И золота, и серебра нету. Как же голова увезла?

— Нет, царь, это помощник его хотел отличиться, что лучше его, ну и попал в смолу.

— Ну, так как же его теперь нам поймать?

— Берите этот труп, везите по городу и наказывайте его дубинкой, то его жена не утерпит и заплачет. То эту берите, а она укажет вора. Она с им как жена живёт.

Так они и сделали. Ну жена эта ничего не знала. А он как раз идёт по городу и это увидал, и приходит домой и рассказывает ей:

— Смотри, — говорит, — вот твоего мужа вводят по городу и наказывают дубинкой, ты хоть не плачь.

— Не буду плакать.

— Нет, ты не утерпишь. На тебе дорогие чашки и ступай туда. Напротив его вроде как спотыкнулся и эту посуду разбей, а потом плачь. Хоть разревися, то никто не догадается, что ты плачешь по мужу. И спросят у тебя: «Чего ты плачешь?» То ты скажи: «У господина я живу кухаркой, то меня они послали за посудой, а посуду в магазине взяла и домой шла и вот споткнулася, всю посуду разбила. Теперь барин меня неизвестно куда денет, а у меня денег нету посуду такую откупить».

Она так и сделала. Ну, вот спрашивают у нее:

— Чего ты плачешь?

Она и рассказывает, что вот я плачу по посуде.

Ну, тут уже она поплакала довольно. Ее унимают:

— Не плачь.

Государская свита собралась, сосчитала эту ее потерю, и дают ей столько денег.

— Ступай ты, бедная, в магазин, купи опять такую посуду и неси домой, только не плачь.

Она является домой. Он спрашивает у нее:

— Ну, как, поплакала?

— Да, поплакала. Да еще деньги дали на посуду.

— Ну, вот видишь, дура, — не указывать, ты попала бы. Да и ты — и я попал бы.

Вот они день провозились. Никто больше не плакал. Государь и говорит волшебнику:

— Никто не заплакал.

А волшебник рассказывает:

— Как не плакали? Она плакала не по посуде, она плакала по мужу. Надо было ее брать, тогда бы вора поймали.

— Так теперь что будем делать? — царь спрашивает у волшебника.

— А вот завтрашний день на базаре бить не надо, а вези мёртвого по всему городу и бей, то она увидит, не утерпит и заплачет. Так и сделали. Повезли.

И они как раз сели чай пить. Он глянул в окошко:

— Смотри, твоего мужа везут, наказывают.

Она зарыдала и на улицу побежала. Он схватывает ребёнка, сажает его в корыто, кипятку подлил, — и ребёнок закричал. Он выходит и бьёт ее по затылку и говорит:

— Ишь, проклятая! Ребёнка ошпарила да еще на улицу вышла плакать!

Да, действительно: пришли в избу — ребёнок обожженный. И она признала, что это плачет по ребёнку. И проехали дальше.

И они опять к этому самому волшебнику:

— Никто по этому трупу не плакал.

Волшебник отвечает:

— Как никто не плакал? Женщина ж плакала.

— Так она плакала по ребёнку.

А волшебник говорит:

— Это не по ребёнку она плакала, а она плакала по мужу.

— Да как же по мужу, когда ребёнок был ошпаренный?

— Это сам вор схватил да в корыто посадил и по затылку ее набил. Вот надо было ее взять.

— Ну, а теперь что же будем делать?

— А вот что делать: надо убрать в золото, серебро козла и дать двум солдатам нести по городу мёртвого, то он не утерпит — козла возьмёт.

Ну вот, так и сделали.

Он сидит, в окошко смотрит. Солдаты ведут козла этого. Козёл упирается. Он и говорит:

— Видишь, как меня ищут.

— А как?

— Вона, ведут козла. Я сейчас его возьму.

Он схватывает пудовую гирию, подсакивает к козлу, отрезает верёвку, подвязывает гирию за верёвку. То солдатам стало тяжелее вёсти козла. Они говорят:

— Ишь, проклятый, как стал упираться!

И они оглянулись, а козла уже и нету, — пудовая гирия привязана к верёвке. И они с этой верёвкой отправились к государю.

— Так и так, козла проспали.

Ну, вот государь опять к волшебнику:

— Козёл взятый, что и солдаты не видали.

Он и говорит, волшебник:

— Ну, теперь нужно три дня подождать. Через три дня мы, пожалуй, его поймем. Вот три дня пройдёт, тогда ты, царь, посылай солдат по городу, пусть они трёхдневной козлятины купят. (Так что государыня забеременела, то она его продаст.)

Государь отправил по всех домах искать трёхдневной козлятины. Его в это время дома не было. Солдаты являются, спрашивают:

— Хозяюшка, нет ли у вас трёхдневного козла убитого? Государыня забеременела, так она хочет этого мяса покусать.

Она и сказала, что есть.

И они купили три фунта. И вот выходят, написали на воротах: «Здесь продано три фунта трёхдневного козла мяса».

Вот приносят мясо государю и говорят, что купили и подписали на воротах.

— Ну, значит, надо идти искать теи вороты. Поймать вора.

А он явился домой, и она рассказывает ему, что я продала три фунта трёхдневной козлятины для государыни. Он и говорит ей:

— Эх ты, дура! Это же ищут меня. Что, — говорит, — тебе мало?

Он выскакивает на улицу. Там подписано.

— Купили и подписали на воротах.

И он берёт такой самый карандаш и этой рукой стал писать на нескольких воротах.

И вот пошли по городу искать. И кричат:

— Тут продано! Тут продано!

Так что почти чуть не полгорода он исписал. И они спрашивают:

— Как же вы писали?

— Да мы только на одних воротах писали, а тут написано полгорода.

Царь опять к волшебнику:

— Никак не поймали!

Волшебник и рассказывает:

— Его не поймали, что полгорода написано. Это он сам написал.

— Ну, так что ж мы теперь делать будем?

— Поймать еще можно. Вот ты, — говорит, — сбри бал, чтобы пришли к тебе на бал все. Нищие — не нищие, всех, кто ни придёт, принимай, и пусть они угостятся. И ты насыпь золото на дорогу, то он не утерпит, и он подберёт. Тут его и словите.

Государь собрал бал. Когда угостились, государь велит:

— Идите в мой сад, прогуляйтесь.

А там уже по дорогам насыпано золото. Каждый идёт и смотрит: золото лежит, а брать нельзя.

Вот государский сын и думает: «А всё-таки я золото подберу».

Он сейчас намазывает себе подошвы смолой и по золоту по этому идёт. И оно берётся. В тот конед зайдёт — вынет, в карман покладёт, и опять идёт. И собрал всё.

Государь к волшебнику опять:

— Золото собрано, а вор не пойман.

Волшебник рассказывает государю:

— Так это золото в кармане лежит уже. Вы теперь эту всю публику садите за стол и пошлите искать мальчишков по карманах. У кого найдётся золото, тот и вор будет.

Государь так и сделал.

Государский сын видит, что это ловушка. Он кому вклинит две монеты, кому три в карман, кому четыре, а себе не оставил ничего. Вот один кричит мальчишка:

— Я нашол!

Другой:

— Я нашол!

Третий:

— Я нашол!

Ну, и четвёртый.

Государь видит, что всю публику нельзя конфузить, ну и крикнул:

— Довольно!

Государь опять к волшебнику:

— Да у многих нашли золото.

— Так он, — говорит, — каждому дал, а у его ничего нету.

— Ну, так что же теперь мы сделаем с им? Что, видишь, здесь он, а взять нельзя.

— А вот, царь. У вас есть дочь красавица, то этой публики не распусти, угощай ее и поклади свою дочь, чтобы она легла спать, чтобы каждый видал. То он не утерпит, придёт к вашей дочке.

Ну вот, публику государь не распустил, оставил их ночевать, и в стеклянных дверях велел дочке ложиться спать. Вся публика видала.

Когда все спать легли, то государский сын отправляется к этой красавице, с ей там и прилёт. Она ему печать и поклала на лоб. Он и пошёл от ее, вроде у его защемило что-то на лбу. Он смотрит в зеркало, а у его печать на лбу.

— Ага, так я уже попал!

Он приходит к царевны. Она спит. Он берёт эту печать и начал ставить публике на лоб, как и ему поставили.

Вот на утро стали смотреть: у этого печать, и у другого печать — и у человек двадцать всё печать.

Государь к волшебнику:

— Ты что ж конфуз наделал?

— Нет, — говорит, — царь, он один только был, а остальным наставлял печать он сам. Теперь вы не распустите этой публики опять же, а пусть еще переночуют, то тут его мы уже схватим.

— Да как мы его схватим?

— Вот, когда публика будет гулять в саду, то вы у спальни царевны разберите пол, выкопайте большую яму и насыпьте туда пуху, чтоб не мог убиться, и чтоб он из этой ямы не мог вылезти. Он не утерпит, пойдёт к этой яме, но только он не дойдёт: попадёт в эту яму и будет в этой яме сидеть. Вот тут-то мы его поймем!

Так и было сделано.

Подходит ночь. Царевна опять спать ложится на том месте. А он думает: «Вот и благодать! Только я уже сделаю похитрей».

Все уснули. Он отправился к ей и провалился в яму. Он туда-сюда — вылезти не может. Он и говорит:

— Вот ловушка хороша! Придётся пропасти. Да подумать можно.

Скидает с себя пиджак и ну по этому пуху махать. Пух полетел по всем комнатам. И он кричит:

— Эй, убегайте, горим!

Кто не схватится, бежит — и в яму. Тут набралась полная яма. А он наверх выбирается. Тут и царевна попала. Он царевну вытягивает. Несколько человек там мёртвых оказалось.

Тут и государь проснулся. Стали уже из ямы вытягивать.

Государь опять к волшебнику:

— Что такое, что мы никак не поймали?

Волшебник отвечает:

— Да, теперь больше, государь, мы не поймем. Он не простой вор, а он есть государский сын, и он холостой. То я б советовал за его отдать и царевну, дочь вашу, тогда и увидите его. А иначе его не поймать.

Государь послушал волшебника. Он и говорит:

— Кто такой есть спец, я за его свою дочь отдам?

Ни одно слово не обмолвил, и он помалкивает.

Государь опять к волшебнику. Волшебник ему и говорит:

— Словам, царь, никто не верит. Вы напишите бумажку и подпишитесь. Он прочитает и потом скажет: «Вот я».

Государь и начал писать и подписался. Подает этой публике:

— Нате, прочтите мою бумажку.

Ну, многие читали, ну никто не рассказывает.

И он подходит. Прочитал и говорит:

— Вот я самый и есть!

Видят, парень молодой, красивый сам собой. Публику распустили, за свадьбу взялись.

Оженились, и он говорит, что: «Я вот такого-то царя сын. Теперь я уеду со своей женой в своё царство».

И отправился к отцу...

Вот сказка кончается. Он приезжает домой. Стречает его бабушка-рябушка. Вот тут сивые черти скáчут, под печью куры кудáчут. Ну, тáя баба-щепетúха не полюбила моего духу...

5. [НЕЗНАЙКА].

В некотором царстве, в некотором государстве, . . .
в одном городе жил купец. У этого купца был один сын. А торговля была у его большая. В государстве была у его другом большая часть торговли, так что он приезжал в три месяца один раз домой. Когда приедет он домой, то сын ему и рассказывает:

— Папаша, — говорит, — к нашей мамаше какой-то ходит и часто с ней ночует.

И он, действительно, стал ее бранить:

— Чего тебе нехватает?!

Ну, и она догадывается, что это никто не может сказать о прóче сына. Он уехал, побранился и уехал обратным путём за границу. Вот обратным путём он приезжает, ему сын тоже рассказывает это самое. Ну, и он тут стал на ее тоже браниться:

— Как тебе не совестно?!

Ну, и опять уехал. Вот он там уже не пробыл и три месяца, прибыл пораньше. Когда приехал он домой, то сын ему и говорит:

— Папаша, — говорит.

— А что, — говорит, — сынок?

— Купил бы ты мне лошадку.

Отец ему ответил:

— А зачем стáло? Мало одной, так можно две купить лошади.

— Да нет, папаша, мне двух не надо, мне, — говорит, — одной хватит.

Вот и дошли они на базар — выбирать лошадок, и он от отца

скрылся немножко. И он подбежит к коновязи, подбежит к одной лошади и к другой лошади. На которую лошадь наладит руку, та лошадь гнётся. Всех лошадей пробег — ни одной не нашол, все лошади гнутся.

Вот идёт он, видит, что мужик приехал, только что сейчас на базар. Он подскакивает:

— Что, мужик, лошадь пригнал?

А он говорит:

— Да, пригнал продать этого жеребёнка.

(А у этого жеребёнка шерсть, как у меня на голове, колтунками да длинная.)

Он подходит к этому жеребёнку, кладёт свою руку на этого жеребёнка, а жеребёнок и не гнётся. Он и подумал:

— Нашол своего (не гляди, что колтунатый). — Сколько же, мужик, ты просишь за его?

— Да рублей пятьдесят, может, и дадут (ну, раз незавидный жеребёнок).

— Ну, ладно, я тебе дам сто рублей (ему что сто рублей!). На тебе десять рублей задатку, а я пойду искать отца.

Дал ему десять рублей задатку и пошёл искать отца. Тут отец мимо лошадей ходит, выбирает больших, чтоб они были корпусные и видные лошади. Он ему и рассказывает:

— Что, — говорит, — отец, таких больших лошадей выбираешь мне?

— Да, выбираю, чтоб была лошадь хорошая.

— Так нет, папаша, ты этих лошадей не покупай мне. Я — парень малый, а лошадь большая, она может меня убить.

— Ну, так какую тебе лошадь?

— А пойдём, я уже задатки дал на лошадь.

Вот и ведёт к этому мужику, подводит и показывает:

— Вот эту надо взять, папа, лошадку.

— Да, что ты, — говорит, — сын, это все люди засмеются на нас, что такой именитый купец купил такую лошадь. Эту лошадь надо вести в парикмахерскую, да отдать пятьдесят рублей, чтобы они обстригли ее. Ты видишь, у его и ноги кажутся кривые (он стоит, а у его ноги в кучу).

А сын отвечает:

— Папаша, — говорит, — не надо в парикмахерскую вести, я больше овса дам, да гребёнкой поскреблю, так эта вся шерсть приляжет.

— Ну, так ладно, только совестно домой его везь.

— Ничего, папаша, проведём.

Он спрашивает, купец, у мужика:

— Сколько ты просишь?

А мужик боится отвечать, что сто рублей назначено и десять рублей задатку дано.

А сын отвечает:

— Папаша, я уже сторговался. Выкидай сто рублей ему.

Купец подаёт (выкидывает) сто рублей мужику. Мужик подаёт десять рублей купцу назад.

Сын не даёт отдавать. Сын говорит:

— Это тебе на чай десять рублей, которые я тебе дал в задатке за то, что ты кормил его хорошо.

Парень взял за узду и повёл своего коня.

Отец говорит:

— Ну, ты иди, а я пойду в другой бок (купцу совестно, но сыну поперечить он не мог).

— А нет, папаша, не иди, пойдём вместе, зайдём в магазин. Купишь мне хоть седло да узду, то конь станет красивый. Видишь, другая барышня идёт, — платье на ней худое, а сама хорошая, а идёт другая, что не стоит ничего, а платье как оденет хорошее, — думаешь, что она хорошая. Так и мы, как на коня оденем сбрую хорошую, то у нас будет конь хорош.

Вот заходят они в магазин, выбирает [сын] седло, выбирают узду, сёдлают своего этого коня, и садится [сын] верхом.

— Вот видишь, — говорит, — папа, если бы ты большого купил коня, я не смел бы на него сесть. А это, — говорит, — маленький, вот я и поеду.

Сел и поехал домой. Вот приехал, поставил его в конюшню, принёс ему корму, как полагается, и начал его кормить. Купец отправляется опять в дорогу и говорит своей жене:

— Смотри, — говорит, — ты не делай так, а то приеду — плохо тебе будет.

Вот сам отправился. А он к ей ходил, начальник тюрьмы, влюбчик был. Вот она и советуется с ним:

— Что нам сделать этому парню, сыну, чтоб до приезда мужика [мужа] укоротить (сгубить) его, чтоб не предавал больше.

А начальник отвечает:

— А будто долго его провести: стакан яду, — говорит; — с чаем дать — вот он готов будет.

А он любил, как утром встанет с постели, так бежит к своей лошади, а потом там пьёт и ест.

Вот когда пошёл в конюшню, то ему уж стакан чаю приготовили. Иван-купецкий сын приходит в конюшню к своей лошадке. Лошадка его голову повесила (лошадка уже знала).

— Что, — говорит, — моя добрая лошадь, голову повесила?

— А оттого, — говорит, — повесила голову, Иван-купецкий сын, тебе уже мать наготовила стакан чаю, пока ты от меня придёшь, ты выпьешь и кончишься. Так вот смотри: чаю ты не пей, а вроде как станешь доставать сахар, то его опружь, то даже салфетка сгорит твоя место, то тогда станет она тебя шкóлить за этот чай, что ты опружил его, а ты отвечай: «то я его не нарочно опрокинул».

Он так и сделал. А она схватила его чуприну и начала его толкать.

— Что ты опружил чай.

А он ответил:

— Неужели у нашего отца только один стакан чаю есть?

И она тогда ему ответила:

— Я такая горячая.

А он:

— Не надо, мамаша, такой горячей быть.

Вот начальник тюрьмы вечером опять приходит к ней и спрашивает у ей:

— Как, что насчёт сына?

— Да не выпил, — говорит, — опрокинул нечаянно.

— Ну, если, — говорит, — опрокинул, то мы сделаем так, что он уже не опрокинет. — И он говорит:

— Он булки ест утром за чаем?

— Ест.

— Испечь ему булку с ядом.

Он утром (ему булка приготовлена была), бежит в свою конюшню, лошадка ему и сказывает:

— Ну вот, Иван-купецкий сын, тебе гостинец опять приготовлен, этого гостинца не опружишь, а придётся съесть. Ты бежи в пекарню, купи три булки. Которая булка подходит под твою булку, которая будет лежать на столе, ты эту булку возьми, клади в карман, а твою вытягнешь, ешь и похваливай, что никогда такой булки вкусной не ел. Когда придёшь ты с конюшни, то мать скажет тебе: «Пей чай, вот и булочка тебе уготовлена». Ты скажи: «Спасибо тебе, мамаша, что стараешься для меня хорошо. Сейчас же я сяду и эту булочку съем».

Он так и сделал, а она ему сказала:

— Ешь, ешь, сынок, на здоровье!

Сама повернулась и пошла *(всё-таки жалко смотреть)*.

Он эту булку в карман, другую из кармана, ножиком порезает, в сладкий чай мочает, и наплетает и кричит:

— Мамаша, иди-ка сюда.

— А чего?

— Булка-то вкусная, прямо-таки я никогда в жизнь такой булки не ел.

Съел эту булку и песенки запел.

Вышел на улицу. Бежит собака. Он бросил булку собаке. Собака как съела, так и околела.

Вечером приходит опять начальник тюрьмы.

— Ну, как, — говорит, — у вас?

— Да молчи, — говорит, — всю булку съел, да приговаривает, да ещё меня приглашает.

То начальник говорит ей:

— Ну, погоди, у меня есть волшебник в тюрьме, так я с им посоветуюсь, что с им сделать.

Вот начальник приходит в тюрьму, вызывает этого волшебника к себе в контору и говорит ему:

— Не можешь ты сделать, чтобы околел такого-то купца сын?

— Э-э-э! Это дело сделается, как слюна сплюнется. Купите хорошую рубашку ему, чтоб он не видал ее, и я на этой рубашке сделаю, — и он как оденет эту рубашку — покойник, несите хоронить. Больше он не проснётся.

Купили рубашку мигом и принесли этому волшебнику. Эта рубашка была у этого волшебника дельные сутки, то, значит, лошадь Ивану не ответила ничего эти сутки, а когда была принесена рубаха, он приходит в конюшню, лошадь стоит, голову повесила.

— Вот, Иван-купецкий сын, вот тебе уже рубашечка куплена. Когда ты придёшь от меня, то она, мать, скажет что: «Вот, Иван, тебе прислал рубашку отец из-за границы какую хорошую», — то ты скажи: «Спасибо моему отцу, что он не забывает обо мне». А тебе она скажет: «А мамаше?» А ты скажи: «Ну, и мамаше спасибо».

А ему лошадь сказала:

— Когда она скажет одевать, то ты скажи матери: «Как же я такую хорошую рубашку на грязное тело одену? Сделайте ванну мне, я помоюсь и одену рубашку». Когда поднесёт горничная тебе рубашку, то ты скажи горничной, что она холодная, рубашка. Веди её у плиты погреть, то она свистнет в трубу, эта рубашка и пронесёт её воздухом на улицу. То горничная испугается, а ты скажи, что: «Горничная, не пугайся, иди, возьми её на улице». То горничная принесёт эту рубашку, ты одевай её смело и притворись, что вроде как помер. То они будут тебя хоронить, даже сегодня. То когда принесут тебя на кладбище, то ты там проснёшься.

Так он и сделал.

Когда принесла горничная рубашку, то он пальцем повёл по ей,

сказал, что «она холодная, сходи и погрей у плиты». Горничная пошла греть. С ее рук вырвалась рубашка и полетела в печь и в трубу. Горничная испугалась и всплеснула руками.

— Что теперь мне будет?!

И он крикнул:

— Не пугайся, иди сюда. Бежи скорей, на дворе возьми ее и тащи мне сюда.

Она побегла, взяла, принесла и подаёт ему. Он взял полотенце, вытерся, одел рубаху, зашел в свою кровать и лёг спать и заснул на несколько время. Ну, так что он спал, не слышал ничего. Пришла мать и будит его. А Иван уже не живой. Она посылает за начальником. Начальник приезжает, сейчас же купил гроб, оббили по-богатому, как купецкий сын помер. С певчими понесли его на кладбище. Когда принесли его на кладбище, открыли крышку, там мать стала приплакивать по сыну, что «один был и тот помер, у людей много ребят — не умирают, а у меня один и тот кончился». Даже чуть не обмирает над могилой тут мать. Священник отпел, и вот начали накладывать крышку. Иван двинул ногой, крышку свалил:

— Я заснул, а вы хороните.

Стали ее спрашивать:

— Когда он помер?

— Да сегодня.

Значит, за ее взялись, а она за начальника, но деньги замазали кое-как. Вот они и думают: «была беда и это еще побольше беды нашло». Вот начальник приходит к этому волшебнику и говорит ему:

— Ты что, мошенник, наделал?!

— А что, ваше благородие?

— Да как же, он помер и воскрес!

— Не знаю я, чтоб моя рубашка не взяла его. Ну, так дайте мне сутки подумать и посмотреть, я узнаю, почему моя рубаха не взяла.

Ну, и дал ему, волшебнику, думать, то волшебник узнал, что это не он командует, а лошадь его.

Приходит начальник к волшебнику:

— Ну, что, узнал?

— Узнал, ваше благородие. Да ему что не сделай — всё будет живой. Это не он командует, а лошадь его. Что пока лошади не убьёте, то его не провести никаким способом. А как лошадь убьёте, то тогда его в два счёта я проведу.

Тут же они посоветовались убить лошадь.

Иван-купецкий сын является в конюшню. У лошади уже слёзы на глазах. Он и спрашивает:

— Что, лошадка моя, плачешь?

— Да вот, Иван-купецкий сын, я тебя спасала, а теперь спасай меня. А не хочешь спасать, так пусти меня в чисто поле. А так, если желаешь, спасёшь меня, а я спасу тебя. Ступай домой, бери деньги побольше с собой и проси у матери, что «я прокачусь на своём коне». Но мать тебя будет отговаривать, скажет: «Куда ты, Ваня, покотишься, вчера помирал, а сегодня уже кататься захотел?!» Когда не будет пускать тебя, то ты просись хоть во дворе прокачаться три раза. То она будет велеть, что ворота будут закрыты, то мы через ворота прыгнем.

Вот он пришёл с конюшней, не садится чай пить, захватил деньги.

Мать предлагает:

— Пей, Ваня, чай.

А Ваня отвечает:

— Что-то, мамаша, неохота сегодня так рано пить. Мамаша, я прокачусь сегодня на своей лошади.

— Да куда, сынок? Вчера помирал, а сегодня кататься собираешься. Лучше завтра прокотишься.

— Нет, мамаша, сегодня охота.

— Нет, не пушу, сынок.

— Ну, так не пускаешь по городу, так я на дворе прокачусь три раза на своей доброй лошади.

Ну, она сказала, что:

— На дворе прокатись, и я выйду на крыльцо и буду смотреть, как Ваня катается.

И взяла револьвер с собой, думает: «Ворота будет ломать — она из револьвера бухнет».

Ну, вот он раз прокатился, другой раз воротился и говорит ей:

— Видишь, мамаша, как хорошо качусь.

Третий раз подъезжает к ей, тисканул своего коня. Лошадь через ворота, она из револьвера: бах-бах. Только и видела!

Когда он выехал за город, то ему лошадь и рассказывает:

— Теперь мы поедем далеко. Мы, пожалуй, сюда не вернёмся. И вот проедем мы немного, будет здесь лисица бегать, то это не лисица, а это волшебница. И она может делаться прекрасной девицей и старухой, и она будет лезть, чтобы ты с ней остался, но ты не соглашайся оставаться. Когда не согласишься, то она выкинет тебя из окошка, а там будет дорожка.

Вот они проехали немного. Вдруг ниоткуда взялась лисица. Лошадь догоняет лисицу, но никак не догонит. Лисица бегла, да в пору, лошадь остановилась.

— Ну вот, ты полезай в эту пору, а я буду гулять, пока отсюда ты вернёшься. А ты вернёшься отсюда, когда она тебя из окошка

выбросит, а если не выбросит, то не увидишь ты меня, а я тебя. И вот что я тебе наказывала, то и делай: будет давать тебе папироски курить — ты кури, молока пить — ты пей, потом тебя жажда запалит, воды пить захочешь, то у ее будет два колодца в избе. Один колодец будет — хрустальная вода, а другой колодец будет — мутная вода, там будет собака утоплена вроде, то ты скажешь, что тебе пить охота. Она скажет:

— Пей, вода хрустальная, вот здесь кружка есть.

Когда хрустальной воды выпьешь, то ты всё забудешь и останешься с ей, и ты подойди, с того колодца возьми кружку и пей воду. Она скажет: «Что ты, Иван-купецкий сын, грязную воду пьёшь?», а ты скажи, что «я с кваском люблю пить». Вот она тебя из окошка и выбросит.

Он так и сделал. Ну, вот она взяла его из окошка и выбросила, а там лежала дорожка — лошадь ему тогда же сказала еще, когда он лез в нору:

— Это ты пойдёшь в подземельный свет, то там будут три богатыря. Эти богатыри сбивают за версту свистом человека, то ты, когда он свистнет, то он тебя не сойдёт еще с ног, ты поклонись ему, сними шапку и поклонись.

Так он и пошел.

Вдруг свищет:

— Кто идёт ко мне?

Иван скинул шапку и поклонился. Ну, вот увидел это богатырь за версту, что молодой парень чего-то хочет спросить. Он ему сказал:

— Ну, иди сюда ближе.

Он подходит и рассказывает этому богатырю, как ему отец лошадку купил, как он эту лошадку кормил, как хотела его мать провести. Богатырь всё это выслушал и сказал ему:

— Я не могу тебя на путь направить, иди к моему среднему брату, тот, пожалуй, тебя на путь направит. Ну, вот на тебе клубочек, когда он крикнет: «Кто идёт?», ты брось этот клубок вперёд к нему, и он скажет: «Иди, иди, это брат направил младший ко мне», и ему расскажешь всё, как и мне рассказал, и скажешь, я направил тебя к нему.

Так он и сделал. Поблагодарил и пошел.

Вдруг версты за полторы слышит голос:

— Кто ко мне идёт?

Он крикнул, пустил клубок. Уже через минуту отвечает:

— Иди смело ко мне, Иван-купецкий сын!

Подходит к среднему брату, поклонился ему и сказал, как отец

купил ему лошадку, как он катался, как мать хотела провести, как его лошадка направила сюда.

— Ну, хорошо, — сказал богатырь ему, — что теперь поздно идти, ты устал, молодой человек, отдохни, а утро мудреней будет вечера.

Когда он лёг отдыхать, то этот богатырь послал своему брату известие старшему, что «вот такой-то пришёл ко мне, какой ему дать совет, и что ему делать, и чем ему заниматься?» То брат отвечает:

— Пусть он завтра ко мне придёт, то я сам направлю его на путь.

Утром он встаёт. Ему говорит богатырь:

— Подзакуси, молодой юноша, а то далеко тебе идти до брата моего, не до того, у которого ты был, а до старшего нашего. Я спрашивал у его, так он хочет видеть тебя, и он тебя направит на путь.

Вот он покушал, поблагодарил и отправляется к нему. Но всё-таки он даёт ему такой самый клубочек: «Как он крикнет — ты бросай клубок, так он уже знать будет, что это идёшь ты. И приди к нему и поклонись и расскажи ему, как и нам рассказывал, то он тебя сожалеет и направит тебя на путь. Ты будешь человеком и выйдешь ты тогда на тот свет, на котором был».

Вот он отправился за этим клубочком. Клубочек катится. Когда там показался голос, клубочек скрылся, осталась вроде дорожка, одна нитка. Вот он идёт, только нитка убирается, а клубочка нету. То он приходит к этому дедушке, поклонился ему, рассказал, как ему отец лошадь купил, как его мать хотела провести, как его лошадь сюда направила, а старик сказал:

— Я знаю уж, ну, ступай же за мной.

Повёл его в склеп, взял черпак, из ведра зачерпнул пива черпак и подаёт ему:

— На-ка, выпей этот черпачок пива.

И он выпил.

— Ну, пойдём-ка сейчас на улицу. Вот тебе лежит огромный камень. На-ка, — говорит, — молодой человек, попробуй-ка с этим камушком поиграть.

Он стал этим камнем играть, — еще тяжело.

Ему дедушка говорит:

— Да, еще маловато пива выпил. Пойдём-ка в склеп еще.

Вот они пошли в склеп, дедушка из другой бочки наливает ему обратным путём из бочки пива.

— Выпей-ка еще черпачок.

Он и выпил.

— Ну, пойдём-ка на уличку.

Лежит еще побольше камень.

— Ну-ка, поиграй с этим камушком.

Он этот камень подхватил, подкидывает, всё равно как мы трёхфунтовую подкидываем.

Дедушка видит, что ничего теперь, может владеть. Дедушка его спрашивает:

— Как себя чувствуешь?

А он и говорит:

— Вот, дедушка, если б был здесь столб вкопан в землю и уткнут в небо, так я бы свет повернул *(знаешь, в круговую)*.

— Да, — дедушка подумал, — дал силу ему большую уже, то теперь его никто не колупнёт. Ну ступай еще в подвал.

Наливает из третьей бочки три четверти ковшика пива.

— На-ка, выпей еще.

Он выпил.

— Ну, пойдём на уличку. Ну, поиграй с этим камушком.

Камушек ему показывается, что пудовая гиля *(он ему силу убавил)*.

— Ну, как теперь себя чувствуешь?

А он отвечает:

— Я стал слабее.

А дедушка рассказывает:

— Довольно с тебя, что ты молодой, будешь прибавлять. А если так, как ты рассказывал, что столб в землю и в небо и ты свет крутишь, то тогда не могла бы твоя лошадь и возить тебя, а теперь она сумеет тебя поднять, а то б ты был сильнее лошади. Ну, вот же, отправляйся вот этой дорогой, пройдёшь, там будет нора, ты в этой норе будешь идти свободно, а под конец будет тесновато, то ты выйдешь на тот свет, где рождён, и когда ты выйдешь, то будет у этой норы пастух пасти свиней и у пастуха будет свиная шубка на ём *(от дождя)*, то ты как не можно старайся эту шубку откупить, дай ему своё пальто и дай ему придачу.

— А что, дедушка, я буду делать, когда я шубу возьму у его?

— А ты должен эту шубу носить, каким ты ни будешь, пока она сама с плеч не упадёт. Остатки твой добрый конь тебя будет учить, что надо делать. Конь уже знает, что ты идёшь, он дожидается тебя там. Как шубу оденешь, так лошадь явится.

Вот он и пошёл. Выходит к пастуху. Пастух пасёт свиней. Подходит он к пастуху и говорит:

— Здравствуй, пастушок.

— Здравствуй, здравствуй, молодой человек.

— Ах, у тебя шуба хорошая, — он рассказывает.

— Да, ничего. А как же — мы свиней пасём, бывают дожди, то такой замочит, а эта ничего не боится, — пастух ему отвечает.

— А давай-ка поменяем на пальто.

— Что ты, — говорит, — молодой человек, тогда мне дедушка отвертит так, что деться мне негде будет.

— Да слушай, вот я дам тебе своё пальто, придачу, и ты придёшь и скажешь: «Вот, дедушка, я поменял шубу на пальто и взял придачу», то и дедушка ничего тебе не скажет.

Пастух подумал:

— Это и правда, что пальто дороже стоит шубы, да еще и придачу возьму, а у дедушки есть там кож свиных, он еще сошьёт мне.

Когда он скинул пальто, а пастух скинул шубу, он тогда дал ему сто рублей придачи, пастух усмехнулся и сказал:

— Вот дурак, сто рублей дал и свиную шубу взял. Куда он в ей покажется?

А он живеет [от] пастуха. Несколько прошёл, может быть, шагов двадцать, является к нему его добрая лошадь и кричит ему:

— Здравствуй, Иван-царевич *(уже царевичем стал!)*.

Он отвечает:

— Какой же я царевич?

А он [конь] отвечает:

— Уже твоя царевна дожидает тебя давно. Ну, садись же на меня помягчей, а держись покрепчей, мы теперь поедем не по земле, а по воздуху.

Он когда сел на лошадь, действительно, он земли не видал, но так показалось ему, что они едут четверть часа, а тут оказывается, что они уехали за тридцать земель в тридцатое царство *(через девять земель протащил)*. Стоит город, лошадь остановилась на земле уже, и говорит лошадь ему:

— Ну, Иван-царевич, видишь — солдаты там у моря работают, так это был, — говорит, — у государя бал да полполка солдат выгнали кастрюли чистить, то ты иди туда к им и скажи солдатам: «Эй, вы, чистильники княжеские». А они скажут: «Эх, ты, свиная шубка, ты на-ка, попробуй ты вычистить». А ты скажи: «Давай попробую». Ну, вот и берись чистить кастрюлю, а потом тебе будут подавать все кастрюли чистить, ты только в руках поддержи — они будут чистые *(лошадь будет чистить)*.

Вот он пошёл туда, в свиной шубке, подходит к солдатам.

— Здравствуйте, — говорит.

— Здравствуй, свиная шубка.

— Что вы делаете?

— А что ж, ты не видишь, свиная шуба, что кастрюли чистим.

— Да плохо вы чистите.

— Ну-ка нѣ, свиная шубка, ты почисти, тогда и скажи, что мы плохо чистим.

— А давай-ка, — сказала свиная шубка.

Он взялся за кастрюлю — кастрюля чистая. Кидаёт и другую — и другая готова.

Он и кричит:

— Кидайте сюда, в костёр, я всё вычищу!

Ему подносят, он только берёт в руки — и чистая. Когда он вычистил кастрюли, то солдаты собрали и дали ему три рубля денег за работу. Солдаты повезли кастрюли, и он с ними пошёл в город разом. И вот стоит гостиница. И он от солдат пошёл в гостиницу. А солдаты повезли кастрюли в государский дворец. Когда привезли они кастрюли и стали носить на кухню, повар увидал и спрашивает их:

— Кто вам чистил кастрюли?

— Да мы, — говорят, — чистили.

— Не может быть, чтоб вы так вычистили чисто кастрюли, да и скоро. Несколько разов чистили вы кастрюли: которая чистѣ, которая не дочищена, а это, что в одну руку вычищены (все равно вычищены).

— Так нет, в самом деле, повар, мы чистили.

— Ну, не верится мне.

А другие молчат и посмеиваются. Один говорит:

— Да что нам, — говорит, — здесь обманывать.

Другой говорит:

— Это не мы чистили. Это, — говорит, — подошёл один в свиной шубке и начал смеяться, что мы песком трём; то мы ответили ему, что нѣ-ка, ты вычисти; посмотрим, как ты, свиная шубка, вычистишь. А он хватил одну кастрюлю, руками провёл — кастрюля чистая. Мы дали другую — и другая чистая. Мы ему подносить все — и все чистые. Мы не справлялись ему несть — как кастрюли чистые все. То мы ему за работу собрали кто десять, кто пятнадцать, кто двадцать копеек, наскидали ему три рубля за работу.

А повар спрашивает:

— А куда же он пошёл?

— Да он пошёл с нами в город и остановился вот в такой-то гостинице, пошёл пропивать, видно, три рубля этих.

— Так вот, нѣте, тащите ему десять рублей, — сказал повар. — Пусть он закусит с такой работы, да и скажите ему, чтобы он с вами пришёл ко мне, такой человек нам годится, а денег я сберу ему купить пальто, а шубу он сбросит.

Вот солдат побёг в эту гостиницу. Приносит ему, подаёт этих десять рублей денег.

— Нѣ-ка, свиная шубка, тебе десять рублей денег, — это послал повар от себя тебе за работу, что ты вычистил так хорошо кастрюли. Так вот, выпей, закуси, и велел, чтобы я привёл тебя к нему, и сказал он, что нам такой человек годится.

— Так я и пойду! (Он вроде дураком сделался.) А там же по шее мне не дадут?

— Нет, нет — солдат ответил.

— Да поздновато идти.

— Да не бойся, — говорит, — иди, да шубу сбросишь и пальто оденешь и на кухне будешь жить. Не надо по трактирам ходить, короток собирать и свиную шубу носить, тебе и пальто купят, оденут, что барина.

— Да мне и в шубе хорошо.

Он, действительно, выпил, закусил и отправился с солдатом. Солдат его приводит на кухню, а повар уже и государю доложил, что вот, и кастрюли показал, что вычищены, и сказал:

— Я послал посланца, чтоб привели его сюда.

То здесь государь и государыня и три дочки дожидает его — молодца этого в свиной шубке.

Вот и он является и с солдатом. Государь его и спрашивает:

— Ты кастрюли чистил?

— Я, барин (вроде дурачка голосом).

— Откуда же ты?

— Не знаю.

— Как тебя зовут?

— Незнайка.

— Где ж ты проживал до этих пор?

— А по свету хожу, что кому сделаю, то по работе плату дают.

— Да, тебя зовут Незнайка?

— Да, барин, Незнайка.

— Ты у нас останешься с поваром на кухне?

— А если можно, так остануся.

— Так у тебя и паспорта никакого нету?

— Да, если бы был паспорт у меня, так я шубки не носил этой.

Зовут меня Незнайка и я не знаю откуда.

— Так и оставайся у нас на кухне.

— Ну, ладно.

— А завтра мы тебе одёжу дадим.

— А мне хороша и эта. (Он духом не падает.)

Вот приносят ему на второй день одёжу.

— Одень, Незнайка, одёжу.

— А мне хорошо и эта.

И сколько они его не мучили, он всё шубу не снимает, а с работы жалко выгнать, работник хороший.

Один раз к государю приехали сваты из другого царства и сватают меньшую дочку-красавицу. Тут пришел бал у их. Государь отказался от этих сватов.

— Мне надо отдать старших, а потом младшую.

Вот один раз в прекрасное время государь собирает гостёбу (а Незнайка уже два месяца прожил здесь). То когда он собрал гостёбишу и вот такое-то кушанье назначил, чтоб было кушанье в определенные часы. А повар любил играть в карты. То он пошел играть в карты, и проиграл он долго. Пришел и немножко надо было ему подремать, а он на Незнайку надеялся, что Незнайка его не прозекает.

— Я лягу спать, а ты, Незнайка, меня разбуди, будем готовить обед.

— Хорошо, разбужу.

Ну, тот, может быть, выпивши был и завалился спать. А к двенадцати часам, чтоб был обед готов.

— Ну, ты спи себе спокойно.

Повар надеется, что Незнайка разбудит его.

А Незнайка даже не трогал его.

— Спи себе.

Встаёт в пять часов и, что приказано повару, делает обед сам, без повара.

Вот уже десять часов, а повар спит в тёмной комнате. Вот уже одиннадцать часов — а повар спит. Тогда государевы дочери прибежали на кухню и спрашивают:

— Обед готов или нет?

— А я почему знаю, готов обед или нет, — отвечает Незнайка, — я же не повар.

И спрашивают:

— Где же повар?

— А я почему знаю? Только сейчас вышел.

Вот уже половины двенадцатого. Повар спит. У Незнайка обед уже готов. Тут уже стали бегать беспрестанно:

— Готов ли обед?

— А я почему знаю!

— А где же повар?

— Да только сейчас вышел, — опять отвечает Незнайка.

Он пошел к повару.

— Повар, время вставать.

— А сколько время, Незнайка?

— Да скоро двенадцать.

— Что ж ты наделал?!

— Да я сам проспал.

— Ступай уже, подай верёвку, я задавлюсь.

— Так на что тебе верёвку, я немножко подготовил, хорошо али нет — может быть как и сойдётся. Я вижу, что ты спишь, ну и начал готовить сам.

Повар прибег на кухню, смотрит, что сказано — то всё готово, и начал пробовать, которое не покушает — вкусно; повар повеселел.

Незнайка тут как тут.

— Что, повар, можно ли раздавать обед?

А повар отвечает:

— Можно.

Вот стали обед раздавать. Когда публика пообедала, поблагодарила государя и сказала:

— Мы такого кушанья не кушали, что ваш повар сделал. Вот вашему повару похвальный лист и вот ему тысяча рублей (*насобирали денег*).

Повар получил деньги, похвальный лист берёт себе в карман, а деньги отдаёт Незнайке.

А Незнайка отвечает повару:

— А куда мне с деньгами? В карты я не играю, выпивать — я не выпиваю, одёжи мне не надо, верхнее мне и шубка хороша, а споднее и барин даст, а ты любишь в карты играть и поиграешь, да и выпьешь.

Вот государь и говорит:

— Теперь вы сватаете мою младшую дочь, но мне надо отдать старших дочерей. Я устрою балкон такой и посажу дочь на третий этаж. Кто достанет ее и возьмёт заручённое кольцо, тот будет моим зятем.

Вот они смотрят: «Кто ж может достать это». И он устроил балкон при этой же публике и посадил свою дочь. Там собралась публика и городская и такая — деревенская. Каждому охота посмотреть. В такие-то часы она была посажена. То Незнайка просится у повара:

— Пусти-ка меня, повар, я посмотрю, как будут доставать государя дочь на балконе на третьем.

— Ну, иди, — говорит, — посмотри.

Он вышел с государственного двора. Там уже публики было, — что земле тяжко было. Он и крикнул:

— Эх, Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка является.

— А что, Иван-царевич, будем доставать невесту тебе? Мы сегодня не достанем, а только людей потешим, — лошадка отвечает ему. — Полезай-ка в левое ухо, а в правое вылезай.

Вот он в левое ухо влез, а в правое вылез. Сделался таким молодцом и свиной шубки нет на ём. Конь его и понёс. Только на первый этаж заскочил конь. Все крикнули «ура!», и государская дочь крикнула:

— Остановись на земле, я сама сойду (*видит, что молодец хороший*). Но Незнайка только и был здесь. Мужики разинули рты. Он взял, спустил свои калоши и по губам мужичкам попало.

— Что рты разинули?!

Потом лошадь опустилась на низ, он в правое ухо влез, с левого вылез, и свиная шубка на ём оказалась опять, и приходит в государский дворец.

Спрашивает повар у его:

— Ну, что, Незнайка, видал?

— А ничего такого не видал. Только видал, что один подбегжал на коне, да только крикнули «ура», так он спустил калоши свои, там двум мужикам губы рассёк. А больше ничего не видал.

Своё дело начал делать.

Государь публику не распустил и на второй день опять сáдит дочку на балкон. Незнайка опять просится:

— Пусти меня посмотреть, как будут государской дочки доставать кольцо.

Повар говорит:

— Иди.

Вот он и пошёл. Вышел опять, крикнул свою добрую лошадь. Лошадь к ему явилась.

— Ну, что ж, будем сегодня доставать?

— Сегодня мы только на второй балкон заскочим, — лошадь ему отвечает.

Он опять в левое ухо влázит, в правое вылázит. Делается таким молодцом, как и вчера был. И вскакивает на второй этаж балкона. Ну, и обратным путём отправляется, тоже калоши снимает, мужикам губы разбивает. Лошадь опускается на землю. Он в правое ухо влázит, в левое вылázит. Опять на ём свиная шубка. Он приходит во дворец, повар спрашивает:

— Ну, что видал, Незнайка?

— А я далеко стоял. Так что явственно не видал, только видал, что вроде как на втором балконе кто-то был, ну и мужикам тоже по губам попало.

Ну, и пошёл на своё дело опять.

То государь публику не отпустил и сказал:

— До третьего разу.

Вот на третий день тоже сáдит ее на балкон, и кто будет доставать ее. Увидать хоть зятя своего.

Вот он опять просит у повара:

— Пусти меня, дядька.

— Ну, иди.

Он опять пошёл. Вот крикнул он свою лошадку. В левое ухо влез, в правое вылез и катнул на третий балкон, взял за ручённое кольцо, там они обнялись, поцеловались, она и говорит:

— Пойдём на пару стаканов чаю к нам.

— Нет, спасибо, — он отвечает, — я раньше буду у вас.

— А когда ж у нас будет свадьба? — она спрашивает его.

— А через год.

— А как же мне тебя увидеть?

— А ты часто будешь видеть меня.

— Как часто?

— А так, чуть не каждый день.

— А ты меня?

— И я тебя чуть не каждый день.

И отправился Незнайка на своём коне на землю. Невеста слезла и пошла, а Незнайка уже дома. Когда лошадь опустилась, Незнайка в правое ухо влázит, а в другое вылázит, и опять свиная шубка на ём.

Вот приходит повар и спрашивает:

— Ну, что ты видал, Незнайка?

— Да ничего не видал. Только будто достал он за ручённое кольцо. Сказал, что через год свадьба будет. Ну, вот, я больше ничего не видал, не слышал.

И своё дело начал делать.

* * *

Вот уже принцы начали сватать старшую и среднюю дочку замуж.

Тут же Незнайка на свадьбе был, и она его видала, ну только не знала. А Незнайка знал, что тут невеста. Вот уже они живут, и потом сёстры и зятьи стали смеяться этой красавице — младшей сестре:

— Тебе за отбóрки подкидает чорт обóрки.

Он видит, что они стали делать насмешку ей и она стала смутна.

Он провёл месяцев пять-шесть, — не показывает никакого виду.

Вот в одно прекрасное время заимёл ему повар:

— Вычисти кастрюлю.

И он одел кольцо на руку и начал чистить кастрюлю. Повар увидал, что у его золотое кольцо.

Он подходит:

— Какое у тебя кольцо?

— Какое? — Золотое.

— А оно именное?

Повар видит, что кольцо государственной дочери.

— Где ж ты его взял?

— Где взял?! — На третьем балконе.

Тут сказали государю, что у Незнайки кольцо его дочери. Государь приходит и спрашивает:

— Где взял кольцо?

— Где? На третьем балконе.

Прибегает невеста:

— Где взял?

— На третьем балконе.

— Ты тогда не такой был!

— Мало ль что не такой был!

— А ты знаешь, я что говорила?

— Знаю. Звала его на пару стаканов чаю. А он сказал, что я раньше буду. Говорил он так?

— Говорил. А как мы будем видаться?

— А каждый день.

Он говорит:

— То я видал тебя, а ты меня, я знал, а ты не знала. Тебе сказывали: за отборки подкидает чорт отборки. Я сказал — через год свадьба будет. Ну, вижу, что ты стала тосковать, так я задумал жениться за полгода.

Его, бедняка, из кухни — в комнату. То государь ему даёт большие деньги за то, что, говорит, не будь зятем моим, а он отвечает:

— Где ваше слово? Тогда всё можно изменить.

Ну, государь видит, что делать нечего, надо свадьбу играть.

Вот они стали свадьбу делать, стали одежду давать, но он свиной шубы не скидывает, поехал венчаться в свиной шубе. Споднюю одежду передеёт, а верхнюю не снимает. Вот они поженились и спать легли. Вот она проживает с ним, не печалится, что он шубу не скидывает, сколько ему ни предлагали.

Вот в одно прекрасное время он вышел на балкон и крикнул свою лошадь:

— Эй, лошадка моя, жить хорошо!

Лошадка ему отвечает:

— Рановато ещё шубу скидывать. Но всё-таки давай устроим. Я пошлю в государский сад золотого барана, то тогда государь пошлёт вас ловить этого барана: «Кто поймает, тому одна треть царства». Но барана никто не поймает кроме тебя. Но ты возьми с их за это с левой руки по мизине — пальцу.

Он только завернулся в свою комнату — баран появился. Государь собрал зятёв и заявил:

— Кто поймает барана, тому треть моего царства отпишу.

Два зятя, ничего не думавши, садятся коней барана ловить. Баран прыгнул через забор, и они погнались за бараном. Он просит государя:

— Папаша, дал бы мне какую лошадку, может, я поймал бы.

У государя был жеребец такой, что шесть человек с одной стороны и с другой стороны выводили, чтоб только он не кидался на народ.

— Выведите, — говорит, — ему этого жеребца, вот пусть он его разобьёт.

Вот подводят ему этого жеребца, он идёт к нему поближе и берёт за узлу этого жеребца и говорит им:

— Каков я слабый, такого мне жеребца привели.

Хватает этого жеребца на спину и пошёл. Вытягивает за город и кидает:

— Эй, сороки, вороны, ешьте, это я прислал вам подарок!

А сам отправился в свиной шубке туда, куда баран пошёл, догоняет своих своих.

— Так возьмите меня в помощь, — рассказывает он им. — Будем ловить троих.

— Да куда тебе? Мы и одни хорошие.

— Ну, ладно, так я побегу.

И вот прибеж, скрылся, сделался старичком седеньким, и баран кругом его ходит.

Подъезжают царские зятёв двое:

— Куда вы едите, молодые люди? — спрашивает у них.

— Да едем барана ловить этого, он в нашем саду ходил.

— Ого, так вы хотите моего барана взять? Нет, дорогие, не дам. Хотя вы царские зятёв, не такой тут бег, в свиной шубке, со мной сразился и не знаю куда он убеж.

— Да мы, дедушка, тебе большие деньги дадим за этого барана, только отдай нам его.

— Баран за деньги к вам не пойдёт. У меня у самого денег — сколько у вас. А если желаете барана взять, то дайте мне с левой руки по мизине — пальцу, я отрежу и болеть не будет у вас, и садитесь на лошадей, и баран вслед пойдёт у вас.

— Так больно будет, дедушка.

— Нет, не будет больно, а вас никто не видит. Будете ходить в перчатках и никто не узнает, что вы его купили у меня и вам государь отпишет третью часть царства и будет слава ваша.

Так они и сделали. Когда он отрезал пальцы, им не больно было.

Одели они свои перчатки, и он велит:

— Садись на лошадей.

И они сели на лошадей.

— Ну, что же, приказать баранчику вперёд идти или сзади вас?

— А пускай в серединке — один отвечает.

Он велит баранчику:

— Ну, баран, иди к новым хозяевам.

Ну, баранчик отправился. Он остался здесь.

Через несколько время догоняет их опять.

— Так возьмите меня, свояки, вместе.

— Ну, куда тебе, небось пробёг, да мимо. А мы всё-таки поймали.

— Ну, и ладно, — сказал.

Он от них и пошёл. Подходит к лесу, взрывает сосну вершков на пятнадцать и тащит ее в город, прямо в государский дворец и кричит:

— Открывайте ворота (двери)!

Ворота ему не открывают. Он как упёрся, столбы пошли вслед за им.

Вот притягивает к крыльцу, государь и говорит:

— Для чего ты притащил ее?

— А это, батюшка, дрова будут.

Ну, вот заставили солдат сосну пилить.

На второй день он обратным путём выходит на балкон и крикнул свою лошадь. Лошадь является:

— А что прикажешь, Иван-царевич?

— Да что бы нам устроить такое, получше?

— Ну, я pošлю свинку — золотую щетинку. Опробчь тебя никто не поймает ее, — лошадь отвечает, — то ты бери с их ноги по мизинце — пальцу.

Вот тут государь выходит там на балкон и видит, что свинка — золотая щетинка разгуливает в его саду. Он опять крикнул:

— Зятьи мои, поймали баранчика, поймайте и свинку — золотую щетинку. Тогда еще половину царства отпишу.

Они опять лошадей седлают, уезжают. А царевна, его жена, приходит к ему в комнату и говорит ему:

— Вот те поехали ловить, а ты сидишь.

— Ну, может быть, и я когда поймаю, — он ответил. — Ну, всё-таки я пойду, попрошусь ловить, знаешь.

Вот приходит он к государю и рассказывает:

— Папаша, дай мне лошадь, я поеду.

Он отвечает:

— Какую тебе лошадь дать? Если не мог ты на той ехать, на которой шесть человек с одной стороны и другой вели, и то ты его на плечах понёс:

— Так я пожалел людей, чтоб он людей не убил.

— Ну, иди, бери какую хочешь.

— Я, пожалуй, лучше и пешком пойду. (Он знает, лошадей таких нет.)

А эти уже уехали далеко за этой свинкой-щетинкой.

Он догоняет их обратным путём и говорит:

— Возьмите меня с собой.

Ему отвечают:

— Мы и одни хороши.

— Ну, ладно, — сказал он, — а если я побегу, да я догоню, то я тогда вас не возьму в пай.

— Ну, бежи.

Он своими полами махнул, так и лошади спотыкнулись ихние. Тут Незнайки и духу нет, не знай, где и делся Незнайка.

Они подъезжают, он сидит старичком, покуривает трубочку.

И они подъезжают к ему и говорят:

— Здравствуй, дедушка.

— Здравствуйте, здравствуйте, царские зятьи. Куда, далеко едете?

— Да вот едем, дедушка, свинку эту поймать.

— Ого, — говорит, — а что же вы, годовали ее?

— Она в нашем саду была.

— Так надо было в саду и брать. А на дороге нечего ловить.

— Так мы, дедушка, купим у тебя. Большие деньги дадим.

— Да у меня денег столько, сколько и у вас. А вот если желаете, то, вчера я взял у вас из рук по мизине — пальцу, а теперь дайте с ноги по пальцу, то и свинка пойдёт, как баран, за вами, и получите у государя часть.

— А больно не будет? — они спрашивают.

— Что, — говорит, — вчера болело у вас?

— Нет.

— Ну, и сегодня болеть не будет.

И они скидают сапоги, он вырезывает им по пальцу. Велит садиться на лошадей, а свинка сама вслед побежит. Он и говорит:

— Ну, свинка, ступай к новым хозяевам.

Свинка хрюкнула и пошла. Он опять догоняет, опять просится в пай. Они опять его отказали от себя.

— Куда, ты, — говорят, — гождён нам.

— Ну, ладно, мне и так хорошо, — ответил. Сам отправился от их.

Обратным путём заходит в лес, тоже вырвал сосну и тягнет по городу, и тротуары вырвал и мостовые поковырковал, всё-таки ему бояться сказать, что он везёт. Вот они видят, что он тягнет сосну опять, то они стали ворота открывать, чтоб со столбами не пошли ворота. Он подходит к воротам:

— Вот, молодцы, и ворота открыли. Знают, что я дрова несу.

И он приносит, а солдаты еще и тую сосну не убрали.

— Убирайте другую.

Ну, ему здесь ответ никто не дал уже больше. Он запел песенки и пошел в свою комнату.

Вдруг является жена его:

— Ты хоть иди, когда будет отец отписывать, что пусть нам даст где-нибудь хоть один город.

— А нам и тут хорошо.

Она сохмурилась, пошла, а он песенки и запекает, ничего не унывает. Ну вот, государь отписал, и остаётся у государя половина царства, можно сказать.

Он ночь проночевал, опять уходит на балкон. Крикнул свою лошадку:

— Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка явилась и спрашивает у его:

— Что надо, Иван-царевич?

— Да что мы придумаем, а то у меня жена почти что в чахотку выпадает, мне жить хорошо, но не очень весело.

Лошадка ему и отвечает:

— О Иван-царевич, еще много надо муки принять, чтоб эта свиная шубка с твоих плеч упала. Ты помнишь, как тебе сказал дедушка?

— Помню.

— Ну, помнишь, да не знаешь, а я знаю, что мне дедушка передал. Так вот я пошлю еще быка золоторогого в этот сад. Опрóч тебя никто не поймает. Ты сделайся таким сивеньким старичком и проси у государя лошадь, и он тебе будет давать вот такую-то. А ты возьми лошадь, на которой воду возят. Эта тебя понесёт (лошадка знает, какая лошадь понесёт).

Сам отправился в свою комнату и песенки запекает.

Вдруг государь глынул в окошко, видит — по саду ходит бык золоторогий, рога блестят золотые. Он и говорит:

— Ну, зятый, поймали баранчика и свинку, то поймайте и быка золоторогого.

Вот они и отправляются ловить, а Незнайка в комнатах сидит, приходит к ему жена и говорит ему:

— Незнайка?!

— А что!

— Да вон поехали ловить быка золоторогого.

— Так и я поеду.

— Ну, так поезжай.

— Пойду просить у папаши коня: они давно уехали, я пешком не догоню.

Вот приходит:

— Папаша, дай мне лошадку, может, я быка золоторогого поймаю.

Государь велел вывести жеребца огромного такого, дикого. Вот его ведут двоём: один с одной стороны, другой с другой на арканах. Незнайка подходит к этому жеребцу. Берёт этого жеребца за голову и говорит этим:

— Отойдите отсюда.

Эти отскочили от жеребца, а жеребец стоит, что вкопанный. И он стал вроде как садиться на его; как притиснулся, так и ноги поломались у жеребца, жеребец упал. Он бросает этого жеребца. А тут как раз водовоз приехал за водой. И он подскакивает к водовозу, то не распрягал, а сверху хомут сорвал, — и лошадь стала свободна. Садится на ее и говорит:

— А то дают такую лошадь, что может убить меня.

И выехал на улицу — так с подков только искры летят (как понёсся на этой лошадке!). И догоняет их. Они смотрят, что такой стук идёт им вслед.

— Смотри, — говорит, — вот Незнайка едет на той лошади, что воду возят.

Подъехал к ним.

— Ну, теперь я на лошади, теперь поедем вместе, я не отстану от вас.

Ну, вот едут, он не отстаёт от их, а бык дальше, дальше. Ему надоело с ними канителиться.

— Так хоть вы скорей поезжайте, а хоть я!

— Ну, так поезжай ты, — ему сказали.

— Ну, ладно, — он сказал. — Я поеду, может, я его и поймаю.

Ну, прощайте, счастливо!

— Вот чорт, навязался.

И он укатил. Бык с глазу скрылся, и Незнайка скрылся. Уже Незнайки нету. Бык ходит и траву ест, а старичок вверх бородой спит. Они подъезжают и говорят:

— Вот тот дедушка спит уже, у которого мы купили свинку золотую щетинку.

— А давай, — говорит, — возьмём быка, пусть спит, — один говорит.

А другой:

— Так нам не поймать его.

А Незнайка всё это слухает. Подъехали они к быку, чтоб закинуть на быка верёвку (*верёвка была у их*). Когда один закинул на роги верёвку, так бык своим рогом как шáркнул, так и с седла слетел.

То он и прохватился.

— Ого, какие вы ловкачи. А еще царские зятьи, да и в воровство пускаетесь. Это совестно вам.

— Ну, прости, дедушка, — говорят.

— Ну, так вот, если желаете бычка взять, то дайте я вырежу у вас на плечах по значку.

— Так будет больно.

— Если я пальцы вырезал, так больно не было, так и это болеть не будет, а бычок за вами идёт вслед.

Они скинули свои пиджаки, подняли рубашку, он с плеч по куску мяса у их вырезал.

— Ну, теперь садитесь на лошадей, бык вслед пойдёт.

Они сели.

— Кто же такой есть в свиной шубке? Вот уже третий раз он со мной сражался: хотел барана отступить и свинку — золотую щетину, и быка золоторогого. Ну, я ему предложил то же самое, что вам. Так он не согласился. А деньги большие давал! Вы его не знаете?

— Не знаем, дедушка.

— Я по наслухам слышал, что он тоже государский зять.

— Да нет, такого у нас нету.

— Да он, кажется, с виду немного дурковатый.

— Да, пожалуй, дедушка, правду ты говоришь. Нам обманывать нечего. Действительно, государский зять, — да дурак он и есть.

— Да вот если бы ты сказал государю, да я бы его мог провёсти.

— Так мы скажем. Где ж тебя, дедушка, увидеть?

— Я буду там у вас и видеть будете меня, только знать не будете. Ну, и отправляйтесь.

Они поехали. Через несколько время Незнайка нагонит их опять.

— Ну, так что, примите меня в пай?

— А ты что, ловил с нами?

— Нет.

— Ну, так и пая нет.

— Ну, ладно. Пользуйтесь.

Тисканул свою лошадь, и лошадь его понесла. Эти остались с быком ехать тихонько. Он подъезжает, опять сосну ворочает, на плечи кладёт. И сам на лошади сидит, и раньше их приехал. Сосну сбросил. Сам в комнату пошёл. Вот приходит к нему жена:

— Ты того не ловишь, что люди ловят, а только сосны возишь.

— Так я знаю, что дрова надо. А что ж мне делать? Я просился у их, они меня не принимают. Так они всё-таки двоём, а я один, то и опасновато с ними дружбу вести, они могут убить меня двое, то я попрошуся — и дальше от их. Так мы теперь отпишем им, оставим себе четвёртую часть. А нам хватит и комнаты, довольно будет.

— А как же мы будем жить (*она его зудит. Бабы, знаешь, любят зудить*)?

— А как люди живут, так и мы будем. Ты всё много хочешь а я и маленьким проживу.

Действительно, они приехали, привезли быка. Государь стал отписывать им царства. Она опять приходит к нему и говорит ему:

— Иди, проси у отца, пусть и нам что-нибудь даст.

А он отвечает ей:

— Ты ж дочка его, то ступай и проси у его, чтобы он дал тебе, что отписал, а мне не надо.

Ну, она не пошла, заплакала и пошла в другое помещение, а он ей отвечает:

— Ты не плачь, дура. Они больше поплачут нас.

Она плюнула и пошла, разговоры его не хочет слушать.

Ну, вот, когда уже эти зятьи стали царствовать — три части им, а четвёртая государю, а Незнайке ничего (одни только комнаты, где он сидит).

Потом Незнайка видит, что жизнь плоховата, как ему лошадка сказала: «Не скоро шубка упадёт с его». Но и самому надоела шубка, чтоб скорее сбросить ее, а она не сходит с плеч. То он вышел на балкон и крикнул:

— Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка является и спрашивает у его:

— Ну, что, Иван-царевич, надо?

— Да ты больше знаешь меня.

— Я-то знаю, да спросить должна. Ты владеешь мною, ты мой хозяин, и должна повиноваться тебе, ты постарше меня. Ну, вот теперь я тебе скажу, — лошадь отвечает. — На это царство пошло

войну и пошлю богатыря напротив тебя, но ты этого богатыря победишь *(раньше богатыри воевали, а потом солдаты выступали)*. А в нашем царстве по списках богатыря нету, а ты будешь сам воевать богатырём.

Ну, вот такое государство присылает телеграмм в это царство: «Я иду войной на твоё царство и у меня есть богатырь Була́-Королеви́ч». Государь прочитал этот телеграмм, от такого числа начинается.

Он стал по комнатам ходить, зятям говорить, что «война большая, сила большая у того государя». Они думают:

«Как же тут воевать? Ну, всё-таки попробуем».

А Незнайка в своей комнате сидит да песенки поёт. Вот подносят Незнайке эту телеграмму. Незнайка взял в руки *(вроде такой грамоты, как я)*.

— Э-э, дурачье, будет есть за что воевать итти. Я не пойду, мне и тут хорошо.

Они берут из рук его телеграмм.

— А что, — говорят, — с дураком разговаривать!

Вот они пошли, а Незнайка песню запел:

«Эх, война, война...

.....»

Они отправились на войну, а Незнайка остался дома.

Проходят сутки, проходят другие, Незнайка всё дома сидит. Вот в такие-то часы будет открываться огонь *(значит, война начнётся)*. И он на третьи сутки призывает жену и говорит ей:

— Смотри, я пойду в огород, в капусту, если где со стороны будет итти война, то беги ко мне в капусту.

Сам отправился.

— Ну, и до свиданья, неси тебя чорт, — это она.

Незнайка пришёл в огород. Никто первый раз не видал его. Кувырнулся, и нет его. И он крикнул:

— Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка явилась. Притащила ему меч богатырскую, панцирь — богатырскую одежду.

— В левое ухо полезай, в правое вылезай. Садись помягчей, держись покрепчей. За три минуты будем там.

Остаётся только десять минут до открывания огня. За три минуты стал там. Тут государь, тут государские зятьи. И он подъезжает и здоровается с ними и говорит им:

— Вот я знаю, что у вас богатыря нету, так я приехал посо-бить вам.

— Пожалуйста, — говорит государь.

— Ну, вот я приказ вам дам: выкатить солдатам несколько бочек вина и пусть они пьют, а я уеду вперёд один на войну, а вы сзади за мной посматривайте, а солдаты пусть пьют, да не дерутся меж собой.

Ну, вот он и выехал, схлестнулся с этим богатырём. Богатыря сбил, то там поставляют войска́. Он как махнёт — и войска́ летят. То тот государь заключает мир. Прошла сутки война эта. Заключили мир, приезжают они в город, он и пошёл по солдатам смотреть. Взял государя, государских затей забрал и пошёл. У которого нос разбитый, у которого ухо, у которого рука повреждена. Он и говорит государю:

— Вот, государь, нужно лечить этих солдат, которые разбитые *(а они подрались сами с собой)*. Каждый скажет, что они на войне были, и они всё-таки воевали. Без войны нос не отшиблен и ухо не отбито.

Государь сказал:

— Ладно, молодой человек, это всё будет исполнено.

— Ну, и прощайте, — сказал государю.

Государь его зовёт на пару стаканов чаю:

— Ко мне заедем, вы такую пользу мне сделали и вы не хотите ко мне заехать.

— Нет, мне некогда, может я раньше буду у вас.

Сам только и был. Приезжает в капусту, что только домой телеграмм приходит: «Война кончилась, мир заключён».

А Незнайка в шубу наломал и несёт на кухню капусту.

Вот Незнайка приносит капусту к повару и говорит:

— На, не надо ходить трудиться, я двое суток в капусте сидел, дождал войны.

Приходит жена к ему:

— Где ж ты был двое суток?

— В капусте. Я же тебе сказывал: будет война — приди ко мне в капусту, я отобьюсь. Мне хотя и скучновато было, но делать нечего. Я всё-таки услышал, вы будто телеграмм получили, что мир заключили, вот и я капусту принёс.

Та повернулась и пошла. А Незнайка песенки напевает.

На третьи сутки они приезжают. Вот рассказывают, как война была, как у их богатырь приехал, как он с Була́-королевичем дрался, как он войско осадил один, как он ходил по солдатах, что солдат напоил и подхваливал, что «Вот молодцы, на войне были, у которого нос извороченный, у которого ухо отбито, у которого нога ушиблена, рука».

— Что ж вы его не звали сюда?

— Да не поехал, сказал, что некогда, только сказал, что раньше, может быть, вас буду.

— А где ж Незнайка был?

— Да в капусте. Он капусты дельную шубу свою свиную принёс. Не надо вестовых в огород посылать за капустой, хватит на всю неделю.

Прошли сутки двое, и опять он вызывает свою лошадку.

— Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка является и говорит ему:

— А что требуешь, Иван-царевич?

— Да послать еще на моего государя войну и богатыря вот такого-то.

Сивка-бурка так и сделала.

Другой государь шлёт телеграмм, что «Я иду с другой стороны войной». Вот он получил телеграмм от такого-то числа, вот такой-то час откроется у нас огонь. Вот они опять начали думать-гадать. Делать нечего, на войну надо отправляться. Вот они собираются на войну и говорят:

— Да у нас богатыря нету. Хотя б подъехал этот, который пособлял нам. Но он не знает. Да и мы не знаем, где он.

Вот они подносят Незнайку этот телеграмм, а Незнайка им отвечает:

— Так вы мне прочитайте, я же неграмотный, то я послушаю, как вы воевать будете, а моё дело — в капусту. Я смело надеюсь, что придут сюда. Там огород большой, капусты насажено, — я многих собью ей.

Вот они и пошли (ну, что с дураком говорить больше!). А Незнайка песенки напевает:

«Хорошо нам будет в капусте...»

Они двое сутки как уехали и приказали они домашним, чтоб поставили стражу в капусте, как он будет сутки там сидеть. Проходят третьи сутки, и он отправляется в капусту. А там не знал, что поставлена стража. И он пришёл и повалился в капусту, а стража его не могла найти в капусте, то он потребовал свою Сивку-бурку:

— Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка является.

— А что, Иван-царевич, прикажешь?

— А ты больше знаешь меня, для чего я требую тебя.

— Но, хоть больше знаю, а спросить я должна тебя, как ты хозяин мой. Ты полезай в левое ухо, в правое вылезай, одевай богатырские спехи и садись помягчей, держись покрепчей, — за

четыре минуты мы будем там. Нам остаётся только двадцать пять минут до открытия огня. Но солдат опять напой, пусть они сами с собой повоюют, а мы с тобой там справимся. Государскую свиту за собой возьми.

Он приехал и приказал солдатам:

— Солдаты, пейте, да только друг другу морду не бейте.

Солдаты уж были те, которые раньше были на войне с им, а некоторые новые. Вот старые рассказывают:

— Он господин хороший. Мы тот раз напился, кому нос разбили, кому ухо отбили, кому ногу выдернули, кому руку, то он приехал и всех похвалил, что вот молодцы, как воевали хорошо. Так я знаю, что и теперь будет.

Солдат солдату рассказал, и начали выпивать, закусывать...

И они отправились на позицию. То он схватился с богатырём.

Одного сбил богатыря, налетает другой — и он другого сбил. Ну а с солдатами он уже скоро разделался. То тот государь видит, что здесь ему не устоять без войска, богатырь один воюет, богатырей, сбил, а солдаты что снопы валятся. Он поскорей заключает мир и сказал:

— Век с тобой воевать не буду, пока я жив буду.

Они ворочаются в город. Но солдаты действительно пили, но друг друга не обидели, и говорит им:

— Эх вы, на войне были и никакой отличии не заслужили, хотя бы одному нос избили.

Ему отвечают:

— Мы ваше приказание слухали, что вы сказали, что друг друга не обижать, ну вот так оно и прошло.

— Ну, так вот, государь, дай им еще на сутки погулять, сколько они хотят пить.

Солдаты и крикнули:

— Спасибо тебе, молодой человек, что ты не забываешь солдат.

— Не надо забывать, они еще мне пригодятся. Бывайте здоровы, все наши солдаты, я об вас каждый раз думаю, а обо мне, кажется, ни один не вспомнит.

— Как не помним? Мы помним тот раз, как вы были. Да сейчас мы помнить будем, пока жить будем.

— Ну, спасибо вам.

— Через несколько время вы узнаете меня, какой я буду для вас.

И уехал домой. Государь стал его просить:

— Молодой человек, сделай милость, давай, поедом ко мне.

— Спасибо, государь, я заеду к вам, когда вас дома не будет.

— Так я вас и не увижу?

— Конечно не увидишь, раз дома не будешь. А хоть и дома будешь, ничего не скажешь. Ну, прощайте!

Сел на лошадь и шмыгнул. За четыре минуты оказался в капусте. Еще и телеграмм не получен, то встаёт он с капусты с своего места, где он упал, подымается, расстилагает свою шубу, ломает капусту и кладёт в шубу, несёт на кухню и подаёт повару:

— На, повар, готовь обед, капуста своя, не надо вестовых посылать за капустой. Я там двое суток лежал, да думаю капусты принести.

Тут приходит телеграмм, что «заключен мир. Война кончилась». А Незнайка песенки запекает.

Вот приехали они с войны и начали хвалиться, как они воевали, как был у их и богатырь тот же самый, который и на первой войне был.

— Да где же наш Незнайка был? — спрашивает государь.

— Да в капусте пропал.

— А стража была?

— Была, только его не могла найти. Только видали, как он в капусту упал пришедши. Да вот в такие-то часы он в капусте встал и начал ломать капусту и нести на кухню.

— А мы в такие часы телеграмм еще не писали. Ну, ладно, про него нечего рассказывать: дурак, так дурак! И пусть живёт в своей комнате, может, когда спотыкнется и он. А эти умные растут затыл, слава идёт, а дурак песенки поёт.

Вот прошло дня четыре. Он опять выходит на балкон, требует свою лошадку и говорит:

— Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Тут же Сивка-бурка вернулся к нему, спрашивает:

— Что, Иван-царевич, прикажешь?

— Да сама знаешь, что надо делать.

— Знаю-то, знаю, а спросить я должна, что ты мой хозяин. Ну вот же, Иван-царевич, теперь будет война, так война, и в капусте будет тебе плохо сидеть. Если эту войну собьём, то собьётся у тебя свиная шубка и ее больше не увидишь. И я пошлю войну с такого-то царства, с такого-то государства. И у того царя есть три богатыря, и тебе придётся биться с тремя богатырями. Двух ты легко собьёшь, но третий будет с тобой вровень. Так ты всё-таки собьёшь двух богатырей; так и с третьим надо сбиться. То ты здесь ослабеешь и будешь ранен. Ну, я буду стараться пособить тебе. Ну, а солдатам по кружке вина дай, и пускай вслед идут, может придётся сразиться войсками.

Вот Незнайка отправился в свою комнату и видит, что там забе-

жали круговую, он стал подслушивать. А там пришёл телеграмм: и три богатыря, и такие-то силы войска, и в такие-то часы уже третий государь наступает. Вот они прочитали телеграмм и подносят Незнайку.

— На-ка телеграмм, прочитай, Незнайка.

А Незнайка им отвечает:

— Что ж, вы надо мною насмешку делаете? Я ж неграмотный. Вы давно знаете, что я неграмотный, а вы подносите телеграмм, чтоб я читал. Вот возьми, прочитай, я послушаю.

Вот и начали читать про эту войну, то Незнайка сказал:

— Угу, это, пожалуй, и в капусте не усидишь, — это война, так война. Эту войну долго будешь помнить, а я всё-таки попробую в капусту спрятаться. Надежда у меня есть на капусту, — огород большой, я, пожалуй, отобьюсь кое-как от их.

— Так ты поезжай с нами на войну и посмотришь, как воюют.

— А что ж, я дурак, голову нести туда на войну? Вам надо — так вы воюйте; так вы же получили три части государства, то вы воюйте, а у меня одна комната дана. Вот когда придут сюда, так я тогда капустой стану отбиваться, чтоб не отдать им комнаты зря.

Вот они говорят:

— Да что с дураком говорить!

Повернулись и пошли. Пришли, и государь говорит:

— Ну, что?

— Мы предлагали ему, чтоб он ехал на войну. Он сказал, что «Мне и здесь хорошо. Вы получили три части царства, ну, так и воюйте, а пока придут сюда, то я буду комнату свою отбивать, капустой буду воевать».

— Ну, так беседовать некогда, — сказал государь, — пусть остаётся в капусте, а нам надо ехать.

Вот они отправляются на войну, а он двое суток сидит дома, всё хлопочет.

Остаётся ему один час до открытия огня, и он зовёт свою жену к себе:

— Иди-ка, дорогая, сюда, — и она пришла к нему.

— Ты дай-ка мне рубашку чистую и подиши имя своё на рубашке и дай мне носовой платок свой, и дай твоё кольцо, которое я у тебя достал на балконе. Это будет мне твоя память. А я отправлюсь в капусту. Ну, и прощай, дорогая! Больше ты свиной шубки не увидишь, пожалуй что я вернусь в таком виде, как был с тобой на балконе, и ты не скучай. Ты думаешь, кто воевал, какие богатыри? — Это я. Я сейчас еду туда. Стража стоит, караулит меня.

Тут она бросилась к нему на шею.

— Эх, милый мой, чего же ты не сказал раньше?

— Нельзя было. Теперь, может быть, вернуса, а может быть, нет. Если буду побежён — убьют меня, то только они узнают, зятьи и государь, по твоей рубашке и по твоём носовом платке и по том по золотом по именном кольце узнают, что я Незнайка, а я теперь капуста не понесу больше. Капуста пусть растёт.

Когда он оделся и стал собираться в капусту, то она вдарила в слёзы. Он подаёт ей эти приметы, которые он взял у зятёй.

— Вот эти приметы взял у зятёй за баранчика по мизине — пальцу с левой руки, — видала, что они перчатки никогда не скидают?

— Видала, что не скидают.

— А вот это — пальцы мизинны с ног. Когда быка золоторого я взял, и с плечей по ремню вырезал. Вот они ремни-то. Я жил с тобой, красовался над тобой, а ты надо мной насмехалась. То всё равно, хотя убьют меня там, но меня всё равно привезут сюда. То тогда, когда они будут хвалиться, что им отец отписал царства, так ты им покажи и скажи: «А Незнайка от вас вырезал пальцы с левых рук за баранчика. Почему вы перчатки не скидываете? А за свинку — золотую щетинку не отдали вы Незнайку по пальцу? А за быка золоторого не вырезал у вас Незнайка с плеч по ремню?» И вот помалкивай, пока не придёт конец. А если я живой буду, то я сам буду показывать эти пальцы, а если убьют, так ты будешь царствовать всем царством.

Она и говорит:

— Побеседуй хоть со мной немножко.

А он говорит:

— Остаётся всего двадцать минут. Пять минут мне надо ехать туда.

Вот они обнялись, поцеловались, попрощались, она и зарыдала, когда он пошёл в капусту.

У её сёстры и спрашивают:

— Почему ты плачешь так? Наши мужья на войне, и то мы не плачем, а ты плачешь, что твой пошёл в капусту?

А она ответила им:

— Я от того плачу, что я несчастная. — Ваши мужья воюют, он меня всё капустой кормит, оттого я и плачу.

Он прибёг в капусту, кувырнулся и крикнул:

— Сивка-бурка, встань передо мною, как лист перед травой.

Сивка-бурка явилась, спрашивает у его:

— Что, Иван-царевич, прикажешь?

— Да вот, ты сама больше знаешь.

— Знаю, знаю, Иван-царевич. Ну, влезай в левое ухо, в правое вылезай.

Он так и сделал. Стал молодцом. Богатырские спехи на ём.

— Ну садись помягчей, держись покрепчей. Шесть минут нам езды. Остаётся нам десять минут до открытия огня.

Он и свистнул не по земле, а по воздуху. Когда приехали туда, то уже на позиции были наряжены пушки и солдаты. Он и говорит:

— Ну, вот и я приехал.

— Ну, спасибо, молодой человек, что приехал. Прозевал немножко, — некогда было и солдат угостить.

— Ну, после войны угощу, не я, так государь угостит вас по моему слову. Ну, вы тут оставайтесь, а я выеду. Когда я ослабею, вы грудью идите.

Вот он и выехал воевать.

Двух богатырей он сбил, подскакивает и третий. И они дельные сутки дрались с этим богатырём. То этот богатырь отрубил ему палец на правой руке, и никак друг друга не собьют. Лошадь ему и рассказывает тихим образом:

— Вот стоит дуб. Возьми этот дуб — брось на его.

Он схватил дуб и бросил на этого богатыря, богатырь под дубом согнулся, а он в то же время богатыря прикончил и потом стал с войском воевать. Так тот государь видит, что тут не уха, тоже заключает с им мир и сказал:

— Больше воевать не буду, пока жив буду.

То государь вынимает свой носовой платок, завязывает палец Ивана. Он тогда и говорит:

— Ну, теперь, государь, угости солдат, пусть они трое суток погуляют, они всё-таки на войне были.

Отправляется он домой, государь его просит хоть на гару стаканов чаю заехать к ему, а он отвечает.

— Заеду, заеду, ну только ты раньше дома будешь меня.

Вот отправился он. Как он трое суток дрался без просыпа на войне, он ехал домой, его взморил сон, и он на лошади заснул. То лошадь его привезла в государский сад и покляла его в бесёдку спать (*бесёдка была в саду*).

Тут и государь приехал с войны и вот рассказывает как воевали, и зятьи рассказывают, как богатырь дрался, как он двух богатырей сбил легко, а с третьим сутки дрался и всё-таки сбил. А Незнайки с капусты нету.

— А где же наш Незнайка?

— Да в капусте.

— Да что он долго сидит?

А его жена отвечает:

— А может быть его не будет уже. Ну, а богатыря, папаша, не убили там?

— Нет, остался живой.

— Живой?! Так что же он сказал?

— Да сказал: заеду.

— А хороший он был? *(Она спрашивает, ей интересно.)*

— Да, хороший, — говорит, — и красив, и такую силу имеет. Вот был бы тебе жених, а не такой, как Незнайка.

Она усмехнулась.

— А если, папаша, он приедет — да станет свататься со мной, отдадите замуж меня за его?

— Да я бы отдал бы с большой душой. А Незнайку куда денешь?

— А Незнайка сказал, когда шёл в капусту, что «я больше не вернусь сюда. Больше ты шубы моей не увидишь свиной», а хоть и вернётся, я попрошу богатыря, чтобы он согнал отсюда Незнайку.

Вот они беседуют. Государь глкнул и говорит:

— Глните-ка, лошадка нашего богатыря в саду ходит. Сходите, возьмите хоть лошадку его, а, может быть, и он в саду где спит, как измучился.

Государские зятьи побегли в сад, видят, что богатырь в бесёдке, они стали подходить к бесёдке, лошадка как на их бросится и не пускает близко. Тогда его жена пошла туда. Когда жена пришла, лошадка пропустила в бесёдку. Она открыла пальто, посмотрела, — тая рубашка, что она давала. Посмотрела в карман, тот же платок носовой, который она давала. Она посмотрела на руки, кольца нет на пальце, посмотрела в карман — кольцо в кармане. Она пошла домой, взяла подушку, поклала ему под голову и сама возле его легла. Вот идут смотреть, а лошадка близко никого не допускает.

Вот когда он прочиняется и говорит сам себе:

— Да, не пришлось бы мне еще одеть свиной шубы.

А она отвечает:

— Ты сказал, что больше свиной шубы не будет.

— Да, пока ее нету.

Вот он встал, сел, закурил и говорит ей:

— Ты ничего не рассказывай, помалкивай, что я твой муж. Я буду просить, чтобы отец отдал тебя за меня замуж. А ты не соглашайся, ты скажи: «У меня Незнайка есть», — а я буду рассказывать, что я Незнайку кончу, больше Незнайки не будет здесь.

Вот и пошли они рядом, и лошадь пошла, и он велел лошадь убрать в конюшню. Ну, там боялись к лошади подойти. Но он говорит:

— Берите, лошадь смиренная.

Лошадь повели, а они стали здесь угощаться.

Когда стали угощаться, то этот молодой человек, богатырь, сделал предложение государю:

— Что это, барышня у вас, аль нет?

Ему рассказывают, что она была замужем за каким-то Незнайком.

— А где же он находится сейчас?

— Да не знаем. Пошел в капусту, там уж пять суток нет его.

— Так, может быть, он и не придёт? А хоть и придёт, я расправлюсь с им, а всё-таки отдайте замуж за меня вашу дочку.

— Я согласен отдать [отец говорит].

Она говорит:

— Я не согласна идти. Ко мне придёт Незнайка мой, да и будет жить со мной. Должно быть судьба моя такая, то судьбе придётся покориться.

— Такая красавица ты, а за свиной шубкой гонишься. Покажи-ка хоть комнату свою, где ты с Незнайком почивала.

— Показать-то я могу, ну только я в ней мало находилась. Ну, пойдём, я покажу.

Вот и пошли.

— Давай-ка мне эти предметы, которые я дал тебе.

Она подымает подушку и подаёт ему. Он кладёт их в карман и отправляется туда, где беседуют. И вот начали опять там, выпивать, закусывать, и они [царские зятья] и говорят:

— Вот, знаешь ты, молодой человек, какое у нас есть чудовище?

— А какое?

— Да вот, мы поймали баранчика золотого, свинку — золотую щетинку, быка золоторогого.

— Так вы покажите мне их.

— А можно их сюда привести из сарая.

Вот велит они привести этих всех троих.

— А где ж вы взяли?

— А мы, — говорят, — поймали.

— Где вы поймали?

— На дороге.

— А вы ни у кого не покупали их?

— Нет.

— Что-то такая жарница, а вы в перчатках ходите?

— Да так, привыкли в перчатках ходить.

— Сбросьте-ка перчатки, покажите свои руки.

— Да не стоит показывать.

Они не скидают. Он руку в карман.

— Это не у меня вы купили баранчика, не ваши ли пальцы? Не ваши ли пальцы с ноги за свинку — золотую щетинку? А это не за быка золоторогого с плечей я вырезал по ремню? Не я просился у вас вместе ловить, а вы мне что сказали?

Им совестно стало, и они тут при публике выхватили по револьверу и сами себя застрелили.

Ивану-царевичу остаётся всё царство. Тогда царь узнал — кто воевал. Вот их похоронили, тут пошёл пир на весь мир. И я там был. Мёд, вино пил, в роте не было, по бороде не текло. Дали мне пук иголок, я кинул — стал ёжик и посейчас колок.

6. ПРО БЕДНОГО МУЖИКА.

у, вот был в деревне мужичок. Было у его семеро ребят. Родился у его восьмой со счастливой головой, а крестить его никто не идёт, потому что отец в бедном состоянии. Пошёл к куме, чтоб кума перекрестила сына его. Ну, куме неохота идти крестить, то надо своего много нести к крестнику, то она сказала, что:

— Мне некогда, да я и больная.

Вот он приходит домой и говорит жене, что:

— Я не могу идти крестить сейчас, а некрещёного оставить нехорошо: то могут сказать, что я уже какой-нибудь в другую веру переступаю.

То жена ему отвечает:

— Выйди ты, на улице кто-нибудь из женщин идти будет, то проси, чтобы она перекрестила этого ребёнка.

Так он и сделал. Вышел он на улицу. Постоял немного. Видит, идёт женщина и незнакомая, вроде как прохожая. Вот доходит до его и он спрашивает ее:

— Куда ты идёшь?

А она отвечает:

— Куда глаза смотрят.

— Так мне не интересно, что куда глаза смотрят. А вот мне интересно: то, что у меня родился младенец, так никто не хочет идти крестить его, что я бедный. Так вот я хотел бы просить вашей просьбой, не послушаете [ли] вы меня перекрестить моего ребёнка?

И она отвечает:

— Можно. Надо перекрестить в христианскую веру. Ступай же за священником.

— Так у нас церква в деревне, что поп не пойдёт сюда. Вам придётся потрудиться и сходить с младенцем в церкву. Ну, может быть у вас денег при себе нету, как у прохожей, так я уступлю свои хоть последние (раньше священнику платили за крещение).

То она входит в избу. Берёт ребёнка и говорит ему:

— Сколько священнику платить за крестбину?

— Да у нас поп много не берёт — пятьдесят копеек перекрестит, двадцать копеек берёт за крестик, ну и платы берёт, — с богатого берёт дорогой платок, а с бедного хоть ситцевый; всё равно, — что не дай, то берёт.

Она рассказывает:

— А если дать ему всего рубль, он, пожалуй, согласится?

Мужик вынимает ей рубль и подаёт куме. Она взяла крестника и спрашивает [мужика]:

— Как же вас зовут?

Он рассказывает там:

— Иван.

— А мать?

— Да Матрёна.

— А по батюшке как?

— Ну, Павлович. Жена — Федоровна, фамилия — Смоликов.

Кума отправляется с младенцем. Приходит в церкву. Там как раз идёт обедня, и она заявляет старосту церковному, что:

— Иди, староста, и скажи священнику, что принесли крестить младенца.

Староста отвечает:

— Пока обедня не отойдёт, то он не придёт крестить.

А она старосту отвечает:

— А если ребёнок больной, да помрёт на руках у кумы, то тогда кто будет отвечать? То обедня никуда не уйдёт, а младенец может и умереть.

То староста пошёл до священника и сказал священнику, чтобы перекрестил ребёнка. Священник старосты отвечает:

— У нас же постановлено, когда обедня идёт, крестить не будем.

Вот староста является к этой куме и рассказывает ей, что поп сказал. А она старосту ответила:

— Ну, я сама пойду туда.

Вот она подходит к алтарю, как раз священник выходит с крестом отцу:

— Ты что ж, батюшка, — она священнику, — отказываешься кре-

стить ребёнка? А ты думаешь — крестом помахашь, больше денег достанешь, а с ребёнка мало пользы?

Поп отвечает:

— У нас так постановлено.

— А кто же это постановил? Духовная консистория постановила, что когда обедня идёт, крестить нельзя?

То он не мог ответ дать этой куме.

— Нет, не духовная консистория постановила это — я постановил.

— Так если вы постановили — ну, здоровый ребёнок, так действительно, можно подождать, а если больной, то закон гласит — бросить службу и крестить ребёнка.

Батюшка кидает крест и кричит:

— Староста, подай купальню и воду теплую!

Вот староста подносит:

— Чей же это ребёнок? Мне нужно записать.

— А это — Ивана Павловича.

— А мать?

— Матрена Федоровна.

— Фамилия?

— Смоликов.

— Да что он другую куму взял себе?

— Да вот мужик как бедный — никто не шёл к нему крестить. Ну, я и шла как раз по улице, и он меня встретил и начал просить, чтоб я перекрестила.

Вот батюшка взялся за ребёнка:

— Ты ж купи хоть свечку к купели.

А она:

— У меня денег нету, а вот кум рубль дал: хотите — ставьте свечки, а нет — берите себе в карман.

— Иди, староста, принеси свечку.

Староста приносит две свечки. Ставит свечку к купели, и подаёт куме свечку. Кума говорит:

— А мне, пожалуй, свечку и не надо. Эта вторая свечка без пользы. На это закона нету — на вторую свечку. Свечка становится украшением собора, а другая становится на поповский карман.

То батюшка ничего не сказал и начал свою книгу читать и молитву давать. И берёт младенца и сажает его в холодную воду (теплой воды не успели приготовить). Кувырнул его там три раза и подаёт куме. Кума взяла, увернула в пелёнки и сажает в карман руку, и достаёт рубль денег и подаёт батюшке:

— Вот, батюшка, вам за труды.

А батюшка говорит:

— Не надо мне этого рубля. Пусть Смбликова хоть молока купит. А ты, староста, подай крестик ей.

Староста подаёт крестик. Поп на шею младенцу накидывает крестик. То она и сказала:

— Спасибо, батюшка! — и пошла с ребёнком домой.

А батюшка взялся за крест, начал собирать пятаки...

Вот она приходит с младенцем к своему куму. Ну и они, как бедного состояния, всё-таки приготовили для кумы кое-чего поесть. Ну, кума отвечает:

— Спасибо, кум, я только в концы деревни закусывала. Да и закуска была у меня хорошая. Вот в такой-то избе.

И говорит куму своему:

— Теперь ты, кум, бедным не будешь. Теперь хватит на твой век прожить, что тебе только захочется, то у тебя всего можешь достать. Хватит на твой век и на его мать хватит, и на братьёв, и на сестёр, и на его. Ты вот иди через три дня в такое-то имение, там будет барин больной, и ты его вылечишь и получишь деньги большие, там увидишь и меня.

Он через три дня является туда в сером кафтане, а у барина даже язык отымается. Вот он является, докладывает:

— Я слышал, что у вас барин больной?

— Да, больной.

— Я могу вылечить его.

Вот и усмехнулись:

— Доктора не могут вылечить, а ты в сером кафтане вылечишь?

— Это дело не ваше, — сказал мужик. — Докладите барину, что мужик берётся вылечить.

Барину доложили. Барину не хочется помирать.

— Ну, пусть идёт поскорей.

Мужик входит и видит: кума стоит здесь у барина в ногах и давит его за ногу и кивает куму, чтоб он с ним рядился, побольше денег брал.

Она снимает руку с барина и барину стало легче. А мужик берётся у его за руку и щупает пульс и говорит ему:

— Барин, сколько ты мне дашь? Я тебя через три дня вылечу — какой ты был, такой ты будешь.

Ну, барин ему сказал:

— Тысячу рублей дам, если ты меня вылечишь.

Кума показала, что ему довольно будет. Он велит выйти всем от больного с комнаты, и кума пошла. То он потребовал воды кипяченой. Ему подали воды. Он берёт стакан, сыплет мыльный порошок, потому что барин три дня не ел, нужно было прочистить желудок.

— На-ка, барин, выпей стакан моего лекарства.

Барин выпил. И вдруг ему стало легко, и он заснул. А он пошел в другую комнату. А там приходит барина проводить, что он не стогнет, тихо. Думали, что он помёр уже. А барин спит сладким сном. Вот они и слушают его:

— Нет, он спит и дышит весело.

То барыня велела повару:

— Подай кушанья лекарю.

Вот ему подают кушать и выпивки. Ну, мужик такого кушанья не пробовал никогда. Вдруг барин прочиняется. Встает с кровати:

— Подайте мне штаны.

Прибегли в большой радости. Подают ему штаны. Барин одет штаны и приходит в столовую:

— Дайте-ка мне поесть.

Ему подают и жаркова и вино. Услыхал лекарь, что барин за столом уже. Он вскакивает в столовую и говорит барину:

— Барин, ты трое суток, верно, не ел, так теперь надо поменьше лопать.

— Так я есть хочу.

— Так мало что хочешь есть. Ну, так немножко съешь, а досыта не наедайся. Без меня ему пищи не давайте. Я три дня буду его сам кормить.

Лекарь берёт от барина кушанья:

— Довольно, будет с тебя.

Барин послушал.

— Иди-ка, ложись на кровать да отдохни, то это лучше будет тебе. А я дам тебе стаканчик лекарства.

Он обратным путём разводит в стакан мыльного порошку и даёт ему:

— Да что-то невкусно, — барин сказал.

— А хоть невкусно, да это для здоровья хорошо. Они на ноги поставят тебя, а завтра до-ветру побежишь.

Барин ему ничего не отвечал на эти штуки на его.

— Я должен слушать тебя, — барин сказал. — Вот я на кровати лежу, а у меня не болит ничто после этого вашего лекарства.

— Ну, вот и знай же, что тебе к хорошему делается. Небось докторам ухлопал денежек порядочно, чтобы они вылечили тебя, а лекарство ихнее не помогло тебе нисколько.

Барин отвечает:

— Да, как дадут лекарства доктора, так мне делалось еще хуже.

— Ну, так вот же, завтра ты можешь встать и ходить по двору,

проветриваться, да вот купи-ка бутылки три коньяку, мы будем по рюмке выпивать и закусывать, и будет у тебя кровь разгáриваться. Через три дня ты будешь здоров, как и был.

Барин отвечает ему:

— Я чувствую, что я и так сейчас здоров.

— А коньяк есть?

— Да, есть.

— Ну, так принеси. Сейчас выпьем по рюмке, так и плясать пойдёшь.

Он крикнул:

— Подайте коньяку!

— Нет, ты сам сходи. Я посмотрю по походке твоей, можешь ли коньяк выпивать.

— Могу выпить.

Барин встаёт, штаны одёт, даже бегом побёг за коньяком. Мало одной, так он тащит, три штуки приносит, и говорит барину ему:

— Вот, я знаю теперь и чувствую по себе, что ты лекарь хороший. Буду помнить тебя, до самой смерти не забуду. Ты, наверно, не лекарством лечишь, а у тебя, верно, средство такое есть, что когда ты вошёл в комнату, и то мне легче стало.

— Ну, так садись за стол, — он сказал барину.

Сели они за стол. Мужик наливает себе чайный стакан, а барину маленькую рюмочку.

— Ты поменьше пей коньяк, а я отроду его не видал, так мне можно стакан выпить. Горéлки-то случалось напиваться досыта, а коньяку отроду не пробовал.

Барин рюмочку выпил и начал ёсти побольше. Ну, и мужик закусывает.

— Ну, ты всё-таки, барин, поменьше ешь, лучше еще рюмку коньяку выпей.

Барин рюмочку выпил. А себе наливает полстакана, думает: «Налопаюсь я».

Барин выпил, немного закусил, у мужика разгорается зуб еще выпить.

— Ну, давай, барин, еще по рюмке выпьем, хотя в этой бутылке маловато осталось, так мы другую начнём.

Наливает барину полстакана уже:

— Я вижу, что ты можешь вынести.

Барин пьёт смело. Мужик и себе полстакана наливает. Вот они выпили настояще. Мужик пьяный, да и барин пьяный. А мужик был хотя бедный, но шутник. Он и говорит барину:

— Барин.

— А что?

— А теперь, пожалуй, гармонь али скрипку, мы б с тобой русского сплясали.

Барин отвечает:

— У меня есть работник, играет на гармонии, да и хорошо играет.

— Так пошлите за им.

Барин отвечает:

— Бегите за Савкой.

— На что он тебе?

— Да пусть с гармоней идёт, да поиграет нам.

— Так он навоз возит, — отвечают ему.

— Навоз можно кончить возить, а пусть идёт сюда.

Вот и пошли за Савкой. А мужик берётся за коньяк опять.

— Давай, барин, еще выпьем понемножку.

И барину охота выпить. Вот они и выпили. Является Савка. Заиграл им русского. Мужик говорит:

— Савка!

— А что?

— Ты пробовал когда коньяк пить?

— Да, пожалуй, не приходилось.

— Так, нá, выпей, — наливает ему стакан коньяку.

Савка выпивает этот стакан.

— Ну, садись за стол, ты навоз возил, да закуси. Небось на вашей кухне такого кушанья нет, как здесь на столе. Хотя у вас барин хороший, да у вас и кухарка ничего, что барин даст наварить, так она кой-какой бурды наварит вам, вы и кушаете. А этого не пробуете, что господа едят. Так вот, попробуй-ка.

Савка и начал оплетать. Мужик наливает ему еще полстакана.

— Ну-ка, Савка, выпей еще.

Савка выпил.

— Ну, давай, барин, мы еще по рюмке выпьем.

Барин ему отвечает:

— Воля ваша. Дася́, так я выпью.

— Как же не дать, мне охота выпить, — мужик рассказывает. — Да, вижу, что и ты еще вынесешь.

Наливает он себе полстакана и барину полстакана. И выпили они, — вторую бутылку кончили. Барин спился, и Смоликов спился, да и у Савки гудит.

— Ну, вот теперь, барин, мы, пожалуй, и попляшем.

Савка заиграл им «Камаринского», мужик и пошел танцовать:

Барина лечу,

Коньяк пью,

И под музыку пляшу!

С барина денег возьму,
И послезавтра домой пойду.
И барин болеть больше не будет! *(Это припевает.)*

Ну, вот мужик поплясал и остановился.

— Ну-ка, барин, попробуй ты теперь. Теперь очередь твоя, а я отдохну.

Барин стал плясать легче мужика. Мужик видит, что барин легче пляшет, мужик достаёт третью бутылку.

— Принесёна она не на то, чтоб стояла. Она принёсена для того, чтобы выпить ее.

Наливает Савку стакан, себе полстакана и барину полстакана.

Вот они закусывали за столом, где кто сидел, так и заснул. Сделалась тишина у их. Вот приходят смотреть в столовую, что стало тихо: Савка облокотился на столе — спит, и лекарь, и барин. То они взяли барина, поклáли на кровать, так и лекаря поклáли. Ну, а Савку в ы́тягнули на кухню. Савка просыпается и смотрит:

— Где я сплю? Как я сюда попал?

— А это тебя позвали поиграть на гармоне.

— А где ж гармонь моя?

— Да вон лежит под столом.

Ну, из этой кухни Савка пошел на свою кухню *(у рабочих своя кухня)*. Мужик просыпается и кричит:

— Где я нахожусь?

— А ты здесь, у нас.

— Ага, у барина? А барин где?

— На кровати спит.

— Ну, я пойду, разбужу его.

Приходит лекарь к барину:

— Барин, время вставать, уже видишь какой свет!

Барин глаза открыл:

— Да, — говорит, — светло.

— Ну, как чувствуешь себя?

— А ничего.

— Небось похмелиться хочешь? — он на барина.

— Похмелиться-то не штука, да, кажется, больше коньяку нет.

— А что есть?

— Да мадера есть.

— Так вели, пусть принесут.

Барин крикнул:

— Принесите мадеры бутылки две нам.

А Смóликов отвечает:

— А если есть, так и три принесите — всё равно разойдётся.

Ну, тащат им мадеры. Принесли мадеры, ставят на стол в столовой.

— Лекарь, принесёна уже!

— Так и закуски принесите хорошей!

— Да есть закуска.

— Ну, так пойдём, барин.

Вот и барин пошел с им в столовую. Он поскорей открывает бутылку, наливает себе стакан, барину полстакана. Выпивают.

— Барин, а у нас Савка тоже выпивши был вчера. Он тоже похмелиться хочет.

— Так он, верно, на рабочей кухне.

— Так у тебя есть люди, пусть сходят за им.

Ну, вот барин посылает горничную:

— Беги на рабочую кухню. Скажи, чтоб Савка пришёл сюда.

Вот горничная побéгла на рабочую кухню:

— Ишь, как тебя барин полюбил. Посылает за тобою, еще и мадеры попробуешь.

Савка приходит. Мужик ему наливает стакан мадеры.

— Ну, выпей, Савка, и закуси хорошенько за то, что ты играл нам вчера, и иди на работу. Всё-таки надо поработать. А я тоже, пожалуй, отправлюсь домой. Мне-то хорошо, а там, может быть, дома без хлеба сидят.

Ну, вот, он потребовал у барина деньги. Барин подаёт ему пятьсот только.

— Так ты что ж, барин, денег у тебя нет, аль что?

А барин сказал:

— Да ты немного и трудился здесь, довольно и пятьсот будет.

Вот он получает деньги эти:

— Ну, и до свиданья!

Барин:

— До свиданья.

— Дай же хоть на дорогу бутылку мадеры.

Барин дал мадеры. *(За пятьсот можно дать.)*

— Ну, и дорóгой пойду и выпью.

— А небось, если б кру́то пришлось, то и с лошадей бы приехал.

Ну, барин сказал:

— Я запрягу тебе лошадь.

— А если дашь еще бутылку мадеры, тогда вели запрягчи лошадь.

— Да больше нету, — он сказал, барин.

— Ну нету, так я пешком пойду, а то я человек такой, — один не люблю выпивать. Ну, дай же закуски тогда на дорогу.

Барин приказал дать ему ветчины.

— Ну, и до свиданья, барин!

Мужик и пошел. Вот за имение вышел, открывает бутылку, потянул с горла, закусывает:

— Вот хорошо на вольном воздухе.

Вдруг является кума сюда уже.

— Ну, сколько дал, кум?

— Да пятьсот.

— А что он сказал, что денег нету?

— Да нет, сказал, что я немного трудился.

— Ну, так ладно, — сказала кума. — Иди, кум, скорей домой, покупай хлеб и вáру, сам себя не мори, да и крестника много не мори, да и семейство своё не мори, держи денег побольше, не жалей и одевай, обувай всё лучшей, чтобы я в гости пришла и смотрела, что хорошо кум живёт. Он, пожалуй, барин твой адрес записал?

— Да, записал, — говорит.

— Так он через три дня явится к тебе. А я пойду к барыне сейчас. Зажму барыню. А ты старайся эти деньги расходовать скорей.

Кум пришел домой и начал шиковать, покупать что следует. А жена рассказывает, Матрёна, ему:

— Ты, Иван, деньги берегай.

А он отвечает:

— Деньги через три дня опять будут. Это, Матрёна, не деньги, что пятьсот я получил, а это капля слезы только. Смотри, как через три дня приедут на паре лошадях за мной и привезут на лошади назад. На пятые сутки я привезу тебе полторы тысячи. Только знай расходуй. Будем надеяться на куму... Раз кума сказала: «Богатство дам» — так она и даст. Она мне дорогой сказала, что не жалей денег расходуй до капли, что деньги будут.

Матрёна и говорит:

— Ну, дело твоё, Иван.

На третьи сутки Иван только встал с постели, а лошади уже прикатили за Иваном.

— Пожалуйста, Иван, просил барин, чтоб приехал, у нас барыня заболела. Так что ты бы посмотрел, будет она жива, аль нет.

— Ну, ладно, надо хоть позавтракать. Если не сдохла через три дня, то не сдохнет и сегодня. А у вас же лошади хорошие, скоро доедем.

— Да мы недолго, мы проедем два часа, не больше. А если коней не пожалеем — раньше приедем. Барские кони хоть двадцать вёрст пройдут за два часа.

Вот приготовили завтрак, Иван и говорит мужику:

— Садись со мной завтракать.

— Да, пожалуй, что не худо, — мужик сказал. — А то мне не пришлось позавтракать дома.

Иван достаёт две бутылки горелки.

— Ну, давай выпьем, извозчик, веселее будут лошади бегти. И лошадь чувствует, когда хозяин пьяный (тогда он, знаете, меньше жалеет).

Они полторы бутылочки выпили, позавтракали и уехали. Приезжают они в барское имение. Тут его дожидают.

— Вы что так долго ехали?

— Да, барин, коней жалели.

— Когда экстренно надо, тогда лошадей жалеть нечего! Еще конская матка не сдохла, — помещик отвечает.

А эти отвечают ему:

— Если б ты сам, барин, ехал, ты сам хозяин, а как у моего отда одна лошаде́нка, а нас находится пять мужиков, так, пожалуй, пожалеешь.

Отправились они поскорей уже в комнату. Он видит, что кума гладит ее не то что за ногу, а совсем притиска́ет. Подошли к ей, а барыня ни слова не может промолвить, отобрало у ее язык. Барин говорит:

— Пожалуй и лечить ее нечего. Последние минуты она доживает. Он берёт ее за руку, Иван, и говорит барину:

— Нет, барин, она может жить еще.

— Но если будет жить, так я тысячу рублей дам.

— А тех пятьсот? — Иван рассказывает.

Ну, барин с горячки:

— И эти отдам.

— Ну, так давай, — говорит.

— Так ты вылечи раньше.

— Я ж тебя вылечил за тысячу, а ты дал мне только пятьсот.

А кума всё притиска́ет ее, больную. Вот барин пошел за деньгами.

— Да одной сотни сейчас не хватит.

— Ну, сотни не хватит, пару коней дашь мне. У меня ни одной нету, у вас много.

Барин соглашается дать.

— Ну, ладно, поверю барину. Может не обманет, как в тот раз.

Когда деньги получил, велел выходить с комнаты всем. Кума, как он стал деньги получать, отошла от больной. Все с комнаты вышли. Кума ему и говорит:

— Теперь, кум, недели две за тобой не приедут никто. Отдыхай, — говорит, — да справляй дела. Да, у тебя избушка плоховата. Хоть го-

товую купи избѣ, а нет — занимайся покупать лес, да нанимай людей, чтоб тебе всё вывезли и чтоб рубили, чтоб за месяц у тебя стояла новая изба. То пусть ваши мужики смотрят, отчего Иван взялся.

Иван отправляется в свой саквояж за мыльным порошком, а кума пошла за дверь. Он крикнул:

— Подайте воды кипяченой мне.

Воды ей дал выпить с мыльным порошком. И она выпила, и как ей легче стало, она заснула. А Иван пошел угощаться. Вот стали угощаться. Иван говорит барину:

— Ну, выпивай ты.

А он сказал:

— Не стоит выпивать. Вы пейте, а я не хочу.

— Почему ж ты тогда со мной выпивал?

А барин ему отвечает:

— Это была воля твоя, а не моя. А теперь я чувствую, что я сам хозяин: что хочу, то и делаю.

А Иван на его:

— Ну, по мне хоть и хлеба не ешь.

Иван выпил, закусил. Прошло часа три тому, как барыне давал мыльный порошок. Вдруг барыня починается и кричит:

— Дайте мне воды!

Ей воды подали. Иван подходит к барыне.

— Ну, как, барыня, чувствуешь себя?

— Да я лежу сейчас и чувствую, что не болит у меня ничего.

— Так пожалуй, барыня, вставай.

Барыня встала.

— Так теперь я могу и пройти?

Барыня прошла.

— А пробовала, барыня, пить когда коньяк или мадеру?

— Да, пробовали когда-то в гостях.

— Ну, вот, барыня, и я гость у вас, то и с гостем выпить по рюмочке.

Наливает барыне рюмочку, а себе побольше.

— Ну, а ты, барин, как не пьешь, так нечего тебя и угощать. Мы и с барыней выпьем.

Выпили они с барыней.

— Ну, вот, теперь, барыня, ты чувствуешь, что ты здорова?

— Да, чувствую, Иван Павлович.

— Ну так вот, барыня. Я дам тебе бутылку лекарства, то ты выпьешь вечером стакан и утром стакан выпьешь, ну, и опять вечером остатки допьешь и здорова будешь. А мне надо ехать домой.

Барыня:

— Ну, с богом. А если, Иван Павлович, я подбаливать стану, ты приедешь?

— Приеду, приеду. Ты теперь, барыня, не скоро заболеешь, да и барин не заболевает скоро. Ну, давай же, барин, лошадей.

Барин и говорит ему:

— Ты что, будешь брать на выбор лошадей, аль каких я дам?

А он говорит:

— Так вот, барин, я возьму и не на выбор, только дай мне один хомутók и дугу, вожжи и какую-нибудь хоть дохлую тележонку.

Барин соглашается:

— Ну, ладно, всё дам.

А Иван думает:

— Не деньги плачены мне за лошадей — это всё равно как дарственность.

Запрягает Иван лошадей пару, и сбруя настоящая, дугу тоже хорошую дал. Одним словом, — что надо дал. Иван в тот вечер приезжает домой к своей Матрѣне и подаёт Матрѣне тысячу четверста рублей и говорит ей:

— Вот, дорогая моя, что кума сказала мне, что у нас изба худая, хоть готовую надо покупать избѣ, а хоть покупать лес, да нанимать людей, чтоб возили, а плотников, чтоб рубили, чтоб у нас за месяц стояла изба. Кума приедет в гости, посмотреть своего крестника.

Матрѣна и рассказывает ему:

— Да, складней, Иван, купить лес и выстроить дом на две половины. Ишь, у нас семейство восемь душ ребят, да нас двое, то это найдётся десять душ. А если две половины, то у нас помещения больше будет. То в одной половине будет погрязней, а в другой половине будет почищей. То и кума приедет, так будет где хоть отдохнуть.

Так они и сделали. Купил лес, наняли людей возить, плотников рубить, а Матрѣна знает только расплачивается, а Иван знает выпивает.

В то время у одного помещика заболел сын. Именно было большое, а сын был у его один. То он стал рассказывать:

— Не только что тысячу, пол-имения отдал бы за то, чтоб вылечить сына.

То этот помещик услышал, которого Иван вылечил, и отправился к этому помещику, где больной сын. Приехал и рассказывает ему:

— Вы напрасно пропускаете такой слых, что пол-имения отдам за то, кто вылечит сына. То я вам дам адрес. Вот в такой-то деревне, в такой-то волости живёт Иван Павлович Смóликов, он вылечил меня, я при смерти был, и жену мою. И вот, я вижу, что вылечит вашего сына. Он с меня взял две тысячи рублей, а ты дай и полторы — так он согласится.

Ну, а кума стоит всё и слушает, что они говорят и прижимает покрепче сына помещика. То помещик посылает тройку лошадей до этого Ивана Павловича в такую-то деревню. Вот Иван приезжает и подходит к больному и сказал, что:

— Я могу вылечить.

Спрашивает у его:

— Сколько ты возьмёшь?

А кума рассказывает Ивану:

— Он даже обещал пол-имения отдать, а ты возьми хоть тысяч пять, и довольно будет с тебя.

Ну, он помещику рассказывает:

— А вот, барин, я много не беру: с кого тысячу, с кого и меньше, по возможности. Если меньше лекарства пойдёт, так я меньше денег возьму, а тут мне придётся пожить дней пять, то я беру с вас пять тысяч.

Барин сказал:

— Ну, и спасибо. Только, пожалуйста, лечи.

То кума пошла сразу с комнаты. Иван велел выйти всем с комнаты. Он тоже мыльного порошку заделал. Дал ему выпить. Ну, он как выпил, легче ему стало, он заснул. Иван угощается, как следовало быть. Парень поднимается и крикнул:

— Дайте мне воды!

Барин бежит и спрашивает его:

— Что, Лёшенька, пить захотел?

— Да, папаша.

— А как чувствуешь сам себя?

— Да ничего, легче стало.

— Ну, может быть и поправился, сынок.

— Так думаю, папенька.

На второй день парень пошел пить, есть и стал здоровый. Иван видит, что парень здоровый, он и говорит барину:

— Ну, два дня, барин, прожил я у вас. Вижу, что ваш Лёнька, слава богу, здоров стал. Теперь, пожалуй, можно деньги у вас получить?

— Можно, можно, пожалуйста. Я не то, что пять тысяч, я пол-имения отдал бы, потому что я обещал так. Ну, а мне тот помещик, которого вы вылечили и жену его, так он даже советовал мне дать тысячи полторы, и вы как за пять тысяч согласились, так мне их не жалко, можете получать эти деньги, и я вас на лошадях на своих отправлю домой.

Угостил и отправил Ивана Павловича домой. Иван Павлович приехал и начал проживать.

Вот живёт месяц дома, живёт другой. Вдруг является к ему кума в гости и говорит ему:

— Ну, вот, я погощу у тебя и крестника посмотрю своего и отправлюся к государю, того немножко прижму. С того можно взять побольше. Там деньги общественные. Его вылечим самого, а потом и за царевну возьмёмся. Вот тут и станешь ты жить хорошо. А про тебя уже известно далеко. То я его прижму, государь. А потом явлюся я к ему женщиной и дам адрес, что вот в таком-то месте есть один мужик, он людям много помочи дает. Советовала бы вам, царь, послать за им скорей. То он когда придет, мужик, вам враз легче будет, а когда он даст вам лекарства, царь, то вы заснёте после его лекарства, как были, так и будете здоровы.

Кума пришла к царю и прижала его. Потом через два дня она является к государю женщиной и говорит:

— Царь, никто вас больше не вылечит, как мужик вот такой-то. Проживает вот там-то.

Государь велел немедленно приставить его. Мужик приехал, через три дня вылечил государя. А кума пошла. Получает он двадцать тысяч денег и отправляется домой. Начал проживать опять дома. Через месяц обратно государь призывает его, Смбликова, что заболела царевна. Ну, Смбликов знает, кто его требует. Он Матрёне и рассказывает:

— Кума опять кошелёк нам денег набивает.

Ну, и поехал и вылечил царевну. Получил пятнадцать тысяч и начал проживать, где кто ни заболеет, то за им едут, а никто не знает, что это работает кума его, а не он. Когда он придет, видит, что кума стоит в ногах, то он берётся лечить, а кума в головы, он и говорит:

— Через два дня б раньше, то я мог вылечить, а теперь я не могу вылечить. Прошло время. Так что вот в такие часы он должен помертв (ему кума показывает).

Ну, вот стал он хорошо жить. То он так лечил: с бедного мало брал, с богатого побольше брал. И прожил он десять лет, на одиннадцатый год приходит кума до его.

— Ну, кум, довольно людей лечить, пора помереть и тебе. Уже ты свой век прожил, я пришла за тобой. Ведь ты только один знал, что твоя кума смерть была и она твоего сына крестила. Теперь довольно с моего крестника богатство набили.

То он и просит свою куму:

— Кума, я знаю, что ты смерть, и я должен помертв, и мне очень было хорошо десять лет, как ты меня научала делать. Я стал богатый и жил я хорошо. Так раньше я жил бедно; тогда б ты меня

взяла, так я не плакал бы, а теперь мне жить хорошо, и ты пришла за мной. Так дай, кума, хоть три года еще пожить.

— Ну, ладно, три года отпущу, только надо мне взять того, кто еще должи́н три года жить своего веку.

Кум живёт три года. Как у его богатство большое, и он и на-думался:

— погоди, не обману ли я кумы? Не проживу ли лет десятков еще?

Он сделал себе кровать на таких пружинах, что может вертеться. Он знал, что кума придёт за им в такое-то время.

Вот кума приходит и говорит ему:

— Ну, кум, я пришла за тобой. Три года прожил ты уже.

— Так дала б, кума, еще годика на три.

— Нет, кум, ты и так три года лишнего прожил.

— Ну, так что ж, кума, придётся ложиться на кровать?

— Да, я буду тебя без болезни брать.

Он ложится на кровать. Кума вынимает косу и хочет умертвить. А он тиска́нул пружину, перевернулся к куме ногами. Кума опять заходит к головѣ. Он опять притиска́л пружину, — опять кума в ногах стоит, и кума вертелася двое суток, схватить не могла. Она и говорит ему:

— Вертись, не вертись, а померти́ придётся. Всё равно пружина твоя не по́сббит.

— Как не по́сббит? Я могу лежать сколько годов на кровати, и ты меня не зарежешь.

— Так вот ты лежишь два дня уже. Сам себя мучишь и меня мучишь, а ты уже и так ослабел. Ты вот за двое суток ничего не ел, да и поесть не придётся, то, пожалуй, и пружина твоя не крутнётся. А вот я советую, кум, сдавайся.

— Жалко, кума, что крестнику тринадцать лет еще.

— Крестник проживёт долго. Так ты хочешь с крестником разом померти́? Я своего крестника буду всё-таки навещать, если он станет победней жить, я его тоже научу лечить.

То кум сказал:

— Ну, так бери, кума.

Так кум и помер, и лечить некому было. Кончилась и сказка.

7. ИВАН-КУЗНЕЦКИЙ СЫН.

ил в деревне кузнец. Он хорошо занимался. Дохода у его было порядочно. Но ему показалось маловато этого дохода. Он стал придумывать, какое себе устроить чудище.

— А давайте сделаю я, старуха, железного волка, на которого будут люди приходиться, работу приносить и железного чудища, волка, смотреть.

Он работает день, работает второй, приходит домой обедать. Жена спрашивает:

— Ну, что, сделал железного волка?

Он сказал:

— Кончу завтра.

На третий день сделал железного волка до обеда. Приходит домой обедать и говорит своей старухе (что вот):

— Я кончил волка.

Жена подала обед, а сама взяла ключи и махнула — быстро прибежала в кузницу смотреть железного волка.

Когда она пришла в кузницу, волк открыл рот и проглотил бабу. У этого кузнеца было двое ребят: Ванька был побольше, а девчонка была поменьше.

Он и говорит своим ребятам:

— Ну, смотрите, ребята, не уходите в кузницу; никуда до прихода скотины не уходите, а я пойду в кузницу, — я там ей жару задам, что она не может насмотреться на волка.

Вот он приходит в кузницу, открыл кузницу — волк и его съел. Ну, когда он сказал, чтоб ребята в кузницу не ходили (никуда) — они не ходили.

Вечером идёт скот, и они открывают ворота загонять своего быка (у их был бык). Бык остановился в воротах. Иван-сын кузнецкий сказал:

— Что ты, бык, в воротах стоишь? Ты иди в свой сарай.

А бык ему отвечает:

— Да, Иван-кузнецкий сын, я остановился в воротах, — то твой отец сделал чудовище, а этот чудовище превратился в Змея. Он съел твою мать и твоего отца. А ночью придёт за вами.

Иван-кузнецкий сын заплакал.

А он отвечает:

— Ты не плачь, Иван, а я пойду в сарай, а ты ступай, приberi посуду, помой ложки и поклади всё по местам. И потом приходи ко мне в сарай спать, я тебя спасу.

Иван-кузнецкий сын всё это сделал, а сам отправился к быку.

В двенадцать часов ночи приходит Змей в избу искать ребят — съесть.

Змей спрашивает у ложек:

— Где ребята?

Ложки отвечают:

— Мы не скажем, где ребята.

Он спрашивает у миски:

— Миска, скажи, где ребята?

То и миска ответила:

— Я не скажу, где ребята.

Он спрашивает у квашни:

— Скажи, где ребята спрятаны?

Квашня отвечает ему:

— Я не скажу, где ребята.

Кочерга сказала:

— Я скажу, где ребята, потому что я на ихнюю мать сердита, что она меня в печке накалит и в ложанку садит. Мне трудно, я долго шиплю. Их, ребят, забрал бык круторогий.

Змей отвечает кочерге:

— Поздно мне в сарай идти к быку, я к ним завтра приду.

Бык круторогий всё это знал. Вот просыпается Иван-кузнецкий сын утром. Когда проснулся, бык рассказывает:

— Ну, Иван-кузнецкий сын, теперь нам зевать нечего. Ступай забирай, сколько у тебя есть денег и харчей, и запрягай меня в телегу.

Иван-кузнецкий сын пошёл и запряг этого быка в телегу и посадил в телегу свою малолетнюю сестрёнку.

Бык ему говорит:

— Захвати, Иван, с собой гребёнку, которой волоса чешут, и захвати брус, которым топор точат.

Иван-кузнецкий сын это всё захватил и сел в телегу. Бык его и понёс. Как сигнёт — на сто девяносто вёрст враз донесёт. Бык и кричит:

— Иван-кузнецкий сын, за нами погон идёт, Змей догоняет. Бросай гребень!

И Иван кинул вверх гребень. Сделался густой лес, так что Змею пройти нельзя.

Пока Змей собрал людей и расчистил себе дорогу, они опять далеко уехали.

Тогда бык опять и говорит:

— Иван-кузнецкий сын, послухай-ка назад, за нами опять погон идёт. Кидай брус в гору!

Тогда Иван-кузнецкий сын бросил брус, сделалась каменная гора. Они поскакали поживей. Приезжают они к огненному морю. Бык ему рассказывает:

— Схватывай у меня носовой платок у рога и махай через море!

Когда он схватил платок, махнул — через море сделался мост.

Бык ему кричит:

— Схватывай скорей мост!

Иван-кузнец скорей схватил мост, и Змей прилетел сюда к морю. И кричит с той стороны:

— Всё равно, Иван-кузнецкий сын, ты из моих когтей не вывернешься!

Вот стояла здесь избушка пустая. Бык приютил их в эту избушку.

Пока у их харчей было, они питались этими харчами несколько времени. Бык всё траву ел, а они ели свою корму, которая забрана была. Кончилась у их пища, что им уже кушать нечего, бык Ивану-кузнецкому сыну рассказывает:

— Иван-кузнецкий сын, ты возьми наточи нож повострей и зарежь меня и ешь моё мясо.

Ивану-кузнецкому сыну стало жалко, и он стал плакать.

— Как же так, ты меня спас от смерти, а я буду тебя резать?

Бык отвечает ему так:

— Мы достойны этого, чтобы нас люди ели, а ты голодной смертью не помирай. Когда ты меня зарежешь, то, знаешь, стоит котёл опружонный, — вот я своим рогом подниму, а ты подклади какое полено, что тебе не поднять. Ну, требухи мои ты как-нибудь подтянешь сюда, а потом спустишь котёл, чтоб он наглухо закрылся

и через трое суток посмотришь под этим котлом. А роги мои возьми под избушку заткни, под крышу. Вот ты теперь, Иван-кузнецкий сын, свяжи меня крепче. Что когда мне будет больно, я без памяти ушибу тебя, а если я буду связан, то смело тогда будешь работать.

Иван-кузнецкий сын сделал так, как ему велел бык. Требухи он затанул под котёл, роги под крышу подёрнул.

На третьи сутки ему надо поднять этот котёл, то его бык учил так:

— Если у тебя сил нехватит, отруби дерево и подкопай ямочку и подклади чурочок (вагу) — и поднимется котёл.

Иван-кузнецкий сын взял топора и пошёл в лес. Отрубил вершка в три с половиной дерева (по мупости), сажени на три длинны свалил дуба и вот стал подымать и рассказывает:

— У нас дуб тяжёлый, а здесь какой лёгкий.

Взял на плечи и понёс. Приносит он к этому котлу, бросает свою вагу. Лопаты у его не было, начал руками подрывать ямку. Стал подкапывать ямку, у его поднимается котёл, и он подхватил котёл без ваги. Оттуда выскакивают две собаки. И эти собаки стали кругом его виться. Иван-кузнецкий сын подумал, что это бык круторогий дал помочь. Он бросился поживей смотреть роги, и две собаки за им. Он посмотрел: висят две двустволки охотничьи с припасами и сумка.

Он пошёл к своей сестре в избушку и говорит сестре:

— Мы, сестра, теперь заживём. Теперь у меня две собаки, две двустволки и сумка с снарядами. Я могу отправиться на охоту.

Иван-кузнецкий сын отправился на охоту и начал разных бить птиц, зверей, так что у его пошло в ход, так что ему питаться было чем. Прожили они там три года. А Змей всё на той стороне ходил и приманивал красную девицу:

— Ты бы привела бы меня к себе на остров, и веселей нам было б жить.

Она спрашивает:

— Как же я могу через огненное море провести?

А он сказал ей:

— У твоего брата есть носовой платок. То когда он придёт с охоты и ляжет отдыхать, то ты возьми этот платок и махни, через море и сделается мост, и я пройду к тебе.

Как кузнецкий сын пришёл с охоты с своими собаками, пообедал, лёг отдыхать. Она взяла носовой платок у его — махнула, через море сделался мост. То Змей перешёл сюда и стал прятаться от Ивана-кузнецкого сына (Змей боялся силы Ивана-кузнеца и двух собак).

Прожили они несколько дней, может быть неделю, а может и месяц

прожили. Иван-кузнецкий сын не знал, что у сестры есть уже полюбовник. Змей рассказывает:

— Если б не было собак, то я б его победил.

Змей надумал так: версты за три от избушки была волчица-богатырка. Эта богатырка сбивала за четверть версты человека духом (вот какая была богатырь!).

Змей сказал:

— Сделайся ты больной. И когда он с охоты придёт, то скажи, что я заболела, — подхватил меня ветер, и я повалилася; пришла в избушку и легла на кровать, и соснился мне сон, что вот в таком-то месте есть волчица-богатырка. То эту волчицу убить, с-под ее груди принести молока и я выпью и поздоровею.

Иван-кузнецкий сын пообедал, берёт свои припасы и отправляется туда, как ему сестра сказала путь.

Когда он вышел, собаки побегли, — один впереди, другой сзади.

Волчица-богатырка в то время спала. Собака подошла не только за четверть версты, а может быть за пять шагов.

Иван-кузнецкий сын видит свою двустволку, начал целиться в волчицу — убить. А волчята подскакивают к волчице (она не спала). Она и говорит:

— Иван-кузнецкий сын, что ты целишься в меня? Ты меня не убьёшь, а только раздражишь. Иди ко мне поближе, что надо тебе, то я дам.

Вот он приходит поближе к ей. Стал рассказывать, что вот у меня сестра заболела и соснился ей сон, чтобы с волчицой груди молока выпить и она поздоровеет.

— Знаю, знаю, что она больная, — ответила волчица. А есть у тебя пузырёк?

Иван-кузнецкий сын отвечает:

— Есть.

— Ну, возьми надой молока с моей груди и дай сестре попить.

Иван-кузнецкий сын надойл молока пузырёк.

— Вот, Иван-кузнецкий сын, на тебе моего сына — волчонок — богатырёнка в помощь тебе.

Она приказала сыну:

— Смотри, как дорожил ты моей грудью, так чтобы ты дорожил Иваном-кузнецким сыном, так что это будет твой хозяин.

Иван-кузнецкий сын отправился домой. Волчонок подходит к Ивану-кузнецкому сыну и говорит:

— Садись на меня, не всё тебе пешком ходить.

— Ха-ха, есть подвода!

Иван-кузнецкий сын поехал на волку. Подъезжает к своей избе.

Остановился Иван-кузнецкий сын, слез. Змей увидал его и говорит:

— Видишь, надо спрятаться. Волчица-богатырка дала ему помочь. Змей сделался прусаком, забрался в щёлку кровати и сидит там. Иван подаёт своей сестре пузырёк молока. Она взяла.

— Ну, я выпью, — говорит.

Она этот пузырёк спрятала и на несколько время вроде как заснула. На второй день стала здоровá и говорит брату:

— Вот, брат, молоко пособило.

Брат сказал:

— Ну, и ладно, слава богу (*или как там!*).

На третий день брат приходит с охоты, она опять больная. Сестра говорит:

— Ветер подхватил и я опять заболела (*это Змей учил*). И вот соснился мне сон, что есть вот за этой волчицей-богатыркой медведица-богатырка, надо убить ее и с-под грудей ее надо взять молока.

— А что нам, долго ее убить? — Пойду и убью.

Иван-кузнецкий сын отправился к медведице-богатырке бить ее. Волк отвечал Ивану-кузнецкому сыну:

— Садись на меня, я знаю где она живёт. Мы с матерью прохаживали туда.

Иван-кузнецкий сын садится на волка, и собаки сзади. И волк потащил его к этой медведице-богатырке.

Когда волк приносит к медведице шагов на десять, остановился и говорит Ивану-кузнецкому сыну:

— Ты не стреляй, а пойдй и поклонись ей.

Медведица встала и говорит:

— Подойди, подойди, Иван-кузнецкий сын, поближе и спроси чего тебе надо.

Иван-кузнецкий сын подходит ближе и говорит, что его сестра больная, тебя убить велела, с-под твой груди молоко взять.

— Пожалуйста, Иван-кузнецкий сын, бери молока с моей груди, она въздоровеет.

Вот он взял молока, и она ему говорит:

— На тебе моего сына в помочь — медвежонка-богатырёнка. И приказывает сыну:

— Как радёла к моей груди, так чтобы и Ивану-кузнецкому сыну, и берегите его — это ваш хозяин.

Когда он поблагодарил медведицу, то подсакивает медведь и сáдит своего хозяина на спину и несёт его к его избушке. Собаки и волк сзади его.

Иван-кузнецкий сын приезжает на медведе. Медведь остановился

шагах в тридцати от избушки. Иван-кузнецкий сын слез с медведя. Медведь пошёл впереди в избушку. Иван-кузнецкий сын за медведем, а собаки вслед за Иваном и волк. Змей увидал из окошка, сделался тараканом и спрятался.

Когда пришёл Иван-кузнецкий сын в избу, то сестра и говорит:

— На-кой чорт ты медведя взял?

— А раз дают — надо брать. В лесе нам не худо жить, всё-таки есть теперь у меня четверо. На тебе молока.

Она молоко взяла, а медведь через койку лапой начал доставать что-то из щели.

Она крикнула:

— Чего он сюда привязался!

Иван-кузнецкий сын крикнул на медведя:

— На место!

Медведь буркнул и пошёл и лёг к порогу. Она пила или не пила молока — на второй день стала здоровá.

Живёт она в прекрасном виде. Вроде как чего не было. Брат приходит с охоты. Через несколько дней сестра обратным путём больна сделалась.

Брат спрашивает ее:

— Что ты, сестра?

— Я опять заболела. Вышла на тоё место, меня ветер подхватил и я еле в избу вошла и прижаснула. И соснился мне сон, что вот в таком-то месте есть львица-богатырка. Ее убить, с-под ее груди молока принести, и тогда я век больна не буду.

Иван-кузнецкий сын много не разговаривает, берёт своих слуг и отправляется убивать львицу-богатырку.

Медведь ему рассказывает:

— Садись, хозяин, на меня, я знаю, где живёт она. Мы когда-то с матерью прохаживали там.

Вот медведь и понёс Ивана. Приехали они живчиком туда, а львица не допускала к себе за полторы версты, духом сбивала.

Когда львица узнала, что хочет Иван-кузнецкий сын, она притворилась, вроде спит.

Медведь подводит его так шагов на пятнадцать к львице и остановился. Берёт палку и ломает ее в своих руках, чтоб затрещала палка (*взял палочку немалую, вершка в три толщиной*) и ломанул в своих лапах, даже по лесу гул пошёл.

Львица просыпается:

— Эй, кто ко мне подошёл?

Иван-кузнецкий сын целится в нее, как убивать. Она говорит:

— Эх, Иван-кузнецкий сын, ты не убьёшь меня, а только раз-дражишь меня, а что надо, приходи и попроси у меня.

Иван-кузнецкий сын подходит ко львице и поклонился ей:

— Вот, — говорит, — у меня сестра заболела. Соснился ей сон, что с вашей груди молока выпить — она никогда болеть не будет.

— Да, выпьет и болеть не будет. На тебе, Иван-кузнецкий сын, львёнка-богатырёнка. Смотри, богатырёнко, как радёла моей груди, так и радёй Ивану-кузнецкому сыну. И смотрите, если случится что, то вы добра не дожидаете от нас. Вы должны караулить его (приказ).

Иван-кузнецкий сын поблагодарил львицу, поклонился ей.

Она и отвечает:

— Теперь охрана у тебя хороша, теперь тебя никто не может уничтожить (победить).

Иван-кузнецкий сын отправился домой.

Богатырёнок-львёнок подходит:

— Ну, садись, хозяин, на меня, я сильнее всех.

Когда приехал Иван-кузнецкий сын домой, Змей уже караулил его; видит, что он уже на льве едет, он и рассказывает ей:

— Тут зевать нечего, и львица дала помочь ему большую.

Змей в избушке не остался, а выпрыгнул в окошко. Но медведь всё-таки идёт впереди в избу. Когда вошёл медведь в избу, остановился на пороге. Сестра сказала ему:

— На-кой же чорт ты ещё взял его? Надо всё же кормить.

Иван-кузнецкий сын отвечает:

— Если будет четверым, то и пятому хватит.

Подает ей молоко.

— Ну, теперь я больна не буду.

Неизвестно, молоко она пила или нет. На второй день она стала здоровá так, как и ничего не было. Живёт он неделю, может две живёт. Змей придумал как его провёсти. Он рассказывает [Змей]:

— Я достану такого лекарства, что они поедят и все околеют. Таким образом они сделали. Наготовили эту пищу.

Приходит Иван-кузнецкий сын с охоты, сестра и говорит:

— Я наготовила пищи. Обедайте.

Вынимает горшки. Медведь подходит, отпихивает её от пищи и достаёт эту пищу и выбрасывает на улицу.

Сестра говорит:

— Что я готовила, то он выкидал.

Когда она сказала, то брат отвечал:

— Выкидал, никто не будет есть.

Видит Змей, что никак его не провёсти им. Они второй раз

приготовили эту самую «музыку». И второй раз медведь выкидал эту пищу. Змей и рассказывает ей:

— Теперь трудно с ним справиться потому, что он силен теперь. С одним бы я справился, а вот с прислугами не справлюсь. Я теперь, — говорит, — буду делаться зайчиком, а меня поймать не могут.

Он сделался зайчиком и постоянно сидит на окошке.

— Когда он будет идти с охоты, я выскочу в окошко и побегу, а ты бранись с братом, чтобы он разогнал своих прислуг, что мой зайчик боится их.

Она так и сделала, а брат сказал:

— Ну, чорт с ним, с зайчиком, а прислуг своих я не погоню.

Разá три-четыре он приходил, а этот зайчик всё улетал, как только он идёт. Брат рассердился, послал своих прислуг поймать зайца и разорвать. А Змей сказал сестре:

— Я их загоню далеко отсюда и загоню их за двенадцать железных дверей, а сам в окошко свистну и тогда я с ним распоряжусь, а им больше отсюда не вернуться.

Крикнул брат на свою прислугу:

— Догнать и разорвать этого зайца!

Они побегли за этим зайцем, он остался один с сестрой. Загнал Змей зверей за двенадцать дверей, прилетает сюда и говорит ему:

— Иван-кузнецкий сын, я тебе на том берегу моря рассказывал, — ты с моих когтей не выйдешь, а теперь твоих прислуг не видать больше, я их загнал далеко, за двенадцать железных дверей.

Иван-кузнецкий сын говорит ему:

— Ну, так что ж, нечистая сила, — отца зевал, мать зевал, меня будешь доедать. Только дай мне вытопить баню, чтоб помыться, и ешь ты моё мясо чисто (он надеялся на возврат зверей).

Змей сказал:

— Топи баню. Время у нас терпит. Мойся, ты никуда от меня не уйдёшь.

Он берёт, дрова, затопливает баню. Прилетает к нему чёрный ворон и говорит ему:

— Иван-кузнецкий сын, твои слуги двое дверей уже разбили. Топи баню поменьше. Клади сырые дрова, а я полечу туда и скажу, что ты ещё живой, топишь баню.

Ворон чёрный отправился туда. Иван-кузнецкий сын повеселее стал немножко.

Чёрный ворон прилетает, рассказывает им, что их хозяин живой топил баню. А звери уже сломали шесть дверей.

Обратно прилетает чёрный ворон. Иван-кузнецкий сын чуть баню уж не вытопил.

Ворон сказал ему:

— Теперь можешь мыться. Они там работают, когда помоешься то скажи: «Дайте перед смертью хоть богу помолиться».

Он помылся, приходит Змей с сестрой сюда в баню:

— Ну, что, — говорит, — шурин, помылся?

— Да, — говорит, — вымылся, нечистая сила. Теперь дай перед смертью помолиться богу.

Он сказал:

— Молись хоть сутки, с моих когтей не уйдёшь.

Он стал на коленки и молится богу. Сестре стало тошно, она и говорит:

— Бери его хоть с молитвы.

— Я его с молитвы не могу взять.

— Ну, так я с молитвы столкну.

Она приходит и начала толкать; толкала, толкала, да где взять богатыря. И не может его столкнуть.

Змей говорит:

— Пусть молится, куда не денется.

Вдруг прилетают прислуги и тихим образом медведя посылают на крышу — на трубу встать.

— А ты, волк, с собаками становись у окошка, а лев пойдёт к двери.

Лев открыл двери — Змею деться некуда. Он бросился в трубу улететь, а там Миша сидит. Когда он стал вылезать с трубы, то медведь его схватил в свои когти и закричал:

— Поддержайте меня, я держу!

Тут выскочил волк и лев. Поддержали его, то Ивану-кузнецкому сыну не пришлось и вдарить. Они разорвали его в куски.

Сестра увидела, что Змея разорвали, что и ей достанется и она стала просить:

— Прости, брат, мою вину, я не сама, а по его словам делала, то я боялась его.

Медведь подскочил, хотел разорвать сестру, брат сожалея и сказал:

— Останься.

Она осталась.

Они Змея взяли, на огне спалили и по ветру распустили. И стали они проживать обратным путём, как жили. Тут, может, проходит полгода, живут они хорошо с сестрой, а сестре всё тошно по Змею. То она стала пепел собирать и класть в кучку, и она обратным путём сделала Змея.

Тогда Змей и рассказывает:

— Плохо брата твоего провёсти, но я достану средства иначе. Я достану такой зуб ярый, положи его под подушку. Он нагреется с головы, ему в голову влезет и он кончится.

Вот Змей достал зуб ярый, Иван приходит, ложится спать. Воробчался Иван. Нагревалась подушка и нагревался зуб, и попал зуб ему в заднее тёмля — и он кончился.

Тогда Змей его берёт в окошко и выносит его вёрст за пять от этой избушки, выкопал яму и зарыл его в эту яму.

Назавтра прочинаются его прислуги.

— Что хозяйина долго нету?

Входит в избу медведь, а хозяйину и духу нету. Он стал нюхать в окошках (когда Змей выходил в окошко, то клал его на окошко).

— На чём не стать, а его надо разыскать — сказал медведь льву. — Он теперь не живой уже.

И рассыпались они теперь по всем местам искать хозяйина. «И кто найдёт — подавай голос, мы будем все сбегаться в то место». Разбегались все в разные стороны.

На могилу Ивана-сына кузнецкого нарвался медведь и видит, что он зарыт глубоко, и он закричал своим богатырским голосом. Он кричит и землю роет. Является к нему лев. Стали работать они двоём и двоём кричат. То явился волк и собака, и достали они своего хозяйина с земли.

Когда достали они его с земли, то начали рыдать и плакать, то явилась к ним волчица-богатырка.

— Что ж ты пошёл за Иваном-кузнецким сыном и не уберёг его (к сыну)?

Явилась медведица. Медведица тоже на сына ругалась:

— Как же ты пошёл с Иваном-сыном кузнецким и не уберёг его?

Явилась львица сюда, и львица стала на них кричать на всех, что не уберегли хозяйина.

— Теперь делать нечего. Взять обмыты и закопать его в могилу.

Когда его помыли и стали его хоронить, то стали плакать и реветь по нему. Услыхала лисица-богатырка этот голос и прибегла к ним и спрашивает у них:

— Чего это наделали вы большой шорох во всём лесе?

Львица отвечает лисице:

— Что вот не могли укараулить Ивана-кузнецкого сына и вот по нём рыдаем.

Лисица кругом оббегла его и говорит им:

— А его можно оживить.

— А как его оживить?

— А так, что придётся легчи в эту яму кому-нибудь из вас.

Медведь взялся за ёе:

— Если оживишь, то живую тебя отпустим и будешь ты у нас приятелка, а если не оживишь, значит тебя не отпустим.

Она рассказывает:

— Льву легчй — жалко, медведю — жалко, волк — жалко, собаку — жалко. А вот поймайте живого зайца, и он оживит.

Вот они махну́ли по лесу и поймали зайца.

Заяц плачет:

— Что вы с меня хотите?

Они зайцу отвечают:

— Ты нам сослужи одну службу, что скажет тебе лисица.

Заяц поскакал за ними вслед.

Когда они пришли на это место, Иван-кузнецкий сын лежал мёртвый.

Лисица-богатырка велит его покласть лицом на землю.

— А ты, заяц, лижи вот это место (у головы).

Заяц стал лизать его тело, где зуб был. Этот зуб разогрелся и скочил зайцу в рот. Тут Иван-кузнецкий сын живой стал, а заяц стал мёртвый.

Иван-кузнецкий сын говорит:

— Как я долго спал!

А лви́ха отвечает:

— Да, Иван-кузнецкий сын, скажи спасибо лисице-богатырке, а то бы ты век спал.

Вот они зайца закопали в землю на иваново место.

Змей слышал, что зверей целые сутки не было — опасался. И вот они с сестрой похаживают.

Иван-кузнецкий сын отправляется в избушку, слуги отправляются впереди Ивана — схватить Змея. И вот когда они пришли, то медведь обратным путём полез на крышу на трубу, волк пошёл к двери, а лев стал у окошка.

Змей видал, когда волк идёт, то он скочил в окошко, а лев его поймал.

— Стой, — говорит, — не уйдёшь.

Они обратным путём разорвали Змея, спалили, но по ветру не пустили. Выкопали яму в две сажени глубины и этот щепел закопали в яму.

Сестра обратным путём стала плакать перед братом.

— Прости мне эту вину.

А медведь рассказывает:

— Нет, мы не простим.

Всё-таки он сожалёл обратным путём сестру, то они сказали так:

— Мы вкопаем её живую в землю по груди на этом месте, где Змей, и поставим два котла рядом. Один котёл будет змеев, другой котёл Ивана-кузнецкого сына. Если она будет плакать в змеев котёл — пусть она тут и останется. Если в твой котёл станет плакать, то её выречим. А самим нам тут делать нечего, в лесу жить, надо пробираться к городу ближе.

Они оставили сестру Ивана-кузнецкого сына здесь, а сами отправились в ход.

Шли они мало, аль много, подходят они: стоит гора из земли, и эта гора вкруговую там будет метров на тридцать.

Медведь и рассказывает:

— Здесь в этой горе надо нам добычу взять. Ступайте. Становитесь и притайтесь. Здесь должна старуха проходить, несть корму жеребцу-богатырскому. Кто увидит, когда она будет давать жеребцу корму и пойдёт, то бежи в вкруговую и зывай своих в то место, где она была.

Медведь увидал. Побёг искать своего хозяина. Хозяина нашол и поставил его на то место, где дырка, куда вошла старуха. Потом побежал кругом собирать своих. Пришли. Там жеребец стоял на цепу богатырский. Когда дверь открылась, жеребец бросился на улицу. Медведь хозяину сообщил, чтобы хозяин крикнул:

— Стой передо мной! — и жеребец встанет.

Иван-кузнецкий сын крикнул так на жеребца, жеребец остановился. Медведь вскакивает в сцен, тягнёт богатырское седло. А лев тащит в зубах богатырский меч. Одеёт Ивану-кузнецкому сыну богатырскую одежду, меч богатырский. Оседлал коня, и уехали они в город.

У Ивана-кузнецкого сына денег была куча.

Приезжает он в город. В середине города встать ему неловко. На краю города стоит избушка, он в этой избушке остановился; заходит в неё и говорит:

— Здравствуй, бабушка! — Она на печи сидит. — Я пришол к тебе попроситься на квартиру, бабушка.

— А ты кто есть такой? — говорит.

— Да я, — говорит, — охотник, зверей убиваю, так вот с краю города мне к лесу ближе.

Она и говорит:

— Можно.

Он говорит:

— У меня есть пять прислуг, и мои прислуги смирные, — человека не обидят. А у бабушки сарайчик есть — поставить лошадь.

Бабушка ему сказала:

— Можно.

Когда он поставил лошадь, идёт в избѣ с своими прислугами, бабушка сидит на печке.

Увидала бабушка этих прислуг его и на печке чуть не обомлела. Он и говорит:

— Бабушка, не пугайся. Миша, возьми бабушку с печки, посади за стол.

Миша подходит, берёт бабушку тихохонько, и сѣдит за стол.

Открывает он свой мешок, открывает кушанья и приглашает бабушку:

— Кушай, бабушка. А что надо, они тебе всё сделают, что ни скажешь. А бояться их нельзя, не надо.

Бабушка тут покушала, посмелела немножко.

— Что же, бабушка, у тебя ничего такого нету?

— Нет, ничего нету.

— На, тебе, бабушка, сто рублей. Иди на базар, закупи там всего и найми извозчика, и привезёшь. И на тебе еще полсотни, купи живую скотинину: корову, али быка, а бѣйшики у меня свои.

Бабушка пошла, накупила хлеба, харчей разных. Купила корову за двадцать пять рублей. Приезжает, корову приводит и подаёт ему семьдесят рублей денег назад. Он и говорит:

— Это, бабушка, тебе за труды.

Бабушка тут израдовалась, что бог дал такого постояльца. Они корову эту убили. Кожу содрали целиком и начѣли проживать.

Иван-кузнецкий сын на охоту не ездил. Сидел в избе с прислугами и бабушкой.

Один раз в прекрасное время Иван-кузнецкий сын рассказывает:

— Ты в цѣркву не ходишь?

— Хожу, голубчик.

— Так вот, — говорит, — отправься в цѣркву, походи по базару, послушай, что в городе дѣется.

Бабушка отправилась.

Приходит бабушка оттудова и говорит:

— Вот что, голубчик, Змей шестиглавый требует государскую дочь на поеденье. Если государь не пошлѣт дочки своей на поеденье, то он сожжѣт всё царство.

— А в которое время, бабушка?

— Да вот завтра в двенадцать часов дня.

— Ну, что ж, бабушка, ничего не сделаешь. Придѣтся нам уехать с этого царства.

Они проночевали.

— Бабушка, — говорит, — я поеду на охоту.

— Отправляйся с богом, — бабушка ответила ему.

Иван-кузнецкий сын половина двенадцатого сѣдует своего доброго коня и поеджает со своими прислугами, где ему бабушка сказала, — где повезут царскую дочь.

Царскую дочь привезли. Там бесѣдка была устроена для сѣдания. Там ее приковали цѣпѣм к этой бесѣдке и попросились все, и отправился народ оттудова, как будто похоронили ее.

Народ видит, что Иван-кузнецкий сын идёт. То они уж вниз пѣли и сказали, что, мол, «сѣдет Змей».

Иван-кузнецкий сын приезжает в город к бесѣдке, — государская дочь плачет. Он спрашивает ее:

— Что, прекрасная царевна, ты плачешь?

— Как же мне не плакать? Что же ты меня потешаешь, нечистая сила? Приехали меня поѣсти...

— Нет, прекрасная царевна, я не приехал тебя поѣсти, я приехал тебя сбавить от проклятого Змея.

Подходит к ней, разрывает цѣпи и освобождает ее от цѣпей.

— Теперь сиди, пока придѣт Змей.

Он сидит и бесѣдует с ней.

Вдруг является шестиглавый Змей с моря и говорит:

— Вот так государь милостивый — я просил одну прислать, а он прислал восемь штук: коня, зверей пять штук и их. Будет выпить и закусить.

А он говорит:

— А может, нечистая сила, и выпивкой подавишься.

Змей и говорит:

— Мне таких противников и близко нету, чтобы могли со мною владѣть. А есть, — говорит, — где-то Иван-кузнецкий сын, — от быка имеет небольшую силу, но он мѣлко плавает со мной бороться, и его сюда вѣрон костей не принесѣт.

А Иван говорит:

— Вѣрон костей не приносит, а сам мѣлодец приходит.

— Так, — говорит, — ты Иван-кузнецкий сын?

— Да, — говорит, — я Иван-кузнецкий сын.

— Ну, так что же, — говорит Змей, — будем биться, аль мириться?

— Нет, — говорит, — нечистая сила, ты пришол поедать, а я пришол спасать. Так миру никакого у нас нет.

Змей, видя его такую свиту, хотел улизнуть в море назад, но его уже окружили. Медведь берѣтся за его, волк за его, лев за его, а Иван только пашкой головы снимает с плеч.

Когда он снял с его шесть голов, то он велел поднять большой

камень и эти головы под камень подклял, а языки вырезал и поклял на камне. Тогда государская дочь даёт ему заручённое кольцо золотое, и снимает свой шолковый плат и рвёт на шесть частей, и вешает каждому на шею ленту в заслугу. И зовёт его на пару стаканов чаю. А он ей говорит:

— Спасибо за твой чай, мне надо спешить в другое место, ещё одну душу спасти, а ты отправляйся домой.

Тогда он сел на своего доброго коня (лошадь) и мигом уехал к старухе. Старуха спрашивает его:

— Ну, что, поохотился?

— Да, бабушка, поохотился.

А государь выбрал смелого человека, чтобы смотрел, как будет Змей поедать дочку. Нашолся такой смелый — цыган. Он увидал, что Иван уехал, подходит к царевны и рассказывает ей:

— Скажи, что я тебя освободил, что я Змея убил.

И она говорит:

— Как я скажу, когда меня такой-то освободил.

— А если ты не скажешь, то я тебя убью и в море брошу скажу, что Змей съел.

Она видит, что такая беда. От одного сбыла, другой наваливается.

Он ей говорит:

— Поклянися, что ты именно скажешь.

Она села на коленках и поклялась, что скажет, что он Змея убил.

Цыган ее подмышку и повёл домой. Приходит и заявляет отцу:

— Этот меня спас, сбавил, убил Змея. Теперь мне за его замуж выйти.

Проходят сутки, проходят другие. Там на третьи сутки Змей пишет девятиглавый, чтоб прислал государь среднюю дочку на поедание.

Вывешены были жалобные флаги, во всех церквях были звоны. Звонили, отпевали государскую дочь на тот свет.

Ивану бабушка всё ходит по базару, разнюхивает. Пришла бабушка и рассказывает:

— Одного Змея убил цыган, освободил, а теперь от девятиглавого освободит государскую дочь, али нет?

— Если, — говорит Иван, — убил он шестиглавого, то убьёт и девятиглавого. А во сколько часов поведут ее?

— Да, тоже, — говорит, — в двенадцать.

— Ну, вот, бабушка, я отправлюсь на охоту.

Опять отправился на то же место, в тую бесёдку, где была старшая дочь закована. Цыган этой публике говорит:

— Я буду на дубу. Когда Змей будет идти, то я слезу с дуба и схвачусь с им.

Ну, вот, когда публика шла, Иван-кузнецкий сын ехал. Публика испугалась (думали, что Змей) и вся упала. Он приезжает к средней царевны. Царевна говорит:

— Чего ты, молодой человек, приехал сюда?

— Да вот, — говорит, — избавить тебя.

— Сестру мою сбавил цыган. А теперь я вижу, что это не цыган сбавил, а сбавил ты.

И она берёт шолковый платок и хотела его рвать.

— Нет, — говорит, — не рви. Когда заслужу, тогда порвёшь и повесишь.

Девятиглавый Змей приходит с моря и крикнул:

— Как государь милостивый, я требовал одну душу, а он прислал мне восемь. Будет выпить и закусить.

Иван сказал:

— Может, нечистая сила, выпивкой одной подавишься, а закуски может и не придётся кушать.

Тогда Змей узнал, что это Иван-кузнецкий сын.

— Ну, что же, Иван-кузнецкий сын, будем биться, аль мириться?

— Нет, — говорит, — будем биться, кому царевна достанется.

Змей захотел уже за море махнуть.

— Ты, — говорит, — брата моего убил, а со мной, — говорит, — поскачешь. (Страх задаёт Ивану-кузнецу сыну.)

А слуги уже обошли, стали к морю поближе вокруг его. Иван и крикнул:

— Берите его!

Его тут и схватили: кто скребёт, кто что, а Иван головы только снимает.

Когда он его убил, подымает потяжёле камень; под камень кладёт головы, а языки на камень. Средняя дочь даёт ему заручённое кольцо, и рвёт платок и вёсит каждому ленту, и зовёт его на пару стаканов чаю к отцу. И он отвечает ей, как и старшой ответил:

— Мне некогда, — он сказал. — Я завернусь к дубу, а ты ступай домой, и пусть тебя цыган ведёт домой, и ты скажи, что он освободил тебя.

Он подъезжает к дубу и кричит:

— Ну-ка, вояка, слезай-ка с дуба!

А он отвечает:

— Что хочешь, а с дуба не полезу.

— Не полезешь, тогда скатишься, что горбоховина с дуба.

Иван сказал:

— Миша, ну-ка, тряхни дуб, чтоб он скатился, да и подержите, чтобы не убили.

Миша дуба тряхнул, цыган с дуба покати́лся; Миша до земли не допустил, в лапы себе захватил. А Иван, сѣдючи на лошади, подъезжает к нему и ударил плёткой по спине, но так, что у его рубец схватился и сказал ему:

— Что ж ты, воляка, воюешь, а никакого знака нету. Так вот тебе знак, пусть доктора лечат, и бери государственную дочь и сказывай, что ты освободил ее.

Цыган так и сделал. Царская дочь поклялась цыгану сказать, что цыган сказал. Он ее подмышку, и приводит домой и сказал, что «я больной, Змей ударил». Тут ему стали делать перевязки.

Проходит три дня, государственная дочь пошоптывает себе, а меньшая дочь не знает.

Через три дня Змей двенадцатиглавый пишет, чтоб государь прислал дочку меньшую на поеданье, а то если не пришлёт, то всё царство огнём сожжёт.

В такое-то время обратным путём отправляют двенадцатиглавого Змею на поеданье меньшую царскую дочку.

Бабушка Ивану сказала:

— Цыган освободил и вторую дочь, а как он победит двенадцатиглавого?

— Освободил ту́ю и освободит, — говорит, — эту.

Обратным путём садится он на свою лошадь и отправляется к морю. Государственная дочь была уже прикована. Он приезжает и говорит:

— Здравствуй, здравствуй, прекрасная царевна!

— Здравствуй, молодой человек. Я вижу, что это не цыган освободил моих сестёр, а это, — говорит, — вы.

Он разрывает цепи и разговаривает с ней.

Вдруг вылазит Змей двенадцатиглавый.

— Ну, что ж, Иван-кузнецкий сын, убил моих братьёв, но меня не убьёшь.

А Иван отвечает:

— Как придётся.

— Ну, что ж, будем биться аль мириться?

— Верно, будем биться. Видишь, круговая тебе поставлена стража, чтоб ты не мог назад в море скóчить. Давай, — говорит, — биться. — А на слуг крикнул: — Бери его!

Вот его и взяли: кто рвёт, кто скребёт, а Иван-кузнецкий сын только головы снимает. Вот и этого убил. Головы под камень,

а языки на камень положил. Царевна даёт ему заручённое кольцо и рвёт платок, вешает на их ленты.

Иван сказал:

— Пусть цыган ведёт тебя домой.

— Цыган с дуба слез и дожидает у дуба (*всё равно оттудова стащат*). Иван подъезжает, сказал ему:

— Ты, цыган, можешь жениться на старшей дочке (*был милостивый такой*).

Таким способом цыган и эту езял, а царевна поклялась сказать отцу, что освободил ее цыган. Прошло дня три али четыре, от Ивана ничего не слышно. Цыган уже захотел жениться и взять меньшую дочку замуж. Государь стал к свадьбе готовиться, объявлять, что будет свадьба. То в газетах было пропущено, что такой-то будет жениться и такого-то числа будет свадьба.

Сидит Иван-кузнецкий сын и говорит:

— Эх ты, волк, сходил бы государевой стряпней принёс, а ты бы, лев и медведь, пошли бы к государю на свадьбу.

Они отправились все трое. Отправились они к государю прямо во дворец и прямо на кухню, где готовят, и повара и лакеи все убежали. Медведь берёт всю эту стряпню, кладёт в салфетку, вяжет, и волк отправился со стряпней к Ивану. Все заботились, но государственные дочери (три) не боялись и пособляли увязывать всё им, и говорят отцу:

— Это наши избавители.

И льву навязали — и лев пошёл, и медведю навязали — и медведь пошёл.

Государь поставил стражу: «Куда они могут выйти? И куда понести? Где их хозяин?»

Когда стража была расставлена, Иван посылает прислугу обратным путём к государю, снова за стряпней к слугам; обратно навязали стряпни. А они сказали:

— На концы города, в избушке, находится царевнин избавитель.

Государь взял послал министра с каретой, чтобы взять. Министер приезжает. Когда карета подошла, Иван и говорит:

— Миша, поди министра возьми и веди в избу.

Миша приходит, открывает карету, берёт министра и ведёт в избу. Кузнецкий сын достаёт закуску, бутылку коньяку и говорит:

— Вот это свадебная закуска и выпивка.

Министер обомлел.

Потом министр говорит:

— Государь просит, чтобы вы приехали к нему во дворец.

А он отвечает:

Что «Небольшой господин и государь ваш, пусть придет, запрягёт шесть лошадей, а на одной я не поеду!»

Министр поехал и долбжил государю. Государь велел шестерых лошадей запрести, и с кучером, и приезжает сам сюда, к этой старой избушке. Иван-кузнецкий сын велит Мише итти и везти государя в избу. Миша идёт и государя ведёт.

Иван-кузнецкий сын предложил государю сесть за стол. Государь сел (ну, да куда денешься?!). Наливает государю стопку коньяку и себе.

— Ну, давай выпьем свадебного.

Государь хоть морщился, а выпить надо. Он наливает другую (для смелости). Государь говорит:

— Довольно!

— Да выпейте, смелей будет ехать.

Государь выпил, и он выпил. Иван спрашивает:

— А что, у вас лошади хорошие?

— Да ничего! — говорит — Неужто нас двоих не свезут?

— Да мы не вдвоём поедом.

Вот они вышли к лошадям, он велит:

— Ты, волк, показывай дорогу — вперёд бежи; а ты, лев, забирайся на карету, чтоб карета не шаталась; а ты Миша, садись за кучера; а ты, собака, садись на мою лошадь, а другая полезай с нами в карету.

Посадил он государя. Миша на кучерское место садится. Миша берёт кучера и сажает его в карету вместе с государём.

— Ну, а ты, бабушка, прощай, я тебя не забуду.

Они и отправились. Миша как сел, взял вожжи, да свистнул — кони и понеслись. Карета ходуном не ходила: лев сидел на карете и карету поддерживал.

Когда они подъезжают к дворцу, государь говорит:

— Не сдержат твоему кучеру лошадей, мимо проедем.

Иван-кузнецкий сын отвечает:

— Не проедем мимо, как раз у крыльца станем.

Когда подъезжали к крыльцу, медведь вожжи натянул, лошади упали, карета на их наехала. Миша слезит с козлов, открывает карету и саживает своего хозяина, а также и государя. А карета и лошади остались здесь. И лев слез с кареты (сверху) и собака с лошади слезла. Лошадей убрали на конюшню. И они отправились в избу (в комнаты). Тут видят: цыган сидит (как же — зять государский).

Иван рассказывает цыгану:

— Что я сказал тебе — женись на старшей дочке, а ты захотел

мою невесту взять младшую? Я тебе делать ничего не буду, только дам я тебе задачу большую: добежишь всё бегом до квартиры, где я был?

— Пробегу, батенька.

Когда побег цыган, Иван-кузнецкий сын направляет медведя вслед и наказал:

— Если где остановится, то кидай ты его через третий этаж дома, чтобы его и кости измялись.

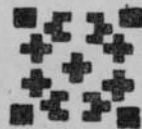
Цыган бег, бег, устал и пошёл шагом. Подскакивает медведь и бросает его через третий этаж дома. Цыган убили, медведь вернулся назад. Сказал хозяину:

— Конец.

Иван-кузнецкий сын женился на младшей дочке и стал царствовать.

Прожил он месяц, захотелось ему поехать к своей сестре. Когда приехал к сестре, сестра была ещё живая и натопила полный котёл змеев. Так он её там и оставил...

Там я был, мёд-вино на свадьбе пил. В роте не было, по бороде не текло, и дали мне блин, который трое суток в кадушке гнил. Ну, я там видал, что бабы пекут свежие блины. Мне захотелось свежего блина взять. Бабы меня кочерёжкой гнать. Мне деваться некуда было бегти. Ворота были в заперти... Тут и сказки конец.

8. ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ.

Был царь. И было у его три сына, у Лазаря этого. И вот уже Еруслану Лазаревичу стало двадцать лет. Он и говорит своим сынам:
— Вам, сыны, время жениться. Но своих подданных брать нельзя, то вы берите себе по луку (раньше из луков стреляли) и выйдите на поле и выстрелите. Куда которая стрела пойдёт, то там будут ваши невесты.

Они так и сделали. Старший сын берёт лук и средний сын берёт лук, и Еруслан Лазаревич, меньший, берёт лук, и пошли они на поле и стали они стрелять.

Старший сын пустил с лука стрелу свою — ударилася вправо стрела, средний сын пустил свою стрелу — таё подалась в левую сторону. Еруслан Лазаревич пустил свою стрелу — она зазвенела прямо. И они являются к своему отцу и рассказывают своему отцу, что старшего сына стрела полетела в правую сторону, средний пустил свою стрелу — она подалась в левую сторону, Еруслан Лазаревич пустил свою стрелу — у его стрела полетела прямо.

Отец и рассказывает:

— Вот ты, старший, поезжай в такое-то царство и ищи свою стрелу, где твоя стрела будет, там твоя невеста. Ты, средний, поезжай в такое-то царство, а ты, Еруслан Лазаревич, ступай прямо и ищи свою стрелу.

Ну, вот старший нашёл и женился и приехал к отцу с женой, средний сын тоже нашёл свою стрелу, оженился и приехал также с женой к отцу. Еруслан Лазаревич — холостой. Он своей стрелы не ходил искать. Ему отец и рассказывает:

— Ты что ж не идёшь своей стрелы искать? Уже братцы наши, поженились и живут, а тебя невеста давно ожидает.

Еруслан Лазаревич прощается со своим семейством, берёт себе харчей, денег и пошёл по этому следу, куда полетела его стрела.

Идёт он день, идёт другой и даже целый месяц идёт, а стрелы никак не найдёт.

Подходит он к большому лесу. Видит, что листья посыпавши:

— Да, это прошла моя стрела.

Он по этому лесу идёт и думает:

— Теперь я скоро найду свою стрелу.

Проходит он лес, стоит болото большое. Он по этому болоту прошёл прямым путём, — куда стрела полетела. Он идёт, а болото вроде как проваливается под им. Назад вернуться ему? — уже неохота, далеко прошёл.

— А пойду я дальше.

Когда он подумал, что пойду дальше — перед ним оказалась избушка. Он и говорит:

— Ну, теперь кое-как проберусь, если буду тонуть, там хоть боком прикачусь, а до избушки доберусь.

Тут вроде у его стало крепче под ногами. Он пошёл пошибче к этой избушке; а избушка стоит на болоте.

— Ну, всё-таки зайду в эту избушку. Хотя обночусь здесь.

Он подошёл к дверям и начал стучать. Оттуда выходит старуха лет восемьдесят. Открывает ему двери, и стрела его в руках у этой старухи.

— Ну, вот, Еруслан Лазаревич, я целый год дождала тебя: скоро ль ты придёшь. Всё-таки дождалась (ему на пороге рапортует).

— Ну, так ладно, бабушка, я зайду.

— Зайди, зайди.

— Ты мне небось и невесту покажешь?

— Да, покажу, Еруслан Лазаревич. Видишь, она сама налицо.

— Да что, бабушка, мне двадцать один год, а вам уже лет восемьдесят.

— Ну, это ничего, раз стрела попала ко мне, значит, ты жених мой.

Еруслан Лазаревич и задумался.

— Так ты не беспокойся, Еруслан Лазаревич, раздевайся, закусывай, отдыхай с дороги.

Он подумал:

— Делать нечего, придётся раздеваться.

Он разделся, и она стала его угощать. Он попил, поел.

— Ну, ложись отдыхать.

Он отдыхнул. На утро, обратным путём выставши, она его накормила, напоила и спрашивает:

— Ну, когда же будем свадьбу делать?

Он сказал:

— Надо пожить, посмотреть, а потом свадьбу будем делать.

— Ну, живи хоть год, я сумею прокормить.

А он думает сам себе:

— Останешься ты с моей стрелой здесь, а я и удеру. Будто я такого урода повезу в своё царство.

Он три дня прожил. На четвёртый день он задумал бежать. Вот и побежал по этому болоту, то ноги его дальше глыбее и глыбее лезут.

— Сюда-то я пришол, а отсюдова как итти? Приходится воротиться назад.

Назад вернулся — потуже стала земля.

— Ну, что, — она спрашивает, — что ж не шол, Еруслан Лазаревич, дальше? Ты никуда не денешься. Не выйдешь отсюдова, хоть пять лет живи. Тогда ты можешь выйти от меня, когда ты скажешь, что «я замуж тебя возьму».

Да. Еруслан Лазаревич думал, думал:

— Ну, что ж, видно судьба велит, раз стрела попала к тебе в руки.

Вот он сказал:

— Да взять-то возьму. Как же мы будем жить?

— А жить мы будем хорошо, — это она. — Да, значит, возьмёшь?

— Возьму.

— Ну, давай руку.

— Ну, на, делать нечего.

Когда руку ей дал, она снимает с руки кольцо и кладёт на стол, то сделалась красавица, что он никогда такой красавицы не видал. Он и растаял вокруг ее уже. Она ему и рассказывает:

— Если б я не делалась старухой, то у меня есть дядюшка Корчун, так тот за мной улегает, и он большой волшебник. И вы знаете, что его смерть можно найти только в некотором царстве, на море на окияне, на острове Буяне, там стоит дуб на двенадцать кокотов. И на каждом кокоту по двенадцать чертов — карают дуб, то никто не может к этому дубу подойти. То этот дуб надо свалить и выкопать из-под того дуба сундук, в сундуку — утка, а в утке — заяц, а в зайце — яйцо, и кто достанет это яйцо и ударит этим яйцом Корчуна, то он тогда кончится. Нам это не надо искать, — она сказала. — А как я за тебя замуж выйду, то он тогда ко мне приставать

не будет. Ну, только я буду ночью красавица, а днём я буду старуха. Придётся днём повидать старуху годов пять.

Еруслан Лазаревич и говорит:

— Ну, так где же будем свадьбу делать?

— Где свадьбу делать? Да у вашего отца.

— Так вот я шол месяц сюда — пока попал к тебе, а нам придётся тоже месяц итти. Ну, хотя мы с этого места, с болота выйдем, то мы поедем на поезде, или найдём лошадей, что у меня деньги есть.

А она отвечает:

— Ты знаешь, мы так скоро приедем в ваше царство, как твоя стрела прилетела.

Она и говорит:

— Открывай окошко.

Он открыл. Она в окошко:

— Ветры мои милые, ветры мои буйные, подуйте в мою сторону и пришлите карету мою.

Закрывает окошко, — и карета подкатилась. Он и говорит:

— Так надо и обстановку взять, что в избушке есть.

— А мы заедем туда, а потом за обстановкой пошлём, и она у нас там и будет.

Она одёт кольцо на руку и становится такой старухой, как и стретила его.

Ну, он знает, что она молодая красавица такая, а думает: «Всё-таки привезу, — будут смеяться дома. Ну, и пусть!»

Они сели в карету и поехали, а стрела она не даёт ему. Стрела у ее.

Приезжают они мигом в свой город к отцу Еруслана Лазаревича. Они до городу доехали. Она рассказывает:

— Мы отправим карету назад, а сами пойдём пешком.

Так они и сделали. Когда слезли они с кареты, она и рассказывает:

— Через несколько дней представьте обстановку мне!

А этот отвечает:

— С избушкой?

— Нет. Избушка, — говорит, — пушай там будет.

Приходят они к отцу. Еруслан Лазаревич и рассказывает:

— Вот, отец, и я нашол свою невесту.

— Да какая она тебе невеста?!

— Так раз стрела у ее была, так и невеста моя.

— Может быть у ее дочка есть?

— Нет, отец, это жена моя будет. Через три дня будем свадьбу делать.

— Ну, ладно. Так мы знаешь что, сын, сделаем? Пусть бабушка будет у тебя нянькой. А мы тебе невесту найдём.

Она вынимает стрелу и говорит:

— А это чья стрела? Не сына вашего?

— Сына, — он сказал.

— Ну, так вот, я и жена его. Я уже больше года стрелу караулила.

— Ну так что ж, ты будешь жениться? — отец спрашивает сына.

— Да, буду.

— Что, на ей?

— На ей, отец.

— Так тогда что — готовиться к свадьбе?

— Да, наверно, отец, судьба моя такая.

Они сделали свадьбу. Государь дал ему дом, и он проживает в другом доме, там может на концы города, а эти сыновья, два, поближе к отцу. Вот они и живут. Отец и надумался невесток узнать, которая получше невестка из троих будет.

Он созывает сыновей всех трёх без женок. Сыны пришли к отцу и говорят:

— Что ты, отец, нас зовёшь?

— А вот, берите шолк, и чтоб ваши жонки сделали мне по ковру. И когда сделают, принесите мне показать.

Ну, теи надеются, что «наши жонки сделают». А Еруслан Лазаревич задумался: «Как моя жена в болоте жила, где ж она может сделать ковёр?»

Взяли они все по такому куску шолку и старший сын, и средний, и Еруслан Лазаревич, и пошли домой.

Когда приходят все по домам, дают своим жонам, теи стали смеяться:

— Разве может старуха ковёр сделать?

Еруслан Лазаревич приходит к своей жене и задумался.

— Ты что, милый мой, задумался так?

— Так вот, отец дал, чтобы ковёр сделала.

— Ну, так что же, — говорит, — сделаем.

Она берёт этот шолк, кладёт на стол и режет его на куски. Еруслан Лазаревич смотрит. Она на такие лепестки порезала его, что и в кучу не собрать. Она берёт эти куски, открывает окошко и бросает за окошко эти куски и говорит:

— Ветры мои буйные, ветры мои милые! Берите эти куски и несите в мою сторону и сделайте ковёр свёкру моему, чтоб завтра был готов! — и ложится спать.

Утром прочинаются, попили чайку. Она пошла в другую комнату и выносит ковёр ему:

— На-ка, носи свёкру моему подарок от старухи.

Еруслан Лазаревич берёт этот ковёр, обвёртывает в бумажку — подмышку и пошёл (старуха осталась дома), и подаёт отцу.

— На, вот, отец, сделала старуха моя тебе подарок.

Тот посмотрел на этот подарок.

— Да, подарок хорош. А что-то тех не слышать?

Вот и теи являются. Приносят к отцу ковры. Он посмотрел на те ковры.

— Ваши, — говорит, — ковры подайте на конюшню, пусть они попоёнкой будут лошадей укрывать, а этот ковёр можно и гостям показать. То, значит, молодец старуха.

Сыны подали ковры на конюшню. Вот проходит день, он опять созывает своих сыновей. Они приходят:

— Берите вы по пуду хорошей муки, и чтоб ваши жоны испекли мне по хлебу.

Они взяли муку и пошли домой. Так и Еруслан Лазаревич тоже.

— Эти испекут, а моя где ж испекёт хлебы?

Когда они принесли, братья, своим жонам муку и велят, чтобы по хлебу испекли. У их была девка-чернавка, служанка, то они посылают:

— Бежи скорей туда, где живёт старуха, и посмотри с окошка, как она будет растворять муку.

Эта девка прибегла и вот под окошком стала. Еруслан Лазаревич приходит, приносит муку и говорит:

— Отец велел, чтоб ты спекла хлеб ему.

— Ну, так что? Испекём.

Она берёт сейчас муку. Достает корыто, наливает холодной воды и разболтала.

— И вот будет завтра хлеб испекён.

А девка-чернавка всё слухает.

И открывает окошко, подтягивает корыто и бросает корыто за окошко и говорит:

— Ветры мои милые, ветры мои буйные! Несите это тесто в мою сторону, пеките свёкру хлеб моему!

Девка-чернавка прибегла да и рассказывает:

— А она знает что сделала?

— А что?

— Взяла корыто, налила воды, размешала и открыла окошко и выбросила за окошко, но когда бросала она, только сказала: «Ветры мои буйные, ветры мои милые! Несите это тесто в мою сторону, спеките свёкру хлеб моему!»

Когда сказала, они засмеялись.

— А давай-ка, мы попробуем.

— Давай же, мы так и сделаем, как и она сделала.

Они взяли корыто, размешали и бросили за окошко и кричат:

— Ветры мои буйные, ветры мои милые! Берите это тесто и несите в наше царство, и спеките хлеб нашему свёкру.

Вот на утро встают, тесто за окошком и лежит. Они схватили мукú, побегли в пекарню, побольше дрожжей взяли, растворили, и к вечеру спékли.

Еруслан Лазаревич прочинáется. Она и говорит:

— Бери хлеб, неси к отцу, к чаю.

Еруслан Лазаревич взял хлеб и пошёл к отцу.

— На-ка, отец, хлеб тебе, — старуха моя спекла.

Отец посмотрел на хлеб.

— Да, хлеб, так хлеб! *(Покравился отцу.)*

Он покушал. Уж очень вкусно показалось ему.

— Я никогда не кушал такого хлеба вкусного.

Он поблагодарил своей невестке за хороший хлеб. А этих и нету, братéй.

Вот вечером приносят эти хлеб. И он посмотрел на хлеб.

— Этот хлеб, пожалуй, не людям ёсти, а только свиней кормить.

Эти приходят к своим жонкам и рассказывают им:

— Отец сказал: не людям этот хлеб есть, а только свиней кормить. Он дал нам старухино хлеба покушать. Ну, действительно, хлеб так хлеб. Этого хлеба не стыдно даже и гостям подать. Вот тебе и старуха!

Они на ее стали сёрдиться и стали Еруслану Лазаревичу в глаза смеяться, что:

— Тебе за отбóрки подкинул чорт обóрки!

Еруслан Лазаревич отвечает им:

— Это дело не ваше!

И он мало разговаривал с ними. Через несколько время отец съезжает своих сыновей опять. Они приходят. Он и говорит:

— Берите шолку, и чтоб ваши жоны вышили мне по рубахе и разными цветами убрали.

Они берут шолк, идут домой. Ну, Еруслан Лазаревич не тужил. Знает, как ковёр хорошо сделали, хлеб спекла хорошо, так и рубашку сделает.

Когда братья пришли к своим жонам и рассказывают им:

— Чтоб за ночь к утру сделали рубашки и вышили цветами разными.

Они и говорят:

— Бежи-ка, девка-чернавка, опять под окошко стань. Что она будет делать с этим шолком.

Девка-чернавка прибегает и стала под окошком и слухает.

Является Еруслан Лазаревич и говорит Светлане своей *(ее Светланой звали)*:

— Вот, Светланушка, отец дал шолк, чтобы ты ошила рубашку и вышила разными цветами.

Она рассказывает:

— Можно.

Берёт этот шолк, кладёт на стол; берёт нóжны и режет на куски, и кидает за окошко.

— Ветры мои милые, ветры мои буйные, берите этот шолк и несите в мою сторону, сошейте свёкру рубашку моему; и убрать ее разными цветами, и чтоб краше она была всех рубах.

Сама окошко закрыла.

Девка-чернавка прибегает и рассказывает:

— На кусочки перерезала, за окно выбросила и сказала: «Ветры мои милые, ветры мои буйные! Летите в мою сторону, шейте рубашку свёкру моему».

Они порезали шолк и выбросили за окно и сказали:

— Ветры мои милые, ветры мои буйные! Летите в мою сторону, шейте рубашку свёкру нашему!

На утро прочинáются, — эти кусочки лежат за окошком. Они побегли по магази́нам — нигде таких нет рубах шолковых. Они шолку набрали и скорей портным! Начáли шить, начáли вышивать разными цветами, так что день прошол. А Еруслан Лазаревич утром встаёт. Она и говорит:

— Ну, попей чайку, да снеси свёкру моему подарок. Скажи: «Вот, отец, старуха сшила».

Он попил чайку и отцу подарок отвёс. Отец посмотрел и сказал:

— Спасибо твоей Светланушке. Эту рубаху только одевать тогда, когда будут хорошие гости.

Еруслан Лазаревич пошел домой и говорит ей:

— Отец поблагодарил за твою рубаху и сказал: «Эту рубаху только одевать тогда, когда будут хорошие гости».

Ну, а эти приносят вечером рубашки и подают рубашки отцу. Он посмотрел на эти рубашки и сказал сынам:

— Вы только шолк испортили. Эти рубашки, когда лошадей чистить, [тогда] только одевать. На́те-ка вы, посмотрите Светланушки рубашку!

Они посмотрели. Только плечами двинули и пошли домой до своих женок и говорят:

— Отец, — говорят, — ваши рубашки одобрил.

— Что, хороши? — говорят.

— Да, хороши. Только сказал, — эти рубашки одевать тогда, когда чистить коней. А старухину одевать, как будут хорошие гости. Да, верно, мы сами видели — рубашка, так рубашка!

Ну, они не ответили ничего больше. Они проживают себе неделю. Отец не требует их. Вдруг отец созывает сыновей:

— Вот в такой-то день у нас будут гости большие, то и вы приходите с своими жонами все.

Ну, этим не стыдно приходиться с своими жонами, а Еруслану Лазаревичу и неловко со старухой притти. Ну, всё-таки сказал:

— Ладно, отец, придем.

Ну, вот гости собрались. Приехали братья со своими жонами в гости, на пир. Старуха рассказывает:

— Ты иди на пир, а я после приеду. Отец спросит, почему я не пришла, то ты скажи, что еще не управилась, — скоро придет.

Гости уже сели за стол, а старухи всё нет. Государь видит в окошко, что кто-то подъезжает к дворцу. Надо его стретить, думает, что гость хороший едет. Еруслан Лазаревич говорит отцу:

— Не беспокойся, отец, это моя старуха едет. Она пешком не любит ходить.

Свёкор выскочил. Принял ее. Подал руку и выводит из кареты, и ведёт ее в зал, где сидят гости. Она села за стол рядом своего мужа.

Наливает ей рюмку вина. Она выпила, стала закусывать, косточки кладёт в правый рукав. Дают по другой рюмке. Она половина выпила, половина вылила в левый рукав.

Эти смотрели на ее и кости клали в рукав, и вино в рукав лили. Старуха и сказала:

— Гостёбища хорошее, да украшения нету здесь.

Отвечают гости:

— Какое надо еще лучшее украшение?

— Вот украшение такое, чтоб был бы здесь сад хороший на дворе, а сяду сада оказалось море, и чтоб по этому морю корабли шли.

— Так откуда его взять?

Гости не замечали, что она клала в рукава, а только замечали невестки. И они так делали, как она делала. Вдруг старуха махнула правой рукой — сделался сад с разными фруктами. Махнула левой рукой — оказалось море, пошли корабли. То эти невестки и говорят:

— Давай и мы сад сделаем.

Они махнули правой рукой — косточки выскочили из рукавов, — кому по головы, кому в бороду. Махнули левой рукой, — так только рукав мокрый. Свёкор и говорит им:

— Эх, вы, глухие! Вы разве можете напротив Светланы сделать? Вы смеётесь, что она старуха, а на вас смеются, что вы голову костями поразбивали, да бороды повыщипали.

Поехали гости и они домой. Еруслан Лазаревич в карету со старухой сел. Когда приехали они домой, она скинула кольцо своё и поклала на стол. Видит Еруслан Лазаревич, что она заснула. И он берёт это кольцо и несёт, и бросил в море. То она осталась красавица, как и была. Он ворочается оттудова, отворяет дверь, а она с комнаты выходит и говорит ему:

— Не мог ты четыре года прожить со старухой. Меня теперь дядюшка Корчун требует, и ты меня больше не увидишь. А хоть увидишь, а пользоваться не будешь, потому — Корчун бессмертный.

Он и остался один. На утро приходит к отцу и плачет, и рассказывает отцу всё. Отец говорит ему:

— Раз так случилось, то ты можешь жениться на другой.

— Нет, отец, хоть погибну, а достану.

Берёт он денег побольше, прощается с отцом, с матерью и отправился в ход. Идёт он день, идёт он другой. На третий день подходит — три великана рубят дом. Он говорит:

— Помогай бог!

— Спасибо, Еруслан Лазаревич!

Он видит, что один порубил ногу. Он вынимает свой носовой платок и завязывает ногу великану. Перевязал ногу, великан ему и рассказывает:

— Если будет что тебе круто, ты помни нас, — мы тебе поможем.

Вот он от их пошел. Идёт, — два слона дерутся сами с собой. Он подходит к этим слонам и говорит им:

— Чего вы дерётесь?

— Да вот нашли падаль и никак не разделим.

— Так давайте я разделю.

И он взял пополам разрубил.

— Теперь ёсте. Нечего вам драться.

Они и говорят:

— Если будет тебе что круто, то вспомни нас.

Вот он идёт и видит — дерутся две собаки. Он подходит к этим собакам.

— Вы что дерётесь?

— Да вот поймали зайца, так вот никак не разделим.

— Так давай я разделю.

Он и зайца разделил.

— Теперь вы ёсте.

Они рассказывают:

— Если будет тебе что круто, то вспомни про нас.

Он пошёл дальше. Идёт он дорогой, — два орла дерутся. И он подходит к им.

— За что вы, орлы, дерётесь?

— Да поймали ворона, не можем разделить.

— Так давайте я разделю.

Он разделил орлам и ворона.

— Ну вот, теперь ёсте, нечего вам драться.

Ему орел отвечает:

— Еруслан Лазаревич! Если будет тебе что круто, то вспомни нас.

Идёт он дорогой и встречает двух львов. И львы эти дерутся сами с собой. Он подходит к им.

— Чего дерётесь?

— Да вот, поймали корову и задавили, и не можем мы разделить.

— Так давайте я разделю.

И он разделил. Тогда львы спрашивают его:

— Куда ж ты идёшь, Еруслан Лазаревич?

— Да иду искать жены своей.

— Ууу!.. Далеко тебе ещё идти. И уже не одна головка лежит там убитая за прекрасную Светлану. Ну, всё-таки, если будет тебе круто, то вспомни нас.

От львов пошёл он опять. Немножко он пошёл — дерутся три чорта. Он спрашивает:

— Да что вы дерётесь?

— Молчи, Еруслан Лазаревич! Нашли мы три вещи, так не знаем, как их разделить. Каждому охота хорошую вещь взять.

— А какая ж вещь?

— Да вот, — говорят, — ковёр-самолёт, шапка-невидимка, драчун-дубинка.

— А которая вещь лучше?

— Да ковёр-самолёт, вторая — шапка-невидимка, а третья — драчун-дубинка.

— Давайте я вам разделю и драться вам нечего.

— Пожалуйста, раздели.

— Ну так вот. Бежите вы полверсты туда и оттуда: кто раньше прибежит, тот получит ковёр-самолёт, а второй кто прибежит — получит шапку-невидимку, ну, последний — драчун-дубинку.

Они побегли. Он одет шапку-невидимку:

— Ковёр-самолёт, тащи меня к моей жене!

Чорти прибегли на место, а Еруслана Лазаревича нету.

— Вот так разделил! Мужик, а хитрей чорта!

Когда ковёр-самолёт принёс его к замку, где его жена, подходит он к замку. Спрятал шапку-невидимку, ковёр-самолёт и драчун-дубинку и видит свою жену — сидит на балконе. И жена его видит. Выходит Корчун и спрашивает его:

— Ты что пришёл — в сваты? Сватать мою племянницу? Так вот тебе загадка: если ты сделаешь за ночь двухэтажный дом, то я отдам племянницу свою за тебя. А не то, вот видишь, здесь жениховы головы торчат на штыках, а вот штык твой.

Он вернулся назад и вышел и подумал: «Мне что-то великаны рассказывали?»

Только подумал, они и являются к нему и говорят:

— Мы тебе рассказывали: продумай про нас. То мы тебе устроим этот дом. А только на утро мы тебя заставим одну лестницу приделывать, потому — Корчун придёт проверять.

На утро Корчун проснулся и видит, что стоит на указанном месте такой дом, какой он рассказывал.

— Пойду же я проверю.

А он, когда пришёл Корчун, последнюю лестницу покладает. Корчун сказал:

— Ну, молодец! Сделал дом. Но это не всё тебе. Вот смотри, у меня есть озерко небольшое. Чтоб ты с этого озера за ночь воду выносил, чтоб я утром встал, прошёл и ног не замочил.

Он подумал о слонах и обо львах, — и они явились. Так их нашло столько — невидимо! И они набирают воду и носят, и заливают Корчуна. Корчун видит, что они его залить могут. Он схватывает Светлану и летит за море, в другой свой замок. В том замке стоял у его сторож на дверях, тоже бессмертный. Только он смерть мог получить от своих когтей, если будет рвать себя. Ему являются великаны и рассказывают:

— Еруслан Лазаревич, ты жену видал, свою красавицу?

— Видал.

— Ну так вот, она в таком-то замке. Тебе туда не добраться. И он бессмертен. Ты знаешь, где его смерть?

Он говорит:

— Я знаю, где смерть его.

— Что вам жена рассказывала? — великан спрашивает. — Ну, так вот, как ты доберёшься туда? Ну, добраться-то можно, только ты не достанешь его, потому что стража большая. Ну, всё-таки попробуй.

Вот великаны отошли от его. Он берёт шапку-невидимку, расстилает ковёр-самолёт, берёт драчун-дубинку:

— Ну-ка, ковёр-самолёт, неси-ка меня за море-окиян, на остров Буян, где стоит дуб на двенадцати коготёв, на каждом коготё двенадцать чертёв; где под дубом стоит сундук, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — Корчунá смерть...

Ковёр-самолёт и потащил его туда. Когда он подъехал к этому дубу, ковёр-самолёт остановился и говорит ему:

— Вот он.

Он надеёт шапку-невидимку, берёт драчун-дубинку и пустился.

— Ну-ка, драчун-дубинка, повоюй с чертями!

А черти видят и слышат, что есть какой-то дух человеческий, а его не видят, человека, потому что шапка-невидимка, а он только говорит:

— Дай, дай, драчун-дубинка!

А драчун-дубинка свистнет, свистнет... Черти стали катиться с дуба друг за другом. То они отскóчили от дуба. Еруслан Лазаревич начал откапывать сундук этот. Но сидел он не глубоко, сундук, так что он скоро его достал. Когда он разбил сундук, заяц выскочил и побёг. Он подумал на этих собак. Ниоткуда явились собаки, разорвали зайца. Заяца они разорвали, утка вылетела. Он подумал на орлов. Ниоткуда явились орлы. Разорвали утку и выпало яйцо. Он берёт это яйцо и садится на ковёр-самолёт. Одеёт шапку-невидимку, берёт в руку драчун-дубинку.

— Ну-ка, — ковёр-самолёт! Тащи меня в тот замок, где Корчун живёт!

Самолёт и потащил. Прилетает он к этим воротам, где у него стоит стража бессмертная, — только и могла она своими когтями сделать себе смерть.

Он подъезжает к этим воротам, слезает с ковра-самолёта. Стража кричит:

— Кто идёт?! (Стража чувствует человеческий дух, а человека не видит.)

А он:

— Ну-ка, — говорит, — драчун-дубинка, походи по страже по этой!

Драчун-дубинка и начала ходить. А он кричит:

— Дай, дай, дай!

Стража слышит, что человек обзывает, а поймать его не может. То со злости своей он стал своими когтями своё тело рвать. Когда он кончился, Еруслан Лазаревич открыл двери замка и прошёл и зашёл в сад. Там стояла бесёдка. Он в этой бесёдке остановился. Видит он, что Светлана прохаживает по саду. Он и крикнул:

— Иди сюда!

Она испугалась и приходит к нему и рассказывает ему:

— Напрасно сюда ты пришёл. Теперь он тебе загадки никакой не даст, а прямо тебя умертвит.

— А это как придётся! — он.

И она села рядом его и спрашивает:

— Как же ты пришёл сюда через такую стражу?

— Да я, — говорит, — его убил.

— Да ведь его убить нельзя?! Он смерть может только своими когтями сделать.

Вдруг и Корчун идёт в эту бесёдку и рассказывает:

— Кто есть за русский человек в саду?

— Не знаю, — говорит, — дядюшка. Ты думаешь всё — Еруслан Лазаревич придёт?

— Я ничего, — говорит, — не думаю.

— Ну, и перестань о нём думать уже.

Еруслан Лазаревич:

— А ну, драчун-дубинка, походи по Корчуну!

Драчун-дубинка и начала дуть Корчунá. А Еруслан Лазаревич кричит:

— Дай, дай, драчун-дубинка! Пусть знает, чужих жон не забирает!

Корчун начал пускать огненный дух, чтоб спалить. Он скидывает свою шапку-невидимку и держит яйцо в руке.

— Вот, Корчун, твоя смерть!

Корчун видит, что смерть его, и говорит:

— Еруслан Лазаревич! Бери Светлану свою, или в тот замок и живи в том замке, а только мне отдай яйцо!

— А ты мне что, — схождение дела?

— Нет. Да я всё-таки тебе делал схождение. Я всё-таки загадки давал тебе, так ты все исполнял. Так я и удрал отсюда, что думал, — с тобой ничего не поделать. То по видах ты волшебник больше меня! То я вижу, что смерть моя в твоих руках. Так вот, давай жить по-хорошему?

А Еруслан Лазаревич и говорит:

— Чего ж нам по-хорошему жить?

А Светлана растёт и растёт, видит, что Корчун скоро скорчится. Еруслан Лазаревич подходит ближе к Корчуну. Корчун валится ему в ноги:

— Прости, Еруслан Лазаревич, я больше тебе противником не буду!

— Я знаю, что не будешь. Ну-ка, драчун-дубинка, походи ещё по шен.

Драчун-дубинка и начала ходить опять. А он только:

— Дай, дай, дай!

Корчун уже устал и всё просит его, чтоб простила. Он подходит, ударяет его яйцом, и Корчун кончился.

Тогда Светлана говорит ему:

— Пойдём мы теперь смело!

Он и говорит:

— Нет. Теперь нужно развести костёр и спалить его, тогда можно жить смело.

Так и он сделал, — и спалил. И пошли в комнаты и стали проживать. Потом Еруслан Лазаревич говорит:

— Ну, давай-ка съездим к отцу моему. Повидим отца, мать, братьёв. И они будут знать, что я живой.

Она и говорит:

— В карете поедём?

— А нет, у меня лучшая вещь есть.

Он расстилает ковёр-самолёт, одёт шапку-невидимку, берёт драчун-дубинку, садит ее, сам садится, и полетели.

Прилетают в отцовское царство. Останавливаются за городом. И она требует карету, четвёрку лошадей, кучера и горничную и катит прямо к Лазарю во дворец. Подъезжают ко дворцу. Государь выскочил встречать такую хорошую карету. Открывается карета и выходят Еруслан Лазаревич и прекрасная Светлана. Еруслан Лазаревич и рассказывает:

— Вот, отец, моя жена. Теперь она уже не бабушка.

Отец их принял. И созвал и тех сыновей и с женами, и начали угощаться и проживать. Тогда он и рассказывает, Еруслан Лазаревич:

— Ну, я от вас уеду. У меня есть побольше, пожалуй, царство, чем ваше. Я только приехал показаться вам, что я живой.

Они погостили и отправились в этот замок, где убил Корчуна. И теперь он там царствует и мёд, вино пьёт, прохожим на дорогу денег даёт. Вот и мне случилось туда зайти, посмотреть его, и он меня напоил и спать уложил...

9. [КОНЕК-ГОРБУНОК].

некотором царстве, в некотором государстве жил мужичок. Было у его три сына: два умных, а третий дурачок. Вот этот мужик помирает и рассказывает своим сынам:

— Когда я помру, должен старшóй сын прийти ко мне на могилу, потом средний, потом младший.

Умер у их отец, похоронили они его. Приходит первая ночь — идти почевать старшóму сыну. То он и говорит:

— Ивашка-дурачок! Сходи за меня, перевочуй у отца на могиле. За это я куплю тебе красивые сапоги.

— Ну, ладно, — Ванька сказал.

Ванька и пошёл. Пришёл на могилу на отцовскую и лёг спать, и спит.

В двенадцать часов ночи затрещала могила, и он [отец] кричит:

— Старшóй сын!

Молчит Ванька-дурачок.

— Средний сын!

Молчит дурачок Ванька.

— Ванька, ты?!

— Я, отец!

— Ну, вот на тебе узду старшóго брата лошади. Как потребуется тебе лошадь, то ты ударь уздой, и явится тебе лошадь, — но только ему не рассказывай уже.

На утро Ванька является и кричит:

— Эй, глухие тетёры, отворите брату двери! Я всю ночь не спал и ничего не видал!

А сам на печку полез.
Вот и спит Ванька до полдня. Невестка и рассказывает:
— Ты что лежишь, абибёка? Будто ты на тяжелой работе был? Надо идти на работу.
— Так пусть купят красные сапоги!
— Так он еще в город не ездил.
Ванька встал, корку хлеба съел.
— Дайте-ка мне коробку.
— Куда ж ты пойдешь с коробкой?
— А пойду, хоть грибов наберу. Наварю, да поем.
— Далеко ж тебе идти за грибами.
— Да я скоро схожу. Я отдохнул теперь.
Он выходит за деревню. Стукнул уздой по коробку, является к нему лошадка. Он садится на эту лошадку и отправляется в лес.
— Ну вот, лошадка, надо грибов набрать.
То коробка мигом набрана грибов. Садится он на коня, приезжает на то место.
— Иди, конь, гуляй. Пока в сарай не попадай!
Конь — только и был!
Ванька приходит.
— Нате-ка, варите грибы!
— Как ты скоро набрал?
— А это дело мое, — а сам на печку полез.
Вот приходят братцы.
— Этот гулять-й всё на печке спит?
Среднего сына отвечает жена:
— Нет, он молодец. Он и вас грибами накормит. Он за грибами ходил... Грибы уже сварены, только ожидаем вас.
Сели они за стол. Она и рассказывает:
— Надо же его будить?
— Так буди!
— Ванька-дурачок!
А Ванька-то всё слушает, что они здесь рассуждают. Ванька слез с печи. Грибов поел. Тут уже ночь подходит. Среднему брату очередь приходит идти почевать на могилу к отцу. Вот, когда они поужинали, средний брат и рассказывает:
— Ну, что, Ванька? Иди-ка за меня, переночуй у отца.
— А сам не можешь?
— Я тебе куплю красную рубашку.
— Вот один купил сапоги, — так и ты рубашку купишь?!— Так нам еще некогда было в город ехать.
Ванька собирается. Одевается и отправляется к отцу на могилу.

Приходит, ложится на могиле. В двенадцать часов ночи тоже могила затрещала. Он [отец] и спрашивает:

— Старший сын!
Молчит Ванька.
— Средний сын!
Молчит Ванька.
— Ванька-дурачок?!— Я, отец!
— Ну, натебе и среднего брата узду, — только не рассказывай им.
— Не скажу, отец.
Вот на утро Ванька отправляется домой и кричит:
— Эй, глухие тетери, отворите Ваньке двери! Я ночь не спал, всю ночь дрожал, а ничего не видал!

Сам на печку отправился. Ну вот и отдыхает. Отдохнул и на работу пошел. Подходит его очередь идти на могилу. Он приходит, таким способом ложится, как раньше. В двенадцать часов ночи застонала могила и кричит:

— Старший сын!
Молчит!
— Средний сын!
Молчит.
— Ты, Ванька-дурачок?!— Я, отец!
— Ну, натебе узду твою. И вот тебе будет Конёк-горбунок. То эти будут кони красивые, братины да не очень счастливые. А твой Конёк-горбунок, пока волос прогорит, так он тысячу верст улетит. То ты этих коней поставь всех в конюшню.
Ванька забрал эти все узды. Стукнул одной — конь прибег. Он узду одел. Стукнул другой — и другой летит. Он тогда узду надел. Стукнул третьей — вот бежит Конёк-горбунок. Шерсть у его длинная, горб большой. Он и этому узду одет. На Коня-горбунка сел. Старшего брата коня взял, по правую сторону поставил, среднего — по левую, а на своём в середине, и махнул домой. Поставил этих лошадей, как ему отец рассказывал. Ну, и таких лошадей никто не видал — уж очень мастёвые. А этот Конёк-горбунок повесил голову и стоит. Но никто не видал, как он в конюшню их поставил и сам пошел в избу. И не кричит, как прежде, а полез на печку. Отдыхает.

Вот братья прочинаются. Ванька уже на печке.
— Вишь, как за нас — утром почти пришел! Еще кричал на нас... Наверно, он на могиле не был, а самого очередь подошла, так пришел, тихонько на печку залез.

Они встали и будят его:

— Вставай, надо на работу идти!

— Мне некогда.

— Почему тебе некогда?

— Мне надо травы покосить, да лошадей накормить!

— Где ж твои лошади?

— А сходите на конюшню, посмотрите.

Братья побегли в конюшню. Прибегли. Верно, — три лошади стоят с уздами.

— Где ж ты, Ванька, этих лошадей поймал?

— А вот ты не пошел ночевать! Вот с правого бока был твой конь, который средний конь — был твой конь *(на среднего брата)*. А мой, как я дурак, кошлатый горбунок.

— Так ты отдай нам, Ванька, по коню.

— Ого! Коня ж мой! Это ж мне дано, а не вам!

Так Ванька и доглядает этих лошадей. Ну, вот они надумались, братья: взять этих лошадей, уехать и продать. Так они и сделали.

Когда Ванька заснул, они сели на этих лошадей и поехали в город продавать. Ванька утром просыпается, бежит в конюшню. Только стоит один горбунок.

— Куда ж мои кони делись?

Горбунок отвечает ему:

— Ванька-дурачок! Твоих коней взяли братья твои и уехали в такой-то город продавать.

— Да что, мы их догоним?

— Э! Ты иди трое суток спи смело на печке! И то мы их догоним на подороге.

Ванька приходит в избу и с невестками стал спорить:

— Вишь, как похуже коня не взяли, а мне оставили такого горбунка!

Они говорят ему:

— Зато они купят тебе красные сапоги, красную рубашку, пряников сладких.

Ванька поворчал и на печку полез. Проходит три дня.

— Дай-ка поеду, может догоню их.

Они засмеялись и говорят ему:

— Далеко тебе догонять на своем горбунке.

— А попробуем.

Вот и сел Ванька на коня, выехал со двора. Догоняет их на подороге.

— Вы что ж моих коней украли?! Я и сам сумею продать!

Они стали его уговаривать:

— Да мы купим тебе красные сапоги, красную рубашку, пряников сладких купим. И часть денег дадим.

— Ну, так поедемте вместе!

Вот они едут. Начинается ночь. Лошади идут. Он видит в стороне — вроде какой огонь загорелся.

— Вы ж постоите здесь, я съезжу туда, может обночуемся, — говорит Ванька-дурачок братьям.

— Ну, поезжай.

Он подъезжает туда. А тут Жар-птица летела и потеряла перо. Он слезит с коня, берёт это перо, а Конь-горбунок отвечает ему:

— Не бери пера, то будет большая беда.

И он не послушал коня, взял перо. Сел на коня и поехал к братьям. Приезжает к братьям. Его спрашивают:

— Ну, что там?

— А там мышиный огонь был, — свалено дерево, и оно загнилось и светится. То я его перевернул, оно и стухло.

Ну, вот и поехали дальше.

Приехали они в город. Поставили они лошадей, всю тройку к барьеру привязали. А Ванька-дурачок пошел по базару, а эти стоят у лошадей. Тут как раз шёл государь. Увидал этих лошадей и подходит к ним.

— Кто хозяин этими лошадьми?

— Мы, господин. *(Государь в вольной одежде был.)*

— Сколько они стоят?

Они и ценё не знают спросить.

— У нас, — говорят, — есть Ванька-дурачок, он знает.

Вот Ванька-дурачок, ходит по базару. Средний брат его ищет.

— Ты чего шляешься по базару долго?! Там пришёл господин покупать лошадей.

— Которых?

— Да этих лучших.

— Так вы продайте, которых худших.

— Да на того никто не смотрит, — он отвечает ему.

— Так чего не продавали?

— Да мы не знаем, что за их просить.

— Да спросили побольше. А не даёт много — можно сбавить немного.

И пошёл Ванька с братом к барьеру, где лошади привязаны. Вот и подходит.

— Здравсте, барин! Что, лошадёнки нравятся тебе мои?

— Да, — говорит, — нравятся.

— Ну, так покупай, когда нравятся.

— Много ли ты спросишь?

— Да я немного прошу.

— А сколько?

— По десять тысяч за коня.

Господин говорит:

— Дороговато.

Ну, он:

— Дорого? Это, — говорит, — если дёшево, так оно гнило. А дорого, барин, так ты будешь ездить мило. *(Ответ ему даёт хороший.)*

— Так всё-таки нужно немного сбавить.

— Так вот, видите, вы, — говорит, — хуже барышника. Если подходяще просят, так вам много, пожалуй. Что я сказал бы пять тысяч, вы сказали бы, что много. А вы видите сами, что лошадки налицо все. Вот покупай этого, который горбунок, я его за триста продам.

— Да это мне даром не надо.

— Ну, так вот, я тысячу скину одну.

Господин говорит ему:

— При себе у меня денег нету. А придётся ехать тебе со мной до моей квартиры.

Ванька отвечает:

— Всё равно, барин. А ваша квартира далеко?

— Нет, не очень далеко, — до государственного дворца.

— Так вот, в таком доме живёшь, в государственном дворце, а денег жалко.

— Нет, я денег не жалею. Я — сам государь.

Он говорит:

— Ну, простите, ваше императорство.

Государь отвечает:

— Ничего, ничего. Ты что, — говорит, — семейство у тебя есть?

— Есть, — говорит.

— Какое у тебя семейство?

— Да вот два брата. И у братьёв по жены есть. У одного двое ребят, а у второго — трое ребят, да я.

— Так это не считается семейство братнино.

— А что ж считается?

— Считается, — если ты сам будешь женат, тогда ты будешь семейный. А ты сейчас один, холостой. То вот я тебе деньги уплачу, а тебя возьму на конюшню старшим конюхом, и ты будешь этими конями владеть.

— Так вы, ваше императорство, когда возьмёте меня, то я возьму коня своего — горбунка?

Государь отвечает:

— Можно взять.

Вот они и поехали во дворец. Государь отдал деньги ему. Он оставляет себе пятьсот, остатки отдаёт братьям.

— На́те вам, братцы, деньги и поезжайте домой, а я всё-таки на жалованье буду.

Братцы уехали домой, а Иван-дурачок остался здесь. Он и начал на конюшню проживать и лошадок кормить, и своего горбунка кормить. Овса хватало, и постоянно лошади его блещут. Каждое утро он прохаживал по конюхам и просматривал, как лошадей чистят. И он начал конюхов прижимать, чтобы лошади постоянно чисты были.

— Видите, у меня лошади блестят, а у вас — даже стыдно вывести, в запряжку становить.

Конюха и сами любят:

— Как он так их хорошо вычищает?

Проживает он месяц у государя, проживает второй. Уже конюха начали под его подкёп кое-какой делать, что как бы его сбить.

— А давайте, подкараулим, как он чистит лошадей!

Они и согласились подкараулить. Вот сегодня один остался караулить его. Он с вечера накормил, напоил лошадей и пошёл спать. А караульщик не отходит никуда. Ну, он утром пришёл, двери закрыл, каких-нибудь пять минут — у его уже кони вычищены, и караульщик не уследил. На другой день один забирается в конюшню, а другой на конюшню, на потолок, а третий за стенку в конюшню, стоит. Вот он приходит, открывает двери. Сам вошёл, двери закрыл. Вынимает с кармана перо. Провёл по одному боку коню — стал чистый бок. Он заходит на другую сторону. Тоже так провёл, потом по брюху провёл и по ногам — конь блещёт стал. Вот и другого таким манером вычистил он. Подходит к горбунку, а перо уже было уложено в карман. Рукой провёл по горбунку и говорит ему, коню:

— Тебе и так хорошо будет.

Конь только головой кивнул. И сам пошёл.

Приходит к этому, который первую ночь караулил.

— Ты чего же сидишь, не чистишь лошадей?

— Вычищу.

— Надо чистить.

— А где же три товарища ваших?

— Да ещё не пришли.

— Ишь, господа какие! До каких пор сидят, что нужно запрягать лошадей. А их лошади ещё не чищены, не кормлены. — Если так будете делать, я скажу государю и он вас прогонит палкой от себя, а людей найдём по вкусу.

Вот он и говорит:

— Так ты, Иван, уж помалкивай. Ну что ж, проспали если один день...

— Да вот два месяца мы живём с вами. Я ещё не докладывал государю ни разу об вас, только сам пробираю вас.

Конюх ответил:

— Ладно, Иван, наладится дело. Когда-нибудь магарыч будет от нас тебе.

— Мне вашего магарычу не надо. Я всё-таки получаю вдвойне, побольше вас. Да и своих пятисот в кармане. А у вас, пожалуй, там семейство без хлеба сидит.

— Да, верно, Иван Тихоныч!

— Ну вот, надо стараться, — и сам отправился.

Вот эти приходят к этому конюху.

— Теперь мы увидели, чем он чистил лошадей! Я сидел под яслими, так мне явственно было всё видеть!

— Я на вышке сидел, — видал, только не всё видал!

А третий отвечает:

— Я ничего не видал, за стенкой был.

А этот, который первую ночь караулил, говорит:

— Я тоже ничего не видал, за стенкой стоял.

— Теперь мы явственно видели, что у его есть Жар-птицыно перо.

И этим он пером чистит лошадей, и у его чистые заты.

А другой рассказывает:

— Теперь его можно изжить отсюда, что он не будет конюхом!

— А как же мы сживём?

— Так вот скажем так государю мы, что будто Иван Тихоныч хвалился в конюшне нам: «Видите, у меня Жар-птицыно перо. То если б государь сказал мне, то я Жар-птицу достал».

Они приходят к государю и говорят эти слова. То государь его призывает к себе.

— Мне рассказывали, Иван Тихоныч, что у тебя есть Жар-птицыно перо, что ты показывал конюхам и сказал им так: «Что если б государь мне сказал, то я Жар-птицу достал».

— Я это не рассказывал никогда, государь. Да у меня и пера нет.

Ну, и задумался Иван Тихоныч и пошёл к своему Коню-горбунку. Приходит и говорит коню:

— Вот беда!

Конь отвечает:

— Какая беда?

— Да государь сказал, чтоб я Жар-птицу достал.

Конь отвечает:

— Я тебе сказал, Иван, что не бери пера, будет большая беда. Это не беда Жар-птицу достать, а беда ещё впереди. Ну так вот. Иди к государю и скажи ему, чтоб он тебе в два ряда сшил кожаные рукавицы. Через два дня она будет здесь.

Он пошёл к государю и сказал:

— Сошьюте мне в два ряда кожаные рукавицы. Через два дня будет Жар-птица.

А Жар-птица была в некотором царстве, в некотором государстве, за тридцать земель в десятом царстве, у большой волшебницы. И она сама в комнате спала, в золотой клетке Жар-птица сидела. И кругом струны обвешаны, что никаким родом туда не пробраться, что хоть пальцем дотронься до клетки, так и то звонки пойдут, — всё равно поймают. То она, волшебница, смело надеялась, что никто не украдёт Жар-птицы её.

Он поехал. Вот ему лошадка и рассказывает:

— Я поднимусь повыше, чтоб нам струн не захватить. Ты заходи смело: открывая клетку и бери Жар-птицу. Волшебница будет спокойно спать.

Когда он Жар-птицу взял, на балкон вышел, с балкона его конь опять понёс так, что они струн не захватили нигде уже.

Он ещё и подумал:

«Эх, какая красавица спит! Да жаль, что беседовать некогда».

Когда доставил он Жар-птицу, государь сказал:

— Молодец!

А он конюхов начал чуть не дуть. То они стали советоваться:

— Что ему теперь сделать? А скажем государю, что он хвалился нам: «Если б государь сказал, то я б и клетку достал золотую».

Они и сказали государю. Государь призывает Ивана Тихоныча:

— Ну, Иван Тихоныч! Достал Жар-птицу — достань и клетку золотую. Ты хвалился конюхам.

— Я, — говорит, — не хвалился. Вы б разом сказали, чтоб с клеткой взять, так я б тогда мог взять её, а теперь стража там побольше будет уже.

— Ну, как хочешь. Если не достанешь клетки, моя меч — твоя голова с плеч!

Иван Тихонович пошёл к своей лошадке и рассказывает:

— Вот государь велит достать и клетку.

Конёк-горбунек отвечает ему:

— Я тебе сказал: не бери пера, будет беда. Это не беда — беда впереди ещё будет. Иди, скажи государю: через двое суток клетка будет здесь, и посадим Жар-птицу в золотую клетку.

Он приходит к царю и говорит:

— Ну, царь, давай мне пищи на двое суток! И через двое суток представлю клетку золотую, и будет Жар-птица сидеть в золотой клетке.

— Бери хоть на пять суток хлеба, там продуктов.

И он набрал. Конёк-горбунок говорит:

— Захвати с собой н о б ж н ы! Вот когда мы приедем на балкон, то ты смело дверь открывай, как и раньше открывал, — и бери. С правой стороны есть струна. То ты эту струну, чтоб за один раз отрезал! Когда ты отрежешь эту струну, то звонков она не даст, и бери клетку и являйся ко мне на балкон.

Он и поехал.

Когда приехали они на балкон, лошадь остановилась на балконе, а Иван Тихоныч пошел в комнаты. Видит — клетка висит, а красавица на мягкой постели спит лицом вверх. Он подошел к красавице раньше. Обнял ее, поцеловал, обрезал струну и клетку взял, и сел на коня и поехал. Коню, как он согрешил, тяжелей стало. Конь не подымается вышней, опускается ниже и задел копытом струну. То зазвенели замки по всему замку. Тогда красавица проснулась и сказала:

— Гость был, квас пил, а квасницы не закрыл, и клетки нету.

И она за им в погоню вдарилась — догнать его. Ну, и гналась, гналась — не догнала. Так он и уехал, и привёз клетку Жар-птицы к государю. А волшебница стала всё разыскивать его, этого гостя. И она забеременела и родила сына-богатыря.

Иван Тихоныч прожил уже порядочно время. Опять он начал притискивать конюхов, и они надумались сказать государю, что он им говорил: «На море, на окияне, на острове Буяне выходит из моря прекрасная Анастасья, прогуливается на острове; если государь скажет, то я ее достану, и она будет его женой».

Ну, вот они приходят к государю и рассказывают это. Государь вызывает его к себе:

— Вот ты хвалился конюхам, что будто на острове, на окияне, там прогуливается прекрасная Анастасья. То ты обещал представить ее сюда, если я скажу тебе.

Он и говорит:

— Как, царь, я могу достать?

— Как хочешь. Если не достанешь, моя меч — твоя голова с плеч.

Он и пошел к своему Коньку-горбунку.

— Вот, Конёк-горбунок! Государь какую мне загадку дал.

— А какую?

— Что, вот, на море, на окияне, на острове Буяне, там выходит из моря прекрасная Анастасья на прогулку. Велит мне ее достать.

Ну, лошадь ему и рассказывает:

— Я тебе сказал: не бери пера, будет тебе большая беда. Это не беда — беда впереди. Ступай же к государю и скажи ему, чтоб он сделал беседку кругом на два метра, и поставить [в беседке] столик, а за столиком занавеску сверху донизу. И накласти на стол фруктов разных, пряников, конфет, яблок, винограду. То мы тогда уедем.

Он приходит к государю и говорит ему:

— Вы сделайте беседку, чтоб было кругом на два метра как ширина, так и высота; и небольшой столик, шёлкову занавеску, чтоб она была на два метра шириной и длиной, и чтоб были разные фрукты, то я тогда поеду.

То государь это всё сделал. Он берёт беседку и отправляется туда. Когда приехали они на остров, лошадка останавливается и говорит ему:

— Вот здесь беседку становой. С правой стороны становой плечами, а на левую сторону дверями, и вешай занавеску, и разрежь ее напополам сверху донизу, и садись сам за занавеску, и клади эти фрукты все на стол. То когда она выйдет из моря, то она несколько раз обойдёт вокруг беседки. И зайдёт когда она в беседку, то ты тогда хватай ее за кося. И крикни: «Конёк-горбунок!».

Она вышла из моря, стала прогуливаться и видит — беседка. И она обошла несколько раз вокруг беседки. Видит, что двери открыты и никого нету. Она осмелилась войти в беседку. Занялась этими фруктами любоваться.

— Неужели для меня это так приспособлено, что никого нет и беседка неизвестно как из земли выросла.

А он с занавески хватил ее за кося. То она хотела от него вырваться. Он крикнул:

— Конёк-горбунок!

Тут он и есть. Схватывает он ее на лошадь. Садит ее. Тут он и засвистел по морю на воздухе. И приносит он ее к государю.

Когда она попала в государский дворец, государь требует, чтобы она замуж за его вышла. Она и говорит:

— Как же я пойду за тебя сейчас замуж? У меня при себе одёжи нет. Так вот, пускай — достал он меня, пусть достанет среди моря вот в таком-то месте мой сундук с платьями, с сапогами — там мой и кольцо золотое, именное. Тогда я могу за вас замуж выйти, а если он не достанет, то я за вас замуж не выйду.

Государь тут уже у конюхов не спрашивал. Призывает Ивана Тихоныча.

— Вот, Иван Тихоныч! Теперь еще одну службу сослужи.

— Какую?

— А вот что тебе скажет прекрасная Анастасья.

Она рассказывает:

— Поезжай на море, на окнян, на остров Буян, где меня схватил, и достань моё платье,

— Как же я могу достать среди моря?

А она отвечает:

— Как ты меня достал, то, пожалуй, и платья достанешь! А то вот, видишь, тебе загадки были — чего не достанешь, то государский меч, а тебе голова с плеч. То вот видишь: ты достал Жар-птицу и клетку, а тебя дурачком считают еще; да и меня достал. За мной не такие гонялись, да и то не достали. А ты дурак, да и то достал. Я и сейчас не могу одуматься. Ну, так что, берешься достать?

Он:

— Не знаю.

— Ну, так ступай же за мной в комнаты. Вот на тебе письмецо. Когда ты приедешь на остров Буян, подойди к морю и брось это письмо в море и крикни: «Рыба-кит, возьми от Анастасии письмо!» То письмо это скроется. Через четверть часа сундук тебе выкинется.

Он получает это письмо, кладёт в карман и выходит с комнаты к государю. Она и рассказывает:

— Вот, государь, он берётся достать. А если не достанет, то я и замуж за тебя не пойду.

Тогда государь и говорит:

— Ну, если не достанет, я и голову срублю, а ты от меня не уйдёшь.

Она отвечает:

— Как придётся!

То Иван Тихоныч ответил:

— Ну, ладно, царь, попробую! Может достану, может нет. Если достану, так приеду, а не достану, так только видели меня!

А Конёк-горбунок не знает, что она письмо дала.

Он приходит к коню и говорит:

— Вот, Конёк-горбунок, государь тоже задачу дал мне.

— Какую?

— Да вот в море-окияне Анастасеев сундук с одеждой ее, чтоб я приставил сюда, а если не приставлю, государь сказал: «Моя меч — твоя голова с плеч».

Конёк-горбунок сказал:

— Это не беда, беда еще будет впереди!

— Ну, так вот. Анастасия дала мне письмо рыбу-киту.

Конёк-горбунок отвечает:

— Хотя письма не дала бы, то мы б достали. А теперь мы поедем смелее по письму. Нам надо только б было больше трудов при-

нять без письма, а по письму нам легче. Ну, ступай, скажи государю, что я еду. И скажи, что через трое суток я буду здесь.

Он пошел к царю и сказал, что:

— Я уеду.

И уехал.

Приезжает на остров Буян. Вынимает письмо с кармана и бросает его в море:

— Рыба-кит, прими письмо от прекрасной Анастасии!

Письмо скрылось. Через четверть часа поднялась буря на море и выкидает сундук какой-то. Он и говорит:

— Неужели этот сундук мой, за которым я приехал?

Он кругом ходит. Сундук замкнутый. Открыть нечем. Конёк-горбунок его рассказывает:

— Это сундук наш, бери сундук.

Когда он взял сундук, конь и свистнул. Даже не прошло и трое суток — приставил сундук. Сундук привозит к государю. Анастасия и говорит:

— Сундук-то мой. И в сундуке, я знаю, что все целое. А чего ж ты ключей там не взял? Замков-то мы ломать не будем. *(Ей неохота за царя замуж выйти.)* То приставь и ключи.

— Так как же я ключи возьму там?

Она и говорит:

— Как сундук взял, так и ключи возьмешь. И поезжай, не разговаривай!

Он приходит к своему Коньку-горбунку и рассказывает:

— Забыли ключей взять.

Конёк-горбунок отвечает:

— Ей ключи вовсе и не надо. Пожалуй, что она замуж не хочет идти за царя. Вот она и волнуется. Она знала, что мы достали ее, по письму достали ее сундук, то она знает, что достанем и ключи. Давай поедем! Приедем мы на Буян-остров, ты крикни: «Рыба-кит, выкинь нам ключи!». Если через четверть часа не выкинет, то нам придётся вернуться назад и объехать другой стороной и потом мы сами достанем.

Они приезжают на Буян-остров, он и крикнул:

— Рыба-кит! Мы забыли попросить вместе с сундуком ключей, то мы приехали за ключами!

Вдруг поднимается шум на море. Выкидает ключи. Выкидает пакет. На пакете написано: «Передать Анастасии Федоровной».

Он привозит, передаёт ключи, передаёт пакет, и отправляется в конюшню свою. А государь и Анастасия Федоровна советуются. Государь и говорит:

— Теперь всё приставлено?

— Всё приставлено.

— Теперь давай жениться. (А она когда прочитала пакет, что в пакете родители благословляют за того, кто ее отсюдова увез.)

Она и говорит:

— Всё-то всё, мой друг. Да я всё-таки такая красавица, хочу, чтобы и ты был красавец.

— А как же красавцем мне быть?

— А вот налить пресным молоком котёл, и такой котёл заказать, чтоб в рост человека, и закипятить это молоко. Когда оно включь закипит, то раздеться, скочить в это молоко и три раза кувырнуться там. То тогда ты вылезешь, станешь молодым и красивым.

Он говорит:

— Так это можно опариться.

— Не опарись, а сделаешься красавцем. Еще будешь столько жить, сколько жил.

— Я прикажу раньше скочить Ивану Тихонычу?

Ну, она надеялась там, что [когда] Иван скочит, кипяток его не возьмёт.

— Пожалуй, — говорит, — прикажи, тогда уверишься.

Вот государь заставил по базару с ведрами ходить, собирать молоко. Ну, собрал. Котёл сделали. Налили в котёл молоко и начали дрова класти и греть это молоко. Он призывает Ивана, а Иван это ничего не знал. Государь сказал ему:

— Вот, Иван, котёл кипит. Ты скочи в котёл и кувырнись три раза. Станешь ты молодым, али нет? Потом и я скочу.

Иван и говорит:

— Царь!

— А что? — говорит.

— Дай я пойду с конем попрощаюсь?

— Ну, сходи.

Он приходит к коню своему и говорит коню:

— Вот теперь, пожалуй что, мне на свете не жить.

— Почему?

— Да вот, налит котёл молока и греется. Когда закипит, мне раздеться и скочить в это молоко и три раза окунуться.

Конь отвечает:

— Я тебе сказал — не бери пера, будет беда. Вот это беда, так беда. Все беды могли перенести. Ну, пожалуй, и эту перенесём. Иди ты до государя и скажи ему, что: «Царь, пусть мой Конь-горбунок посмотрит, как я в молоке буду купаться».

Он и отправился.

— Вот, государь, я пришол к тебе! Пусть мой конь посмотрит, как я буду в молоке опаренный.

Государь сказал:

— Ну, ступай, приведи.

Иван и пошел. Сел на Коня-горбунка и приехал и поставил его носом к котлу. Молоко закипело. Иван поставил скамейку и стал на скамейку. В то время, как Иван стал бросаться, горбунок фуркнул тихонько и остудил молоко. Иван кувырнулся раз, второй раз, третий раз и выскочил из котла и встал на скамейку. Оделся и сделался таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни портрет нарисовать. Таких молодцов редко было. Анастасия Федоровна как увидела, так у ей самой кровь разгорелась, и говорит:

— Вот видишь, царь, какой красавец стал!

— Так и я буду такой? — он.

А она ответила:

— Может, еще лучше будешь. Только надо подбавить дров, чтоб молоко закипело.

Подбавили дров, молоко закипело. Она говорит:

— Ну, раздевайся!

Государь раздеётся и бросается в котёл. Когда бросился, так и борода облезла, и волоса с головы слезли, и он скончался. Тогда она подходит к Ивану и подаёт ему своё золотое кольцо именное:

— Теперь ты будешь мой муж, а я — твоя жена! А этот «перемолодился» навсегда.

Царя они похоронили и поженились. Заступил он [Иван] царём.

А волшебница эта, у которой квас пил да квасницу не закрыл, всё его разыскивала. То она пустила волшебный мост, чтоб волшебный мост шёл до того места, где он живёт. Когда мост делается, она следом по этому мосту с сыном идёт. Сын идёт впереди, а она позади. Когда этот мост подходит ко двору, то Иван вышел на этот мост и идёт по мосту. Сын крикнул:

— Ты чего без время ходишь по моему мосту?! — и стал его схватывать, хотел его выбросить за мост. Тут она подскакивает и кричит:

— Сын, не выкидай его за мост! Это — твой отец!

И пошли они все троём в его дворец. Она и говорит:

— Вот и Жар-птица моя здесь в клеточке. Раньше Жар-птицу своровал, а потом и за клеточкой приехал, и захотелось попить было квасу. Только ты ошибся, что квас пил, а кваснички не закрыл. Я прохвати́лась, да поздно. И гна́лась несколько время за тобой — не могла догнать. Но я это тебе прощаю, потому что ты много мук и так принял, а молодым людям чего на ум не придёт! Я за-

беру клеточку и Жар-птицу для сына твоего. Хотя труды твои, а птица моя!

И он согласился отдать Жар-птицу. Они попрощались, и отправились в свой замок, и она сорвала мост.

То Иван с Анастасеей Федоровной стали двоём проживать. И я у них был. Мёд, вино пил, и видал красавицу, красавца и Конька-горбунка. И сказка — вся.

10. ПРО ГЛУПОГО ОМЕЛЮ.

В деревне жил мужик. Было у его три сына: два умных, а третий Омеля-дурак. И он постоянно всё на печке лежал. Братины жены и рассказывают:

— Омеля, ступай, наруби дров, а то замёрзнешь на печке!

Омеля с печки слазит, с подлавки берёт топор, идёт рубить дрова. Нарубит дров, с топором идёт в избу.

— Там дрова нарублены уже.

— Так ступай, Омеля, принеси!

Омеля опять ворочается, берёт охапку дров, тащит в избу и бросает.

— Ты, Омеля, наклади в печку!

Омеля и в печку накладёт. Невестка запалит, Омеля на печку отправляется: работа сработана, можно и на печке полежать.

Только Омеля влез на печку, невестка и кричит:

— Омеля, ты забрался на печку, а у нас воды нету! Бери вёдра, ступай за водой!

Омеля с печки слазит, вёдра берёт и за водой идёт — из проруби черпает. Ведро зачерпнул, поставил. Зачерпнул другое, — а там попалась щука — золотая рыбка. Он и говорит:

— Вот и хорошо! Воду принесу и щуку принесу, то невестки похвалят, а то всё ругали.

Золотая рыбка и рассказывает:

— Омеля, пусти меня в воду! Что хочешь, я всё тебе сделаю! Что прикажешь, то будет тебе по твоему прошенью, по шучьему веленью!

Он и говорит:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, идите, вёдра, сами домой!

Вёдра и пошли. То невестки смотрят: вёдра идут впереди, а Омея идёт позади. Вёдра пришли и на лавке стали. Омея на печку полез опять. Невесткам тут диво какое стало! Они и говорят:

— Омея, у нас дров нету! Запрёг бы коня, да съездил в лес, привёз дров.

Омея и говорит:

— Так что ж, поеду.

Берёт с подлавки топор, выходит на двор и говорит:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, заворачивайтесь, дровни, и поедem в лес!

Дровни завернулись, а Омея кричит:

— Открывайте воротá (невесткам)!

Невестки и говорят:

— Что ж ты коня не запрёг?

— Вам сказывается, что воротá только открывай!

И они открыли воротá. Он и говорит:

— По моему прошенью, по щучьему повеленью, катитесь, сани, в боярский лес!

И сани сами полетели, и Омея на санях сидит. Приезжает в лес:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, ты, топор, сам руби, а вы, дрова, сами на санки идите!

Мигom топор нарубил, дрова сами на санки пришли, сами вязались. Омея и говорит:

— Топор, отруби дубинку и клади-ка на воз!

Тут и дубинка явилась. Он и говорит:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, идите, санки, домой!

Санки и понеслись. Когда он ехал по городу, то все видели, что такое проехало, и не узнают. Там дрова сами сбáвились, невестки сказывают:

— Ты бы пошел, Омея, наколол дров!

А Омея пришел к топору и говорит:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, иди, топор, руби дрова! А вы, дрова, сами в избу идите, в печку складайтесь и до огня добирайтесь!

Ну, так это всё сделано было. Невестки и говорят:

— Ты бы, Омея, еще раз съездил бы в лес, хороших дров привёз! Ишь, ты каких хороших сейчас привёз!

Омея и говорит:

— Ну-ка, ступайте, воротá открывайте *(он не тужит)*.

Невестки с радости воротá открыли, он и говорит:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, катя, санки, в боярский лес!

Ну, и опять санки понеслись. А дубинка у его с собой *(он знал, что этой дубинкой придётся отбораниваться верно)*.

— По моему прошенью, по щучьему веленью, ты, топор, руби! А вы, дрова, сами на сани идите! А вы, сани, в деревню несите!

Тут уже боярин поставил стражу: кто такой рубит в его лесу без спросу! Он приезжает. Тут стали его задерживать, Омею. Он и крикнул:

— Ну-ка, дубинка, походи-ка у их по спинке, чтобы они знали, когда глупого Омею задержали!

Дубинка и стала ходить по плечам. Те и приезжают и докладывают своему государю, что он нас избил и сам укатил.

Делать нечего, государь посылает министра:

— Иди, найди его в той деревне и привези его ко мне, я с им распоряжусь!

Министер приезжает в эту деревню, где глупый живёт Омея, заходит к старосту и спрашивает:

— Кто у вас такой есть, что без спросу в лес ездит, и без спросу дрова рубит; и сами сани катятся, и дубинка угощает?

— Так это вот такой-то глупый Омея!

— А как же мне его позвать на сходку?

— Да он, пожалуй, не пойдёт! А с глупого нечего взять... А вот позвать его невесток сюда и спросить, как можно обмануть.

Зовут. Невестки идут. Невестки и говорят:

— Он любит конфеты и у братьёв просит красные сапоги, так вот этим можно его обмануть.

Министер и приходит туда в дом. Он лежит на печке. Министер приходит и говорит:

— Это ты, Омея глупый?

— Да, — говорит, — я.

— Так вот, поедem к боярину!

— Да мне и здесь хорошо!

— Дак он тебе сулит много конфет, красные сапоги.

— Это неважность, — он отвечает. — Ну, дак что, можно.

— Так слазь с печки, поедem!

— Так ты поезжай, я догоню!

Министер и поехал. Он на печке лёжучи:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, поезжай, печка, со мной!

Тут стенки затрещали, печка и понеслася... и министра догоняет.

Приезжает к боярину. Боярин спрашивает его:

— Как ты смел без спросу ехать в мой лес?

— А вы что ж, лес рёстили? У вас много, а у нас совсем нет. Лес рос по природе, и каждому можно рубить, а то у одного много, а у другого совсем нет!

Боярин спрашивает:

— Я с тобой распоряжуся.

— Ах, ты со мной распорядишься?! — Он опять тихонько:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, несё, печка, меня домой!

Вот печка и понеслася. То боярин на второй день сам поехал. Когда он приехал, и стал его обманывать:

— Поезжай ко мне, я буду тебя конфетами кормить, красные сапоги куплю, красную рубашку, красную шапку; и ты у меня будешь, что господин *(ему охота сбыть её)*.

Он и поехал на печке опять к боярину. Боярин, действительно, это всё ему сделал. Омеля и говорит:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, катись, печка, домой и стань на своё место, — согревай моих невесток и братов, а я останусь у боярина.

Он и остался. Тут ему понравилась боярская дочь. Он и говорит:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, чтоб сплюбила меня боярская дочь!

Тут боярская дочь полюбила. Дочь рассказывает своему отцу:

— Я за Омелю замуж пойду!

— Дак что ты, он же глупый!

— Пушай себе глупый.

Боярин и говорит ей:

— Если ты пойдёшь за его замуж, то я забью вас в смолянью бочку и пушу вас на море и плавите!

Так он и сделал. Он стал Омелю забивать, она и говорит:

— Забивай и меня! Пусть я пропаду вместе, а не отстану!

Омеля и говорит:

— Мы поплывём. *(Он знает, что домо плыти не будет.)*

Они плывут, она и рассказывает:

— Вот, Омеля, ты пропадаешь и я пропадаю в этой темной смоляной бочке.

Он и говорит ей:

— Ничего. Где остановится бочка, я попрошу и дно вывалится и мы вылезем.

Так вдруг бочка остановилась, он сам себе и говорит тихонько:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, выброси бочку на берег!

Так бочку на берегу об камни стало бить, и дно выскочило. Он и говорит:

— Ну, вылазь, и я вылезу!

Вылезли они. Она и говорит:

— Что ж ты теперь? Мы далеко, не видать ни деревень, ни города, — только лес да море, а больше ничего-то. Нас может зверь съёсти.

— Не съедят.

Он сейчас и говорит:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, сделайся такой дом, как у нашего боярина!

Тут вдруг дом вырос.

— Ну, вот, и заходи! Вишь и комнаты такие, как у твоего отца! Теперь и жить можно!

Она ему и говорит:

— Жить-то можно, а что ж мы будем кушать?

— Будет и это, — сказал он.

— По моему прошенью, по щучьему веленью, сделай склад! И в этом складе чтоб было всё, за что ни хватись!

Он говорит:

— Вот, бери-ка ключи, иди в склад, да учись готовить!

Она пошла в склад, — глаза разбежались, что всего есть. И она захватила печенье-еденье и булочек, и всего, а коньяку и забыла взять. И приходит.

— Да, Омеля, есть у нас всё!

— А там напитков видала?

— Видала.

— А чего ж ты не взяла?

— Да я думала, что оно не надо.

— Как не надо? При закуске и выпивка надо!

Она опять побегла. Тащит уже не одну, а тащит три, — чтоб часто не бегать. Тут Омеля и зажил. А там проезжают корабли и пароходы и видят — какое-то образовалось вроде чудовища. Такой громадный дом, а кто живёт в нём — неизвестно. Там приезжают в город и рассказывают друг другу. Дошло дело до боярина. Боярин хотел знать, кто такой живёт. Собирается вот такого-то числа *(сегодня двадцатое февраля, а поедет пятого)*.

Он [Омеля] говорит:

— Твой отец хочет сюда приехать.

И говорит тихонько себе:

— По моему прошенью, по шучьему веленью, сделать хрустальный мост из моего крыльда до боярского крыльда!

Тут вдруг и явился мост. Боярин выходит и смотрит:

— Это какая новость?!

Да. И вот он [Омеля] опять:

— По моему прошенью, по шучьему веленью, сделай меня умным человеком! *(Он у щуки просит, чтоб умным человеком сделала!)*

Она его сделала. Он подаёт по телефону боярину:

— Если желаешь, то приезжай посмотреть моего дворца! Да и возьми свою жену, мы поговорим здесь!

Вот боярин и покати. Приезжает боярин. Он велел дочке спрятаться. Сам выходит, принимает его. Заводит в свой кабинет, начали угощаться. Боярин и рассказывает:

— Что вы, один живёте?

— Как один? Я не один. У меня, — говорит, — жена есть!

— А что ж ее тут нет?

— А она, — говорит, — бояр не любит!

— Почему она не любит бояр?

— Да не знаю, почему не любит. А вы признаете, кто я такой?

— Нет, молодой человек.

— Ну, так я позову тую, которая бояр не любит.

Он и крикнул:

— Иди-ка сюда, боярская дочь!

Она выходит. Боярин и глаза вылупил, и мать заплакала.

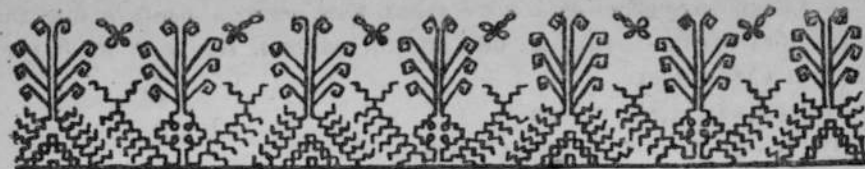
— Что ж ты думал, что мы пропадём?! — он уж, Омеля.

— Ну, прости мне, что я сделал так.

— Волей-неволей надо простить, потому что дочка ваша за мной.

Вот они здесь попили. И я как раз там шёл по взморью. Мне дали бутылку коньяку. Я ее выпил, поблагодарил и сказал, что больше не зайду на ваше угощение, как вы угощаете хорошо.

Но сейчас не знаю, как Омеля живёт там. Больше не случилось быть.

11. [ЧУДЕСНЫЙ СЫН].

одном месте жил-был царь — не царь, студент — не студент.

Вот он хлеба поел, подкрепился, в свою камёрку явился и задумал:

— Одному скучно жить, плоховато, — надо жениться. Я ведь скоро буду царём.

Отправляется он в некоторое царство — через два царства в третье, жениться, что он слышал в таком-то царстве есть волшебница.

— Я и пойду туда, может быть, засватаю.

Проезжает одно царство, проезжает другое царство. Приезжает в третье царство — в тот город, который он даже видал во снах, что у такого-то государя есть три дочки, женихов он не может найти им. Ну, вот, когда он приехал, даёт знать: вот такого-то государя приехал сын и хочет жениться на вашей дочери, которая понравится ему.

Государь его принял, как гостя. Да. Выводят старшую дочь к нему. Старшая дочь и говорит:

— Я пойду за тебя замуж. Смогу без поварёй и без прислуг накормить три полка солдат.

Он посмотрел.

— Да, — говорит, — это не худо. Но вот, так вас находится три?

Царь же рассказывает:

— Да, их три.

— Ну, давай вторую!

Они вторую подают ему, показывают. Вторая говорит:

— Своим волшебством я могу твоих пять полков одеть с ног до головы без всяких портных, без всякой помочи. Как они не будут голые, я одену всех.

Он подумал: «Это хорошо».

Ну, интересно ему увидеть и меньшую дочь.

— Что меньшая скажет мне?

Приходит и меньшая красавица.

Он ее спрашивает:

— Ну, а ты что можешь действовать?

— Я? Я ничего этого не могу действовать, что мои сестры скажут. Я только могу, когда выйду замуж за тебя, через год родить двенадцать молодцов-богатырей. У двенадцатого будет на лбе солнце, а в потылице месяц. И вот я тебе могу это сделать.

Он и отвечает:

— Так у нас хлеба и мужики напашут, а фабрики сукна наткут. А портных есть — и шинелей и рубашек и всего сделать, и сапогов найдётся. А это, если будет у меня двенадцать молодцов, а я сам буду тринадцатый, то это будет верней, то тогда я буду больше силы иметь.

Ну, он и согласился жениться на меньшей.

Вот он оженился и уехал в своё царство. Месяцев восемь жил со своей женой. То эти сестры стали писать сестре, что «возьми нас в своё царство». Она с сожаленьем сказала:

— Приезжайте.

Когда приехали они, то этот государь жил, как в Петрограде, а их поселил, как в Петрозаводском. И вот они живут.

Вдруг, как бы вам сказать, Финляндия объявила войну. Ну, вот, ему надо отправляться на войну. Он уехал. Там пробыл уже месяц.

Жена рождает ему двенадцать сыновей этих богатырей. Железных дорог мало было до того места, где он на войне был, то отправляют вестового, что вот вези государю пакет, что у его народилось двенадцать сыновей-богатырей.

Вестовой и поехал. А вестовой знал, что здесь свояченицы живут. И вот он заезжает к им. Вот они спрашивают:

— Ты чего приехал?

— Вот я еду, вот туда-то. Везу пакет государю.

— Какой? — спрашивают у его.

— Да вот, жена государя родила двенадцать сыновей-богатырей. Так вот пишут, чтоб он домой приехал поскорей.

— Так ты, — говорят, — переночуй здесь у нас, да дай нам прочитать пакет.

— Не могу, сударыня, дать вам пакет. Кому послано, тот должен получить и прочитать.

Они отвечают:

— Да мы и не просим его!

Стали они его угощать.

— Как нашего государя вестовой, — она рассказывает, — так вынай смелей!

Вестовой выпил. Они отводят комнатку ему (*может быть, лучше, чем наш дом*). Он заснул. Они приходят, берут его сумку, идут в свою каморку. Пакет взяли, распечатали и пишут, вроде как от родителей государя, что вот «твоя хваленая, что двенадцать сыновей ты ожидал богатырей, то она родила двенадцать щенков. Дак что вы прикажете с ими делать?»

На утро вестовой встаёт и отправляется с Петрозаводска к государю на позицию. Когда он приехал, подаёт пакет. Государь прочитал этот пакет и пишет к им, что «до моего приезда не трогайте их никуда, пусть живут». И отправляет вестового назад.

Вестовой опять заехал (*они просили его, чтобы он заехал назад*). Заезжает в Петрозаводск. Тут уже пакета они не спрашивают. Таким способом они опять вестового угостили, спать уложили. Берут его сумку, идут в другую комнату и пишут, чтобы этих богатырей одиннадцать забили в одну бочку и пустили на море, «а этого, который во лбе солнце, в затылке месяц — в смоляную бочку забейте вместе с матерью и пустите тоже в море, чтоб я их не видал».

Ну, вот вестовой приезжает. Подаёт пакет от государя. Они прочитали этот пакет и стало им жалко их уничтожить, таких ребят-младенцев, а по приказанию его должны сделать. Так и сделали: две бочки смоляных принесли: одну бочку побольше, другую поменьше. Забивают в бочку этих ребят. Мать и плачет:

— Забейте всех нас в одну двенадцать, меня тринадцатую. Погибать, так уже всем погибать.

Они и рассказывают:

— По приказанию вашего мужа мы должны сделать то, что он нам пишет. Нам и самим жалко.

Вот эту [бочку] спустили на море. Ну, теперь мы бросим ее — она поплыла. Теперь возьмёмся за государя.

Вот вдруг государю охота своих увидеть щенят этих. И он еще войну не кончил — явился домой. Ему и рассказывают:

— Ты что наделал?

— Как я что наделал? Я ничего не наделал.

— Да как же не наделал? Ты своих двенадцать сыновей-богаты-

рей и жену свою, красавицу, приказал, чтоб мы забили в бочку и спустили на море!

— Как так? — он. — Вы чего мне писали, что не двенадцать сыновей было у меня, а двенадцать щенков.

— Нет, — говорят, — мы не писали так.

Он подаёт пакет.

— Как не писали?

Они смотрят.

— Да, почерк-то наш, только мы не это писали!

— А я писал ответ, чтобы до моего приезда их куда деть.

А они подают ему пакет. Он смотрит:

— Да, почерк мой (*подведёно там, как следует быть*), только я этого не писал.

Он и спрашивает:

— Вестовой какой был?

— Вот такой-то.

— Ты что, куда заезжал?

— Да вот там-то был.

— Ну, раз там был, значит, теи проделали.

Он и подумал:

— По злобе сёстры сестре и сделали.

Он и заплакал:

— Не пришлось со своими богатырями и пожить хоть три дня! Теперь они уже погибли, да и она, бедная красавица, уже погибла.

Вдруг является средняя сестра сюда и говорит:

— Эх, братец, это всё сделала старшая. Ну, что прошло, то не вернешь уже. Так вот, женись на мне лучше.

Ну, он посмотрел — делать нечего. Взял на этой женился. Вот они живут уже с этой в этом дворце, с государём. Почти что государь уже забыл, что у него было вроде как двенадцать сыновей (*семья пошла завелась*).

Бросим мы государя, возьмёмся за тех, которые в бочке сидели.

Вот одиннадцать этих молодцов-младенцев плыли по морю, у их бочка остановилась, не колыхается. Один рассказывает:

— Братья, нас, верно, к берегу прикинуло! Давай-ка, я растягну ноги.

— На что ты растягнешь ноги?

— Да я высажу дно...

— Там мы потонем.

— Так, верно, если бочка не шевелится, нас на берег выкинуло.

— Ну, так попробуй, растягни. Хоть так пропали, хоть так пропали!

Тот и растянул ноги, дно и выскочило. Показался свет. Они стали с бочки выпалзывать. Выползли они на свет. Вдруг является к им вроде человек и говорит им:

— Ну, вот, царские сыны, живите на этом острове! Вот вам брезент, сделайте себе шалаш. Когда дождь будет, вы притайтесь под шалаш, дождя не будет, — играйте на берегу. И вот вам хлеб (*дал им*). Этот хлеб есте, и будете сыты вы, и этот хлеб нисколько никогда не убудет.

Как они ни режут, ни едят, — кромка целая, а они сыты. Хлеб не убывает, а прибывают сами скоро, в рост идут. Так что хорошие мужики стали через несколько время.

Может быть они прожили там месяца два, али три. Идут спать ложиться, просчитают — одиннадцать, встают, считают — тоже одиннадцать.

Ну, мы теперь возьмёмся, который с матерью пошёл (*эти живут на острове, этим хорошо*).

Таким самым способом и этот плыл, плыл с матерью, этого мать грудью кормила (*всё же жалко ребёнка*). То же слышат, что бочка не шевелится. Он и говорит:

— Мать, мы, кажется, на берегу!

— Да не знаю, — говорит, — дитятко.

— Бочка не шевелится, я в Ы простаясь.

Мать отвечает:

— Да выпрастывайся — всё равно погибать нам.

Он Ы простался, дно выскочило у бочки. Здесь большой остров. Мать ему говорит:

— Теперь на острове, можно побрать ягод, сынок, а почевать придётся идти в бочку.

Он и говорит:

— Мать, ты иди, бери ягоды, а я устрою дворец, как у нашего отца.

Мать пошла брать ягоды, а сын устроил такой дворец, как у отца, и прислуги явились все. Мать приходит, и видит, что действительно, такие палаты, что приходи кума за мёдом.

Вот они начали здесь проживать.

Сегодня пароходы шли — никого на этом острове не видали, а тут — оказывается дворец. Они останавливаются, делают доклад, заходят в этот дворец.

— Что, откуда он мог явиться?

А он [сын] отвечает:

— Вы плаваете по морю?

— По морю.

— Ну вот, этот дворец тоже плавал по морю. Остров сел нижей, а дворец оказался вышей.

Приезжают они в этот город, где государь живёт. Государь спрашивает:

— Может быть слышали какое чудовище?

— Да вот, — говорят, — государь, есть такое чудовище на таком острове. Сколько лет плавали — никакого чудовища не видали. И вот три дня назад мы туда ехали — ничего не было, а отсюда являемся, — видим дворец такой, как у нас. Мы остановили свой корабль и пошли с докладом в этот дворец, а отсюда выходит молодец. Мы спрашиваем у его:

— Откуда явился этот дворец?

А он нам дал ответ такой:

— Этот дворец плавал по морю. Остров стал нижей, а дворец стал вышей.

Он [царь] и говорит:

— Надо ехать, посмотреть, что за дворец *(это своей жене, а жена уже знает, что там сестра ее живёт)*.

Она мужу и рассказывает:

— Что может быть там какая избушка стоит, а им показалось, что дворец. Вот тогда можно б было ехать, чтоб было двенадцать молодцов в одном месте и у одного на лбе солнце, а в затылке месяц. Тогда б интересно было б посмотреть.

Государь оставил ездю свою.

Ну, вот, царевич и спрашивает у матери:

— Мамаша, я вроде во снах видал.

— Что, сынок?

— Да, вроде как у нас было двенадцать братьёв.

А она отвечает:

— Да, было. Только они, верно, погибли уже сейчас, — их раньше забили в бочку смоляную и пустили на море, а потом и нас с тобой.

— Так вот, мать, еще с грудёй твоих молоко идёт?

— Да, еще не засохло совсем.

— Так надой-ка молока, спеки вот такой-то хлеб с молоком этим. Я их найду.

Мать спекла. Он берёт этот хлеб и отправляется. Когда они играли на берегу, он забрался раньше и сел, где они должны почевать. Их хлеб взял, свой на это место поклал, который испекён матерью. И вот уже подходит обед, надо идти поесть. И они бегут в этот шалаш свой. Садятся. Режут этот хлеб и едят. Хлеб свежий, почти одинаковый, только вкус получше.

Ну, поели хлеб и опять отправляются на прогулку. И он с ними гуляет. Уже надо собираться на ночлег. Он пораньше прибег *(он знает, зачем пришёл, надо стараться ему)*. Он прибегает, тую крёмку доставляет, опять кладёт на то место, откуда надо брать. Стали есть эту крёмку и говорят:

— Вот в обед был лучшей хлеб, вкуснее, чем сейчас.

А этот говорит:

— Вы побольше побегали, вот и хлеб вкуснее был этого хлеба, а хлеб одинаковый.

Стали ложиться спать. Стали считать.

— Дак у нас находится уже двенадцать человек.

Они кричат:

— Кто прибыл к нам?

И он кричит:

— Кто прибыл к нам?

Он и говорит:

— А может быть, мы ошибаемся. Мы все считали по одиннадцать, а оказалось двенадцать.

Стали спать ложиться. Каждый на своё место ложится, а этому места не было, двенадцатому. А этот, пришедший, раньше лёг спать.

— Так вот мне место нехватает — один остаётся.

Он кричит, там с краю:

— Так вы не расшпиряйтесь, а ложитесь потесней, каждому место будет.

Вот они полегли все, этот и кричит:

— Ну, что, поместился?

— Да, — говорят, — поместился.

— Ну, вот, все поместились, и вы рассказывали, места мало. Хватило?

— Хватит.

Они проночевали. Стали считать. Опять двенадцать выходит.

— Дак у нас двенадцать человек?

Он отвечает:

— Да двенадцать. А кто ж прибыл к нам? — он спрашивает. Он снимает шапку. — Я есть брат ваш меньшой. Вы маткину грудь пробовали сосать?

— А мы сами не знаем.

— Не знаете? Дак вот, вчера был хлеб вкусен с материнной грудью.

— А где ж теперь наша мать? — спрашивают.

— Далеко, — он отвечает. — Вот если пойдёте со мной, так я доведу вас.

— Пойдём.

— Ну, так забирайте свой шалаш.

Он вышел на берег моря и крикнул:

— Лодка, явись сюда!

Лодка явилась. Ни весла, ничего нет.

— Как же мы поедём? Надо вёсла найти.

Он и говорит;

— Нас по ветру понесёт.

Вот и сели в лодку. Мигом приставила лодка в этот дворец. Мать срадовалась, что сыны явились все. Жить ей хорошо, и ребята прогуливаются. Ходят пароходы, корабли, и каждый видит: остров оказался, и дворец оказался, и двенадцать молодцов.

Опять приезжают в этот город. Государь спрашивает:

— Что, какую новость видали?

Ему и рассказывают:

— Раньше мы видали, что там дворец был, а теперь уже двенадцать молодцов есть.

Он и говорит:

— Надо съездить, посмотреть.

Она и рассказывает:

— Большое это диво, и большая это новость. Вот если бы там, на острове, была свинья — носом орала, а сзади рожь сеялась у нее. А на дубе стояла б мельница, и чтоб эта мельница сама молотила и сама молола, тогда б можно было ехать посмотреть. Это — диво!

Государь остановился, не поехал.

Через три дня приходит опять пароход. Он опять новость спрашивает:

— Какие новости слыхали вы?

— Да вот, дарь! Был на острове дворец, а потом было двенадцать молодцов. А теперь, оказывается, свинья роет, делает поле, сзади рожь сеет. Рожь поспевает — неизвестно кто убирает. И на дубе стоит мельница. Мельница сама молотит, сама мелет и муку спускает и в мешки набивает. Но только неизвестно, куда отправляет.

Государь и говорит:

— Ну, теперь надо ехать, посмотреть эти местности.

Она отвечает:

— Это еще не новость.

Государь отвечает:

— Так какая еще должна быть новость у нас?

— Вот бы новость была хорошая: чтоб из нашего крыльца до того дворца был стеклянный мост и прислана карета, тогда б можно ехать нам.

Ну, вот государь опять же замолк и думает:

— Ну, ладно, потерплю.

На утро государь прочиняется — стеклянный мост является и карета стоит. Государь выходит:

— Ну, дорогая моя, теперь нам придётся ехать туда! Ты что ни сказала — всё сделано нам.

Она ему отвечает:

— Пусть двенадцать молодцов сами приедут сюда, то ты их отсюда палкой прогонишь.

Государь отвечает:

— Так чего же их гнать, когда они просят туда нас. Так ты не поедешь туда?

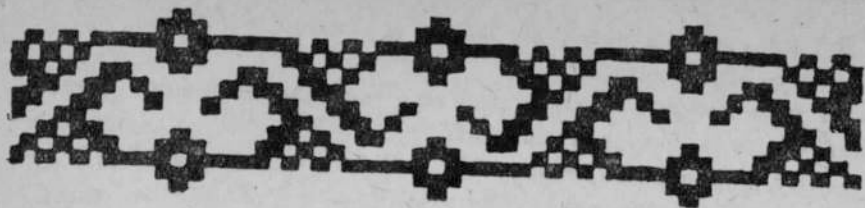
— Не поеду.

Да. Вдруг является один молодец.

— Ну, так поедем, царь? Мы тоже царство открыли. Сидели мы в бочках, как в тюрьме. Ты когда женился, то сказал, что двенадцать братьев родятся, а я тринадцатый. То я всё-таки царствую и царствовать думаю. Что если я помру, то у меня двенадцать останется, то всё-таки будут поминать меня, что он не сдался никому в руки, что у нас двенадцать еще людей верных есть. (Вот сказать сейчас: Ленин помер, взял¹ советскую власть, а двенадцать молодцов оставил. И они всё ведут и советскую власть держат. И никогда никому не взяли, потому что молодцы эти не помрут: один умирает, а другие научаются. А все они идут за нас, за советскую власть. То эти боатыри собою врага.)

Государь выслушал его и потом поехал туда. Забрал свою жену, забрал своих сыновей и приехал в свой дворец. Взял двух свойчиц, вывел пару лошадей, привязал к хвосту и пустил в чисто поле. Они кончились. Он стал с женой и с двенадцатью сыновьями проживать, силу укреплять, так что этих теперь двенадцать молодцов никто не возьмёт. Они и сейчас живут.

12. ПРО ЗОЛОТОЕ ЯИЧКО.

В деревне жила женщина. И у нее была такая кúрка, что она несла яички не простые, а золотые. На крыле этой курки было написано: «Кто съест это крыло, тот может быть государём, а кто съест яйцо — тот может золото, серебро выкидать из своего рóта».

Ходил один мужик к этой женщине. Мужик был грамотный. Он и прочитал, что на крыле написано. Он и говорит:

— Ты знаешь, дорогая, я тебе что скажу: зарежь ту курицу и сжарь ее, и я съем.

Ну, она, как не знала, что это такая курица, то она сказала:

— Зарежу.

Она и зарезала и поджарила. Там в середине было яйцо. То один сын говорит:

— Мамаша, дай я это яичко съем.

Она говорит:

— Как же ты сырое будешь есть? Его надо сварить. То ты это яичко [можешь] съести и брат твой попробует.

А он говорит ей:

— А покажи-ка мне его.

Мать подаёт ему в руку. Он разбил да всё и выпил, — и брату не дал.

— Ты что ж Пётку не оставил?

Он и говорит:

— Прокатилось, мамаша, всё.

Она и говорит:

— Ну, на здоровье!

Он говорит:

— Спасибо, мамаша! Оно мне сладко показалось.

— Ну, ладно. То тогда я поджарю курицу, так с курицы хоть Пётку отдам крылышко.

Она поджарила и отдаёт крылышко Пётку, что этот мужик не познает, что она отдала крылышко. Петька съел крылышко, то у Петьки уже надпись есть, что он будет государём, а у Алёши надпись, что золото и серебро будет из рóта катиться. Когда приходит к ей тот грамотный мужик, она подаёт ему эту курицу жареную. Он всю ее до кости помал, съел и спрашивает:

— А куда ж ты дела яйцо?

— Алёша выпил.

Его и кольнуло, мужика.

— Значит он будет теперь золотом, серебром выплевывать?

Он когда курицу съел, ничего у его не прибывает. Он смотрит на Пётку. У Петьки написано на руке, что будет он государём, а у Алёши написано, что будет золото, серебро катиться из его рóта. Он и думает:

— Как же мне теперь сделаться, чтоб оторвать от Петьки руку и съесть?

Ну, они, как мальчишки, не знали грамоте, и она не знала. Он и говорит:

— Теперь я после этой курицы ходить к тебе не буду.

Она спрашивает:

— Почему?

— А потому, что ты отдала Алёше яйцо, а Пётку крыло, то прощай, я и пойду!

Ей жалковато стало:

— Что ты хочешь?

— А вот я хочу — если сделаешь так, что я скажу: отрубни у Петьки правую руку и поджарь мне, я съем ее.

Ей жалко и Петьки, и жалко мужика (он любчик был, здесь какому догадаться можно). Он не идёт день, не идёт два. Ее берёт тоска, она посылает Пётку:

— Сходи, позови, пусть он придёт!

Петька приходит и говорит:

— Дядя, мама звала, чтоб ты пришел к нам.

Он и подумал: «Ага, засосало за сердце! То сделает, что скажу».

— Ну я приду вечером.

Вот он приходит и говорит ей:

— Ну, что, дорогая! Верно скучно стало, за сердце тебе засо-

сало, что я два дня не был. Если сделаешь то, что я тебе скажу, буду ходить, а не сделаешь — не буду.

— Ну, говори, — она опять же.

— Так я тебе рассказывал, чтоб у Петьки руку отрубить и мне поджарить, и я съем ее.

А Петька с Алёшем это всё слухают и говорят друг с другом:

— Видишь, Петя, — рассказывает Алёша, — тебе руку хотят отрубить. И она, пожалуй, согласится (Алёша был старшой). Видно по всем. Здесь беседовать нам некогда, а давай-ка побегём до дяди скорей!

Они прибегают до дяди, к отцовскому брату, и говорят дядю эту историю, что вот так-то говорил мужик нашей мамы, то мы и прибегли к тебе, мы туда больше не пойдём.

— Да я и не пушу вас, — сказал дядя. — А с этим подлецом расправляться будем, если так он говорит. Вам больше поверят, как ему (потому что они ребята глупые).

Дядя их оставил у себя, а потом заявляет старосту, что вот так-то ребята мне сказали. Староста пришёл, спросил. Они старосту рассказывали то же, так, как и дядю рассказывали. Староста посылает за урядником. Приезжает урядник. Они тоже и уряднику рассказывали так. Урядник посылает за становым. И становой приезжает, и пошла кашка по порядку. Становой стал сымать допрос, а мужик не сознаётся.

— Да я вовсе не ходил, да там и не был, да и того не рассказывал. Взяли и ее на допрос. Она сразу не призналась. Становой стал гладить ее.

— Да что ты, молодуха? Тебе ничего не будет, да и ему ничего не будет.

Она с глупости заплакала и стала признаваться становому:

— Вот, барин. Он мне велел заколоть курицу. Ну, я это сделала. Он съел курицу. То мне пришлось отдать Алёше яйцо с этой курицы, а Петю дала крыло. То он захотел у Пети руки съесть, но мне жалковато было. А он меня заставлял, а они услышали, испугались, да и к дядю побежали. Дядя заявил старосту, а староста уряднику, а урядник и вам уже, барин, донёс. И вот вы сюда приехали и знаю, что нам попадёт теперь обоим.

А мужик всё оправдывается, что она ложь рассказывает сама. Мужика этого арестовали.

— А ты оставайся пока дома.

Подходит уже осень. Ребят отправили в школу, так что им одному десять лет, а другому девять лет, и они походили. И скоро они научились грамоте. И видят они сами, что есть у их такая надпись. Они и говорят:

— Нам и сидеть здесь нечего. Пойдём добиваться, где может Петька остановится государём, то и я буду там жить ко́ло его.

Они прошли мало-немного, заходят они в одно царство. В том царстве не было государя — он был помёрши. Там собираются и выбирают государя, чтоб там нашолся человек (вот как сейчас у советской власти Ленин, когда сбросили царя). Когда они приходят с Алёшем (а было собрание в церкви), публика была большая и каждый держал свечку в руках. Когда они только вошли в церковь, то у каждого в руках загорелась свечка, то они рассказывают:

— Кто у нас такой пришёл?

— А вот два молодых человека, то из их придётся выбирать.

Стали они сами собой поговаривать: «И они обоим одинаковы, вроде как братья. Который из них должен нас избавить от гнёту помещиков и быть хозяином? То наверно это такой человек пришёл, что нам покажет путь, как нам жить на свете. Что сразу свечи загорелись, то мы его и поставим и будем слушать, что он нам скажет. Только неизвестно который».

Петька и рассказывает:

— Я выйду с церкви, у вас свечи и потухнут.

Он и пошёл. Когда вышел он с церкви, только двери открывает — свечи все потухли одним мигом. Когда он вернулся назад, то свечи загорелись опять. Они и просят его:

— Теперь ты будешь у нас царём. Ты будешь выбран у нас народом.

— Я-то могу быть царём, но я не хочу быть. Я буду вам рассказывать, а вы только должны слушать. От гнёту мы освободимся, только надо слушать меня. Когда мы возьмём всё государство в свои руки, то у нас не будет помещиков, не будет кулаков и не будет государя, а только будет один научать, как на свете прожить, а мы будем все равные. Как я, так и вы.

Они крикнули все «ура» и хлопнули в ладошки и сказали все, что мы будем слушать твоего совету.

Начали вместе работать все. Собралась их кучка небольшая, а всё идёт вперёд, за ими идёт весь народ. Год от году кучка прибывает, побольше собирается. Живёт несколько лет, помещики и не стали драть и на работу гнать. Стали они жить, веселиться, и стало всего много, так что и класть некуда.

Петруха остался здесь царём, а Алексей пошёл своей дорогой подалее. Он идёт. Приходит в один город. В этом городе была княгиня, и волшебница она была. Она и увидела этого Алёшу и призывает она к себе его:

— Ты вот как с дороги, дак зайди ко мне, я угощу тебя.

Он зашел. Она начала его угощать разными винами. А, верно, любил «не выпить» (как и мы: *иде увидишь, так беюм бежишь*). Он здорово подпил, — до тех пор, пока не стал блевать. Когда выbleвался, то это яйцо выкатилось — середина его. Она подобрала, в сундучок убрала и Алёшу за дверь выбросила. Алёша прочиулся:

— Что ж я спал? Был в комнаты, оказался на помойном ямы.

Он плюнул, чтоб покатилося золото, а там ничего нету.

— Да. Вот теперь я, видно, всё своё счастье отдал. Кому, что — не знаю сам.

Завернулся и пошел назад. Идет он дорогой, повесивши голову. В одном кармане — вошь на аркане, — а в другом — на цепу, и похмелиться не на что. Стречает его старый старичок и говорит ему:

— Ты что голову повесил?

— Да, молчи, дедушка! Было счастье, да улетело!

— А куда ж оно улетело?

— Да не знаю сам.

— А какое было?

И он рассказывает, что «было такое у меня яйцо золотое, то я всегда мог деньги иметь, а сейчас не имею ничего».

— Ну, дак вот, я тебе пособлю достать его назад. На тебе десяток яблоков и ступай назад и дай горничной. Она выйдет за водой, то дай яблок съести.

Он приходит. Стоит колода. Приходит горничная за водой. Тут десят штук красивых яблок лежит у его.

— Ты что, продаёшь яблоки, молодой человек?

— Да, продаю.

— А почём, — говорит, — яблоки?

— А разные есть.

— Жалко мне, что с собой я денег не захватила, а то бы я хоть бы одно такое яблочко купила.

— А я могу вам одно и так подарить.

Он подарил ей яблочко.

— Вы, — говорит, — съести его сейчас.

Она съела.

Ей было сорок пять — сорок шесть лет, уже на лбе морщак и были немножко. Тут сделалась лет семнадцати красавица. Ну, а она сама себя и видит, что такая родилась красота. Приходит домой. Это увидела княгиня.

— Это не ты, Анютка?

— Я.

— Да что ты такая стала красавица и молодая?

Она к зеркалу подскочила и говорит:

— О, барыня, я получше теперь вас!

— Отчего ж ты так стала? — говорит.

— Дак вот, — говорит, — я пришла за водой, а там молодой человек продавал яблоки. И вот мне яблочко дал. Когда я это яблоко съела, так ты видишь, какая я стала.

— Так на тебе денег, бежи и мне купи (чтоб молодой быть, омолодиться).

Горничная приходит, он дожидает.

— Продай, — говорит, — и барыне моей яблоко.

— Да можно, — говорит.

Он и продал яблоко и рассказывает:

— Скажи своей государыне, что пусть зайдет в такую комнату, где нет зеркалов и съест яблоко. А потом, когда съест, пусть посмотрит в зеркало, какая она будет красавица.

Она так и сделала. Зашла, съела, прибегла, в зеркало посмотрела, а там лосиные роги выросли на голове и уши ослиные, и сама в шерсть, так что и платья нету. Она тут и заскакала. Она тут призвала парикмахера брить шерсть. Ну, как ни брёт, всё они растут. Распиливает роги — и они всё лезут дальше. Тут княгиня уже и на свет не показывается.

Через несколько время он [Алёша] сам сделался старым старичком, коклатым мужичком (как и мы сейчас). Сидит, — во все стороны волоса действуют. И является к ей. Но, она сама не показывается. Он заходит на кухню и просит милостыню. То эта красавица подаёт ему милость. Он и говорит:

— Эх, какие вы счастливые, да какие вы красивые! Семьдесят лет на свете живу, а такой красавицы не видал.

Она и рассказывает:

— Мне, дедушка, было сорок пять лет. А вот мне продал молодой человек яблоко, я съела и такой красавицей стала. А вот тот же самый продал нашей барыне. Наша барыня как съела, то выросли у ее лосиные роги, стали ослиные уши и сама вся в шерсть. Чуть не каждый день брёт, а всё у ней растёт. И роги спилит, а через час они опять такие.

Он и отвечает:

— Я бы мог вылечить вашу барыню.

— Так посиди, я сбегаю к ей!

Она побегла и рассказывает своей барыне:

— Тут, барыня, пришел нищий, просит милостыню, и я ему дала. И он полюбовался на мою красу. То я сказала отчего я стала красива и бела, что я яблоки взяла. А барыня съела яблока, — ска-

зала я ему, — то у вас выросли ро́ги и уши. Так он сказал, что это можно вылечить.

Она является к ему на кухню и говорит:

— Что, дедушка, можешь пособить горю моему?

— Можно, дорогая. Только это тяжело будет. Выросли они легко, а выгнать их тяжело. Это, что я скажу вам, то вы должны сделать: тут надо вытопить баню пожарче́й и придётся мне вас вымыть в бане, а потом обрить, то тогда больше они не вырастут; и взять хорошие ре́мни, вас привязать, чтобы с полка́ не скатились; и поставить от крыльца и до бани, так, чтоб на один сажень ширины стоял бы человек и что ты будешь хоть кричать, а чтоб никто в баню не шол.

Она велела вытопить баню и поставила людей. Сама отправилась с дедушкой в баню. То он пришел, жару бросил.

— Да, можно здесь помыться теперь. Ну, так ложитесь на полóк я буду парить.

Она легла. Он ее привязал покрепче́й, жа́ру бросил еще. Вынимает хорошую плётку и начал парить. Она как ни повернётся, ре́мни не сдают. Она уже кричать стала:

— Дедушка, пусти, пускай я в ро́гах буду!

— Нет, дорогая, надо ро́ги снять!

Тут ей очень стало «тепло». Она и кричит:

— Эй, стража! Идите, отвяжите меня, сбавьте от дедки этого!

А приказ был такой: что она ни бу́дет говорить, чтоб никто не слухал.

Тут он ее всё парит. Она просится:

— Отпусти меня!

— Я тебе тогда отпущу, когда ты мне отдашь моё золотое яйцо.

Она и поняла:

— Ага, это не дедушка! Отпусти, я тебе отдам.

— Ну, так вот, скажи, где оно сто́ит?

Она рассказывает:

— Пойдём, я тебе отдам.

А он рассказывает:

— Вера теперь померла у нас. Ты только рассказывай, где оно находится.

Ну, она замолчала (она думала: обману его, не отдам).

Он опять берёт ковшик воды, кидает в ка́менку и начинает парить опять ее. И она опять закричала:

— Отдам!

— Так ты скажи, где оно сто́ит?

Она и говорит:

— В моей комнате в шкапу, в моём маленьком сундучку.

Он выскакивает на улицу и говорит:

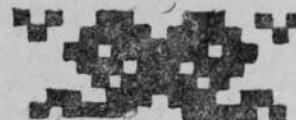
— Передавайте друг другу, что у нее в комнате есть шкап, в шкапу есть маленький сундучок. Чтобы его представить сюда!

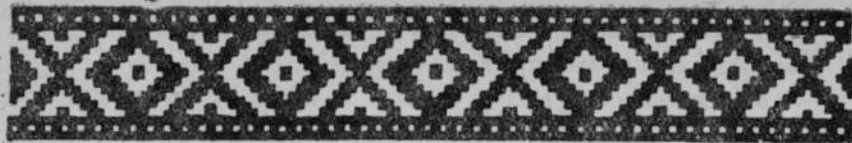
Когда сказано, то живо передано друг другу — и сундук явился. А он ее не развязывает, она всё лежит. Когда сундук он получил, открыл, яйцо своё взял. Опять его проглотил. Развязывает ре́мни и даёт ей яблоко е́сти. Она, действительно, яблоко съела. Это всё слезло. Как была красавица хорошая, то стала еще лучше. И она дверь открывает и передаёт, что — притащите мне оде́жу.

Оде́жу притащили ей, и она сделалась как следует быть. Он сам берёт, ест яблочко — сделался молодым. И вот с бани пошли дво́ем. Они стали угощаться. По́пили, по́ели, он и отправляется. Она и говорит:

— Знаешь ты, я бы желала вашей женой быть.

— А нет, я волшебниц бо́юся, я и так проживу.

13. ОБ ЗОЛОТОМ КОЛЬЦЕ.

В некотором царстве, в некотором государстве жил мужик. И было у его два сына. Один был умного таты, богатой хаты, с лица красивоватый. Он хоть пúтом подпоясывался, но храбрым показывался. Он думает, гадает, головой кивает, вдруг видит — на дороге лежит кольцо. Он колечко подымает, на свою грязную руку одевает и головкой поматывает:

— Кольцо хорошее! С этим кольцом (оно блеск даёт хорошо), если итти к барышням, да в темном уголке, так оно осветит, какая она есть. Эта штука дельная! Это находка мне хорошая!

Он с одной руки снимает, на другую перебрасывает. И подумал:

— Теперь бы с этим кольцом войти в гостиницу, пожалуй, за его можно было выпить, закусить.

А кольцо ему говорит:

— А что тебе надобно, то всё будет здесь.

Он и говорит:

— Была бы здесь бесёдка у нас.

Он сидит уже в бесёдке и перед ним стоит стол. Он говорит:

— Так стол пустой.

Вдруг расстилается скатерётка. Тут оказывается чай и сахар, Тёплый чай (как мы сейчас пили), тут колбаса, тут и ситный, тут выпивка и закуска. Он выпил, закусил, стало ему весело.

— Это штука дельная, я теперь поживу!

Он начал проживать, побольше стал свету видать. Денег ему не надо было. Куда только вздумает, с руки на руку кольцо перебросит, уже и там является.

Он идёт дорогой. Несёт мужик кота топить. Он и спрашивает:

— Куда идёшь, мужик, с котом?

— Да пакостный кот, дак я думаю его утопить.

Он ему отвечает:

— Да, пожалуй, и ты был пакостный! Ну-ка, сам не даеси, да святому принеси, — и сам пакостным будешь. А если б ты кормил его хорошо, то он и пакостным не был. Так вот, отдай мне его. И он у меня пакостный не будет.

Он его взял.

— Ну, котик мурыкин! Будем жить-поживать и добро наживать! Всё-таки мне охотней с тобой будет жить. А то я всё один.

Он его взял, пустил котика своего. Котик вслед идёт и песенки поёт. Он сымаёт кольцо и говорит:

— Кольцо, надо кота покормить!

Кольцо сейчас покормило кота, кот и посильней пошёл. Идёт. Стречает он человека с собаком. Ведёт собаку на верёвке.

— Ты куда идёшь, добрый человек?

— А иду в лес. Собака пакостная, так я его заведу, согну осину, привяжу верёвку. Осина вь́станет и собака зада́вится.

— Так за что ты его давишь?

— За то, что пользы он не даёт никакой.

— А на что ж его надо было брать? Всё-таки кто идёт он заляет?

— Лает-то он лает. Да там курицы неслися, так он у старухи съел десяток яиц.

— Так за яйца ты его давить пошёл?

— Да, приказу надо слухать нижней половины. То если ее не послухать — сам навёрх не попадёшь.

— Так почём у вас яйца стоят? — он спрашивает у мужика.

— Да вот, если прохожий идёт, — так по копейке даёт, а вот у нас есть в деревне Гордей, имеет свою лавочку, как у людей, то он даёт по грóшу, принимает. Да денег еще не даёт, а чтоб товаром брал.

— Ну, так вот, на тебе пять рублей и занеси своей нижней половине. Дай и скажи ей, что я продал собаку, а не задавил.

Он и приходит, мужик, домой, подаёт ей деньги и говорит:

— Вот я продал своего пса за пять рублей.

— Это хорошо, — она сказала, — что ты продал, деньги взял. А разве он там будет жить? Если он вырос здесь, то родина т́ягнет, как человека, так и животное, то он прибежит сюда, опять будет яйца ёсти.

А он рассказывает:

— Эх, ты, старуха. Раз человек купил, то он его не спустит, подержит его месяц какой, так он забудет про родину, если ему там будет хорошо жить. *(Это, бывало, по привычке и барин ездил на бричке. А теперь тот же самый барин ходит пешком, да и поглядывает боком, чтоб не дёрнул бы в шею обушком. Потому он сам знает, как мужиков драг, да с их пользу брал).*

Ну, а этот, который купил собаку, верёвку снял, кольцо велел накормить, напоить, да отправились в ход. Они идут с собаком, кот-мурлыка и сам хозяин. Кот-мурлыка встал к собаку на плечики, — собака несёт его. Может быть они ходили год, два. То эта собака и кот, они очень берегли своего хозяина *(не стали пакостные!)*.

В одно прекрасное время идёт он в город, — не то как в Ленинграде или в Петрозаводском. Стречается он на тротуаре с одной фрейлиной. И она ему понравилась.

— Вот и не жалко было б жениться на ей, на такой штуке.

Она прошла. Он ещё оглянулся назад — и задвóрок хороший. И он и думает:

— Ну, пройду дальше, спрошу своего кольца, что мне кольцо скажет.

Он снимает кольцо, перебрасывает на другую руку и говорит кольцо:

— Я видал такую-то фрейлину и она мне очень понравилась. Чтоб жениться на ей?

— Жениться-то можно, но только через три года она тебе измену даст, и будет тебе тяжело жить.

Он и подумал:

— Может быть, через три года и я помру, а такой штуки опустить нельзя.

— Ну, дак вот, ступай в магазин и скинь деревенскую свитку, одень хоть пиджачок какой серой материи, да и отправляйся туда. А я постараюсь.

Он, действительно, пошел, переменял одежду и является. А это была княгиня, да и она сама была волшебница. Ну, явственно, она не знала, волшебница, что у его есть такое волшебное кольцо, и она его приняла. И понравился он ей уже, потому что всё кольцо командовало. Они поженились, обнялись, поцеловались и спать пошли.

Вот живёт он уже недельку, две. И кот и собака тут находятся у его. Он стал замечать, что там повара и лакеи стали собаку пинком попихивать. Он увидал и дал приказ:

— Если кто пинком обидит собаку или кота — сам улетит!

Он прожил три года, как ему кольцо сказало. А она всё доби-

ралась, чем он командует. Ну, он всё не сознавался, всё, знаешь, скрывался, а это забыл, что ему кольцо сказывало: «Три года проживёшь и в беду попадёшь».

Он и сказал:

— Что я командую кольцом.

И вложил пальцы ей в рот. Она ему пальцы откусила, кольцо его утащила. Кольцо взяла, а его на второй день в темницу заперла. Остался кот и собака не при чом, торговать кирпичом.

Вот он сидит в темнице. Никого — ни кота, ни собаки нету, и барыня удрала к другому господину — тот был почище и помолодче уже.

Кот и добрался к своему хозяину в окошко, в темницу, и говорит хозяину:

— Ну, пойдём искать хозяйку! Найдём, дак мы здесь будем *(кот украдёт кольцо у ее)*.

Они и отправились. Приходят они к морю. Кот садится на собаку, собака вдарилась вплавь. Эх, переплыли и попали к хозяйке.

Когда явились они туда, кот и собака, то она увидала кота и собаку.

— Это, — говорит, — моего прежнего мужа собака и кот. Надо их взять сюда на кухню, и они обе умные, пусть живут здесь у меня.

То кот постоянно около ее так и вьётся, а собака так не будет, всё полёживает. Ну вот, когда она ложилась спать, то она кольцо клала всё за щёку. То кот видит, что она за щёку кладёт, что, знаешь, никак нельзя взять. То он поймал мышонка, его немножко притис, чтоб он был ни мёртвый, ни живой, — и отдал собаке его.

— Ты, — говорит, — до вечера караул его, а вечером он мне понадобится.

Вечером забирает кот мышонка.

Она ложится спать и кладёт кольцо за щёку в рот. То когда она заснула, кот-мурлыга соскóчил тихонько на кровать и сунул этого мышонка в ее рот. Та прохвати́лась — мышонок в роте, и она начала блевать, — даже забыла, что кольцо за щекой. То кот схватывает кольцо. А двери были закрыты, выскочить ему некуда. И он разогнался шибко, лбом в стекло. Разбил, и сам со второго этажа выскочил. Собака был на кухне. Он приходит к дверям и начал кричать. Там слышали.

— Как же он попал на улицу? Узнает хозяйка, будет беда нам.

Пустили. Ну, а собака уж знал, что он схватил кольцо, собака кинулся к порогу.

— Верно захотела до ветру и собака.

Пустили и собаку. Тут и кот и собака не вернулись, уже убегли. Прибегают они к морю.

— Ну, садись, брат, на меня!

Вот и поплыли. Тут поднялся ветер и буря, стали волны бить здорово. Собака и спрашивает:

— Ты всё-таки наверху сидишь, — далеко берег, аль нет?

— Недалеко!

И он, когда стал отвечать, кольцо спустил в море, и кольцо потонуло. Они выплыли, кот и говорит:

— Достали, брат, счастье, да не пришлось подать хозяину в руки. Когда ты спрашивал, тогда я его спустил в море с ответом.

— Ну, вот, это плохо нам.

Собака и говорит:

— Вот мы теперь от неба оторвались и земли не достали. Теперь как мы будем жить? Туда нам пройти назад — нельзя. Приходится где-нибудь у какого-нибудь мужичка пожить.

Вот они идут. Стоит избушка. В этой избушке живёт старушка со стариком. Старик ловит рыбку, старушка чистит да варит, — старика подкармливает. Ну, коту хорошо, хоть с рыбы кишки есть. Ну, собаке, когда бросит кусок хлеба, тот всё впроголодь живёт. Собака и рассказывает:

— Тебе хорошо, ты сыт. А мне другой день бросят корку сухую, сгрызу, да и так лежу.

Кот отвечает:

— Погоди-ка, я буду и тебя подкармливать. Ты постоянно на улице, а я всё в избе.

Там что останется у старика и старухи, кот крадёт и собаке несёт. Прожили они месяца три, четыре, и старик пошёл ловить рыбу, и поймал щуку, и начал чистить. У этой щуки оказалось это кольцо. То когда кольцо она показала старику, старуха и рассказывает старику:

— Вот, старик, не зря люди говорят, что щука каждого съедает, — кольцо и то съела.

Старик и говорит:

— Да это, старуха, кольцо натягнет денег. Ты его положи в шкаф, а я в воскресенье пойду в город, найду к знакомому часовому мастеру, он, пожалуй, рубля три даст.

Старуха — за кольцо; притащила, в буфет положила! Но такой буфет, в каком дверей нет. Сама пошла варить рыбу. Кот сбегал на буфет, что тут старухи нет, берёт кольцо и отправляется к собаке.

— Ну, пойдём-ка, брат, некогда спать! Нашего хозяина счастье у меня в зубах.

Они и понеслись в этот замок, где был хозяин засажён. Хозяин сидел на третьем этаже, — как в Сокольниковской тюрьме (я сидел на первом, на втором, на третьем этаже, — на всех перебивал). Он по подводной трубе пробрался, на окошко проскочил и начал кричать. Услыхал его хозяин, открыл форточку и пустил его. Подает хозяину кольцо. Хозяин израдовался. С руки на руку перебрал.

— Открыть замок, выпустить всех!

Замок открылся, все закричали:

— Ура! кто такое сбавил нас?

Сам отправился туда, где жил со своей женой. Жены нету. Он с руки на руку перекинул кольцо.

— Представить мне сейчас ее!

Через несколько минут и она тут является.

— Ты что же сделала надо мной?

Она стала проситься:

— Милый мой, я не знаю, что случилось со мной!

— Верю, голубка, тебе, что ты изменила мне. Ну дак вот, запрети ее в тот замок, в котором я сидел, на фунт хлеба, на стакан воды! Пусть и она познает, пусть жир спадёт немного!

Так и сделал. А сам женился на другой и начал здесь проживать, добро наживать. И я там был, мёд, пиво пил, — в роте не было, по бороде не текло и пьяный случился. И вот сказал: случится, что и богатый к бедному стучится. Вот теперь и богатые поверили бедным, что правду бедняки рассказывали, что и мы будем командовать вами. Так кулаки крылья опустили, а рабочие люди, у их крылья выросли, и теперь они живут и благодарят Ленину и Сталину, что пошла наша жизнь хороша.

14. ПОРТУНЕЙ-ПРАПОРЩИК.

В некотором царстве, в некотором государстве был царь. Была у его дочка — такая красавица, что даже лошади пугались, извозчики ругались. Вот она вышла однажды к морю на прогулку. Ее схватывает маленький мужичок, голова с пивной котелок, а ростом под потолок (вот какой маленький!), и утащил ее. Но видали, как он ее взял и в море помчался. Действительно, государю стало жалко своей дочери. Он и говорит:

— Если кто найдет мою дочь, я бы отдал за его замуж и полцарства своего отдал бы.

Тут никто не находился. Один рядовой солдат и говорит:

— А я бы, пожалуй, нашел бы ее!

Ну, солдаты стали смеяться ему, что где ж ты можешь найти, если взял ее Змей какой.

— А это уже дело моё, — сказал солдат.

Вот докладает он своему дядюшке, а дядюшка фельдфебелю. Фельдфебель там докладает ротному. Ну, а ротный докладает своему генералу, генерал докладает государю, что вот такой-то солдат берётся найти вашу дочь.

Государь его призывает и говорит ему, что:

— Ты обещаешь разыскать мою дочь?

— Так точно, ваше императорство, могу!

— А где ты ее будешь искать?

— Надо ехать по морю. То мы должны три года туда ехать, а три года оттуда, да месяца два, может быть, придётся на месте жить, там уже.

Тогда государь ему и говорит:

— Придётся корабль тебе дать и капитанов и матросов?

— Да, — говорит.

Это сделано было. Он государю говорит:

— Я — рядовой солдат, меня слушать не будут. А дайте мне какой чин, чтоб я был старшой.

— Ну, что ж тебе дать?

Он говорит:

— Так вот дайте мне — портуней-прапорщик буду.

Тут ему нашили нашивки, и он стал портуней-прапорщик уже. Ну, и вот рассказывает государю:

— Вы дайте мне, чтобы на всю команду у меня хватило харчей на семь лет.

Ну, государю недолго нагрузить корабль — хватает вина, да и хлеба, да и продуктов. Корабль отправился. Портуней-прапорщик прохаживает там по кораблю, матросам даёт выпивать. Все его полюбили, портуней-прапорщика, ну, и должны подчиняться ему.

Они там остановятся на якорь отдохнуть, ну, а потом суток двое идут на прямой путь, — так что до трёх годов он цельный месяц не доехал. Видит — стоит остров. Он и говорит:

— Подворачивайте-ка на этот остров!

Подвернули, но близко не подходят к берегу — нужно узнать раньше глубину. Велел бросить якорь с одной стороны и с другой, чтоб корабль ни туда, ни сюда не мог подаваться. А сам садится на лодку и берёт двух с собой человек, и берёт продуктов на целую неделю, что «мы здесь поохотимся».

Они приехали на остров и пошли по берегу. Видят — стоит избушка, и они заходят в эту избушку. В этой избушке — печка, и в печке вмазан котёл, так что человек на десяток можно прокормить. Портуней-прапорщик и говорит:

— Вот здесь нам, пожалуй, будет хорошо, никого здесь нету. Ну, вот ты, один, оставайся здесь и вари обед, а мы пойдём.

Этот занимается варить обед, а портуней-прапорщик пошёл с одним солдатом на охоту.

Вот они там прошли, убили ли чего, не убили — нам неизвестно. Приходят обедать. Обед не готов еще. Всё варится. Вот он и крикнул:

— Ты что делал тут? Не мог наготовить обед?!

— Да, молчи, портуней-прапорщик. Голова у меня заболела — долго пролежал. Сейчас готов будет!

Они легли спать.

Проспали, а этот никому не рассказывает, что с ним было.

На второй день портупей-прапорщик и говорит:

— Ты плохо варишь обед, так пойдём со мной, а ты оставайся готовить обед здесь, — на другого.

А этот думает: «Что было мне, то будет тебе».

Пошли они опять на охоту, с этим, который варил обед. А этот остался варить обед. Только сварил обед, попробовал и говорит:

— Вкусно! Хотя бы пришёл портупей-прапорщик, можно и обедать.

Только это подумал, — вдруг открываются двери. Входит сюда маленький мужичок, сам с ноготок, голова с пивной котелок, ростом под потолок. Ну, вот он и говорит:

— Что ты делаешь?

— Обед варю.

— А дай-ка мне покушать.

— Как же я тебе дам, когда придёт сам портупей-прапорщик обедать. Если я тебе отдам, так портупею-прапорщику не будет уже.

Он берёт солдата за шкёртку. Помял его немножко и выкидывает его за двери, садится и обедает. Пообедал и говорит:

— Ну, теперь вари портупею-прапорщику!

Он и начал готовить. Ну, сготовил немножко. Является портупей-прапорщик.

— Ну, что, обед готов?

— Да, пожалуй, что не готов, портупей-прапорщик.

— Почему же так?

— Так что пока за дровами ходил, да попалось дрова плохие, ну, вот и время прошло. А вы, видно, поспешили обедать пришли.

Ну, когда обед сготовился, они пообедали, а друг другу не скажут никто никому. Проночевали они опять. Портупей-прапорщик и говорит им:

— Ну, ступайте-ка на охоту, а я буду обед варить сам!

— Пожалуйста, вари.

Вот портупей-прапорщик и остался, а они пошли на охоту.

Этот, который вчера варил, и спрашивает у другого:

— Что ты видал?

— А ты что видал?

— Да ко мне, — говорит, — пришёл маленький мужичок, голова с пивной котелок, ростом под потолок и спрашивает меня: «Что ты делаешь?» Я сказал: «Обед готовлю». Он говорит: «Дай же и мне пообедать». А я заспорил, не стал давать — побоялся портупей-прапорщика. То он меня сгрёб и бока мне помял, за дверь выкинул, обед поел и сказал: «Ну, теперь вали портупею-прапорщику вари». Ну, и вот, я и стал варить второй раз. Ну, и не управился сварить

еще, и сказал, что голова болела. Ну, думаю, попало мне, пускай и вам попадёт.

Другой и рассказывает:

— Так же и мне было, как и тебе. Теперь пушай сам он варит. Попадёт и ему сегодня, и он узнает, почему обед не скоро варился.

Ну, вот, портупей-прапорщик сварил обед и подумал: «Теперь солдаты придут, — не скажут, что обед не сварённый».

Вдруг дверь открывается. Входит маленький мужичок, сам с ноготок, голова с пивной котелок, росту под потолок и говорит:

— Здравствуй, портупей-прапорщик!

— Здравствуй! — ответил портупей-прапорщик.

— Что делаешь?

— Обед солдатам варю.

— А что же, — говорит, — готов обед у вас?

— Да, готовый.

— А мне не дашь покушать?

— Пожалуйста, садись за стол, будем обедать.

Они и сели за стол. Портупей-прапорщик стал наливать, стал подносить:

— Кушай, кушай!

— Да, садись, портупей-прапорщик, ты со мной обедать.

— Можно.

Сел портупей-прапорщик.

Он стукнул об стол:

— Ну, — говорит, — дайте нам разных вин сюда.

Тут оказались разные вина, разные закуски, и стали они выпивать. Маленький мужичок пьёт ковшичком, и портупей-прапорщик пьёт. И он ему кричит, маленький мужичок:

— Пей, пей, портупей-прапорщик! Ты у меня в гостях, и я с тобой охотнее выпью.

Портупей-прапорщик выпивает, да в рот мало попадает, — так что он мимо спускает. Ну, когда этот спился, великан, портупей-прапорщик еще не спился. Да он и думает, портупей-прапорщик: «Мне от его хоть так не выйти, хоть так не выйти. Это тот самый и есть, кто украл государя дочь».

Он берёт свою пашку и срубил ему голову, этому великану.

Когда срубил голову, пощупал у его в кармане, — нашёл три ключа. Он сам себе и думает: «Где и тут — не видать никаких избёв, а ключи у его есть? То надо поискать избёв этих».

Он и стал смотреть по стенкам, что избушка небольшая — два окошечка, а там оказалась щель маленькая. Он видит, что в стене вроде щель замка. Он всадил один ключ — не подходит. Второй — не

подходит. Третий ключ всадил — и дверь открылась. Там оказывается комната.

Он стал по стенке опять смотреть. Оказывается опять щель.

Он всадил один ключ — не подходит. Он другой всадил — этот подошел. Тут открывается дверь опять. Тут комната уже шикарна очень, лучше первой. Ну, ему рассматривать некогда было. Он стал рассматривать скорей щели. Смотрит — щель. Он сажает ключ — подходит. Открывает двери — там сидит государская дочь. Она говорит:

— Эх, португей-прапорщик! Ты с моей стороны, русский человек — только не придётся тебе жить на свете. И как ты мог сюда попасть?.. Сейчас придёт маленький мужичок, сам с ноготок, голова с пивной котелок, ростом под потолок. Ты лучше уходи отсюда, то, может быть, поживёшь.

А он говорит:

— Ты не пугайся, прекрасная царевна! Я его ключами три комнаты открыл, а ему голову срубил.

— Ну, так вот же, если так, — она говорит, — ты будешь мой муж, а я твоя буду жена. И вот на тебе мой именное кольцо, — и обняла его и поцеловала, — за то, что ты меня освободил с этого места. Мы теперь можем с тобой здесь жить.

Он ей говорит:

— Нам жить тут нечего, мы поедem в своё царство.

И вот он:

— Давай оберём это золото и серебро с комнаты!

И он начал обирать золото и серебро со стены. И жалко ему показалось кольца: чтоб не изломать, он снял с руки своей, пошёл на окошко.

Когда они обообрали, выходят они с этой комнаты в другую и в третью. Входят они в ту избушечку, где они готовили. Солдаты тут напились, наелись и лежат здесь. Тогда португей-прапорщик крикнул на их:

— Давайте, живей пойдём на корабль!

И вот они приходят на берег, чтоб им подали лодку.

С корабля видят, что шли туда троём, а оттуда идут четвером, и сказали:

— Вот и государская дочь идёт.

Все стали радоваться:

— Теперь и нам хорошо будет!

Подали лодку. Приезжают они на корабль. Его поздравляют, португей-прапорщика, кричат «ура».

Португей-прапорщик вздумал про кольцо:

— Ах, я забыл кольцо на окошке!

А она говорит:

— Ну, что ж, забыл, так будет кольцо такое.

— Эх, милая моя! Так не жалко, что я тебя достал, а жалко подарка твоего.

Он велел садиться в лодку и поживей на берег ехать; и взять с собой шесть человек. Когда они поехали на берег, португей-прапорщик побёг за кольцом; и он кольцо взял и бежит к морю скорей, чтоб на корабль поспеть.

А капитан позвал ее в свой кабинет и говорит ей:

— Вот у нас уже корабль пошел. Португей-прапорщик, на корабль не попадёт и он тут и погибнет! А ты вот скажи — не португей-прапорщик нашол тебя, а что я нашол.

Она говорит:

— Как же я могу сказать, когда он нашол, а не ты.

— Ну, всё равно, если не согласишься, то через борт тебя выбросим и скажем, что португей-прапорщик пошел искать и не нашол; и мы сколько время не стояли, португей-прапорщика не дождать и его шесть человек, то они, наверно, погибли, — они и погибнут.

Ну, она видит, что делать нечего — с одной беды сбыла, в другую попала. Она и сказала:

— Ну, скажу.

Прибегает португей-прапорщик к берегу. Гребцы стоят здесь с лодкой, а корабль пошел.

Он:

— Что, — говорит, — корабль отвалился, пошел?

— А не знаем, португей-прапорщик, что там случилось.

— Ну, давай гнаться за им на лодке!

Гнались, гнались, никаким родом не догонят, а корабль дальше и дальше, не останавливается. Схватила бурея, повернула ихнюю лодку, и эти шесть человек погибли в море, а его выкинуло на какой-то берег.

Когда выкинуло его на берег, он на берегу пролежал немножко и отошал и обдумал сам себе: «Дурак я, что за кольцом побежал. Это, наверно, капитан себе славу стал доставать и красавицу захотел взять. А мне, верно, придётся здесь погибать».

Он тихонько, нога за ногу пошел перетантываться на остров. Шол, шол и свалился, вроде как на каком поле. Уже да́ле не может итти, сил его уже нехватает, думает:

— Сейчас я погибну.

Вдруг к нему подходит человек.

— Что, португей-прапорщик, лежишь? С силы сбился?

— Да, сбился.

— Ну, так вставай-ка!

— Я не могу встать.

Он подходит, берёт его за руку и поднимает.

— Окрепись, портупей-прапорщик, а про царевну не думай! Я поведу тебя к хозяину своему, поправлю силы твои и ты послужишь годика три ему, и будет царевна твоя, и раньше приедёшь царевны домой.

И он кое-как пришёл, и он его накормил, напоил.

— Теперь, — говорит, — отдохни, а скоро хозяин придёт, я хозяину докладу об тебе.

Он отдохнул. Приезжает хозяин. То этот докладает, что «вот портупей-прапорщик ослаб здорово на нашем поле, я поднял и привёл его в наш дом и подкормил его немного, дак вы за это меня не будете бранить?»

Хозяин отвечает:

— Нет, это не худо ты сделал, что человека сбавил. Каждый хочет на свете жить. Да ты его еще подкорми хорошенько, а завтра приведи его ко мне.

Так он и сделал. Вот и говорит:

— Видишь, портупей-прапорщик, хозяин одобрился об тебе и видеть, что он твою молодость пожалел и пожалеет еще. Он будет тебя приглашать, чтоб ты у его три года прожил, то ты согласишься, то ты раньше прибудешь корабля царевны.

Назавтра он приходит и приводит портупея-прапорщика к своему хозяину. Портупей-прапорщик и говорит:

— Здравствуй, хозяин!

— Здравствуй, здравствуй, портупей-прапорщик! Небось заскучал по царевны?

— Да, немножко скучновато, да делать нечего.

— Ну, не скучай, я пособлю твоему горю! Через год ты можешь дома быть. Год поживёшь у меня и я тебя отправлю.

Портупей-прапорщик согласился.

— Ну, вот, портупей-прапорщик, пойдём же, я тебе покажу, какая будет служба у нас.

Он и повёл портупея-прапорщика.

— Вот тебе все ключи, вот тебе все сарай, вот тебе все лошади! И ты будешь полным хозяином здесь. Только вот в это место, на склад ты не ходи. А если ты пойдёшь в это место, то тогда не попадёшь скоро к своей царевны.

Ну, вот он остался, и живёт, портупей-прапорщик. Всё-таки год длинный, а всё об царевны думает, как царевна всё вперёд двигается.

Уже год проходит. В одно прекрасное время идёт он кóло склада и думает: «А если я зайду и посмотрю, будто он узнает?»

И отворяет двери, заходит, а там прикованный на цепях трёх-главый Змей. Он и говорит:

— Эх, портупей-прапорщик, расклепал бы мне эти цепи, я б тебе большую службу сослужил.

Он говорит:

— Какую ж ты мне поможешь службу сослужить?

— Я б тебя доставил в твоё царство мигом, что и хозяин твой не узнал бы.

Портупей-прапорщик и подумал: «Выпустить этого Змея, так скоро я буду в своём царстве. А чем же мне эти цепи разрубить?»

— Да вот там стоит за конюшней кузница. Так вот там есть зубило и молот. И бери, и разрубишь.

Он ворочается со складу, закрывает двери, отправляется в кузницу. Только он закрыл двери, является тут хозяин. Хозяин и рассказывает:

— Что же ты наделал, портупей-прапорщик! Я тебе сказывал не ходить в это место, а ты пошёл. То вот ты жил год у меня, а за эту вину, ты должен еще год служить. А не хочешь служить, так убирайся с моего дому, куда хочешь!

Он стал просить прощенья. Опять начал служить.

Служил, служил, да опять ошибку сделал. Задумался об царевны. Он только зашёл опять сюда, в этот склад, Змей опять кричит таким способом:

— Освободи меня, портупей-прапорщик, то ты будешь счастливым!

Велит ему идти опять в кузницу и взять зубило и молот и разрубить цепи.

А тут хозяин опять вылетел (у хозяина от склада были протянуты провода, так что кто дверь откроет, так уже хозяину известно). Хозяин и закричал на портупея-прапорщика и прогнал.

Портупей-прапорщик дней пять проходил и без еды опять ослабел и свалился. А этот подходит, который раньше спас, приносит ему хлеба.

— Ну-ка, поешь! Сегодня придёт хозяин, так ты иди, да попроси у его прощенья, то может он тебе и простит. Давно бы ты дома был, если б не сделал этого. Ну, всё равно. Если дома был бы — не весело тебе там было бы, потому что еще к дому кораблю год и месяц надо идти. То ты, если он простит, и так за месяц приедёшь раньше. Хоть он будет кричать на тебя: «Уходи вон!» — ты падай ему в ноги и плачь и скажи, что лучше хозяин сруби мне голову,

так я кончуся, а то я с голоду сам себя буду морить и всё равно придётся мне умерть.

Ну, вот, и пошел он к хозяину. Хозяин усмехнулся:

— Небось, портупей-прапорщик, скучновато?

— Да, скучно, хозяин.

— Ну, вот и проскучаешь. Так я не советую тебе у меня служить. А если мне тебя взять, ты опять подлость сделаешь. Работал ты хорошо у меня, за работу я любил тебя, но только ты два раза подлость сделал мне. Так вот, придётся еще год послужить. Ну, смотри, если будешь служить, так не делай так, а то дело будет пропаще!

Портупей-прапорщик и остался служить. Ну, хоть и хорошо жить, а год не скоро проходит. Вот проходит и одиннадцать месяцев уже, а хозяина видал только разов пять.

— Ну, буду доживать еще этот месяц.

Портупей-прапорщик живёт. Считает не только дни, а часы (как всё равно политические сидели в тюрьмах, так они не только считали часы, а минуты, когда выйдут на свободу. Так и он).

Является хозяин и говорит ему:

— Ну, вот, портупей-прапорщик! Подходит время идти тебе домой. Я дам тебе подарок, вот этого коня тебе дам, и даю тебе эту шашку. На коне ты поедешь, тебя конь будет нести. Будешь подъезжать к лесу, там дороги не будет, ты махни своей шашкой, тебе сразу сделается почтовая дорога на двадцать вёрст. Может быть, тебе придётся воевать. Так ты садись на своего коня и выезжай на войну. Бери свою шашку, и когда ты махнёшь — на двадцать вёрст войско свалится, — тебя никто не победит. Ну, сколько ты не живи, а жонке правды не скажи. А если ты жонке правду скажешь, ты попадёшься в беду, — это не только ты, а это любой человек, кто жонке правду сказал, тот и пропал.

Портупей-прапорщик ему поблагодарил, на своего доброго коня схватился и по воздуху пустился.

Подъезжает он к лесу. Видит, что дороги нету. Он махнул шашкой — сделалась почтовая дорога. И вот того не узнал, что уже в свой город попал. Он заходит в гостиницу, занимает себе номер.

Живёт он недели две в номере. По городу ходит, прослушивает, не приехала ли царевна. У кого ни спросит, никто ничего не знает. Только рассказывают, что портупей-прапорщика нету, то, пожалуй, что они и погибли все.

Ну, а портупей-прапорщик думает: «Я тут уже».

Портупей-прапорщик начал прохаживать на пристань почаше. И он знал, что корабль должен прийти. Дня через три видит, что

идёт корабль, а неизвестно чей. То никто не надеялся, что едет портупей-прапорщик, и рассказывают:

— Незнакомый корабль идёт.

А портупей-прапорщик отвечает им, этой публике:

— Это, кажется, идёт нашего государя корабль.

— Да что вы! Думаете, молодой человек, это едет портупей-прапорщик?

— Нет, может быть, портупей-прапорщика нету там, а там, может быть, капитан едет.

Подходит поближе корабль. С корабля выкидают флаг, что идёт свой корабль. Тут уже царская свита наехала. Корабль остановили а капитан идёт с государственной дочкою под ручки.

Государь и рассказывает:

— А где же портупей-прапорщик?

— Портупей-прапорщик погиб. Пошел искать Вашу дочь, да и теперь ищет. А я всё-таки на след нарвался и нашёл вашу дочь.

Государь и говорит:

— Ну, всё-таки, хотя вы нарвались и доставили мою дочку, а слава портупея-прапорщика, потому что он поехал. Он знал, наверно, куда она свезена была, да он вас привёл туда.

Портупей прапорщик всё это слышит.

Уже капитан захотел жениться на государственной дочери, ну, а она всё отводила:

— Надо с дороги отдохнуть. Без свадьбы можно хоть год прожить еще. (И она, вроде, как надеялась — быть не может, чтоб портупей-прапорщик не приехал.)

Ну, всё-таки ее стали притискивать:

— Всё равно тебе портупея-прапорщика не видать!

— Да хотя его не увижу и не видала, только слава его идёт, что он поехал искать меня и нашёл след мой. И хотя портупей-прапорщик погиб, а капитан достал меня, то придётся замуж идти.

Стали к свадьбе готовиться. Капитан уже приказывал, чтоб славы портупея-прапорщика не было. Вот она уже и говорит:

— Раньше свадьбы мы соберём свадебный вечер. И чтобы к нам пришли на свадебный вечер нищие, прохожие, кто б ни был — мы должны всех принять, и я каждого буду сама обносить, поить вином. (Она надеется — быть не может, чтоб он не был здесь.)

Когда собрали они свадебный вечер, то капитан предлагает публике, чтоб никто на вечере не помянул портупея-прапорщика, а чтоб помянули его, капитана. И она сама стала обносить всех вином.

— Пейте, — говорит, — за капитана корабля!

Вот подходит до португее-прапорщика. Португей-прапорщик берёт рюмку в руки и кричит:

— За здоровье португее-прапорщика выпиваю!

Капитан крикнул:

— Как ты смеешь за здоровье португее-прапорщика выпивать?!

А она говорит:

— А, может быть, он знает его.

— Да, может быть, и знает, — португей-прапорщик отвечает. Я вчера с им бесёдовал, и вот он передал кольцо своё мне.

Она говорит:

— Как же он мог тебе кольцо передать, когда он оставил на окошке кольцо, сам побёг за кольцом? Значит, ты и есть сам португей-прапорщик.

Тогда он рассказывает:

— Как же ты могла уехать, когда я пошёл за кольцом?

А она говорит:

— Меня капитан взял в свою каморку и велел отваливать кораблю. Корабль пошёл, он и говорит: «Теперь тебе португей-прапорщика не видать. А ты скажи, что я тебя достал, а если не скажешь, то мы тебя сейчас выкинем за борт». То корабль дальше и дальше. Я даже видала, как португей-прапорщик за нами гнался, да у меня силы нехватило остановить корабль. И я три года шла и думала про португей-прапорщика и надеялась, что быть не может, чтоб он сюда не попал. А зачем же я свадебный вечер сделала? Пригласила нищих, убогих и безруких, безногих, и сама вино наливала? Потому что португей-прапорщика ожидала. Что если он будет с моих рук вино брать, так он сам себя укажет. Он и указал, и кольцо моё показал, и я знаю, что это португей-прапорщик, а капитан — нахал. Он хотел себе славу сделать.

А португей-прапорщик отвечал:

— Он себе сделал славу навсегда.

Ну, публика выслушала и говорит:

— С капитаном, португей-прапорщик, вы сами распоряжайтесь теперь!

Капитан и говорит:

— Португей-прапорщик, пожалей меня!

— А ты меня жалей? Как нас семь человек погибало, вот так и я тебя пожалей!

Вывел лошадь, привязал капитана к хвосту и пустили его в чистое поле.

Ну, конь только привёз одну ногу. Вот его и слава!

Ну, тут погостили, она и рассказывает:

— Теперь я и замуж иду за португее-прапорщика! Всё-таки он мог меня найти и великана убить и меня на пароход представить.

Ну, тут они завели свадьбу. Свадьбу сыграли, как следовало быть. Тут были из-за границы принцы на этой свадьбе. Один принц влюбился в португее жену.

— Такая красавица и рядовому солдату попала! На чом ни стану, а я всё-таки её отберу от его!

Неизвестно, сколько они жили — мы годов не считали. Через несколько время этот принц объявляет португее-прапорщику:

— Я на тебя иду войной!

Португей-прапорщик прочитал пакет и засмеялся:

— Видишь, — говорит, — вот такая держава идёт на нас войной, верно у его людей много.

А ей, верно, понравился принц, потому что в свадьбе они всё играли, танцевали, и то и другое, знаешь.

Она и спрашивает:

— А что же такое, если народу много?

— Да я только выведу на войну, так я в двадцать вёрст их солдат смахну!

Она спрашивает:

— Как же так ты можешь владеть?

— Да у меня, вот видишь, есть волос сивый на головы. Этот волос у меня действует.

Она вроде как ничего не знает. В такое-то время выезжает тот откудова, а этот откудова.

— Да вы, милый мой солдат, наряжайте скорей, — она рассказывает ему.

Португей-прапорщик и говорит:

— А пусть мои солдаты спокойно живут, как и жили! Эта война не тяжёлая.

И он велел оседлать своего коня. Берет пашку и выезжает. Ну, как там подняли флаг, что «мы начинаем».

А он поднимает откудова. Там и говорят, что у его войска нету, что он сам один и выехал. Он, наверно, богатырь большой. Ну, а если богатырь, так с орудий можем его всё-таки сбить.

(Богатыри были, раньше богатырями воевали. Богатыри были люди такие. У другою богатыря не было предмета волшебного. Большой богатырь сам себя в деревне не выказывал. Как только узнают, что он сильный, его забирают в государство, и он что хочет там пьёт и ест, его и кормят и поят там.)

Он видит, что там уже направляют орудия на его. Он как махнул своей пашкой — все свалились, кто там ни был, а сам отпра-

вляется туда. Тот уже заключает с им мир, видит, что им ничего не сделать.

Он приезжает домой и говорит ей, жене своей:

— Вот, ты сказывала, возьми солдат, а я один распорядился.

А тот уже письма пишет ей: «Узнай у его, чем он так действует»

Она ему пишет: «Я уже узнала».

Он опять пишет: «Ну, а не можешь мне представить это средство?»

Она пишет, что «я представляю».

Она вытягивает с его сонного три волоса и отправляет ему.

Он опять объявляет войну. Портуней-прапорщик говорит:

— Захотел потешиться еще! Ну, пусть потешится не надолго.

И выехал таким самым способом, как и раньше. Портуней-прапорщик велел седлать лошадь и подать ему. Лошадь заседлали и портуней-прапорщику подвели. Она и говорит:

— Ну, прощай, милый мой! *(Вроде больше ты не вернешься, а всё-таки ждало и того, и его.)*

А он ей говорит:

— Не надолго. *(Он всё-таки духом не падает.)*

И помчался на показанное место, где будут они начинать уже. Портуней-прапорщик приезжает и флаг выкидывает, что «я готов, начинайте».

И они только начали флаг выкидывать, а портуней-прапорщик махнул своей волшебной пашкой, то на двадцать вёрст сделал поле. Где попадался лес, даже постройки, даже и невинные люди погибли в этом числе. То тот видит:

— Прислала, да не то.

И он опять с им мир.

— Я больше с тобой воевать не буду!

А ей пишет: «Ты что ж делаешь? — Обман!»

Она пишет: «Нет, не обман, а я буду узнавать у его».

Она и начала допытываться. Он [Портуней-прапорщик] и говорит:

— Знаешь ли что? У меня вот, дорогая, сумка есть, да я в эту сумку живых всех загоняю.

Она пишет ему: «Я узнала, что в сумке это всё действует».

И она такую сумку подобрала, как и у его, и повесила на то место, где висела портуней-прапорщика сумка, и сумку берёт. Через несколько время тот опять объявляет войну и говорит в письме, что «я опять думаю с тобой повоевать».

Портуней-прапорщик ему отвечает тоже: «Можешь. Я не прочь, мне так скучновато сидеть».

Ну, и выезжает портуней-прапорщик третий раз на войну. Приезжает, флаг выкидывает, что «я готов».

Махнул пашкой — так у его только половина упала, потому что у его сумка там. И он второй раз махнул — всё-таки прикончил. Он и говорит:

— Чего-то у меня нехватает.

Всё-таки опять закончили мир.

Принц опять пишет его жене: «Хотя он теперь воевал, да поплошей. Ты узнай-ка у его, что у его ещё осталось».

Она опять стала у его выпрашивать:

— Чем ты так действуешь?

Ну, как она была вроде как хороша кóло его, то он мало подзревал ее. И он взял да и признался:

— Так вот, видишь, у меня эта ржавая шашка действует.

Вот она уже и узнала. Она стала подбирать такую ржавую шашку, как у его. Она подобрала шашку и отправляет его шашку туда, а портуней-прапорщик это не воображает, что это не его шашка и сумка. Ну, вот принц объявляет войну четвёртый раз уже. Он и говорит жене своей:

— Опять, проклятый, захотел потешиться! Ну, пусть тешится, не надолго!

А она думает:

«И ты не надолго теперь!»

Портуней-прапорщик велит опять коня оседлать и вывести ему. Одеёт сумку и шашку и отправляется за двери. Она говорит ему:

— Ну, прощай, милый мой, может быть, мы не увидимся с тобой!

— Увидимся! Ну, два дня, может быть, пройдёт, на третий день я буду дома.

Сам и пошёл.

Приезжает он на позицию, там уже флаг вывешен, ждут портуней-прапорщика *(тихо конь шол, конь знал уже)*. Ну, портуней-прапорщик приезжает, флаг выкидывает, что «я готов».

Ну, вот, он махнул пашкой — как стояло, так и стоит войско. Он махнул второй раз — тоже ничего. Он кричит:

— Сумка, что такое?!

И сумка помочи не дает.

— Ага! — он сказал сам себе, — это жена проклятая узнавала от меня правду! Теперь я пропал.

Его живём и схватили и стали портуней-прапорщика судить, что он много войска сгубил, а теперь что-то никого и шашка его не берёт.

— Ну, бить его не стоит, каждый на свете хочет жить, и он не виноват, — публика государю сказывает. — Вы сами объявляли войну и шли на его!

— Ну, если вы не велите, — государь отвечает публике, — то мы сделаем так: привяжем его к конскому хвосту и пустим его в чистое поле, пусть его конь разобьёт.

Портупей-прапорщик думает:

— Ну, я ещё поживу!

Привязали портупей-прапорщика за ноги к его доброму коню, к хвосту, так что у его только плечи да голова должны биться об землю да об камни.

Когда привязали его, вдарили коня плёткой, чтоб конь понёс хозяина быстрее. Конь сразу вроде кинулся. Ну, шагов пять прошёл тихим оборотом и поднимает свой зад и бросил его на седло. Когда портупей-прапорщик попал на седло, то конь скрылся в один миг, незнамо куда. А конь и помчался к этому волшебнику, и притащил он его туда, где он и раньше жил, и подаль голос хозяину. То выходит волшебник. Портупей-прапорщик на седле сидит, связаны ноги. Волшебник подходит, развязывает его.

— Ну, иди, конь, на место!

Конь и засвистал.

— А ты ступай за мной!

Портупей-прапорщик идёт за своим старым хозяином.

— Вот ты много пожил, царствовал, портупей-прапорщик. Я тебе сказал, что как ни живи, жонке правду не скажи. Вот ты и сказал всю правду, за это ты сам попал. Хорошо, что они привязали тебя к коню, так ты ещё поживёшь и достанешь свою пашку, свою сумку. А баба, знаешь ты, что лиса! Она что надумается, то она и сделает. Она и чорта может сбить — когда где чорт не возьмёт, дак она там возьмёт. Ну, вот, поживи у меня хоть недельку, окрепнись, а я подумаю, как тебя отправить, потому что у меня ты жил хорошо.

Портупей-прапорщик и живёт у его неделю; волшебник разбивает план, как лучше.

— Дать ему другое средство, то там пашка волшебная и сумка.

И надумался волшебник, что дать ему средство одно, чтоб он мог достать свою пашку и чтоб он мог делаться и уткой, и селезнем, и голубком, и коном, и гадом — как ему будет удобней, так он и будет делаться. Он и подаёт ему:

— Вот тебе, портупей-прапорщик, этот цветок, и отправляйся до первой стрёты, — что тебе на дороге стретится. Если стретится море тебе, то тоже ешь этот цветок; если стретится тебе лес, то тоже ешь этот цветочек; если стретятся тебе гады и тебе пройти нельзя, тоже ешь цветок. То когда ты этот цветок съешь, ты смело тогда иди. Пройдёшь место, — ты подумай, чем ты хочешь быть, тем и будешь. И больше я тебе совету не дам. Теперь ты научишься сам и ска-

жешь спасибо старому хозяину. Ты и пашку свою возьмёшь, и сумку свою возьмёшь, ну, а с царевной жить не будешь.

Он поблагодарил и отправился. Подходит он к лесу. Так страшно ему стало, что много гадёв, что и пройти ему нельзя. Он съедает этот цветок, делается гадом и пошёл поверх гадов.

Проходит. Видит, что ничего нету и сам себе говорит:

— Надо быть мне человеком, — и сейчас образовался портупеем-прапорщиком.

Вот человеком он идёт, а не знает, сколько он там прошёл вёрст. Вдруг подходит — море. Когда к морю подошёл и видит, что большое море. Он подумал, что придётся мне делаться уткой.

И сделался уткой, и полетел. Ну, даже не знает — большое море али малое море, только очутился он скоро на берегу. Он подходит. Стало уже темнеть, и он, вроде, как уставши. Является ему лес тут, он и думает: «Придётся ночевать мне здесь. Сделаюсь голубком, да и обночусь».

И он уже оказывается голубком диким. Он поднимается на дерево, садится между трёх суков и отдыхает.

Когда он отдохнул, прочиняется и голубком полетел. Пролетел он лес, видит — почтовая хорошая. Опускается он на низ.

— Теперь не мешало бы сделаться коном — я шибчеёй побегу по дороге.

И он сделался коном, и пустился бежать. Видит, что его город здесь. Он подумал, что «сделаться мне простым мужиком, чтоб никто не догадался, что портупей-прапорщик явился».

Он сделался мужиком. Заходит к бедному мужику в дом и говорит ему:

— Ты хочешь, мужичок, разбогатеть немножко?

— А как?

— Да я тебе расскажу как. Я сделаюсь красивой лошадкой, то ты завтра заведи меня на базар и продай меня, только не с уздой продавай. Сколько ни будут давать денег, а узду не давай.

Ну, узда некрасивая была. Он говорит:

— За уздой не погонятся!

Портупей-прапорщик сделался коном.

На второй день мужик садится вёрхом на коня и отправляется на базар. Лошадь сама знает, где стать. Мужик его хотел привязать в таком-то месте, а он повернул в другое место и остановился у бульвара. Мужик слез с его. Привязал и сам прохаживается. Тут много лошадей поставили рядом его. А он стоит только, понёвскивается.

Вдруг ниоткуда является его соперник — теперешний царь,

с которым он воевал. Конь видит, что его пашка его сумка на ём, а сам он в барской одежде. Он подходит:

— Это чья лошадь?

Мужик отвечает:

— Моя, барин.

— Ты, что, — говорит, — продаёшь ее?

— Продам.

— Сколько стоит?

— Тысячу.

— Я дам *(барину понравилась лошадь)*. Так получай, мужик, деньги!

— Так я, барин, продам только голого коня.

А барин спрашивает:

— А узду?

— Да я, барин, у меня лошадь эта хороша, а другая плоховата, а узда на две лошади у меня. То я знаю, что если ты купил коня, купишь и узду — денег хватит. То я приду домой, надо взять коня, а узды нету. А как у меня своя узда, так я приду, возьму коня, и поеду.

Барин засмеялся и говорит ему:

— Так ступай, купи узду. На деньги!

— А и вам, барин, недалеко сходить до лавки, купить узду — это ж лучше вам. Я свою сыму, а вы своей рукой наденьте своему коню такую хорошую узду. По крайней мере, каждый увидит, что барин едет на коне — конь хороший, да и узда хорошая.

А конь всё идёт, да копытом бьёт.

— Так придётся вести на поводку коня, — барин рассказывает.

Барин деньги заплатил, коня взял, свою узду надел, на поводку и ведёт его. Конь то передними ногами подскочит, задними ногами подлягнёт — веселит хозяина. Тот и думает: «На этом коне я прокачусь».

Приводит он этого коня в свой дворец и подводит к крыльцу и вызывает свою жену.

— Смотри-ка, — говорит жене, — за тысячу рублей какую лошадку купил я красивую и хорошую!

Жена ему и рассказывает:

— Да, милый мой, лошадка хорошая. А ты не знаешь этой лошадки?

Он отвечает:

— Нет.

— Это — портупей-прапорщик *(она знала немного волшебства, потому жила у волтебника)*.

— Так, что ты говоришь?!

Ну, тут стояла эта девка горничная. Это всё слышит и думает себе: «Уже портупей-прапорщик конем стал».

Она [жена портупей-прапорщика] говорит:

— Этого коня надо завтра расстрелять! А если не расстрелять этого коня, так и нам с тобой не жить.

Он отдаёт конюху:

— Веди коня на конюшню, а завтра выведём его и застрелим.

Горничной стало жалко. Приходит к этому коню и говорит ему:

— Эх, конь, ты конь! Какой ты красивый, да, верно, несчастливый. Завтра тебя расстреляют.

Он ей и говорит:

— Я был здесь у вас царём, вас не обижал и не обижу сейчас. То когда выведут меня расстреливать, то отпросися у их посмотреть, как я буду падать в яму. То я тебе время, как буду лететь в яму, выкину зуб в твой ботинок. Ты этот зуб возьми и посади под окошко. Я вырасту яблоней, будут яблоки разные.

Так она и сделала. Коня расстреляли, в землю зарыли, ночь проночевали.

Утром встают — в напесаднике яблоня выросла, и разные яблоки на ей уже. Он и говорит жене:

— Видишь, жена, у нас какая яблоня выросла?

Жена посмотрела:

— Это не яблоня.

— А что ж?

— Это портупей-прапорщик. Теперь эту яблоню нужно срубить и на огне спалить!

А он говорит:

— Да пусть, — говорит, — стоит.

— А если будет стоять, так и ты не будешь со мной спать.

Тут они велют взять топор — рубить ее. Горничная всё это слышала. Она подбегает к этой яблоне и говорит:

— Эх, яблонька красивая, да несчастливая! Тебя рубить будут сейчас.

А яблоня отвечает:

— Пусть рубят. Ты подойди сюда, когда будут рубить, — я первой щепкой отскочу тебе в щиблет. То ты тую щепку возьми и брось ее в сад в сажелку.

Так она и сделала. Подошла. Щепка упала. Она подвернулась и эту щепку кинула в эту сажелку.

А государь был любитель утром вставать, прохаживать к этой сажелке.

Идёт он по саду, подходит — там плавают селезень. Очень красивый. Он стал на его махать. Селезень стал вроде нырять, а не летит. Он думает: «Я жене не скажу, что селезень у нас в сажелке, а то

она опять скажет рубить его, как коня и яблоню. То я поймаю его, понесу и покажу жене, что я поймал селезня».

Селезень подплывает к этому берегу, где стоит его соперник. Он берёт палку и кинул на его. Селезень вроде испугался, хотел лететь, да лететь не может. Он подумал: «Селезень, наверно, подстреленный. А давай-ка я поймаю его».

А селезень всё плавает.

Он снимает с себя шашку и волшебную сумку и кладёт на берег, и раздеётся, и идёт в воду селезня ловить. И селезень подплывает ближе к этому берегу. Когда он влез в воду, селезень дальше подался. И завёл его селезень под край тот, так что ему далеко идти до рубашки, до этих приспёхов.

Когда селезень подплывает к берегу и уже видит, что «я справляюсь с делами», вспыхнул и полетел на этот край, сделался человеком, одёт его одежду, наденет себе шашку, свою волшебную сумку. А тот уже и к этому краю подошёл.

— Ну-ка, вылазь, соперник, сюда! — портупей-прапорщик кричит. Подарствовал с моей женой!

Он говорит:

— Прости мне, портупей-прапорщик, оставь меня живого.

— Ты меня не прощай, к конскому хвосту привязал! Ну, и тебе я прощу, пока идёшь до жены своей.

Вдруг она бежит, думает на портупей-прапорщика, что муж ходит, и кричит ему:

— Милый мой, не лови селезня! То не селезень, то портупей-прапорщик.

А портупей-прапорщик отвечает:

— Поймат уже селезень, он уже в руках!

Она видит, что это портупей-прапорщик уже, и муж ее вылазит.

— Ну, вылазь, вылазь, да пойдём!... Что ж, пожила, покрасовалась? А теперь что остаётся, за которого идёшь: за мной али за своим бывшим мужем?

— Да, буду жить с тобой.

— А нет, довольно, — он отвечает, — суке и собаке одна смерть! Вынимает свою шашку и снял голову с их, и велел слугам:

— Возьмите рваные мешки, оденьте и закопайте в землю!

Их закопали. Он на той горничной женился. Сделали большую свадьбу. Портупей-прапорщик стал жить-поживать и не горевать.

15. БУЛОЧНИК.

ва нищих сидели на базаре и разговаривали, что у одного нехватает рубля до двухсот рублей, а другой говорит, что до трёхсот рублей нехватает рубля. То этот, у которого триста рублей, говорит: — Где ж ты свои деньги держишь?

А он говорит:

— В доме за иконой, за святым Миколоем.

А тут стоит молодой человек сзади и слушает.

— Ну, пойдём домой!

Они отправились. А этот молодой человек поспешил пораньше и вынул деньги, и стоит, дожидает, скоро ли они придут.

Они приходят. Этот берёт икону, класти этот рубль туда, открывает икону, — и нету двести девяносто девять рублей. Он и говорит:

— Святой Миколой, что ты пошутил? Отдай деньги!

А святой деньги не даёт. То этот говорит:

— Поверил ты мошеннику деньги такие (на икону)! Я, по крайней мере, Миколу не верю и они постоянно при мне, деньги. У меня шапка рваная и в шапке деньги. Пусть она на дороге лежит, так каждый её носком толкнёт, а в руки не возьмёт.

А этот стоит под окошком, слушает. Окошко было открыто. И он подходит, с головы шапку сорвал. То этот подскочил:

— Святой Миколой, пожалей, отдай деньги!

Ну, святой Миколой не отдаёт денег им. Они его и просили и молили его, и начали розгами наказывать, что отдай деньги. А святой Миколой денег не отдаёт.

— Если ж ты деньги не отдашь, мы тебя утопим (*начали пугать уже*).

Взяли икону, понесли топить. Стречает их булочник — мальчишка лет шестнадцати-семнадцати.

— Куда вы идёте?

— А идём, — говорят, — икону топить.

— За что? — говорит.

— Как же, четыреста девяносто девять рублей, — говорят, — взял, да и не отдаёт.

Тот посмотрел и говорит:

— Утопите его, вам же пользы мало будет. Так нате вам сто рублей, отдайте мне эту икону, не топите!

— Он взял у нас столько денег, а тебе за сто отдать?

Он стал с ними договариваться, чтобы они не топили, и дал им двести рублей.

Приносит домой икону и говорит своей матери:

— Икону купил.

— Сколько ты дал?

— Двести рублей, — говорит, — мать.

Мать и говорит:

— Ах, ты, шальной, дорого дал!

— Хотя я сам, мать, знаю, что дорого дал. Ее несли нищие топить, что он будто бы у их украл четыреста девяносто девять рублей. Так вот за это я им дал двести рублей, чтоб они не топили его.

— Ну, так ставь его в угол!

Он поставил его в угол. Сам опять пошел в город, набрал булок и пошел торговать. Избушка его была такая дряхлая совсем.

Приходит он домой. Мать ему и говорит:

— Наторговал, сынок?

— Да, немножко наторговал. Теперь, мать, давай, поужинаем.

Только она собрала ужин, является к им нищий и просится ночевать. Он и говорит:

— Мать, пусть ночует дедушка.

Он раздеётся.

— Ну, садись, дедушка, с нами ужинать.

Дедушка присел с ними ужинать. Ужинают. Дедушка там достал кромо́чку хлеба.

— Режьте, — говорит, — с моей кромо́чки.

Ну, с его кромо́чки резали, и сыты, и кромо́чка почти целá. Он проночевал. На утро позавтракали, он и говорит:

— А на ночь еще можно притти к вам?

— Да приходи, — говорят.

Он на второй день приходит, старик, подаёт ему двадцать рублей денег.

— Это я сегодня столько набрал, что мне некуда с деньгами. А мне за приют хорошо будет, что я буду днём собирать, а у вас ночевать.

На второй день пошел. Тоже собрал денег, тоже приносит, даёт за приют. И он уже собрал двести рублей и говорит ему:

— Знаешь ли ты, молодой человек! У тебя отца нету, только мать, а у меня никого нету, я один. Так давай я у тебя поживу, хоть за отца, хоть за дедушку.

— А, живи, — говорит, — дедушка.

— Ну, я буду дедушка.

Встают они утром. Дедушка ему и говорит:

— На-ка внучек, тебе пятьдесят рублей денег. Иди на биржу и купи лесу, и мы состроим себе халупку получше, а то у тебя халупка совсем старая.

Он пошел, лесу купил на полсотни рублей от биржи. Приходит домой, тут и дедушка сидит.

— Что, — говорит, — купил лесу, внучек?

— Купил, дедушка.

— Ну, так нанимай людей возить.

Он нанял людей возить.

— Ну, нанимай, — говорит, — плотников.

— У нас, дедушка, и денег не хватит.

— А хватит, внучек, — говорит, — я насбираю, ты наторгуешь — так хватит плотникам.

Он и плотников подрядил.

— Ну теперь, — говорит, — дедушка, надо раскидать избу старую.

— А зачем ее раскидать, внучек? Твоя избёнка небольшая, так пусть она стоит на этом месте, а плотники пускай кругом рубят избы. А когда под крышу попадёт, то эту будем разбирать.

Они сделали дом себе порядочный, накрыли.

— Теперь можно раскидать и старую избу — выкидать в окошки. Так они и сделали.

Живут уже в новой избе. А у того булочника был дядюшка богатый, имел свои корабли, за границу ездил с товарами. Ему надо было ехать с сынами за границу с товарами на двух кораблях. Дедушка ему говорит:

— Сходи ты к своему дяде и попросись, чтобы взял тебя хоть матросом на корабль, хоть посмотришь на другое государство.

Он пошел к своему дядюшке и просится у его хоть матросом послужить. Дядюшка ему и рассказывает:

— Взять тебя матросом, так всякий будет смеяться и скажет, что дядюшка взял племянника матросом. Хотя приказчиком каким сделал, а то матросом! Так живи-ка ты, брат, лучше в своём городе!

Племянник заскучал и пошёл домой. Приходит к дедушке и рассказывает, что так и так, дядюшка отказал от службы.

— Так, вот, иди, внучек, к дядюшке своему. Пусть он тебе корабль ломаный продаст.

— Так в корабле починки, дедушка, много.

А он отвечает:

— Я хоть староват, а слесарь хороший. Он будет через три дня у нас на море стоять. Я его поправлю, то он будет лучше нового. Он и пошёл.

— Дядюшка, — говорит, — продай мне ломаный корабль свой.

Дядюшка усмехнулся.

— Что ж ты на ём возить будешь?

— А что придётся, дядюшка, то и возить будем.

— Ну, так давай пятьсот рублей.

— Так я триста рублей, дядюшка, дам тебе, а двести рублей поверишь мне.

— А если найдёшь триста, найдёшь пятьсот, да ещё тысячи будет мало на починку.

— Да у меня слесарь есть, тот и в долг сделает. Он знает, что у меня лишних денег нету. Ну, так на задатку триста рублей, за остатками пойду домой.

Приходит к дедушке и рассказывает:

— Купил, дедушка. Пятьсот рублей, да вот триста дал, а сотни не знаю где нажить.

Дедушка ему говорит:

— А я схожу. Я одному давал здесь в долг двести рублей, так он, пожалуй, отдаст мне.

Дедушка схватывает свою шапку и рваную свитку и отправился за долгом. Через полчаса и дедушка является:

— Ну, на двести рублей! Человек хороший: пришёл, кряду отдал. Неси же, отдай дядюшке своему, а завтра примемся монтировать, чтоб нам его на воду скоро спустить.

Племянник завёс дядюшке деньги. Взял расписочку от его, что корабль купленный (ему дедушка велел, что возьми расписочку). Утром встают, позавтракали. Дедушка ему и говорит:

— Ну, пойдём-ка, внучек, на корабль.

Они пошли. Дедушка с внуком приходят к кораблю.

— Пойдем-же внучек, посмотрим середину, что сюда надо.

Пошли, дедушка ему и показывает:

— Вот здесь надо починить, внучек, вот здесь, а то эта вот половина корабля, будем наваливать соль, и повезём за границу. А ты ступай же, закупай соль, а я буду починять корабль.

— Так в нём воды ещё много.

— Так я сделаю — вода выйдет. Ты только соль закупай, извошников нанмай, да привози сюда. Эта не воз, не два! А полкорабля нагрузить — порядочно надо. Это на рублей триста надо купить соли.

Да. Внук и пошёл покупать соль (сто рублей ещё у внука было). А дедушка уже здесь остался монтировать корабль. Дедушка кругом корабля обошёл. Стал корабль подыматься вверх, и вода неизвестно куда стала деваться — уже машины стали шевелиться у дедушки. Внук закупил соли и отправляет на корабль, а у дедушки корабль почти готов.

— Ну, ладно, взваливай сюда, остатки дочиним!

Внук сто рублей расходовал и говорит:

— Дедушка, денег нету!

— Иди, там в моей сумке под хлебом возьми триста рублей, а мне некогда, я буду на корабле.

Внук прибегает, сумку развязывает, деньги достаёт, в склад бежит, соль покупает, на извошников кладёт, крючников берёт, и начали грузить корабль. Через три дня корабль поправленный, и полкорабля нагружено солью уже.

И дядюшка приходит. Он услышал, что на такой-то корабль соль нагружают. Он и говорит:

— Корабль-то скоро поправили! Куда ж ты с этой солью поедешь? Ее везде довольно есть. Что ты можешь заработать на этой соли?

— А с пустым кораблём не стоит идти, а хоть солью навалить — и то ладно будет идти.

— Так всё-таки куда повезёшь?

— Да в Америку.

— Х-у-у-уу! Будто ты на этом корабле в Америку доедешь. Мои вот уже третий день поехали в Америку, да по крайней мере, с таким товаром поехали: шелками да разными сукнами. Так они оттуда привезут корабли полные другого товара.

— А мне довольно этого будет!

Дядюшка пошёл.

Дедушка ему рассказывает тихо:

— Мы их нагоним.

Вот такой-то булочник (он и писался так) поехал в Америку с солью. И вот они отправляются со своим дедушкой. Тут народ всё смеялся, что поехал за границу с солью, торговать.

Они дальше и дальше — уже из глаз скрылись. На второй день езды догоняют один корабль. Они видят, что знакомый корабль идёт, ихний, который продал отец братану ихнему. Братан кричит:

— Иван Сергенч, выручи, брат, ты меня отсюда!

— Как же я тебя выручу?

— Да вот, попал на мель — ни взад ни вперед корабль не двигается.

Дедушка и говорит ему:

— Так ты скажи братану так: «Давай третью часть товару сюда на мой корабль, тогда твой корабль пойдёт за моим кораблем вслед».

Он и говорит:

— А давай третью часть корабля товару перегрузим на мой корабль, и твой корабль пойдёт за мной, не отстанет от меня.

Он туда, сюда — не хочется ему дать.

— Возьми хоть пятую часть!

— А если ты несогласен на третью часть, так я поеду, а ты оставайся здесь.

Вот уже проходит корабль его, он кричит:

— Иван Сергенч, бери!

Он корабль подворачивает поближе, товар выгрузили. Стал корабль его подниматься. Он подходит, вроде как закинули снасть. Тронулся корабль и поплыли они тут в два корабля разом. Дедушка ему и рассказывает:

— Вот скоро догоним и второй корабль, то у их будет по три части корабля, а у тебя полный корабль будет.

Едут они, веселятся. И тот корабль не отстаёт от корабля Ивана Сергенча. Идут — и второй корабль стоит на мели. Дедушка ему и рассказывает:

— Поворачивай ближе к кораблю, скоро грузить будем!

Он ближе и ближе к кораблю подъезжает. Меньшой братан кричит ему:

— Иван Сергенч, выручи, второй день стою на мели!

Иван Сергенч говорит:

— А вот третью часть корабля отдай, тогда выручу, вместе поедом.

А тот не спорил, сказал:

— Отдам, только как приедем туда, то ты там получишь. А то твой корабль ненадёжный, что старый корабль.

А он говорит:

— Что старый, да лучше ваших новых! Кто старое бережет, тот пожалуй, лучше живёт! А если хочешь, так не разговаривай, давай перегружать, время не ждёт!

И начали перегружать товар. Перегрузили — корабль поднялся. — Ну, заводь машины — он сам пойдёт!

Машины завели, корабль поплыл — не надо и снастями подворачивать

— Видишь, вы говорили нагрузили, и корабли стали тяжелы ваши. А я солью нагрузил, да соль легче. Соль на воде рождается, то она и корабль подымает навёрх, а товар тиснет всё вниз.

И отправились все в дорогу. Приехали они в Америку, в другое царство — государство. Заявились, сказали, что такого-то государства приехали такие-то купцы торговать таким-то товаром и надо, чтоб разрешил торговать.

Они взяли хороших сукнов, хороших шелков, понесли подарки государю. Государь принял. И Иван Сергенч взял в белевский мешочек насыпал фунтов пять соли и так пошел.

Приходят к государю. Государь спрашивает:

— Это что у тебя в белевском мешочке?

— А это, государь, для аппетита лекарство.

— Какое?

— А вот извольте, я вам покажу.

Он ему показал.

— Да что с им делать, с этим лекарством?

— А это, — говорит, — когда варить, по мере можно класть для аппетита. Будешь есть — здоровье будет прибывать. Ну, если больше прибавишь, от этого не помрёшь, только воды побольше попьёшь.

То государь говорит:

— Ну-ка, попробуй-ка!

— А вот прикажите, чтоб принесли какое-нибудь кушанье хорошее.

— А что, гусь, — говорит, — годится к этому лекарству?

— Годится, — говорит, — государь.

— Ну, так подайте ее!

Приносят гусь на тарелке на большой, жареную, без соли. Иван Сергенч отрезал мякоти кусок себе и государю. Как себе посолил, так и государю посолил, и стали кушать. Государю очень понравилось.

— Да, действительно, порошок хороший для аппетита.

А эти братаны слушают.

— Это, пожалуй лучше этих сукнов и шелков. Сколько у вас есть этого лекарства для аппетита?

— Три тысячи пудов.

— Почём же ты пуд хочешь?

— Каждый пуд сто рублей себе стоит (его дедушка научил).

— Всё-таки ты хочешь заработать на ём?
— Да без заработков человек не живёт.
— Я назначу тебе цену сто сорок рублей за пуд. Довольно будет сорок рублей заработать?

— Ну, для первого разу довольно будет.
— Можешь торговать! Я и себе пудов двадцать возьму. Только вот у меня еще загадка есть вам, купцы: чтобы в церкви вот в такую-то ночь переночевать, то тогда будешь торговать без всякого налога.

Они не задумались. Они и подумали просить Ивана Сергеевича:
— Иван, — говорят, — Сергеевич, корабли наши пришли за тобой, то выручи нас.
Он и говорит:

— Как я вас могу выручить, как вы большие купцы, а я есть булочник? До вечера я надумаю, пойду выручать вас или нет. Может быть, придётся и бежать, и оставить корабль свой, и соль оставить, да и тот товар, который вы мне дали.

Он отправился к своему дедушке на корабль, и они отправились на свои корабли. Приходит на корабль. Дедушка у него спрашивает:

— Ну, как, внучек, дела?
— Да вот, дедушка, придётся нам и корабль покидать.
— Зачем нам корабль покидать?
— Да вот, государь нам такую задачу дал трём купцам. Соль-то он принял у меня и назначил цену сто сорок рублей — мы можем продавать. Так вот, я, как задачу он дал, подумал, дедушка, как бы нам не пришлось удирать. А братаны просят, чтобы я им пособил и переночевал в церкви.

Дедушка рассказывает:
— Ночевать можешь, только я с тобой пойду. Возьми только с их еще одну часть корабля.

Он приходит на старшего брата корабль и говорит:
— Если еще отдашь третью часть корабля, то я за тебя переночую в церкви.

Братан соглашается отдать — видит, что попал в петлю.
Иван Сергеевич надеялся на дедушку. Уже 5 августа идёт заявлять, что «я буду ночевать, а завтра буду торговать».

Иван Сергеевич получает своё добро, идёт ночевать в церковь, и дедушка с ним. Но государю неизвестно, какой пришел ночевать купец: первый, второй или третий; показывают им церковь, отмыкают, его в церковь спускают. Иван Сергеевич видит, что стоит гроб среди церкви и забит тремя обручами, что эти обруча не должны сорваться.

Вдруг церковь закрыта уже, что уже он не может из церкви выскочить. Он по церкви прошёл. Видит, что костей много здесь — «Значится, верно, и мои кости тоже будут (он испугался). А давай-ка, я здесь хоть как-нибудь решотку разворочаю и убегу. Обещал дедушка со мной прийти, а его нету».

Он подходит к решотке, чтобы ему удрать. Вдруг является дедушка ему:

— Ты что, внучек, испугался?
— Да, дедушка, испугался.
— Так не пугайся, я же тебе сказал, что приду. Мы будем с тобой двое здесь.

Внук посмеялся, раз с дедушкой двоём. Дедушка берёт самосеянного маку и обсыпает его кругом, так что на два метра с половиной, и говорит ему:

— Вот, ты садись за этот стол, и вот, на тебе книгу, читай ее. Какая тебе страсть ни будет, ты и не посматривай, а книгу читай. А я пойду на корабль.

Тут дедушка и скрылся. Остаётся он один и читает книгу, которая ему дана. В 12 часов ночи лопнул обруч, и другой лопнул, и третий лопнул. Поднимается крышка [гроба], выходит барышня оттуда — такая красавица, что ох! — что даже любо смотреть. Но страшно сидеть. Сбирала, сбирала семя, всего не собрала — петух запел. Она уходит, в гроб ложится. Обруча на место стали, и он боится двигаться с этого места. Тут приходит утро. Открывают двери. Входит, как называется, староста церковный. Послали его убирать кости этого купца (она съела все, кого в церковь запирали). Смотрит, а молодой человек сидит за столом, читает книгу.

Староста говорит:
— Ну, пойдём до батюшки-царя.
А батюшка-царь был немножко волшебник и сам. Он знал, что если кто три ночи переночует и она его не съест, тогда она воскреснет (она была заклятая). Приводят к батюшке-царю Ивана Сергеевича. Царь и рассказывает:

— Ну, вот, проночевал ночь и живой остался, переночуй еще две ночи.
— Зачем же мне ночевать две ночи? Придёт очередь моя — переночую. Ночевал братан, а теперь пушай второй ночует.

Братану царь отвечает:
— Вот этому можно торговать (царь не знал, что ночевал Иван Сергеевич).

Приходит очередь другому ночевать. Брат с братом переговорился, что «вот Иван Сергеевич переночевал, так купи его, чтоб он за тебя проночевал, отдай ему третью часть».

Другой брат отдал. Иван Сергенч забирает часть, идёт в церкву ночевать. Приходит ночевать в церкву. Его опять закрывают, как и раньше закрывали. Больше никого нету, и дедушки нету: «Дедушка маком обсевал, а его у меня нету, дедушка мне и книжку давал читать — и книжки нету».

Дедушка говорит:

— Я здесь, внучек.

Дедушка вынимает свои мешочки и на полметра прибавил дальше черту, и обсыпает маком и даёт ему книгу.

— Читай, никого не бойся! Какая страсть ни будет, ты духом не опадай, а я пойду на корабль. У нас на корабле сторожа нету.

Он и остался. Садится за стол, читает книгу. В двенадцать часов рвётся обруч, рвётся второй, рвётся и третий. Она, со злости, три ночи не ела и эту ночь не ела, схватывается с гроба и бежит прямо к ему. Добегает до черты и остановилась (*нельзя пройти*). Она по зёрнышку стала собирать — видит, что ей не сойтить. И она стала сметать в кучку, собирает и глотает. Ну, черту она всю не обошла — петух запел. Она идёт, в гроб ложится — обручá на место все сошлись — как были, так и есть. Приходит уже утро. Приходит церковный староста купецкие кости собирать. Видит, что и этот сидит, второй купец. Его ведут опять к царю.

— Я уже, государь, проночевал, теперь дай разрешения торговать мне.

Государь даёт и этому торговлю бесплатную. Иван Сергенч приходит на корабль и рассказывает второму братану, что «можешь торговать».

Уже и самого ночь приходит, Ивана Сергенча. Он и спрашивает у дедушки:

— Дедушка, по вашему распоряжению я две ночи ночевал. И очень мне страшны эти ночи были, так я думаю, давай убегать.

Дедушка ему и говорит:

— Так это не надо убегать. Две ночи ночевал — переночуешь и третью. А что, даёшь мне часть? — дедушка спрашивает у его.

Он и рассказывает:

— Любую, дедушка, часть бери (*а потом пожалеет!*).

— Так ступай, ночуй смело, когда часть даёшь мне! Это, смотри, страшнее будет ночь тебе. Этой ночью она будет тебя даже крышкой сбивать, а ты от книжки не отходи — всё читай. Свечку-то она потушит, а крышкой она тебя не зачепит на одну четверть. А потом, как петух запоёт, тогда она через черту перейдёт и рядом тебя сядет, и больше она людей есть не будет, и она будет твоей

женой, а ты будешь ее мужем. И вот, на тебе этот мешочек и на тебе эту свечку, и мою книжку, и действуй сам там.

Он и является к ночлегу, ночевать в церкви. Его берут и в церкву ведут, и рассказывают ему:

— Ты не бойся. Вот два купца ночевали — живы остались, и ты останешься.

Он и подумал: «Не купцы ночевали. Это чуть не дедушка ночевал, только мне совет дал, да сам маком обсыпал, а вот теперь надо самому придумать, как ночевать и маком обсыпать. Дедушка половину хочет взять — не жалко половины, только бы живому остаться».

Он и остался ночевать и обсыпает еще на полметра дальше, как дедушка ему сказал, и берёт книгу эту самую, которую две ночи читал, зажигает свечу и садится за книгу читать. дочитался до 12 часов ночи. Тут обручá летели погромче, как теи ночи летели, и слышно голос:

— Две ночи я была голодная, а эту ночь поем, — и кинулась к черте. Тут не то-то было, не перескочила черту. Она крикнула:

— Собирать этот мак и чтоб я съедала, съесть и его!

Тут уже собралось чертенят видимое-невидимое мак собирать, и все подносили ей. Она видит, что поздно, что не собрать этого маку — скоро петух запоёт. И она схватывает с гроба крышку и начала его крышкой сбивать. И тут кругом только ветер свищет, как она его кругом сбивает крышкой. Она и кричит:

— Повернись сюда! (*А ему дедушка сказал раньше — не пугайся, как сидел, так и сиди.*)

Тут и петух запел. Сказал: «Ку-ка-ре-ку-у», и она на левую сторону бросила крышку и переходит черту и садится рядом его и спрашивает у его:

— Что ты читаешь?

— А ты грамотная?

— Грамотная.

— Ну, почитай.

Она и читает прямо вслух. Там написано было: «Семь лет я лежу в гробу и каждую ночь я ела по человеку (*за семь лет сколько она съела людей*), а теперь мне не приходится в гробу лежать и людей съедать, приходится мне по свету ходить, как я семнадцать лет ходила (*она с семнадцати лет заклáтая*). Отец мой, государь, поспорил с волшебником на сердцах. Волшебник меня умертвил и дал задачу такую, чтобы я ела у отца в его царстве людей. Я семь лет людей съедала и дошла до такого человека, кто три ночи переночевал со мной и я не съела его. Будь мой муж, а я буду твоя жена, и колдун

ничего нам не сделает. Теперь приходится нам с тобой сидеть, любоваться, ходить по свету, как раньше ходили — жить-поживать и добро наживать. Теперь я чувствую, что избавилась от проклятого колдуна».

До этого только она дочитала, вдруг дверь открывается. Входит церковный староста, видит, что царевна сидит рядом ночлежника. Он и говорит:

— Ну, пойдёте до батюшки-царя.

И повели их — Ивана Сергеевича и государскую дочь. Ну, царю было известно, что две ночи она не ела, а, может быть, третью съест, и сам дожидает какой ответ принесут. Видит, что староста идёт впереди, а купец с дочерью идёт под-ручку сзади старосты. Государь тут изрядовался:

— Ты почти спас моё царство! *(Она бы сколько переела людей!)* И говорит сам себе: «Добрался я до человека. Три купца почевали. Как они будут теперь делить ее?»

Они приходят, и он их принял, начал угощать их. Она стала жрать здорово. Государь и рассказывает:

— Теперь ты будешь моим зятем, а вот, как вы доставали троём — как третьи поступят с тобой? Они же тоже страсть видали.

А дочка говорит:

— Нет, отец, он всё один был.

— Ну, а если один был, так тут делать просто: теперь же ты можешь жениться и владеть моим царством. Я уже староват, а наследство я отдаю тебе.

— Ну, пусть невеста моя живёт у вас. Я буду ходить к вам, а мне надо товар свой продать; товар продам, потом сделаем свадьбу.

Государь ему и говорит:

— Товар ваш и огулом возьмут. За это лекарство, за аппетитный порошок вы получите большие деньги и награду себе, и ты останешься моим зятем.

Ну, братаны торгует самосильно. А с его корабля не продавалось еще и он думает, что «часть моя, а часть дедушкина — надо идти к дедушке раньше, спросить, что дедушка мне скажет».

Он и говорит:

— Вот я схожу на корабль свой, возьму список: сколько мне стоит самому на моём корабле, за что можно продать товар. *(Ну, ему неинтересно список взять, а ему интересно у дедушки совету взять, что ему скажет дедушка его.)*

Иван Сергеевич отправляется на свой корабль. Приходит на корабль. Дедушка его спрашивает:

— Ну, как, внук, дела?

— Да ничего, дедушка, дела хороши. Да вот пришёл за советом к тебе.

— А! всё-таки не забыл меня.

— Нет, дедушка, не забуду, пока жив буду. Вот государь даёт мне совет, что огульно купцы откупят наш товар, так ты свою половину будешь продавать?

— Нет, я не буду свою половину продавать. Это твоё всё, продавай.

— Так вот он приглашает меня, чтобы я его зятем был и оставался здесь жить и царём быть.

Дедушка ему отвечает:

— Рановато еще, внучек. Ты женишься на этой красавице, только бери с собой, на свой корабль. Скажи, что я съезжу в своё царство, а через несколько время я приеду, тогда я могу на престол стать, что у меня там мать старая, надо и мать не забыть, свою старуху. Она всё-таки меня годовала. Я пять лет от отца остался, а мать меня учила, кормила почти до восемнадцать лет, а теперь мне двадцать лет и что — мне кинуть свою мать? Отдам своё богатство ей, если не захочет ехать со мной, а потом приеду.

Дедушка ему совет дал. Он приходит к государю и говорит ему:

— Я буду жениться на вашей дочке, но только съезжу в своё царство, а товар пусть покупают мой, хоть огульно.

Ну, вот тут сделали так, как он сказал государю. Государь опубликовал в газетах, что вот такой купец продаёт такой-то товар: шёлки, сукна хорошие и аппетитные для еды лекарства. Ну, лекарства каждый пуд стоит сто сорок рублей. Прочитавши газетку, налетели купцы покупать. Дедушка ему и говорит:

— Ты скажи купцам, что вот есть у меня управляющий старичок, он у отца моего служил и у меня год уже служит, так он знает больше меня, и пусть он продаст.

Так этот дедушка и остался с купцами торговаться, а Иван Сергеевич отправился к государю. Тут они дело сделали. Дедушка товар продаёт, а Иван Сергеевич свадьбу делает, и говорит он государю:

— Государь, у меня есть там сторож на корабле. Нельзя ли его на свадьбу позвать?

— Можно, — говорит.

— Так, видите, государь, он у моего отца двадцать лет служил, да и у меня год служит уже. Как его ни приглашаем, чтобы он одёжу одел хорошую, так он не одёт одёжу хорошую. Привести его сюда, так вся публика будет смеяться, что у такого купца, теперь наследником будет такой сторож, в такой дырявой свитке.

Государь сказал:

— Ну, так что же — неважно! Не всем хорошую одежду носить. А если он такой верный, так надо попросить его сюда.

И дедушку позвали. И дедушка с радостью идёт на свадьбу внука. Дедушка приезжает. Свадьбу сыграли, здесь попиrowали, — свадьба кончилась. Дедушка и рассказывает:

— Ну, теперь, хозяин, свадьбу сыграли, погуляли, теперь ты меня отправь в своё царство, я и там место найду себе.

Иван Сергееч рассказывает:

— Так я, дедушка, тебя завезу туда, так надо будет жену взять туда.

— Да жены не бросим, возьмём. Месяцев через пять можешь назад приехать. Но я больше не приеду сюда, — ты-то приедешь, а я нет. Как привезёшь меня в свой город, мы с тобой распрощаемся и ты поблагодаришь меня, а я тебя.

Они и отправились. Ехали они на корабле несколько дней, несколько ночей. Дедушка видит остров, и они видят остров. Дедушка и говорит:

— Эх, внук, давай-ка побудем на этом острову, полюбуемся. Тут, кажется, ягод много, малин, разных цветов. Тут мы сутки проживём, сделаем себе запас большой.

Ну, внук дедушки слухал. Корабль остановили. Выезжают на лодке на остров. Да тут, видно, что есть малин, есть клубыш, разных ягод — чего хочешь; и цветы везде цветут и ароматным воздухом даже кормят. Они прошли, садятся на клочок. Вынимает дедка табачок, понюхал табачку и говорит внучку:

— Ишь, какой воздух хороший!

— Да, хороший.

И она села и стала дремать. Дедушка и говорит:

— Вы, верно, спать хотите?

— Да, дедушка.

— Ну, так ляжь, поспи, а мы походим — от тебя далеко не уйдём.

Она заснула. Она уже спит крепким сном. Дедушка ему говорит:

— Ну, внучек, жена твоя спит, а мы теперь только двоём, так давай делить ее. Я просил половину, ты согласился дать, так вот теперь давай.

— Так что, дедушка, бери половину любую, что на корабле есть.

— Мне тую половину, внук, не надо, а вот мне надо половину отсюдава взять, с твоей жены.

— Да как же ты возьмёшь отсюдава?

Дедушка отвечает:

— Хорошенько будет: половина тебе, половина моя.

— Так уж братъ — бери целую.

— Да нет, мы разделим ее так, — дедка рассказывает, — я возьму нож и ее разрежу — половину тебе, половину мне.

— Так тогда не будет ни тебе, ни мне, — она будет мёртвая тогда.

Дедушка отвечает:

— Ты половину похоронишь и я похороню.

Ивану Сергеечу жалко стало.

— Так лучше ты заведи ее себе всю.

— Нет, я хочу разрезать.

— Ну, так режь.

Дедушка закатывает рукава, вынимает нож и с грудей начинает ей садить нож. Иван Сергееч заплакал (жалко).

А дедушка ножом провёл до самого брюха и стал вынимать из ее внутренности. Тут поплыли гадьи, лягухи, ящеры. Он вынул, это всё выпустил и говорит ему:

— Поддай-ка мне, внук, воды.

Тут рядом море было. Он и воды несёт. Принёс, подаёт дедушке. Он начал мыть внутренности. Промыл, опять складал на то место, где оно было. А эти гадьи, лягушки, ящеры расплылись по острову. Потом вынимает дедушка пузырьёк. Пузырёк пролил, рана зарослась, что разрезаны были. Потом вынимает другой пузырьёк и берёт цветок, и на этот цветок поливает с пузырьёка и махнул на нее (сыркнул). Тут она и прохвати́лась:

— Как я хорошо спала! И как мне легко теперь стало. Чувствую сама себя, что как с меня сто пудов спало.

Он и говорит:

— Поешь-ка, моя внучка, побольше малин, так еще будет лучше.

Вот они едят малину все — дедушка ест, внучка ест, Иван Сергееч ест (как они¹ сейчас крыжовник едят).

Дедушка и говорит:

— Ну, теперь пойдём к лодке. Поедем на корабль, — погуляли по острову, повидали всего.

Ну, царевна не видала ничего, только Иван Сергееч видал. Приезжают они на корабль, лодку привязывают к кораблю, якорь поднимают и в путь-дорогу отправляются.

Приехали они к своему городу. Их никто не встречал, про их

¹ Т. е. К. Ф. Господарев и его товарищ. Запись сказки происходила летом 1937 г. в садике Ф. П.

никто ничего не знают. Братаны приехали, так их встречали, что вот купцы из-за границы явились, а про Ивана Сергеевича ничего не сказали. Привалили свои корабли к пристани. Вся публика сказала:

— Смотри-ка, булочник приехал тоже. Да с ним какая-то барышня-красавица приехала, да и дедушка приехал.

Один рассказывает:

— Может быть женился?

А другой рассказывает:

— Ну! Будто такую красавицу за булочника отдадут? — А никто ничего не знает.

И вот они с корабля отправились в свой дом, к этой старухе. Тут старуха увидела сына, руками обхватила и говорит:

— Я думала, что ты не приедешь, то никакой вести я не получила.

— Не пугайся, мать. А это жена моя.

— Как, ты женился там?

— А дедушка пособил мне.

Ну, вот они тут стали проживать немного. Дедушка и говорит:

— Ну, давай, внук, теперь попрощаемся. Богатства мы с тобой разделили на таком-то острове. Твое богатство у тебя, а мое богатство пошло плавать по земле. Это вот тебе от меня подарок за то, что ты не пожалел последние деньги отдать, чтобы меня не топили. Я есть самый Миколай угодник. За это я тебе услужил. Ты теперь можешь жить, поживать здесь и отправляйся в твое царство — ты будешь жить там царём. Будет у тебя дочь и сын. Ну, смотри, не обиждай своих детей, и вот тебе моя книжечка. Там, в этом царстве много волшебников, то ты эту книгу читай — тебя волшебники не возьмут. Ну, круто придёт, вспомни и про дедушку своего. Дедушка не забудет — я буду здесь и там.

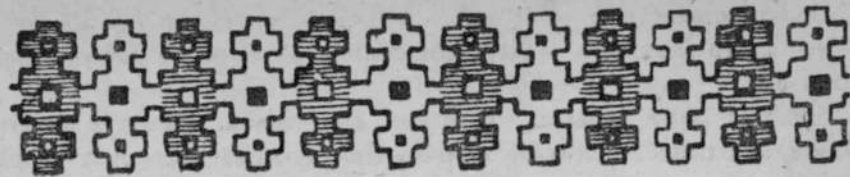
Прощались. Дедушка и пошёл. Он остался с матерью и с своей женой. Прожил он недели две, аи три, приходит к своим братанам и говорит:

— Заберите дедушкино наследство — мой дом.

Они отказались.

— Ну, я отдам его бедным людям.

Так он и сделал: отдал бедным людям. Сам отправился в тое царство. Стал жить-поживать и добро наживать.

16. [МАРКО БОГАТЫЙ].

В деревне был кулак — не кулак, помещик — не помещик, а большое было у его богатство; он даже сам не мог сосчитать, что у его есть. А прохожих он не пускал к себе в избу, в дом. Шёл бог и Микола, с им и Павел, и просят ночевать. А у его как раз были гости, то ему совестно было отказать, что не пустить прохожих ночевать. Он и говорит кухарке:

— Заведи их в овчарник, где овцы спали, там место тёплое, там будет им тепло.

Она завела, показала, и они вошли, и она пошла. Они здесь обночевались. Тут оказывается горница сделалась. То он, Богатый Марко, и сказал кухарке своей:

— Занеси этим прохожим, пусть они поужинают.

Раз хозяин велит, она должна нести туда. Она приносит и подаёт, и видит, что здесь не овчарник, а горница такая, что лучше как у Марка Богатого в комнате. Приходит и говорит хозяину:

— Хозяин, там в овчарнике сделалась комната, что даже и у вас такой комнаты нету.

Он и говорит:

— Ну, это, видно, люди не простые. Ты же иди и стань за дверью и слухай, что они будут говорить.

Она и пошла, и стала за двери и выслушивает, что они будут говорить. Так часов в три утра аи в четыре, то она не знает, вдруг является туда вроде человек. Она не знает, кто такой, открывает дверь и входит туда и говорит:

— Господи, вот в таком-то месте родился младенец, какое, вы ему счастье даёте?

А бог и отвечает:

— А его счастье — это где мы спим. Всё Марково добро перейдёт к ему в руки.

Человек этот скрылся, остались они троём. Она тут до утра сидела, а больше не слыхала ничего. Она приходит и говорит своему хозяину:

— Вот, хозяин, что я слыхала.

— А что ты слыхала?

— Да вот в такой деревне родился младенец, и пришёл какой-то вроде человек, зашёл в этот овчарник и говорит: «Господи, какое этому младенцу да сй счастье?» А он сказал: «Вот это место дадим, и Марково всё добро перейдёт к ему». То этот и скрылся.

Марко и задумался.

Пожил Марко там дня три аль четыре, это неизвестно. Это сказывается скоро, а дело делается нескоро. Время всё утекает, а у Марка богатого добра убывает. Марка лошадь запрягает и отправляется к этому мужику. А у этого мужика пятый сын уже родился, и жил он очень бедно. Он приезжает и говорит:

— Продай мне своего сына.

— Как же я продам своего сына?

— Да у тебя их пять штук! Ты только маленького мне продай. Он и говорит:

— Что маленького, что большого — всех жалко.

А он ему рассказывает:

— Ты знаешь, он будет у меня человеком. Ты слыхал Марко Богатого? То я могу тебе за твоего сына — поставить его на стол, ты будешь его держать, а я кругом обсыплю деньгами, что и голова покроется его.

Мужику жалко сына и денег. И стал советоваться со своей женой. Жена и говорит:

— Если он покупает, то он, верно, его усыновит, и будет он его сыном. То и мы будем видеть его, а столько денег даст, то и мы подправимся и будем считать, что у нас сын там живёт.

Мужик согласился. Марко поехал домой. Забирает деньги, пятаков-медяков, ну и серебряных немного, и везёт туда, обсыпать его, да и взять парня. Когда приехал, поставил его на стул, и стал обсыпать. А младенец стал прибывать, видит Марко, что нехватает у его головы покрыть. Он и говорит:

— Ну, вот тут у меня немного нехватит, то я дам тебе гарнец (от гарнца выходит малёнка — семь гарнцев), чистого золота добавлю.

Мужик сказал:

— Ну, ладно.

— Давай же мне его.

А мужик говорит:

— Когда привезёшь гарнец золота, тогда и возмёшь.

Марко Богатый бросает эти деньги и отправляется домой за гарнцем золота. Привозит гарнец золота, отдаёт, младенца берёт и поехал. Приезжает домой, берёт смолянью бочку и пускает его на реку. Младенец поплыл по реке и попал мельнику под колесо. Мельник мелет, у его жёрна встали (раз вода не работает, жёрна встанют). Он побёг, думает, что воды нету. А вода кругом летит, а под колесом бочка стоит. Он и говорит:

— Откуда ты явилась? Рўсло небольшое, а ты сюда явилась.

Тогда он берёт, отодвигает эту бочку, а там закричал младенец. Он не то спугался, не то срадовался, побёг на свою плотину и закрыл воду, чтоб она больше не шла сюда. Прибегает, то он уже работал здесь смело; раз вода не идёт — мельница должна стоять. Достает эту бочку, открывает младенца этого, видит, что младенец небольшой, ну, по росту, он подумал: «Верно недели три есть ему».

Он приносит его домой и говорит своей жене:

— Видишь, жена, я нашол младенца!

— А где ты его нашол? — она спрашивает.

— Да в смоляной бочке. Подплыл к нам под мельницу, и у меня жёрна остановились. Я побёг посмотреть под колесо, думал, что у нас вода не пошла. Я прихожу туда, там стоит бочка, подёрла наше колесо. Я эту бочку стал отпихать — там младенец стал кричать. Я не то спугался, не то срадовался, что такое за чудовище попало: рўсло малё, а сюда такая бочка попала. Я бросил бочку и мельницу и побёг, закрыл воду и тогда достал эту бочку. Вытащил ее на мельницу, разбил и вот младенца достал.

Жена рассказывает:

— Так, наверно, это нам бог счастье дал! У нас двое ребят, ну и третьему хватит.

Вот этот младенец стал у них жить. Эта мельникова жена его соблюдала хорошо. Проходит месяц, проходит два. У этого мельника всё прибывает видимо-невидимо, а у Марко Богатого утекает. Марко стал прислушиваться.

— Наверно кто-нибудь его поймал.

Слых пошел, что в таком-то месте под мельницу подошла бочка, и там младенец. Марко подумал: «Зря пустил. Зато у меня богатство теряется. Он, видно, живой».

Марко Богатый опять же приезжает к этому мельнику и говорит ему:

— Продай мне его. Я большую дам сумму денег.

Мельник подумал, что «он же не мой — продать можно, если сумму денег дадут; у меня и самого двое есть».

Он подходит к своей жене:

— Продадим мы этого находного парня?

А она говорит:

— Как же мы продадим? Это ж нам бог счастье дал.

А мельник говорит:

— Какое счастье?

— Как же не счастье?! У нас чего не было, всё стало.

Он говорит:

— Ты думаешь, через его так всё к нам и идёт? Я его достал, я сам его и продам!

— Ну, что ж, продавай.

Стал рядиться с Марком:

— Сколько ты мне даси за его?

Он и говорит:

— Тысяч пять дам.

А мельник сказал:

— За пять тысяч пущай живёт здесь, хлеба у нас хватит.

Марко Богатый опять же говорит:

— Так ты назначь же цену.

Ну, а парню стало время порядочно, и он этого не знал, сколько раз его покупали, что он и в бочке был, что его не отец продаёт а куда посылают, туда идёт.

Вот мельник и говорит:

— Тысяч пятнадцать даси — отдам.

Марко сказал:

— Пожалуйста, дам.

Когда мельник пятнадцать тысяч получил и говорит ему:

— Я тебя рости́л, а теперь этот тебя купил у меня. Ну, и вот ты ступай к ему.

Марко Богатый забирает, домой его привозит. Дня три подержал и его отправляет:

— Сходи, — говорит, — ты туда, в такое-то место, и спроси, чтобы он сосчитал моё добро. *(Он его посылает к чертям)*.

Он и отправляется по той дороге, как ему сказал Марко Богатый. Он идёт, у его спрашивают:

— Куда идёшь, добрый молодец?

— А вот, — говорит, — иду я туда, к одному человеку, чтоб сосчитал он Марково добро.

Он ему и отвечает:

— Ну, иди, только никому правды не скажи.

Немножко он прошёл, опять его стречают:

— Куда ты идёшь?

— Иду своей дорогой, куда послан, то я думаю, должен я сделать.

То ему отвечают:

— Нет, мы знаем, куда ты идёшь: ты идёшь к сатане, чтоб сатана сосчитал, сколько у Марки Богатого добра есть. Ну, туда пойдёшь, там ты пропадёшь, назад тебе не воротиться. Оставайся лучше у нас.

Он говорит:

— Куда послан, туда должен идти.

То этот отвечает:

— Ну, раз не остался тут, то будет стрёта тебе большая. Ты этой стрёты не бойся, а тоже правду не сказывай и вали дальше своей дорогой.

Он опять идёт. Тут стрёта ему стретилась — прекрасная девчонка.

— Куда идёшь, покупной Марков сын?

— Да иду туда-то, чтоб он сосчитал, сколько у Марки есть добра.

Она говорит:

— Добра Маркова не считаешь, как в роте зубов: у кого столько зубов, у другого меньше — зубы выпадают, — а у Марки богатство убывает, то его не может сосчитать никто. То ты вернись назад и скажи своему отцу, что вот так сказано.

Он пошёл дальше опять *(он всё-таки идёт до конца)*.

Дошёл он до старого чорта, до самого главного уже. Старый чорт у его спрашивает:

— Ты что пришёл? Я ж тебя не звал?

— Дак вот, меня Марко послал, чтоб ты сосчитал его богатство, и сколько у его, что есть.

Старый чорт и рассказывает ему:

— Сосчитать мы не можем, а где будешь ты, там богатство будет его. Ну, так оставайся у нас. Богатство это всё перейдёт сюда, к нам. Мы тебя работать не будем заставлять, а богатство будем забирать *(им тоже богатство надо)*.

Марко видит, что послал уже, поворота нету. А богатство утекает.

— Наверно, остался он там. Пойду ж и я туда, возьму у их его.

Ну, вот Марко и пошёл искать своего выкупного сына. Идёт он дорогой. Приходит лесная дорога, он этой лесной дорогой пошёл. [На той дороге] стояло две сосны. Одна сосна стояла на одной стороне дороги, повыше, другая на другой стороне, пониже. Проход был малый, то, значит, если едешь с правой стороны, — ось задевает тоже за одну сосну, с левой идёшь, — ось, задевает тоже за эту сосну, которая стояла ниже. Вот Марко Богатый дошёл до этой сосны и стал любоваться. Сосны ровные и стоят напротив в сре́ди дороги, —

почему этой попадает, а этой нет? (Сколько мужиков проедет, да заде-
нет эту сосну!)

Сосна ему и отвечает:

— Вот если меня срубят да свезут, на огне спалят, тогда и ось
задевать не будет и пространство будет. Так и ты идёшь искать. Ты
раз купил, потом второй раз купил, а его сбывать не можешь. Вот
дойдешь туда, где он есть, за кем ты идёшь (ему, значит, учётку
даёт), и пока ты его не срубишь да не спалишь, дак он всё будет
тебе мешать. И откудова ты его можешь взять. Ты послал, чтобы
твое богатство сосчитал. Через пять лет считать нечего будет у тебе,
а всё перейдёт ему, где только он будет.

Марко Богатый и отправился. Доходит до старого чорта (али
сатаны — всё равно). Чорт его и спрашивает:

— Чего пришол, богатый Марко?

— Да я пришол своего сына выкупить.

Чорт усмехнулся:

— Что, верно богатство стало ли нять?

Он говорит:

— Да.

— Так вот, ты первый раз купил, не надо было его в бочку
садить да на реку пускать, и богатство не поплыло бы по воде. Не
надо б и к нам его посылать. Ты стараешься сейчас его сбывать,
чтобы он на свете не жил. Ты к нам его послал. Иди-ка, посмотри, —
сколько он у нас живёт, целый угол богатства твоего перешло уже
к нам сюда. Ну, нам его не надо, богатства, нам надо тот человек,
который за нами идёт.

Марко Богатый и рассказывает:

— Так вы отдайте мне его.

— Берите. А что ж ты нам даси? — у Марки спрашивают.

— Ну, так возьмите, что перешло от меня сюда к ему.

— Нет, нам этого тоже не надо. Ты продай нам самого себя.
Как помрёшь, то ты будешь наш, и богатство всё будет твоё целое.

Марко и подумал: «Так, пожалуй, можно, только чтоб моё богат-
ство не приходило б с места на место».

Чорт ему и говорит:

— Всё твоё богатство будет на месте.

Тут Марко отдал сам себя и расписался, что «когда я помру,
я буду ваш».

А чорту это и надо было. Он и говорит:

— Посылай своего сына домой, пиши ему письмо, чтоб его при-
няли там.

Он и пишет письмо, что вот этот, который вам принесёт письмо,

чтоб его ублаил (как сосна ему говорила) и спалили до моего при-
езду.

Он и пошёл. Прошёл мало-немного. Сказка скоро сказывается,
а дело не скоро делается. Стречается он с одним старичком.

— Откудова идёшь, молодой человек?

— А был вот там-то.

— А теперь куда идёшь?

— Да вот Марку Богатому письмо несусь на дом.

Он и говорит:

— Покажи-ка письмо.

Сын старичку письмо показывает. Старичок прочитал и потом
письмо написал: «Чтоб до моего (до Маркова) приезде сделали свадьбу,
и чтоб моя дочь была б за им замужем, и сделали зятем моим, и
чтоб поздравили меня с новобрачными, тогда я приеду».

Старичок старую записку берёт и даёт новую записку:

— Иди домой и подай эту записку мою.

Он приходит домой. Записку прочитали и поскорей стали свадьбу
делать. Сделали свадьбу поскорей до его приезде. Он и живёт не-
сколько дней. Приезжает и Марко:

— Что вы, — говорит, — кончили его?

— Кого?

— Да вот которому я письмо дал да сюда послал.

— Да ты ж письмо послал, чтоб он зятем твоим был, да и дочку
взял твою. Да и свадьбу мы сделали.

И подают ему письмо это. Он письмо читает:

— Рука, — говорит, — моя, я писал, только не так. Неужели
у меня ум перевернулся? Наверно к этому письму нужно скло-
ниться мне, и пусть зятем моим будет, и будем жить вместе.

(Чорт всё равно его [Марка] возьмёт. Больше ничего не сказано мне,
и я ничего не скажу. Что слышал, то сказал, а что не слышал — не
скажешь.)

17. ЦАРСКАЯ ДОЧЬ.

у, ладно, расскажем так. Вот в некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живём, жила царевна. И она была заклятая. И выходил ее срок выйти на свободу, только надо было ее спасти, но никто не знал про ее и как ее спасти. То один парень деревенский любил спать всё в гумне, где молотят. Он постоянно — поужинает и пойдёт туда, то вдруг, когда он ляжет спать, то она является к ему и говорит:

— Спаси меня, я буду жена твоя. И когда спасёшь, то у нас всего будет. Мы будем жить хорошо.

— А как же мне тебя спасти?

— А вот выбирай сам; я не скажу тебе, как спасать меня.

Он видит, что красавица хорошая. Он всё помалкивал. И он часто и днём ходил в гумно, но днём не видал никогда ее, — только ночным временем. То он начал сказывать матери своей:

— Вот, мать, какой случай есть.

— Какой, сынок?

— Да вот, одна девушка ходит ко мне в гумно и каждую ночь беседует со мной и говорит, чтобы я спас ее. Я спросил: «Как мне тебя спасти», а она мне сказала: «Выбирай сам».

Мать и говорит:

— Это, сынок, наверно, нечистая сила тебя искушает, то ты сынок, не ходи в гумно спать. Может быть, она отстанет от тебя.

— Так я, мать, уже привык к ей. Я даже несколько ее не боюсь.

Тогда мать и рассказывает ему:

— Надо сказать священнику.

Сказали священнику. Священник и говорит:

— Это трудно спасти ее такую, даже я не придумаю сам.

Тут пошел уже слух, и узнали люди, что к такому-то ходит нечистая сила; даже стали от его уже отбегать, так что он с нечистой силой уже знакомство имеет. Но никто ничего не знал. Вот он одному сказал старику. А этот старик был чернокнижник. Он и говорит ему:

— Ты приходи-ка ко мне на две ночи, то я посмотрю в книгу и тебе скажу, можно ее спасти или нет.

Он и пошел. Первую ночь они сидели, и он читал всё книгу и рассматривал и рассказывал *(как мы сидим с Новиковым: я рассказываю, а он пишет; правда — неправда, а никто ничего не знает)*. Утром и рассказывает ему:

— Ну, иди, голубчик, домой, а завтра приходи ко мне опять. И когда будешь идти ко мне, то ты передень рубашку воротом назад.

Он так и сделал, и отправился к этому чернокнижнику. Чернокнижник берёт книгу и разворачивает и начал прочитывать дальше, и дочитался и говорит ему:

— Да, молодой человек, это счастье большое тебе приходит; это есть царская дочь, и она заклята трёхлетней, и ей теперь двадцать лет. Кто в этом году спасёт ее (в двадцати годах), то она будет жить здесь, а не спасёт, то двадцать лет опять она будет там. Вот она и ходит к тебе. Ну, вот почитаем еще до утра книгу, может что и покажет книга нам, как спасти ее.

Они читали книгу, и старик показывает ему:

— Спаси ее легко. Только когда будешь спасать, то не пугайся, а если спугаешься, то больше ты ее не увидишь, как только через двадцать лет. Иди ж ты к попу, и возьми у его крест с крепким цепом, и иди в гумно спать. Когда она придёт к тебе и ляжет с тобой спать, то ты накинь на ее эту цепь. То она будет от тебя рваться. Первым долгом она сделается лягухой. Ты не пугайся, всё держи ее. Потом она сделается гадиной. Ты всё не пугайся и держи крепче её. Потом она будет на тебе огнём пускать. Но ты всё-таки держи ее, не пугайся, — она не спалит тебя. Потом будет она тебя вроде за глотку брать, давить тебе, но ты не пугайся, — она не задавит. И когда петух запоёт, то она сделается девушкой. Тогда она от тебя никуда не уйдёт. Тогда ты можешь на ей смело жениться, и она будет тебе верной женой.

Когда он пришёл в гумно, лёг спать, то она явилась и легла кóло его и говорит ему:

— Возьми-ка отбрось, что ты принёс.

А он ей говорит:

— У меня ничего нету.

— Ну, нету, так ладно, — она сказала.

Ну, ему зевать некогда было. Он вроде как обнимать ее стал и набросил на ее эту цепь с крестом. То она вскинулась первым долгом лягухой, но он, как взял за ногу ее, то всё держит крепко. И она всё рвётся, она видит, что никак не вырваться. Она сделалась змеей и хочет его вроде как укусить, но никак не перегибётся за руку кусить его. Она видит, что никак не вырваться, — стала пускать с рта пламя, чтоб его руку спалить, но пламя не доходит до руки. И она уже видит, что никак не вырваться. Она схватывает его за шею и начинает его давить. Ну тут, действительно, ему стало тяжеловато, но он всё равно держит, как ему чернокнижник сказал. В то время он не знал, сколько он с ей мучился, а здесь же петухов не было в гумне. Ну, всё равно, — в деревне запел, и она оказалась такой, как и раньше ходила — девушкой, но только голая: ни рубашки, ни платья на ей нет. Она и говорит ему:

— Ну, ты иди теперь домой и принеси одежду мне. Я оденусь, и пойдём. Ты теперь спас меня, ты будешь мой муж, а я твоя жена.

Он с такой радостей побёг домой, берёт у матери женскую одежду, на ее одевает и приводит ее домой. То все родные боялись. Она говорит:

— Не бойтесь меня.

Он с ей повенчался, и прожил он три года уже. Было у их двое ребят. И ребята росли не по дням, а просто по часам. И всего у их было довольно.

Однажды ему надо было ехать в город на три месяца на какую-то вроде службу. И он отправляется, а она ему сказала:

— Смотри, милый мой! Как хочешь ругайся, но только гадиной не называй меня.

Он когда отправлялся в город, как раз уборка хлеба была. Он и рассказывает:

— Управилась ли ты тут одна убирать?

А она ему говорит:

— Всё будет убрано.

Он является с города и пошел дорогой. Приходит на своё поле, то поля не убраны, даже истоптана и рожь (она зерно убрала, а соломе деться некуда, — она солому на поле и бросила). Там ходил скот, эту солому помял. То ему стало жалко это самое, что она сказала, что уберу, и не убрала. Он и говорит:

— Гадина была, гадина и есть!

Он приходит домой, и она на столе лежит свернувши калачом, гадиной. И она, когда он пришел домой, рассказывает:

— Вот, милый мой. Что тебе сказано, чтоб ты не называл гадиной, а ты назвал, то я теперь и есть гадина. Ты думал, что я не убрала своего хлеба? А сходи-ка в свою клеть, посмотри в клеть, что будет тебе с твоими сынами на пять лет ёсти этого хлеба. А меня бери и тащи туда, где ты достал меня, и оставайся с моими детьми, с своими сынами.

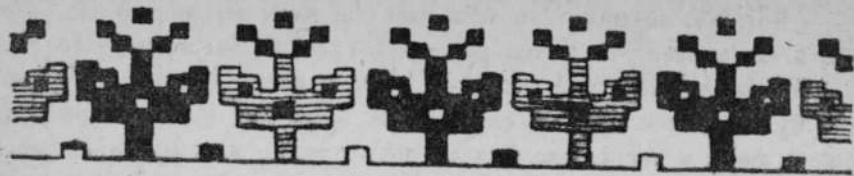
Мужик заплакал:

— Я не понесу тебя. Будь хоть гадиной, а живи у меня.

— Нет, друг, поздно. Больше ты не увидишь меня. Я-то буду видеть тебя, и ребят буду видеть своих и твоих, а вы видеть меня не будете.

Ему делать нечего. Пришлось взять эту змею и нести ее на то место, где он достал ее. Когда принёс и пустил ее, то даже в гумне стенки затрещали. И не увидал, куда она ушла. Он пришел домой и остался со своими сынами проживать. И теперь живёт. Больше не женится. Так неженатым и остался.

18. [О ЧЕТЫРЕХ БОГАТЫРЯХ].

в некотором царстве, в некотором государстве, жили царь с царевной. У царя не было ребят. Хотелось ему иметь себе ребят. Приходит сюда один волшебник, к этому государю, и говорит:

— Желаете вы ребят, дак я могу сделать, что будут.

Ну, вот согласились они, чтоб были у их ребята. Волшебник и рассказывает, что «я дам рыбку, — когда только она [царевна] съест, то она сразу забеременеет».

Приносит рыбку и подаёт царевны. А царевна подаёт служанке и говорит:

— Ты обчисти и поджарь, и подай мне.

Царевна пошла в комнату, кухарка занимается чистить щуку. Когда она разрешила, тут сидела кошка. Она бросила нутро кошке. Кошка съела. А потом, когда поджарила и раньше царевны сама покушала, и подала царевны. А царевна тоже съела. Остались у нее кости. И было у их, просто сказать, собачка, сучонка. И она отдала этой кости, своей сучонке. Вдруг кошка забеременела от этой рыбы, служанка и государыня, и сука. Ну, в одно время они все родили, и ребята были волос в волос, голос в голос, что можно даже не разобрать, кто чей.

Дали прозвища им: Кошкин сын, а это — Кухаркин сын, а это — Иван-царевич, которого государыня родила, а этого — Сукин сын. Они прожили три года в этом государстве. И они были все богатыри. Ну, сильнее был Сукин сын (от суки сын был сильнее всех). И вот они пошли по свету, все четверо. Заходят они в одно госу-

дарство. В этом государстве жила волшебница. Она даже никого прохожих из другого царства не пропускала. Они подходят к этой волшебнице поближе, то волшебница всё это знала, и она хотела их погубить. Сукин сын и говорит:

— Вот изба стоит. Вы оставайтесь в этой избе, а я пойду, попробую. И вот на́те вам карты, в карты играйте, но спать не ложитесь.

И поставил стакан на столе с водой.

— Смотрите на этот стакан. Когда станет мутиться здесь вода, то вы бежите ко мне на по́мочь.

И сам отправился.

Волшебница его приняла и сказала ему:

— Вот ты, молодец, повоюй-ка с моим богатырём, тогда я за тебя замуж пойду (*ишь ты, он понравился ей!*).

Ну, он надеялся на свои силы, что у его в избе есть еще три брата, то он смело согласился сойтись с этим богатырём. Он уже стал драться, то надеется он, что в стакане вода мутится, что они должны прибыть. А их нету. Он скидывает со своей ноги сапоги бросает на дом, где они сидят, и видит, что орлица слетела. Он и говорит, что: «не являются — это будет беда. Помощи ниоткуда». Видно, они заснули.

Он снимает другой сапог и бросает по избы, по окошку. Половина слетела избы. То они прочнѣлись и видят, что уже в стакане не только помутилась вода, но что в стакане даже кровь оказалась.

Им некогда было зевать. Прибегают, а брат уже чуть не сбит. Прибѣгли они, этого богатыря кончили.

Тогда волшебница склонилась им. Она и говорит:

— Я слово дала своё, что выхожу замуж за тебя, то придётся выйти.

И она думала так, что я выйду «за его замуж, а его всё-таки сведу со свету».

Они стали сами с собой говорить:

— Хоть ты [Сукин сын] больше работал нас, так пусть женится Иван-царевич на ней (*а Иван-царевич слабее всех*).

Иван-царевич оженился на этой волшебнице. То Сукин сын и говорит:

— Давай-ка, Иван-царевич, я первую ночь с ней посплю!

Вот он лёг с ней спать. То когда они легли, уснули, то она его натиснула так, что если б Иван-царевич был, то он бы там и кончился. А этот прохватился и говорит ей:

— Это не так тиснуть, а вот как тиснуть!

Он ее как притис, что она до утра без памяти лежала. То он на утро и сказал царевичу:

— Ступай же к своей жене, да не сказывай ей ничего и не подавайся на ее слова, то она будет бояться тебя.

Иван-царевич и пошел. Тут свадьбу они сыграли, распрощались. И эти пошли в ход. Иван-царевич остался здесь.

Они ходили несколько время. Сукин сын и говорит:

— Кажется, наш Иван-царевич, уже обижен. Надо воротиться назад, посмотреть, как он живёт.

И приходят, являются. А Иван-царевич уже сидит в склепе (она в склеп его уже заперла). Они спрашивают:

— А где ж ваш муж?

Она и говорит:

— Уехавши.

— А на сколько он уехавши?

— Собственно, не могу сказать вам. Может быть, пройдёт два дня или три.

— Как же так, «собственно»? Вы жили вместе и не знаете, на сколько он уехавши?!

(Это всё Сукин сын командует, потому что он подобрал ей кости, и умнее всех.)

Она и говорит:

— Может быть, и завтра приедет.

Вдруг она и выпустила его и сказала ему, что «не сказывай, что я хотела узнать, что из тебя будет».

Они видят, что он уже с лица изменился. Он уже целый месяц сидел там на сухом хлебе. Он всё-таки своим братьям признался, что вот такое дело, то Сукин сын говорит:

— погоди-ка, я сегодня с ней спать лягу, я ее боготворю.

Приходит вечер. И она с ними беседовала, а познать мужа не может, какой из них. Сукин сын говорит:

— Ну, довольно, братцы, беседовать, а время итти поспать! Ну, пойдём-ка, голубушка, и ты!

Ей делать нечего, она отправляется с ним.

Когда только пришли и легли спать, он ее спрашивает:

— Почему ты меня в подвал заперла и носила только мне один сухой хлеб?

Она и говорит:

— А я пробовала твою силу, что какой ты есть богатырь, что не мог с подвала выйти.

— Так мы люди такие, — он, — что мы всё терпим. Давай-ка, попробуем силы мы с тобой! Будешь ты сильна или нет.

И начал ее бить своим порядком.

— Ну, вот, можешь ты справиться со мной, то еще на три месяца запру, где я сидел. Я сидел два, а ты посидишь три, тогда ты покаешься и будешь женой мне.

Она стала проситься. Он и говорит ей:

— На конский пот и на твои слезы вниманья надо мало брать. А надо тебя тиснуть. Лошадь, что потеет, так злее идёт, а тебя бьёшь, то ты тогда лучше живёшь. Как всё равно, гадина плавёт, — поймал её, да в клещи возьмёшь её, да в муравейник принесёшь, да покладёшь, то мурашки как станут кусать, то она не знает, куда деться. И вот, так и ты меня заперла в склеп на один хлеб. А как пришли мурашки да видят, что я тебя в клещи взял да в муравейник хочу бросить, где я сидел, так ты уже и плакать начинаешь. Москва слезам не верит. Плачь, хоть разревись.

Он ее отдул, ну в склеп не посадил, — отдал Ивану-царевичу и говорит:

— Ну, прощай, брат! Мы пойдём дальше.

Они пошли трое, а Иван-царевич остался тут.

Когда они шли, приходят, — стоит камень привалённый, и вроде под этим камнем дыра есть. Сукин сын и говорит:

— Давай-ка, отвернём камень этот, посмотрим, что тут есть!

И они отворили. Тут дыра большая оказывается, и чистая дыра; так что саженой на пятьдесят видно, что она прямая. Он и говорит:

— Давайте вить верёвку и я спущусь туда!

(Вот какой отчаянный. Собачий дух немного есть у его.)

Они вили верёвку дней пять. Он и говорит им:

— Ну, приготовьте еще, что если я дня не достану, то вы прибавляйте верёвку.

Они его стали спускать. Видят, верёвки нехватает. Они к камню привязали и начали верёвку прибавлять. Прибавили, опустили — стало легко (уже не тягнет).

— Наверно, дня достал.

Он и дернул верёвку и по верёвке передаёт им:

— Я вышел на другой свет, такой самый, как и там. То вы далеко не уходите. Я похожу, узнаю здесь, что такое за свет такой, а потом приду, и вы меня вытянете.

Он и отправился. Там тоже море такое есть, как и здесь. Народу не видать никого.

Вот ходит он день, ходит он другой, так что он заблудился и не может найти этой дыры, сколько он ни ходил. Он уже начал убивать дичь и питаться сам. Ну, а эти дней несколько сидели, сидели, да и тоже пошли. (Он не видел, да и мы не видели, куда они делись!)

Поднялась буря большая, а тут стоял дуб. На дубе орлиное гнездо было. И поднялся большой ветер, и выкинуло этих орлят с гнезда. Он взял этих орлят собрал и гнездо склал, и их посадил. Орёл прилетел и говорит:

— Кто такой нашолся спаситель, что в это время постоянно моих орлят выкидают? То чтобы он хотел, то я бы ему сделал. Хорошо бы его увидеть.

А он тут и сидит, Сукин сын. И говорит:

— Вот я. Мне жалковато стало, что там разрушено было, то я гнездо собрал и их в гнездо от дождя поклал.

Орёл отвечает:

— Ну и спасибо! Что ж ты хочешь с меня за это?

— Да вот я хотел бы на тот свет пройти, откудова пришол.

— Это тяжело. На тот свет, если нам лететь с тобой, то надо сорок пудов заготовить мяса, а иначе нам не вылететь. Я тоже только откудова прилетел.

— Так ты бы показал мне нору эту.

— Из норы мало пользы, что я покажу тебе.

— Так там у меня сидят два брата.

— Братьёв там у тебя уже второй месяц нету. Ты думаешь, ты одни сутки сюда шол, спускали тебе? Они тебя спускали восемь суток. *(Видишь, сколько время спускали они его!)* То вот на тебе стрелу и убивай птиц, зайцов; попадутся козы—коз убивай, и попадутся покрупней—тоже бей. И вот стоит бочка, то в эту бочку носи и складай. Когда будет полная бочка мяса, то тогда мы полетим, то я тебя могу вынести, а иначе нам не быть там.

Вот он уже месяца три ходил и набил бочку мяса. Орёл прилетает:

— Ну, пожалуй, что хватит теперь. Бери ж эту бочку, подвязывай ее к спине, а сам подвязывайся ко мне под крылья, чтоб крылья мои были свободны. Когда мы полетим, то ты, если я рот разевлю, кусок мяса мне кидай *(ты знаешь, он порубил мясо на мелкие куски)*.

И вот они полетели. И он всё кидал орлу и кидал до последнего куска, а края всё не видеть. Орёл опять глотку открывает, чтоб ему дал, а он говорит орлу, что «больше нету».

— Больше нету, — так нам не долететь, я ослаб совсем.

Он видит, что ему не долететь, он взял своей икры, вырезал кусок мяса и бросил ему. Орёл проглотил. Видит, что свет показался, лететь недалеко. Орёл кричит:

— Дай еще кусок мяса, а то нам не подняться.

Он видит, что ничего не будет, — он с другой ноги вырезал икру

свою. И вынес его орёл на этот свет, где мы находимся. Потом орёл спрашивает его:

— Что ты мне два раза давал такое сладкое? Сладкое было и помочь мне дал, большую силу.

— Да вот, — говорит, — в бочке ничего не было, то я отхватил тебе свою икру с ноги и бросил тебе в рот. Ты опять кричишь, что дай, я и вторую отхватил — тебе подал.

— Ну, жалко, что я не узнал, а то бы я и тебя проглотил. Теперь выйдешь на свет, так нельзя ж тебе делать вред.

Орёл харкнул раз — выскочила откудова икра цельная (назад выкинул). И он второй раз харкнул — и вторая выскочила. И он взял, приложил одну к другой и плюнул на икры, и они срослись, — как были, так и есть. Он и пошел. Думал найти своих братьёв, но ни одного не нашол. Заходит он к этой волшебнице и спрашивает:

— Где ж мой брат?

— Он уже три месяца помёрши.

— А, может, в подвале где сидит?

— Нет, нет!

— Сознавайся по правде! — он. — Ну, покажи могилу его, я отрою, посмотрю!

Она говорит:

— Можно показать.

Она и показывает. Он берёт двух человек и отрывает могилу, и рассматривает его и видит, что брат его.

— Но всё-таки надо посмотреть, какой ты смертью помер.

И начал смотреть, то у его оказалась рана. Он спрашивает:

— Почему у его рана?

— А это хотели его атомировать. Ну я сказала, что не надо.

Он схватывает свой кинжал:

— Так вот я атомирую тебя!

Кинжалом пронёс ее, и она кончилась. А сам ее закопал. И брата своего закопал, а сам остался на ее месте проживать и добро наживать. Там женился. И я, как в то время был, и мёд, вино пил, даже в роте не было и по бороде не текло, а пьяным сделался.

19. [ПРАВДА И КРИВДА].

было у мужика три сына, умных детины. Он их отправил в Петроград. Они и пошли. Два брата любили погуливать. Один меньшой не гулял и деньги скопил. И отец написал письмо им, что идите домой. Они собрались и идут трое. Они и говорят ему, который идёт с деньгами, что:

— Мы думаем кривдой прожить, отца обмануть.

А этот и говорит:

— Нет, кривдой плохо жить, а надо правдой жить.

Они и говорят меж собой, что «если он придёт домой, он правду отцу скажет, что мы гуляли с тобой и у нас денег нет. То мы и кривдой никуда не вывернемся. А давай ему выколем глаза и оставим его здесь. А скажем, что он не пошел с нами. И понесём эти деньги, по триста рублей, и отдадим отцу по полтораста (что будто заработали они). А он с такой боли не будет видеть, куда идти, то он здесь и кончится».

Так они и сделали. Его взяли повалили (как двоём), глаза выкопали ему, деньги забрали, и они удрали. Он с дороги сошел и в лес попал. Где он стукнется — всё дерево. И попал он под такое дерево, где слетались черти на дуб на этот. И говорит один чорт:

— Я вот был, — говорит, — у государя и посадил там жабу под полы. Тую жабу если бы кто достал да выкинул, и государь поправился б.

А другой говорит:

— А вот здесь есть средство недалеко, такая вода. Этой водой,

где больное место, взять помазать, так оно кряду заживёт, как было, и так будет. (А того не знает, что он сидит.)

А третий говорит:

— А я одну барыню придавил: поклял ей в постель волшебное кольцо. Тёе кольцо как возьмёт, выкинет, то и барыня здоровая была бы.

А четвёртый и говорит:

— Есть здесь один колодец — живая вода, а другая — мёртвая вода. Этой водой можно умертвить, а этой оживить.

Он выслушал это всё, как следовало быть, и сам и пошёл по этому месту, и нарвался на эту воду и на этот колодец. Он берёт и моет себе глаза и стал видеть. И не стало у его боли никакой. То он берёт и другой воды и отправился до той барыни. Вот является к барыне и говорит:

— Я бы, барыня, мог бы вас вылечить.

— Да, я уже болею чуть не полгода. Сколько лекарей было, так никто не мог вылечить, то, пожалуй, и вы не вылечите.

Он ей и говорит:

— Нет, барыня! Через три дня, как вы были, так и будете здоровыми, никакой боли у вас не будет!

Она ему и рассказывает:

— Ну, постарайся, то ты получишь от меня большие деньги. Я сот пять дам тебе.

Он и говорит:

— Ну, давайте. Я пособлю вам подняться с вашей кровати. Перейдите в другую комнату.

Ее перевели. Он стал искать кольцо. И всё его нету, кольца. Он стал искать в подушках. В подушке нашёл (нашёл, значит). Он берёт его в карман, идёт к барыне и говорит:

— Что, барыня, вы спите?

Барыня заснула (ей легче стало).

— Ну, поспи.

Тут барыня и просыпается. Барыне стало легко. Он видит в стеклянные двери, что барыня с кровати сама встала. Он открывает дверь, входит к ней.

— Ну, как, барыня, чувствуешь?

Она и говорит:

— Ничего. Чувствую, что мне перестало болеть.

— Ну, хотя вы перестали болеть, так вы ещё ослабли, а вот через три дня вы танцевать согласны б были.

— Да, я чувствую, что я теперь поправлюсь. Спасибо тебе. Я обещала пятьсот дать тебе, а теперь я и прибавлю.

Он пожил три дня. Деньги получил, садится на поезд и отправляется, как в Петроград. Приезжает ко дворцу и говорит:

— Можно мне дойти до государя?

Там стража стояла:

— А чего тебе туда? — спрашивают.

— Да я бы хотел его вылечить, что он больной.

Стражник говорит:

— Ты вылечишь?! У его по десять докторей стоит, и то не могут вылечить, а ты вылечишь!

А он отвечает:

— Доктора лечат лекарством, а я средством.

Ну, и докляли до государя. Он приходит, и государь спрашивает:

— Дак что? Берёшься вылечить меня?

— Да, берусь! Только надо то делать, что я скажу, то вы через три дня как были, так и будете здоровым.

— Пожалуйста, — сказал государь.

Да. Тогда он и говорит:

— Дак вы выйдите из своей комнаты в другую комнату. Даже можно с кроватью вас перенести.

Тут и доктора отступились, раз такой лекарь пришол. Принесли его в другую комнату. Он и говорит:

— Дайте мне плотников.

А государь ничего не давал еще.

Дали ему плотников. Он велел сорвать паркетный пол. Паркетный пол сорвали, он и говорит:

— Ну, теперь, плотники, выйдите отсюда, я буду дорабатывать.

Плотники вышли. Он там жабу нашол. Жабу взял в карман, а сам пошол. Подходит к государю. Государь заснувши уже (ему стало легко, как он жабу взял; она не давила уже его).

— Ну, поспи.

А сам сел тут рядом.

Государь прочиняется и потягивается:

— Эх, как мне стало легко! — (Он в здоровье пошол.) И поднимается с кровати. — Да и вы тут сидите?

— Да, как же? Как вам, хорошо, аль нет?

— Да ничего, — говорит.

— Appetit есть у вас?

— Есть.

— Ну, так вот. Потребуйте, подзакусим. И мне вроде как захотелось.

Потребовали там коньячку хорошего бутылочку, закуски.

— Вам, — говорит, — для здоровья можно выпить.

Государь выпил, закусил, и стали прохаживаться по комнатам.

— Вот через три дня вы выздоровеете совсем. Почаще только подкрепляйся, потому что ваш желудок потощал, то, может быть, и неделю будете желудком слабы, а там будете здоровы.

Он три дня проживает. Государь стал — как был, так и есть. Он ему и говорит:

— Вот лекарь, так лекарь! Лекарства не давал, и то я встал!

Он говорит:

— Теперь я пойду домой.

Государь говорит:

— Сколько мне тебе заплатить за ваши труды?

Он говорит:

— Что не жалко. Цены я не могу указать вам.

Государь ему подаёт три тысячи рублей денег и спрашивает у его:

— Откуда ты сам есть?

— А вот с такой-то деревни, такой-то волости, такого-то отца сын.

— Как тебя зовут?

Ну, он сказал, что Иван там. Государь для того записал, что, может быть, потребуется, так его недолго достать.

То у его уже с собой волшебное кольцо и жаба эта с им и отправляется он домой. Когда явился домой, братцы испугались, что глаза выкопали, а он как был, так и есть, и подаёт отцу денег четыре тысячи. И отец спрашивает у его:

— Ты, — говорит, — меньшой, принёс четыре тысячи, а они принесли только по полтора рубля.

— Они по полтора рубля дали тебе, только не своих, а моих. Они мне вот в таком-то месте глаза выкопали и оставили меня.

— За что же они тебе выкололи?

— А за то, что мы шли домой, — а они хотели тебя обмануть, — а я сказал: правдой лучше жить, как кривдой. За это они мне, за правду, глаза выкопали, чтобы я не сказал, и бросили меня вот в таком-то месте. И я сидел без глаз уже сутки. Куда не пойду, всё об дерево ударился. И вот кто-то там был на дубе и рассказывали; один сказал, что барыню придавил, а другой сказал, что царя придавил. Сказал, что вот такое у барыни кольцо в постели, а другой сказал, что у государя под полом жаба такая. А третий сказал, что вот здесь недалеко есть такой колодезь, что такой водой помыть, то такой будет, как и был. Вот я и пополз и достал этой воды. Помылся, и глаза мои стали на месте, как и были. Так вот, правда кривду перетянула. А барыню вылечил — тысячу рублей взял, государя вылечил — три тысячи дал. И вот тебе принёс, отец, деньги

Эти всё выслушали, братья. Они знали то место, где они выкололи ему глаза.

— Пойдём-ка мы на то место и сидим под то дуба. Прилетят, то будут рассказывать, то и мы тогда поймём и будем богатые, как Иван наш.

Ну, и пошли. Сели под этот дуба. Тут прилетают эти черти и говорят:

— Мы рассказывали вот в такое-то время, где что есть, — кто-то выслушал, барыню вылечил и государь. Дак давайте-ка, посмотримте, может у нас под дубом кто слухает.

И они опустились. А тут сидят два молодца.

— Да это вы всё орудуете нашим словом?!

Взяли да глаза им выкололи.

Брат дождался день — братов нету. Он и пошёл на то место, где он сидел.

А они вóют, что глаз нету и попасть никуда не могут.

Он подходит к ним и говорит:

— Что вы сидите да вóете?

— Да у нас глаза выкопаны.

— Так вот, кривда и правда, то правда перетягивает кривду.

Он вынул свой пузырёк, помазал одному глаза и другому, и они стали так, как и были. И пошли домой.

Тут про его многие узнали, что он может так лечить народ. Ну, и он кое-кому помогал, а кому и не помогал, потому что ему сказывала жаба. Эта жаба была волшебница, то она могла действовать лучше кольца.

В прекрасное одно время заболела царская дочь. Царь посмотрел бумагу:

— Откуда у меня был лекарь такой-то?

Он и посылает туда пару лошадей, чтобы он приехал.

Ну, царской просьбы отказать нельзя.

Когда он приехал, так царская дочь была помёрши уже, не захватила. И говорит царь:

— Вот, не захватил немного: сейчас только кончилась.

А он отвечает:

— Она, царь, не умерла — она заснула. И она будет спать двое суток, а потом она прочнётся и будет здоровá. Только придётся мне с ею двоём посидеть.

Государь и говорит:

— Ну, что ж, можно. Только наудачу — прочнётся она аль нет.

А он говорит:

— Прочнётся. На вторые сутки она встанет.

Ну, вот велел, чтобы к нему двое-суток никто не приходил. И он закрывает двери, берёт нож, разрезает ей брюхо, вынимает из ее кишки и начал искать больное место у ее (в середине у ее болело). Так, как теперь доктора делают операцию, так и он сделал.

Больное место вырезал всё и sprыснул водой, и оно всё заросло. На вторые сутки он живущей водой sprыснул ее, как следует быть. Она и прохвати́лась и говорит:

— Вот как легко мне стало! Я, верно, крепко спала, что болезнь моя прошла, и прохвати́лась и здоровá стала.

— Пойдём же теперь к отцу, — Иван говорит.

И пошли. Открывает двери. Иван идёт впереди, а царская дочь сзади. Царь и глаза вынул, что до того она не вставала уже, как недель пять, — подымала ее, — а то идёт здоровая сама. Государь ему и говорит:

— Теперь я тебя, Иван, не выпущу от себя! Ты будешь жить у меня! Дам тебе прислугу, и будут за тобой ухаживать так, как за мной.

Иван и живёт несколько время. Прислуга у его есть.

То ему жаба и говорит:

— Ты знаешь, что можешь сделать?

— А что?

— Ты можешь сделаться немертвым человеком: что ты никогда не помрёшь. У тебя есть такая вода, что sprыснешь — он умрёт. Порубил на куски, потом склал эти куски да водой sprыснешь — срastутся. А этой водой sprыснешь — оживёт. То тогда можешь быть бессмертным, и ты будешь скрозь молодой — стариться не будешь.

Иван стал уже стареть. Жить ему хорошо. А он, если куда надо было ехать государю, то он высылал бланки государю, напишет, что ты можешь ехать, тебе ничего не будет.

А если что будет, так он, значится, на бланке пишет: «Ты сегодня не поезжай, тебе вот то-то будет». (Вот до чего Иван дошёл, всё знал!)

Он надумался промолодиться и бессмертным быть. А это надо было ему сорок дней лежать в навозе изрубленным в куски. Он сел, написал сорок две бланки, в который день государю ехать. Отдаёт своему слуге:

— Вот, на тебе эти бланки. Как придут, ты по порядку их и давай. Которые сверху есть, ты эти и дай. А меня — бери нож, изруби на куски и покладй на сорок дней в навоз. И вот на тебе этих три пузырька. Когда я сорок дней пролежу, то ты эти куски перемой чистой водой, холодной, и складй меня на место, как я был. И вот этим пузырьком sprыснешь меня — я срastуся, а этим пузырьком — то я оживлюся. И тогда я буду бессмертный человек. То я тогда и тебя сделаю, что и ты будешь бессмертный.

Он и говорит:

— Мне страшно будет тебя резать ножом.

— Так я сделаюсь мёртвым! На вот тебе пузырёк этот, спрысни меня.

Он спрыснул. Иван стал мёртвым. Он по его приказу порубил его так, как он велел, и поклал его в навоз.

Всё приходили за бланками, слуга всё выдавал. Государю почасте пришлось ездить, что уже бланок нехватало у его. Приходят за бланками, а бланка нету. А пять дней надо еще доживать до срока (вот сколько бланок нехватало!). Говорят царю, что бланок нету. Государь сам отправляется к нему. Приходит и спрашивает:

— Где ж Иван?

— Да Иван уехалши.

— А давно он уехалши?

— Да дня два.

— Да его уже не видать больше месяца! А когда ж он обещал приехать?

— Да еще дней семь пройдёт, пожалуй.

Государь и говорит:

— Как же так! Уезжал и ничего не сказал.

Взялись за его слугу:

— Где ты дел его?

Тому делать нечего. Он и стал сознаваться, что вот так:

— Он хотел сделаться несмёртным человеком (его тогда б ни пуля не взяла, ни меч, ничто). И вот я его изрубил, на сорок дней поклал в навоз, как он мне сказал. Ну а бланки у его были написаны, то я и давал, а теперь бланки кончились. А ему еще пять дней лежать.

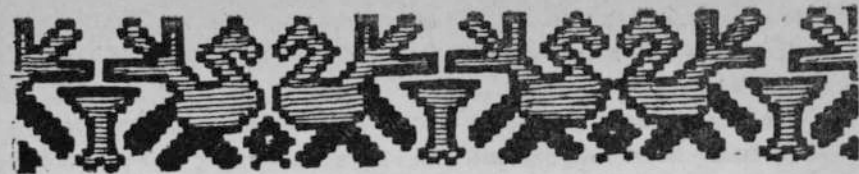
Пошли, достали, перемыли и сложили его. Спрыснули водой — он сросся. Тогда государь и рассказывает:

— Теперь другой водой его нельзя оживлять, а взять его и похоронить. А если его воскресить, то он будет старше нас всех.

Взяли и похоронили. Пузырьки забрали в государство.

А жаба и кольцо остались у слуги у его.

Тут он и кончился, и конец сказки.

20. МАЗУРИК.

одной деревне был бедный мужик. Этот мужик повёл своего сына в наймы, в работники. Он его привёл там к помещику. Помещик и говорит:

— Я бы взял, мужик, у тебя его, да он мал, не может еще работать, то води его дальше, вот к такому помещику. Туда требуется пастушок, свиной пасти.

Мужик говорит:

— Ну, спасибо, барин, что хоть дорогу указал.

Вот он и отправился. Но надо было идти лесной дорогой ему. Он идёт лесной дорогой. Тут оказывается небольшая речечка. Он и говорит сыну своему:

— Кладок здесь нету, и неизвестно, глубока она аль нет. Как нам перебраться?

Вдруг ниоткуда является к им мужик и говорит ему:

— Перебраться тебе тяжело тут. А куда ж ты идёшь?

— Да вот иду до такого барина, оставить своего сына к барину в пастухи, свиной пасти.

Мужик усмехнулся.

— Так ты отдай мне его в науку. Только на три года.

— Так вот. На три года отдать, так у меня и кушать нечего.

— Так я дам тебе пользу лучше, чем у пастуха, и через три года ты придёшь сюда и возьмёшь своего сына на этом месте, где ты мне его отдаёшь.

Мужик согласился отдать своего сына. И он подаёт ему:

— Вот тебе триста рублей, — так, как стипендия, — а через три года приходи сюда.

Ну, мужик не знал, кому отдал своего сына.

Проходит уже три года. Мужик отправляется на тоё место, где отдал сына. Приходит, является и этот сюда. Вот и говорит ему:

— Твой сын молодёц, теперь всё знает. Только я сейчас покажу его — их трое. Если ты узнаешь его, то я отдам его, а не узнаешь, то остаётся он еще на три года мне.

Немного провёл мужика. Оказывается здесь дом.

— Ну, зайди в этот дом, я приведу сына твоего.

Он заходит сюда. Является сын и говорит ему:

— Смотри, нас теперь сделают лебедями, трою. И поставят нас, чтобы ты узнавал, который я, то я незаметно пошевелю ногу правую. То ты и показывай, что вот он.

Итак, через несколько время он приводит и говорит:

— Вот три лебедя. Узнай, который твой лебедь.

Он и говорит:

— Я же вам не лебедя дал, а я вам дал человека.

— Так он сейчас перевернулся в лебедя. А узнаешь, так он будет человеком.

Мужик сказал:

— Всё равно, делать нечего.

И начал всматриваться.

Незаметно тот пошевелил ногой. Он и говорит:

— Вот это мой!

Он и крикнул:

— На место все!

Их тут и нету.

— Ну, так вот же. Ступай покушай, — мужику рассказывает. — А завтра будешь узнавать: он будет лошадей. Если завтра узнаешь, то возьмишь, а не узнаешь, то на три года останется еще.

Мужик этот стосковал. Вдруг сын является и говорит ему, что «я ухом правым шевельну».

Так он и сделал. На второй день выводят трёх коней, и говорит:

— Ну, вот, теперь познай, который сын твой.

Он стал присматриваться. Тот ухом шевельнул. Он и говорит:

— Вот этот мой.

— Да, твой.

И начал плеткой лупить коней. Лошади разбежались.

— Вот теперь еще третья задача тебе: я сделаю их птицами. Если ты познаешь, то возьмишь.

Мужик говорит:

— Какие ж птицы будут?

— Да будут лесные, ну, сказать, журавли.

На третий день уже являются сюда журавли. А сына он уже не допустил, чтобы отцу известил. Мужик и задумался: «Теперь я не знаю показать: все стоит смирно, один всё своей дюпкой помахивает, что вот я».

Ну, он уже сам догадался, что это он. Он и говорит:

— Вот это сын.

То этот рассказывает:

— Да, действительно, он.

Он сделал сейчас же их людьми. То он видит уже сына своего. Хозяин и говорит:

— Бери своего сына и веди его домой. Ты теперь будешь жить богатым, всего у тебя будет.

Они отправились домой. Сын и говорит отцу:

— Отец, — говорит, — я тройку коней приведу и денег много привезу, потому — я у мазурика служил. Мне достать всего можно, я выучился хорошо.

Тут стали соседи замечать, что мужик стал скоро всего наживать, стали доносить всё до начальства, что вот такой-то был бедным, а сейчас богат. Дошло дело до урядника. Урядник стал там допрашивать, откуда он мог брать. Но урядник у него не добился ничего. Урядник доносит приставу. Тут и пристав начал добираться. Как раз его самого дома не было, то пристав вызвал отца и спрашивает у него:

— Как ты мог скоро так разжиться?

Он отвечает ему:

— Да как же я не могу разжиться, когда мой сын у мазурика три года служил?

— Да, — говорит, — и сам мазурик сейчас!

Пристав и вызывает его.

— Ну, что ж ты, — говорит, — мазурик?

— Да, мазурик.

— Так вот, укради у меня тройку лошадей.

— А когда прикажете?

— Да вот хоть завтра.

— А если я украду, то лошади мои будут?

— Да, ваши, и я прошу тебе.

— Ну, ладно, сегодня готовы будут.

Часов в двенадцать пристав лёг спать.

Он одел приставскую одежду и выходит на крыльцо и кричит:

— Подайте мне тройку лошадей!

Подъезжают к крыльцу:

— Извольте садиться, ваше благородье!

Он и крикнул:

— Поезжай, кучер, за воротá!

Кучер за воротá выехал.

— Остановися, — говорит.

Кучер остановился, он и говорит:

— Ступай, отдыхай до утра, я один съезжу.

Кучер слез и пошел отдыхать, а «пристав» уехал. На утро пристав прочиняется и бежит в конюшню. Прибегает, кучер спит.

Он спрашивает:

— Кучер!

— А что, ваше благородие, разве вы приехали уже?

— Да я ж никуда не ездил.

— Как же вы не ездили, когда с крыльца нам кричали, что «подайте нам тройку лошадей». Не верите мне, так спросите у сторожа.

Он сторожа спросил, сторож отвечает, что вы сами уехали на лошадях.

Пристав и говорит:

— Ну, правда, что мазурик!

Посылает пристав за мазуриком. Мазурика и по́яву нету. На второй день является мазурик сам к приставу. Пришел и говорит:

— Здравствуйте, ваше благородие!

— Здравствуй! Где ж ты вчера был, что я тебя требовал?

— Да я вчера на занятии был: лошадей продавал да деньги пропивал, а вот сегодня, ваше благородие, на похмелье не оставил. Если есть у вас, так вы дайте рюмочку.

— Есть, есть, дам.

Вот и похмелили его *(а он и так выпивши не был)*.

— Ну, вот же, лошадей украл у меня, я прощаю тебе. Так вот теперь сделай мне. У попа пятьдесят тысяч денег лежат. Можешь их украсти, али нет?

— Это, — говорит, — можно. Только не знаю, где они лежат. Это пустяки, будут наши, ваше благородие.

Поп жил рядом собора, то этот мазурик купил электрических лампочек и кругом обвёл этого собора. И когда только поп лёг спать, он и зажёл их. Когда зажёл, поп глянул — это собор освещённый. Поп и говорит:

— Эх, святая благодать осветила наш собор весь!

А мазурик уже здесь. Ну, ему было тяжело здесь взять, потому что такой сундук был несгораемый.

Поп приходит в цёркву, и лампочки потухли уже *(мазурик их потушил)*, и ничего нету. Поп вернулся домой, заходит в свой буфет — несгораемый ящик открыт. Поп и подумал:

— Это «святая благодать» освятила цёркву.

То мазурик приносит приставу десять тысяч и говорит:

— На, ваше благородие. Я знаю, что и ко́ни ваши вернулись.

С тех пор не стал пристав преследовать за мазуриком, а мазурик стал богато жить.

21. ДВЕ ДОЛИ.

В деревне жили мужички. Один богатый, другой бедный. У бедного было много ребят, а у богатого мало. Бедный приходит к брату и говорит:

— Вызволь, хоть кусок хлеба, ребят накормить. Брат всё ему понемногу давал. Ну, а невестка

ворчала:

— Ты всё никак своего брата не накормишь! Чуть не каждый день он сюда ходит.

Он пробовал давать, чтобы она не знала, но ему всё-таки своего жалковато.

Поспела уже рожь. Стали люди жать, с полей вывозить. Жена бедному и рассказывает:

— Теперь все богатые мужики свозили. На поле много колосьев осталось, ты бы пошел собрал. Их бы высушили, в ступе измолотили, да можно сварить и ребят накормить.

Он раз пошел собрал, ну и второй раз.

— Да, действительно, — говорит, — кормиться можно тогда.

Пошел третий раз собирать колосья. Он собирает и видит, что еще один собирает, так, как и он. Он и подумал себе, что у нас таких бедняков нету, как я.

Он подходит к нему и спрашивает его:

— Ты что, верно, беднее меня? Что ты собираешь колосья, как и я?

— Нет, — говорит, — я не бедный. Я собираю колосья вот такому-то мужику и ношу ему.

— Так он же и так богат. Так ты кто такой есть?

— Да я доля твоего брата.

— Так ты доля его, а ведь мы одного отца, одной матери. Он живёт богато, а ты еще пособишь. А я живу бедно, ты мне помочи не делаешь. А где же моя доля?

— Я покажу. Твоя доля вот в таком-то месте, в липовом кусте играет в дудку. Ты иди и поймай ее. Когда будешь идти, доля будет играть в дудку, а перестанет, ты остановись, даже ногой не мотни. А как заиграет, так хоть бегом беги.

Так он и сделал и пошел. Подходит он к такому-то месту, где ему сказано, стал и слушает. Вот тут и дудочка заиграла. Он шибче пошел. Дудочка перестала играть. Он остановился. Опять дудочка заиграла. Он к кусту подошел и схватил долю и говорит ей:

— Ты что играешь? Тебе весело, а я голодую.

Доля отвечает:

— Я не виновата этому. Надо было и тебе учиться играть, то бы я пособила. Ну, вот, теперь поздно тебя учить играть, а вот на тебе три гроша, и с этих трёх грошей ты разбогатеешь. То ты завтра утром раньше всех отправляйся на базар, что первый раз увидишь, то покупай.

Так он и сделал. Утром встал и отправился на базар, так что на базаре еще никого не было. Через несколько время идет рыбак, несёт рыбину, так что с полпуду весу. Он подходит к нему и говорит:

— Что, продаёшь рыбину?

— Да, продаю.

— Продай мне. Сколько хочешь за нее?

— Три рубля.

Он и говорит:

— Ты просишь три рубля, а у меня всего три гроша.

Рыбак говорит:

— Разве за три гроша отдам я ее?

Рыбак пошел, а этот остановился и думает:

— Вот и правду доля сказала, что за три гроша буду богат: вот и купил.

Рыбак прошел и подумал себе: «Я всё-таки каждый день ловлю и наживаю, а он, может быть, никогда не пробовал, что за рыба когда всего три гроша у его. Отдам ее».

Ворочается назад и говорит ему:

— Ну, на мужичок, тую рыбину тебе, а эти три гроши занеси да спусти в копилку. Пусть идет на церкву. (Раньше церкву уважали, а выкидывать нельзя слово это.) Он шол, бросил три гроша. Приходит домой, приносит эту рыбину и говорит:

— Вот купил за три гроша. Давай возьми (на жену), чисти и вари ее, пусть ребята поедят, и сами попробуем.

Она и говорит:

— Эх ты, дурак! Ну что с одной рыбы будет без хлеба? И ты сы эту рыбину продал на базаре. Рубля три дали бы, ты бы и хлеба купил, мы бы три дня прожили.

А он говорит:

— Всё равно, раз дано — надо съесть. Бери нож и крой ее.

Она берёт нож и стала чистить. Когда узку сняла, ну и порет ее. Выворачивает нутро, а там оказывается в килограмма полтора кусок золота. Он и говорит:

— Вот ты сказала, чтобы я продал, а смотри-ка — это потянет не на три дня, а, пожалуй, что не съесть нам за три месяца. Давай-ка мне кошель и тряпочку, я побегу к барину.

Он и отправляется до барина. Приходит:

— Здрасте, барин!

— Здрасте, мужичок! Что, пришёл милостыню просить?

— Нет, барин, не милостыню просить, а у меня есть штука, то не возьмёте ли вы, барин, ее?

— Покажи.

Он вынимает с своего кошель, разворачивает тряпки и подаёт барину. Барин видит, что это штука хорошая.

— Ну, я возьму ее у тебе. Что ж ты хочешь за нее?

— А что баринова милость даст, то я и возьму.

Барин с руки на руку перебросил кусок золота и думает, что эта штука потянет. Что ему дать за эту штуку?

Барин и говорит ему:

— Вот, мужик. Я дам тебе тыщу рублей, пару лошадей, пару коров и четыре воза да хлеба, пудов по пятьдесят, — три воза ржаного и воз белого. *(А как же! Надо пышки пексти.)*

Мужик это всё получает.

Все смотрят, что мужику везут хлеба, гонят коров, лошади в запряжи остаются.

Мужик и стал жить хорошо. Деньги есть, коровы есть, хлеб есть, молоко есть. Он и говорит:

— Теперь мы живём хорошо. Никогда мы не справляли ни именин, ни рождения, ничего, ни своих, ни ребячьих, потому что не было у нас ничего. Теперь надо созвать и мужиков и брата в гости на твои именины *(как раз подходили жонкины именины)*. Мука у нас есть, а чего нехватит — добавим, деньги есть.

Вот и сделали пир. Подпили тут хорошенько. Вина мужик не жалел, вина было довольно.

Брату стало интересно:

— За что тебе барин столько дал?

А он и говорит брату:

— Да, брат, дожил я до того, что не было ничего, что жил — верёвкой хлеб резал, а лаптем щи хлебал. Вот так и проживал. Моя жена узнала, что барыне требуются волоса на парик. У ее были волоса хорошие, и она их обстригла. И барин взял барыне на парик.

А она свои волоса, там не видно под платком, есть али нет волос.

Жена второго брата на утро и говорит:

— Бери ножны и режь мои волоса. И я пойду до барина и скажу: «мои волоса не хуже, как у моей невестки».

Приносит и говорит:

— Вот я, барин, принесла то, что моя невестка принесла.

Барин думает, что это тоже кусок золота.

— Ну, так давай, — говорит.

Она вынимает и на стол кидает свои волоса. Барин и подумал, что насмешки она делает. Он ее велел на конюшню и вóйту приказал, чтоб ей розог всыпал.

Она и прибégла домой и говорит:

— Волос нет у меня, да и розги получила.

Так брат у брата и не узнал, за что ему барин дал богатство.

22. ДОЛЯ.

(Другой мотив, другая история)

или два брата. Один богатый, другой бедный. Бедный выходит ночью на двор, слышит — кто-то в гумне молотит. Он оделся и пошёл. Он приходит в гумно — там молотят. Он спрашивает:

— Кому вы молотите?

— Вот такому-то мужику, мы — его счастье. Мы пособляем ему молотить.

— А где ж моё счастье?

Они и отвечают:

— Твоё счастье у моря лежит под калужиною, то вот, на тебе палку, иди туда и этой палкой ударь его и скажи: «Ты что лежишь, а я голодую, и ребята мои голодуют».

Он и пошёл с этой палкой. Нашёл эту калужину и ударил этой палкой и говорит ему:

— Ты что лежишь, не пособишь мне? Я сам голодую, и дети мои голодуют, а тебе хорошо тут.

Он встаёт и подаёт ему кошелёк. Он кошелёк берёт и говорит ему:

— Сколько ты ни тряси этим кошельком, то у тебя денег будет, сколько хочешь, и ты будешь жить хорошо.

Он приходит домой. Начал трясти кошельком — денег у него сколько угодно. Стали жить богато.

Узнал его старшой брат и приходит, спрашивает:

— С чего ты, брат, так стал богат?

Он и говорит:

— А вот мне моё счастье дал мне такой кошелёк. Сколько хочешь, столько и будет денег у меня.

Брат и говорит:

— Дай мне, брат, его поддержать.

— А возьми, не жалко.

Он и отдал брату.

Ну, сколько у его было, он эти деньги проел, а брат ему не отдаёт кошелька этого. Он опять стал голодовать. Он берёт свою палку эту и идёт опять к морю, и ударяет палкой калужину и говорит:

— Ты что лежишь, а я голодую!

И он выходит *(это самое счастье)* с-под калужины и спрашивает его:

— Где же кошелёк тот, который я дал тебе?

А он и говорит:

— А я отдал брату старшому.

Он ему:

— Ну, так вот, на тебе скатерётку. Приди домой, на столе расстели, и что тебе надо — спроси, то всё будет.

Он приходит домой, расстилает и спрашивает. Тут всего у его оказывается, даже конфеты на столе, вина и пива, и всего. То опять мужик зажил.

Узнал его брат старшой, приходит к нему:

— Что ты, брат? Верно опять что-нибудь нашёл?

— Да, брат, нашёл!

Он расстилает скатерётку свою и требует угощения. И угостил брата. Брат и говорит ему:

— Знаешь, брат, дай мне её. У меня будет жонка именинница, то много будет гостей у меня. Я буду угощать, и ты придёшь со своей женой.

— Так возьми, брат, не жалко.

Брат и скатерётку взял.

Приходит тот день, в который жонка именинница. Он созвал там гостей, угощает. А брату известия не даёт.

Брат и говорит жене своей:

— Пойдём же на именины.

Они пошли. Приходят, там сидят гости. Открывают двери. Брат и говорит:

— Куда тебя чорт несёт! Тебя ж не звали сюда, то нечего идти тебе!

Брат завернулся и пошёл домой. Тут остался кошелёк, скатерётка, а у его и нету ничего. Опять надо голодовать. Он и говорит жене:

— Пойду опять к счастью своему, что-нибудь даст.

Он берёт палку свою и отправляется к калужине. Приходит, ударяет по калужине палкой.

— Ты что лежишь, а я голодую?
— А где ж скатерётка, что ты голодуешь?
— Да отдал брату.
— Ну, так что теперь тебе дать? Теперь я дам тебе ума.
Да и подаёт ему сумку.

— Вот тебе сумка. Когда придёшь домой, то ты ударь этой палкой по сумке и скажи: «Сумка, дай мне ума». То она, может быть, и даст. Если ударишь раз, так один будет ум, ударишь два по сумке — будет два ума, ударишь три — будет три ума.

Мужик весело пошёл домой. Когда пришёл домой, и хвалится своей жене:

— Теперь мы поживём! Теперь сколько хочешь ума будет у нас. Если ударишь раз по сумке, то будет один ум, а два — два ума, а три, так три будет ума.

Он ударил по сумке палкой и говорит:

— Сумка, дай мне ума!

Тут выскочило семь молодцов, и начали его плёткой драть, ум давать.

Ну, счастье сказала тогда:

— Когда ум получишь, то скажи, что в сумку, назад, то тогда они назад в сумку спрятаются.

Так он и сделал. Молодцы в сумку и попрятались.

Приходит брат. Он и говорит брату:

— Теперь мне счастье дало ум.

— А покажи, — говорит.

Он показал. Сумка красивая.

— Так ты что, ума набрался?

— Набрался, брат.

— Так дай, брат, и мне. Я ума наберуся.

— А нá, возьми, не жалко. Так вот, когда ты придёшь домой, то ты ударь по сумке вот этой палкой, — и палку дал. — Ударишь раз, так один ум будет, а два ударишь — два будет, а три ударишь — три будет.

Богатый брат приходит домой. С радости такой надел на себя сумку и ударил:

— Сумка, дай мне ума!

Оттудова выскакивают семь молодцов, и начали его дуть. Он думает: «Сбавлюся я».

— Сумка, дай ума еще!

Второй раз ударил по сумке, еще семь молодцов выскочило. То он начал кричать:

— Караул!!!

А они всё дуют. Он и кричит:

— Брат! Забирай свой кошелёк, свою скатерётку и забирай свой ум!

Брат пришёл, забрал и скатерётку и кошелёк, и крикнул:

— Ум, в сумку!

И ничего нету. И домой пошёл.

Он и теперь живёт.

23. ПРО ЩУКУ—ЗОЛОТУЮ РЫБКУ.

Вот на берегу моря жил старик со старухой. Избушка была у них старая, тёмная, печи не было, а была просто каменка, как в бане. А его старуха мыла бельё, и старое корыто было. Мужик пошёл за водой. Зачерпнул ведро воды в проруби. Тут оказалась в ведре у его золотая рыбка.

Он говорит:

— Видишь, какое счастье мне: золотая рыбка попала мне в ведро! Но голова как у щуки.

То эта щука и говорит:

— Пусти меня опять, то я за это тебе, что ни попросишь, то всё сделаю.

Старик услышал ее разговор и говорит:

— Ну, всё равно! Навек не наемся тобою, а тебя я пушу.

Берёт из ведра рыбку и пускает ее в прорубь, в воду.

— Ну, плыви себе с богом!

А сам берёт ведро и идёт к старухе в избу. Приходит и говорит старухе:

— Знаешь ты, какое чудо сегодня мне было?

— А какое?

— Да я поймал золотую рыбку, и она спросилась, чтоб я пустил ее назад в прорубь. А она сказала: что тебе понадобится, приходи сюда и крикни, и скажи: «Золотая рыбка, явился сюда».

— Эх, дурак ты, старик! Ну, так иди ты туда на прорубку и скажи ей, чтоб она дала мне новое корыто.

Старик и пошёл туда на прорубь и крикнул:

— Золотая рыбка! Я пришол к тебе с просьбой. Просила старуха, чтоб ты дала новое корыто ей.

Рыбка ответила:

— Иди, старик, домой. У ее уже новое корыто.

Старик пошёл. Приходит домой — старуха моет в новом корыте.

— Вот, видишь, старуха, и дала рыбка золотая новое корыто.

И она посылает старика:

— Иди, старик, чтоб дала золотая рыбка нам новую избу.

Старик отправился и кричит:

— Золотая рыбка! Я пришол к тебе.

Золотая рыбка отвечает:

— А что скажешь?

— Старуха хочет, чтобы новая изба была.

Рыбка сказала, что иди домой.

Старик идёт. Старуха уже сидит в новой избе. Кругом ее зеркала, и сама себе не верит. Старик приходит и говорит ей:

— Вот видишь, старуха, нам уже изба новая.

Старик только стал раздеваться в новой избе, она и крикнула на старика:

— Ты не раздевайся, а ступай к золотой рыбке и скажи ей, что я хочу быть царицей!

Старик и пошёл (старуха уже дышать ему не даёт). Ну, вот он приходит к этой проруби и кричит:

— Золотая рыбка! Я пришол к тебе, что моя старуха хочет быть царицей.

— Ну, иди, старик домой.

И он идёт домой. Старуха — корона на голове у ее и сидит в палатах огромных. Старик подходит и говорит ей:

— Видишь, старуха, ты уже царицей стала.

— А разве смеешь ты теперь называть меня старухой? Я теперь царица! Теперь же ты иди к золотой рыбке и скажи ей, чтоб мне были слуги, как у царицы.

Старик пошёл. Приходит к проруби и зовёт:

— Золотая рыбка! Я пришол к тебе с просьбой. Старуха просит, чтобы у ее слуги были и чтоб она расправлялась царством.

— Ну, иди, старик, домой!

Старик отправился.

Вот старик приходит домой. Старуха идёт, на ей платье шёлковое шумит. Корона на головы, и она велит слугам, чтоб поддерживали платье, чтоб по ногам не билось. Старик пришол, с насмешкой сказал:

— Вот видишь, старуха, как тебе угождают; и платье твоё поднимают, чтоб по твоим ногам не билось оно.

Она и говорит ему:

— Ты, дурак, недостойн со мной разговаривать!

И приказала слугам выгнать его.

— Он мне не надо, такой дурак.

Схватили слуги и выгнали старика.

Старуха несколько дней пожила без старика, покрасовалась.

— Я теперь царица — надо всем царством владычица! А чтоб еще такое мне знать, чтоб я лучше золотой рыбки знала?

Вот она посылает за стариком:

— Идите, приведите того старика, которого я велела прогнать. Чтoб он был сей минуты здесь!

То слуги побегли за этим стариком и говорят:

— Дедушка, иди скорей к царице! И она требует тебя.

Дедушка ничего не думает. Пошел к царице и спрашивает у нее:

— Что, владычица, хочешь от меня?

— Иди скорей к проруби и крикни золотую рыбку, чтоб я была и морской царицей и владела золотой рыбкой, и больше бы ее знала.

Старик пришел. Море разошлось, льду не было. Он и крикнул на берегу золотую рыбку:

— Золотая рыбка! Приходи сюда, я пришел с просьбой к тебе. Старуха послала меня, чтоб ты сделала ее морской владычицей и чтоб она знала больше тебя.

Ну, рыбка плеснула по воде хвостом и сказала:

— Иди, дедушка, домой! Довольно я дала, а если ей мало, то иди домой и увидишь: перед ней будет изба старая и корыто ломаное.

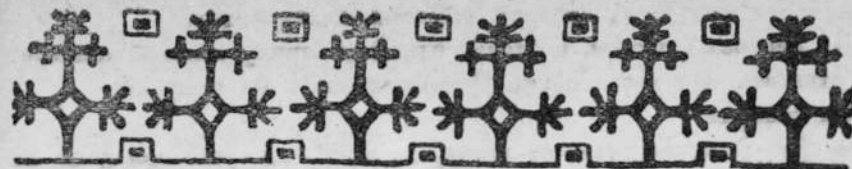
Старик и пошел домой. Видит: палатов этих нету, домов нету; только стоит старая изба, где они раньше жили, а старуха стирает белье в дырявом корыте. И старик приходит и говорит ей:

— Вот теперь ты и владычица! То рыбка сказала золотая, чтоб я больше не ходил к ей, а довольно будет старухе, что я сейчас дала ей.

— Да что она дала? Дырявое корыто! — сказала старуха.

А старик говорит ей:

— Больше, видно, не заслужила ты.

24. ПРО ОДНОГО ВОЛШЕБНИКА.

Один был волшебник. И был такой барин-волшебник. И первый волшебник узнал, что помер третий волшебник в такой-то деревне. Приходит этот волшебник до этого барина-волшебника и говорит ему:

— Барин, вот в такой-то деревне помер волшебник вот такой-то, то как бы нам его сбить?

А барин отвечает:

— А сбить его просто. Поедем, возьмём его и увезём, потому что всё семейство выходило с дому, когда он помер. То мы его так и сбудем.

Барин велит запрягать пару лошадей в коляску.

— Ну, поедем!

Приезжают в ту деревню, в которой этот покойник. В доме никого нету, только горит огонёк, и покойник на лавке лежит.

Барин говорит:

— Заезжай на двор!

Заехали на двор.

— Ты выпрягай лошадей, а я пойду в избу.

Барин пришел в избу, берёт свою книгу волшебную и заливает стеариновую (не из воска) свечку, и садится, читает книгу.

Мужик распряг лошадей, входит в избу. Барин ему и говорит:

— Посмотри-ка, там в подполье у их должна быть водка для покойника!

Тот открыл, нашол. Они выпили. Барин и говорит:

— Ну, ты полезай на печку, отдыхай!

Этот и отправился на печку. А волшебник лежит на лавке, а барин всё читает.

Вдруг волшебник опускает свою руку и опускает свою ногу, и садится на лавке.

А барин никуда не смотрит, всё свою книгу читает.

Он смотрел, смотрел, подходит ближе к барину и никак не может его схватить. Тут запел петух. Покойник опять на лавку лёг.

Он говорит:

— Ну, довольно спать на печке, вставай! — А того сон даже не брал. — Да иди, запрягай лошадей скорей!

Тот встал, запряг лошадей, входит в избу.

— Лошади готовы!

— Ну, бери его, тягнй в коляску *(этого, знаешь, волшебника)*.

Втягну́ли его в коляску, поехали. Выехали за деревню. Барин и говорит *(он по книге читал, ему известно всё)*:

— Нам надо выехать в такую-то деревню. Там тоже есть такой покойник, то нам придётся и того взять.

Они и поехали. Едут, а дорога не перёдится, лошади в белой пене *(чертенят насело мною)*. Но всё-таки добрались.

Приезжают, огонёк горит.

— Смотри, — говорит, — в окошко! В этой избе тоже должно быть покойник, как у нас.

Этот посмотрел:

— Да, действительно, барин, покойник лежит.

— Ну, заезжай на двор тогда, выпрягай лошадей, давай корму лошадям!

Этот выпряг лошадей, корму дал, входит в избу.

— Посмотри-ка в печке! Там должно быть что-нибудь.

Тот посмотрел, а там по покойнику гусь жареная была.

— Смотри в подполье — вино должно быть! *(Он знал по книге, что должно быть.)*

Тот посмотрел в подполье, нашол бутылки две вина.

— Ну, вот, одну выпьем, а другую с собой возьмём.

Выпили, закусили.

— Ну, полезай на печку!

Этот отправился на печку, а барин запалил свечку и берёт свою книгу волшебную. И начал читать.

Тут, часов в двенадцать ночи, тоже опускает руку и ногу и садится на лавке, а другой, который в экипаже лежал — покойник, — тот дверь открывает, входит сюда, тоже в избу. Барин и говорит:

— Смотри, наш чорт этому чорту нос оторвёт!

Вот они начали — покойники — сами с собой драться, а барин кругом бегают и говорят:

— Наш чорт злей берёт, наш чорт этому чорту сейчас нос оторвёт!

Тут петух запел. Этот ложится на лавку, а тот пошел на экипаж, — туда, на место на своё.

Барин говорит:

— Ну, вставай! Запрягай лошадей, поедem скорей, пока люди не собрались.

Лошадей запряг и говорит:

— Лошади готовы! Ну, так, барин, и этого с собой?

Вот они и этого покойника в карету — в экипаж свой — взяли. Выехали они с деревни. Барин и говорит:

— Теперь мы приедем вот в такую-то деревню, заедем на постоя́л, отдохнём, лошадей покормим и сами подкормимся, а вечером уедем.

Так они и сделали.

Приезжают в деревню, заезжают к кулаку. Лошадей поставили, корму купили. Лошадей накормили, сами подкрепились, отдохнули. Вечером барин говорит:

— Время нам уезжать.

Запрягли коней, поехали.

Приезжают они в лес. Он и говорит:

— Смотри да присматривайся здесь! Должна быть здесь в правую сторону́ лесная дорожка.

Они эту дорожку нашли и поехали. Ехали, ехали — дорожка кончилась, ехать нельзя дальше. Барин и рассказывает:

— Поищи-ка! Здесь должна быть какая не то земляночка. *(Барин знал, но боялся сам искать ее.)*

Ну вот. Хворостом завалена землянка. Оттуда отдаёт блеск огня. Он [мужик] говорит:

— Здесь вроде как блеск огня отдаётся.

Барин отвечает:

— Самая она и есть!

И кричит:

— Что искали, то и нашли! Подъезжай поближе. *(Он громко кричит.)* А я полезу туда. А крикну что подавай, так ты подавай мне этих мёртвых!

Он когда скочил в избушку, то двенадцать человек разбойников ужинают. И они предлагают:

— Садись, барин, с нами ужинать! *(Они видят по одежке, что барин.)*

А он говорит:

— Что вы ужинаете — мне одному мало, что вы двенадцать человек едите.

Кричит:

— Подай-ка мне одного!

Мужик и подаёт. И они видят, что покойника. Барин скидывает

с себя скортук, закидывает рукава, берёт кинжал и рубит и в котёл бросает. И они друг друга стали подтыкивать под бока: «Вот какой барин! Мёртвых рубит да в котёл бросает, будет варить!»

Котёл неполный еще, он кричит:

— Эй, мужик! Подай еще одного, у нас котёл неполный, мало будет!

Тот подаёт другого ему. Он начал и того рубить, в котёл бросать. И они друг перед другом начали выскакивать [из] своей землянки, что видят здесь не уха. Потом выскочили, отошли и советуются:

— Что мы за такие разбойники есть, что их двое, а нас двенадцать, и убегли!

Барин оттудова голову сунул и кричит:

— Эй ты, мужик! Подкинь мне сюда дров! Вода-то есть, да когда дров наливаешь — походи вокруг избушки, — не найдёшь ли ты кого, хоть живого. А то маловато будет.

Мужик кричит:

— Да близко нету никого.

— Так дальше отсюда! Может быть, за деревом какой стоит.

Мужик и пошёл дальше. Так тут по лесу только шум пошёл, как разбойники стали удирать.

Огонёк подправили, закусили их закуской, золото-серебро забрали, на воз поклали и поехали в имения. А те волшебники и теперь кипят там в котле.

25. ЛИХАЯ МАЧЕХА.

Огда лихая мачеха вышла замуж, была у мужа одна дочка. Дочке было лет десять. А у ее была дочка, у мачехи, лет пятнадцать. Ну, отец же дома не сидит всё. Мать дома. Вот приходит отец домой, мать и рассказывает:

— Вот твоя дочка всё балует!

Ну, он не знает, балует или не балует; он шкóлить начинает ее.

— Что ты балуешь?

Ну, она поплачет и жалиться некому. И никто ее не пожалует.

В одно прекрасное время она [мачеха] и говорит ему:

— Если ты ее не сбудешь отсюда, то я жить с тобой не буду. Он и думает:

— Как же ее сбуть? Если ее убить, значит буду отвечать.

Однажды он и вздумал:

— Погоди-ка я ее заморожу. Вот в таком-то месте стояла избушка лесная. В той избушке находились, может быть, когда придут — охотники, то ее прогонят. То ее туда завезу, и она там замёрзнет.

Так он и сделал. И говорит:

— Поедем-ка, дочка, со мной в лес!

Ну, она, как ребёнок еще, не знала это ничего, что выйдет такая участь ей, что отец ее везёт на смерть.

Когда он посадил на лошадь и выезжает со двора, то собачка залаял:

— Старикову дочку в лес повезли, а она завтра придет в шубе хорошей и подарки золотые.

То она, лихая мачеха, бросила собаке блин и говорит:

— Не лай то!

Когда он привёз ее в эту избушку, и говорит ей:

— Ты, доченька, посиди, а я дров нарублю, да и тебя возьму.

Она сидит, дожидает отца.

Отец уже уехал. Тут стало ей уже холодно. Входит сюда мороз и говорит ей:

— Что ты, замёрзла?

— Да, делушка, замёрзла. Было б дров, так хоть печку протопила, да и дров нету, да и отец долго не приезжает.

Он и говорит:

— Отец не придёт твой. Он уехал домой. А на-ка тебе шубу мою и на тебе платочек вот мой, разверни его, да и скажи: «Дай мне, платочек, поесть», — ты поеси. И вот тебе на сундучок. В этом сундучку подарки хорошие тебе.

Так девушка и осталась здесь сидеть, — шуба тёплая, так и изба тёплая. На утро мужик встаёт и говорит:

— Поеду, возьму ее. Она уже замёрзла там.

Он и поехал. А собачка всё лает:

— Старикову дочку привезут в тёплой шубе и с хорошими харчами, с золотом, с разными драгоценными камнями.

А злая мачеха бросает собаке блин:

— На, не лай это!

Старик приехал забирать дочку. Думает, что она замёрзла уже, а она живая. И видит, что на ей такая шуба и перед ей стоят разные кушанья. То и он подкрепился.

— Ну, так поедем, дочка, домой!

А собачка всё лает, что старик свою дочку везёт в золоте, в брильянтах. Она уже стала собаку с избы выпонять, что лает.

— Ты скажи, что кости привезут ее (чтоб лаял).

Тут старик приезжает с своей дочерью. Тут увидела злая мачеха, что приехал старик на таком морозе, привёз дочку живую, да и в шубе хорошей, да еще сундук такой. То она думала, что это всем будут давать. Она и говорит ему:

— Коня ж не выпрягай, завези мою дочку туда! (Она думала, что «и моей дочке будет то, что этой».)

То старик отправился и с ее дочкой в ту лесную избушку.

Она и говорит:

— Ты поезжай скорей домой! (Когда привез он ее туда.)

Вот отправился. Она сидит. Тут и стало ей холодно.

Входит мороз.

— Что, — говорит, — замёрзла?

— Да, — говорит, — замёрзла. Там чертовский мороз, очень морозит крепко.

— Ну, ничего, — говорит, — подогреешься! Так ты избушку загопи, — мороз ей рассказывает.

— Придут, да и вытопят.

А мороз ее всё притискает. Она и замёрзла.

На утро злая мачеха отправляет:

— Поезжай, привези дочку!

А собачка залаял:

— Старикову дочку привезли в шубе, в брильянтах, а эту привезут одни кости, да стёгное мясо.

Она собаке блин кидает:

— Ты скажи, лай так, что в шубе привезут!

Старик приехал в избушку. Она уже лежит застывши. Он берёт в санки и везёт ее домой. А собака всё лает:

— Везут кости и стёгное мясо.

Когда привёз он ее домой, старуха заплакала:

— Я думала, и моей дадут так, как твоей.

Тогда она поверила, что не надо людям копать яму, — сама скорей ввалилась. И стали проживать. И не стали эту девушку гнать.

26. [МОРОЗ, СОЛНЦЕ И ВЕТЕР].

ли Мороз, Ветер и Солнце. И вот они идут дорогой, троём. Стречают они мужичка. Борода у его сивая, и волоса белые.

— Здравствуй, мужичок!

— Здравствуйте!

— Вот ты живёшь сколько на свете уже?

— Да семьдесят пять лет живу.

— Да сегодня мороз, верно, большой?

— А что ж, — говорит, — мороз если большой — мороз мужику ничего не сделает. Как он ни морозит, а мужик всё греется. Мужик морозу мало подчиняется. Вот если, — говорит, — мороз, да ветер повеет — вот тогда плохо терпеть. Но если ветер повернётся с другой стороны, то он мороза пробьёт.

— Да, как же он пробьёт? — Мороз опять спрашивает у его.

— Да хорошенько, — говорит, — пробьёт! Если он повеет хорошо, то тогда и морозу пособляет — и мужику холодно, а если тут мороз, а ветер повернулся с другой стороны, то мороз упадет. А к этому еще и солнце. Когда солнце пригреет, так осадит мороз и ветер.

Мужик и пошел в деревню. А эти и пошли вперед. То Морозу стало обидно. Он и говорит:

— Ну, я этого мужика заморозю! Он не дойдет и до деревни.

А Ветер говорит:

— Ты станешь морозить, а я повернусь с другой стороны.

А Солнце говорит:

— Я пригрею, припеку, то тебе, пожалуй, ничего не сделать.

Мужик только от их отошел. Стало уже и на бороде замерзать, и на волосах замерзать, стали руки мёрзнуть в рукавицах, и ноги

стали мёрзнуть. Так что мужику надо погибнуть. (Мороз так его прижал.) Мужик и говорит:

— Быть не может, чтоб ты меня взял в дороге! Если мои руки позябли, так у меня еще кровь есть.

Скидает рукавицы с рук, берёт снег и начал тереть в руках. Растёр снегом — садит в рукавицы. Вроде теплей стало. Да всё бегом, бегом.

— Вот и мороз ничего не сделал мне.

А Мороз всё сильнее прижимает. Ветер видит, что он шёл на встречу мужику этому. Он взял повернулся ему в плечи и начал его подгонять. Мужик и говорит:

— Ветер повернулся с другой стороны, и теперь стало мне легче идти. Вот прохожие и сказывали, кто сильнее: мороз, али ветер, али солнце? Я им ответил, что от мороза можно спастись, только сам не зевай. Так самое ветер может сбить тебя, если прозеваешь, а то видишь, как сейчас несёт меня.

Тут и праведное солнце засветило. У мужика уже и пот пошел (значит, солнце победило). Ну, всё-таки мороз отморозил у его ухо и кусок носу.

Мужик пришел в деревню. Попросился почевать. Залез на печку греться. Когда он ушел в теплое место, немножко посидел, — у его защемило ухо и нос. Он и говорит:

— Эх, проклятый мороз! Всё-таки отморозил.

Утром мужик встаёт. Являются:

— Нельзя ли у вас обогреться?

— Можно, пожалуйста! — хозяин отвечает.

Вот они сели на лавки деревенские — Ветер, Мороз и Солнце — и стали разговаривать. Мороз и спрашивает:

— Ты, дедушка, откуда? Здешний аль нет?

Дедушка говорит:

— Не zdeшний.

— А чего ж, — говорит, — на печке здесь сидишь?

— Да сижу, — говорит, — на печке до тех пор, пока солнце не подогреет, потом пойду. А то я вчера шёл, вёрст шесть шёл — тепло было, а потом как проклятый мороз застиг, и ветер дул встреч. Ну, ладно, думаю, уже вот погиб. Я уже и руки натёр снегом — всё равно берёт мороз. Он уже на бороду взлез и на волосы взлез. Тут ему бока обломает — он упадёт и опять лезет. Вдруг, — говорит, — ветер повернулся с другой стороны, чуть не несёт меня, подгоняет вперед. Тут и праведное засветило. Мне уже стало и тепло. Я тут уже остановился и закурил и сказал: «Вот и мороз куда-то делся!»

Прохожие пошли с избы, а старик остался еще в избе. Солнце засветило. Старик отправляется опять в ход. Вышел, на солнце посмотрел и говорит:

— Хоть мороз есть, — а солнце есть, так он отвалится, легче будет. Теперь можно смело идти, что мороз ничего не сделает, да и ветру нету, тихо на дворе.

Солнце, Мороз и Ветер на дорогу вышли. Солнце и говорит Морозу:

— Вот мне больше веруют, как тебе.

Ветер говорит:

— И мне веруют больше, как морозу.

А Мороз рассказывает:

— Как же так?

Солнце говорит:

— Я свечу зимой и летом. Зимой я хожу ниже, я грею меньше; летом я хожу выше, почти что могу испечь даже человека. Ну, когда я иду, с самой вышины придариваю, то тут поднимается ветер, охлаждает. Потом вдруг облачка заскочут и вот говорят, кому жарко, кому холодно. Ветру говорят: «Сегодня ветер надо бы», а его нету. На второй день люди рассказывают: «Хорошо бы было, если бы ветру не было». А Ветер слышит, что ему так говорят люди, он свои толстые губы распускает и сразу тихонько повевает, а потом сильнее, да сильнее, и до того дойдет, что даже деревья ворочает и с крыш тес срывает, на ходу людей сваливает. Ну, а ты Мороз, только зимой сила: замораживаешь реки, земли, деревья. Ну, а на тебя обиды никто не имеет. Ты как ни старайся, — Ветер всё может сделать, а ты ничего не сделаешь, — от тебя можно спастись.

Мороз рассказывает:

— Смотри, как я барина заморожу! У барина две шубы на себе, а я его заморожу!

Солнце и говорит:

— Да, барина заморозишь, а мужика наудачу.

Барин выехал с имения в город. Пара лошадей идет. Мороз залез к барину в шубу. Барин всё мялся, мялся и потом заснул. Мороз барина и заморозил. Вот он Солнцу и рассказывает:

— Смотри-ка — барин уже готов! Даже я и Ветра не просил, чтоб пособил его заморозить.

А Солнце и говорит:

— Ну, теперь иди-ка — вон идет мужик на быку в лес за дровами. У его рваная шуба. В его шубу можно залезти и Ветру и Морозу. И вот попробуй-ка его заморозить.

Мороз отправился к мужику в его шубенку. Дё лесу надо было

ехать так с версту. Мороз забирается в дырявую шубу. Забрался и сидит в шубе. Мужику очень стало холодно уже. Он стал своего бычка подгонять. Ну, всё-таки бык не быстро идет. Он в лес въезжает. В лесу и ветер стихает.

— Теперь станет, — говорит, — теплее в лесу.

Мужик останавливает своего бычка, скидывает свою шубу, берет топор и пошел рубить дрова. А Мороз в шубе остался. Вот и думает, что «я тебя всё-таки возьму».

Мужик дров нарубил. Приходит к шубе. Шуба вся белая, что снег. Он берет палку, с одной стороны оббивает. Потом поворачивает на другую сторону. И с другой стороны оббил. Бока Морозу обломал, шубку одел и поехал.

Ну, вот Солнце и рассказывает:

— Что, заморозил мужика?

Мороз и сознался, что:

— Мужика и лошадь никогда не заморозишь.

27. КАК МУЖИК И РАБОЧИЙ ПРАВДУ ИСКАЛИ.

дёт мужик путём-дорогою, встречается с рабочим и спрашивает:

- Куда ты идёшь?
- Да я иду правду искать.
- Возьми меня с собой!

— Ну, пойдём.

Они пошли. Заходят они к помещику:

— Барин, скажи нам, где правда есть на свете?

Он и говорит им:

— Поработайте у меня и правду увидите!

Они стали работать у барина. Поработали несколько дней. Стречают барина и спрашивают:

— Барин, ты сказал — правды нам покажешь! Мы три дня поработали, так и правду захотели узнать.

— У меня работают по три года люди — мужики, такие дураки, как и вы, — а правды не видали. А вам правду указать, так вы тогда не будете и спать. Вас много мужиков, а я один. Всем правду сказать, тогда некогда будет мне спать. А работай, пока хлеба дают вам.

Они друг другу сказали:

— Вот и правду нашли! Он свою шкуру спасает, да мужиков обиждаёт. Верно люди сказывали, что помещики дерут с нас кожу. А мы хоть с картошки дерём [раз есть нечего], да у его правда, а у нас нет. Пойдём-ка, товарищ, отсюда. Неужели мы не найдём правды!

Пошли они дальше. Стоит фабрика.

— У помещика были, правды не нашли, давай зайдём сюда, может быть, тут правда есть.

Приходят они к фабриканту в контору и спрашивают:

— Барин, скажи нам, где правда есть на свете?

— Ну, поработайте у меня — правду узнаете!

Направил он их на фабрику, на работу. Работают они день, работают два. Работа тяжёлая. Тяжелее, чем у помещика. Ну даже приходилось им по два раза рубашку скинуть и другую одевать, а на этой рубашке чуть не соль выходит *(оно правильно, работаешь, а на рубашке — соль)*.

Тут является фабрикант. Они подошли к фабриканту и говорят:

— Барин, ты сказал, что скажу правду!

Он им отвечает:

— Люди у меня работают по пять лет, а не спрашивали, где правда есть, а вы поработали три дня, да и хотите правду узнать. Тогда, видно, нам некогда будет спать, если вам всю правду сказать.

— Так вот, барин, дай расчёт нам.

— Пожалуйста, приходите. Я вижу, что делать нечего с вами. Вы не дураки, вы не зарабатываете нам пятаки.

Они взяли расчёт и идут путём-дорогою и говорят друг с другом:

— Работали мы у фабриканта, работали у помещика — правды не нашли. Верно люди сказывали, что фабриканты и помещики дерут с нас кожу. А мы хоть с картошки дерём [раз есть нечего]. Пойдём мы до царя теперь.

Приходят они в Петроград. В Петрограде спрашивают:

— Как нам добиться до царя, узнать правду, какая есть на свете?

Тут и сказывают им:

— Вы откуда пришли — туда и идите, а казакских плетей не ищите!

А они говорят:

— Всё-таки пойдём!

Вот приходят ко двору. Стоит стража.

— Вам куда?

— Нельзя ли нам пройти к царю-батюшку, правду узнать?

— Не такие приходили да назад уходили, а вам и взять нечего! Как ушей своих вам не видать, так и царя батюшки!

Взяли их и пихнули, плёткой подстегнули. И они пошли дальше.

— Вот тебе и правда царская! Верно люди сказывали, что фабриканты, помещики да цари дерут с нас кожу. А мы хоть с картошки дерём [раз есть нечего].

Идут, а рабочий сказывает:

— Неправда, что не найдём правды! Есть на свете правда!

Вот и идут они путём-дорогой. Дорога была лесная. Выходят на

полянку. На полянке под лесом стоит шатёр, из ёлок собранный, — от дождя скрываться.

— Давай, зайдём!

Заходят они туда. Тут сидит лысый мужичок, не очень старый и немолодой — лет тридцати пяти. Они и говорят:

— Здравствуй, товарищ!

Он отвечает:

— Здравствуй!

— Не знаешь ты, где на свете правда есть?

Он усмехнулся:

— А вы что — правду ищите?

— Да!

— Ну, так вот! Посидите и покурите, я вам правду скажу.

Они сели, покурили. Он и сказывает им:

— Правды я сам добивался. Ее не искать надо, а добиваться. Правда в наших руках. Только не жалеете сами себя. Собьём царя, собьём помещиков и фабрикантов, тогда до правды и доберёмся. Ну, вот собирайтесь в путь-дорогу!

Лысый мужичок ведёт их до Петрограду и говорит им:

— Вы на заводы идите, работайте и добывайте правду. Будьте между народом и сказывайте им, что правда в наших руках.

Он сам отправился дальше.

Они тут на фабриках, на заводах стали сбивать рабочих, что «правда в наших руках». Стал народ прислуховаться, и сказывают им:

— И мы пойдём с вами правды добиваться!

И пошли. Царя сбили и фабрикантов сбили. Ну и помещиков. И видят — на трибуне стоит лысый человек и речь держит. Они и сказали:

— Вот наш учитель здесь, вот наша и правда здесь!

С тех пор и пошла Ленинская правда по земле.

*
*
*

27а. Жил бедный мужик в деревне. Помещик его куда пошлёт, он должен идти. У мужика ребят было много. Тяжело семейство кормить. Он подумал: «Как я буду жить? — Пойду я искать правды».

Вот идёт, дорогой встречается рабочий.

— Куда идёшь, товарищ?

— Да иду правду искать.

— Я тоже иду правду искать.

— Ну, пойдём вместе, двоём лучше!

Вот они пошли. И стоит помещика дом.

— Давай, товарищ, зайдём сюда!

Вот зашли к помещику, говорят:

— Барин, скажи, где правда есть?

Барин отвечает им:

— Идите-ка, поработайте у меня и правду узнаете!

Вот они пошли работать — рабочий и мужик. Работают они день, работают два. На третий день идёт этот хозяин. Они увидали:

— Эй, ты нам скажешь правду?

Он усмехнулся и говорит им:

— У меня по три года работают, а правду не спрашивают, а вы три дня поработали, да правду хотите узнать! Тогда нам некогда будет спать, если всю правду сказать.

Они говорят:

— Так, что, если правду не рассказываешь, давай нам расчёт!

Вот они расчёт получили. Уходит с помещицкого двора и друг другу говорят:

— Правду люди сказали, наши старики! Помещик дерёт с нас кожу да с наших родителей. А нам чего драть? Хоть с картошки подерём.

Ну вот и рабочий рассказывает:

— Пойдём товарищ, дальше искать правду!

Они пошли. Стоит фабрика от кулака. Они заходят в контору, но не знают: управляющий или хозяин. Это неизвестно.

Вот рабочий и говорит:

— Барин, скажи нам, где правда есть?

Барин усмехнулся:

— Иди-ка на фабрику, поработай и правду узнаешь!

Вот они пошли работать. Он поставил их на работу такую, что даже с плеч два раза в день рубашку снимали: всё пот выступал, солью выступал. На третий день идёт этот управляющий, али хозяин, им неизвестно. Идёт, они и говорят:

— Барин, вы скажете правду?

О-гу! — усмехнулся. — У меня люди по пяти лет работают, правду не узнают, а вы три дня поработали, правду хотите узнать! Если вы правду хотите узнать, так некогда будет нам спать.

— Ну, давай, барин, расчёт!

Он тоже сказал:

— Пожалуйста!

Вот они расчёт получили, выходят с этого завода и говорят:

— Правду люди рассказывали, наши старики, которых помещики драли на конюшне. Придёт, двадцать пять плетей даст и слово не промолвит, а всё молчит.

Друг другу рассказывают:

— Вот, товарищ, правда есть: они дерут с нас кожу, а мы хоть с картошки подерём, потому что больше питания нету.

Вот рабочий и говорит:

— Пойдём хоть до царя-батюшки! Он наш земный бог. Он нам всю правду скажет.

Вот и пошли до царя-батюшки. Там стоит стража, к царю-батюшке не пускают.

— Куда вы идёте?

— К царю-батюшке, хотим правду узнать!

— Рассказывай, рассказывай! Ты свои уши видал? Нет? — Тебе и царя-батюшки не видать, а казацких плетей получить!

Ну, они всё-таки этого не испугались.

Через один караул пробрались. Вот подходят к другому караулу, поближе к царю-батюшке. Так у их и спрашивают:

— Вы откуда явились?

— Да к царю-батюшке идём!

— Как же вас караул пропустил первый?

Их сейчас же тут долго не спрашивали. Казацких плетей получили, за ворота выкинули их. Не знают, где и были. А друг от друга не отстают, и говорят:

— Вот и правда есть на свете: помещики дерут кожу, фабриканты дерут кожу, такó самó и царь-батюшка. Да, рубец на спине! Ну, подерём с картошки [кожу] и пойдём искать дальше.

Вот они пошли из Петрограда. Шли они почтовой. Ни у одного копейки нету.

— Как, товарищ, проживём? — Где правду найдём?

А рабочий рассказывает:

— Нет, крестьянин, пойдём правду искать! Вот лесная дорога — пойдём-ка по этой дороге, скорей правду найдём!

Они пошли. Так что, может, вёрст двадцать прошли. Скоро рассказывается, а шагами — так тяжело.

Стоит между лесу полянка большая такая.

— Давай-ка мы зайдём сюда! Вот там шалаш какой-то есть, верно охотник там живёт.

И они подходят. Там сидит человек, плохо одетый был. Они подходят.

— Здравствуй, товарищ!

— Здравствуйте, здравствуйте!

— Ты, — говорят, — охотник?

— Да.

— Скажи нам, где правда есть?

Он усмехнулся, сказал:

— Сядьте, покурите, а потом я вам правду скажу.
И они сели. Покурили, он им и говорит:
— Правда в наших руках! Только сами себя не жалеете, тогда и выйдет наша правда!
Мужик немножко испугался, а рабочий и говорит:
— Вот тут правду нам и узнать, у полесника! (А никто не знал, кто он такой.)

— Ну, — говорит полесник, — теперь пойдёмте за мной!
Вот и ведёт в Петроград их. Приходят они до завода (Буховский завод¹). Он и говорит им:

— Ступайте на этот завод, поступите на Буховский завод на работу и правду узнаете. Только сами себя не жалеете и скажите всем, что вот такой там в лесе полесник сидит, говорит, что если мы собьём помещиков, фабрикантов и царя, тут и правда будет наша. Всё наше будет!

Работают они уже целый месяц и каждому рабочему говорят:
— Вот, товарищ, там полесник сидит один, говорит, что должна быть правда в рабочих руках.

И уже собралось людей много вокруг их.

Прошло ещё время, и вот уже их собралось до пятисот человек, все за правдой пошли.

— Ну, давайте, — говорят, — теперь выйдём из ворот!

Вот они выходят из ворот. Уже мужик видит и рабочий видит, что за ими пошло много людей, много теперь силы собралось. Рабочий и говорит:

— Теперь, товарищи, хоть у нас нету припасов, так грудью затиснём!

Вот они пошли смело. Доходят до дворца. А там ещё больше народу, чем здесь. Да. Народ окруженный, один человек стоит на трибуне, говорит речь. Мужик и рабочий говорят:

— Пойдёмте, товарищи, ближе!

Подшли. Вот рабочий крикнул:

— Это же наш учитель, который нам правду сказал!

С тех пор и пошла Ленинская правда. И уж двадцать первый год идёт она. И мы должны за правду держаться всегда и не погибнем никогда!

¹ Буховский.

28. КАК МАРЬЯ С ИВАНОМ СРАВНЯЛАСЬ.

работал Иван на фабрике, и Марья работала. Иван получал такое-то жалованье, а Марья поменьше. Иван и грамоте знал немного, ну и любил Иван выпивать немножко. Приходят они домой. Иван выпил, Марья стала с ним спорить. Он Марье и говорит:

— Ты что споришь? Я ж больше тебя получаю.

Она говорит:

— Хотя ты больше получаешь, да я такая, как и ты, мы ровни с тобой!

Он и говорит:

— Как же мы ровни: ты должна ж подчиняться мне?

— Почему?

— А ты не слыхала, как поп нас венчал с тобой, что жена мужу должна подчиняться.

Она и говорит:

— Так пойдём же до попа!

Они пошли до попа и спрашивают у попа:

Батюшка, рассуди нас!

Он и спрашивает:

— Что, Иван?

— Батюшка, скажи нам, кто кому подчиняется?

Батюшка берёт евангелие и говорит:

— Вишь, даже в евангелии показано, что жена своему мужу должна подчиняться.

А Марья говорит:

— Неправда, батюшка! И я ж такая, как и он, — человек!

Ну, и вот пошли. Марья и говорит:

— А пойдём-ка мы до своего фабриканта!

Приходят к своему фабриканту. Марья и говорит:

— Барин, рассуди нас! Что вот Иван рассказывает, я должна подчиняться ему.

А фабрикант рассказывает:

— Вы у попа были?

— Были.

— Ну, что же вам поп сказал?

— Да поп сказал, что жена мужу подчиняется.

— Ну, так и я скажу, что должна подчиняться.

Они пошли домой. И живут несколько время.

Тут перемена произошла, другой пошел закон. Царя убрали, фабрикантов согнали, да и попам хвост притысли. Марья и рассказывает:

— Вот теперь, пожалуй, я ровня с тобой буду!

А Иван всё не сдаётся.

Марья и говорит:

— Пойдём-ка мы в Москву до Ленина, пусть он рассудит!

И пошли. Ленин их пропустил и спрашивает:

— Чего пришли?

То Марья и рассказывает:

— Вот живу я с Иваном много лет. Иван говорит, что я ничего не стою.

А Ленин рассказывает, что, — Иван человек, то и ты такая. Вы ровные оба.

А Иван говорит:

— Какая же она ровня со мной: я всё-таки грамоте умею, а она не умеет.

То Ленин усмехнулся и говорит:

— Да ты оставь мне ее, и она будет уметь грамоте.

Иван оставил. Ленин дал учителей ей. Через несколько время и Марья научилась читать и писать. Тогда Ленин призывает Ивана:

— Ну-ка, смотри, Иван! Вот и Марья твоя знает читать и писать, как и ты. Теперь вы одинаковые: что Марья, то Иван.

А Иван всё не сдаётся и говорит:

— Я могу на тракторе ездить, командовать!

А Ленин:

— Так и она сможет.

Оставляет Ленин Марью опять у себя. Опять стала Марья учиться. И на тракторе Марья поехала. Ленин опять Ивана призывает:

— Смотри-ка, вот твоя Марья уже на тракторе ездит!

А Иван всё не сдаётся:

— Ну вот, она на тракторе ездит, а я могу на самолёте летать. А она не может.

Ленин опять усмехнулся и говорит Ивану:

— Через несколько время и она на самолёте полетит. Если она скоро научилась грамоте и научилась на тракторе работать, то она сумеет и на аэроплане полететь.

Ленин оставляет Марью опять у себя.

Через несколько время и Марья научилась по воздуху уже летать. Ленин третий раз призывает Ивана опять к себе и рассказывает:

— Ну-ка, Иван, посмотри-ка на свою Марью!

И сказал Марье:

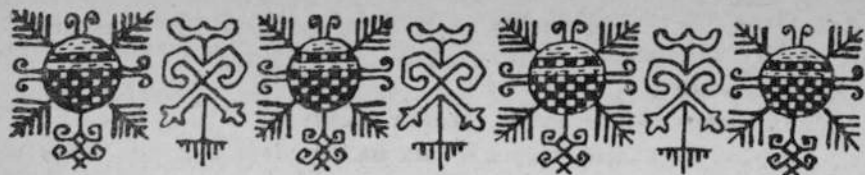
— Садись на аэроплан и посади Ивана своего!

Они сели, завели аэроплан, и Марья полетела.

Вернулись назад, опустились и идут к Ленину. Тогда Иван и склонился и говорит Ленину:

— Правду ты сказал, что все мы ровные: что баба, что мужик.

29. ШУТ БАЛАКИРЬ.

ил в деревне мужичок, к нему много собиралось слушать басен. Как свободен, так полная изба набьётся, а он всё разные штучки заворачивает. Один раз в прекрасное время шут Балакирь поехал на поле пахать.

Попу стало скучно, и он матушке говорит:

— Пойду-ка я, матушка, к шуту Балакирю, пусть он мне хоть скуку развеждёт.

И летит прямо к нему на дом. Приходит и у хозяйки спрашивает:

— Где же твой шут Балакирь? Жалко, что я не захватил его дома, хотя бы он мне скуку развёл.

— Так он, батюшка, недалеко пашет. Вот там за рíгачем.

— Ну, я пойду к нему!

Шут Балакирь видит, что батюшка идёт, догадался:

— Верно скуку развесть идёт. Ну, я ему разведу скуку!

Он взял свою шапку в борозду да и спрятал. Батюшка приходит:

— Помогай бог, шут Балакирь!

— Спасибо, батюшка!

— Шут Балакирь! Мне сегодня так скучно, прямо деться негде. Развёл бы скуку,

Шут Балакирь схватил себя за голову и говорит:

— Эх, батюшка, я забыл дома шапки взять, а сказки все в шапке, то не могу тебе развесть скуку.

— Ну, так как же будем делать, шут Балакирь? — батюшка спрашивает.

— Так вот, батюшка! Дайте мне свою шляпу. Я одену и сбегаю за своей шапкой. А то без шапки нехорошо бегти.

Батюшка подаёт ему свою шляпу. Шут Балакирь одел и бегом побёг.

— А ты, батюшка, посиди здесь. Тем часом и лошадка отдохнёт.

Шут Балакирь махнул прямо к матушке.

— Вот, матушка! Батюшка меня послал к вам, чтоб вы насыпали две шляпы денег мне, и я понесу батюшку. Батюшка покупает сельдо и деревню, так вот надо деньги.

Матушка собрала все деньги, сколько у них есть.

— Шут Балакирь, нехватает немного.

— Ну, обойдётся, матушка!

Вот она ему насыпала денег. Шут Балакирь и отправился не к попу, а по свету гулять.

Поп ждал, ждал — шута Балакиря нету. И домой идти неловко: лошади шута Балакиря здесь. Ну, всё-таки надоело ему сидеть, и скука пришла.

— Пойду я домой! Что он так долго ходит?

Матушка и спрашивает:

— Что, батюшка, хватило денег у вас?

— Каких?

— Да шут Балакирь прибёг да сказал, что ты послал за деньгами, что ты будешь покупать сельдо с деревенькой.

Тут попу скука проходит уже. Он побёг к дому шута Балакиря. Прибегает:

— Где шут Балакирь?

Жена отвечает:

— Да он, батюшка, как уехал пахать — и дома не был еще.

— Он у матушки выманил две шляпы денег, — батюшка отвечает.

— Я, батюшка, ничего этого не знаю.

Батюшка и пошёл домой не солоно хлебавши. Приходит домой, рассказывает матушке:

— Ну, вот шут Балакирь тоску развёл хорошую! Уж наверно мне, как своих ушей не видать, так и своих денег в кармане не видать.

Проходит неделька, проходит вторая. Шута Балакиря нету, не показывается на глаза.

Через две недели шут Балакирь является:

— Здравствуй, батюшка!

— Здравствуй, здравствуй, шут Балакирь! Ты что наделал, шут Балакирь?

— А что такое, батюшка?

— Да обманул матушку! Чуть не две шляпы она насыпала денег тебе.

— Батюшка, эти деньги не пропащие. Мне надо было на эти деньги купить волшебную шляпу. А ты бы так их мне не дал. Видишь, — волшебная шляпа, батюшка.

— А что же она может делать, эта шляпа?

— А с этой шляпой, батюшка, куда ни пойдёшь, всё будешь при деньгах. Я знаю, что и вам понравится. За эту шляпу ты мне ещё, батюшка, да сй денег шляпу. Если, батюшка, не веришь, то ещё двух батюшковых позови, и пойдём завтра гулять — эта шляпа покажет вам.

Шут Балакирь пошёл в один трактир, уплатил деньги и говорит хозяину:

— Смотри, хозяин, когда мы будем с батюшками гулять здесь, так тогда, когда мы нагуляем на эти деньги, так я скажу: «Что, хозяин, в расчёте?» А ты скажи: «Нет». А я скажу: «А козырёк на что?» Так ты скажи: «Да, в расчёте».

Ну, вот шут Балакирь идёт в другой трактир, платит деньги и рассказывает второму хозяину, как и первому. Так и третьему рассказывает.

И вот идут они в первый трактир: три попа, четвёртый шут Балакирь. И начал шут Балакирь требовать закуски, выпивки. Напоил попов. Так что у него, может, рублей десять остаётся за хозяином. Ну, он за этим не гонится. И рассказывает:

— Ну, что, батюшки! Довольно в этом трактире гулять, перейдём в другой.

— Ну, довольно!

Они встают и идут, и шут Балакирь с ними.

— Ну, что, хозяин, в расчёте?

— Как в расчёте?! — Деньги давай!

Шут Балакирь:

— А козырёк на что?

Хозяин:

— В расчёте.

Он и говорит:

— Видите, батюшки?

— Видим, шут, Балакирь! Верно ты сказал: волшебная шапка!

Приходят во второй трактир.

— Садитесь, батюшки, за стол.

Сели за стол. Шут Балакирь и кричит:

— Подай батюшкам хорошей водки, закуски!

Хозяин подаёт. Ну, так что, может, рублей на тридцать, на сорок нагуляли они.

— Ну, что, батюшки, довольно будет?

— Да, довольно, шут Балакирь.

— Перейдёмте ещё в один трактир, погуляем.

— Ну, пойдём! — батюшки крикнули.

Вот все встают вчетвером. Шут Балакирь подходит к хозяину:

— Что, хозяин, в расчёте?

— Как же в расчёте?! — Ты же не платил.

Шут Балакирь берётся за козырёк.

— А козырёк на что?

Хозяин отвечает:

— В расчёте.

Попы и смотрят: да, действительно, что волшебная шапка.

Приходит в третий трактир, тоже велит садиться за стол.

Кричит:

— Хозяин, дай-ка нам бутылочек пару коньяку хорошего! Может быть, гусятина есть на закуску.

Хозяин подаёт. Ну, тут тоже, может быть, рублей на двадцать пять взяли. Тут уже лимонаду потребовали сладкого.

— Ну, — говорят, — довольно, батюшки, будет?

— Да, довольно, — батюшки отвечают.

— Ну, так пойдёмте по домам!

Он подходит к хозяину справиться:

— Что, хозяин, в расчёте?

Хозяин сказал:

— Как в расчёте?! — Ты не платил денег.

— А козырёк на что?

— В расчёте.

Они выходят и говорят:

— Шут Балакирь!

— А что?

— Продай нам эту волшебную шапку.

— Что же, я продам. А как же я буду действовать сам? Ты знаешь, что я за её сам отдал полторы шапки денег. Ну, так вот, — если хотите купить, так насыпайте три мне шляпы денег, а я себе новую куплю.

Эти два соглашаются купить, а этот и говорит:

— Шут Балакирь, ты за мои деньги купил?

— Да, батюшка, за твои.

— Так ты, шут Балакирь, я тебе хоть полшляпы насыплю.

— Как хочешь, батюшка, а меньше я не могу отдать, чем за три шляпы.

Ну, всё-таки согласились насыпать три шляпы ему. Три шляпы

ему насыпали. Шут Балакирь и пошел домой с деньгами, а шляпа осталась у батюшковых...

На второй день один батюшка одет эту шляпу, и пошли в этот трактир, где гуляли они. Пришли они в трактир, заказывают закуску, выпивку. Выпивают, закусывают побольше *(всё равно не платит, козырёк ответит)*. Ну, который заказывает, говорит:

— Ну, довольно гулять, надо и козырька пожелеть!

Подходит к хозяину:

— Что, хозяин, в расчёте?

— Как в расчёте?! — Деньги давай!

— А козырёк на что?

А хозяин отвечает:

— А что мне твой козырёк! Пил, так деньги давай!

Батюшкам и пришлось платить. Выходят они с этого трактира. Один и рассказывает:

— Ты, верно, не так одел. Давай, я одену, я рассчитаюсь!

Приходят в другой трактир, заказывают, выпивают, закусывают. Погуляли они. Тот говорит:

— Довольно?

— Довольно.

— Ну, пойдём.

Пошли, подходят к хозяину:

— Что, хозяин, в расчёте?

— Да как же в расчёте?! — Денег не платили да в расчёте!

Он берётся за козырёк:

— А козырёк на что?

— А что мне ваш козырёк? Пил, так деньги плати.

Он заплатил деньги, выходит к трактиру. Третий и говорит:

— Ты, тоже, верно, неправильно одел шляпку. Давай-ка я одену

Вот и третий одел.

Заходят они в третий трактир. Этот побольше нажимает братъ.

Выпили, закусили хорошенько и говорит:

— Ну, может, довольно будет?

— Довольно, отец Владимир.

— Ну, так пойдёмте.

Подходят к хозяину:

— Что, хозяин, в расчёте?

Хозяин усмехнулся:

— Да что вы?! — Денег не платил, а в расчёте хотите быть!

— А козырёк на что?

— А на что мне твой козырёк? Ты деньги давай!

Вот они говорят:

— А что, вчера мы здесь гуляли, дак шут Балакирь рассказывал: «В расчёте?» А ты рассказывал: «Давай деньги». А шут брался за козырёк: «А козырёк на что?» И ты рассказывал, что «в расчёте».

Хозяин им и рассказывает:

— Раньше бы ты мне сотню снёс да дал, то и ты был в расчёте, и козырёк был бы в расчёте.

Пришлось доплатить и третьему. Они советуются: что с им, мошенником, делать? Они сговорились:

— Пойдём, мы его убьём!

А шут Балакирь знал, что они придут. Они собрались его убить ночью, а он жонке говорит:

— Давай-ка я одену смертную одежду, и вот накрой меня покрывалом. И когда батюшки придут, ты плачь по мне. Когда ж они ничего мне делать не будут, пусть идут, а если будут надругаться надо мной, так я их револьвером всех убью.

Они приходят. Шут Балакирь лежит уже на лавке покойным, а жена приплакивает:

— Ах, помер мой шут, помер, голубчики! Как я теперь буду жить?

То два попа рассказывают:

— С покойного взять нечего уже.

А третий говорит:

— Хоть осиновый кол взять заострить и пробить ему грудь, чтобы он помнил, как обижать людей.

Пошли вострить кол. А шут Балакирь готовится: «Перебью я вас».

Заострили кол и подходят. А жонка плачет.

Шут Балакирь вынимает револьвер, одного — бах, и другого, и третьего. Сам встаёт, одется, как следует быть уже.

— Теперь этих чертей надо сбавить куда-нибудь.

Вот к нему стучится кто-то под окошко.

— Хозяин, — говорит, — пусти почевать.

— Так вот у меня несчастье случилось.

— Какое?

— Да иди в избу.

Когда тот в избу шёл, так он двух попов в подполье спрятал. В избу является солдат. Он и говорит:

— Вот видишь, солдат, какое несчастье вышло. Поп, — говорит, — пришёл по делам и помер. И не знаю, что с им делать.

А солдат говорит:

— С им только делать одно: взять на плечи, кинуть его в реку, и пускай плывёт. Да сй мне рубль, так я стащу его.

Шут Балакирь:

— Почему, — говорит, — не дать? Дам рубль, еще ужином накормлю.

Солдат — за попа. Взял и потащил, и бросил его в реку. Сам ворочается к хозяину.

Пока он шол, шут Балакирь вытянул другого из подполья и говорит:

— Что, занёс?

— Да, хозяин, занёс.

— Как же ты занёс, когда он лежит?

А он на попа:

— Ты опять пришол?

Берёт его обратным путём, под бока натыччал, потащил, и этого бросил.

Проходит, шут Балакирь третьего вытянул.

— Вот, — говорит, — опять пришол.

Ну, солдату рубля жалко. Схватывает этого, и этого в речку забарабанил.

Вот он идёт и оглядывается. Неизвестно откуда взялся живой поп. Он подскакивает к этому попу:

— Докудова я буду тебя носить?!

Схватывает этого попа. Тот — такой бог, сякой бог, — что пусти, солдат.

А солдат своё дело делает. Приносит его к реке и бросает его в реку. И смотрит на его. Он кувыркался, кувыркался, то вверх, то вниз, а сапоги тянут. Он — буль-буль, и нет попа.

Приходит солдат к хозяину и спрашивает:

— Что, хозяин, не пришол уже?

— Нет.

— А если б немного прозевал, то он опять бы пришол. Уже [из-за] другого угла вывернулся, но я его схватил. Так в тот раз, как кинешь, так он ничего не делал, так и поплывёт, а теперь, как бросил, так он всё-таки долго болтался — то вверх, то вниз, а потом забурлил и вниз пошел. И больше не посматривал. Я шол всю дорогу и посматривал — больше не видно было.

Шут Балакирь и подумал: «И четвёртого всади ты туда».

— Ну, на за это тебе четыре рубля денег.

— Вот спасибо, хозяин. (Солдату и четыре рубля — деньги.)

Солдат проночевал, пошел.

Шут Балакирь стал поживать и деньги эти проживать.

(Вот здесь можно кончить шута Балакиря, а можно опять начать).

Шут Балакирь деньги проживает. У его заболела жена и померла.

Шут Балакирь и подумал: «Как же можно с мёртвого деньги нажить, за эти деньги ее похоронить?»

А он знал, шут Балакирь, хорошо, что помещик как едет, так чтоб ему дорогу давали, а если кто ошибётся да скоро дороги не даст, так он велит кучеру телегу зачепить и по потылице дать.

Ну, вот, шут Балакирь запрягает лошадку, сядит свою жену, в мёртвые руки кладёт вожжи и подпирает ее, чтобы она не могла упасть (всё-таки мёртвая!), и поехал он на тую дорогу, по которой барин ездит каждый день вот в такое-то время.

Уже время подходяще, что барин должен скоро ехать. Он на встречу пустил своего коня по дороге с мёртвой женой. Видит, барин едет. Он взял и остался очень далеко. Слышит, там кричат:

— С дороги ворочай!

А она как вожжи держала, так держит, а конь дорогой идёт своей, не сворачивает. Кричали там, кричали, что давай дорогу, а потом барин кучеру крикнул:

— Подворачивай лошадь поближе, чтобы ее опружить, чтоб полетела к чертям!

Когда только опружил, она и полетела с вóзу. А вожжи крепко держит в руках.

Тут и шут Балакирь является:

— Что ты, барин, наделал?! Ты мне жену убил!

Барин испугался и говорит ему:

— Что ты, мужичок, хочешь? Только молчи, никому не рассказывай.

— Давай пятьсот рублей, так буду молчать!

— Да у меня пятьсот сейчас нету.

— Ну, как хочешь.

— Вот триста есть, я дам тебе, — хватит тебе похоронить ее.

Барин даёт шуту Балакирю триста рублей. Он берёт, ее на воз кладёт, поворачивает коня и отправляется домой. И говорит сам себе:

— Вот недурно я сделал! Хватит похоронить и этих.

Он ее похоронил и думает: «Ну, что мне теперь начать? Жены нету — деньги есть. Как прожить? Одному скучновато».

Он сам себе план разбил, что ему делать:

— Я теперь пойду у попа у такого послужу работницей, кухаркой буду.

Он пошел, купил себе одежду женскую. Оделся, как он был молодой еще, и приходит к батюшку, нанимается кухаркой.

[Последующий отрывок передан нами в кратком изложении.]

Печатать целиком его, в прямой передаче сказателя, считаем нецелесообразным, т. к. в нем много неудобопечатаемых слов и выражений. В опущенном отрывке рассказывается о жизни шута Балакиря у попа в кухарках, о сватовстве сына графа к поповским дочкам и о женитьбе последнего на поповской кухарке. В брачную ночь шут Балакирь (мнимая невеста) убегает от знатного жениха, подсовывая взамен себя козу. Затем, вволю натешившись над графскими лесничими (лесниками), он уезжает в город, где женится. По возвращении в свою деревню, отплачивает лесничим за то, что они указали на истинного виновника всех злоключений графа (женитьба, подсовывание козы и пр.). Шут Балакирь продает им лошадь, будто бы производящую деньги. Когда обман обнаруживается, лесничество идет мстить ему. Шут Балакирь притворяется мертвым. Его хоронят. Лесничество приходит на кладбище].

Взяли они лопату, отрыли могилу. Балакирь сидит в ней и смеется.

— Теперь, — говорят, — мы тебя живого не пустим! Ты нам третий раз делаешь хорошо.

Он:

— Что хотите, то и делайте!

Они взяли его, в кожаный мешок всадили.

— Теперь ты не будешь людей обманывать!

Привносят его к реке. И забыли топор взять, — прорубить прорубь, пустить его под лёд.

— Ну, пойдём, — говорят, — домой. Никуда шут Балакирь не денется: из мешка не выскочит. Теперь он в наших руках.

Пришли, позавтракали.

— Пусть мёрзнет, чорт с ним!

Шут Балакирь сидит в мешку. Далеко слышно по льду, что лошади идут.

— Может быть и спасут?

Вот он и кричит:

— Эх, не умею ни читать, ни писать, и хотят в короли наставлять! Кто час пролежит, тот в короли побежит.

Помещик подъезжает и говорит:

— Я умею читать и писать!

— Так ты можешь читать и писать, с тебя будет и король хороший. Так развязывай мешок да лезь в мешок! Я уже полчаса пролежал, так тебе полчаса еще лежать, — то тебя развяжут — королём будешь.

Помещик развязал его и даёт ему своих лошадей.

— Ты пользуйся, а я всё-таки буду королём?

— Да, будешь. Ну, полезай, ползай скорей! Прозеваешь, так там секунды пишут.

Помещик в мешок влез.

Он садится на лошадей, свистнул:

— Пошел!

Вот и те приходят:

— А-а! Лежишь, проклятый!

Помещик помалкивает.

— Лежи, лежи!

Прорубь прорубили и пускают его в мешку туда. Да. Вот когда спустили они, в мешок стала вода набираться, и он там — буль-буль...

— Лови, лови там бурых коней! — они говорят.

Утопили и пошли.

— Теперь людей обижать не будет шут Балакирь!

Через несколько время шут Балакирь является в город, на этой паре лошадей и едет. А эти лесники идут, которые его утопили, и друг другу показывают:

— Смотри, вон шут Балакирь едет!

Другой говорит:

— Ну, будто не удаётся человек в человека. Утопили, а он будет по городу разъезжать.

Он видит, что они на его смотрят и признают и не признают, он им и говорит:

— Что любуетесь? Что на лошадях еду? Вы же, когда меня топили, так сказали, что лови бурых коней. Если б вы сказали, лови сивых, так и сивые там хорошие лошади есть. Не то что пару поймать можно — поймать можно и четверку, только надо посидеть подольше там.

И они к нему поближе подошли и просят его:

— Шут Балакирь!

— А что?

— Ты нас не можешь потопить?

— А! Вы видите, что мне хорошо, так и вы хотите так хорошо жить? Ну, так вот! Пошейте по мешку кожаному и по полсотне денег мне дайте, что буду вас топить. И я вас в мешок всажу и потоплю.

Они согласились.

— Ну, ладно, и я вас сбѣду теперь.

Так они и сделали. Приходят, приносят мешки. Каждый себе прорубь вырубил, по дырочке. Вот и спускают одного. Вот мешок и забурлил. Шут Балакирь и говорит:

— Что, верно бурые всё нравятся вам? Вон с той стороны сивые стоят.

А этот кричит в мешку:

— Пускай вам сивые остаются!

— А ты любимых там выбирай!

Вот он и второго спускает — тоже забурлил. А третий лежит еще в мешку да слушает. Шут Балакирь и говорит:

— Лови сивых, не всё бурых!

А этот в мешку отвечает, что они половят всех там.

А шут Балакирь говорит:

— Хватит и тебе!

Подходит к мешку и тягнет этого к проруби и говорит ему:

— Вот тут вам и сивые, и белые будут, и бурые будут вам! Когда весной лёд разойдётся, тогда вы с конями и выйдете сюда. Ну, так поезжай!

И бросил его. И этот бурых стал ловить.

Шут явился к своей жене и стал проживать. И думает: «Дай, я немного остепенюсь. Денег у меня хватает, поживу хоть с женой в согласии». И остался жить.

Ну, тут слых прошол и до государя Петра Алексеича дошел, что вот такой-то есть шут Балакирь и он много знает рассказов разных. Государь требует его к себе, чтоб шут Балакирь явился к нему. Ну, делать нечего, надо являться. Приехал он в город. Добирается до Петра Алексеича. Петр Алексеич его принял. Угостил его, как следует быть.

— Ты, — говорит, — можешь прибауток много рассказывать?

Он и говорит:

— Знаю, государь, если понравятся вам.

Государь отвечает:

— Да какая может понравиться.

— Так есть, — говорит, — хорошие, есть худые, так всё хороших не наберёшься.

— А именно, какие худые есть?

— Да вот первая про царей, другая про князей, а третья про попов, а четвёртые про простых мужиков. Так всё, царь, выбирай, которая лучше.

Петр Алексеич заинтересовался про царей, как он царь.

Шут Балакирь:

— Ну, вот, начнём. Возьмёмся за царя. Вы слышали, царь, такую прибаутку. В нашем царстве, в нашем государстве, у нас будет царь Давыд. И он был молодой, красивый, и любил он чужих жён к себе забирать, которая ему понравится. Так что там дети, не дети оста-

лись, а заглянет, что хорошая идёт — давай ее сюда. И вот он царствовал несколько лет. Однажды, в прекрасное время, шла одна мадам. Одежда на ей была ничего, сама была красивая. И он в окошко заметил ее и кричит: «Верните эту сюда!»

Ну, вот, вернули, привели к царю Давыду ее. Царь Давыд ее держит неделю, две, и домой уже не спускает. А у мужика было двое ребят: один был грудной ребёнок, у этой женщины, а другому года полтора. Ну, мужик такой был, не хуже, как я. Мужик и думает: «Как же мне от царя Давыда взять свою жену? Так он мне не отдаст».

Идёт мужик с жалобой. Пришел мужик и говорит царю Давыду:

— Царь Давыд, рассуди мою обиду.

Стали спрашивать его:

— Какую обиду?

— Да вот, государь! У меня была одна овца. У этой овцы было двое ягнят. А к овце пришел волк и съел эту овцу. И остались малые ягнята. Так что этому волку сделать?

А царь Давыд ему отвечает:

— А вот я рассужу так тебя: иди возьми ружьё и убей этого волка, чтоб он не ел твои овцы, которые с ягнятами.

Мужик ему и говорит:

— Государь, так вы мне дайте бумажку, а то я, если пойду того волка искать, то скажут: куда ты пошел? А будет у меня бумажка от вас, что вы своей рукой запишете, что этого волка убить с ружья, тогда я смело убью.

Когда он ему написал, мужик взял от его расписку и говорит ему:

— Царь, ты сам себя рассудил. У тебя жён много есть, а у меня одна жена. И у меня остался двое ребят, а ты взял ее сюда. Так вот ты волк и есть! Теперь я имею право застрелить тебя.

Тогда царь Давыд упал мужику в ноги и начал просить у его прощенья:

— Оставь живого меня. Я больше не буду иметь много жён. Клянуся сам собой, что я буду доволен и одной. Бери свою жену, иди домой, и я тебя награжу еще деньгами.

Мужик взял и пошел. Ну, вот, про царей сказка моя вся.

Петр Алексеич выслушал это всё и говорит ему:

— Да, шут Балакирь, молодец! Это даже каждому понравится сказка. Ну, так оставайся теперь у меня жить.

Шут Балакирь и остался жить, и говорит ему:

— Мне хорошо будет жить, а как же жена моя будет жить в деревне?

Государь велел привезти ему жену и дал ему дом с женой про-
живать. А шут Балакирь стал как на службе у его жить. Шут
Балакирь каждый день кóло его, и он ему сказал уже:

— Ты меня царём не зови, а зови — Петр Алексеевич.

Какие бумаги дают подписывать государю, и он у шута Балакиря
всё спрашивает: можно ли их подписать, али нет. Ну, вот он
посмотрит:

— Это можно, государь, подписать, это нельзя.

Один раз Петр Алексеевич задумался, так что, что-то ему не-
хорошо стало. Шут Балакирь приходит к нему и видит по взгляду
его, что он что-то заскучал. Царь ему и говорит:

— Иди, шут Балакирь, отсюда.

Шут видит, что государь что-то в тоску впал. Как его развесе-
лить? Он взял сам себя замазал сажей и залез в печку. Государь
сидит в зеркале за столом, а шут Балакирь в печке. Когда он
взглянул в зеркало, то ему видно, что кто-то там в печке такой
чорный. Когда воротился смотреть, а шут Балакирь за стенку
спрятался уже.

— Неужели мне так подалось?

Он опять в зеркало. Смотрит — и шут смотрит. Он видит, что
опять в печке. Он опять повернулся — никого нету. Он опять
сел, зорко смотрит в зеркало уже. Шут опять показывается. Он
встаёт.

— Вылазь с печки, а то буду стрелять!

В печке никто не отзывается.

Он опять к зеркалу подошел и смотрит: опять на зеркале пока-
зывается! Он опять к печке:

— Вылазь, кто там такой есть!

А он кричит:

— Сейчас вылезу, Петр Алексеевич!

Тот и вылазит с печки, весь чорный. Петр Алексеевич и засмеялся,
и скука у его пропала.

— Ну, иди, теперь помойся, шут Балакирь, да что-нибудь по-
калякаем. Тоска у меня вся прошла уже! Всё-таки ты хитро сделал,
что тоску снял.

Шут Балакирь помылся, приходит к Петру побалакать.

А тут приносят к Петру бумажку, что вот Плещеева осудили
на расстрел. Он спрашивает:

— Что, шут Балакирь, правильно это, аль нет?

— Да, можно сказать, что и правильно, а можно сказать, что
неправильно. Ну, вы хотя и царь да впереди не широк один.

— Да как же так? — он спрашивает у шута Балакиря.

— Так вы вот так подпишите, чтоб завтрашний день вывели
Плещеева на такое место и расстрелять его, и я там буду.

Государь и подписал это. Когда эту бумажку послали туда, чтоб
вывести его расстрелять, то шут Балакирь собрал девяносто девять
плешивых (он знал, что Плещеев плешивый) и приказал им:

— Когда государь придёт, я крикну, так вы все шапки сымайте.

Значится, государь пришёл, чтобы Плещеева расстреливать (а того
не знал, что Плещеева шут Балакирь не вывел, а оставил на месте,
в тюрьме), то шут Балакирь крикнул:

— Шапки долой!

Он и рапортует:

— Вы приказали мне привести сто плешивых, а я только нашёл
девяносто девять.

Государь видит, что шут Балакирь вступился за Плещеева, что
действительно девяносто девять стоит плешивых, то государь усмех-
нулся и говорит:

— Ну, так теперь до сотни добавить плешивого Плещеева!

Плещеева выпустили. Царь велел разойтись всем, и Плещеев
в том числе пошёл с ними.

И вот уже стали министры на шута негодовать за эту штуку,
что таких преступников выводит.

Опять шут и государь сидят вместе за столом и разговаривают.
А шут Балакирь знал, что одного осудили на виселицу и государь
будет подписывать бумажку, «и тут мне оставить его нельзя». И он
стал думать, и надумался, что «сбавлю и этого с виселицы».

А у Петра Великого был ученый кот, и он постоянно сидел
у его на столе. Пишет ли, не пишет он, а всё равно он сидит. То
шут Балакирь поймал мышку и держит его в рукаве. И разгова-
ривают. Они подносят Петру Великому бумажку, чтобы подпи-
сал, что вот такого-то на виселицу. Он и читает. Прочитал и го-
ворит:

— Шут Балакирь! Ну, а с этим что будем делать?

— А я, царь, не могу вам сказать, Петр Алексеевич. Это воля
ваша: можете помиловать и можете нет. Помилуйте — вам никто ни-
чего не скажет, и не помилуйте — вам тоже никто ничего не ска-
жет. Это в ваших руках сейчас.

Петр Алексеевич берётся за перо подписывать, что повесить.

Шут Балакирь говорит ему:

— Петр Алексеевич, да он не виноват. Это природа одолевает его.

— А какая, — говорит, — природа?

— А это, — говорит, — всё идёт по природе. Вот у нас кот уче-
ный, а природа, — говорит, — его потянет.

— А как потягнет?

Он взял с рукава и пустил этого мышонка на бумагу. А кот как кинулся на мышонка, ту чернильницу на эту бумагу опрокинул. И не видно уже, что там писано. А кот поймал мышонка и в зубах держит. Шут Балакирь говорит:

— Видишь, Петр Алексеевич, какая природа! Вот так и тот, который осужден на виселицу. И тот не рад бы это делать, а его природа тягнет.

Государь берёт эту бумажку и рвёт и бросает в корзину. И пишет, что немедленно выпустить такого-то из тюрьмы.

И того освободили.

Министры и говорят:

— Хотя не подноси государю ни одной бумаги подписывать!

Несколько время проходит, таких сугрозных делов нету.

Государь идёт в синод. И шут Балакирь с ним идёт в синод, так что у государя он, что вестовой. Ну, государь не знал, что там чиновники делают, министры, а шут Балакирь всё пронохивает, кой-что делает. Какая бумажка не придёт, там прочитают, подают эту бумажку старшему, а старший министру подаёт, а министр не рассматривает эту бумагу, да и говорит:

— Завтра.

Кладут эту бумажку под сукно. Там уже кучка собирается большая бумаг «завтра». Шут Балакирь государю ничего не рассказывает. Он садится, пишет бумажки и каждому чиновнику и министру повесил на спину. Государь и заметил:

— Что такие за бумажки?

И читает, что «приди завтра».

Государь рассказывает:

— Что у вас такие за бумажки?

Они, действительно, срывают и смотрят, что «приди завтра» написано. Шут Балакирь и говорит:

— Это, Петр Алексеевич, он себя написал, чтоб не забыть, что у их много жалоб под сукном лежит и они будут разбирать всё завтра. А они не разбираются, эти бумаги.

Посмотрели под сукно, — там уже не то «завтра», по пять месяцев есть бумаги лежат. Государь на их стал говорить:

— Так нельзя делать! Если некогда, так можно бы через три дня бумажки разобрать, а не то, что по пять месяцев держать.

Тут на шута Балакиря они больше напали.

— Как бы его сбыть с синода?

Они и говорят:

— Государь, ты думаешь, что шут Балакирь верный тебе человек? Он тоже может измену сделать.

— А как он, — говорит, — мне изменит?

— А вот как мы сделаем: посадим мы шута Балакиря кóло тебя, а главного министра кóло шута Балакиря, и так нижей и нижей будут сидеть в ряд.

Государь согласился:

— Ну, давайте, попробуем!

Государь садится. Шут садится с правой стороны государя, министр с правой стороны кóло шута. И так садятся чиновники в ряд, сколько их было там в синоде. Последний чиновник встаёт и бьёт по щеке, который сидит под рукой справа, а тот встаёт, того бьёт. Вот уже доходит до министра, и министра ударяют. (Ну, они были слегка, пример показывали друг другу.) Министр встаёт да шуту Балакирю прибавляет настояще. Теперь надо шуту Балакирю встать да дать государю.

Шут Балакирь встаёт и говорит:

— Господа, как наш синод есть! Вот если человек едет на лошади, и стоит большой кряж. И у его лошадёнка плохая, а ему надо подняться на этот кряж. А он видит, что есть дорога кругом и можно этот кряж объехать, то как мужику быть?

Они говорят:

— Раз дорога есть, а у мужика лошадёнка худая, так можно этот кряж объехать. Зачем же в кряж пилиться?

Он тогда как бóркнул этого министра, так этот со стула покатился, министр. Они и спрашивают:

— Ты что шут Балакирь, делаешь?

— Я же вас спрашивал — можно кряж объехать? Вот я кряж и объехал, что мне надо было государю дать, а я объехал.

Шут Балакирь опять своим порядком стал работать. Как придут с каким докладом государю, то надо раньше докласть шуту Балакирю, а шут Балакирь докладает уже государю, что вот такой-то пришёл, и ведёт его к царю.

А шут Балакирь знал, что вот такого-то дня должен министр прийти к государю с докладом. То шут Балакирь купил десяток яиц, в корзинку поклат, соломки поклат, и уселся на их.

Тут является главный министр к нему. Шут сидит в коридоре. Министр говорит ему:

— Докладй государю, что я пришёл!

— Так вот поспеешь! — шут Балакирь отвечает. — Приказ строгий у нас. Государь вот посадил меня на яйца и захотел, чтобы были дыплята у нас свои, так мне некогда. Так ты вот сядь, чтоб

яйца не холодели, а я сбегаю государю скажу. Потом я сяду, а ты пойдёшь туда.

Министер садится на яйца, чтоб не холодели, а шут Балакирь побёг к царю и говорит:

— Пойдём-ка, Петр Алексеевич, посмотрим, как министр на яйцах сидит, дышлат выводит.

Вот и идут в коридор. А министр сидит. Он и говорит:

— Вот, Петр Алексеевич, видишь: министр сидит на яйцах, так он хочет дышлат вывести, подарок вам принести.

Министер встаёт, посмотрел: там десяток яиц и есть. Ну, и сказал государь министру:

— Пойдём же.

Ну, тут министру совестно было пред государём, что шут Балакирь подвёл.

Тут министры на шута Балакиря стали наседать. Его стали сгонять с синоду. И он и говорит:

— Сколько лет я вам служил, а вреда не делал и делать не буду, ну всё-таки какую-нибудь я должен заслужить власть себе.

— Ну, а какую же ты власть хочешь?

— Ну, дайте хоть власть над мухами, чтоб я власть хоть над ими имел.

Его опять оставили в синоде начальником над мухами. Ну, вот, он открывает окошко, выпускает мух побольше. Сделал себе хлопалку — мух убивает. Взял молоток с собой. И вот ходит по синоду и гоняет мух, что он власть имеет над ими, а больше ни над чем.

Вот он по стенкам бьёт, пугает их.

Вот одна муха села министру на плешь, а он, должно быть, того дождался. Он подходит к министру и молотком дунул по мухе, и приговаривает:

— Что ты, невежа такая, сядишь на такое лицо?

Министрам взять нечего, потому что все подписавши, что мухи — его подданные: что хочет, то и делает. Они стали государю скандалить:

— Всё-таки, государь, его надо с синоду выжить.

Государь говорит:

— Как же его выжить, когда он столько лет живёт у нас и всё верно делает. И без спросу он не делает никогда ничего. А что мы ему даём, то он и подойдёт к нам хитростью, так мы все дураки, а он, пожалуй, умнее нас всех. *(Всё-таки государь за его стоит.)*

— Тогда, государь, если вы его отсюда не уволите, придётся заводить новый синод. Так через одного сколько надо людей променить.

Государь и говорит:

— Да его только взять и сказать ему, чтоб он в нашем царстве уже не жил, то он, я знаю, не пропадёт и в другом царстве, потому что голова его варит.

Ну, всё-таки государь ему и рассказывает:

— Ну, шут Балакирь, жалко мне тебя, но не так, как себя; придётся удалиться тебе с нашей земли.

Шут Балакирь ответил:

— Рад стараться, Петр Алексеевич, сейчас уезжаю!

Шут Балакирь и отправляется, со всеми прощается:

— Лихом не помните, а всё-таки чаще вспоминайте, что был шут Балакирь, работал хорошо, но вам не нравился. Силой никто не живёт. Я со своей головой и там не пропаду. Только дайте мне бумажку, что я за границу еду.

Ему дают бумажку в любое царство, — куда хочешь, туда и поезжай.

Шут Балакирь и отправляется. Приезжает в другое царство, покупает там себе землю, берёт бумажку, что вот «я купил земли, я на своей земле куда хочу, туда и еду».

Шут Балакирь купил лошадь, телегу, нагрузил корзину земли и отправляется в это царство, в котором раньше жил. Приезжает прямо к синоду. Смотрят, что шут Балакирь приехал. Они и спрашивают:

— Тебе сказано, чтоб ты на нашей земле не был!

Шут Балакирь сел на землю в корзине и отвечает, что:

— Я не на вашей земле — я на своей земле еду. Вот у меня и купчая есть.

Посмотрели: да, действительно, что у его купчая.

— Я где угодно теперь могу жить!

Петр Великий и рассказывает:

— Ну, вот видите, мы его согнали с земли, а он теперь на своей земле. Теперь я могу его к себе взять. Пусть у меня служит. Я в синод его водить не буду, — он у меня будет придворным.

Шут Балакирь и говорит:

— Петр Алексеевич, хотя бы мы съездили теперь на охоту. В синод я теперь не хожу, свобода есть. Охота было б поохотиться.

Они отправляются на охоту. Шут Балакирь поймал ворону живую, крылья срезал, что она далеко не улетит, и надумался Петра Алексеевича поддеть немножко. Государь берёт собак, а он ворону. Вот едет на охоту и рассуждает. Петр Алексеевич и спрашивает:

— Шут Балакирь, к чему ты эту ворону везёшь? Что она может поймать?

Он ему и говорит:

— Да моя ворона может больше поймать, чем ваши собаки!

Государь усмехнулся:

- А что же,—говорит,—она может поймать?
- А вот, что она поймаёт, Петр Алексеич, отдай мне?
- Да, отдам, не жалко, что твоя ворона поймаёт.
- Ну, так дайте мне бумажку.

Государь ему дал бумажку. Подъезжают вот к такому городу, как Петрозаводск, большой. Он ему ворону пускает. Ворона с кареты сбóчила на дом. Тут бегают ребята. Они кричат:

— Ловите, ребята, эту ворону, это царская, ворона!

Ну, вот ребята за этой вороной, а она с этого дома на другой прелетит. А он всё едет и кричит:

— Ловите, ловите царскую ворону!

И она весь город проскакала до конца. Шут Балакирь и говорит:

— Вот видите, Петр Алексеич, что моя ворона поймала?

Государь и говорит ему:

— Верно, шут Балакирь! Ну, не жалко этого города отдать тебе за твою мудрость. Ну, дак оставайся же в этом городе. Город твой. Будем ездить друг к другу. Если что случится, так и я к тебе подъеду.

Шут Балакирь и остался в этом городе проживать.

Вот шут Балакирь прожил несколько время в своём городе, приезжает в этот город в гости к Петру Алексеичу. Приехал он, и гостят они. Царица и рассказывает:

— Что ж ты один приехал? Почему ты своей жены не привёз сюда в гости?

Он и говорит:

— Знаете, государыни, я бы привёз свою жену к вам, да она очень глухая, так что ей надо кричать да кричать.

Государыня рассказывает:

— Так если глухая, так что ж такое? Я покрепче буду кричать.

— Ну, я в следующий раз привезу ее, дня через два.

Шут Балакирь приезжает домой и говорит жене своей:

— Знаешь ты что? Царица хочет, чтоб ты приехала к ней в гости со мной. Да она очень глухая, царица, ей надо кричать да кричать.

Тая отвечает:

— Дак что ж,—я покрепчѣй покричу.

— Ну, так поедом.

Шут Балакирь приезжает со своей женой и ведёт ее к царице и говорит:

— Вот, государыня, и жена моя! Так вы покалякайте с ней, а я пойду к государю.

Они стали калякать.

Царица громко кричит ей:

— Что ж ты раньше не приезжала?

А тая еще крепчѣй кричит, чтоб царица слухала. Даже по всем комнатам пошел гул. Петр Великий спрашивает:

— Что это, шут Балакирь, там крик такой?

А он отвечает ему:

— Это, наверно, Петр Алексеич, наши старухи разговаривают так.

— Да что они—тихо не могут говорить?

— А не знаю, Петр Алексеич.

— Так вот, сходи узнай, чего они там кричат.

И вот они пошли оба к своим старухам. Приходят, Петр Алексеич спрашивает:

— Чего вы так кричите?

Царица рассказывает:

— Так поневоле надо говорить громко: шут Балакирь рассказывал, что у его жонка глухая.

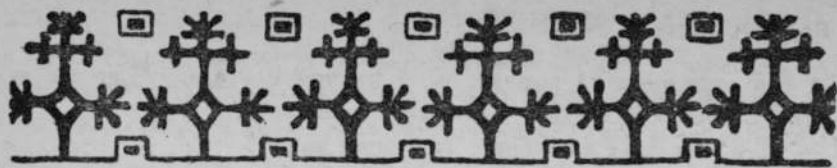
А шута Балакиря жонка отвечает:

— А мне сказал, что государыня глухая.

Они все засмеялись и стали тихо говорить...

Ну, и вот, сказка кончается, время к полночи подвигается, рассказчик спать захотел...

30. ДВА МУЖИКА

одной деревне жил один мужик. Он помирает и двум своим сынам наказывает:

— Вот, сыны, у меня смерть приходит. Мы живём хорошо сейчас. Над нами люди все любят, что вот такой-то мужик как живёт. И вы, смотрите,

так живите, чтобы к каждому приходили люди, просили, а если ты будешь жить самолюбом, так никто к тебе не придёт и шапки не снимет.

И вот они остались. Начали проживать. У меньшого брата жена была вроде дурная, а у старшого хитрая (умная). Они и говорят:

— Давайте, братья, делиться.

Старшой брат забирает:

— Как я старшой, так я могу больше взять.

А младший рассказывает:

— Отец нам сказал наравне делать.

— А ты же там не стоял, как отец помирал, а Матрёна стояла и слыхала, то когда отец помирал, сказал: «Старшому брату больше».

Значится, большій брат забирает три лошади, три коровы. Меньшому брату остаётся одна корова и две лошади. Ему стало обидновато. Он и говорит:

— Пойдём-ка мы до барина, пусть нам барин рассудит. Если придётся мне это, так я и это получу.

Они пошли до барина. И говорит старшой барину:

— Когда отец при старости был, то он пополам разделил: младшему сыну, что и старшему. Ну, когда же он совсем кончился, Фёдора (младшего брата) не было здесь, а Матрёна была дома, да будто он сказал Матрёне, что ты забираешь две части себе, а Фёдору третья часть остаётся.

Барин выслушал их разговор.

— Значится, Фёдору меньшая часть? — братьёв спрашивает. — А кто же это слышал, что он по смерти Матрёне третью часть отдал? Ну, так все вы идите домой, и я вам дам загадку такую, кто эту загадку разгадает, тот третью часть получит.

Они говорят:

— Какая загадка барин?

Он загадки и говорит:

— Кто милее есть на свете? Кто на свете жирнее есть? И кто есть на свете быстрее? И что мягче́й есть на свете?

Они и пошли.

Старшой брат и думает, что «милей мне жонки нету; я три года кабана кормил, так жирней его нету; и быстрее суки моей нету; мне сделала жонка пуховую подушку, так мягче́й нету спать».

А у младшего была дочка семи лет: Она и говорит:

— Что ты, отец, думаешь?

— Да вот барин сказал, кто узнает, кто на свете есть милей, и кто жирней, и что быстрее, и что мягче́й — тому третья часть останется.

Дочка усмехнулась, семилетняя:

— Да, пожалуй, часть будет наша: у дяди нашего трое ребят, а у нас семеро. Иди ж ты к помещику и скажи ему, что милее нету сна: как заснёшь, всё забываешь; а жирней земли нету; а быстрее рёзума нету (*я сижу здесь, а думаю — буду в Ленинграде, быстро так летит*); а мягче́й руки своей нету: хотя спишь на пуховой подушке, а всё-таки руку подкладёшь под щеку.

Он выслушал своей дочки и запомнил это, то, что сказала.

И приходят они к барину, загадки свои приносят.

— Ну-ка, Иван, скажи загадку мне!

Иван и рассказывает:

— Вот, барин, милее нету моей жены.

Барин отвечает:

— Молодец, Ваня! А жирней что? — барин спрашивает.

— Да я три года кабана кормлю, дак думаю, жирней его нету.

— Тоже ничего, — барин рассказывает. (*А барин загадку дал, а отгадки не знал.*)

— Ну, а что есть быстрее?

— А быстрее, — говорит, — как у меня сука есть, да три года живёт уже, так быстрее её нету.

— Быстрее зайца?

— Да, барин, быстрее зайца, Она и зайцов ловит.

— Тоже ничего, Иван. Ну, а что мягче́й есть?

— Ох, барин! У меня есть пуховая подушка от гусей, что ляжешь, даже ухо закрывает (*не слышит ничего*).

Барин рассказывает:

— Верно твоя будет третья часть. Ну-ка, Федя, расскажи ты, что придумал!

Фёдор с глупости и говорит:

— Барин, милее нету сна: во сне и горя нету,—как заснёшь, всё забываешь.

Барин призадумался:

— Ого, правильно рассказывает! Это лучше Ивана. А что жирней, Федя?

— Жирней, барин, земли нету.

Барин видит, что Федя лучше высказывает.

— А что же быстрее?

— А быстрее, барин, мыслей нету. Вот я сижу здесь и думаю об доме—моя там мысли есть уже. Воробей летает и мыслей своих не забывает, так и человек: сегодня там, а завтра в другом месте. Так человек своими мыслями везде побывает, а сам на месте сидит. Вот за то они быстры, мысли.

Барин видит, загадка хорошая, лучше Ивановой.

— А что ж мягче́й всего есть на свете?

— Ой,—говорит,—барин! Ты лежишь на пуховых подушках—мягко, а всё-таки свой кулак под ще́ку подкладываешь. И подушки нету—всё одно, кулак под ще́ку подкладываешь. Кулак и мягче́й всего.

Барин подумал, что это загадка хорошая, да и правильная.

— Ну, Федя, загадка твоя хорошая! Ты что, сам эту загадку разыграл, али тебе сказали?

Он и говорит:

— Нет, барин, не сам я.

— А кто?

— Это у меня семи лет дочка рассказывала.

Барин и задумался и разделил, что Фёдор получает третью часть.

— И ступайте по домам. Ты, Иван, иди, а Фёдор останься.

Фёдор и остался. Барин и думает:

— Какую ей загадку дать? А вот, может она отгадать? Раз она такая умная, пусть она мне выведет из варёных яиц цыплят.

Федя заскучал. Несёт эти яйца домой, чтоб цыплята были. Приносит домой и рассказывает семилетней своей дочке:

— Барин послал десяток яиц варёных, чтоб ты вывела цыплят.

Дочка усмехнулась:

— Ну, что ты, верно, сказал, что я сказала отгадки? Ты б сказал, что я сам знаю. Ну, это отец не беда. Так давай же яйца мы эти съедим!

— Так как же будем есть? Надо цыплят вывести.

— Так как выведешь? Надо раньше съесть, а потом цыпляты будут. Садятся за стол, а семилетняя бьёт яйца и даёт:

— Ешьте, это нам барин подарок прислал.

Яйца съели. Она берёт ишени и вяжет в узелок.

— На, тащи барину и скажи ему: «Вот, барин, послала дочка вам крупу, чтоб ты сегодня пиву сделал, раскопал, чтобы к завтрашнему числу и посеял эту крупу. Через два дня будут цыпляты готовы, чтоб было чем кормить. И потом это просо сожги, обмолоти и на мельницу снеси, раздели его и пришли мне крупой, и я тебе через трое суток цыплят приведу».

Мужик барину принёс. Барин выслушал и задумался: «Я загадку дал, а она мне ещё мудрей дала». Барин и говорит ему:

— Ты иди своей дочке скажи, чтоб она завтрашний день ко мне сюда явилась ни пешком, ни на лошади, и чтоб она была здесь.

Мужик и приходит и говорит своей дочке:

— Вот, дочка, хорошо вышло у нас—часть получаем, да вот ты в беду попала.

— Какую?

— Да барин дал загадку, чтоб ты ни шла, ни ехала и к барину явилась.

Она усмехнулась.

— А завтра будем, отец, там. Иди-ка ты попроси козла. Я и явлюсь к барину.

Отец привёл козла. Она берёт козла, скидывает с себя рубашку, одевает рыбачью сетку на себя, чтоб собаки ее не съели, садится на козла и является к барину. Барин видит, что она ни идёт, ни едет (*она не то сидит, не то идёт, козёл низкий*).

У барина были ученые собаки. Он посылает этих собак, чтоб ее разорвали (*а то выходит, она хитрей барина*), чтоб не допускать до крыльца ее. Собаки выскакивают, за сетку захватывают, а она всё приближается к крыльцу. Она уже на крыльцо влезит. А собаки сетку рвут. И барин выходит.

— Ты пришла?

— Нет, барин, я не пришла.

— А ты что, приехала?

— Нет, я не ехала, а ваши приказания должна исполнить.

— Да ты как явилась?—барин спрашивает.

— А ты же видишь, как я явилась: ни голая—ни одета, ни шла—ни ехала. Ну, теперь что, барин, мне дашь еще?

Барин и задумался: «Что дать?»

— Не думай, барин, много. Ты собак пустил, чтоб меня разор-

вали, а собаки не взяли, так вот, верно, и барин не возьмёт. Дак теперь отпусти меня, барин, домой.

Барин не знает теперь, как ее отпустить: «Надо придумать».

— Лучше ты иди домой.

— Нет, барин, домой ходят только коровы, а умные люди домой не ходят. Так вот ты, барин, всё-таки отпусти меня.

— Да я тебя посылаю домой.

— А зачем ты меня звал, чтоб я ни шла, ни ехала, к тебе явилась? И ты так должен послать меня домой.

Барин опять задумался.

— Ну, я тебе дам на рубашку, на юбку денег, ты иди купи и иди домой.

— Нет, барин, это не то. Хорошо ты рассказываешь да песни поёшь. Я младенец, а ты барин, все тебе повинуются, а мне отроду семь лет, а тебе, может быть, пятьдесят лет. Судил людей, а сам не разбирался. Вот рассуди и меня: куда мой путь лежит?

Барин опять задумался.

— Да что ты хочешь от меня? Отвяжись только!

— А вот одень, обуи меня, дай пару лошадей мне, экипаж самый хороший, тогда и отступлюсь от тебя!

Барину жалко стало опять это отдать.

— Я пошлю тебе собак — сейчас тебя разорвут!

— Собаки, барин, не разорвут меня, а гляди, чтоб ты сам не разорвался (*она уже смело поступает*). Через полгода, барин, разорвешься, и пошлю твоего не будет, что ты жил барином и людей судил и богатство разделял. А, может, и твоё разделят.

Он крикнул лакею:

— Запрягайте ей пару лошадей! Иди, одевайся в одежду! У меня тоже такая девчонка есть, подойдёт вам (*уже вам, видишь ли ты!*).

И она оделась, на лошадей села, поехала домой и говорит отцу:

— Вот как, отец, надо работать, а не так, как вы работаете! Говорят, что наша мать глупая и отец слабый, а с глупых и слабых, может быть, люди и умные рождаются. Брат хотел забрать, и ты бы отдал; и барин присудил бы ему наследство; а я, семилетняя, сказала тебе, что иди скажи так, как ты сказал. Он тоже загадку нам дал, мы с загадкой рассчитались. Я сетку одела, к барину пришла, у барина одела одежду и пару лошадей привела. И вот теперь нам можно жить. А барин пусть раздумывается, как он отдал нам.

31. КНЯГИНЯ.

(Грѣшныи и Ворѣшныи)

В некотором царстве, в некотором государстве, была княгиня молодая, красивая. Вот она к себе никого не допускала, кроме горничной и портного.

Портной был парень не промах и думает: «Княгиня хороша, да не совсем». Он купил букет хороших цветов. Надушил его сонными каплями и ароматными и приносит ей подарок. Когда подарок принёс, и говорит ей:

— Сударыня, я вам принёс подарок за то, что вы даёте мне много зарабатывать, так что я могу от вас кормиться. Вот понюхайте.

Она стала нюхать. Запах очень приятный. Она говорит:

— Вот цветок, так цветок! Спасибо тебе, портняжка.

Когда она заснула, у нее была квасница с квасом; он квас выпил, квасницу закрыл, а сам пошел. Она проснулась — и портного нет, и сама не узнала, кто квас пил.

Ну, от квасу княгиня забеременела. Она чувствует сама по себе, что ей надо скоро родить. Она и говорит горничной:

— Знаешь ли что, дорогая моя, пособи горю моему.

— Что такое?

— Да вот, я не знаю, что такое со мной случилось, что мне придется скоро родить, так неохота, чтоб люди знали, а чтобы скрыть этот грех, чтобы никто не знал.

Горничная и говорит:

— Так как же скроешь это дело? Шило в мешке не утаишь. Так вот я советую тебе: вели запрягать пару лошадей с каретой, и мы поедем. Где ты освободишься, то мы там ребенка бросим, то тогда и знать никто не будет.

Так они и сделали. Ехали они день, на второй день едут. Въезжают они в огромный лес. Она тут и начала рожать и родила парня. Жалко ей бросить и совестно назад везти. Она пишет записку и кладёт к ему на грудь в пелёнки, и кладёт сто рублей денег: «Если кто живого найдёт, то прошу, чтоб годовал, а мёртвого найдёт — за эти деньги похороните его, и он не крещён», и кладёт его под дуб. Сами отправляются назад. Она села. Со слезами поехала в свой город. Ну, вот, она и теперь там живёт. Про это ничего не знает.

Мы теперь возьмёмся за младенца. Когда он под этим дубом лежал, сюда двенадцать человек разбойников подъезжали, и от этого дуба они каждому маршрут писали: «ты поезжай туда, ты — туда» — в разные стороны. Когда они ехали туда, то под дубом ничего не было, когда они приехали назад, то здесь оказался младенец. Один слез с коня, развернул пелёнки. Смотрит — записка и сто рублей денег. Ну, как он некрещённый, они обратным путём кладут назад эти деньги и записку и отправляются в свою землянку. Приезжают они домой и говорят атаману своему:

— Вот, атаман, какое чудо мы видали.

— А какое?

— Под нашим дубом лежит младенец, сто рублей денег у его и записка, и написано, что живого кто достанет — берите годовал, а мёртвого — на эти деньги похороните.

Атаман говорит:

— Чего же вы его не взяли с собой? Это же будет природный вояка у нас.

Садится один вёрхом на лошадь, что пуля полетел. Привозит этого младенца живого, и они развернули его. Нагрели воды, помыли, подкормили. Атаман рассказывает:

— Теперь надо ему дать имя; хоть он некрещённый, а имя должно у его какое-нибудь быть.

Они и думают: «Какое же ему дать имя?» Атаман говорит:

— А дать ему имя такое: как он под дубом лежал, так назовём его — Грónин (*громкое имя*).

Эти уезжают, а парнишка остаётся с атаманом. То атаман его поит, кормит, то этот парнишка стал что день, то прибывать. Месяца через три стал ходить уже. Все как придут, не бросаются скорей ужинать, а хватают парнишку, чтоб поддержать его на руках (*любил его здорово*).

Проходит год. Парнишка уже настояще бегаёт.

Ну, а портной этот похвалился сапожнику, что вот так и так: «Когда княгине я купил цветов и надушил сонными каплями и духами

и дал понюхать, она заснула — и квасу у ей выпил. Так и ты не прозевай горничной» (*а горничная никого к себе не пускала, кроме сапожника*).

Так и сапожник сделал, как и портной. То и эта забеременела. Ну, вот когда приходится ей через год родить уже, то горничная рассказывает княгине:

— Я вас выручила, так выручьте и меня.

Княгиня велела обратным путём запретить лошадей, и поехали той дорогой, которой раньше ехали. Доезжают до того места. Тут и горничная освободилась — и родила парнишку. Таким же самым способом пишут записку и кладут пятьдесят рублей денег, и сами вернулись назад.

Там разбойники подъезжают к дубу, а под дубом лежит младенец. Они соскочили с лошадей, развернули, записку прочитали и деньги просчитали — пятьдесят рублей. Заворачивают его в пелёнки и подают на лошадь (*уже не поезжали спрашивать атамана*). И вот привозят этого парнишку и рассказывают:

— Вот, атаман, мы ещё счастье нашли под тем самым дубом и пятьдесят рублей денег, и он некрещённый.

Атаман говорит:

— Дадим имя сами.

Ну, помыли его, накормили, и атаман говорит:

— Выбирайте, какое имя дадим.

Один думал такое, другой такое, а третий такое. Атаман и говорит:

— Дай-ка я выберу имя!

— Ну, выбирайте, — говорят.

— Так вот, это у нас Гронин, а это будет Воронин.

Ну, эти ребята росли. Гронин уже бегаёт, а этой ещё в пелёнках. Через год и Воронин заходил. Тут уже атаману весело стало с двумя парнишками этими. Так самое и разбойники, придут — тешутся над ребятами, что они ребята хорошие. Один подержит, другой подержит.

Ну, вот года три они прожили, то ребята уже стали в рёхи играть, мячик подшибать, то всё это им было потешно. Атаман их стал уже грамоте учить. Они уже научились грамоте немного. Прошло, может быть, лет пять. Ребята стали чуть не мужики. Атаман у их заболел. Он был старый. Он и говорит им:

— Вы, товарищи, — я чувствую, что я скоро помру, — из своей среды выберите атамана себе.

Они пошли и думают: «Ну, кого тут выбрать атамана? Мне не хочется атаманом быть, и второму не хочется, и третьему».

Один говорит:

— А знаете, товарищи, давайте выберем Гронина атаманом, а Воронина помощником его.

И другой крикнул, третий крикнул:

— Можно выбрать, если позволит только атаман.

Приходят они к атаману и говорят:

— Атаман, мы пришли к тебе. Мы выбрали себе атамана и помощника к ему выбрали, если вы позволите.

— Кого?

— Гронина атаманом, а Воронина — помощником у его будет.

Атаман и отвечает им:

— Ну, может быть он атаманом.

Записали, что такой-то Гронин стал атаманом (*видишь ли, мальчишка стал атаманом!*).

Они напечатали бумажки по деревням, по городам, по помещикам, и на столбах наклеили, что теперь у шайки новый атаман, старый помер.

Заступил Гронин атаманом, а Воронин — помощник его.

Стишки каждый читает, но никто не видал ни Гронина, ни Воронина. Гронин и распоряжается как амаман:

— Ты поезжай туда, ты сюда, а ты туда.

У их стало очень хорошо, так эта Гронин распоряжается лучше старого атамана. Гронин и рассказывает своим:

— Вы там будете у помещика, так зайдите к ему, пусть он пару коней нам даст и с сёдлами, и скажите, что это Гронину и Воронину, и чтоб хорошую лошадь послал. (*Вот спецы!*) А если будет спорить, что не дам лошадей, так вы скажите, что завтра Гронин и Воронин придут пешком за лошадьми, то тогда они тебе тебе брюшину вытряхнут.

Разбойники поехали и заехали к помещику и сказали ему, что сказал Гронин, ихний атаман. Помещик сказал:

— Я лошадей не дам.

— Но, не даси, так не обиждайся!

Потребовали они у помещика триста рублей. Помещик им дал, а сам созвал двадцать пять человек солдат, чтоб захватить Гронина и Воронина, и дожидал (*были солдаты спрятаны*). Они являются, Гронин и Воронин, прямо садят к помещику в комнаты. Явились и говорят ему:

— Тебе вчера рассказывали, чтоб ты дал пару лошадей?

— Рассказывали.

— Так ты почему не послал?

— А я хотел вас увидеть, что вы такие за храбрые атаманы

Гронин и Воронин:

— А такие храбрецы: на одну ногу станем, за другую возьмёмся — и разорвём тебя, и бросим на две половины.

Помещик немножко испугался и говорит:

— Вы так грозно не говорите. Я лучше вас угощу.

А Гронин говорит:

— А ты что, думаешь — мы голодные? Мы, кажется, не голодные. Мы делаем так: бедных не обижаем, а с вас, толстобрюхих, так мы последние рубашки берём; у вас не трудом и нажито, то вы делаете над мужиком, что вам захочется, так и командуете; а с нами немного ты пошникаешь, мы скоро распорядимся с вами.

Да, барин подаёт весть уже солдатам. Являются солдаты. Гронин и говорит:

— Ага, вот как! За то ты и смел? Ничего, испугаешься! (*Он не робеет, что солдаты.*) Ну, что же, солдатики, вас такой чорт послал, как и этот чорт. И они друг друга держат и помочь дают, а простой мужик всё отвечает. Ну, так что же, будете за помещика стоять аль за нас? Если за помещика будете стоять — так выходите, а за нас будете стоять — так стойте.

Там ихний старшой и крикнул:

— Возьмите их!

Гронин и кинулся к этому старшому, схватил его за голову и выбросил его за окошко.

— Там, — говорит, — кричи.

Да и говорит солдатам:

— Ну, что, за кого идёте?

Один и крикнул:

— А ни за кого!

Ну, Гронин:

— Раз ни за кого, так стойте по местам!.. А ты что, даёшь пару коней нам? — к помещику.

— Даю.

— И сёдла даёшь?

— Даю.

— Тысячу рублей даси?

— Дам.

— Ну, вот, смотри, чтоб ты мужиков не обиждал, а если будешь мужиков обижать, мы тебе покажем, почём сотня грёбешков! Мы к тебе в гости часто будем приезжать.

Ихние шайки и пошли бушевать, даже по городам пошли грабежи под ихнюю фирму. Они несколько лет пожили. Накопили

большое богатство себе, то Гронин и Воронин всё согласны были. Гронин рассказывает Воронину:

— Знаешь, Воронин, что? Теперь нас все боятся, то пусть наши этим живут. Можно сказать, они как отцы наши. Они нас вырастили, грамоте выучили, на путь наставили, то нам их много обидать нельзя, а возьмём немного денег себе, да и удерём отсюда. А они пусть под нашу фирму живут, а мы попробуем пожить другим ремеслом.

Так они и сделали. Оседлали своих лошадей, и уехали. Приезжают они в этот город, где родились *(они не знают, где они родились)*. Пускают они своих лошадей: куда хотите, туда идите. А сами пошли по городу. Когда они идут по городу, видят — идёт один господин, и два идут, тоже в одежде, так ничего себе. Ну, это издали было видать, что этот господин стал раздеваться и отдавать этим двум одежду. Отдал и пошел. А те пошли вперёд и повстречались с мадами и говорят:

— Давайте деньги.

И эти отдают деньги свои и отдают верхнюю одежду и отправились. А Гронин и Воронин встречается с этими двумя. Они и говорят:

— Давайте деньги нам!

Гронин спрашивает:

— За что вам деньги дать?

— А что, вы не знаете Гронина и Воронина? *(Они под изнюю фирму так.)*

— Нет, — говорят, — не знаем Гронина и Воронина. Так вы давно действуете этим способом?

— Да, — говорят, — давно уже.

— А долго будете ещё действовать?

А те, которые отдали вещи, смотрят на их, что этим будут делать.

— Мы денег не дадим вам.

— Ну, не даёшь, так сам увидишь! Гронин и Воронин скоро расправятся. *(Они уже застрелку дают.)*

Гронин отвечает:

— А, так вы под нашу фирму играете?!

Одного схватил Гронин, а другого Воронин, и кричат тем:

— Идите забирайте свои вещи!

Они пришли.

— Что вы отдали им?

Вот тот рассказывает:

— Я отдал вот столько-то денег, и вот моё пальто.

— А вы что отдали, мадамы?

— Да вот тоё, тоё отдали.

— Ну, забирайте своё!

Они забрали. Подымает Гронин одного, а Воронин другого.

Гронин и сказал:

— Теперь фирма Гронина и Воронина существовать не будет. И бросили их об землю, и они разбились. Воронин «Воронина» рубил, Гронин «Гронина» рубил.

— Ну, теперь будем делить ихнее добро на пять частей. А им собакам, — собачья и смерть.

То мадамы рассказывают:

— Нам не надо ихнего богатства, а спасибо вам, что вы мой город оставили, убили Гронина и Воронина. Теперь мы поживём, а то в нашем городе брали живого и мёртвого. Так теперь пойдёмте ко мне во дворец, что вы спасли мой город.

Когда она привела их в свой дворец, а тех велели закопать в яму. Она стала их держать несколько время у себя. Стала их возить по садам, по театрам, этих молодцов. Документов у их не было, ну, как гости у княгини и такие богатыри, что Гронина и Воронина могли уничтожить, то никто до их не добирался. Княгине понравился Гронин, а горничной понравился Воронин, и они стали даже под-ручку ходить. Уже княгиня соглашается даже замуж за его выйти, а горничная за Воронина.

Гронин и говорит:

— Вот, сударыня, вы не очень старая *(ей лет тридцать, да оденется хорошо, так она красивее еще)*, и вы мне предлагаете, чтобы я с вами принял законный брак. Неужели вы себе раньше не могли подобрать такого мужика, как и я?

Она говорит:

— Нет, не могла подобрать.

— Так, всё-таки, какая причина да есть?

— Да вот причина, — и признаюсь тебе как перед богом: лет тому десять назад мне устроили такую штуку, что я сама не могу теперь разобрать.

И вот она рассказала, как ей цветы подарили, она понюхала, заснула и стала беременна.

— И вот совестно мне было показать, что я беременна, то мы с горничной запрягли лошадей, и вот в таком-то месте я родила, и под дуб подклала, и записку написала, и сто рублей подклала. Не знаю, мёртвый он али живой?

Он это всё выслушал.

— А горничная почему в таких годах только вышла замуж?

Вот она отвечает:

— Горничная тоже так сделала, и под одного дуба подклали.

Он и говорит:

— Да они живы оба! Это ж и есть Гронин и Воронин, а ты есть моя мать!

Тогда мать упала перед ним на коленки и стала просить у его прощенья. Ну, дошло до Воронина, и тот от женитьбы отказался.

Они обратным путём также проживают здесь. Ну все-таки языки были длинные у матерей. Они стали выхваляться, что Гронин и Воронин вроде как не убиты. И дошло до того, что узнали, что Гронин и Воронин эти и есть, то и подобрались к им и захватили их в тюрьму, и осудили их под расстрел. Ну, как Гронина мать богата да княгиня была, то на место Гронина был расстрелян стáтуй, при публичке поставленный в мешку, а Гронина выпустили. И Гронин с этого города удрал, а Воронина расстреляли.

Тогда Гронин перебрался в другое царство и поступил на корабль капитаном. Он проездил несколько годов капитаном. А ихняя шайка справили себе пароход и ездили по морю, разбивали корабли, пароходы (по водяной части пошли, а сухопутную бросили, как услышали, что Гронин и Воронин убиты).

И вот шайка насакивает на его корабль и стали богатства забирать с его корабля. И признали Гронина, что он капитаном сейчас. Они подходят к ему и говорят:

— Ты есть Гронин?

— Да, Гронин.

— Ну, так что ж, согласен быть у нас атаманом?

Он видит, что попался в руки их, то отвечает:

— Могу быть.

— А где ж помощник твой Воронин?

— Расстрелянный.

— Ну, так ступай на наш пароход, а тут назначай капитана, мы его грабить много не будем.

Они Гронина отправили на пароход, а сами назначили помощника капитана капитаном. Там сколько у них было денег — собрали, публички не обиждали, а сами отправились на свой пароход. Гронин остался у их атамана, он и сейчас разъезжает...

32. БАРИН-ДРАЧУН

В одной деревне (деревушка была большая) жил помещик. И он мужиков драл розгами и бил по уху их. Но ему было мало этого, и он надумался:

— Погодите, еще вас побью!

Сделал трактир большой, такой дом в деревне и объявил, что «я даю вина бесплатно, кто ко мне только ни зайдет».

Кто не идёт, всё читает:

— Хороший барин! Видишь, каждому можно зайти сюда да и выпить.

Кто грамотный, кто неграмотный — все заходят сюда. Барину стоила сотка — одна копейка, а мужикам стоило выпивать семь копеек.

— На что же нам семь копеек тратить? Лучше выпьем тут так, дарма.

Заходят мужики-дураки в трактир.

Барин спрашивает:

— Что, зашли выпить?

— Да, выпать.

Вот подаёт каждому по сотке и спрашивает у их:

— Ну, что, хорошо?

— Хорошо, барин.

— А!!! Бесплатно хорошо!

И вот барин начинает плёткой их драть. Теи уже не рады семи копеек. Только пусть барин.

Там поодиночке стали ходить выпивать. Приходят.

— Что, зашли в трактир выпивать?

— Да, барин, не мешает выпить.

— Так у меня вино бесплатно, только загадка большая.

— Какая?

— А вот какая загадка — как выпьешь, сам узнаешь.

— Ну, давай! (А у барина уже плетъ наготовлена давно.)

Барин подаёт по сотке вина. Они выпивают.

— Ну, какое вино?

— Хорошее, барин.

— А!!! Хорошо бесплатное! — Ну плетью драть. — Дармового не пей и людям скажи: «Дармового выпивал вина, да на плечах плётку имел».

Ну, кто пил да сказывал, что горькое, и того бил, что не пей горькое дармовое. Так что в этот трактир стали люди отклоняться, не стали ходить. Услыхал цыган эту историю.

— А дай-ка, я пойду к барину!

Цыган залезает в трактир.

— Здравствуй, барин!

— Здравствуй, цыган! Что, зашел выпить?

— Да, барин, если милость есть, так дай.

Барин ему наливает сотку вина с-под крапа. Подаёт цыгану. Цыган выпивает.

— Ну, как, цыган, хорошо?

— О, барин, не разобрал!

Он наливает ему вторую.

— Разбери-ка, цыган.

Он вторую выпивает.

— Барин, дай-ка закусить!

— Дак у меня закуски нету, — барин отвечает.

— Ну, как ты, барин, так живёшь, что закуски не имеешь? Надо выпить — закусить.

— Я у тебя спрашиваю: без закуски хорошо вино али нет?

— Да вот бы закусил, разобрал бы, какое у вас вино.

— Ну, так на, выпей третью!

Он и третью выпивает.

— Ну, как, цыган, хорошо али нет?

Цыган отвечает:

— Ой, барин, без закуски не разберёшь.

— Так на, четвертую выпивай!

Цыган и четвертую выпивает. Барин его опять спрашивает:

— Ну, как?

— О, барин, это еще ноль. Наливай пятую.

Барин и пятую наливает.

— А что, барин, закуски нету? — спрашивает цыган опять.

— Нету, цыган. Ну, так что, хорошо моё вино?

— Не сказать — хорошее, не сказать — худое, а без закуски плохо пить. А дай-ка, барин, еще одну сотку, — шестую, тогда расскажу тебе правду всю.

Барин подаёт шестую ему. Он выпивает шестую.

— Барин, а закусить нету?

— Да я тебе сказал, что нету!

— Так придётся, барин, мне закусывать чем? Ножик взять да у барина кусок мяса отрезать, да закусить.

Барин:

— Да как же?

— Раз трактир держишь, надо закуску иметь!

Он ему наливает еще одну, седьмую.

Цыган седьмую выпивает.

— Давай же закуску, барин!

— Да нету.

Барину тут деться некуда уже.

— Ну, цыган, я сейчас тебе закуску дам.

Вынимает плётку, идёт к цыгану. А цыган:

— Ого! Барин, мы на погонялке век живём. Когда колья меняем — всё выпиваем. А твоя закуска-то ноль. Держи-ка сам эту закуску. У меня, барин, погонялка длиннее твоей плётки, и моя плётка сильнее твоей будет. Я похожу по тебе, да будет рубец на спине.

Барин не смеет ударить цыгана.

— Я, барин, за одним махом убил семьсот побийхом. А тебе убивать нечего.

Барин и думает: «Семьсот побийх убил одним взмахом».

Барин, и говорит:

— Ты, может, еще хочешь выпить?

— А давай!

Цыган выпивает еще. Выпил и сказывает:

— Ты, барин, хороший. Мужиков поил и плёткой бил. Ты, барин, сколько людей побил?

— Восемь.

— А чего же ты меня не побьёшь?

— Так ты не говоришь ни горько, ни сладко.

— Так тебе интересно — горько аль сладко? Так давай же по-мёрямся.

А барин говорит:

— Мёриться нам нечего.

— Ну, так смотри, мужиков не бей, а если будешь бить, дак мы налетим и тебя собьём.

Барин и отказался вина дарма́ давать, и сказал барин:

— Правда, люди сказывают, что цыгане — полевые дворяне, с их взять нечего.

33. КАБАНЬЕ МЯСО

одной деревне жила женщина (мать) с сыном. У их было небольшое богатство — кабан (*выкормили кабаня, может год кормили*).

Когда выкормили — убили они этого кабана, опалили его, принесли его в избѹ, покла́ли на лавку.

Сын и говорит:

— Теперь, мать, надо его разрезать. Которое сало получше — покладѣм на низ, то оно нам осенью сгодится, а которое среднее — мы покладѣм в летнее время, в сенокос будем есть, а которое наверху лежит — будем есть весной (*до зимы сала не хватит*).

Он определил это сало, и сам пошел на заработок. Мать одна осталась.

Раз приходит к ей мужик. И красный пояс был, и синий пояс, и черный пояс у мужика. Она смотрит на его и спрашивает у того мужика:

— Ты, верно, весна?

— Да, весна.

— Ты лето?

— Да, я лето.

— Ты осень?

— Да, я и осень.

— Так вот, мой сын убил кабана и определил весне и лету и осени.

Мужик видит, что баба дура, говорит:

— Давай сюда!

Она отдаёт ему и говорит:

— Вот это сверху — весне, а там в середине — лету, на дне осени.

Мужик говорит ей:

— Давай мешок мне, я всё укладу в мешок и понесу.

Мужик стал укладывать. Вот он уложил, которое на весну, и подаёт ей кусок сала.

— Ты это, бабка, ешь — тебе весна дала, а я буду укладывать летнее.

И он начал укладывать летнее сало. Он забрал несколько рядов, а она кричит:

— Это скоро осеннее пойдёт сало!

— Ну, так вот тебе кусок сала и лето даёт, а теперь буду собирать сало осени.

Стал собирать сало осени и добрался до дна. Остаётся один кусок там.

Он и говорит:

— Вот тебе и осень бросила кусок сала. Ешь, бабка, на здоровье, я пойду.

Мужик отправился с салом, а бабка стала доедать, которое оставила весна, лето и осень.

Приходит сын домой, мать ему и хвалится:

— Я, сынок, отдала сало весне, лету и осени. Так, спасибо, он мне по куску оставил.

Сын кинулся к кадке: в кадке пусто. Действительно, мать отдала всё сало. И он говорит своей матери:

— Эх, дура ты, мать! Весной стали бы с тобой есть похуже сало, а которое среднее — пришлось есть нам в сенокос и покормиться хорошим салом, а получше сало я оставил к осени. Теперь же, мать, я тебя оставляю дома, и пойду я искать таких дураков, как ты. Если я найду таких дураков, как ты, то я вернусь к тебе, но если не найду таких дураков, как ты, то я больше не приду к тебе. Прощай, мамаша!

И пошёл с избы — чуть не заплакал.

Шёл он дорогой. Приходит он в первую деревню, уже чужую, видит — в этой деревне мужик бегаёт кругом избы с решетом. Он подходит к этому мужику и спрашивает его:

— Чего ты бегаешь с решетом кругом избы?

Мужик отвечает:

— Сделал я избѹ и ловлю солнце — внести в избѹ, чтобы оно светило мне постоянно.

Парень и подумал: «Да, есть дураков, не хуже моей матки».

— Тебе решетом солнце не поймать.

— Как не поймать? Как наставлю решето, то солнце в решете есть, а как залезу в избѹ — его нету.

— Что ты мне да сѣ, я солнце спущу тебе в избѹ, и будет светить

каждый день; не то солнце, но даже месячко будет светить тебе в избѹ.

— Ну, я дам тебе рублей пятнадцать. Впусти мне солнце в мою избѹ.

Парень берёт топор и прорубливает окошко, и солнце вошло и избѹ. И говорит:

— Вот солнце в избе!

А он говорит:

— Я не догадался бы так сделать. На тебе пятнадцать рублей, которые мы подрядились.

Он получает пятнадцать рублей и один руб на чай и пошёл с этой деревни. И говорит себе:

— Третью часть кабана уже поймал. Есть подурнее матери моей.

Пришёл он в другую деревню и видит — в этой деревне собравши толпа народу. Он подходит к этому народу. А они завязали быка за роги и хотят втягнуть быка на избѹ, чтоб бык там траву поел.

Он спрашивает:

— Что вы делаете?

— А вот что мы делаем: там на избе трава выросла, то мы тягнем туда быка — бык там траву эту съест.

Он и говорит:

— Пока вы втягнете быка за роги туда, то и бык задохнется. Что вы даёте мне, если я скормлю эту траву быку.

Хозяин ответил:

— Ну, я дам двадцать рублей тебе. Пусть бык траву поест эту.

Дали ему эти деньги. Он берёт косу, залазит на избѹ, скашивает эту траву и бросает быку. И бык начал ёсти. Эти мужики и говорят сами с собой:

— Ишь, какие мы дураки, не могли догадаться сделать так, как этот молодой человек придумал сделать: траву он скосил и быка накормил, и бык не мучился.

И сказали:

— Спасибо тебе, молодой человек, что ты показал нам, как можно траву использовать и скормить её, кому хочешь давать.

Молодой человек отправился с ихней деревни и говорит сам себе:

— Теперь немного осталось добавить до кабана. Дураков есть, и придётся вернуться к матери. Но всё-таки пройду дальше, может ещё дураков найду.

Вот он и пошёл. Идёт по имению, видит, что именно большое, и видит — среди двора ходит свинья с поросятами, десять штук поросят у этой свиньи кругом бегают.

— А дай-ка я попробую: нельзя мне выманить этой свиньи у барина.

Вот он подходит ближе к свинье, скидывает свою шапку, начал кланяться свинье. А свинья кругом ходит его и рожает: «Хрю, хрю».

Увидела барыня в окошке и говорит горничной:

— Сходи-ка да спроси у этого мужика, что он кланяется нашей свинье.

Горничная пришла и спрашивает у этого молодого парня:

— Ты что кланяешься нашей свинье?

А он ей говорит:

— Сударыня, — говорит, — ваша свинья моей матери родная сестра, а моя мать завдовела. Теперь она выходит замуж за второго, то она послала меня, чтоб я позвал на свадьбу ее.

Горничная побегла к барыне:

— Барыня, этот парень молодой кланяется своей тётке.

— Как тётке?

— Да наша свинья его матери родная сестра.

— Бежи, его скорей позови!

Он пошел к барыне. Приходит к барыне и барыне поклонился. Барыня спрашивает:

— Ты что кланяешься свинье моей?

И он отвечает:

— Барыня, эта свинья моей матери родная сестра; и она завдовела и выходит замуж, и послала меня, чтоб я попросил ее на свадьбу к матери моей.

Барыня спрашивает:

— А далеко вы живёте?

— Да порядочно, барыня, так что до полсотни вёрст будет.

— Так как же она пойдёт? Это далеко. Придётся дать лошадь тебе еще.

— Да, не мешало бы, барыня. Скорей бы она на свадьбу поспела.

— Так ты заберёшь, может быть, и братьёв с собой на свадьбу.

Пусть они на свадьбе погуляют.

— А если, барыня, отпустите, я возьму.

— Да как же не пустить, — раз сестра идёт, пусть и дети идут.

Она приказала дать поесть этому парню и дать корму ее свинье, а прочим сказала:

— Запрягайте лошадь в телегу и кладите ящик и засаживайте туда свинью с поросятами. Пусть скорей везёт на свадьбу.

Это всё сделали, и она спрашивает:

— Есть ли у тебя денег на дорогу, то придётся тебе тетку кормить и братьёв.

— Да совсем, барыня, почти нет.

— Так на тебе полсотни денег.

— Ну, спасибо, барыня!

Парень поживей со двора махнул и начал натискать на лошадь:

— Бежи, лошадка, поскорей, жалеть тебя нечего: не отец купил, не сын погоняет.

Приехал он в лес, свернул на лесную дорогу, так что знал — погоня будет за ним. Поставил лошадь, а сам вышел на почтовую дорогу и дожидается.

— До вечера посижу. Если погони не будет, я смело поеду.

Так он и сделал. Вышел на почтовую, сидит. Ну, дорога была прямая, так можно было узнать за четверть версты, как кто едет.

Он видит, что очень шибко быстряет. Он и подумал, что «это, наверно, меня догоняет».

Он поскорей скидывает свою шапку, кладёт на землю и ждёт.

Вдруг подъезжает барин и кричит ему:

— Ты не видал, здесь не проезжал мужик с ящиком, и свинья и ящичке и поросята?

— Проехал, — рассказывает.

— А давно?

— Порядочно.

— Догоню я его али нет?

— Наудачу, барин, ты догонишь, потому — вот проехать немного — будет три дороги, так тут уже надо со смекалкой попасть на ту дорогу, на которую он поехал.

— А ты можешь смекнуть? — барин спрашивает у его.

— Ну, конечно, могу.

— Так поезжай ты.

— Мне нельзя, барин, ехать.

— Почему?

— Да я вот поймал птицу такую, Жар-птицу. Сидит она у меня под шапкой. Пока солнце не закатится, то и нельзя взять: и она руки обожгёт и улетит. А как солнце закатится, тоё время она делается слепая — так, как курица не видит ночью, так и эта птица. Тогда можно смело брать ее.

Барин и говорит:

— Так поезжай, а я покараулю!

— Боюсь, барин, чтоб вы не прозевали.

— Нет, не прозеваю.

— В крайнем случае, днём не бери.

Садится на коня и поехал догонять того мужика. Проехал он

немного, заворачивает на тую дорогу, где стоит лошадь и свинья, ставит ее тут, лошадку, и сам себе подумал: «Да, пусть баба дура, а то есть и мужиков дураков. Вишь, барин дал еще лошадь в помощь свинье, а того не думает, что как ушей своих не будет видеть, так и лошадей и свиней своих. Ну, так пойду я туда, посмотрю, что будет барин делать».

Вот он пошел. Видит — барин сидит. Сидел, сидел, надоело ему, он стал прохаживаться. А молодой человек всё смотрит. Барин стал думать: «Что-то долго нету моего посланца. Давай-ка я посмотрю под шапкой, как он сказал, что птица сидит, как солнце зайдет — слепая».

Барин под шапку сунул рукой немного, чтобы схватить Жар-птицу, а там ничего не оказалось.

Барин взял шапку и держит и говорит:

— Да, конечно, это тот самый и есть мужичишка! Где же я теперь его догоню? Он теперь далеко, и не попасть мне до его.

Барин отправился домой. А парень видит, что барин пошел назад, пошел к своим лошадям, поворачивает лошадей и отправился поживей домой. И говорит:

— Теперь я вернул своё!

А барин приходит в имение. Барыня спрашивает у его:

— Ну, что, догнал ты мужика?

— Да, догнал, дорогая, — сказал барин барыне, — но только он как расплакался, сказал, как бедно живёт нашей свиньи сестра, то я взял да и свою лошадь отдал ему, на которой догонял, а сам, видишь, пришёл пешком.

— Вот и я сожалела и дала пятьдесят рублей ему.

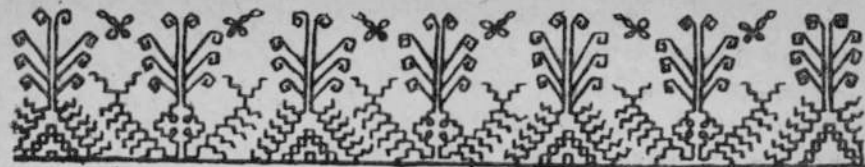
— Ну, и сказал я: пушай тебе всё остаётся.

Так барин и остался не при чём.

А парень приезжает домой, привозит это всё свое богатство и говорит своей матери:

— Ну, мать, придётся мне жить еще с тобой, потому что дураков есть еще на свете, и похуже тебя даже.

И начал проживать он у матери своей, стал сено косить. Сало можно было на что купить. Шол и я там, видал его. Хорошо стал жить.

34. ПОМЕЩИК И БЕДНЫЙ МУЖИК.

и л помещик. У этого помещика было три дочки. Старшая очень была грубая. Ну, вот приезжает помещик к помещику и сватает. Надо старшую отдать, а старшую не берут, потому что она хороша, хорошо одета, да характера нету. Эти уже вышли замуж, живут, а к ней никто не кидается. Она и живёт девушкой.

Один мужичок бедный, на лицо был ничего парень, фатовый, только в одном кармане вошь на аркане, а другая на цепу, а кошелек век не бывало. Он и говорит своему отцу:

— Знаешь, отец, что я надумал? Своего помещика взять дочку замуж. Пожалуй, он отдаст за меня, потому что никто не сватает ее.

— А пожалуй, ты пойдёшь туда, да это скажешь, что ты пришёл в сваты, так он тебе спину надерёт.

Он говорит:

— Э-э, отец! Спина не берестень — не будет болеть каждый день. Всё-таки попробую.

Да и пошел. Приходит:

— Здрасте, барин!

— Здравствуй, беднячок! (Барин знал, что он бедный.) Чего ж ты пришёл?

— Да, барин, я пришёл с хорошей вестью: взять вашу дочку за себя замуж.

Барин отвечает:

— Бери, если сумеешь с ней жить. (Вот какая!)

— Сумею, барин, это дело там не ваше.

А ей охота и самой замуж выйти, да никто не сватает. Барин вызывает дочку и спрашивает у ее:

— Пришёл в сваты к тебе.

А она только ответила:

— Ну, дак что? Можно идти.

Повернулась и пошла. Он и говорит:

— Видишь, какая она: два слова сказала и ушла.

Он и говорит:

— Ничего, барин, наладится.

— Ну, дак давай, делать свадьбу будем. Свадьба будет на мой счёт.

Сделали они свадьбу. Даёт тесть ей пару лошадей хороших, даёт три коровы, быка и отправляет к зятю.

Когда они приехали домой, молодых кладут спать, как раньше было по деревням. Он с ей лёг спать. Спит, ничего ни он не говорит, ни она. Вдруг петух запел. Петух запел, он и говорит:

— Перестань петь, а будешь кричать — и голова с плеч слетит.

Петух крикнул второй раз.

— Ну, если, — говорит, — крикнешь третий раз, то и голова с тебя прочь.

Петух крикнул третий раз. Он встаёт, берёт топор и отрубил ему голову. И сам идёт к ей и ложится спать.

Тут бык, который тесть ему дал, на сарае:

— Му-у-у-у...

Он и говорит:

— До трёх раз только ты мукаешь!

Бык второй раз мукнул, и в третий. Он берёт и быка убивает.

Ну, и живёт неделю. Ну, по-деревенски, — нужно на хлебны ехать (в деревне пожили, а к тестю надо ехать). Он и говорит:

— Поедем в гости.

Она молчит.

Он второй раз:

— Поедем в гости.

Он:

— Ну, до трёх раз я тебе говорю!

Он пошёл запрягать коня. Она уже стала одеваться. Тут нечего дожидаться, а то будет что петуху и быку. Сели и поехали. Едут дорогой, встречается стрёта. Жеребёк:

— И-и-и-и!

Он и говорит:

— Ещё встретишься, зареёшь — долго не проживёшь!

Попадается и вторая стрёта. И он отвечает:

— До третьего раза это ты.

Ну, тут третья стрёта. Жеребёк опять заржал. Он слезит

с санок, берёт обух, — убил жеребца. Он хомут снимает, кладёт в санки и говорит ей:

— Становися в оглобли!

И она не становится. Он ей опять:

— Что, встанешь аль нет? Третье разё не дожидай!

Она становится в оглобли и повезла санки. Ну, и он сразу посо-бляет немножко. Когда подъехали к двору, он сел в санки (сам уже) и:

— Вези к крыльцу!

Вот она и повезла его к крыльцу.

Вот и встречает гостей. Он вышел с санок и пошёл, и она след за ним. А тут своики, сестру смотрят, — тоже приехали гостить.

— Смотри-ка, Иван Петрович образовал невидимку!

Стали выпивать, закусывать, гоститься. Свойки и спрашивают:

— Ну, как, Иван Петрович, ты живёшь с ей?

— Ничего, — говорит, — лучше не надо, как я живу с ей.

Вот он и говорит:

— Вот ваши жоны говорюны, а у меня она помалкивает. Я что прикажу, то жена сделает, а ваши не сделают того.

Они говорят:

— А давай, по сто рублей побьёмся!

Ну, как у тех деньги есть, а у этого денег нету, то тесть сказал:

— Я закладу за тебя.

— Что вы прикажете своим жонам сделать? Послушают они или нет, а моя-то послушает.

— А вот, — говорит, — налейте им по стакану простой водки и подозвать, чтобы — пуцай выпьют.

Средний зовёт свою:

— Иди-ка, дорогая, сюда!

Она и приходит:

— Что такое? — говорит.

— Выпей этот стакан водки.

Она и говорит:

— Ну, будто я такую гадость пить буду! Хватит мне и хорошей. Завернулася и пошла.

— Ну-ка, свояк, зови свою! (Этот всё командует, мужик.)

И вторая приходит. И велит муж:

— Выпей стакан простой водки!

Тая тоже:

— Что ж и такую гадость буду пить? (Тоже не хочет.)

Вот он:

— Ну, теперь я свою позову, что вы сказываете «Невидимка». Иди-ка, Марья, сюда!

Марья и приходит. Он и говорит:

— Выпей этот стакан водки!

Тая простягáет руку и берёт стакан и выпивает.

— Ну, теперь поставь стакан на место!

Она поставила стакан на место.

— Теперь можешь идти.

Свойки и сказали, что «мы проиграли».

И они выкидáют ему двести рублей, и тесть сто рублей выкидает — он обещал:

— И я покладу, если проиграют.

Тесть и спрашивает у его:

— Ты, наверно, Иван Петрович, не раз ей жбанá давал, что умная такая стала?

Он и говорит:

— Нет, не бил, не учил, — она сама научилась.

И сказал, как он петуха убил, как он быка убил, как дорогой жеребца убил и как заставил ее санки везти. То тесть сказал, что «всё это не беда, это я всё тебе верну. Она хотя будет человеком, что ты сумел ей владеть».

Ну, вот, остался он жить-поживать, добро наживать, ребят копить и научил ее на поле ходить.

35. ПЛОТНИК И БАРИН.

Один плотник работал у барина. Его звали Иван. И вот работал он не очень чисто. Вдруг приходит к нему барин и говорит:

— Иван, ты совсем плохо работаешь.

— Как, барин, плохо?

— Да видишь, какие щёлки у тебя большие *(не плотно, знаешь)*.

Иван усмехнулся и говорит барину:

— Э-эй, барин! Придёт клин, так всё замажет.

Барину интересно:

— Какой клин? А скоро ли он придёт?

Иван ему и говорит:

— При вас, барин, не придёт клин.

— А мне бы охота повидать его, клина этого.

— Ну, посиди, барин, может быть, подойдёт, и увидишь.

Ну, барин тут ждал, ждал, а клин не приходит всё. Где он тут будет при барине заклинивать? Барин и говорит:

— Я пойду схожу, Иван, домой, может быть, не скоро он придёт.

Барин пошёл домой. Иван и начал дырки заделывать. Заклинил, что самому чорту не подкопаться. Барин бежит, прибегает:

— Что клин был?

— Видишь, барин, что был, все дырки заклинил. Вы только, барин, ушли, и клин пришёл.

— А жалко, что не посидел.

Вот Иван ему и рассказывает:

— Барин, — говорит, — если бы не клин да не мох, то плотник бы с голоду сдох. Вот мох закладáет, да клин вбивает — вот она и чисто выходит.

Так барин ничего не узнал. А плотник по-своему работает, как работал.

36. ЦЫГАН И БАРИН.

Цыган пришёл к барину:

- Здрасте, баринёк!
- Здравствуй, здравствуй, цыган!
- Я пришёл, барин, к вашей милости.
- А чего?

— Дали бы рублей пять мне денег на разживу.

А барин говорит:

— А цыган, пожалуй, богаче нас.

— Ой, барин! Если бы мы были богаче вас, дак не просили бы у вас. А на дворе мороз такой дерёт, что лучше и не надо.

Барин и говорит ему:

— Ты легко оделся, ты замёрзнешь,

Цыган ему и рассказывает:

— О, барин! Вы скорей замёрзнете в шубе своей.

— Давай на час пойдём на двор, — ты посиди и я просижу (барин хотел заморозить цыгана). Кто скорее из нас замёрзнет — с того сто рублей.

— Давай!

Барин одётся потеплей, кладёт на себя шубу тёплую, посмотрел на часы:

— Вот, — говорит, — десять часов, и до одиннадцати будем сидеть на дворе.

Ночь была лунная. Месяц светил хорошо. Барин пришёл и сел, а цыган прохаживается. У барина уже мороз залезит в шубу, он поджимается уже, а цыган всё бегают, греется. Видит цыган, что и барин уже покрывается. Да и его забирает тоже. Цыган снимает шапку и говорит:

— Ох, какой жарница стала!

Барин видит, что цыгана не заморозить, а скорей сам заморозиться.

— Раз шапку скинул, значит, тепло.

Барин встал:

— Ну, пойдём, цыган! Я проиграл; мне, пожалуй, часа не выси- деть. (Барин замерз уже).

Приходят они, смотрят на часы — без одиннадцати одиннадцать. Барин и говорит:

— Если б до одиннадцати посидеть, то, пожалуй, мне бы и не прийти больше сюда.

А цыган и говорит:

— А меня, барин, в пот кинуло, потому что мы привыкли и к голоду и к холоду. Такая уж наша жизнь полевая.

Барин отдал ему сто рублей, цыган и пошёл домой.

37. КАК КОНЬ ЖЕРЕБЁНКА РОДИЛ.

хало два мужика. У одного кобыла, у другого конь. У которого конь, тот мужик богат, а этот бедный.

Богатый пошел смотреть лошадь,—у его жеребёнок под коном лежит. Он приходит и говорит:

— У меня конь жеребёнка родил!

А бедный говорит:

— Это, наверно, моя кобыла родила.

Богатый забирает жеребёнка себе. Бедный говорит:

— Как же так? Пойдём до барина, барин нам правду скажет.

И пошли до барина.

Барин посмотрел на их и стал спрашивать. Богатый и рассказывает:

— Я вышел смотреть коня, под моим коном жеребёнок лежит.

— Ну, значит, твой и жеребёнок (*барин рассудил так*)!

То бедняку взять нечего. Вот он приезжает домой и дома рассказывает. А у его дочка семилетняя была, она и говорит:

— Ступай же к барину и скажи, что вот глупая, семилетняя, и тая рассудила, что барин глупый.

Мужик пошел до барина и говорит барину:

— Вот, барин! У меня семи лет девочка, и тая вас назвала глупым.

То барину это стало нехорошо. Он и говорит:

— Ну, если ж твоя дочка такая умная, так пусть она ко мне ни идёт, ни едет и чтоб привезла мне гостинец, чтоб я его видал, а в руках не подержал. (*Это вроде заадки.*)

Отец приходит и говорит ей так:

— Это,—говорит,—не беда.

Она берёт козла, а сама одётся в рыбачью сетку, поймала воробья и покатила туда. Барин видит, что ни идёт, ни едет, а ближе подходит. Он вышел на крыльцо и дожидает ее,

— Ну, а гостинец привезла?

— Привезла, барин.

— А где ж он?

— А вот, барин.

— Ну, давай сюда!

Барин руку простягнул — она дала воробья вроде в руку, а воробей улетел. Барин у ее спрашивает:

— Как же вы живёте?

— Эх, барин, живём мы на сухом берегу, рыбу ловим, а мух варим!

Он и говорит:

— Как же ты на сухом берегу рыбу ловишь?

— Хорошенько, барин.

А он говорит:

— Не может быть!

Она говорит:

— Как же не может быть? А как же, барин, может быть, чтоб конь жеребёнка родил? Так на сухом берегу и рыба ловится.

Тогда барин подумал:

— Правда, назвала меня глупым. Ну, ступай, а жеребёнка мужик приведёт.

Вся.

38. ПРО ЦЫГАНА.

(Прибауточка.)

Ехал цыган с цыганкой, и остановились они, как цыганы, в поле. Разостлали свой шатёр и легли спать и пустили своего коня. Откуда-то взялся волк и задавил цыганскую лошадь. Цыган прочи-наётся:

— Пойду же я посмотрю коня. Тут трава хорошая была я знаю, что он поел.

Идёт он, а коня не видеть. Он подходит к лесу. Ну, тут в лесу только ноги конские торчат (*волк съел коня*). Цыган победовал, свой кнут подмышку взял и идёт к своему шатру и говорит своей цыганке:

— Марьянушка, пропали мы с тобой! Волки съели коня нашего. Ехать не на чем, да и денег нету купить (*так что он был бедный цыган*). Придётся нам здесь долго побывать, пока дядя с базару не приедет, то он нам коня даст на разживу. Всё-таки бедовать нечего. Ты оставайся здесь, а я пойду до барина в имение, может как обману барина.

Цыган и отправился до барина. Приходит:

— Здравствуйте, барин!

— Здравствуй цыган!

— Барин добрый, я пришол к вашей милости. Будьте настолько добры, не откажите моей просьбы. Вот у меня родился мальчик. И у меня сколько не рождалось, да всё не живущие были, то мы дали зарок с своей Марьянкой, чтоб позвать с барского поколения, чтоб перекрестили моего ребёнка. Так вот, не будешь ли ты кумом мне? Вот такая-то барыня поедет ко мне [кумой] (*а он еще у барыни и не был*).

— Ну, если,— говорит,— такая барыня поедет, то и я поеду, перекрестим твоего ребёнка. Пусть живёт, долговечный.

— Вот спасибо, барин, что не отказываете просьбы моей! Барыня мне, спасибо ей, послала хлеба, ветчины, колбас.

Барин и говорит:

— Если барыня послала, то и я пошлю.

— Вот спасибо, барин!

— А где же ты остановился?

— О, барин, да вот там, на вашем поле! Я проехал бы и дальше, да как раз она собралась родить.

А барину интересно было перекрестить, знаешь, он никогда в кумах не был.

— Так вы, барин, заедете,— возьмите куму-барыню, то она будет ждать вас.

Барин велит кучеру запрягти ломовую телегу и посылает туда хлеба, ветчины, колбас, сала (*раз кума дала, так и ему надо дать*), и работник повёз туда, в цыганский шатёр.

— Спасибо барыне, что она и денег немного дала мне. Велела, чтоб я выпивки взял.

— Сколько ж она дала тебе денег?

— А немного, барин, пятнадцать рублей только.

Барин в карман руку всадил, вытягивает кошелёк и подаёт ему:

— Вот, барыня дала пятнадцать, а я двадцать.

— Ну, прощай, барин!

— Счастливо, цыган!

Цыган бегом побёг в другое имение до барыни, тая была по-дальше. Прибегает. Так и барыне рапортует, как и барину. Барыня спрашивает:

— Кто же будет кумом?

— Вот такой барин; он за вами приедет, дак вы только не отка-жите в просьбы моей, барыня.

— Дак приедет, не откажу.

— Ну, спасибо, барыня, что не отказываете. Всё-таки из господ есть люди хорошие. Спасибо барину: послал мне хлеба туда, сала, колбас, ветчины и на выпивку ещё денег дал.

Барыня рассказывает:

— Ну, и я пошлю.

Барыня ещё больше прибавляет, посылает.

— Сколько барин тебе денег дал?

— Немного, барыня, двадцать рублей.

И барыня подаёт ему двадцать рублей.

— Я поеду, барыня, с вашим кучером туда.

— Поезжай.

Вот он приезжает, это всё убирает, кучера отправляет. Видит — барин с барыней на паре лошадях. Он и крикнул:

— Ложись скорей, Марьянушка, в шатёр и полеживай!

Барин подъезжает. Цыган с своего шатра выскакивает и ладошку об ладошку хлопнул:

— Ох, барин, какое несчастье случилось!

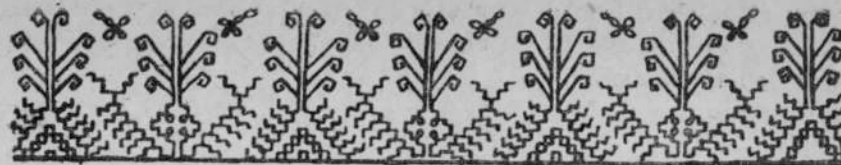
— Какое у тебя несчастье случилось?

— Да мальчик такой умный, такой разумный! Высунул головку оттудова да посмотрел, что наша жизнь худая, в шатре-то, — головкой он повертел и назад пошел туда. Как выйдет опять, так я к вам еще раз приду.

Барин и барыня усмехнулись.

— Ну, молодец, цыган! Мальчик оттудова вылезет, а ты больше к нам не приходи.

Барин лошадей повернул, куму домой завёз и сам домой поехал со смехом, что не жалко ему ни хлеба, ни денег, а цыган хорошо обделал. У цыгана харчей на месяц осталось, и пошел, купил коня за барские деньги и уехал с его поля.

39. [МУЖИК И БАРИН].

Барин захотел у мужика узнать, что с мужика будет, и говорит ему:

— Ты приди-ка ко мне завтра, я тебе загадку дам!

Ну, мужик не имеет права отказать от барина. Может быть, он ночи не спал, думал: «Какую загадку мне барин даст? Могу отгадать аль нет?»

На утро приходит мужик к барину и говорит:

— Здрасте, барин!

— Здравствуй, здравствуй!

А барин уже гусь изжарил, с головой, как следовало быть.

— Ну, так ступай за мной!

Мужик и пошел за бариню в комнату. А у барина было два сына и две дочки и жена — барыня, значит. Барыня ему и говорит:

— Ну, мужик, вот раздели эту гуся на всех.

Мужик и задумался: «Как разделить?»

Потом садится он на стул и надумался, как делить (видно, мужик был непродмат). Берёт нож и режет. Отрезает голову и подаёт барину.

— Вот, барин, как вы надо всеми мужиками голова, так вам принадлежит и гусиная голова.

А барыне отрезает от хвоста кусок мяса и говорит:

— А вот вам, барыня, от хвоста кусок мяса. Ты будешь хвастливая. Можешь хвастать, у тебя всё есть. А вот вы (берёт нож, отрезает ноги), вы, как паньчи, так вот вам по ноге, чтоб бегали за барышнями лучше. А вы, панёньки, — вот вам по крылу, чтоб кóло вас паничá крылили получше. А мне, мужику-дураку, остаётся тóлово всё.

Так стали есть, что выделено, а мужик тулово начал оплёвывать. И съел это всё. То барин ему за эту дельбу дал еще пять рублей денег и сказал:

— Мужик не дурак!

40. КАК ПАРЕНЬ РОЗУМ ПОКУПАЛ.

Парень расчёт получил, идёт и видит: вывеска. Написано, что здесь продаётся розум. Его заинтересовало зайти в этот магазин. Он заходит:

— Здравствуйте, хозяин!

— Здравствуйте, молодой человек!

— Что у вас продаётся?

— Розум.

— А что за розум?

Хозяин ему отвечает:

— Плати сто рублей, тогда скажем, что за розум!

Он вынимает деньги, платит сто рублей. Хозяин бросает деньги в выручку и говорит ему:

— Вот, молодой человек. Ты собираешься домой идти, и дойдёшь до такого места, что там будет дорога три версты, а другая дорога будет десять вёрст; и они опять вместе сойдутся, эти дороги; то если ты пойдёшь этой дорогой, которая десять вёрст, ты скорей пройдёшь, как эти три версты.

Он и спрашивает:

— А еще что?

— А больше ничего.

— Он и думает: «За что я отдал сто рублей? Ну, отдал—больше их не вернёшь».

Взял переодел другую одежду и явился обратным путём в магазин.

Он опять приходит, тоже там говорит:

— Здравствуйте!

Они тоже сказывают:

— Здравствуй!

— Что у вас продаётся?

— Рóзум.

— А что за рóзум?

— Плати сто рублей, скажем!

Он тоже вынимает сто рублей и подаёт ему. Он тоже деньги кладёт в выручку и говорит:

— Когда будешь домой идти, то туда не заходи ночевать, где мужик старый, а жонка молодая.

— А еще что?

— А ничего больше.

Он и подумал: «Какой я дурак! Все деньги ухлопал, а теперь приходится идти пешком. А идти далеко».

Всё-таки он отправился домой. Прошел он день. На второй день нагоняют его двенадцать подвод и три мужика с ними. Они спрашивают у его:

— Куда идёшь, молодой человек?

— Да вот иду из Петрограда до Петрозаводска.

— И мы туда едем!

Мужики были все братья рóдные, только раздельные. У двух меньших по три лошади было, а у старшего шесть лошадей. То у которого шесть лошадей, тот пригласил:

— Так садись на воз, пособилай нам лошадей гнать!

Они едут. Подъезжают — стоит такая дорога, и написано: «Эта — три версты, а эта — десять, почтовая. И они сходятся вместе».

То эти, у которых по три лошади, говорят:

— Поедем мы той дорогой, которая три версты. А зачем нам семь вёрст лишних ехать?

А этот молодой человек говорит:

— А мы, дяденька, давай поедем этой дорогой, то там, может быть, грязно, — кони завязнут, ты староват, а я по этой части не специалист.

Дяденька подумал.

— Ну, так давай, поедем!

И вот они друг другу говорят:

— Кто раньше приедет, тот дожидать должны на том месте, где сходятся дороги.

Они и поехали — те поехали дорогой, которая три версты, а эти поехали дорогой, которая десять вёрст. Которые десять вёрст поехали, то раньше приехали и стали уже дожидать этих. Эти приезжают уже под вечер и говорят:

— Ну, брат, скажи спасибо молодому человеку, что хоть ты не мучился! А мы сколько помучились, оглоблей поломали!.. Колесо сломали, пришлось колесо в деревне купить. И сами устали, и лошадей измучили.

Молодой человек и думает: «Сто рублей мои не пропали, этот правду сказал. Теперь же я буду ехать, да и посматривать».

Приезжают они в деревню. Тут уже и вечер начинается. Они пошли проситься ночевать. Их и пускают на ночлег. Он видит, что жонка молодая, а сам старик. Он своему дядьку и рассказывает:

— Дяденька, тут двор тесноватый — двенадцать лошадей здесь поместятся плохо, так давай мы поедем за деревню. Всё равно нам лошадей кормить. Мы там раскладём огонёк, поужинаем. Ты поспишь — я посижу, потом ты встанешь — я отдохну. А они подъедут — мы вместе и поедем.

Дядька и послушал молодого человека.

— А давай!

Братья и говорят ему:

— Так ты далеко не едь. А мы завтра подъедем и поедем вместе.

Так они и сделали. Выехали за деревню. Место было свободное. Они остановились. Лошадей выпрягли, привязали, корму дали. Подзакусили. Уже стемнело порядочно. Молодой человек и говорит:

— Дядька!

— А что?

— Дай-ка мне свой топорок!

— На что он тебе?

— Да здесь, я знаю, вон в том лесе есть много липы, так я нарублю, надеру. А я спец лапти плести, так пока я до Петрозаводска доеду, я много лаптей наплету, а там продам эти лапти. В деревню явлюсь, хоть немножко денег будет у меня.

Дяденька и говорит:

— Ну, бери топор, иди. Не жалко липы, да и небольшой груз будет. Коня свезут.

Он берёт топорок и бегом в деревню. Прибегает, подскакивает под окошко. Там горит огонь, и окошко завешено. И он сквозь занавесочки подсматривает, а там ворочается поп с молодухой. Они советуются:

— Теперь старик спит. Мы его убьём, мужикам в воз покладём. Когда мужики будут выезжать, то ты закричишь, что «вы у меня хозяина убили, в воз уклали да хотите его вывезти и где-нибудь на дороге выбросить. То каждый поверит этому».

Ну, когда они старика убили, мужикам в воз поклали, то мужики, не знали, что у их лежит мёртвое тело в возу. А сами и вошли в избу, стали выпивать, закусывать. Поп и рассказывает:

— Теперь нам, дорогая, свободно гулять!

Он взял да в дверь и стукнул, а сам побёг к окошку. То им стало страшновато.

— Кто-то добивается в избѣ.

Она открывает окошко и говорит:

— Батюшка, скажи через окошко, бежи домой!

Батюшка поклал руку на окошко, а этот топором тѣкнул и отрубил батюшку два пальца. Батюшка побѣг без пальцов.

Он эти пальцы забирает, в карман себе кладѣт и пошел к своему дядкѣ. Дядька не спит.

— А где же твоя липа?

— А, дядька, — говорит, — полночь, не видать хорошо. Зубами-то грызть — то ольха, то ива, а на липу не наварался, — бросил, так и пришол.

Топорѣк кладѣт на тѣе место, где он был.

— Ну, что же, дядюшка, хоть ты отдохни, а я посижу; а нет — я отдохну, а ты посиди.

— Ну, ложись! Ты молодой человек, отдыхай. Ты всё-таки ходил, а я на месте сидел.

Молодой человек лег и спит преспокойно себе. Там под утро дядько его будит:

— Встань, посиди, а я хоть часик отдохну.

— Ну, отдыхай, дядюшка!

И дядюшка лег отдыхать, а он стал посѣдывать.

Тут стало уже светло настояще. Он и будит дядюшку своего:

— Вставай, дядюшка, подзакусим, а то скоро и братцы приедут твои, ехать надо будет.

Встали, закусили, а братьев нету. Он и говорит:

— Дядька, сходи туда за ими. Чего они там сидят? Время ехать.

Дядька и пошел. Приходит туда, а у братьев уже назад руки связаны: сидят арестованы. Тут уж явился урядник, становой. Городовой и говорит:

— Видишь, проезжающие люди, видно, не один раз они такую чушь делают, а веры им нет.

Они и говорят брату:

— Скажи спасибо тому молодому человеку, что ты не попал с нами вместе.

И пошел дядька с плачем, со слезами к молодому человеку.

Приходит, рассказывает:

— Спасибо тебе, что ты отвѣл меня оттудова, а то бы и я был связанный, да и ты б.

Он и говорит:

— Дядька!

— А что?

— А если б я выручил их?

— Если их выручишь, бери из шести коней любого коня, и что есть на возу — то есть всё твоё. И они дадут по коню тебе, не пожадеют, только выручи.

— Выручу, дядька! Давай-ка, — говорит, — мне, дядька топорѣк!

Берѣт топорѣк (топорик в крови еще был), кладѣт под своё пальтишко и отправляется в деревню. Приходит. Тут народу уже собралось много, и мѣртвое тело лежит здесь. Он подходит к становому и говорит:

— Ваше благородие, разве проезжающие люди убьют человека?

— А как же не убьют, когда в их воз попал? Он [старик], может быть, подошел чего-нибудь посмотреть к ихнему возу, то они придушили — он пришол воровать и ударили его. Ну, видят, что он взвалился уже, то, может быть, и второй раз смазали и поклали на воз. Выехали, выкинули бы, и ищи их тогда, если б хозяйка не оглядела. Значится, веры нет, что не они.

Он и говорит:

— У нас, кажется, сегодня воскресенье?

— Воскресенье.

— Так время итти уже в цѣркву и богу молиться.

— А вам что до моления? — становой.

— Мне ничего, только узнать, почему батюшка в цѣркву не идѣт.

— А что нам до батюшки?

— Ваше благородие, да батюшка придѣт сюда, может быть, и скажет, что они не убили.

— Нам до батюшки дело мало, — становой отвечает.

— Нет, всё-таки, ваше благородие, надо батюшку позвать сюда.

Становой велит старосте сходить за батюшкой. Староста и пошел. Приходит к батюшке и сказывает:

— Тебя, батюшка, просят туда, разобрать дело. Вот мужика проезжающие люди убили.

Батюшка отвечает:

— Я больной, не могу итти. Ну, скажи что и батюшка сказал, верно они убили.

Староста приходит к становому, сказывает:

— Так и так, батюшка больной и сказал, что действительно раз у их в возу — их и грех.

Становой говорит:

— Ну, так мы с этим молодцами разберѣмся!

А он настаивает:

— Нет, ваша благородие, узнать — чем батюшка больной. Можно его сюда больного доставить, не придѣт — так можно и под штыком его привести сюда.

Становой опять:

— Чего вам до батюшки?

— Так вот тогда увидите, что нам до батюшки! Если вы становой, так надо работать головой. Что люди сказывают, то ты должён тоже слухать, а батюшку приставить сюда.

Становой видит, что молодой человек пристаёт что-то. Он посылает двоих человек и третьего работника.

— Ступайте, приведите батюшку сюда!

Батюшку и ведут. У батюшки правая рука завязана. Молодой человек и спрашивает у его:

— Что у вас, батюшка, рука болит?

— Да, рука.

— А что с рукой?

— Да рубил дрова и отшиб, по пальцам тёркнул.

— Так что и пальцов нету?

— А тебе что такое? Что ты спрашиваешь?

— Нет, вот вы развяжите да публике покажите, как вы левой рукой могли правую обрубить. Верно ты левшун?

Становой говорит:

— Всё-таки вы, батюшка, развяжите, покажите.

Батюшка развязал. Двух пальцов нет.

— А где пальцы? — этот молодой человек спрашивает.

— Раз отрублены — они и брошены, так что, наверно, собаки съели, али кошки.

Молодой человек вынимает с кармана пальцы:

— Давай-ка, — говорит, — примерим! — Не подойдут эти пальцы к твоей руке?

Подмерили — как раз!

— А не этим топориком я тебе отрубил?

Приводит к окошку, померили топорок — как раз приходит, где он тёркнул.

— Вот ты же это сделал, а на проезжающих поклал! Вы ж с хозяйкой вместе убивали! Я тебе место стоял под окошком, как вы убили уже и понесли в воз прятать, и как вы советовались, я всё это слышал. Я стукнул вам в двери. Ты спугался. Она открывает окошко, ты полез. Я тебе и отрубил пальцы.

Тогда этих развязали, проезжающих людей, а попа арестовали.

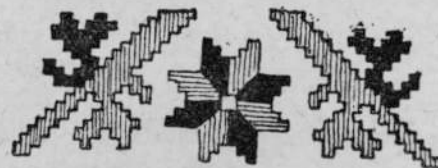
Ну, и он поехал с ими до своего хозяина. Приезжают к ему, с которым он ехал, они и говорят:

— Бери у нас пару коней, и с кладью, любых.

А брат старшой говорит:

— И я даю коня, — за то, что он выручил вас.

Вот он приехал в город. Коня продал одного, товар там тоже продал, а на паре явился домой. Ну, как приехал — денег привёз много и лошадей парочку. Ну, и стал поживать с матерью счастливо.

41. [ПРАВДА О СВЯТОМ ФЕОДОСИИ].

одном приходе жил поп. Этот поп бедно жил. Народу мало в деркву ходило, дохода не было. Он и говорит кулаку:

— Знаешь что, Иван, я думаю подавать в консисторию, чтобы перевели в другой приход, потому что у меня семья большая, а приход малый, доходу нету никакого, и я с одного жалованья только и живу, так что мне тяжело здесь жить.

Ему кулак и рассказывает:

— Эх, батюшка, батюшка! Тут можно разжиться лучшей большого приходу. Сделай так, как я тебе скажу, то за тысячу вёрст будут ехать сюда, и большой приход не поможет тогда. Будет тебе доход и мне, и мы разживёмся, да еще будут другие попы завидовать тебе.

Он и говорит:

— Да что, Иван, такое?

— И вот, дай мне икону с церкви, Феодосия, и я занесу вот в такое место, от деревни за полверсты, и поставлю на этот ключ ее глазами и укажу мужикам. Мужики придут и посмотрят. А ты сам едь в другую деревню, то без тебя икону брать не будут.

Он отдаёт кулаку эту икону, а сам уезжает в другую деревню. Кулак поставил икону эту, а сам пошел в деревню. Тут мужиков много сидят, праздник как раз, и разговаривают сами с собой. Кулак подходит к им и говорит:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, здравствуй, дядя Иван!

Он и говорит:

— Знаете, мужики, я шол сейчас в такое место, там стоит икона.

чуть она не плачет и глядит на святую вѣдушку. Откуда она могла явиться туда?

Мужики сказали:

— Ну, так пойдѣм, посмотрим!

Кулак говорит:

— Вы одни не идите. Надо позвать батюшку, и он там всё-таки молитву прочитает, и узнаем, что это за икона такая.

И рассказывает староста сотнику:

— Бежи скорей, позови батюшку, пока не вошел в деркву еще. Сотник прибегает к батюшку и спрашивает матушку:

— Матушка, где батюшка?

— А на что он вам?

— Да вот, матушка, там икона оказалась в таком-то месте.

А матушка уже знала, какая икона.

— А батюшка уехал вот в такую-то деревню, и он, пожалуй, до вечера не придет домой, так что для праздничка он будет обедню служить. А иконку оставить нельзя. Так вы пошлите туда лошадь, — батюшка придет скоро.

Сотник прибегает к старосте и говорит:

— Он уехал в такую-то деревню.

Посылают лошадь за батюшкой. Батюшка приезжает, одѣт свой подрясник и берѣт кадильницу и с мужиками отправляется к этой иконе.

Приходит к иконе и говорит:

— Это с церкви святой Феодосий сюда пришел. Ты что же не полюбил дерквы и пошел чуть не в чисто поле?

Он три разѣ обошел, кадильницей помахал и велел взять эту икону и нести [туда], где она раньше стояла. Мужики принесли и поставили на то место.

То кулак рассказывает:

— Давай же, батюшка, мы опять ее поставим снова там.

Кулак взял и поставил. Батюшка приходит в деркву, а святого Феодосия нету, и он заявляет:

— Святой Феодосий опять вышел от нас. Так возьмите, староста, и сходите на то место, где стояла икона, может быть, она там опять стоит.

Церковный староста приходит к деревенскому старосте и говорит:

— У нас икона опять ушла с церкви, так что поп велел, чтобы мы сходили туда, откуда мы вчера ее принесли.

Они пошли. Приходят. Икона стоит. Они пошли к батюшку и говорят:

— Батюшка, там стоит!

— Ну, так надо ее опять взять. Позвать туда хоть несколько женщин, может быть она мужиков не полюбила.

Женщины приходят. Батюшка кадильницей помахал. Женщины святого Феодосия взяли, с крестным ходом понесли и поставили опять на место ее.

Кулак и говорит:

— Надо, батюшка, до третьего разá ставить ее туда.

И третий раз затащили, и третий раз взяли ее опять в церкву. Кулак и говорит батюшку:

— Теперь, батюшка, собери сходку, чтоб мужики на том месте выстроили часовенку, то она будет, икона, спасать людей этой водой.

Сделали сходку. Мужики согласились сделать часовенку и принесли эту икону в часовенку. Поп посылает в консисторию какое-то объявление. В консистории послали батюшку деньги за часовенку, и консистория пропустила в газетах, что явлённая икона на таком-то месте, много людей спасает, — в такой-то губернии, такого-то уезду (раньше было), такой-то деревни.

Стали мужики ездить. Придёт, помолится, жертву даст иконе, а поп всё забирает себе. А с дерквы куда ж пойдёт? Надо зайти к кулаку в трактир — пожрать. Придёт, выпьет там, закусит. Ну, а кулак всё подороже берёт.

Они пожили несколько лет. Поп разжился, и кулак разжился. Кто чем заболает, едет, может быть, за тысячу вёрст. Пока едет, ему легче станет; не работает. Водушку эту попьёт — болезнь как бы и спадёт.

Один мужик три разá ездил. Поехал четвёртый раз. Приехал, помолится, жертву дал и пошел к кулаку подзакусить. Закусил и говорит:

— Святой Феодосий людям пособляет, а мне не пособляет. Вот уже четвёртый раз приезжаю, а помочи никакой нет.

Кулак и смеётся:

— Эх ты, православный человек! Не веришь иконе, святому Феодосию? Она двух человек поправила так, что им до самой смерти хватит здоровья и еще и детям их останется (она поправила: и у кулака есть, да и у попа есть).

То мужик и сказал:

— Я вижу, кого она поправила.

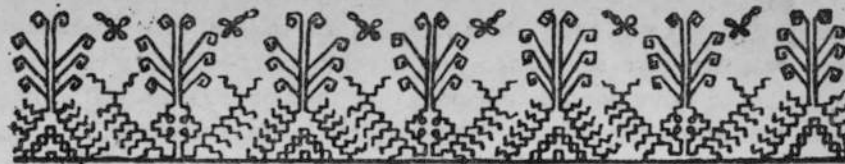
— Кого?

— Попа и тебя она поправила! Значится, хватит детям вашим. Вам и просто выдумывать.

Кулак и сказал:

— Правду рассказываешь.

Мужик этот и прочитал в газетах правду о святом Феодосии.

42. ПОП И РАБОТНИКИ.

от жил поп в одной деревне. Приход был у его большой. Он держал трёх работников. И он матушке рассказывает:

— Работники много едят. Как бы сделать так, чтобы они поменьше ели? (Жадный был.)

— Да поработают — надо поесть, — матушка отвечает. — Если им посолонее варить, так они будут побольше воды пить.

А батюшка говорит:

— Нет, я надумался лучше. А вот, чтобы каждое утро они по целному ковшику выпили воды, то они меньше будут есть, потому что брюхо будет полно.

Батюшка приходит к работникам и говорит:

— Знаете что? Вы утром как встанете — помойтесь, помолитесь богу, чтоб бог вам отпустил грехи ваши, что днём нагрелись, и потом, как будете садиться за стол, чтобы каждый полный ковшик выпил воды. Это для здоровья будет, потому я в книжке читал от святого Павла и сам стал выпивать воду каждый день. Я почувствовал сам себя, что стал здоровым. Так вот я советую вам так.

Работники сказали:

— Ладно, батюшка.

Начали выпивать. И батюшка каждое утро приходит, чтобы работники выпили. И вроде как ему показалось, что стали меньше есть. А того не знает батюшка, что работники крадут от его больше.

Проходит несколько время. А поп всё под дверями слухает, что работники рассказывают. Один работник немножко проспал — а эти за столом — и бежит прямо за стол. А другой был постарше работник, так он и крикнул:

— Ты куда бежишь, дурак? Небось не помылся, да не перекре-

стился, да и кружки воды не выпил, то ты съести, что дыплёнок. Вишь, нам батюшка сказывал, — он читал книжку — святой сказал, — что нужно кружку воды выпивать, то здоровше будешь. И я чувствую, что здоровше сейчас. Так-то съести, что дыплёнок, а воды выпьешь, так ты съести за многих молодцов, то, действительно, будешь здоров.

Он пошел мыться и богу молиться, и воду выпивать, и галушки поедать. Эти и говорят:

— Вот видишь, теперь ты лупишь вдвойне; съести, да еще мало будет, что нам принесёно. Ну, ешь, ешь, я пойду попрошу, чтоб батюшка прибавил.

(А они знали, что батюшка слушает.)

Батюшка от дверей побёг. Прибегает, матушке сказывает:

— Сейчас Иван придёт просить корма, а Митька как сел, так всё съел.

Иван и приходит:

— Матушка, маловатый завтрак, прибавь хоть простокваши нам немного.

— Неужели вы всё поели?

— Да Митька как воды выпил, так еще в три раза больше съел, как у нас было.

Матушка им прибавила.

Иван приносит эту простоквашу. Съели. Батюшка и говорит матушке:

— Надо им запретить воду пить. Это действительно правда выходит, что воды напьётся, так он больше ест — у его брюхо растягнется от воды, так надо его наполнить. То я вздумал на свой карман. Теперь им сказать, чтобы воды не пили, а так завтракали.

На другой день батюшка и сказывает:

— Ты, Иван, не пей воды, да и им не давай.

— Ладно, батюшка, сделаем.

Ну, вот, на утро вынесли завтрак. А Иван уже давно поговорил с работниками, чтоб утром воды не пить.

— Я скажу: воды не пить! А вы со мной станьте спорить: «Что тебе — поповского хлеба жалко?» *(Батюшка будет слушать.)*

Они стали спорить, когда Иван сказал:

— Не пейте воды!

— Мы воды выпьем, так мы больше съедим, а если ты будешь жалеть хлеба поповского, мы тебе лупцовку дадим! *(Они сговорились между собой.)*

Митька побёг за ковшиком, сейчас же воды выпил, Иван — не давать.

У них пошла вроде драка, и поднялся шум, — и опружили это всё; и стол перевернули и миски полетели. Ивана наземь свалили *(нарошно)* и стали Ивана двоём бить. Иван «караул» стал кричать. А батюшка под дверями стоит. Кричит Иван:

— Ой, батюшка, выручи!

Тут и батюшка является.

— Что вы дерётесь?

— Да вот, батюшка, я не стал давать воду пить им; они говорят, что я жалею вашего хлеба. Действительно, они воду пили, дак они больше ели. Теперь за это они дали мне вертёвку.

Батюшка говорит:

— Ну, воды не пейте, да не деритесь, а вы там в согласии живите. У меня хлеба хватит, хоть с водой, хоть без воды. Я сейчас схожу к просвири и скажу, чтоб она вам принесла хоть молочка.

Просвирия приносит молока. Они поели и на работу пошли. И воды не стали пить больше.

Митька и говорит:

— А надо с попом что-нибудь иначе сделать.

Иван и сказывает:

— Что же сделать?

— А я подобрал ключ от ледника. Не всё нам простоквашу ёсти, пусть и он поест простокваши, а я буду носить сметану.

Он и начал ходить в поповский ледник, снимать сметану и приносить работникам.

Просвирица приходит — на горшках сметаны нету. Она стала матушке сказывать:

— Кто-то у нас собирает сметану, то масла не собьёшь.

Вот уже несколько разов это собрано. Батюшка всё никак не доберётся, кто такой сметану сбирает. Митька и говорит:

— Батюшка следит, что мы сметанку едим, то я сегодня сметану сберу. Сметану съедим, а скоро будет праздник Пантелеймонов, пойду да святому Пантелею губы вымажу. Вот батюшка и подумает, что святой Пантелеймон к празднику сметанкой подкрепляется.

Так Митька и сделал. Сметану собрал, горшки все опружил святому Пантелеймону губы обмазал.

Вот утро приходит. Пошли на ледник. Сметаны нету, да и горшки, опружены все, что и работникам дать нечего.

Ну, батюшка тут не добрался. Приходит в церкву, надеёт свою рясу и подумал, что «у нас завтра праздник, к святому Пантелеймону люди собираться будут, посмотреть хоть, в порядке ли он стоит».

Приходит, а у Пантелеймона все губы в сметане, да и ноги обкапаны.

— А-а! Так ты за сметанкой ходишь?!

Берёт палку и начал Пантелеймона дуть. Бьёт и рассказывает:

— Сметану поел да ещё горшки опружил?!

А дерковный староста видал всё, как он его бил. И он и работникам шепнул, что батюшка бил святого Пантелеймона, что сметану съел. А Митька говорит:

— Да будто святой сметану будет ёсти.

— Нет, правда, правда, я сам видал — губы замазаны, — староста рассказывает.

Митька говорит:

— Ну, может быть и поел.

Ну, вот Митька и говорит своим товарищам:

— Завтра праздник святого Пантелеймона, то я пойду его возьму с церкви и занесу его в болото. Да и зарюю его в мох. Только оставлю, чтоб одни ноги торчали. А теперь приход придёт — Пантелеймона не будет, батюшке доход не будет.

Вот Митя забирает Пантелеймона, заносит в болото, закапывает его в мох. Назавтра батюшка встаёт, идёт в церкву. Смотрит — Пантелеймона нету. Удрал Пантелеймон. Он туда, он сюда — Пантелеймона нету.

На Пантелеймона один мужик был похожий. Он прибегает к этому мужику.

— Ты выручи меня.

— А как, батюшка, тебя выручить?

— Да вот у меня святой Пантелеймон удрал, а ты на его походишь, дак ты стань на его место и стой. И будут тебе свечки ставить и деньги бросать. Обедня отойдёт, я тебе за это пятьдесят рублей дам.

Мужик и думает: «Что ж, часа три постоять за пятьдесят рублей можно».

Мужик приходит, скидывает с себя одежду, подпоясывается, можно сказать — трусики одет и так как Пантелеймон стоял, так и он стоит (*Пантелеймон был отрисован, как живой*).

Тут набралось народа, даже в церкву пройти нельзя. Каждому охота Пантелеймону святому поставить свечку и покласть ему денег. Приходит одна старуха. То подсвечники были все заставлены, негде свечи поставить. Старуха говорит:

— О, господи, святой Пантелеймон! Наставили тебе свечек, что и девать некуда. (*А Пантелеймон все слухает.*) Я хоть поставлю тебе на ножку свечку.

И подходит к ножке. Раз капнула на ножку. Он молчит. Стала ставить свечку — она не пристаёт. Она второй раз стала капать на ножку побольше. Пантелеймон только ногой пошевелинул (*всё-таки*

больно). А свечка не пристаёт. Она третий раз между пальцев стала капать. Воск капает, а она прижигает. Пантелеймон терпел, терпел, да бабе в зубы и заехал ногой. Баба полетела. А Пантелеймон через эту бабу — да холу, побёг. Батюшка и кричит:

— Кто грешный пришёл сюда в церкву, что Пантелеймон не полюбил, и сам побёг с церкви?

Баба и кричит:

— Батюшка, это я грешная! Негде были свечки поставить, то я на ножку стала ему капать. Раз капнула — не пристаёт свечка, я и второй раз капнула. То я стала капать между пальчиков его, поджечь, чтобы свечка стояла. Так он в морду мне как ногой дал, так я и полетела.

А батюшка кричит:

— Ты знаешь, что ты грешная, — не надо бы на ножку ставить, а рядом бы поставила.

Пантелеймон и побёг в лес, в болото это. Вот они пошли святого Пантелеймона искать тем следом, куда он побёг. Вот идут, видят — во мху закопанный, только ноги торчат. Они кричат:

— Батюшка, мы нашли!

Батюшка пришёл, кругом с кадильницей обошёл, молитву пропел. Пантелеймона из моха вытянули, на ручки взяли, в церкву поставили.

Вот и бабушка эта идёт, что «прости мне, святой Пантелеймон, а больше свечки тебе не поставлю».

Так поп праздник и прошёл. Денег собрал и мужику пятьдесят рублей дал.

43. ПОП И РАБОТНИК.

Поп любил дармовых работников и с ними договаривался так: если ты осердился, то ты идёшь у меня без расчёту. Вот там работник придёт, работает неделю, две. Батюшка видит, что этот работник проработал у его, — он его и сердит и отправляет без расчёту домой. Ну, вот поп и нарвался на такого работника, который знал, что он без расчёту всех отправляет. Работник и приходит:

— Батюшка, нельзя ль у вас поработать?

Батюшка ему и говорит:

— Можно. Только с таким договором, что если осердишься, то пойдёшь без расчёту.

Работник говорит:

— Я батюшка, несердитый человек.

— Ну, вот это мне и хорошо.

— А если вы, батюшка, осердитесь, тогда что будет?

— Тогда с меня сто рублей.

— Ну, ладно, батюшка.

У батюшки была такая сука, что когда посылает работника на работу, тогда батюшка [ей] говорит:

— Заведи его и покажи ему работу.

Батюшка и говорит:

— Поезжай пахать.

Тот запрягает пару быков и выезжает. Сука впереди. Сука прибегла на поле, оббегла кругом, где поповское поле. Работник стал пахать. А дома не позавтракал. Поп сказал, что матушка тебе принесёт обед.

Работнику захотелось жрать уже здорово. Он и думает: «Что ж

матушка так долго не несёт. А у нас же уговор был такой, чтоб мы не сердились друг на друга».

Работник берёт нож, кусок мяса отрезает у ляжки быка, наложил огонёк, мясо поджарил (ну, как бы не поджарил, лишь бы на огне побыло). Поел и пашет. А у быка кровь идёт. Вдруг попадя идёт. Несёт ему графин воды и говорит ему:

— Ванюшка, вот я воды принесла. Водички напьюсь, а потом принесу обед.

Он и говорит:

— Вот спасибо, матушка! Я давно пить хочу, да воды здесь нету.

— А что ж ты, Ванюшка, съел?

— Да, матушка, вон от быка ляжку отпорол, да и поджарил и поел. Дак вот я и пить захотел.

— Так, Ванюшка, нехорошо!

— Так что вы, матушка, сердитесь?

— Нет, нет, батюшка, зачем сердиться? (Рассердился — сто рублей надо отдать.)

Матушка пришла, батюшку рассказада. В скором времени и Ванька приезжает домой. И едет, подъезжает:

— Батюшка, куда мне быков поставить?

— Иди, покажи, сука, — батюшка посылает.

Сука прибегла в сарай, Ванька и давай суку лут в сарае. Сука из сарая вырвалась, да в сени. Ванька идёт за сукой в сени. Сука под печь побегла. Ванька берёт лом (лом) и начал печь ломать. Поп приходит:

— Ванька, что ты делаешь?

— Да как же, батюшка? Раз она под печь залезла, так сюда быков не заведёшь, пока не сломаешь печь.

— Дак быков надо бы было в сарай.

— А чего ж она под печь полезла? Так вы что? Верно, батюшка, осердились?

— Нет, нет, за что сердиться?

Потом батюшка видит, что «этот работник изведёт меня». Поп и приходит к нему:

— Ты, Ванька, загони быков на сарай!

Он загоняет быков на сарай, берёт обух и убил быков. Приходит.

— Батюшка, я загнал на сарай быков и убил, а сниму кожу, куда кожу прикажете?

Батюшка прибегает на сарай: верно, быки убиты.

— Ах, Ванька, что ты сделал?

— Да что вы, батюшка, осердились?

— Да поневоле осердишься.

— А я, батюшка, не сержуся. Ну, дак давай сто рублей! Батюшка выкидывает ему сто рублей.

— И месячное жалованье давай!

Он ему месячное жалованье дал. Работник деньги получил, приходит на сарай:

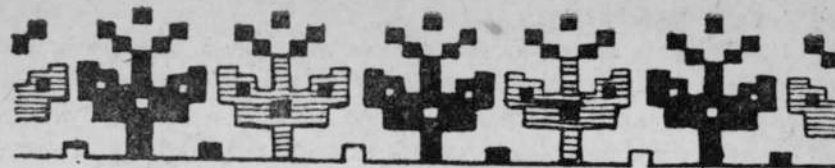
— Один, батюшка, бык тебе, а другой будет мне.

Батюшка и говорит;

— За что ж тебе второй бык?

— А я, батюшка, трудился, убивал, то за работу надо взять одного.

Берёт быка и берёт телегу, поклат на телегу и повёз на себе. Батюшка тут и остался, а Иван не вернулся. Так у их и разошлось по-своему.

44. МУЗЫКАНТ.

деревне жил мужичок Егёрья. И была у его жена красавица. Она не долюбивала его. Как он придёт она делается больной. Она была не больна, а притворялась. Как пошлёт Егёрья куда, он идёт, — она собирает вечеринку, нанимает музыканта, делает пляски. С попом пляшут. То этот музыкант знал, что она прodelьывает. Вот она посылает Егёрья:

— Иди-ка ты за море, за морем нарви травы с камня; прине-сёшь, мы ее сварим, я напьюся и выздоровлю.

Егорий и пошел за море искать своего горя, чтоб жонка выздоровела. Идёт он и встречает музыканта этого, который играл несколько раз у ее на вечеринке. И поп тут был и дьякон был. То он и спросил его:

— Куда ты идёшь, Егёрья?

А он говорит:

— Я иду за море нарвать травы на камне и сварить, моя жена выпьет и она поздоровеет, не будет болеть.

А музыкант ему рассказывает:

— Эх ты, Егёрья! Ты ищешь своего горя, что посылает тебя жонка за море. Когда ты за море попадёшь? Воротись же ты со мной на сегодняшний вечер, и жонка выздоровеет и здоровой станет и болеть больше не будет.

Егёрья воротился. Зашли к музыканту.

— Ну, посиди до вечера.

Егёрья сидит. И видит, что жонка к этому музыканту бежит. Он взял, да и спрятал его. Она прибегла и говорит:

— Ты сегодня приди к нам поиграть: вечеринка будет хорошая у нас. Будет вина, будет пива, — поп принесёт.

Музыкант и говорит:

— Прийти-то я приду, да вот у меня есть такая вещь, что я не могу ее оставить, надо с собой взять. Она будет в тукачѣ соломы, вещь лежать. Нельзя ее в сених оставить, надо в избѣ взять, и придется тукач поставить у порога, то тогда приду играть. Если нельзя тукача взять, так я и не пойду.

Она и говорит.

— Он не помешает нам, приноси, когда бросить нельзя его здесь.

— Ну, вот я приду, как темнеть станет.

Она и пошла. Музыкант берѣт этого Егорья и говорит:

— Слышал своё горе? Я тебе сказал, что будет жонка здоровá.

Увязал Егорья в солому, в тукач, и приносит его в Егорову избѣ и ставит его к порогу.

— Стой, Егорья.

Тут и поп является, начали выпивать и музыканта понть.

Попили, поѣли.

— Теперь нам поиграй, музыкант, — говорят.

Музыкант занимается играть. Вот он играет на скрипке и попевает:

Ты не знаешь, Егорья,
Своего горя,
И ты пошел за море.
То висит гуж на крюкѣ,
Будет попу, жене и дякѣ.

Егорья не высказывает. Он опять заводит другую песню.

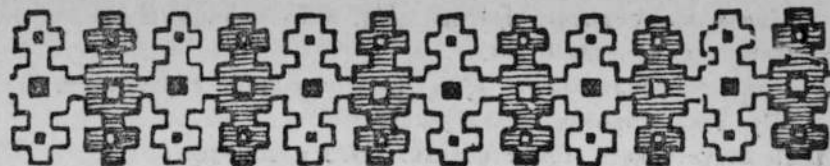
Смотри-ка, соломяка,
Как гуляет жонка с дяком.
Бери гуж на крючку,
Давай попу и дячку.

Выскочил соломяка с соломы, захватил гуж на крюкѣ и давай ходить по жене, попу и дякѣ. Дячку — раз, попу — два, жонке три разá.

— Не скажи трепака!

Егорья отдул попа, дяка. Ну и поп не стал ходить на вечеринку, да и дяк не стал ходить, да и жонка стала здоровá, не стала посылать Егорья за море.

Так музыкант избавил его от попа и дякона.

45. ПРО ЦЫГАНА И ПРО ПОПА.

Приходит цыган к батюшку:

— Здравствуй, батюшка! Батюшка, не отказал бы в моей просьбы дал бы мне хоть рублёвку денег.

Батюшка и говорит ему:

— Ты молодой просить теперь. Видишь, рабочее время, ты б поработал, тебя б накормили, напоили и денег приработал.

— Ой, батюшка, да никто не берѣт нас на работу!

— А ты косить умеешь?

— О-о-о! Да мой отец косил, косец хороший когда-то был, а я лучше отца кошу еще.

— Ну, так вот, цыган, приходи завтра ко мне косить. Я тебе заплачу хорошо, когда ты косец хороший.

— Приду, батюшка.

Утром и является цыган к батюшку. Батюшка и говорит работнику:

— Иван, бери косы и вот на такую пóжню иди косить с цыганом.

Пóжня была большая.

— Если, — говорит, — не скосите до завтра, утром докосим. Вот тебе хлеба туда на завтрак, вот тебе на обед и после обеда, — накосите там, может быть, захочете.

А этот всё во внимание берѣт. Приходят на пóжню. Цыган и говорит:

— Это что, вся ваша пóжня?

— Вся.

— Дак мы рано ее скосим.

А там стоял среди пóжни дуб.

— Давай же обкосим кругом дуба, а то солнце припекёт, так и спрятаться нам негде будет.

Вот они обкосили вокруг дуба, чтоб от солнца скрываться.

— Ну, давай, браток, позавтракаем!

Сели позавтракать. Позавтракали. Иван и говорит:

— Ну, пойдём же косить.

А цыган говорит:

— О, Иван, после хлеба-соли кто не отдышит, дак того бог за свинью запишет.

— Ну, давай.

Цыган поел хорошо и заснул хорошо. Иван прочиняется и будит цыгана.

— Вставай, пойдём косить.

Цыган встаёт:

— Давай, браток, покурим!

Покурили.

— А давай за одним временем пообедаем. Уже время обедать.

Они сели, пообедали.

— Ну, пойдём косить.

— А что ж, ты не знаешь, что после обеда все люди отдыхают а мы что — не должны отдыхнуть?

Они легли отдыхать. Ну, на вольном воздухе, ветры повивают, солнце под дубом не греет здорово, то и спать хорошо. Тут уже солнце повернулося к вечеру ближе. Иван прочиняется и цыгана будит:

— Давай, цыган, косить!

Цыган встаёт, на солнце посмотрел, что солнце сдвигается к вечеру уже.

— Давай же мы подзакусим еще, браток, а потом косы на жердь навяжем (чтобы была длинная) и сразу скосим. Тут больше не пройдут полчаса, как вся пóжн я слетит.

Они подзакусили. Работник говорит:

— Ну, давай же, будем косы навязывать.

— Фу, да что навязывать, надо отдыхнуть после хлеба-соли. А долго ли нам навязать да пройти по пóжн е туда и оттудова — и пóжн я скошена будет.

Они легли опять отдыхать. Работник прочиняется. Темнеет. Он и говорит:

— Что ж мы — до темна дожили и пóжн ю не скосили изнаку никакого не сделали.

Цыган и говорит:

— Как же не сделали. Вон кругом дуба обкосили.

— Так что же нам батюшка скажет?

— Хо! Ты только слухай меня — всё будет хорошо, и пóжн я скосится.

Вот и пошли домой. Батюшка дожидает уже, что долго с сенокосу нет. Цыган и говорит работнику:

— Когда мы придём к батюшку, то ты скажи, что скосили всё, зато мы поздно и пришли.

Приходят, батюшка и спрашивает:

— Ну, как дела?

— Скосили всю пóжн ю, зато мы долго и были там.

— Вот молодцы! Правда цыган сказывал, что он косец хороший?

Работник отвечает:

— Да, барин, хороший косец. Мне уже двадцать пять лет, но такого косца не видал.

Батюшка дал им ужинать. Цыган поужинал.

— Ну, батюшка, заплати мне. (Плату просит.)

Он подаёт ему полтора рубля денег, как косец хороший, и всю пóжн ю скосили. Цыган и говорит:

— Батюшка, я сам сыт, а детки мои там маленькие не евши сидят.

— Дак что ж тебе дать?

— Да дал бы, батюшка, хоть кусочек сала.

Батюшка и повёл его в амбар давать сала. Даёт ему кусок сала.

— Ой, батюшка, дай еще кусочек, у тебя много есть!

Батюшка ему еще кусок дал. Он:

— Батюшка, дай кусочек. (Третий просит.)

Цыган третий кусок получил.

— Батюшка, дай еще кусочек.

— Да что ты, — говорит, — цыган, того не стоит и семокос твой.

— Дак что ты, батюшка, больше не даси?

— Нет, не дам!

— Ну, так пожалел кусок сала, чтоб твоя трава вся на пóжн е встала, чтоб только там не встала, где хлеб-соль лежала!

Ну, цыган и пошел домой. На утро батюшка встаёт. Погода хорошая.

— Ну, пойдём, Иван! Бери грабли, подвернём, да будем грести сено. (А Иван знает, что пóжн я не скошена.)

Идут они на пóжн ю. Приходят. Трава вся стоит, только под дубом не встала, где хлеб-соль лежала. Батюшка и говорит:

— Ах, жалко, что не дал четвертого куса сала! Вот какой волшебник: всю траву поднял, как она и была, гребти нечего.

А Иван думает: «Да она и не кошена».

— Больше я цыганов звать не буду, — батюшка сказал. — С ими плохо коммерцию вести. Ну, и правду люди говорят, что цыган девке не родня, цыгана бояся, что огня. Он лаской просит, кнутом кормит, а сено у мужика на погонялку выносит.
Ну, и вся тут.

46 МУЖИК И ПОП.

ол мужик дорогой. Догоняет батюшку.

— Здравствуй, — говорит, — батюшка!

— Здравствуй, — говорит, — свет! Куда идёшь мужичок?

— А иду, батюшка, в деревню Хмельное.

— А зачем, мужичок?

— Да там, батюшка, — рассказывает, — лошадка продажная есть.

— А у тебе что, лошадки-то не было?

— Да была — волк съел.

— Вот это плохо, — батюшка сказал.

Вот идут — находят они кошель на дороге. Мужик говорит:

— Вот, батюшка, видно бедный мужик потерял кошель.

Подходят они к этому кошелью. Батюшка и говорит:

— Что, поделим на-пополам?

Мужик и говорит:

— А что ж, батюшка, разделить можно, если там кусок хлеба есть.

Они развязывают кошель. Там жареный поросёнок. Батюшке этот поросёнок понравился, он и говорит мужику:

— Мужик!

— А что, батюшка?

— Да этого поросёнка не стоит нам делить.

— Да как же, батюшка? Кто первый увидал, тому поросёнок?

А батюшка мужику:

— Нам придётся ночевать почти что не в лесе. То мы этого поросёнка не будем делить, а лягем спать. Кому лучший сон соснится, тому и поросёнок будет (батюшка думает, что «я мужика обьегорю»).

Они обьечивались. Расстлали огонёк и ложатся спать. Ну, мужик,

как по привычке ходить, так он не очень и устал, а батюшка утомился, заснул. Мужик видит, что батюшка спит уже, достаёт кошель, вынимает поросёнка и начал ёсти. Съел и ложится спать.

— Ладно, — говорит, — сон снися, не снися, а мне легче будет спать.

Мужик и спит спокойно. Вот на утро встают. Батюшка и говорит.

— Мужик, расскажи-ка, что тебе снилось сегодня?

— Не знаю, батюшка. А вы раньше расскажите, что вам снилось, а потом и я расскажу.

Вот батюшка:

— Ну, я расскажу свой сон.

Мужик и смеётся:

— Так, верно, батюшка, и поросёнок будет твой?

Батюшка:

— Да, да! Чей будет лучше сон того и поросёнок.

— Ну, расскажи, батюшка.

Вот батюшка начинает:

— Я вот, мужичок, сплю. Передо мною оказалась лестница по самым небеса. Вот я по этой лестнице полез да полез, и на самое небо влез. А там бог угощается курятиной, гусятиной, поросятиной, и я наелся до горла.

— У вас, батюшка, сон хороший, — мужик рассказывает. — Я тоже, — говорит, — проснулся, вижу, что ты полез по лестнице. Я след за тобой тихонько. Тебя бог позвал, стал угощать. Я глядел, глядел, а мне даже не кивнул. Я скорей с лестницы спустился, достал кошель, да и поросёнка съел.

Батюшка и крикнул:

— Да я ж там не был!

— Был, не был, а поросёнка уже нет, батюшка!

Батюшка не поверил, — открывает кошель — в кошеле пусто.

Батюшка к мужику — драться. Мужик схватывает батюшку за длинные волосы и стукнул его об землю да и говорит:

— Ты, всё равно как проклятый змей людей ел, да ты хочешь так мужика съести! Нет, не съести мужика!

47. ПРО ОДНОГО ПОПА И БЕДНОГО МУЖИКА.

Мужик бедный пошел искать себе работы. Так что семья у его большая, прокормиться ему, думает: «Пойду поработаю, а потом приду и дома сделаю».

Приходит он к батюшке:

— Здравствуй, батюшка!

— Здравствуй, свет!

— Не надо вам, батюшка, работника?

То он с работником очень сдруговался (обиждал работника), а так как приход большой у его, что надо заработать, он мужиков в праздничный день обманет кое-как, мужики ему и сделают. У его много денег, хлеба, у отца-батюшки. Он и говорит этому мужику в насмешку:

— Я найму тебя на год, а ты мне должен год прослужить не пивши, не евши, тогда я дам тебе денег, сколько ты можешь понести.

Мужик и говорит:

— Батюшка, как же может человек прожить без еды и без питья?

— Ну, как хочешь!

Мужик повернулся и пошел. Вышел он за деревню. Недалеко от деревни тут был лес. Он подходит к лесу. Стречается с им старичок — сивая бородушка, голова беленькая, как снежок, а сам небольшой мужичок. Он и говорит:

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, мужичок!

Дедка у его и спрашивает:

— Откуда ты идёшь?

— Да вот, дедушка, вы всё-таки постарше меня, вы уже много лет на свете живёте, вы должны знать крестьянскую бедноту.

Дедушка ему и говорит:

— Да я и сам бедняк был, то я верю это всё.

— Так вот я, дедушка, ходил подработать, немного поправить семейство своё, так вот зашёл я к одному попу и спросил у его работу. А он мне такую загадку заганул.

— А какую, голубчик?

— Чтоб я целый год у его служил, не пил, не ел, то он тогда даст денег сколько я могу понести.

Старичок ему говорит:

— Да, это штучка хорошая, но только трудно выполнить. Без еды не может человек прожить.

Тут это стоял дуб, где они разговаривали. Старичок ему и рассказывает:

— Сядь-ка здесь, мужичок, посиди немного, покури, я расскажу, как прежде старики жили. Как я сам старый, так я больше знаю.

Вот они сели, старичок и мужичок. Мужик сел, закурил и задремал. Дедушка берёт ножик, разрезает ему брюхо и вешает его кишки на этот дуба. Мужик просыпается. Когда проснулся и говорит:

— Дедушка, я заснул, теперь я чувствую себя, что я как будто стал здоровше.

А дедушка ему говорит:

— Это такое место хорошее. Ты на этом месте поспал, — тебе здоровье стало, и ты теперь целый год и ести не будешь. Ступай же ты сейчас к попу и нанимайся, и уговоришься с им, что — я буду служить год тебе не евши, только давай мне то, что я могу нести.

Вот мужик и отправился к попу. Приходит и говорит:

— Батюшка, я могу служить год у тебя не евши, только давай условимся, чтобы вы не обманули меня.

Батюшка усмехнулся и подумал себе: «Ну, пусть. Ты три дня проживёшь, проработаешь мне дарма, а потом и сам удерёшь, и ничего ты не понесёшь».

Батюшка смело ему дал бумажку. Он и остался у его служить. Живёт он неделю. Батюшка замечает: «Может быть, он и ест хитро как?» Ну, и вторую живёт. Там уже стала и матушка следить за этим мужиком, что как же так: он не евши проживает, а работать — работает. За что не хватится, а работа у его идёт.

Он уже проживает полгода, а батюшка всё замечает, что он не ест ничего. Прожил он уже год, ну и говорит:

— Я, батюшка, отслужил, давай расчёт!

У батюшки пудов пять так было денег: золота, серебра да медя

ков-пятаков. А он уже приготовил себе такой мешок, что на паре коней не повезёшь Батюшка и говорит:

— Ну, пойдём, бери этот мешок!

Он разворачивает свой мешок, а этот мешок подхватил, дак что пёрышко. Он рассказывает ему:

— Да что, батюшка, это мало!

— Да больше нету.

Он говорит:

— Это дело не моё. Я прослужил год, не ел, а тебе надо было коптить деньги.

Там у батюшки было в другом месте денег, он и теи отдал. Он подымает опять одной рукой мешок и говорит:

— Да что ты, батюшка, тут мало!

— Да больше нету.

— Ну, это дело не моё, а давай!

Он знает, что батюшка убил кабана, там пудов на десять. Он ему и говорит:

— Давай и сало мне, всё равно за деньги посчитаем.

Он ему кадушку сала отдаёт. Он тоже кадушку сала в мешок кладёт.

— Это, — говорит, — батюшка, мало.

Ну, там у батюшки висит одежда хорошая.

— Ну, давай, батюшка, и это сюда. Все посчитаем за деньги.

И это кладёт в мешок. Подымает и говорит, что — мало. (*Подымает легко.*)

Видит, тут у батюшки хорошие кастрюли медные. Он берёт и это бросает в мешок свой.

— Это всё на деньги посчитаем.

Он кастрюли в мешок кинул, поднимает.

— Батюшка, мало. Ну, так прибавляй мне хоть хлеба, всё равно за деньги будем считать.

Тут батюшка израдовался, что — хлеба много не снесёшь. Десять мешков стоят муки.

— Ну, вот возьми, сколько ты можешь взять.

Он выкидывает этих десять мешков муки в свой мешок и поднимает и говорит:

— Батюшка, мало!

Батюшка и говорит:

— Что же я могу тебе дать?

— Что хочешь, батюшка, а давай, чтоб я мог понести только.

Батюшку дать нечего такого. Хлеб отдал и деньги отдал, кастрюли, одежду забрал. Батюшка и говорит:

— Теперь мне отдать нечего.

А у батюшки было две коровы.

— Ну, так теперь батюшка, будем бить коров и в мешок кидать.

— Да что ты, свет, — он, батюшка. — Как же я буду жить без коровки, и семейство мое будет голодовать.

А он говорит:

— А как же я, батюшка, год ничего не ел и семейство моё голодовало? А ты мне подавай, а не то и сам полезай в мешок!

Батюшку делать нечего.

— Ну, иди, бей корову.

Он одну корову убил, кровь спустил, в мешок уклал, подымает:

— Мало, батюшка.

Он и другую корову убил, кровь спустил, в мешок бросил и говорит:

— Мало батюшка.

— Да уже, — говорит, — мне больше нечего дать.

Ну, он и сам видит, что забрать больше нечего — забрал всё.

— Так же, батюшка, думал, что пуда полтора денег сберёшь, да дася. Ты сделал насмешку над бедным мужиком. Ну, и собирай же ещё такое богатство, какое собрал, а больше таких работников не нанимай.

Закинул на плечи и пошёл. Доходит он до этого места, откуда его послал старичок. Он приходит, старичок сидит под дубом:

— Здравствуй, — говорит, — дедушка!

Он говорит:

— Здравствуй! Ну, что, отслужил?

— Отслужил.

— Ну, сядь, посиди, покури и расскажешь мне, как ты жил с батюшкой.

Он сел курить и задремал. То дедушка берёт ножик, разрезает ему брюшину и вкладает ему кишки на место. Вдруг он проснуётся. Проснулся и говорит:

— Дедушка, я как ёсти захотел.

А он ему говорит:

— Посмотри-ка на дуба.

Он посмотрел на дуба — половина дуба съедено.

— Это ели твои требухи. Ну, вот, попробуй-ка поднять этот свой мешочек.

А он этого мешка с места не повернёт. Он ему и говорит:

— Ступай же ты в свою деревню, возьми пару лошадей, найми двух мужиков и приедешь сюда и заберёшь. Тут дело будет, я покараю.

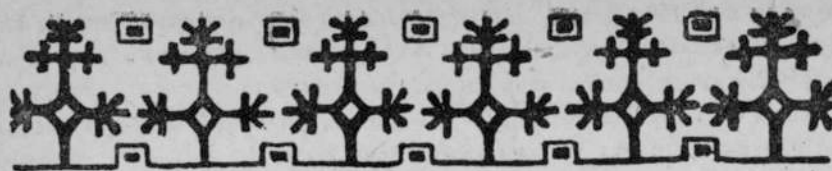
Мужик и пошёл. Взял лошадей, приезжает, — никого нету коло дуба. Развязывает этот мешок. Наклал возы. Мужики и говорят:

— Да нашим лошадям и не увезти это.

— Да как не увезти? Я нёс на плечах до этого места, тут стало тяжело, так я пошёл за лошадьми.

Забрали и поехали. Мужик и зажил сразу. Хлеб есть, приварка есть, одежда есть и кастрюли есть. Всё, как следовало быть. И денег пудов семь. Мужик и стал проживать, и теперь живёт.

48. ЦЫГАН НА ИСПОВЕДИ.

Приходит цыган в деревню. Все люди исповедаются.

— Дай, я исповедуюсь!

Он заходит к батюшке раньше. Видит у батюшки одна матушка, и тут стоит стол.

— Дай-ка, я посмотрю в этот стол.

А матушка на кухне. Он посмотрел, а там у батюшки деньги. Он деньги забирает, в карман складает.

— Ну, раз деньги забрал, надо еще чего-нибудь взять, батюшке грехи отдать.

Видит, тут висит шапка пред иконой.

— Давай и эту сюда. Нам пригодится.

Он и шапку берёт под свой халат. А матушка на кухне что-то делает. Он видит, что матушка побегла дальше. Цыган туда на кухню уже побег. Оглянулся кругом — матушки нету. Тут поварёжка стоит. Он эту поварёжку схватывает:

— Что матушка варит?

Он повернул поварёжкой в горшке, а там поросёнок. Он поросёнка выхватывает. Ну, хоть он не доварился, цыган думает: «И так сойдёт, если в наши руки попадёт».

И поросёнка этого схватил. И сам отправляется подалее. Приходит:

— Матушка, а где батюшка?

— Да в церкви исповедает да мужикам закон показывает, что мужики постом не ели скоромного, — ни мясного, ни масленого.

Он и думает: «Почему ж у тебя поросёнки варятся?»

— Ну, прощай, матушка!

— С богом, цыган!

Вот цыган приходит в церкву. Народу много. Все свечки поку-

пают. (А раньше было так: свечку купи да на блюдо попу покладь — это и будет его ужас.) Доходит его очередь идти попу отдать свои грехи. А он был такой, что обманывал людей, и он думал покаяться, а потом подумал: «Нас больше обманывают, как мы обманываем людей.»

Он подходит к батюшку. Батюшка накрывает своей одеялой и спрашивает тихонько у его:

— А чем, цыган, грешен?

А цыган говорит:

— О, батюшка, грешен я! Раньше был, батюшка, грех такой у меня: у мужика коня украду, потом через несколько время проеду — сменяю, и мужика обиждаю.

Батюшка рассказывает:

— Нельзя этого делать. Это грех.

Он и говорит:

— О, батюшка! Тогда и сознаваться нельзя. Батюшка, за это грех и за то же грех, так лучше не рассказывать.

Батюшка и говорит:

— Раз ты пришёл на исповедь, ты должен всем грехам мне признаться, то я всё выслушиваю.

— Если ж ты, батюшка, кому скажешь?

Батюшка отвечает:

— Мне нельзя. Если я скажу, то мне язык отрежут.

— Вот теперь, батюшка, — цыган говорит, — я все грехи признаю. Первый грех, батюшка, у меня — я в шкатулку деньги поклал. Второй грех — пред иконой шапку снял, а третий — с гороху поросёнка выгнал.

Батюшка ему говорит:

— Это негрешно, если ты поклал деньги в шкатулку. Кто возьмёт, тот попользуется. (Раньше были пред церковью скабёрки.) А пред иконой шапку снять — это тоже негрешно, потому что она святая. А поросёнка выгнать с гороху — тоже негрех, пусть он не портит горох.

Цыган и говорит:

— Больше, батюшка, у меня грехов нету.

Батюшка приходит домой, — кончилась вечерняя служба. Смотрит в свою шкатулку, а там денег нет. Он глядь на пред-икону (там его шапка висела), а шапки нет. Он сразу смекнул, что цыган правду признавался.

— Ну, давай, матушка, будем ужинать.

Матушка вытягивает горшок с печки. Поварёжкой повернула там в гороху — поросёнка нет. И говорит:

— Батюшка, поросёнок разварился, что и костей нету!

Ну, у батюшки душа скрипит, что денег нету, шапки нету, уже и в горохе поросёнка нету. Он и думает: «Это цыган и выгнал, свой грех отдал. Ну, ладно. Придёт завтра аль нет?»

Даже его тоска целую ночь била, батюшку:

— Может быть, цыган сдобритесь и отдаст мне деньги.

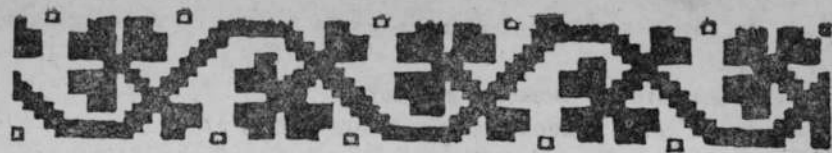
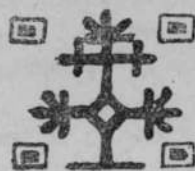
Пошёл батюшка в церкву причащать народ, а сам всё посматривает в двери, не идёт ли цыган сюда. Видит, идёт цыган. Цыган приходит, он и кричит:

— Цыгане, цыгане-е-е, полевые дворяне-е-е, людей обманывают, со стола деньги забирают, на исповеди в шкатулку складывают, перед иконой шапку снимают, а поросёнка с горюху выгоняют...

Ну, а цыган, ничего не сказавши, за язык свой стал хвататься. Батюшка увидал, что язык отрежут ему, как он сказал. Батюшка запел:

— Господи, благослови-и-и, всё прощаю.

Что с возу упало, то пропало.

49. ПОП, МУЖИК И КОЗА.

Поехал мужик продавать козу в город. Везёт он козу продавать, что у его беднота выходит. Едет он, дорогой нашёл он волчьию кожу. Он эту кожу взял и поклал на воз, и коза на возу лежит. Подъезжает он к одной деревне, как к Шуре, а ещё до города ехать с этой деревни семнадцать вёрст. Вдруг выходит навстречу ему поп. Он и говорит:

— Здравствуй, батюшка!

— Здравствуй, мужичок!

— Куда ты едешь, мужичок?

— Да еду, батюшка, в город.

— А чего? — поп спрашивает мужика.

— Да везу козу продавать.

— А сколько за козу просишь?

Мужик и сметил: «Наверно, батюшке нужна коза».

— Да недорого, батюшка.

— Да всё-таки сколько?

— Один четвертной билет.

Батюшка и говорит:

— Ого, мужичок, какой ты умный! Кто ж тебе даст двадцать пять рублей за эту козу?

А мужик отвечает:

— А кому надо, тот и даст.

— Да чем она дорогá у тебя коза? Молока много даёт?

Мужик отвечает:

— Батюшка, молоко мало разницы стоит, — она сама ценна.

— А чем она ценна? — батюшка спрашивает.

— Да вот, — говорит, — батюшка, она в день по двенадцать волков ловит.

— А чем это ты можешь доказать?

— А вот даже у меня волчья кожа есть.

Батюшка смотрит: да, действительно, кожа волчья.

— Так отдай кожу и козу. Я дам двадцать пять рублей.

— Да что ж батюшка, хоть рубль прибавь на чай.

Батюшка:

— Ну, ладно, прибавляю рубль на чай, поезжай за мной.

Мужик приезжает к батюшке на дом. Батюшка приходит и говорит матушке:

— Матушка, давай двадцать пять рублей денег мне.

— На что, батюшка, тебе деньги?

— Дура, да я ценную козу купил.

— А какая она ценная? — матушка спрашивает.

— Да по двенадцать волков в день ловит.

Матушка и дала деньги. Мужик деньги получил, поворачивает лошадь и отправляется. Поп и кричит в окошко:

— Да что, волки сюда придут?

— Нет, — говорит, — батюшка, ты вот сегодня навари ей супу хорошего да накорми ее хорошенько, а завтра за рожки возьми да в лес приведи, да за ореховый куст привяжи. А сам спрятайся подальше, то волки придут, и она задавит. А ты, — говорит, — только кожу снимай.

Ну, вот батюшка так и сделал. Мужик уехал и думает, что дурака нашол на козу.

Батюшка супом козу накормил. На утро — за рожки и повёл козочку в лес (чтоб ее ухватил бес). Приходит в лес. Привязал козу к ореховому кусту, а сам за другой спрятался. Вот минут через пятнадцать является волк, подходит к козе. Коза ногой бьёт, а батюшка тихонько говорит ей:

— Ты не торопись. Еще одиннадцать придёт, ты разом все двенадцать задавишь.

Волк ее хватает за шею. Она кричит:

— Не менё!

А батюшку звали отцом Минаем, то он думает, что она зовёт его:

— Меньяй!

И он говорит:

— Я не пойду, ты одна справишься.

Волк ее схватил на спину. Верёвка порвалась, он и понёс ее.

Вот батюшка приходит к кусту: козы нету и волка нету.

Дома матушка и спрашивает батюшку:

— Где ж твои волки и коза?

— А я привязал козу, как мужик сказывал. Волк пришол, с ей постоял. Ногами она топала. Я сказал, что «не торопись, еще одиннадцать придёт». А она с им постояла, пошептала, крикнула «Меньяй», — звала меня, а я не пошел. Она, верно, осёрдилась на меня и с волком ушла. Так вот какая коза умная была: один день пожила, а узнала враз, как меня зовут.

50. КУЗНЕЦ И ПОП.

приходит поп к кузнецу.

— Здравствуй, — говорит, — кузнец!

— Здравствуй, батюшка!

— Ты бы мне, кузнец, вот такую штучку сделал. Сумеешь али нет?

Кузнец и отвечает ему:

— Да мы, батюшка, век живём и куём, с малых лет, и всё учинься. Что ни дадут в руки, всё сделаем. Это вас раз учили одного дела, вот кричать в церкви, и кричишь: «Мужики, несите пятаки». Мужики идут, по гривеннику несут, а вы всё сказываете: «На святой собор», а сами забираете в широкой рукав, да в длинный карман пихаете. Да и брюхо своё рёстите, а мы видишь в какой грязи живём. Вот наша и наука.

Батюшка и говорит ему:

— Да, мужичок, я всё-таки четыре года учился.

— А мы, батюшка, не четыре года учимся. Мне уже сорок лет, и я пошёл десяти лет учиться и вот уже тридцать лет учусь. Да и вам, пожалуй, годов не больше, как и мне, то вы уже много денег собрали и в свой глубокий карман поклали.

Батюшке делать нечего. Он и говорит:

— Ну, так берися, сделай мне.

Он ему сделал. Батюшка и спрашивает:

— Сколько тебе?

Кузнец говорит:

— Пятьдесят копеек.

Батюшка:

— Это дороговато. Два разá в горно всади — пятьдесят копеек получишь.

А кузнец говорит:

— Да, батюшка, я получаю пятьдесят, а тебя позовут куда, то ты свою рясу оденешь, кадильницу возьмёшь и шарá-барá, и кричишь: «Давай-ка, мужик, рубля полтора», вы берёте не только с живого, а и с мёртвого.

Батюшка и закусил язык. И сказать нечего. Он и пошёл домой.

51. ПРО КУПЕЦКОГО СЫНА.

В одном городе был купец. У этого купца был один сын. У его немножко нехватало. А у его был другой сын от служанки. И этот был поумней. И они как раз в одно время родились, и он был приписан к этому купцу (*усыновленный был*). Но хотя он купец, а всё-таки он своему подчинился [помещику]. Вот помещик ему и скажет:

— У тебя как два сына, и им придётся идти на призыв в один год.

Он начал советовать со своей женой:

— Которого мы сдадим в службу?

Ну, жена говорит:

— Лучше своего сына жарь, усыновленного.

А ему оба сына, знаешь, равны, то и того жалко, значит. Он и говорит ей:

— Знаешь ты, что мы сдадим своего в службу. Пусть, его может быть, подучат. А этот по торговле нам хорош.

Ну, жена согласилась. Вот он и повёз своего сына и сдал на службу.

Сын и служит несколько время и никуда не годится. Большею частью на кухне чистит картошку.

Вот дядька приходит на кухню и говорит ему:

— Что ты так заскучал? Ты всё-таки купецкий сын. — Я тебя научу, получить, у тебя денег будет.

— А как?

— А вот пиши отцу письмо, что ты заслужил себе фельдфебеля. И скажи, что мне теперь, как фельдфебель, надо одёжу получше справить. то пришли мне полтора рубля денег.

Он так и сделал. Написал письмо и посылает отцу.

То отец срадовался, что сын уже фельдфебель. Посылает ему двести рублей денег.

Он эти деньги получил. Около его солдаты стали получше приставать к нему, так самое и дядюшка ихний (*раньше дядька был у солдат*). Он эти деньги провёл все, и опять у его денег нет. Фельдфебель его учит опять:

— Пиши отцу письмо, что ты заслужил себе уж офицера.

Вот он написал письмо: «Папаша мой дорогой, пришли мне денег пятьсот рублей. Я теперь заслужил себе офицера».

Отец ему посылает пятьсот рублей этих денег. Месяца через два он провёл эти деньги обратным путём, и опять у его денег нет. Тогда дядюшка его учит:

— Ты пиши, что штабс-капитан стал.

И он написал, что он уже стал штабс-капитаном, и пишет домой письмо, чтоб ему отец выслал тысячу рублей денег. Он так и сделал. Написал письмо, что «я теперь, отец, заслужил себе штабс-капитана, что теперь мне и прислуги надо, то пришли мне опять тысячу рублей денег».

Вот отец и говорит своей жене:

— Вот видишь! Ты не хотела его сдавать в службу, а он уже штабс-капитан. А что нам стоит эти деньги послать к нему. Можно даже прибавить рублей двести.

Так он и сделал. Посылает ему тысячу рублей денег, штабс-капитану

Вот там приходят деньги, штабс-капитану вот такому-то. А он на кухне картошку чистит. Штабс-капитан вызывает его и говорит ему:

— Вот тебе отец прислал деньги, что ты штабс-капитан уже.

— А как же, — говорит, — с его деньги взять? Также он не пошлёт столько денег, а теперь можно пожить.

Вот он провёл эти деньги. Тогда опять дядюшка его подталкивает:

— Что ж, — говорит, — денег нету?

— Нету, — говорит, — дядюшка.

— Ну, так пиши домой письмо, что ты стал полный генерал. То он тебе пришлёт тысячи полторы, и ты заживёшь.. Да и мне хорошо будет.

Вот он садится и пишет письмо. А дядюшка диктует ему, как писать. Он и написал, что «я теперь, отец, заслужил полного генерала, теперь надо иметь прислуг, купить одёжу генеральскую, купить себе лошадку хорошую, то тысячи полторы надо мне денег».

Отец прочитал это письмо и говорить своей жене:

— Видишь, как в люди вышел сын наш! Теперь и не жалко послать ему хоть и две тысячи.

Послал на полного генерала деньги. Генерал получает деньги эти, призывает его и спрашивает:

— Так ты что уже, купецкий сын, стал полным генералом?

— Да, ваше превосходительство. А не написать так, дак они денег не пришлют.

— Ну, так на, получай денежки.

Тут дошло до государя это известие. Вот он эти деньги почти что расходовал все. Тогда государь велит прислать его к себе, а эти все письма государь забрал и смеётся.

— Ну, вот, — говорит, — ты один год послужил и полный генерал стал. Желаете на побывку сходить к отцу, то я тебя отпущу на целый год. Пусть отец посмотрит, какой ты генерал.

Он и говорит:

— Ваше императорство! Как же я пойду?

— А пойдёшь. Отец увидит, какой ты генерал.

И вот его и отпустили.

Ну, железных дорог не было. Он пошёл пешком. Прошёл он несколько, заходит он в город, заходит в одну гостиницу проночевать. Вдруг является в эту гостиницу генерал. Да. Вот ходил, ходил [генерал] по гостинице и спрашивает у хозяина:

— Хозяин, а что, нет ли у вас человека такого, чтоб со мной поиграл в карты?

— Нет, — говорит, — ваше превосходительство.

— Да хотя, — говорит, — какой-нибудь, скуку развеять.

— Да один солдат есть.

— Пошли его ко мне.

Хозяин приходит и говорит ему:

— Иди, — говорит — тебя генерал требует.

Ну, как он солдат, он должен повиноваться. Он приходит к генералу и говорит.

— Что прикажете, ваше превосходительство?

— А вот я прикажу со мной в карты на деньги поиграть.

Он рассказывает генералу:

— Ваше превосходительство, какие у солдата деньги? Есть денег рублей двадцать, так мне ещё двести вёрст домой идти в побывку.

Генерал ему отвечает:

— Хоть проиграешь этих своих двадцать рублей, так я тебе и отдам их. А может ты выиграешь у меня двадцать с этими двадцатьми. Ну, вот, мой будет рубль, а твоих десять копеек. Лишь бы только нам время провести.

Он и говорит:

— Если так, давайте попробуем!

Вот они и сели играть. Этот кладёт десять копеек, а тот кладёт рубль.

Солдат забирает, и так что он уже вытянул с генерала сто рублей. Генерал видит, что уже тяжело.

— Так давай, — говорит, — солдат, мой рубль — твой полтинник. А он [солдат] духом не упал:

— А давайте, ваше превосходительство!

Ну вот, стали с того рубль, а с этого полтинник.

Опять солдат выигрывает. У генерала остаётся всего сто рублей денег. Он говорит:

— Давай рубль на рубль уже.

Солдат подумал: «Всё равно деньги его, пусть забирает, а если я проиграю двадцать рублей, отдаст мне».

— Давайте, ваше превосходительство, всё равно поиграем.

Вот стали уже играть рубль на рубль. Солдат забирает опять деньги. У генерала не остаётся ничего. И он ему говорит, генерал:

— Слышь, — говорит, — солдат, выиграй у меня денщика.

Он ему отвечает:

— Ваше превосходительство, я бы сам в денщики пошёл. У меня нет ничего, да и у денщика нет ничего.

— Да нет, всё-таки ты ему будешь хозяин, — генерал ему отвечает.

— Как он солдат, так и я солдат.

Генерал подумал, что правильно он рассказывает.

— Так вот, ты выиграй у меня лошадей, пара есть.

Он [солдат] сказал:

— Это можно. А сколько ваши лошади стоят?

Генерал сказал:

— Четыре сотни.

— Так лошади мои будут?

— Да.

Солдат ему и говорит:

— Так вы, ваше превосходительство, напишите мне бумажку, что я у вас лошадей покупаю за четыреста рублей.

Он выкидывает деньги ему, лошади остаются уже солдатские. А солдат подумал так: «Хотя деньги я отдал, а двадцать рублей дома. Расписка у меня правильная взята, что я купил. А мне полтора вёрст ехать домой, то как-нибудь я доеду на их». (Он купил экипаж и коней.)

Тогда ему генерал говорит:

— Ну, давай же, солдат, поиграем еще.

— А на что ж мы будем играть? — солдат отвечает ему. — Двадцать рублей не деньги.

— Хотя, всё равно, двадцать рублей проиграешь, тогда, может, лошадей проиграешь, и я те деньги заплачу, как ты мне заплатил.

— А если я остануся, ваше превосходительство, и лошадей проиграю и двадцать рублей этих проиграю, тогда как мне идти полтора верста домой без денег?

— Ну, я всё равно двадцать рублей отдам тебе этих, — он отвечает.

— Ну, хорошо.

Вот стали они играть опять. Солдат выиграл у его этих четыреста рублей.

— Ну, так вот, — говорит, — солдат, давай играть на мою одежду генеральскую.

— А сколько ваша одежда стоит?

— Двести рублей вся одежда, — как верхняя, так и spodняя и сапоги мои. А мне давай свой шинель.

Он выкидывает двести рублей ему. Генерал даёт ему верхнюю одежду и свои брюки и сапоги. А солдат скидывает свою шинель и свои солдатские сапоги. Генерал одевается в солдатскую одежду, а солдат в генеральскую. Ну, всё-таки солдат ему подчиняется. Он [генерал] ему рассказывает:

— Ну, давай еще поиграем на этих двести рублей. У тебя находится еще двести двадцать рублей, а у меня находится двести. Давай сыграем на эти деньги.

Солдат стал посмелей:

— А давай, — говорит.

Вот они опять начали играть. Солдат выиграл у его и эти двести рублей. Генерала засосало, что солдат выиграл лошадей с экипажем и одежду генеральскую. Он думает, что «я приеду к себе в город, то я все справлю это. Это темное дело никто знать не будет».

Генерал сам себе рассуждает. Он предлагает солдату:

— Ты, солдат, выиграй у меня документы генеральские.

— А сколько они стоят, документы?

— Сколько стоят? Давай двести рублей за мои документы.

Солдат подумал тоже: «Так что лошади у меня есть, генеральская одежда у меня есть, и не стыдно будет к отцу приехать».

— Да что вы, ваше превосходительство! Так вы желаете получить двести рублей?

— Да, — он ответил.

— Ну, давайте, — говорит, — документы сюда.

Он подаёт ему документы. Он прочитал, что генерал вот такой-то, да еще холостой (в документах). Выкидывает ему двести рублей, берёт документы.

— Так вы продаёте мне денщика?

— Купи.

— А сколько денщик стоит?

— Да дай хоть полсотни. *(Видишь, что люди раньше стоили!)*

И он подаёт и эти полсотни за денщика. Он ему и говорит:

— Ну, давай, солдат, играть.

А солдат отвечает ему:

— Так разве я солдат? Я всё-таки генерал сейчас, а ты солдатом называешься. Иди на моё место, спи, где я спал, а я буду в твоей комнате спать.

То генералу делать нечего. Он [генерал] отправился. Он велит запрягать своему денщику:

— Запрягай лошадей! *(Дурак-то дурак, а ум пошел, как другой.)* Мы уедем.

Денщик запряг лошадей, подъезжает и говорит ему:

— Ваше превосходительство, готовы лошади.

— Потребуй-ка у хозяина две бутылки вина *(ха-ха, раньше солдат любил выпивать.)*

Тот потребовал. Генерал платит деньги, и поехали. Вот они выпили дорогой, он и говорит:

— Вот, денщик, я такой солдат, как и ты.

Ну, денщик выпивши, говорит:

— Нет, ваше величество, мы не подчиняемся вам, а подчиняемся одежде вашей.

— Ну, ладно, дело сойдёт.

Вот они проехали. Приезжают, как в Петрозаводск. А раньше был там генерал, там он владел всем городом. Ну, здесь генерал был помёрши, то он передал своей дочке, что был город ее. Вот он приезжает и спрашивает:

— Здесь есть генерал в этом городе?

Ему отвечают:

— Нет, здесь генеральская дочь. И она владеет этим городом, и она владеет сколько к этому городу принадлежат деревень.

— А где ж она живёт?

— Да здесь в городе, вот там ее дворец.

— По какой улице?

— Вот по такой-то.

Он велел:

— Поезжай туда.

Вот они приезжают к ее дому и спрашивают там у вестового или часового:

— Что, ваша фрейлина дома?

— Дома, дома, ваше превосходительство.

— А к ей заехать можно?

— А позвольте, ваше превосходительство, я сбегаю спрошу.

Вестовой отправился к своей фрейлине.

— Ваше сиятельство, вот какой-то генерал и к вам хочет заехать.

Она и говорит:

— Бежи скорее, отворяй ворота, пусть заезжает!

Этот старик-генерал, который проиграл всё, был вроде меня — стариком, но в документах холостой числился, а этот генерал двадцати трёх лет, красив и хорош. И она его приняла честь по чести.

Вот он проживает у ее уже целых три дня (*раз поит, кормит, так чего не жить*). И ей не больше было, как двадцать два года. Он думает: «Вот здесь можно бы познакомиться хорошо. Только вот у меня документы на старого».

И она ему делает предложение:

— Вы что, холостые аль женаты?

— Нет, дорогая, — холостой.

— Холостой, а такой чин имеете! — она ему.

— Так, я с малых лет учился. Я вот с такого-то города, вот такого-то купца сын.

— Знаю я, — говорит, — этого купца, — это она. — Так сын его?

— Так.

— Так вот, я предложение бы вам сделала, чтоб я за вас замуж вышла.

— Отчего, — говорит, — можно.

— Ну, вот, повенчаемся.

— Да у меня-то документы есть.

— Покажите мне документы, — она.

— Ну, ладно, завтра я покажу документы вам.

Сам и пошел вроде как в конюшню смотреть лошадей. Вынимает эти документы и читает документы. В этих документах пишется: «Генерал вот такой-то и холостой», а годы не указаны в документах. Он тогда и сказал:

— Это бабки наши. (*Значит, хорошее дело.*)

И он веселей ворочается сюда и думает, что «меня отпустили на год, а я в каких-нибудь пять дней прибыл сюда. А до отца пятьдесят вёрст ехать остаётся еще, то я тут месяцев шесть поживу, поблаженствую, а потом к отцу явлюсь, покажусь, что я у отца

деньги брал, генерала доставал. И приеду генералом к отцу. Отец же не будет спрашивать с меня документов. И у отца погощу месяца три. Потом лошадей продам своим время и солдатом стану. Шинель могу и купить».

Так он и сделал. Оженился, шесть месяцев жил он с этой княгиней. На седьмой месяц он ей и говорит:

— Я поеду к отцу, а ты оставайся дома. (*Он не думал больше заезжать к ней.*) У отца побуду и мимо проеду.

Велит своему денщику:

— Запрягай лошадей своих и уедем!

Денщик запряг, и они уехали. Вот они ехали, проехали двадцать пять вёрст. Стоит на дороге постоянный трактир. И он говорит денщику:

— Заедем сюда. Сами поедим, и лошадки отдохнут.

Вот они заехали, подзакусили. А тут босята играют в карты. Красная выиграет, черная проиграет. И он думает так, как с генералом: «А дай-ка, я подсяду».

Проиграл он свои деньги им, потом проиграл одежду свою и документы свои, потом лошадей и денщика туда. Босята одеют ему дырявый пиджачок и выгоняют из этого трактира.

И он вышел, постоял, подумал: «Куда теперь идти? Итти к жене — совестно, к отцу итти — отец тоже скажет: «Вот «генерал» явился». А пойду домой к отцу. Мне остаётся еще каких-нибудь пять месяцев до службы, то всё-таки отец пожалеет».

То у этого купца было имение за городом, и он в этом имении проживал, на торговлю ездил с имения.

Вот он является домой, в своё имение, то мать его встретила:

— А, хороший, сынок, генерал ты! Ты верно и на службу не годишься.

И он перед матерью — ничего. И отвечает матери:

— Ну, что, мать, ничего не сделаешь. Верно, — говорит, — судьба так велит курносую любить.

— Тебе и безносую не дадут. Ступай, прохвост, в комнату, одень хоть одежду почище, а то отец придет домой, так он тебе даст пуганца.

И она его придела.

Вот вдруг приезжает отец домой. Она и говорит:

— Ты не видал «генерала» своего?

— Нет.

— А он приехал.

— А что, ничего одет?

— Да ничего. Лучшей не надо. Не только что на плечах погоны,

так даже и на задку есть (рваная) и сбоку — везде в погонах. Я пойду принесу.

— Ну, принеси. Раз полный генерал, так должен быть при всём.

— Всего довольно, — говорит, — есть у его.

Вот и приносит.

— Вишь, сколько погоньев на его одеже. И вот сапоги евоныне (опорки), и вот штаны его. Вишь, с красными полосками.

То купец пошатнулся с этого, что «не может быть, что ты показываешь так».

— Ну, так что ж, — я на дороге нашла его и принесла?

— А где же он?

— Да в своей комнате, где раньше был.

— Так позови его сюда.

Ну, вот позвали его сюда. Купец спрашивает у его:

— Ну, как, сын? Полный «генерал»! Я теперь вижу, действительно «генерал».

— Ну, ничего не сделаешь, отец! Воля ваша, — что хочешь, то и делай сейчас надо мной, потому что я виноват.

— Да вот у нас сейчас пастуха нету свиней пасти, так вот тебе — до осени заставлю я тебя пасти свиней. Отрабатывай хоть те деньги, которые я послал тебе. Вот тебе кнут и ступай, загоняй свиней и гони на поле свиней.

Он взял кнут и пошёл и начал пасти свиней. Придут рабочие обедать, и он там пообедаёт с рабочими, так что и в комнату его не пускают. На той кухне и находится, где рабочие (у помещиков раньше две кухни было: одна рабочая, другая господская).

Вот там ему насмешку и делают рабочие. А его звали Семён.

— Так вот, Семён, дослужил ты у своего отца. Давно ли тебе такую ораву свиней пасти.

А он своё дело знает. Утром встаёт, свиней выгоняет, корку хлеба берёт и до вечера пасёт свиней. Вечером пригоняет их, запирает, а сам на общую кухню отправляется.

Ну вот, приходит он. А он когда выезжал из дому, от жены своей, то он сказал, что «я не больше буду, как недели две у отца, то я приеду к тебе».

То она этих провела две недели и третью — мужа нету. Она велит запрягать денщику своему лошадей и ехать в этот город к своему мужу.

— Поеду и я там погощу.

Вот когда она ехала, тоже надо было в этом трактире покормить лошадей. Она велит:

— Заедем, покормим лошадей.

Сама пошла в трактир. То хозяин отвёл ей другую чистую комнату, а денщик выпрыгает лошадей и там подкинет сено или что. Вдруг его денщик (генеральский) несёт дрова сюда в трактир и крепко стукнул дровами. Хозяйка на его закричала:

— Что ты так бросаешь дрова?

А она увидела как раз в стеклянные двери, что это денщик ее мужа, она и бросилась к денщику:

— А где же барин?

— Молчите, сударыня! Барин проиграл одежду и лошадей и меня. Вот я у окоянного этого хозяина нахожусь в прислугах.

— А куда же он пошёл?

— Не могу сказать.

Она крикнула на хозяина:

— Ты что, — говорит, — и здесь занимаешься трактиром и обираешь прохожих и проезжих людей, что у тебя жулья много? Живо чтоб одежда была представлена сюда и лошади были представлены, а не то в двадцать четыре часа повешу и семейство всё сгоню. Чтоб представлено было всё!

Он и говорит:

— Одежда вся целá и лошади его сохранные, даже документы его сохранны у меня, — я не допустил им отдать это всё. Но про деньги не знаю.

Она отвечает:

— Деньги не важность. Подай всё сюда!

Хозяин подáл. И она смотрела, действительно, даже рубашка его тут.

— А чтоб денщик вам дров не носил.

И поехала поживей в этот город, где купец этот. Вот она приезжает сюда днём и просится у купчихи:

— Не можно ли у вас постоять?

— Почему, — говорит, — можно.

Ну, ничего купчихе не рассказывает и видит, что он погнал свиней на поле с длинным кнутом. И она и говорит сама себе:

— Да, вот за вину приходится и генералу свиней пасти.

И она спрашивает:

— Кто у вас это за пастуха есть?

Хозяйке совестно сказать, что это сын, она и говорит:

— Он давно у нас живёт, годов несколько. Так-то парень ничего ну, свиней пасёт хорошо.

— Так он что, каждый год пасёт?

Она говорит:

— Да.

— Ну, это дело нехудое. Это промаху не даст. Это хорошее дело — свиной пасти.

То она и говорит купчихе:

— Знаете что, у вас бани нету своей?

— Есть.

— Нельзя будет протопить баню? А то я ехала, верно, простыла, так думаю, что в бане помыться, всё-таки полегче будет.

— Можно, — говорит.

— Ну, пожалуйста, вытопите.

Вот вытопили баню и сказали ей, что баня готова. А пастуха все с поля нету. Она и говорит:

— Ну, пусть немного баня простоятся.

Вдруг пастух гонит свиной. Кнут у него длинный, сажени три с половиной. Он этим кнутом как свистит — другая свинья как завизжит. Это кнут длинный бьёт больно. Она и говорит купчихе:

— Вы б дали какого-нибудь мне мужика туда, в баню, чтоб он меня помыл.

— Ну, кого же тут дать? А послать своего дурака этого.

Они только посоветовались, а она и говорит:

— Дайте мне хоть пастуха этого. У него немножко нехватает, ну, всё равно, вымоет.

Вот она и пошла. И послали его, и она велит:

— Бери эту корзинку.

Он взял корзинку, и пошёл в баню, так, что он не мог её узнать, что она его жена. Он принёс корзину и поставил в предбанник. Она пошла в баню и стала раздеваться. И вот разделась и кричит на его:

— Ты ступай сюда, попаришь меня веником!

Ну, он волей-неволей, взломал в баню, и она велит ему раздеваться.

— Да совестно, сударыня.

Она и говорит:

— В трактире да в бане все равные дворяне. А ты если пришёл мыть, так должен раздеваться.

И он раздеётся. Запарил веник, подкинул жару. Она лежит на полке. Он её раз два веником ударил. Она и говорит ему:

— Вот не так парь, как парись.

И схватила веник с его рук.

— Ложись-ка на полочку, я покажу, как париться!

Вот он — на полочку. Она его пихнула и давай его парить. Выпарила его, он только поворачивается.

— Ну, вот, теперь, так и меня выпари.

Вот выпарил он её. Вот они обмылись мылом и водой обкатились, и он хватается своей одеждой одеваться. Она ему говорит:

— Не одевай грязной одежды своей, — там у меня есть в корзинке мужская одежда, то я подарю её тебе за то, что ты меня выпарил хорошо.

Он открывает корзинку, видит, что его фуражка лежит. Он дальше копнул — его пальто, spodня рубашка. И он схватил эту одежду и бежит к ней в баню и говорит:

— Откуда могли взять мою одежду? Так, наверно, вы жена моя?

— Да, — она отвечает. — Я там взяла, где ты проиграл. Ну, это ошибка бывает, то ты б вернулся назад ко мне, то день бы — и всё у нас назад бы было, а то вот сколько времени, как ты свиной пасёшь. Так это мать твоё? — она спрашивает.

— Мать.

— А я спрашивала у неё, так она ответила мне, что ты каждый год пасёшь у неё свиной.

— Действительно, как она скажет, — когда купец имеет своё имя, — что сын его свиной пасёт? Я знаю, что и ты не согласилась бы сказать, что твой сын пасёт свиной (она мать одобряет).

Она сказала:

— Ну, ладно. Давай-ка, пойдём домой.

Вот они выходят с бани. Что видят они, что туда шла с пастухом, а оттуда идёт с генералом. Вот приходят они в комнаты, сын и говорит:

— Ну, что, папаша, теперь признаёшь, что я твой сын?

— Признаю.

— Ну, вот, а вы послали пасти свиной меня за мою вину. Ну, действительно, я сам виноват, что я проиграл вот в таком-то трактире всё, только мне было совестно сказать. Я знаю, что ты не пожалел денег, чтоб воротить всё. А это всё воротила мне жена моя.

Вот они здесь несколько дней погостили и отправляются в этот город, в котором находится его жена. Заезжают они в этот трактир, забирают своих лошадей и денщика и поехали в город.

Ну, он жил до тех пор здесь же, пока ему срок не пришёл явиться на службу, так что ему год уже кончается, остаётся один месяц. Он и говорит жене своей (а у их уже родился ребёнок):

— Я поеду в город такой-то. Там смотр пройдёт, и обратным путём я приеду к тебе.

А она говорит:

— Теперь, я, милый друг, тебе не поверю. А то ты можешь опять спотыкнуться.

Ну, он всё-таки ее уговаривает, что он уедет и она приеде после. А она говорит:

— Нет, поедем обеи.

Он думает: «Вот и попал на беду. Ну, думает, денег отец дал, да у нее есть — как-нибудь обойдуся».

Вот приезжают они сюда, заезжают в гостиницу, как следует быть. А ему остаётся только три дня до явки на службу. Он от ее [жены] укрылся, купил солдатский шинель себе, мундир как у его раньше была. В другую гостиницу заходит, нанимает себе номер. «Когда я буду свободен, отпустят меня, то я могу прийти, одеть генеральскую одежду и явиться к жене».

И вот говорит жене своей:

— Ну, я сегодня поеду вечером и не приду, пожалуй, дня три.

— Почему? — она ему рассказывает.

— А так, что будет государский смотр, так сейчас там будут все генералы, так некогда будет рассуждать и приходить домой беседовать.

Ну вот, отправляется в ту же гостиницу, где нанял он себе номер, то генеральскую одежду скидывает, одет солдатскую и отправляется на службу. И вот докладывает своему полку, что «отпуск мне кончился, я явился».

Вот дядька ему и рассказывает:

— Ну, хорошо, — говорит, — я донесу фельдфебелю, а фельдфебель офицеру, а офицер полковнику, а полковник генералу. Семён!

— А что, дядька?

— Небось денег захватил у отца из дому?

— Захватил, да мало, дядька. Отец же знает, что я не генералом был. Ты не знаешь, дядька, мне свиней пришлось пасти, не то, что денег привезти.

— Ну, так всё-таки я тебя поучу немножко. За год-то ты призабыл, как картошку чистить. Я теперь тебя отправлю во фронт, как все солдаты на ученье.

Вот тут Семёну некогда спать, — надо титул знать, как кого звать. Дали ему винтовку.

— Вот разбери, почисти, да и сложи; как она была, а то ты с ей незнаком. Ты год жил, да всё картошку чистил, а теперь взяться надо за винтовку.

То Семёну и не до жены, так что его эти трое суток диктовали хорошо. А того не знает, что его жена ищет уже генерала, своего мужа.

Вот здесь государский смотр, несколько тут и генералов было (может до десятку). А Семён на первом фланге стоит в строю. То

его жена рядов несколько прошла, рядом всех генералов и спрашивает:

— Вот такого-то генерала.

Ей показывают:

— Да вот он, ваш генерал.

— Да нет, — говорит, — мой молодой, а этот, видишь, старый, да и облик не тот.

А Семён видит всё, что она ходит, и помалкивает. Тут и государь заметил, что она несколько разов прошла, эта фрейлина. Вот он и спрашивает у генерала:

— Что такая за фрейлина ходит здесь?

— Да это, ваше императорское величество, генеральская дочь, да вышла за генерала. Вот она ищет своего мужа, что будто ее муж должен находится здесь на службе.

То государь велел:

— Позовите ее сюда.

Вот подозвали ее сюда. Вот она стала рассказывать. По фамилии стала называть генерала. Государь показывает ей:

— Так вот, — говорит, — он.

Она и говорит:

— Нет, ваше императорское величество, это не мой муж, мой муж помоложе.

Он и говорит:

— У нас кто был в побывке?

— А вот такой-то, такой...

— А что же он, явился?

— Да, явился, ваше императорское величество.

Он спрашивает:

— Да где он сейчас?

— Да в строю, — говорит.

— В строю?!

— Да.

— Позовите его сюда!

Его позвали. Государь и говорит ей:

— Сходи между солдат-строю, посмотри, нет ли его там где.

А Семён видит, что она там суется. И она пошла в строй. На первом фланге он и стоял. Она и подходит к нему и говорит:

— Вот он!

То государь велел ему выйти из строя и начал расспрашивать:

— Как ты мог жениться на генеральской дочери и быть генералом?

И он ему отвечает:

— Ваше императорство, когда отпустили вы меня на год домой, вот я в таком-то городе зашел в гостиницу проночевать. Вот приезжает вот этот генерал (показывает на генерала) и захотел в карты поиграть, скуку свою какую-то развести. И потребовал меня, но я не соглашался играть, потому что у меня денег было мало, да всё-таки с генералом совестно играть. То он сказал: его рубль, а мои десять копеек. Ну, вот я у его выиграл несколько денег. Он мне предложение делает такое, что мой полтинник, а его рубль. Ну, когда селись первый раз играть мы, он мне так сказал, что хотя ты и проиграешь двадцать рублей, я тебе возвращу. Так что мне надо было полтора ста вёрст идти пешком. Я опять его обыграл. Мы стали рубль на рубль играть (он предложил мне). Я у его выиграл все деньги, то у меня находилось четыреста двадцать рублей (четыреста его и двадцать рублей свои). Он и говорит:

— Выиграй у меня лошадей.

Я спросил:

— Сколько стоят лошади ваши?

Он сказал:

— Двести рублей с экипажем.

— Я вынимаю ему двести рублей и подаю. Он делает предложение опять в карты играть. Мы опять занялись этим делом, и я выиграл у его и эти двести рублей. Он мне говорит:

— Купи у меня денщика. Давай на денщика играть.

Я спросил:

— Сколько денщик стоит?

— Пятьдесят рублей.

Я ему кидаю пятьдесят рублей. Он опять предложение делает:

— Выиграл четыреста рублей и лошадей, то должен играть и на эту полсотню.

Я отказываться не мог и опять сел играть с ним. То тогда-то он проиграл мне и эти пятьдесят рублей. Он мне и говорит:

— Теперь ты купи у меня одежду.

Я спрашиваю:

— Сколько ваша одежда стоит?

— Да хоть двести рублей.

Ну, я и подумал: «Всё равно, торговаться здесь некогда, деньги не мои, деньги его».

Скидает, двести рублей я выкинул ему. Мы стали опять играть. Я эти денежки и выиграл от него. Тогда он предложение мне делает:

— Давай играть на документы.

Я спрашиваю:

— Сколько у вас документы стоят?

— Да давай двести рублей.

Я подумал: «Деньги его, двести рублей не жалко. Я всё-таки к отцу явлюсь генералом».

В карты всё-таки он предложил мне играть. Я выиграл и эти деньги. То я скидаю с себя солдатскую одежду, подаю ему и сам одеваю в генеральскую одежду. Он мне обещал отдать двадцать рублей, когда я проиграю, но я не пожалел дать ему и сто рублей. Подаю ему сто рублей. Он и говорит:

— Ну, так давай, еще на эти сто рублей поиграем.

А я ему ответил, что довольно.

Ну, он мне ничего не ответил, потому что сам хорошо знает закон, что не подчиняются генералу, а подчиняются одежде. Вот я и уехал. И вот заезжаю в такой-то город, откуда моя жена. Думаю: «Давай заеду к генеральской дочке». Ну, вот я и заехал. Погостил у ее сутки. Наверное моя карточка понравилась ей. Она предложение мне сделала, чтоб я женился на ней. Ну, я и подумал: «И что ж мне не жениться — я человек холостой. Хотя я рядовой солдат, а если повенчался — жены от меня никто не отберёт». Вот как я стал генералом.

То тогда государь велел ему:

— Скидай свою шинель!

И он шинель сбросил. Генералу велит:

— И ты скидай.

И генерал скинул. Солдат одет генеральскую одежду, а генерал солдатскую.

— Ты будь генералом, а ты иди в строй, дослуживай службу его. В карты не играй под документы да под денщика. Проиграл ты одежду (государь ему сказывает) и лошадей своих, то ты б был генералом, а раз проиграл свои документы и денщика, то ты будь сам солдатом и, может быть, попадешь к ему в денщики. Вот тогда ты узнаешь, как играть.

То Семён остался генералом, а генерал солдатом.

52. ГОСУДАРЬ И КУПЕЦКАЯ ДОЧЬ.

Хорошо жить тому на свете, у кого жовка да дети. Он много знает и сказки болтает. Прибавтка рассказала, и сказка завязалась.

Был царь, а у царя был большой купец. Даже царь не знал, сколько у его денег было. Он и говорит государю:

— Государь, у меня родилась дочка, так я хотел бы свою дочку застраховать.

Государь говорит:

— Можно, чего же.

— Я буду большую страховку платить за ее, только с таким договором, чтобы простой мужик, купец, генеральский сын, офицер не имел права ее взять замуж, кроме какого принца. Если даже кто придёт сватать, то идёт под суд.

Государю не жалко. Государь и подписался.

Проходит лет семнадцать, и восемнадцать, и двадцать. Государю стало жалковато этой купецкой дочери, что она может остаться девишкой за отцовские деньги. Так он и стал сказывать:

— Эх вы, офицеры холостые, ротные холостые, не можете вы высватать у какого-то купца дочку замуж?

И они говорят:

— Ваше императорство, нам неохота под суд идти через ее.

Никто не находится.

Осенью пригнали новобранцев. Один новобранец услышал эту историю, что вот государь ищет охотника, чтобы взять купецкую дочь замуж. Солдат докладывает дядюшке своему:

— Докладй, — говорит, — дядюшка, фельдфебелю.

— Куда, — говорит, — ты пропадёшь!

Ну, фельдфебелю дядюшка докладывает. Фельдфебель докладывает офицеру, офицер докладывает ротному, ротный докладывает генералу. Генерал вызывает солдата этого:

— Ты ж куда лезешь? Ты, верно, не хочешь служить? Лучше под суд идти? Ротный не соглашается, офицеры не соглашаются, а ты, картофельная брюшина, идти берёшься ее сватать!

Он отвечает:

— Ничего, ваше превосходительство.

Генералу и захотелось знать, какой он есть, что берётся высватывать купецкую дочь. Генерал и спрашивает:

— Почему нас называют Вы?

— За то вас называют Вы, что вас, чертей, много, а я один. За это меня называют ты.

Генерал ему не мог ответить на это.

— Ну, ладно, — говорит, — я государю докладу. *(Видит, что солдат не промах.)*

Генерал докладывает государю, что вот солдат берётся взять такую купецкую дочку замуж. Государь вызывает солдата и говорит ему:

— Ты что, берёшься вот такого купца дочь взять замуж?

— Братся-то я берусь, ваше императорство, а вот, главная вещь, у меня денег нет.

— Ну, если я дам денег тебе, за сколько время ты ее высватаешь!

— За год будет моя.

— Я тебе дам денег и бланку, в любое казначейство заходи, сколько надо тебе денег, столько и бери. Ну, если ж не возмёшь за год, то моя меч — тебе голова с плеч!

— Рад стараться, ваше императорство! Раньше году будет.

Отправляется солдат в тот город, берёт денег и приезжает в этот город и сам пронохивать, где такая купецкая дочь ходит или куда ездит. Ну, так что он с неделю пронохивал. Пронюхал, что она с генеральским сыном вот в такую гостиницу часто приезжает, он и проходит в эту гостиницу и спрашивает у хозяина:

— Хозяин!

— А что, — говорит, — солдат?

— Я слышал, что вот вас часто такая-то купца дочь с генеральским сыном посещает.

— Да, посещает. Другой раз через день, другую неделю каждый день.

— А в каком же номере она останавливается?

Хозяин и показывает:

— Вот в этом номере.

— А этот номер у вас свободен? Нельзя мне сдать его, этот номер?

— Да сдать можно, только у солдат разве деньги такие найдутся платить тридцать рублей в день.

— Я дам и тридцать пять.

— Ну, если даёшь — занимайте, что ж такое.

— Ну, может быть, ты боишься, что проживу да уйду, то на за три месяца — получи вперед.

За три месяца он заплатил ему деньги и живёт. Берёт бумажку, пишет. Днём прогуляется, а вечером в свой номер забирается. Вот вдруг подъезжает купечка дочь с генеральским сыном. Двери стеклянные. Видно, как они гуляют здесь, как солдат пишет там.

Генеральский сын кричит:

— Подай-ка мне рому за десять рублей бутылочку!

— Хозяин ему несёт за десять рублей бутылку рому.

А солдат кричит:

— Хозяин, подай мне за двадцать рублей бутылочку рому!

Он солдату подносит за двадцать рублей бутылку рому. И закуски потребовал получше, чем генеральский сын требовал. Рюмочку он выпил, закусил и вроде как не смотрит, что они делают; и чиркает карандашом по бумаге. Они тут посидели, погостили и отправляются по домам. Солдат уже подобрал голос его, как он говорит.

Они уехали. Солдат выпил, закусил и спать лёг, и говорит:

— Конец верёвочки нашол. Быть не может, что ты не будешь моя.

На другой день по городу походил. Опять является в эту гостиницу. И хозяину всё-таки доход даёт не хуже, чем генеральский сын, почище. Они опять приезжают. Генеральский сын слышал, что солдат брал за двадцать рублей бутылку рому, а он за десять, так совестно.

— Так, дай, хозяин, мне за сорок рублей бутылку рому!

А солдат кричит.

— Дай мне за пятьдесят!

Генеральскому сыну подаёт за сорок, а солдату за пятьдесят рублей. Они выпили, поехали. Когда они поехали, солдат опять выпил и спать лёг. На третий день приезжает опять генеральский сын с купечкой дочкой, и требует за шестьдесят рублей бутылку рому. Ему стыдно, что солдат берёт больше его. А солдат кричит:

— А мне дай хоть за пятнадцать.

Генеральский сын и говорит купечкой дочке:

— А! Уже стал меньше брать.

Она и говорит ему:

— Знаете, милый мой.

— А что?

— Отец мой с мамашей поедет на дачу на двое суток, а я буду дома одна, то вы сюда приедете в этот номер, на эти часы посмотрите, — когда будет двенадцать часов, то вы ко мне приезжайте в дом. Там будет лучше побеседовать, чем здесь. Подайте звонок в парадной, и я тебя проведу.

Солдат хозяину и рассказывает:

— Хозяин, ты не можешь такой одежды достать, как у генеральского сына?

— Можно, — говорит, — лишь бы деньги были.

— За деньгами остановки нет, — солдат отвечает. — На вот тебе пятьсот рублей, достань. А мало будет, я прибавлю.

Хозяин получил деньги, сказал, что завтра готово будет. Солдат выпил, закусил и спать лег. На утро просыпается, своё дело заводит, как следовало быть. Хозяин ему приносит одежду всякую.

— Теперь, хозяин, надо нанять такого извозчика, чтобы он знал этого купца дом и такую-то парадную. Я уеду в двенадцать, а ты на час часы перегони. Что будет час, а на твоих часах чтоб было двенадцать.

Хозяин так и сделал. А солдат улетел. Генеральский сын приезжает — тут еще одиннадцать. Он дожидается, пока двенадцать будет. А солдат явился как раз в двенадцать часов к ней уже и подаёт звонок в парадную. Она выходит, открывает ему дверь. Он и говорит ей:

— Знаете что, дорогая моя, ты иди потуши огонь, а то там ваши работники даже увидят, что купечка дочь с генеральским сыном гуляет, а так никто не увидит.

Она скорей побегла. Огонь потушила, выскакивает на коридор и кричит:

— Иди сюда!

Солдат приходит. Снимает с себя одежду. Она берёт, вешает ее.

Они стали кое-что разговаривать. Ну, солдату что-то не терпится. Думает: «Зевать нечего». Ну, она даёт ему золотое кольцо, именное своё, и даёт свои часы, именны золотые, в подарок и говорит:

— Вот, милый, получил, так что ты будешь мой муж, а я твоя жена.

Он говорит:

— Ладно.

Вот вдруг кто-то подаёт звонок в парадную. Он и говорит:

— Неужели тот проклятый солдат приехал, который напротив нас сидел в номере?

Он и спрашивает [следует эпизод, неудобный в печати].

Он [генеральский сын] видит, что она обман сделала, — повернулся и уехал.

А солдат здесь проводил порядочное время. Утром прощается с ей:

— Прощай, дорогая моя, скоро увидимся али нет?

— Так можно увидаться.

Солдат уехал. Она день прождала. На второй день она приезжает в эту гостиницу. Генеральского сына нет еще, а она кóтит прямо к генеральскому сыну — его искать — и встречает его.

— Здравствуй, — говорит, мой милый!

— Поди прочь, подлянка!

Она и говорит:

— Милый мой, что с вами?

— Поди, ты сама знаешь что.

— Да мы были только двое. Ну, так вот прости, милый мой.

Если что произошло, так мы знаем только двое, что было.

Он и смягчился и пошел в гостиницу.

Потребовали бутылку рому. Стали выпивать.

А солдат сидит за своим столом, выпивает и пьет семь да семь, потому что грамоту он не знал.

Часов было кóло двенадцати. Он вынимает свои часы, идёт с этими часами. Она и говорит:

— Милый мой, а где у вас те часы, которые я вам подарила?

А солдат встает и говорит:

— Вот они!

То генеральскому сыну некогда было сидеть в гостинице. Он свою фуражку одет и от ее удрал. Она с этого номера переходит к ему, солдату, и говорит ему:

— Ну, умно сделал солдат! Да сделай умно, чтобы замуж взять.

И он говорит:

— За этим приехано.

— Что же ты пишешь?

— Да вот от скуки научился номер семь ставить, да и ставлю всё семь да семь. Грамоте не знаю.

— Ну, так я тебе найму учителя, чтоб он тебя за месяц выучил читать и писать, и я буду сюда каждый день к тебе приезжать, и если у тебя нехватит денег, так я дам и денег тебе.

Она наняла учителя. К нему каждый день приезжала.

Выучился он грамоте, писать. Вот она ему и рассказывает:

— Ты теперь возьми-ка у моего отца в аренду магазин. Что если нехватит денег, я дам. И к нам в августе месяце придут шесть кораблей с товаром, и ты откупи корабли, в эти магазины ты свалишь.

Когда он в аренду взял лавки эти, и приходят шесть кораблей с товарами, то [солдат говорит]:

— Продайте мне этот товар.

Купец и говорит:

— Так у вас и волос нехватит на голове.

— Ничего, — говорит, — хватит.

— Ну, хватит, так покупай!

Купцу известно было, сколько он затратил на этот товар денег, он ему и сосчитал: вот столько тысяч надо.

— Ну, так что ж? Продавайте, я денег дам, а я, может быть, за год и продам.

Через несколько время приходят корабли с товаром. Купец и повёл на корабли молодого купца. Они все корабли обошли. Солдат и говорит:

— Хозяин!

— А что?

— Я вам три корабля подарю, торгуйте, а с меня и трёх хватит.

Купец с радостью принял. И вот стали они торговать. Тогда купец говорит:

— Ты одинокий живёшь, ты переходи ко мне на квартиру.

Он и переехал на квартиру к купцу. Тут солдату еще лучше стало. Прошло несколько время. Молодой купец и говорит купцу:

— Знаете что? Я хотел вам предложение сделать, чтобы вы отдали свою дочь за меня.

Купец и говорит:

— Да хоть ты купец хороший и молодой и красивый, а я тебя отдам под суд.

Он отвечает:

— Воля ваша.

Купец уже рассердился и хочет под суд отдать его. Тут купцова жена и говорит (а дочь с матерью уже переговорила):

— Милый мой, так неужели ты думаешь, что какой принец придёт к нашей дочке в сваты? А уж такого мы не найдём, как этот купец.

Тут и дочь приходит и говорит отцу:

— Отец, пропадай твое серебро, когда мне жить не добро! Ко мне принец никакой не придет свататься. За твоё богатство останусь девушкой навсегда. Жениха я себе не найду. Богатство твоё пройдёт мором ком (разойдётся), то ты помрёшь, то и буду проклинать тебя, что за большое богатство я осталась дево́й.

Купец хватился себя за голову и думает: «Это же я себе сделаю большой позор, что если я отдам за купца замуж».

Думал, думал купец и говорит:

— Да, приходится выдать за тебя, молодой купец, дочь свою.

Они посватались, стали делать свадьбу. Купец посылает государю подарок:

— Моя дочь за такого-то купца выходит замуж.

А солдат посылает от себя:

— Ваше императорство, вот такого числа будет у нас свадьба с купечкой дочкой.

Государь получил от купца подарок и от солдата и говорит офицерам и ротным:

— Смотрите-ка, солдату деньги не в пропаду пошли, не жалко денег.

И пишет ему: «Когда свадьбу сделаешь, год кончится, приезжай сюда со своею женой».

Так солдат и сделал. Свадьбу отыграл, а кончился год, — и отправился к государю. И вот приезжает и докладает:

— Приехал, ваше императорство!

Государь посмотрел и спрашивает у его:

— Ну, как ты мог подойти?

— А всё вам рассказать, императорство, это нехорошо.

Вот государь и говорит:

— Умнога таты, только бедной хаты, а денежки как есть, так видишь — и купца обделал. Ну, вот же, я тебя отпускаю, когда разум есть у тебя.

53. ПЕТР ВЕЛИКИЙ И СОЛДАТ.

Петр Великий выехал на охоту. Он ездил, ездил — заблудился. Ну, как он на лошади, ему легко было. А потом в лесе ему проехать верхом неловко, — он слез с коня, стал коня водить. А конь идёт сзади. Погода была хмурая — солнце не светило.

Он и говорит:

— Мне покойный отец сказывал, — по приметам можно выйти по лесу. От северной стороны сучья меньше выходят, а с южной стороны сучья больше.

Он и стал рассматривать по этих отцовских приметам. Посмотрел он, что «мне вот так вот надо итти, в эту сторону. Когда меньше сучья, то я выйду на дорогу, потому что я в лес ехал, так мне солнце было вперёд. Ну, и теперь я должён итти вперёд».

Он и пошёл. Ходил, ходил — опять сбился. Видит — сидит мужик на пне. Он подходит к этому мужику. А там сидит солдат.

— Ты что, — говорит, — солдатик сидишь?

— Да заблудился. Не знаю, куда попасти. Вот двое сутки хожу и никак не выпутаюсь.

И он говорит:

— И я заблудился. Ну, давай дороги искать.

— Вам, — говорит, — просто искать дорогу. Пройдёшь, на коня сядешь, и опять легчей станет.

Солдат и спрашивает:

— А ты кто такой есть?

Петр Великий отвечает:

— Я есть царский охотник.

— А-а, зато ты смело и говоришь. Так вот, если ты охотник хороший, полезай-ка на это дерево и посмотри, может быть, окажется

огонёк какой, то мы тогда пойдём на этот огонёк. А не покажется ничего вам, тогда придётся нам ночевать под этим деревом.

Царский охотник и полез (раз солдат велит, надо лезть).

Он полез, а солдат думает: «Охотник так не поехал, он себе ко́рму взял».

И он скорее в эту сумку. Там есть закуска и выпивка.

— Ага, это хорошо! Теперь я подкреплюсь немножко. Ты слезешь, да не узнаешь, а если ночевать будем, так ещё дашь мне.

Он выпил, закусил немножко, червячка переморил своего, — как двое суток шлялся да ягодками питался, — ему стало веселей. А Петр выше лезет. Долез до самой макушки. Солдат и кричит ему:

— Ну, что! Видно что-нибудь али нет?

— Ещё не долез до верху.

— Ну, полезай, — говорит, — веселей. Если б я полез, да я бы давно слез.

Петр Великий добрался до верхушки и разглядывает кругом. Видит, огонёк где-то там горит. Он и говорит солдату отудова:

— Вот смотри, как мой конь стоит, на зад коня, — там огонёк где-то горит прямо.

— Ну, так слезь, я уже приметку взял, — солдат говорит.

Царский охотник слез и говорит ему:

— Ну-ка, солдат, води по-военному!

— Я-то поведу, — солдат отвечает ему, — это вы смóтрите, только вам, а не нам. Солдат ошибёлся — солдата наказывают, охотник хоть ошибётся, так за его и государь стоит.

Государский охотник ответил:

— Ну, води, води веселее! (Он догадался, что солдат в его сумку сходил.)

Они и идут. Солдат всё впереди, охотник с лошадейю позади. Выходят на поляну. Тут стоит дом, обнесённый оградой большой, так что огня не видать уже. Они стали у ворот и стучатся. Выходит старуха, открывает им ворота и говорит им:

— Вот гости и сами пришли.

Петр Великий ничего не считил, но а солдат что-то трóхнулся, что про гостей сказала: в средí леса стоит дом, тут место хорошее. Он помалкивает и охотнику ничего не рассказывает. Старуха и говорит:

— Ну, проходите, гости дорогие!

Гости прошли. Солдат и говорит:

— Бабушка, дала бы гостям поёсти чего-нибудь.

— А нету, голубчик, ничего. Идите на чердак, отдыхайте, а я подготóю вам, а потом позову вас.

Они коня своего оставили и полезли на чердак.

Солдат и говорит Петру Великому:

— Ты как царский охотник, ездил на лошади, то не очень устал, ты стань-ка на часах сейчас и послухай, а я отдохну́. Постоишь час, а потом меня разбудишь — я буду стоять.

Царский охотник и стал на часах, а солдат лёг отдыхать. Солдат видит, что царский охотник на часах сидит, дремлет (солдат не спит), он встаёт.

— Нет, — говорит, — охотник, не так на часах стоят. Вот если бы ты побыл у государя на часах, тогда бы узнал. Мы стояли на часах, да не дремали, и у нас разводные приходят проверять, да дремать некогда. А тебе приходится полчаса стоять, и ты задремал. Так ложись-ка спать, а я сам стану.

Государский охотник отдаёт свою пашку и ложится спать, а солдат тут строго уже смотрит и подслушивает, что будет.

Вдруг — стучатся. Тут едут три молодца. Она [старуха] им ворота открывает и говорит им:

— У нас два гостя есть уже, я их послала на чердак отдыхать.

— Ну, так эти гости в наших руках уже, — они отвечают.

А солдат всё это слышит, а царского охотника не будит. Через четверть часа опять стучатся. Опять старуха идёт, ворота открывает. Тут уже четыре молодца являются. Она даже им рапортует:

— Вот у нас два гостя есть, на чердаку спят.

— Ну, пусть спят. Мы закусим да распорядимся с ними.

Эти приходят в избу́. У их пошел ужин. Старуха и рассказывает им:

— Они просили у меня поёсти. Видно, один солдат, а другой вроде какой-то барин. У барина вон там и лошадь стоит.

— Ну, да это просто взять их. Пусть поспят.

Они закусили. Старшой ихний рассказывает:

— Ну, полезай на чердак, кончи их!

А солдат всё это слышит.

Один и полез по лестнице. Когда он только голову всадил, а солдат голову ему срубил. А царский охотник спит, ничего не слышит.

Через несколько время этот говорит:

— Что он там долго копается?! Верно, беседует с ними али что. Бежи-ка ты!

Другой лезет на чердак. Он и его так: голова на чердаке, а труп под лестницей.

Он посылает третьего.

— Иди-ка ты! Что они там долго работают?

И третий идёт. Он и третьему тут. Время проходит, и третьего нету. Он посылает четвёртого.

— Ступай скорей, кончите его, да идите сюда!

И четвёртый идёт. Солдат и четвёртому голову снимает. Он посылает пятого. Солдат и с пятого срубливает голову. Он крикнул шестому:

— Иди, Ванька, расправься с ними! Что они там, приятеля нашли, забесёдовались.

И Ванька побег. Солдат и этому голову срубил. И этот полетел. Остался там он один. Он и говорит:

— Я сейчас пойду! Что они там долго сидят. Будто шесть человек с двумя не могут справиться.

И этот лезет. И он этому голову скинул, и этот труп под лестницу упал. И думает сам себе: «Теперь нужно подождать. Вылезать нельзя, пока не рассветёт. Да и охотника нельзя будить, дурака, пусть поспит, а то, может быть, у их есть еще.

Уже стал светок. Он стал будить царского охотника:

— Ну-ка, вставай, охотник!

Охотник прочиняется. Он ему и говорит:

— Посчитай-ка, сколько здесь голов есть!

Тот соскочил:

— Семь! Так это, — говорит, — как?

— А так, — говорит, — это б наши головы бы лежали с тобой, если б ты стоял на посту, а не я.

Государь и говорит:

— Я как охотник, так я всё живу так, до меня ничего не касается. Ну, а тебе спасибо, солдат, ты всё-таки дисциплину знаешь.

— Ну, теперь же пойдём, царский охотник, вниз, уже светло стало. Больше у их, кажется, нет никого, а со старухой мы расправимся уже.

А старуха уже огляделась, что под лестницей все лежат. Они входят в ихнюю избу с чердака. Солдат и говорит:

— Ну-ка, старый чорт, показывай-ка свое богатство! Сколько здесь людей загубили?

Старуха говорит:

— Нет, батюшка, никого.

Он говорит:

— Как никого? Вот ты и нас дожидала. Мы просили у тебя покушать, а ты сказала, что «нету ничего, полезай-ка на чердак, через полчеса я приготую и позову вас». Вот мы заснули на чердаке. Слышу, что вот стучатся. Ты ворота открывала и сказала: «Вот гости у нас два есть»; они тебе ответили, что в «ваших руках они уже». Тут по-солдатски спать некогда было. Я стал подслушиваться. Вот старшбй первого посылает. Ему голову снял. Он посылает вто-

рого — я и второму снял. Ну и до последнего кончил. Ну, а теперь ты показывай, старая ведьма, что у тебя есть!

— Да нету, голубчик, ничего.

— Как нету ничего? И поесть нет?

— Поесть-то найду.

— Ну, давай!

Она дала им поесть, а сама побегла в комнату и выскакивает с револьвером. Солдат и говорит:

— Ага, вот старая ведьма! Так ты одного убьёшь, а другой остаётся и тебя убьёт.

И вынимает револьвер на ее:

— Показывай, что у тебя есть!

Она видит, тут делать нечего ей, а смерть страшна. Она и повела показывать, что у ее есть.

Приводит в погребок. Там куча насыпана золотых.

— Вот я показала вам всё, больше нету, показывать нечего.

— Ну, так укажи нам дорогу, куда нам выбраться.

— Да вот пойдёте этой тропинкой и выдете на почтовую, а там вы выйдете в любую сторону, куда вам надо.

Солдат и говорит:

— Ну-ка, царский охотник, бери побольше денег. В город приедем, так будет нам за что погулять. А на почтовую выйдем — заметим дорогу к избушке и скажем государю. Приедем и остатки заберём здесь.

Солдат берёт денег побольше, полны карманы. А охотник говорит:

— А я немного возьму, хватит с меня.

И отправляются они по этой тропинке. Немного прошли — и почтовая. Охотник и сказывает солдату:

— Ну, ты, солдат, иди тихонько, и тут на дороге будет трактир. Ты зайди в трактир, закуси там и отдохай, а я скажу государю, чтоб он подослал тебе пару лошадей.

Солдат отвечает:

— Как же мне тебя там увидеть?

— А вот, когда придёшь туда к государю, так все шапки снимут, а я буду в шапке, то тогда узнаешь ты меня.

То Петр Великий притиснул своего коня посильнее уже. Приезжает в этот трактир и сказал хозяину:

— Смотри, что будет идти солдат и зайдёт здесь подкрепиться, то ты ему давай, а деньги плачу я.

Ну, хозяин знал, что это государь приказал.

До города еще далеко идти. Солдат заходит в этот трактир. Тут солдата встречают уже.

— Что вам надо, чего хотите закусить, поёсти, то сейчас подадим. Солдат и говорит:

— Вроде как знают, что у меня денег много есть, так и предлагают. Ну, давай это, это, — потребовал солдат.

Солдат выпил, поел хорошенько. Вынимает, подаёт деньги, а хозяин не берёт.

— Да ты что, хозяин, не берёшь денег от меня?

Хозяин отвечает солдату:

— Я читал по газетам, что государь сказал: прохожему солдату должны дать везде бесплатно, то мы царское слово не должны изменить.

Солдат пошел с этого трактира в город. Стречает его на дороге пара лошадей, и говорят ему:

— Это ты с охотником был царским?

— Я.

— Ну, так садись, к охотнику повезём вас.

Солдат и сел. Солдату захотелось и во второй трактир заехать.

— Давай-ка, извозчик, заеду в этот трактир!

— Да тут пять вёрст до городу осталась. Чего заезжать?!

Ну, извозчик не отказался. Сам выпил, извозчика напоил. Но хозяин деньги не принимает, отвечает, что с прохожих солдатом денег не берут.

Он и говорит:

— Вот, знают, что у солдата денег есть, так и декрет такой выставили.

Ну, так извозчик стал посильнее лошадей гнать, выпивши. А тут государь выставил два полка солдат на парад, стречать его. Когда только он подъехал сюда, то государь крикнул:

— Шапки долой!

Все скинули шапки, а он стоит в шапке. И солдат является, который в шапке, и говорит ему:

— Простите, ваше императорство, что я с вами грубо так поступал.

— Ничего, — говорит, — ты не грубо поступал, ты свою дисциплину исполнил. Если б не твоя дисциплинка, то мы спали бы и сейчас там. А солдата дисциплина вынесла, спасла и тебя и меня. За это я тебе отдаю тебе место всё и тебе деньги, которые остались там, — все твои. И дам тебе охрану большую, и сделаем там вроде дворца на том месте, и ты будешь жить-проживать и добро наживать. И будешь всех знать, и тебе преклоняться все.

Вот это солдат-молодец! И сказке конец.

54. БЕЗЗАБОТНЫЙ МОНАСТЫРЬ.

дин раз проезжает Петр Великий у монастыря, видит — вывеска висит. И он прочитал эту вывеску. На этой вывеске записано: «Беззаботный монастырь».

Он и думает: «Как же он беззаботный?» Он заходит в этот монастырь и вызывает старшего игумена.

— Почему у вас написано на вывеске, что он беззаботный монастырь?

— А так, — говорит, — что местность такая была, верно, так и вывеска такая, что беззаботный.

— Ну так вот, я дам вам заботы, чтоб ты через три дня разобрал мою загадку, что я скажу.

— А что?

— Да вот, — говорит, — оцени, что я стою, и скажи, что я думаю и кто у нас старшой есть? Я буду через три дня ехать, чтоб ты мне ответил. А если не ответишь, то моя меч — твоя голова с плеч.

А здесь как раз водовоз воду выливал, да это всё и слышал. Игумен задумался — никак не может эту загадку отгадать. И он уже по монахам стал спрашивать, — и кого не встретит, всё спрашивает. Водовоз и говорит:

— Что ты, отец игумен, так задумался?

— А вот что задумался: государь мне дал задачу, что наш монастырь беззаботный, он дал заботу.

— Какую?

— Да вот, кто у нас старше есть? И что он стоит? И что он думает?

— Так вот, отец игумен, я тебя избавлю, если послушаешь меня, то дай мне твою одежду. Когда приедет государь, сам заберись под кровать и сиди, то пушай мне голову рубят, а не тебе.

Государь является через три дня. Игумен выходит.

— Ну что, надумался?

— Надумался, ваше императорство.

— Ну расскажи

— Так пойдёмте, — говорит, — со мной.

Вот он приводит, где игумен под кроватью лежит.

— Ну, расскажи, кто из нас старше?

— Да пока старше вас нет.

— А что я стою?

— А Иуда продал Христа за тридцать серебряников, а вы стоите двадцать девять — поменьше немножко.

— А что я думаю?

— А вы думаете знаете что?

— А что?

— Вы думаете, что с игуменом разговариваете, а вы разговариваете с водовозом, а игумен вон под кроватью сидит.

Игумен выходит с-под кровати.

— Ну, так вот, пусть же ваш монастырь и будет беззаботный Игумен же пускай будет водовозом, а ты будь игуменом, что мог ты всё отгадать.

Игумен остался водовозом, а водовоз игуменом.

55. ПЕТР ВЕЛИКИЙ И КУЗНЕЦ.

от Петр Первый приезжает к кузнецу на лошади.

— Подкуй-ка мне коня!

— Можно, — говорит.

— Только сделай подкову хорошую!

Ну, вот кузнец занялся подкову делать. Сделал подкову и подаёт ему.

— Что, хороша будет эта подкова?

Петр Первый усмехнулся:

— Хороша, да не совсем.

— Почему не совсем?

— Она, — говорит, — слабая.

— Ну, не знаю, — говорит, — что она слабая.

Он берёт в руки и разгинаят эту подкову. Кузнец видит:

— Да, действительно, слабая.

Берётся работать вторую.

— Ну, а это — хороша будет?

Он и говорит:

— Да так себе.

И эту разогнул. Он берётся третью делать. Третья готова.

— Ну, этой, пожалуй, можно подковать.

Кузнец сделал четыре подковы и подковал. Петр Первый и спрашивает:

— Сколько тебе за подкову?

Четыре рубля.

Он подаёт ему рубль серебряный. Кузнец взял и сломал этот рубль.

— Да у вас и деньги фальшивые!

Он подаёт ему второй. Он и второй сломал.

— Да дайте, — говорит, — мне деньги хорошие.

Петр Первый вынимает двадцать пять рублей и подаёт ему.

— На, не ломай денег, то мы наехали коса на камень. Я подкову взломал, а ты рубль поломал. Видать, что сильнее ты меня. Ты знаешь, кто я такой?

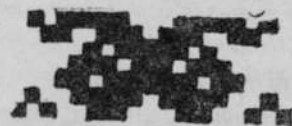
— Нет, не знаю.

— Я — Петр Великий, ваш государь. Ну, дак вот, работай, как работал и сказывай людям, что государь ломал подковы, а я — его рубль. Вот мы с ним и познакомились.

Петр Первый сел и поехал, и сказал:

— До свиданья, кузнец, ты — хороший молодец!

И после того его не видал.

56. ПРО КЛИМА-БОЛЬШОГО ЗЛОДЕЯ.

одной деревне жил Клим. Днём лежит на печке, а ночью идёт на добычу. Все мужики и сказывают:

— Вот, нигде не работает, а жив хорошо — всего у его хватает.

Тут пошел слух, что чем Клим занимается? Тут узнал барин ихний, что действительно, Клим даже на пригон не идёт (раньше работали два дня помещику и четыре себе, мой отец служил по пригону. Это здесь барства не было, а на наших местах пять вёрст — и помещики. Кружом помещики).

— Надо же его позвать.

Сзывают. Волей-неволей Клину надо идти до барина, а не идти, так и розги получишь. Он приходит.

— Здравствуйте, — говорит, — барин.

— Здравствуйте, здрасте! Ты кто такой есть?

— Да я, барин, Клим.

— Да ты, — говорят, — злодей хорош?

— А ничего, — говорит, — барин.

— Так ты укради у меня пару коней.

— Так ты, барин, покажи, каких только.

— Ну, если украдёшь, лошади твои будут.

Барин поставил стражу. То Клим забрался еще днём на конюшню, и потом с конюшни вечером спустился, и сел в станок, где лошади стоят, и палкой по коленам лошадей колотит. То лошади ногами топают, а стража там на воротах стоит. Они и говорят сами с собой:

— Верно, чувствуете, что Клим придёт за вами.

А Клим здесь. Ну, вот, Клим слышит, что они утихли. Он берёт

лошадей и пошел. Прочиняется стража. Прибегли — и коней нету. Утром докладывают барину, что Клим украл лошадей.

— Дак вы, верно, спали?

— Нет, барин, он даже не в тей двери вывел, где мы сидели.

Барин посылает за Климом. Клим на печке спит, уже отдыхает. Приезжает управляющий:

— Что, Клим, надо к барину явиться!

— Отдохну и приду.

Является Клим к барину. Барин спрашивает:

— Что, украл лошадей?

— Украл, барин. Как же ваше слово изменить, когда вы приказали?

— Где ты дел лошадей?

— Да, барин, продал, а деньги уже расходовал.

Барин сказал:

— Ну, и молодец же ты! Тогда вот, укради ж ты у меня деньги.

— А покажи, барин, где они у тебя?

Барин приводит и показывает.

— Вот в этой комнате.

— Ну, так я сегодня их возьму. — Клим сказал. — И вот в это окошко я буду лезти с деньгами.

Барин взял саблю и встал у окошка, дожидает его. Барин стоит, караулит, а Климу надо деньги взять. Ну, Клим знал, что вот сегодня похоронен был покойник. Он его откопал, на плечи взвалил и тащит туда. Подходит к этому окошку. Окошко открывает и покойника в окошко головой пускает. А помещик тое время саблей отрубил покойнику голову. Голова упала сюда в комнату, а труп под окошко слетел. Барин сам себе сказал:

— Теперь ты больше воровать не будешь! Теперь можно смело идти спать до утра.

Барин и пошел спокойно отдыхать.

Приходит и говорит жене:

— Ну, я Климу отрубил голову! Больше не украдет ни коней, ни денег, а завтра придется похоронить его.

Клим, когда барин пошел, влез на окошко, забрал деньги и эту голову, и труп. Заносит туда на кладбище и опять зарыл, как было. И сам на печке полеживает, — деньги есть.

Барин утром встаёт, идёт в тую комнату, где климова голова лежит. Приходит — головы нету. Он глянул в окошко — и трупу нету, и он к сундуку — и сундук пустой. Он и говорит:

— Как же так: голову отрубил, а его ничего нету?

Барин сам отправился к Климу. Приезжает, Клим на печке отдыхает.

— Ну, что ж, Клим, украл деньги?

— Украл, барин.

— Я ж тебе голову отрубил.

— Так ты, — говорит, — когда мне голову отрубил, и потом сказал, что я больше не буду воровать, коней твоих и денег не возьму, а сам пошел спокойно спать, то голова пошла, деньги забрали и опять пришла с деньгами ко мне — на место села и я опять пошел.

— Дак ты мне дай хоть часть денег, — барин просит его.

— Нет, барин, с того свету покойники не ходят, так тебе и денег не видать.

Барин и думает: «Ишь, голову на месте срубил и то ходит. Теперь с им плоховато бороться, надо уже лаской его просить».

— Ну, вот, Клим, украл лошадей и украл деньги, укради с барыни рубашку.

Он и говорит:

— Можно, барин, украсти с барыни рубашку. Только если я украду, а вы скажете, что нет, так вот на той рубашке надо сделать надпись, что именно она та я рубашка, в которой она будет спать.

Клим уже забрался пораньше туда. Барыня в такой-то рубашке спала, которую ему надо было взять. Он берёт с квашни тесто. Когда барыня только заснула, он взял, да обмазал ей рубашку. Барыня прочиняется — что мокро такое?! А Клим уже сидел под кроватью.

— Что ж нам делать? — барыня рассказывает.

— Да ты сними рубашку, брось под кровать!

Она эту рубашку сбросила под кровать. Сама одела другую и спать легла опять. Утром прочиняются. И говорит [барин], что вот Клим хотел рубашку снять, да и не было его.

Посмотрели под кровать — и рубашки нету. Барин опять к Климу. Клим опять на печке лежит, отдыхает.

— Ты что, — говорит, — рубашку украл?

— Украл, барин. Дак я, пожалуй, ее не крад, ее сама барыня, пожалуй, подала. Ну, а всё-таки работа моя была.

Барин ему говорит:

— Ну, если ж ты такой уже вор, то уворуй у меня барыню. Если барыню уворуешь, то половина имения отдам.

— Хорошо, барин, уворую и барыню. Только, знаешь, три — четыре дня ты только с барыней живёшь, а то я утащу ее.

Клим тут и трётся, разбивает план, как барыню взять. В одно время барин спал с барыней. Он пришол, да тихонько ее будит:

— В Ы стань, — говорит, — с кровати, а то Клим за тобой идёт. Перейдём в другое место.

Тая с кровати вышла. Он ее схватывает и пошел с ей. Барин прочиняется — барыни нету. Барин к Климу. Клим на печке лежит.

— Ну, что, — говорит, — украл барыню?

— Украл, барин.

А где ж барыня?

— Продам чорту.

Он и говорит:

— За барыню обещал пол-имения отдать, если украдёшь, а если воротишь мне барыню, отдам еще часть имения, а себе оставляю третью часть.

Клим и говорит:

— Тяжело, барин, от чорта вырвать назад, ну всё-таки попробую.

Клим и пошел к чертям вращивать барыню. Он идёт, видит — чертенята бегают. Он подходит к реке и начал с песку вить веревки. Чорт посылает молодого чорта.

— Спроси, что Клим, великий злодей, делает?

Чертёнок приходит и спрашивает:

— Что ты, Клим, делаешь?

А он отвечает:

— Вью кадол (верёвки), чертей тягать на суходол. Через три дня всех чертей выкидаю.

Чертёнок приходит и говорит:

— Беда!

— Какая?

— Да вот Клим вьёт кадол, нас всех тягать на суходол.

— Бежи, спроси, что он хочет с нас?

Чертёнок прибегает и спрашивает:

— Что ты хочешь с нас?

— Я ничего не хочу, я хочу барыню назад взять. Вот вас Ы тягну, а потом барыню возьму.

Он прибегает и рассказывает:

— Это он хочет барыню назад воротить.

Чорт и говорит:

— Иди, скажи ему, что пусть с тобой вперегонку побегит. Если он обежит тебя, то барыню отдадим, а если ты его обгонишь, то будет наша барыня.

Чертёнок ему и сказал это. Клим ему отвечает:

— Э-э, будто важность и с тобой побегать! У меня молодёнь трёх дён и то тебя обгонит!

А у Клима было поймано два зайца (он уже знал, что это будет). То один заяц в одном мешку, а другой заяц в другом мешку. Ну, вот, когда он сказал, что молодёнь трёх дён обгонит:

— А где ж твой молодёнь трёх дён?

— А тот еще в пелёнках лежит.

Он вынимает с мешка зайца.

— Ну, ровняйся!

Чертёнок встал. Он зайца и пустил, заяц и побёг. А чорт за зайцом бежит. Ну, всё-таки скрылся заяц. Прибегает чорт к Климу.

— Ну, что, — [Клим] говорит, — обогнал?

— Нет.

— А мой вот прибёг давно (и показывает второго зайца).

Чертёнок и пошел к старому чорту.

— Разве, — говорит, — его обгонишь? У его молодёнь трёх дён и то меня обогнал.

Чорту всё-таки неохота барыню отдать. А Клим своё дело делает — всё вьёт верёвки. Чорт и посылает опять его:

— Иди, — говорит, — пусть он с тобой поборется. Если поборет тебя, то придётся барыню отдать, а не поборет, то барыня будет наша.

Чертёнок приходит и рассказывает ему:

— И сказал наш старый чорт, чтобы я с тобой поборолся. Если ты меня сбьёшь, то барыню возьмёшь, а не сбьёшь, то тогда барыня наша.

Клим усмехнулся:

— Со мной ты станешь бороться, так, пожалуй, я у тебя и кости потру. У меня даже дедушка три года на одном боку спит, тебе и с тем не справиться, не то, что со мной.

— А где ж он, дедушка твой?

— А пойдём, я покажу.

Он знал, где медведь лежит. Вот он и приводит его и показывает ему:

— Вот он лежит уже три года на одном боку. Залазь-ка к нему туда!

Вот чертёнок и полез. Мишка и взялся чорту считать рёбры. Ну, кое-как вырвался. Прибегает и рассказывает старшóму чорту:

— Иди-ка, сам попробуй! Я бегал — не догнал, и он привёл меня к дедушке, который три года лежит на одном боку. Он мне почти все кости переломал. Насилу я вырвался от его.

— Ну, дак что ж, приходится тогда отдать барыню.

Ему отдают барыню, он приводит к барину и говорит:
— Изволь свой подарок получить и давай же мне тебе, что ты сказывал.

Барину жалковато стало.

— Так довольно с тебя будет половины.

Клим и говорит ему:

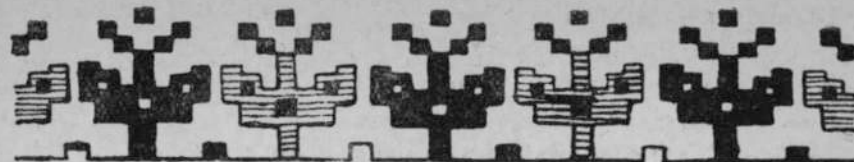
— Да... На совесть верить нельзя. Надо было сразу расписку брать себе. Ну, ладно, я больше чикаться с тобой не буду, а скоро и ты там будешь, где барыня была!

Барин испугался и говорит:

— Забирай, Клим, только не тревожь меня.

— Вот так давно б сказал! А то с вами, что с чертями — всё смотрите с мужика, чтоб мужик работал, вас поил, кормил. Ну, а всё-таки ты нарвался на меня! Голову срубил, и то живой стал.

Так барин ему всё и отдал.

57. С ЧЕГО СКАЗАЛОСЯ ЗЕРКАЛО.

Ол солдат домой с походу с девятого году. Двадцать лет отслужил. Заходит он в одну деревушку, просится ночевать. Ему отвечают:

— У нас, солдатик, тесно.

Он и говорит:

— Как тесно! Две избы и тесно?

— Да изба новая. Только в ей жизнь нельзя.

— Почему?

— Да вот известно, — говорит. — Так что пробовали несколько разов заходить, то ночным временем, угоняют нас отсюда.

Солдат и говорит:

— Дай-ка, я переночую, меня не выгонят.

Ну, может быть, он знал, что такое тут есть уже. Он поужинал и отправляется. Берёт свою сумку и свой барабан, идёт туда и ложится спать. Тут в двенадцать часов ночи является чорт и говорит:

— Не к месту пришёл.

А он отвечает:

— Нет, к месту. Вы знаете, как с солдатом надо жить? Если я ударю в свой барабан да крикну: «Стройсь!» — то вам деться негде будет.

Он вынимает с кармана орех и кусает и ёсти.

— Вот, на-ка тебе орешек, раскуси так, как я. (А солдат поддал чорту камень.)

Тот кусал — никак не раскусить. Он и говорит:

— Вот ореха не раскусил, а выгнать хочешь.

И встаёт, развертывает свою сумку и говорит им:

— Вот, если вы силу имеете выгнать меня, то залезьте в мою сумку и попробуйте вылезти, то тогда я выйду отсюда.

Солдат берёт барабан в руки.

— Стройсь! Мигом в сумку!

И они начали скакать. Солдат завязал сумку и повесил их на крючок. (В деревнях в избах крючок есть.)

— То вы будете сидеть здесь у меня долго.

Из сумки они не могли вылезти. Сумка висит на крючке. Тут солдат прожил уже дня три, и хозяева видят — никого уже нет, а того не знают, что он загнал их [чертей] в сумку и сумка висит. Все пошли на работу, а хозяйка осталась дома. А солдат пошел на деревню. Когда никого дома не было, только одна хозяйка, чорт и говорит:

— Хозяйка, выпусти нас, развяжи сумку.

Ну, хозяйка не знала, что там солдат запер чертей.

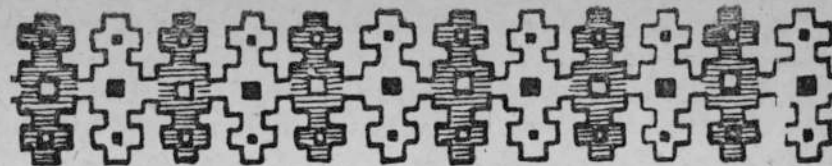
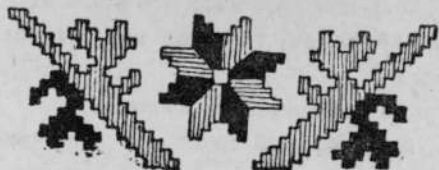
— Мы тебе дадим такую вещь, что ты сама себя увидишь.

Ну, она поинтересовалась:

— Как я могу сама себя увидеть?

А раньше этих зеркалов не было по деревням, да и в городах не было. Она взяла сумку, развязала. Черти выскочили и дали ей зеркало.

Вот она и увидела сама себя, а черти все ускакали с избы. С тех пор и пошли зеркала.

58. МУЖИК И ЧОРТ.

от жил мужик. У его бедность пришла. И говорит он своей хозяйке:

— Пойду я к чорту, займу у его денег.

— А где ж ты его найдёшь?

— Найдём. Сам придёт.

Он вышел за деревню. Там бегла небольшая речка, там был мост. Он приходит на этот мост и кричит:

— Вылазь-ка сюда, чорт!

Чорт вылез.

— Чего хочешь, мужик?

— Дак вот, я пришол к тебе, чтоб ты денег дал мне в долг.

— Так что ты ко мне так пришол, — в долг просить? Почему ты знал, что я здесь сижу?

— Я потому знал тебя, что ты здесь сидишь: когда у вас свадьба была, я шол с топором, и вы ехали. То ты хотел меня свалить, а я хотел тебя топором зарубить. Ну, ты мне сказал, что приходи в такое место.

Чорт и говорит:

— Ну, теперь я припомнил!

Полез назад под мост, т'ягнет шкатулку и подаёт мужику. Мужик и пошел с деньгами. Мужик стал жить хорошо. Чорт видит что деньги дал, а договора никакого не было. Он и приходит к мужику:

— Я тебе денег дал, а с тобой не уговорился, когда ты мне отдашь деньги.

Ну, а мужик знал давно, что воробей не ходит, а всё скачет. Он ему и рассказывает:

— Тогда я отдам тебе деньги, когда воробьи станут шагом ходить.

Чорт все ждёт, посматривает на воробьёв, а воробьи всё скачут. Он опять приходит к мужику.

— Ну, дак что ж, давай деньги!

— Дак как же я тебе отдам деньги, когда воробьи пешком не ходят ещё!

Чорт собрал много воробьёв и призывает мужика:

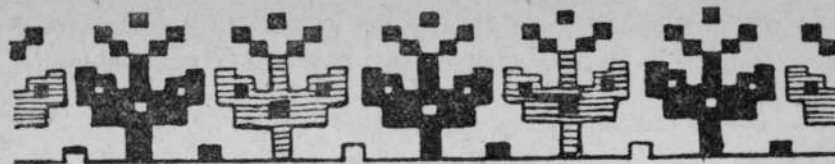
— Пойдём, сейчас они станут пешком ходить.

— Ну, пойдём, — говорит.

Приходят, смотрят — а воробьи всё скок да скок. Он и пугнёт их, и всё, а они поскакивают. Тогда чорт и рассказывает:

— Ишь, какую ты силу имеешь большую — и воробьями командовать можешь! Мы хитрые, а мужики ещё хитрее нас. Один раз я шол — нашол шляпу. Я посмотрел — в этой шляпе нигде нету шва. Я взял её, разрезал и начал сшивать. Как ни сошью — всё шов есть. То мужик хитрее чорта! Значится мои денежки пропали.

Так чорт от мужика отстал. Мужик и сейчас живёт.

59. ПРО ЧЕСТНОГО МУЖИКА.

ил мужик с женой мирно двадцать лет, а чорт к нему ходил и возмущал его, чтоб он с своей женой подрался али поспорил, но никак не мог его сбить.

А там рядом жила старуха Баба-яга — костяная нога. Она немножко с чертями зналася. Она видит, что чорт чуть не каждый день проходит кóло избы. Вот она уже на второй день — «дай я поймаю чорта».

Чорт идёт. Баба в окошко стучит ему:

— Зайди-ка ты, мо́лодец, сюда!

Он кричит:

— Чего?

— Да зайди, зайди!

Ну, он заходит к ней в избу.

— Ты чего, — говорит, — меня зовёшь?

— А чего ты ходишь здесь?

— А что же? Ты запретишь мне, чтоб я ходил?

— Так я вот хочу знать, чего ты хочешь, что вот ты ходишь к такому-то мужику; тебя никто не видит, а я вижу ты идёшь, вроде человека. А ты кто?.. Ты чертёнок?

— Да, бабушка, верно, я чертёнок. По вашему там району я уже три года хожу. Где убийства — меня хвалят, где драка — я там, а вот здесь, у этого мужика, никак не могу сбить, чтобы он с женой хоть поспорил; я уже под столом сидел, тоже никаким рóдом не взять. А старшóй чорт велит обязательно, чтобы они поспорили, али подрались, то тогда я славу получу (как всё равно я в газетах сегодня¹). Бабушка и говорит:

¹ В газете «Красная Карелия» (№ 175, 2 августа 1937 г.) появилась заметка: «Сказочник Господарев».

- А что мне да сй, я через три дня их изведу, что они подерутся?
- А что ты, бабка, хочешь получить? — чорт взрадовался.
- А купи мне красные сапоги.
- Куплю, бабка, только постарайся!

Бабка утром встаёт, идёт к молодой, а хозяин был уехавши на поле. Приходит и говорит:

- Знаешь ли ты, Матрёна, что?
- А что, бабка?
- Твой Иван вот к такой-то ходит.
- Да что ты, — говорит, — бабка?! — она не верит.
- Нет, нет, голубка! Я тебе правду рассказываю.

Матрёна и задумалась: «Неужели старуха будет врать?»

Матрёна уже стала поглядывать вроде косо на своего Ивана. Баба-Яга — костяная нога и говорит ей:

— Я сделаю так, что он даже не посмотрит больше, только послушай меня.

— А как, — говорит, — бабка?

— А так: у нас скоро будет воскресенье. Так вы когда пообедаете, ты скажи: «Дай я поищу у тебя в голове вшей». Когда ты будешь искать вшей, так ты вытягни у его три волоса и на эти волоса я сделаю наговор, и он больше не будет ходить к той.

Баба-Яга встречает Ивана:

— Здравствуй, голубчик Иван Петрович! Иван Петрович, ты ничего не знаешь?

— Нет, бабка, ничего.

— Твоя Матрёна заливает.

— Что ты, бабка? — говорит (он не верит).

— Ты, — говорит, — не веришь мне? Если ты не веришь, так я тебе приметку скажу, голубчик мой.

— Какую, бабушка?

— Смотри, придёт воскресенье, у вас работы не будет, то она скажет: «Давай-ка, Иван, я у тебя поищу в голове, нет ли вшей». Тогда ты ляж и вроде засни, то она вытягнет у тебя три волоса и захочет тебя провести, чтоб ты больше на свете не жил и отдать колдуну. Колдун возьмёт и тебя проведёт. Ты помрёшь, а она с любовью будет жить.

Ну, Иван верил и не верил этому. Всё-таки подумал:

— Неужели бабка старая врет?

Подходит воскресенье. Они победили, то тая думает: «Как волоса вытягивать?»

А Иван думает: «Как будет вытягивать?»

Она и говорит:

— Иван, дай-ка я у тебя в голове поищу.

Иван и подумал: «Ага, правду бабка сказала! Ну, на, поищи».

Иван лёг к ней в передник. Она поискала с одной стороны, перевернула на другую сторону, а Иван уже и спать захотел. Иван вроде спит уже.

Она один волос вырвала, и другой, и третий тянет. Иван встаёт.

— А-а! Ты, такая-сякая, тебе любчиков надо?! — и ну её дуть. А чертёнок и стал кругом бегать, что подрались, и радуется. Ему слава уже.

Чорт является к бабке и говорит:

— Я, бабка, принесу тебе красные сапоги сейчас!

Взял сапоги и на длинную палку навесил, и несёт к бабке.

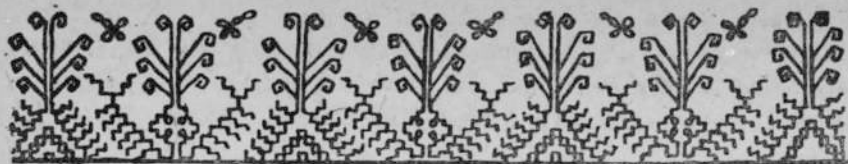
— На, бабка, сапоги!

Она говорит:

— Что же ты с рук не даёшь, на палке несёшь?

— Да, пожалуй, тебе с рук да сй, да ты к себе притягнешь меня. Знаешь, бабка, где чорт не возьмёт, там бабка возьмёт! Вот я и боюсь с рук тебе сапоги дать.

60. БАРЫНЯ И КОЛДУН.

у, вот у барыни не было ребят. Барыня была не очень молодая, не очень старая. Она узнала, что в такой то деревне есть колдун.

— Съезжу я туда к ему, что он мне скажет: будут у меня ребята али нет?

Вот она и приехала. Колдун и говорит ей:

— Дак вы переночуйте, барыня, у меня, то утром мы узнаем и вам скажем.

Ну, вот, барыню послали спать в комнату, а кучер на кухне залез на печку и отдыхает. Ну, колдун в двенадцать часов ночи приходит на кухню, открывает подполье и крикнул:

— Выходите сюда!

Оттудова вышли две собаки черных. И он спрашивает у их:

— Ко мне приехала барыня узнать, будут ли у ее ребята?

Они и говорят:

— Будут два. Только дать надо лекарства ей, то давай ведро нам с водой, то мы плюнем по разу, она и родит двух молодцов.

Он подал ведро — один плюнул в это ведро и другой. Он берёт бутылку, вливает в бутылку эту воду. А кучер это всё слышал и видал, что колдун делал. Утром колдун и говорит барыне, что «у вас будет двое ребят-молодцов. И вот, на тебе эту бутылку. Когда придёшь домой, то ты будешь ложиться спать, выпей эту воду и вы забеременеете, то у вас тогда будут дети».

Она и поехала домой. Вот они едут дорогой с кучером. Она стала с кучером разговаривать. Кучер и говорит:

— Что, барыня, он вам дал?

— А вот дал бутылку, в бутылке вода. То когда буду ложиться спать, выпью, то будет у меня двое ребят.

Кучер и говорит:

— Да, барыня, верно. Я тоже слышал, что когда в двенадцать часов ночи колдун пришёл на кухню, крикнул: «Выходите», то оттудова, с-под печи, вышли две собаки черных и он спрашивает: «Что, будут у барыни ребята?» А они отвечают ему: «Могут быть, только надо дать ей лекарства. То возьми ведро и налей воды, и мы плюнем, то у ее будет два молодца».

Когда кучер только ей сказал, ей это стало страшно и противно, что «собаки плевали, а мне надо пить, то не надо мне этих ребят». Берёт эту бутылку и бросает ее наземь. Когда она бросила эту бутылку, бутылка эта разбилась, а она и поехала. А тут за ей кричат на ее:

— Мама, на что ты нас бросила?! Возьми, мама, с собой нас. Барыня велит кучеру пошибчѣй гнать лошадей, а тут всё голос отдаётся:

— Мама, не ѣзжай, возьми нас с собой!

Так она с того страху спугалась, приехала домой и кончилась. Так и ребята остались неизвестно куда эти.

Ну, вот, кучер это рассказывал. Вот и мы слышали, да и людям рассказали.

61. ГАРМОНИСТ И ЧЕРТИ.

играет.

Раз, когда он кончил играть, становятся они в ряд, вроде как отдыхать. А там стоял таз. К этому тазу, все и бегут, и мочат пальцы свои, и мажут глаза свои. И вот все разбégлися. Стоит этот таз, — ему поинтересовалось, что это они мажутся постоянно с этого таза.

— Давай же я помажу!

Он когда помазал свой глаз, приходят они, чтобы он играл. Ему тут же показывается такого-то суседа дочка на вечеру. А она уже три года, как померла. Ну, она не померла, а через любовь задавилась (ну, всё равно, что померла). Ну, и многих знакомых он увидал, которые были умёрши, удушены — все были на вечеру. И он видит даже всех чертей уже. Как игрок хороший, его брали там и на свадьбы играть. Он и видит, что на каждой свадьбе черти есть, где какая ни гýлбища, то он всё видит. Мужички там подопьют. Слово за слово — станут спорить. Дело доходит до драки, а тут чертенята бегают и под бока подсовывают, что «дай ему». Он всё ходил к чертям играть, но виду не показывал, что видит чертей. Потом один раз пришёл он на свадьбу — приводит молодуху в этот дом, то чертенята все с избы побégли, что она такая пришла хорошая. Один сидел в печке чорт, а тут спёреду был уголь. Ему деться негде. Он стал скакать, загорелась у его одёжа. То этот музыкант усмехнулся:

— А, и вам деться негде! — говорит.

Куда они ни пойдут, он всё видит. Они раз позвали музыканта на другую свадьбу. Приходит он играть на другую свадьбу. Приводят молодуху, то тут чертей набégла, полна избá. Он опять усмехнулся. Но черти видят его, и он видит, но черти не думали, что он видит.

Он не стерпел и говорит:

— Довольно тут трёх было вас приятелей.

Чорт и спрашивает:

— Почему ж ты нас знаешь?

— А как же я не знаю вас, что вот дня три я на свадьбе играл у вас, да будто не знаю вас. Я уже два годы с вами занимаюсь.

Они стали допрашивать у его:

— Почему ты знаешь и видишь нас на каждом шагу?

А он слуру говорит:

— Вот вы мазали глаза и я помазал левый глаз, я и вижу вас.

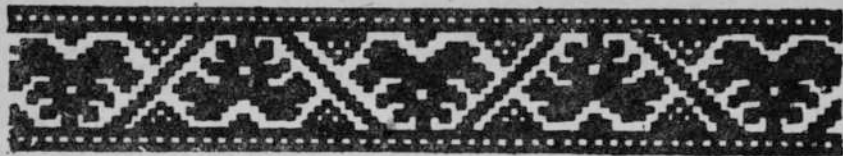
Чорт ж и в чиком подскакивает к ему и вырывает глаз его.

— Теперь ты видеть не будешь нас!

Он и остался с одним глазом и больше чертей не видит. Теперь не знаю, играет на гармонии, аль нет.

И присказке конец.

62. КОТ — ЧИСТОТА, ОГОНЬ — КРАСОТА,
ИЗБА — ВЫСОТА.

ол прохожий. Заходит в деревню, просится ночевать. Тут хозяин дома. Он и говорит:

— Хозяин, нельзя у вас проночевать?

А хозяин говорит:

— Ночевать можно, только если мою загадку отгадаешь. А не отгадаешь, получишь три разá погонялки, а ужином я накормлю.

— А, может быть, отгадаю.

Тут уже стало темно. Запалили на каменку огонь, поужинали. Тут кошка сидит, он и говорит:

— Ну, вот, первая загадка: что это такое?

— Это, — говорит, — кошка.

Он его плёткой протянул.

— Это не кошка, а чистота! Она очищает хозяина, мышей ловит, вот за это она чистота. А это что такое? — на огонь.

А он говорит:

— Это огонь.

А он ему:

— Это не огонь, а это красота. Ну, а как же, — говорит, — зовут избу?

— Что ж, — говорит, — изба, так изба.

— Нет, это не изба, это, — говорит, — называется высота. В этой высоте живёт чистота, сохраняется красота.

И ну его дуть палкой. Он и думает: «Погоди, я тебя, боготвори!»

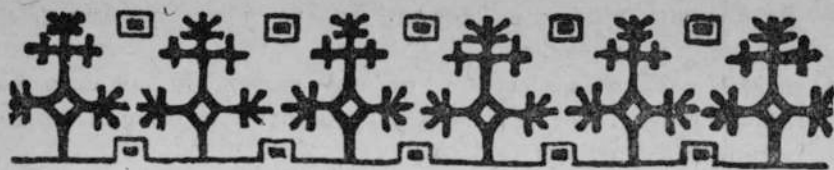
Утром встали, каменку развели. Тут сидела чистота. Прохожий мужик взял головешку с огнём, взял красоту, привязал к хвосту коту и пустил его на высоту, и говорит хозяину:

— Ну, спасибо, хозяин, за ночлег. Только у вас чистота взяла красоту и понесла на высоту.

А хозяин и не догадался, что он ему сказал. А там была на высоте пакля с лёну. Кота как подпалила красота, так он в паклю, — пакли загорелись и высота сгорела.

Так и наладили: прохожий палки получил, а он хозяину избу спасил.

63. МУЖИК И ПРОЕЗЖАЮЩИИ.

дин мужик приехал в деревню и просится ночевать. Хозяин и говорит:

— Ночуй.

Он лошадку убрал. Входит в избѹ. Тут собирают, ужинать.

— Ну, садись с нами ужинать.

Он и говорит:

— Спасибо.

А хозяин говорит:

— Садись!

Он и сел за стол. Хозяин стал хлеб резать. И вот режет всю мякѹшку на ломти. То этот мужик говорит хозяину:

— Хозяин, довольно тебе резать.

Он его по шее кулаком.

— Что ты моего хлеба жалеешь? Ты ешь сколько тебе надо, а указывать хозяину нельзя.

Мужик поужинал. Постлали мужику постель. Он проночевал и думает: «Как же мне этому хозяину отдать долг?»

Вот он и надумал, как долг отдать ему. Он выходит к своей лошадке и отвязывает, берѣт хомут, подымает хвост лошади и стал на зад одевать хомут. Хозяин смотрел, смотрел в окошко, что мужик не так делает. Он выходит с избы на двор и подходит к ему:

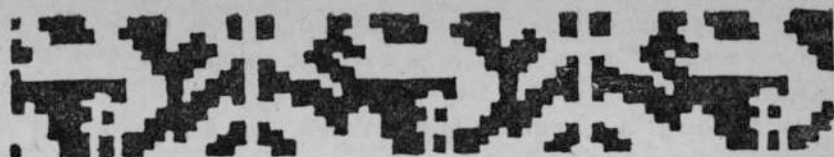
— Ты не так хомут одеваешь, надо спереду одевать.

А он говорит:

— Хозяин знает как одевает, показывать нечего!

Берет палку и ну удить (*хоть бить, хоть удить— всё равно*) хозяина.

— Ты хлеб резал, я сказал, ты меня отдул. Ну, так вот и мне показывай! Вот теперь мы с тобой в расчѣте.

64. ДЕРЕВНЯ БИБАЧКИ.

ыла деревня Бибачки, где стариков убивали; такой закон был у их, чтоб старики не мешали. Если [старику] пройдѣт шестьдесят лет, призывают сына и говорят:

— Ты своего отца убивай!

Другой еще с радостью убивает (*старик — лишний рот*), а другому жалко убивать отца. На похороны не ходили друг к другу. Убил, похоронил — никто не знает.

Вот называли там Ивана или Романа на сходку и говорят ему:

— Твоему отцу шестьдесят два года. Его уже срок прошол. Надо его убивать.

Сын со сходки пошел с плачем: «Надо отца решитѣ».

Приходит домой и говорит отцу:

— Мне, отец, приказали, чтоб я тебя убил.

Отец ему и рассказывает:

— Да, сынок, верно, хорошо, что мой отец, а твой дедушка шестьдесят лет прожил и помер. Его похоронил. А я еще здоровый мужик, а приходится мне живому в могилу пойти.

Сын заплакал и отец заплакал. Сын и рассказывает:

— Отец, у нас есть погреб на огороде. Я тебя в этот погреб запру, буду носить тебе корму — что сам буду есть, то и тебе носить. И скажу, что я убил тебя и похоронил.

Сын запрягал отца в погреб. Приходит на сходку, у его спрашивают:

— Ну, что, отца убил?

Он говорит:

— А будто большие труды старика убить! Я как щѣлкнул его,

так он завертелся — упал. Я ему яму выкопал и чуть живого его туда не поклал. Теперь больше он оттудова не вернётся!

Ему и сказали:

— Молодец! А старик он был крепкий, еще бы столько лет прожил бы, сколько жил.

Сын отвечает:

— Нет, теперь не проживёт уже?

Год проходит. Сын отца каждый день наблюдает — что сам ест, то и отцу несёт; и одёжу переменет, да и устроил на огороде каменную печку, вытопит, обмоет, и ему, старику, жить хорошо. Летним временем мужики все на поле. Старик пройдёт, на дворе посмотрит, и на гумно пройдёт — там что-либо сделает.

Два года проходит — никто его не видал. На третий год прошла гроза по ихнему полю и обила у их всё добро, которое надо жать, а гроза всё сжала (*это всё равно, как святой Елбрия сбивал мужика*). Им уже нечем сеять. У которого, может быть, был запас, — так надо сеять и ёсти. А они все затосковали, что на будущий год не посеешь ржи, сеять нечем. Сын и приходит к отцу и говорит:

— Отец, сеять нечем. Сей год не знаю, как и прокормиться.

Отец ему и рассказывает:

— Так ты не бёдууй, сынок, у нас крыши соломенные! Ты землю вспахал?

— Вспахал, отец, да сеять нечем.

— Так вот, первым делом, снимай крышу с дому, а потом покроешь новой соломой, а старую солому вози, по своим полоскам расстилаи и приорывывай (*вторая пашка*), то на будущий год будет у тебя там рожь.

Он рассказывает:

— Почему ж так, отец, можно и свежую солому разостлать. Отец и рассказывает:

— Вот я один жил, так я плохо молотил. Так у меня почти в каждом колосе — осталось по зерну. Ну я за этим и не гнался. что там оставалось, потому что у меня хватало. А теперь, в новой соломе, вот эти годы вы молотите, так всё выбываете, даже на присле зёрнышка не оставляете, потому что у вас не хватает, а у нас хватало, мы за этим не гнались.

Сын стал делать, как ему отец сказал: крыша была под гребёнку покрыта его, может лет пятнадцать стояла и еще бы простояла двадцать лет. Он начал ломать крышу. У его спрашивают:

— Почему ты такую хорошую крышу ломаешь?

А он отвечает:

— Мы стариков сбиваем, так надо старые крыши сбивать. Все смеются:

— Вот, дурак, такую крышу сломал. Она б могла не один десяток лет простоять.

Когда старую солому сбросил, то начал новой соломой крыть и под колос уже (потому что под гребёнку не хватит соломы у его). Солома то его и валяется у дома. Он и пошел к отцу и говорит:

— Стали мужики, отец, сеять рожь.

— Так я тебе сказал — ты крышу снял?

— Снял.

— Ну, так вот вози по полю и приорывывай и боронуй, хоть люди будут смеяться над тобой, ты не бери внимания. А на будущий год посмотрят, что у тебя будет лучшая рожь, как у их.

Так он и сделал. Весной дождался. Кто сеял рожью — колос от колоса, не слышно голоса, а у его даже и гад не проползёт (*такая рожь у его пошла, сильная стала*). Каждый идёт и любит:ся

— Смотри-ка, какая рожь у его хорошая! А он соломой сеял.

Стала сходка собираться. Он приходит на сходку, и вот на сходке приказывают одному, что твой отец прожил шестьдесят лет, ты должен его убить. А он тут подтверждает:

— Да, должен убить.

— Почему у тебя такая рожь хорошая — ведь ты соломой сеял? Ты теперь богаче будешь нас всех! Ты хотя крышу хорошую сломал и по полю развозил и сеял, ее приорывывал и боронил. Кто тебе сказал это делать?

Он и говорит:

— Мне отец сказал.

— Да твой отец, почти четыре года подходит, спит в земле.

— Нет, он не спит, а он у меня в погребе сидит, еще живой. Так вот, граждане общество! Где есть старый куст, там дом не пуст! Старики больше нас знают.

— Так покажи своего отца нам.

— Можно показать.

Он приходит:

— Ну, отец, пойдём на сходку. Четвёртый год ты живёшь, народ тебя не видал, так пойдём показываться.

Он старика приводит. Ну, старик бледный был (*знаешь, всё взаперти, да взаперти*). Все удивились. У старика спросили, как он проживал. А потом схватились:

— Теперь стариков не надо убивать — старики всё знают.

Так вот с тех пор убивать стариков в Бибачках не стали, а название деревни, кажется, не кончилось.

65. БОГАТЫЙ МУЖИК.

В деревне жил мужик. Денег у его много было. И он стал старым. Видит, что у его сына вроде чего не хватает, то отдать ему все деньги сразу, так он проведёт и ничего не будет. Он перед смертью говорит ему:

— Сынок, когда я помру, то ты старайся каждое воскресенье обновочку себе сделать. Будешь ты на поле пахать, то ты смётки подкидывай там (прибавляй землю). И когда ты будешь работать, так ты никому «Бог помочь» не давай, а чтобы тебе давали. И вот когда я помру, так вот висит крюк, и ты проведёшь деньги все — не с чем будет жить тебе, то ты возьми верёвочку и на этом крюку задавись.

Отец его помер. Он каждое воскресенье покупал себе обновки, а это все бросает, которое неделю понашивал. На поле поедет пахать, ну, и шапку купит хорошую, смётки, и бросит там. Он думал, что отец ему сказал, чтоб смётки бросал, а будет ему поле лучше родить. Ну, а люди идут и подберут, и никому он не давал «Бог помочь» — всё думает, чтоб ему давали. Он пожил год без стда, это всё творил, что отец сказывал, и дожил до того, что и жрать нечего. Он и говорит:

— Наверно, отец мне правду сказал, что задавиться надо на этом крюку.

Он берёт верёвку. Ставит стул. Завязывает за крюк и налегает на шею себе петлю. И стул пихнул и сам повис. Крюк оторвался и он на пол упал, а на его деньги посыпались.

— Ага, вот это отец и велел задавиться мне, что сразу мне денег не дал!

Он и пошёл к одному мужику и говорит этому мужику:

— Дедушка, почему мне отец так сказал, чтоб я каждое воскресенье обновки покупал?

Дедушка усмехнулся:

— А ещё что он тебе сказал?

— Да вот сказал, чтоб я, когда пахал, смётки подкидывал. И сказал так, что когда будешь работать, так ты никому помочи не давай, а чтоб тебе люди давали.

— Ну, так вот же, голубчик! Это тебе отец наказывал там, чтоб ты обновочки делал каждое воскресенье: на поле не поедешь, а рукавички у тебя порвались али штаны, так ты и возьми их, почини, вот это будет и обновка. А на поле будешь пахать, то смётки не надо кидать. А на каждой полянке есть там поженьки кусок, то его сразу распахать нельзя ж всё, а ты понемножку прибавляй, хоть на четверть, вот это будет смётка. А «Помогай бог» он тебе сказал, чтоб не давать людям, а чтоб люди тебе давали? Так не надо поздно спать, то люди будут идти и тебе «Бог помочь» давать.

Тогда он и сказал:

— Да, это правда. Отец наказывал, да не мог я раньше у людей спросить.

Он к этим деньгам и начал обновки делать: начал землю прибавлять, стал рано вставать, на работу ходить и стали «Бог помочь» ему давать.

66. ПРО МУЖИКА.

В деревне жил мужик. Было у его три сына. Они все были женаты. Старшего уже сноха считалась по-старше, среднего помладше, а этого — совсем еще молодё. И вот они друг с другом спорят невестки, и там нашоptyвают своим мужьям, что эта там так делает, а другая так. А для чего они нашоptyвают? Для того, чтоб мужики в согласии не жили. Им охота было разделиться. Станут сказывать, ну, брат с братом, как они дружно жили, старшой и средний, по мордахе. Ну, потом они говорят:

— Почему меньшой не бьёт жены, а вы нас бьёте?

Вот старшой среднему и рассказывает:

— Давай-ка мы, науськаем, чтобы он своей дал. Пусть обидно не будет, что и эта попробует погонялки.

Ну, а брат младший не знал, что они два посоветовались так. Вот в праздничный день они и говорят младшему:

— Пойдём с нами.

Меньшой брат:

— Ну, пойдёмте.

Они идут в кабак, садятся. Старшой заказывает кварту вина (раньше квартами продавали) и они выпили. Он же требует другую, чтоб напоить младшего брата, что может быть трезвый он жалеет бить своей жены али совестится, а выпивши будет, так ему и море по колен.

Они ему и рассказывают:

— Мы теперь придём домой, так ты дай-ка своей жене, кнотов несколько засынь ей, а то наши жены обижаются, что мы бьём, а ты нет. Ну, пойдём.

И вот пошли до дому. Это было дело осенью. Время грязное

было. Он нарочно по грязи пошёл. Замарал свои ноги в грязи, даже костюм свой замарал, упал. И вот идут домой, дверь открывают, старшая невестка и кричит:

— Ишь, бродяги, налопались!

Так и средняя. А эта молчит. Постель там была убрана. Он приходит и ложится на подушку ногами, а где ноги — там головой. Она подбегает и говорит:

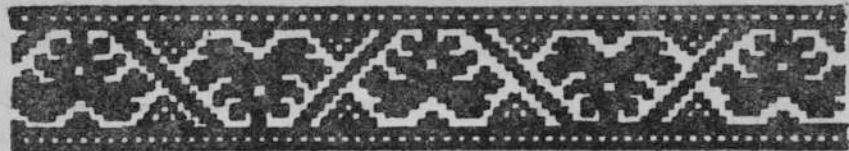
— Не все ж голове спать на подушке, надо и ногам поспать. Ноги больше трудятся головы.

Поправила ноги, получила чтоб лежали на подушке, и сама пошла. Он встаёт и говорит:

— Ну, вот, видишь, братья, за что же ее бить? Как к ей можно пристать и ей дать, если смола к дубу не пристаёт, пока не помажешь, так и к ей не пристать, то и не за что ее бить. Ваши, видишь, жоны стали ругать вас, что мы выпили сегодня. Дак вот я слышал от стариков, старики сказывали, что быка хозяин бьёт за зык а бабу за язык.

Тут братья и стали своих опять наколачивать, а этот своей не тронул.

67. САПОЖНИК НА ТОМ СВЕТЕ.

ил сапожник. Любил он выпивать. Вот однажды он напился до той степени, что он сам себя не знал — где упал и спит. Тут идут два мазурика и говорят:

— Это нам человек дельный будет, ему всё-таки лет полсотни есть. Давай, возьмём его.

Берут извозчика, покляли его и повезли. Привозят к себе домой. Скидают с его эту одежду грязную, одеют ему одежду так, как покойнику и кладут его на мягкую кровать, а он всё проснуться не может. Вот он очинаётся и смотрит:

— Где я лежу?

И покрикивает:

— То с похмелья голова болит.

Слышит, за стеной обзывается человек:

— Ты что, — говорит, — проснулся?

— Да, проснулся! Где же я нахожуся?

— Ты находишься на том свете. Ты был помёрши и попал теперь ты в светлый рай. Видишь, пред тобой сколько цветов, какая комната хорошая?

— Вижу.

— Ну, ты вот на том свете горевал, а теперь, видишь, в царство небесное попал. То, может быть, похмелиться хочешь?

Сапожник отвечает:

— Да, не мешает.

Он ему подносит графин и закуску:

— На, вот выпей и закуси, и на этом свете есть.

Сапожник и думает: «Ах, теперь я поживу!»

Его держат неделю: кормят, поят его — что только ему хочется, а прислуга всё одна. Прислуга ему и рассказывает:

— А ты не хочешь на тот свет посмотреть?

— Да не мешало б.

— Ну, так вот, завтра тебя повезут и ты увидишь тот свет. Завезут тебя в магазин — что будут спрашивать, то ты всё говори «да». И у тебя будет губернаторская одежда, и посадят тебя в магазин на стул. И вот у тебя будет портфель, там бумаг наложено полно.

Его и потащили в большой магазин, где было много золота и серебра и разных шелков. И они привозят его. Ну, как губернатор приехал, тут и купец подаёт ему стул. Он садится, портфель этот свой кладёт на стол, на выручку. Вдруг является экипаж на паре лошадей. Заскакивает в этот магазин и говорит:

— Панаша, я сколько магазинов прошла, а вот тебя где нашла! (У их уже подведёно.)

А он говорит:

— Да. (Раз приказано, надо говорить.)

— Так вот, панаша, я замуж выхожу! На свадьбу надо набрать?

А он:

— Да.

— Так я, панаша, возьму себе часы золотые, да брату, жениху?

— Да.

Берёт часы. Она говорит:

— Панаша, это надо ещё взять!

Он говорит:

— Да.

— Вот это, панаша, надо взять.

— Да.

Они уже набрали тысяч на десяток (забрали весь магазин). А видят, что портфель большой, рассчитаться есть чем. Ну, вот, когда они забрали, она и говорит:

— Панаша, я поеду.

А он:

— Да.

И она укатила. Ну, вот, там хозяин стал сосчитывать, сколько товаров отпущено. Подносят ему бумажку.

— Ваше превосходительство, вот вам бумажка!

А он:

— Да.

Ну, и стоит. Тут уже хозяин:

— Ваше превосходительство, надо бы рассчитаться!

А он говорит:

— Да.

Тут уже время лавку закрывать, он опять:

— Ваше превосходительство, надо бы рассчитаться, время лавку закрывать!

А он:

— Да.

Тут уже не знает купец, что и делать. Он там подозвал городского. И городской приходит, во-фронт ему становится, спросил:

— Ваше превосходительство, уже время позднее, надо лавку закрывать!

А он:

— Да.

Ну, что ж, городскому делать больше нечего — пошел. Тут призывают пристава городского. Вот и пристав городской приходит и говорит:

— Ваше превосходительство, надо лавку закрывать!

— Да.

И приставу взять нечего. Дошло до полицмейстера города. Вот и полицмейстер приезжает, козыряет, тоже говорит:

— Ваше превосходительство, время уже позднее, надо лавку уже закрыть!

— Да.

Ну, всё-таки полицмейстер:

— Ваше превосходительство, время уже уходит!

А он:

— Да.

— Надо, — говорит, — хозяину платить, что вот товару сколько набрала ваша дочь.

А он:

— Да.

Полицмейстер и говорит:

— Так тогда послать за дочкой губернатора. (А у губернатора была дочка.)

Дочка является:

— Я, — говорит, — и не была у вас, что вы!

Купец рассказывает:

— Верно, не вы были, сестра ваша.

— Так это ж, — говорит, — и не отец мой.

Тут к нему подходят опять:

— Ваше превосходительство, будете платить аль нет?

Он говорит:

— Да.

Они спрашивают:

— Что у тебя здесь в портфеле?

Он отвечает:

— Да.

Ну, тут развернули этот портфель его, а там полно бумаг наперто и двадцать пять рублей кинули ему на разжигу денег. Они видят, что это обман, стали его спрашивать:

— Кто ты такой есть?

Он и говорит:

— Я был раньше сапожник, а попал в царство небесное. Я там жил в царстве небесном, пил и ел, что хотел. И вот они меня привезли сюда показать этот свет. А я раньше жил вот на такой-то улице, в таком-то доме, жена у меня вот такая-то, вот столько-то ребят.

Пристав и говорит:

— Да, уж три недели тому назад, как его искали, неизвестно куда делся, а он попал на тот свет.

Ну, он и рассказал, как на том свете был. Как его там поили, кормили и возили старый свет показывать. И вот сказали так, что мы будем сказывать, то говори «да». «Ну, я и думал, что я на том свете в таком раю».

— Ну, а ты не знаешь, откуда ты выехал?

— Дак я только знаю, когда меня повели с комнаты и посадили в карету, даже не знаю, по каких улицах ехал.

Ну, вот, тут, полицмейстер и пристав говорит:

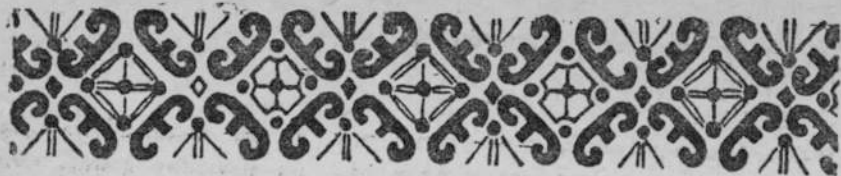
— Ну, дак иди, дошивай сапоги (знаешь, взять нечего!)

А купцу сказали:

— А ты рот не разевай и мух не лови! Ищи сам, куда повезёно, а нам искать поздно.

Так купец и остался не при чем, а сапожник пошел домой.

68. МУЖИК И ТРИ СЫНА.

В одной деревне жилó два брата: один богатый, другой бедный. У этого богатого не было ребят, и он занимался воровством, ну и жил хорошо, то этот бедный и говорит:

— Брат, взял бы ты у меня хоть одного сына, обучил бы в свою профессию. Всё-таки, может, полегче жить было б.

— Ну, давай, старшего, попробую учить. Может быть, и выйдет что-нибудь.

Богатый брат и взял племянника и пошли с им.

Вот идут они по полю. Племянник молчит. Выходят они в лес. Тут в лесу стоит ёсень хороший, клён хороший стоит, ну, и дубы стоят, одним словом — лес хороший, что всякой породы есть. Он и говорит дядьку:

— Дядя, — говорит, — если б мне этот лес, да досок напилять с этого лесу, сколько б можно наделать столов, комодов, стульев, то тогда б и воровать не надо б было.

То дядя вернулся с им домой и говорит брату своему:

— Вот, брат, ты отдавай его в мастерскую, это будет столяр хороший, и вот тебе будет помочь.

Дядя берёт среднего:

— Ну, пойдём же, средний.

Ведёт его по полю, по самому этому лесу. Подходят — стоит грíва такая (лес такой мелкий, где орехи растут, а где орехи растут, там земля очень хороша). Он и говорит:

— Дядя, если б мне эта грíвочка, я б эти кусты ореховы вырубил бы, насадил бы здесь проса и ржи, и тут было б и хлеба, и каши было б с чего варить, то и воровать не надо б.

Дядя ворочается с этим домой и говорит брату:

— Это, брат, не вор. А это будет мужик — землю пахать, да и этим может пользу дать. Ну, давай-ка мне меньшого!

Он и меньшого взял. Вот и пошли. Ведёт его по полю. Он молчит. Ведёт его по лесу — молчит. Ничего дяде не говорит. Доходят, — такое низкое место, болóтина, где водились утки, гнезда вили, да выводили дитят. Дядька ему говорит:

— Вот, племян, в этом месте в кусте сидит утка на яйцах. Можешь ты взять с-под утки яйцо, чтобы и утка не слыхала?

Племянник отвечает:

— А ты, дядя, можешь взять?

— Я возьму, — дядя ему рассказывает.

— Ну, так попробуй.

Дядя полез за яйцами, а племянник за дядем. Пока дядя яйца взял, а племянник у дяди с-под ног подошвы отнял, и дядя не слышал. Дядя и говорит:

— Видишь, утка не слетела и яйца тут.

А племянник говорит:

— Ты пока яйца брал, то и подошвы потерял.

Дядя посмотрел — нету подошвов. А племянник ему подаёт:

— Вот они.

Тогда дядя и рассказывает:

— Так тебя, пожалуй, учить не надо, ты лучше меня знаешь, когда я не слыхал, как ты подошвы взял. Теперь мы с тобой поживём.

Вот они идут. Тут пастух с имени пасёт коров. Племянник и говорит:

— Давай, дядя, возьмём барины быка, зарежем, — всё-таки на первый случай у нас так мясо будет.

— Ну, давай!

Племянник прибегает к скоту. Берёт быка и ведёт к дядю в лес. Они его и убили. Кожу сняли, мясо очистили, как следовало быть, то племянник подумал: «Погоди-ка, я дядю узнаю, что он есть такой за вор. Можно с им коммерцию водить али нет?»

Он и говорит:

— Дядя, надо трябушину взять, да сходить, тут вот речонка недалеко, вымыть ее, дак тоже можно съести.

Дядька ему и говорит:

— Куда это брать, хватит с нас и мяса.

А он рассказывает:

— И это же мясо.

Берёт трябушину и отправляется к реке. И вот приносит к реке

эту требушину, кладёт. Взял палку и начал по этой требушине бить и кричит:

— Дядюшка, не бей меня, это не я быка крад — это дядька мой крад, да послал меня требушину помыть.

Дядька и подумал:

— Воришка хороший, да сам попал, а дядьку выказывает.

Дядька от этого вола дальше побёг. Племянник и видит, что дядька удрал от мяса, и он требушину там оставил. Сам приходит домой, берёт лошадь, поехал и это мясо привёз. И начали варить и есть. Приходит дядька к нему и говорит:

— Кто это тебя там бил?

— Да никто.

— А чего ж ты кричал?

— Да я кричал, чтоб ты на выручку бежал ко мне, а ты спугался, да и от быка побёг; я вижу, что ты побёг, я требушину там же оставил, коня взял да и быка привёз, дак вот нѣ, покушай. А так же нельзя делать. Всё равно, если б я попал бы, то бы и ты тут был. А тут надо раньше рассмотреть, да друг друга выручать, тогда можно итти вместе воровать. А если мы станем друг от друга убегать, то тогда нечего и воровать.

Вот они и начали с племянником проживать, и бедный брат стал богатым, как и этот.

69. ПРО КИЕВСКОГО И МОСКОВСКОГО ЖУЛИКА.

Киевский жулик захотел ехать в Москву, а московский захотел ехать в Киев. Стречаются они дорогой друг с другом. Ну, они всё-таки жулик жулика замечает, — это тоже нашей породы. Московский ему и загнул слово такое. Киевский видит, что он тоже такой, как и я. Они и стали говорить. Московский спрашивает:

— Ты откуда есть?

— Я, — говорит, — киевский.

А этот спрашивает:

— А ты откуда?

— Я — с Москвы.

Московский уже спрашивает у его:

— Куда ж ты едешь, держишь путь?

— Да еду в Москву поднажиться немного.

А московский говорит:

— А я, друг, еду в Киев поднажиться, то я в Киеве наживуся, а тебе в Москвы пожалуй не удастся.

Киевский и спрашивает:

— Почему?

— Уже если я выезжаю с Москвы, так тебе там и делать нечего.

— Ну, как же так?

Московский рассказывает ему:

— Видишь, мужик пашет на лошади. Если можешь у этого мужика взять коня из сохи, то тогда можешь в Москве быть.

А киевский говорит:

— А ты можешь?

— Я, — говорит, — могу.

— Ну, давай попробуй.

Московский и говорит ему:

— Ступай же, вон ель стоит густая, полезай, — говорит, — на ель на эту и сиди там. Когда мужик будет поворачивать лошадь свою, то ты тогда там кричи: «Сижу на ель».

Он забрался на ель. Мужик подъехал, коня поворачивает, а он:

— Сижу на ель!

Мужик раз подъехал. Второй раз подъезжает, повернулся, а он кричит ему:

— Сижу на ель!

Мужик бросил коня. Рот свой раззявил и смотрит, кто там сидит на ели. А московский пришол, коня выпряг с сохи и повёл его в лес. Он видит, что до лесу доводит московский коня, он и кричит:

— Сижу на ель, у мужика коня увели!

Мужик всё вверх смотрит. Он опять кричит:

— Сижу на ель, а у мужика коня увели!

Мужик оглянулся — а коня в сохе нету. Мужик видит, что коня уже к лесу подводят. Бросил смотреть на ель, побёг за конем. Тот в лес привёл, коня бросил, а этот с ели слез и вот сошлись вместе. Московский и говорит:

— Так вот, друг, поедem в Киев. Там поживём!

И вот они согласились и поехали в Киев. Так, что киевский не видал Москвы.

(Это спал и выдумал, а те, которые известны, пускай стуне будут).

70. [ОТЕЦ И СЫН].

одного мужика был сын, а мужик жил самостоятельно. Сын и говорит отцу:

— Отец, я украду у такого мужика быка, убьём его и мясо будем есть.

Он и говорит:

— Для чего ж нам воровать, когда у нас свой есть?

А он:

— Свой пусть растёт, а этого надо взять.

Отец видит, что никак от его не сбавиться. Он пошёл к мужику этому и говорит:

— Продай мне своего быка.

— А купи.

— Сколько?

Ну, бык стоил двадцать пять рублей. Он ему выкидывает деньги и говорит:

— Когда мне понадобится, тогда я возьму. Всё равно, и без тебя я возьму. (Он надеется, что сын его уворует.)

А сын всё говорит, что «я быка всё равно возьму».

Ну, как отец деньги заплатил, знает, что бык мой, уже никто его искать не будет. То он сказал:

— Иди, бери быка и веди его на сарай, а мы сейчас его убьём и будем мясо есть.

Сын пошёл, быка привёл, ну, и убили. Когда убили быка, то отец рассказывает сыну:

— Давай-ка, сын, теперь померяемся, кто будет из нас толще. (По трудям помериться.)

Вот сын померил отца (вот как на службу принимают — меряют,) завязал в узелок.

— Ну, давай же, сын, я тебя померяю.
Он своего сына померил в грудях. Сын стал потоньше.
— Ну, вот, — говорит, — теперь будем есть это мясо.
Вот и начали варить и кушать, а отец сказал:
— Ты почаще заворачивай ко мне, когда мы будем обедать.
Этот мужик другой раз зайдёт. Вынимают там мяса, едят. Ну, другой раз мужика этого посадят:
— Ну, садись, садись, Митрий Иванович!
Он пообедает с ними. Ну, ничего не вспоминает. Кончили они этого быка есть, тогда отец рассказывает сыну:
— Ну, давай-ка, сын, мы теперь померяемся, кто из нас прибыл. Мяса мы ели досыта. Варить не жалели, потому что бык дармовой. Сын отца меряет.
— Так ты почти на вершок, отец, прибыл.
— Ну, давай-ка же я тебя померяю.
Вот он его померил. Он на два вершка убыл.
— Что же ты, молодой, должен прибывать, а ты убываешь. Так вот же, сын, я ел своё мясо, [за] которое заплатил деньги, а ты ел ворованное. Когда другой раз Митрий Иванович придёт обедать, и мы посадили его, то я ел — не боялся, а ты хотя и ел, оно не приставало к тебе, к твоему сердцу, зато ты и убыл. А я, как ел своё, так я прибыл. И вот так тебе советую никогда не воровать. То ты думаешь всё сладко, а оно выходит горько. Это надо бросить всё.
Тогда сын сказал:
— Больше, отец, не буду.
И начал своим трудом жить.

71. ГЕНЕРАЛ И ПОПУГАЙ.

Попугай генералу всё рассказывал, кто что ни делает.

Ну, попугай денщику надоел, каждую пустяковину он рассказывает генералу. То денщик и говорит попугаю:

— Если б ты поменьше рассказывал, я б тебя ещё лучше кормил (а денщик попугая кормил). А ты вот веришь своему хозяину, что всё рассказывает. Ты думаешь, что хозяин тебя и любит за твой длинный язык? А он не очень любит тебя.

— Как же? Если он меня кормит и поит, то я должен ему говорить.

— Ну, вот, ты рассказываешь, а вот сделай так, как я тебе скажу: полезай на печку и сиди и слушай, что генерал скажет про тебя.

Попугай говорит:

— Ну, ланно.

Забрался на печку и сидит, ноги простёл. Денщик подходит и говорит генералу:

— Ваше превосходительство, у нас попугай околел (или сдох там, всё равно).

— Ну, околел, так выкинь его к чертям на помойную яму, пусть там собаки его съедят!

Он приходит, попугая с печки тягнет за ноги и потащил его, и говорит барину:

— Жалковато такой птицы выкидывать (это денщик уже), да делать нечего, пойдём же.

И потащил его на помойную яму. Когда тащил, он говорит ему:

— Ну, попугай, слышал, что про тебя хозяин сказал?

— Слышал.

— Ну, ладно.

И он его бросил на помойную яму, а сам отправился домой, знаясь, в комнату.

Там он полежа часа два-три, пока ему тепло было (*может быть, летним временем было дело*). Там выносит горничная сор и бросила в помойную яму. Он и кричит:

— Восьми мене!

Ну, она заверилась.

— Ты что, — говорит, — еще живой, и чорт тебя не ухватил? (*Он всем надоел, попугай.*)

Опять его на то же место посадила, где он раньше сидел. Генерал приходит, видит генерал — на месте сидит.

— Ты что, живой, попугай?

— Шифой, та я польной.

— Ну, больной, так очуховайся (*тоже, знаешь, мякого слова нету ему.*)

Там, может быть, неделю он прожил после этого. Генерал получил жалованье, приезжает, в письменный стол кладёт деньги эти. Ну, сам уехал на службу. Идёт денщик, попугай и говорит:

— Денщик.

— А что?

— Перй в столе у енерал дёньхи.

— Так ты скажешь?

— Не скашү.

Денщик боится брать дёньги. А он кричит:

— Перй, денщик, дёньхи!

Ну, денщик отчаялся, деньги взял. Генерал приезжает, в стол по-сматривает, а там пусто. Он думал, что может быть взяла барыня. Он бежит:

— Вы, — говорит, — деньги взяли?

— Нет.

Он спрашивает:

— Попугай!

— А что?

— Кто дёньги взял?

— Сольтат.

— Какой?

— Сольтат.

Он приводит денщика.

— Этот?

— Не.

Он приводит другого.

— Этот?

— Не.

Он переводил всех солдат. Попугай всё говорит, что не этот. Так он и перестал солдат водить, и денег своих не видал больше.

А денщик с попугаем стал согласно жить.

72. СОЛДАТ НА ТОМ СВЕТЕ.

Солдат отслужил службу, приходит домой и помер. Попался он в царство небесное. Живёт он там год. Кормят его, поят там хорошо на том свете. Он и говорит:

— Тут-то хорошо жить, да только ни курить не дают (*там, знаешь, нельзя курить*), ни вина пить, и работы никакой. И он говорит:

— Я брошу лучше рай, а пойду в пекло.

Он бросил и пошел к чертам. Приходит и спрашивает:

— Это что?

Чорт ему отвечает:

— Это пекло.

— А что ж, можно у вас пожить?

Чорт говорит:

— Можно.

Чорт и спрашивает:

— Почему ж из рая ты идёшь к нам в пекло?

— Да там нет ни табаку, ни трактиров и некуда даже сходить.

Ну, вот мне там и надоело жить.

Чорт ему и рассказывает:

— А у нас всё это есть.

Ему дают табак, показывают ему трактиры. Тут ему сразу же зажилось хорошо и дали ему работу — грешникам подпаливать котлы. Ему и здесь надоело уже. Он приходит к чорту.

— Вот, — говорит, — хорошо у вас жить; есть табак, есть вина, и работа есть, и гулянка есть, только вот одного нехватает.

— Чего?

— Да вот надо сделать здесь церкву, тогда у нас всё будет. (*Он в пекле уже не хочет жить; говорит, чтоб от чертенят улизнуть.*)

И занимается работать церкву. Сатана видит, что он церкву занимается делать.

— Я тебя сюда не звал, ты сам пришёл, а теперь стал церкву делать, то лети отсюда!

И прогнали его из пекла. Он вышел и думает: «Что мне теперь делать? В раю был — выгнали, в пекло пришёл — и отсюда выгнали. Куда ж мне теперь деться? Ну, я пойду до бога».

Приходит к богу и говорит:

— Господи, что ж мне теперь делать? В раю я был, из рая попал в пекло и оттуда вышибли меня.

Бог ему и говорит:

— Ну, теперь становися у меня придворным.

— Ну, и хорошо.

Он остался у бога придворным. Тут является смерть к богу, а он стоит на дверях.

— Ты куда идёшь?

— К богу.

— А ты кто такая есть?

— Да я смерть.

— А-а... Ты, — говорит, — смерть, а я придворный у бога! То ты не имеешь права сама идти, я должен докласти ему, что ты пришла.

— Ну, так иди и спроси у бога, каких он мне прикажет людей брать.

Он и пошёл. Приходит.

— Господи, пришла смерть и спрашивает у вас, каких людей брать.

Бог и говорит ему:

— Иди, скажи, пусть берёт до трёх лет малых ребят, три года.

А у его там у брата и у сестры такие ребята были. Солдат и пожалел их. Он приходит, она и спрашивает у его:

— Ну, что бог сказал?

— Бог сказал, чтоб ты три года брала, резала дубьё, которые за три года выросли (молодых).

Смерть и пошла чистить, резать дубьё да есть. А ребята растут. Прошло три года, смерть является опять:

— Ты куда, — говорит, — идёшь?

— Да к богу, каких людей брать?

— Так я ж придворный, я должен сходить до бога.

— Ну, так иди.

Он приходит:

— Господи, — пришла смерть, спрашивает, каких людей брать?

Бог и говорит:

— Пусть она берёт средних, от двадцати пяти лет до сорока пяти, Пусть три года берёт этих людей.

Ему и опять жалко стало, что она хороших людей заберёт. Он приходит и говорит ей:

— Господь сказал, чтоб ты все в лесе вырезала дубы от двадцати пяти лет до сорока пяти *(он ей дал работу)*.

Тая и пошла резать, а народ не помирает. Проходит три года, она опять приходит к богу. Солдат и спрашивает:

— Куда ж ты идёшь?

— Да к богу иду.

— Я ж придворный, я должен сходить.

— Ну, так иди.

Он и пошёл. Приходит:

— Господи, пришла смерть к вам: каких людей даёте ей?

Господь сказывает:

— Пусть берёт с полсотни и до целой сотни лет, таких три года.

Он приходит и говорит:

— Бог тебе сказал: с полсотни до сотни вырезать эти все дубы.

Смерть отправляется опять. Проходит три года. Она дубы вырезала все. Тут уж девять лет народ никак не умирает. Она является к богу, он спрашивает:

— Куда идёшь?

— Да иду к богу — каких даст людей?

— Дак я ж придворный, я ж должен сходить.

А смерть говорит:

— Хотя ты придворный, — я десять лет порезала столько леса и я уже отошала, то я сама пойду к богу. *(Уже она не верит ему.)*

— Ну, иди, чорт с тобой!

Она и пошла до бога сама. Ну, и рассказала богу, что я три года резала до трёх лет молодые дубы, вторых три года — средних вырезала, а в последние годы вырезала старые дубы.

То бог сказал:

— Иди, позови солдата сюда на расправу.

Солдат приходит, как по-солдатски:

— Что же, господи, требуешь меня?

— Так ты, — говорит, — и бога обманываешь?

А солдат говорит:

— Какой же ты бог, когда ты сам не знаешь, что я делаю!

Господь ему и говорит:

— Ты за эту вину, что смерть отошала, ты должен ее девять лет носить на своих плечах, чтобы она окрепла.

Ну, делать нечего. Солдат и говорит:

— Ну, садись, я понесу!

Вот он понёс для три ее. Она уже стала забирать этот молодяк, который ей надо было тогда резать. Подходят они к реке. Он и говорит:

— Ну, садись, пойдём через реку!

Она села к нему на плечи, он пошёл. Уже до шеи вода. И говорит ей:

— Ты теперь не будешь людей резать, я тебе утоплю.

И начал смерть топить. Смерть и говорит:

— Неси меня назад, я лучше буду пешком ходить!

Он ее вынес на берег, она и говорит:

— Больше я на тебе не сяду, я пойду одна.

— Ну, иди.

Он ворочается опять к богу.

— Господи, — говорит, — куда же мне теперь деться? И смерть отказалась от меня.

То бог ему и сказал:

— Иди ж ты опять на тот свет, откуда родился, да и живи еще столько, сколько жил, и рассказывай людям, что ты был в раю — места не нашол, в пекле был — места не нашол, придворным был и смерть носил — и смерть отказалась, то больше я тебе не дам ничего.

Он и пошёл, и стал рассказывать про своё живёнье и как на том свете живут и как на этом.

Вся.

73. МИКОЛА И ЕГОРЬЯ.

Ехали Егорья и Микола по дороге на лошадях. Тут пахал мужик земельку свою, — лошадка была хоть веретенной стрихни (такая была «хорошая»). Он проехал по своей полосе, там считалось загон, ну, а полоска у мужика узкая, да длинная. (У кого два надела, так пошире, а у кого один надел, так поуже полоска).

Этот мужик как раз подъехал к дороге. И они говорят:

— Помогай бог тебе, мужичок!

— Спасибо, барин.

Он видит, что в хорошей одежде, хорошие лошади. Они спрашивают:

— Что у тебя такая лошадка плохая?

— Да, барин, будет плохая... Земли мало, а ребят много, то некогда кормить лошадку хлебом, что и ребятам нехватает.

То святой Егорья слезит с лошади:

— На-ка, мужик, моего коня! Испашу этот загон свой.

Мужик запрягает егорьева коня и поехал. Туда поехал и оттуда приезжает и загон сорался. Тогда Микола слезит со своего коня:

— Ну, попробуй тогда и на моём!

Он поехал и на этом коне. Ну, и он туда проехал и оттуда, и сорался. Тогда святой Егорья и спрашивает:

— Ну, чей конь лучше?

Мужик надо было сказать, что равные кони, а то он думал, думал, да и говорит:

— Я всё-таки на своей лошадке проехал туда и оттуда, две борозды уже сделал, а на вашей лошади туда и оттуда у меня соралось всё, а на Миколиной лошади я поехал туда и оттуда,

то и этот загон сорался. То у этого барина лучше конь (на Миколу).

Тут святой Егорья осердился (святые и то сердятся, а мужик, чтоб не сердился). Святой Егорья, когда отъехал от мужика, и говорит Миколы:

— Знаешь, Микола, я этому мужику дам большой урожай на этих полях, лучше, как у всех. То будет каждый любоваться на его, что вот у бедного мужика такая рожь хороша. А пользу он не будет иметь. Я дал ему коня, а он моего коня похулил.

А святой Микола говорит ему:

— Что ж ты сделаешь ему, святой Егорья?

— А я только — как мужики сожнут рожь (мужики разом сжинают), напущу грозу, даже щебел вымою на его полосе.

А Микола подумал, что «не удастся тебе сделать, я мужика спасу».

Вот у мужика рожь такая, что все любят:

— Ах, какая рожь у такого бедняка!

Микола за неделю раньше приходит к мужику и говорит:

— Ты возьми свою рожь, чтоб ты за эту неделю сжал и в гумно свозил, а то пойдёт большая гроза, дак даже щебел вымоет.

Мужик так и сделал. Тут зажали рожь мужики. Поднялась гроза большая и на его полосах даже щебел вымыло. Они едут опять, Микола с Егорьем. То Егорья и рассказывает:

— Смотри, святой Микола, я сказал, что смою, вот и смыл.

Микола усмехнулся и говорит ему:

— Святой Егорья, посмотри-ка ты на его полоску, ты только щебел вымыл (коренья от ржи).

Святой Егорья посмотрел:

— Да, правда.

— Так вот, Егорья, мужик хитрее тебе (он уже насмешку делает). Он за неделю сжал раньше до твоей грозы, свозил на гумно. Смотри-ка, какие скирды стоят у его!

Он и говорит:

— Ну, святой Микола, если он так сделал, так и ему сделаю лучше!

— А что ж ты ему сделаешь? — Он опять допрашивает его.

— А вот я сделаю так ему: пусть он насадит сто снопов в ёвню (по нашему называется, а здесь — гушилка), то вымолотит три малёнки всего (мерка, около пуда ржи. Мужики раньше на малёнки в дом брали и отдавали малёнками). Хотя и десять снопов ссадит, тоже три малёнки будет, хоть три снопа ссадит, тоже три малёнки будет.

Ну, а Микола думает себе: «Это мужику дельно будет».

Он и приходит к мужику и говорит ему:

— Ты пробовал молотить, мужик?

— Нет.

— То ты насади в ёвню десять снопов и смолоти, то у тебя выйдет три малёнки; и три снопа насади — выйдет три малёнки и пятьдесят снопов насади — тоже три малёнки.

Он первым делом насадил пятьдесят снопов; вымолотил три малёнки. Второй раз насадил десять снопов — три малёнки. Третий раз насадил три снопа — три малёнки. Он и начал молотить по три снопа. Насадит три снопа — смолотит три малёнки. Он и намолотил амбар хлеба *(в амбарах засеки были такие, хлеб сыпался; в один пиено сыпали, в другой гречиху, в третий там овёс, а в четвёртый рожь)*. То он насыпал, где была гречиха, где овёс, где рожь. Он и насадил эти полные засеки ржи. Едут они опять, Егорья и говорит:

— Я сказал ему, что дам такой умо́лот, что он мало намолóтит.

А святой Микола рассказывает:

— Святой Егорья, он хитрее вас... Он попробовал садить пятьдесят снопов, вымолотил три малёнки, он насадил десять снопов — три малёнки, он насадил три снопа — три малёнки всё равно. То он по три снопа всё перемолотил. Вон, посмотри-ка, амбар хлеба полный набил, всё равно что в деревенском магазине *(раньше магазины были по деревням общие — для сыпки семли в сев. Бедняк возьмёт мною, бедняку мною и надо отдать; если он восемь малёнок возьмёт весной ржи, смеет, у его хлеба нехватает, съест; то когда он осенью намолотит, привозит, то отдаёт с верхом малёнку, а забирает из ма́газина без верху)*.

Егорья посмотрел.

— Да — говорит, — всё равно я нашлаю на этот хлеб злы́дней, то эти злы́дни съедят за два месяца этот хлеб.

Микола и говорит:

— А можно простить ему, святой Егорья?

Святой Егорья говорит:

— Нет, не прощу! *(Всё-таки имеет злобу на мужика.)*

Микола приходит опять к мужику и говорит мужику:

— Мужик, ты эти двери забей, а другие проруби, а то за два месяца твой хлеб злы́дни съедят весь.

Он так и сделал. Они едут опять по деревне. Егорий ему и рассказывает:

— Смотри, святой Микола, сколько у амбара злы́дней бегают!

А Микола опять ему отвечает:

— Смотри-ка, святой Егорья, злы́дни с голоду пропадают! Он

эти двери забил, а другие прорубил, то в теи двери злы́дни не могут по́пасти.

Он и говорит:

— Ну, если я не могу с им сообразить, то буду оттудова ехать — я его спалю. *(Вот до чего рассёрдился святой!)*

Микола видит, что никак теперь не спасти, что спалит. Микола приходит к мужику и говорит:

— Ты возьми, купи воску и ссучи три свечки, и мы будем ехать на лошадях и спросим, куда ты идёшь. Так ты скажи, что я иду в церкву, помолиться богу и поставить свечки. А я спрошу: кому ж ты будешь ставить свечки? Ты скажи: святому Егорью две свечки, а Миколу одна свечка. То святой Егорья дал тебе такой умо́лот и он хотел смыть урожай, то я тебя спасал. А теперь я спасти не могу. И когда я спрошу: за что ты Егорью будешь две свечки становить, то ты скажи: За то ему две свечки, что он наши нивы соблюдает и скотину нашу соблюдает, за то ему поставлю две свечки. А я скажу: а Миколу? Ты скажи: одна свечка, — что Микола мало спасает людей, только на воде, а на земле он не спасает.

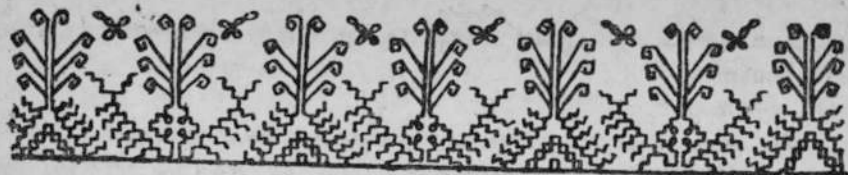
Мужик пошел в церкву ставить свечки, а Егорья уже поехал в эту деревню — будет палить его, пустит стрелу, чтоб загорелся амбар. То Микола и рассказывает:

— Святой Егорья, ты едешь его палить амбар, а он тебе верует больше, чем мне. Он несёт мне одну свечку, а тебе две, а ты хочешь его палить.

То тогда Егорья святой и сказал:

— Пусть он как жил, так и живёт — палить его я больше не буду. Так мужик свой хлеб и съел с детьми.

74. БЕЗДОЛЬНЫЙ ИВАН.

В деревне был мужик бедный, и его звали все Бездольный Иван. Бездольный Иван и говорит:

— Дай-ка я пойду поищу дом свой!

Он и отправляется.

— До бога доберуся: какую он мне долю даст,

что меня все зовут Бездольный.

Он шол день, второй. Подходит, большая гора. Вот он на эту гору полез.

— Теперь я доберуся до бога!

Ну, в гору всё-таки идти тяжело. Он сел отдыхать, видит — кто едет на лошади его следом. Подъезжает и говорит ему:

— Ты куда идёшь, Бездольный Иван? *(Уже знает — Бездольный Иван.)*

— Иду до бога, какую он долю мне даст.

— Ох, Иван, не добаться тебе до бога! А вот на тебе крёмку хлеба, подкрепись здесь, а я у бога спрошу, какую он тебе долю даст.

— А ты кто такой есть?

— Я святой Егорья.

— Так, пожалуйста, не забудь тогда!

Он эту крёмку ест — сыт и крёмка цела. Едет назад Егорья сюда и вздумал, что у бога не спросил, какое счастье Бездольному Ивану даст.

— Ах, — говорит, — Бездольный Иван, забыл про тебя спросить у бога! Ну, так живи здесь, я завтра буду ехать, так уже именно спрошу, не забуду.

Он на завтра едет и говорит ему:

— Ну, сегодня, Бездольный Иван, не забуду.

— Ну, и поехал и опять забыл спросить у бога. Опят приезжает и говорит ему:

— Опять забыл, Бездольный Иван, спросить! Ну завтра уже не забуду.

И на третий день едет, подъезжает святой Егорья к Бездольному Ивану и говорит ему:

— Сегодня, Бездольный Иван, обязательно не забуду!

А Бездольный Иван и говорит:

— Нет, пожалуй, забудешь. Так дай мне своё золотое стремя одно с седла, то хоть ты забудешь, так выйдешь садиться на лошадь, то у тебя стремя не будет, то ты вздумаешь, что я здесь третий день сижу, и у бога спросишь.

Святой Егорья отдал ему своё золотое стремя и поехал до бога. У бога там спросил, что ему надо, а про Бездольного Ивана забыл. Приходит садиться на лошадь, видит — у его стремя нету. Он тогда ворочается до бога и говорит:

— Господи, вот третий день Бездольный Иван вот в том-то месте сидит, так какую ему назначить долю?

Господь его спрашивает:

— Почему же ты вздумал про его?

— Да я ему стремя дал своё, чтоб не забыть третий раз.

Бог и сказывает ему:

— Скажи Бездольному Ивану, что бог ему такую долю дал: закрутить, замотать так и бог будет питать *(кто крутит да мотает, того бог питает)*.

Приезжает святой Егорья к нему. Он спрашивает:

— Ну, что?

— Да, пожалуй, если б ты стремя у меня не взял, то я б сегодня забыл. Вышел на коня садиться, вздумал о тебе и спросил у бога, какую долю тебе дать. То бог сказал так: если закрутить, замотать, то и бог тебя пособит, ты всё будешь прав; вот так тебе надо жить как я сказал, что бог сказывал.

Бездольный Иван и говорит:

— Святой Егорья, слезь с коня, я вам привяжу стремя.

Святой Егорья слез с коня, Иван сымает седло с коня и говорит ему:

— Ты, Святой Егорья, поезжай без седла, ты себе наживёшь, а мне первым долгом это будет очень хорошо. Я за седло и за стремя скоро поправляюсь.

Святой Егорья поехал, а Бездольный Иван пошел с седлом домой. Приходит домой, часиков, может быть, в десять. Его жена спрашивает:

— Где ты был?

— У бога.

— Что же тебе бог сказал?

— А вот, — говорит, — мне седло дал, сейчас же пойду к кулаку с этим стремем одним, притащу хлеба, закуски, выпивки.

— Ну, иди, — говорит, — вчера ребята ничего не ели.

Он и приходит к кулаку и стучится. Тот прочиняется и говорит:

— Кто там стучится? *(Он думал, что молодой человек стучится.)*

Он обзывается, что Бездольный Иван.

А кулак рассказывает:

— Чего же ты стучишься, Бездольный Иван? Да еще ночью беспокоишь?

А он говорит:

— Да ты отвори, у меня вещь хорошая есть!

— Какая?

— Да отвори, тогда увидишь!

Он отворил дверь. Пустил его в избѹ. Кулак хотел запалить огонь. А он стремя вытянул с-за пазухи — засияло в избе, как при огне. Он ему и говорит:

— Где ты такое стремя взял, Иван Бездольный?

— Да я только принёс тебе показать стремя. Да у меня еще стремя, да и седло золотое, так я могу тебе отдать всё целиком!

— А что тебе надо?

— А мне надо мякушки три хлеба, масла фунта три, чтоб ребятам поести, булок штук пяток, да кварта два вина дай (тогда квартами отпускали).

Кулак ему даёт с радости.

— Так вот, завтра приходи ко мне утром. Я все тебе покажу и наладимся ценой, и ты всё возьмёшь целиком.

Кулак и думает, что «это богатство хорошее, я тебя опутаю».

Приносит домой, разбудил ребят, накормил, напоил и спать лёг.

Еще Бездольный Иван не выспался хорошо, а кулак уже стучится.

Он рассказывает:

— Спроси, кто там такое?

— Да прибѣг хозяин тот, который вчера хлеб давал!

— Ну, иди, скажи, что я сейчас выйду!

Он встаёт, похмелился. Кулак ему ручку подаёт.

— Здравствуй, Бездольный Иван!

— Здравствуй, здравствуй! Ну, пойдём, я тебе покажу сейчас!

И показывает. Кулак затрясся, что в лихорадке — как бы обмануть Бездольного Ивана, чтобы взять за дешовку у его?

Кулак и спрашивает:

— Что ты хочешь, Бездольный Иван, за это?

— А я думаю у тебя спросить тысячи две денег.

— Дам, — говорит.

— Ну, и моих ребят одеть, обусть с ног до головы. Так самое меня и жену мою, и получишь это всё от меня.

У кулака много было набрано одежды у мужиков, и сапогов, — это всё в заставу давали мужики, чтобы он им отпускал кому на вино, кому просто денег. Ну, так что у мужика нехватит выкупить, ну так у его и оставались. Он говорит ему:

— Ну, так ступай, Бездольный Иван, выбирай одежду, сапоги и это у меня есть. Я могу одеть не то, что твоё семейство, а пять таких семейств могу одеть.

Иван и говорит:

— Ну, это и хорошо будет!

Иван и пошел выбирать. Выбрал получше одежду и сапоги, и фуражки, рубашки — всё забрал Иван, что ему надо. Приносит, одет, ребят, и сам оделся, и жену приодел. Ну, бежит, еще у его берёт там мясо, масло, четверть водки и фунт селедки еще на закуску, посолоней, и рассказывает ему:

— Принеси деньги, а вечером седло возьмёшь — днём неловко несть.

Кулак не спит, тащит Бездольному Ивану деньги. Иван деньги получил.

Приходит вечер. Кулак бежит за седлом, взявши салфетку закрыть, чтобы оно не блестело. Приходит:

— Ну, давай, Иван, седло!

— Какое, — говорит, — я тебе седло дам? Где же я тебе его возьму седло?

— А как же ты мне показывал?

— А когда я тебе показывал?

— Да утром. Ты одежду забрал, да еще четверть вина взял и сказал, чтобы я вечером пришол. Вот я и пришол, а ты говоришь, что нету.

— Ну, так вали ж ты поскорей от меня, а то до того ты тут наворочишь, что я намылю тебе седло!

Кулак говорит ему:

— Ну, ладно, прохвост! Это дело так не пройдет — ты еще и розог получишь, да и седло отдашь!

— Ну, это как придётся! Убирайся, не разговаривай много, не беспокой бедного человека!

Кулак видит, что нечего взять, и пошел. Кулак утром побѣг до барина и сказал барину, что «у Бездольного Ивана есть золотое седло

и он мне хотел продать, а я хотел откупить, да вам, барин, принести его. То я дал ему тысячу рублей денег» (про одежду не сказывал барину).

Барин вызывает Бездольного Ивана к себе, тут и кулак стоит, сказывает:

— У тебя есть золотое седло?

— Откуда же я, барин, мог взять золотое седло?

— Как откуда, — кулак говорит, — я сам видел, ты мне его показывал и продал, я и деньги тебе дал!

Бездольный Иван говорит:

— Он скажет, что мне сапоги дал и свитку дал?

А кулак говорит:

— Как же не дал, — дал и это!

— Ну, вот, видали, барин, он может всего наказать (он барину подминул, что есть).

Барин кулаку и сказал:

— Ну, хозяин, давал, да никто не видал, то с Бездольного Ивана взять нечего!

Кулак сжал нос, домой пошел. А Бездольный Иван седло вечером барину занёс. Барин ему дал пять тысяч денег, дал ему три коровы, дал ему лошадей тройку, пять возов хлеба дал и сказал:

— Довольно, Иван, с тебя будет!

Он барину поблагодарил, всё это получил и теперь живёт, и всё крутится и мотает — вот его и господь питает. А кто по совести всё обходится, тот без ужина спать ложится (жили так: кто кого проведёт, тот и хорошо живёт).

75. ПЕТР, ПАВЕЛ И БОГ.

от берёт с собой Петру и Павла.

— Пойдём, — говорит, — по земле проповедывать людей.

Они и пошли. Идут дорогой. Парень молодой носит сено и очень старается. Они говорят:

— Помогай бог!

— Спасибо.

Бог и спрашивает:

— И скажи, молодой человек, эта дорога в такую-то деревню?

— Эта, — говорит. — Но можно вам пройти поближе в эту деревню. Ну, только там будет немножко грязновато. — И показывает рукой. — Вот дойдите до этого места, то будет дорога направо, то этой дорогой можно поближе пройти.

Они и отправились. Немножко прошли они — девушка полет лён и на боку лежит. Они тоже подходят к ей.

— Помогай бог!

Она:

— Спасибо.

Господь спрашивает ее:

— Эта дорога в такую-то деревню?

Она на боку лёжучи, ногу подымает и ногой показывает:

— Эта.

Они и пошли (она не указала никакой дороги). Идут опять, парня молодого встречают — тоже косит сено.

— Помогай бог! — сказали.

То и парень сказал:

— Спасибо!

И спрашивают у его дороги в такую-то деревню. Ну, а он, как за косу держался, и локтём указал:

— Вон, туда.

Они опять пошли. Идут. Тут девушка жиёт рожь. Они подходят, тоже сказали:

— Помогай бог!

Она встопянулася, встала, тоже:

— Спасибо, — сказала.

Ее спрашивают дорогу. Она и рассказывает:

— Эта, эта дорога в такую деревню. Только тут будет две дороги. Одна дорога буде поближе, но грязновата, а эта будет дальняя, которая хорошая.

Они пошли. Петр и говорит:

— Господи, вот того парня да с этой девушкой поженить бы их!

Бог отвечает:

— Да. Они бы жили, да красовались бы.

— А тую девку с этим парнем!

Бог и рассказывает:

— Парня, которого мы стретили первый раз, а эта, которая на боку лежала, будет невеста ему. А эта девушка будет невеста, который нам дорогу показывал. А так же нельзя сравнить, чтоб оба были б хорошие. То она хоть будет лениться, то он подгонит ее, ну, а эта подгонит мужа своего. Вот они и будут жить хорошо.

Прошли они немного, Петр и говорит богу:

— Господи, почему все мужицкий верх, а бабская нет?

— А что ты, — говорит, — желаешь?

— Да, — говорит, — попробовать.

— Это, — говорит, — ты зато за баб стараешься, что они в твой пост сами не едят молока, то всё святым собирают, зато ты за их и стоишь! Ну, ладно, сделаем.

Тут через несколько время стали бабы старше мужиков. Бог и говорит:

— Вот видишь, Петра, теперь бабы владеют мужиками, подчиняется мужик бабе.

Приходят они в одну деревню, просят почевать. Мужик и говорит:

— И спустил бы я вас, дак у меня жена третьи сутки в трактире там гуляет, то она должна сегодня прийти домой, — попадёт мне, попадёт и вам, если я спущу вас без ее дозволения.

Бог говорит мужику:

— Мы хоть ляжем тут на полу — мешать никому не будем. Неужели она такая будет, что станет прохожих дуть?

— Ну, почувте!

Они на полу подостлались, ложатся спать. Бог и говорит:

— Ну, ты, Петра, ложись с краю, а я лягу в серединку, а Павел у стенки.

Так они легли. Вдруг является с трактиру хозяйка с песенками. Мужик рапортует ей, что «вот я пустил трех прохожих почевать».

— Как ты смел пустить без моего спросу?! Ты бы пришел в трактир да спросил, можно пустить аль нет!

И ну мужика дуть. Отдула мужика, села на лавку, посидела.

— Ну, дала мужику, дам и прохожим!

Берёт пайку и ну Петра мять. Отдула, сама села на лавку отдыхать. А бог говорит Петру:

— Петр, — говорит, — ложись в середину, а то еще попадёт.

Петра — в середину, бог с краю. Она и говорит:

— Ну, отдохнула я теперь, дала крайнему, дам теперь среднему.

И опять стала бока мять Петру. Обмýла Петру, опять на лавку пошла. Она отдыхает, а господь говорит:

— Петр, залазь от стенки, а то еще попадёт!

Петра залез от стенки, а Павел лёг в середине, а Петр от стенки. Вот она говорит:

— Дала первому и дала среднему, надо ждать и который у стенки спит, а то тот будет хвалиться, что мне не попало.

Она взялася опять Петра ломтить, и говорит:

— Ну, вот, теперь обидаться ни один не будет — всем попало.

Они проночевали и пошли. Бог и спрашивает Петра:

— Видишь, какое бабское право? Мужик бы так не сделал, если б хозяйка пустила, а у бабы совести хватит.

Он и говорит:

— Господи, не было бы их прав, чтобы оно никогда не было!

С тех пор не стало бабского права.

76. ВОЛК, ЛИСА И ЖУРАВЛЬ.

у, вот устроена была волковня.

Летел журавль и хотел опуститься покормиться и попал в эту волковню (яму, застелённую хворостом, чтоб незаметно было).

Вот и сидит. Он поднимался вылететь оттуда, журавль, — как поднимется до этого хворосту, то никак не пролезет и опять назад.

Тут попал и волк в эту волковню, и лисица попала. Вот они сидят — что они уже пропали все тут. Но, а лисица говорит:

— А я жива остануся!

— Как же ты останешься жива? — они спрашивают.

— Дело моё.

Волк отвечает ей, лисе:

— Мы сейчас, кумушка, все трое пропадём. Не надо было сюда попадать.

Ну, лиса и замолкла, а свою думу думает, как спастись. Лиса слышит, кто-то идёт. Лиса падает на землю, вытягивает свой длинный хвост и растягивает ноги, и выскакала зубы, и лежит мёртвая, вроде как...

Вот приходит хозяин, который делал волковню.

— Смотри-ка, и журавль попался сюда в яму, да и волк тут! Да вон и лиса лежит!

Он и говорит:

— Волк с лисицей не поладился. Вишь, лису загрыз, лиса уже околела.

Охотник заряжает ружьё и бьёт волка. Потом кладёт помельче патронов, убивает журавля.

— Ну, теперь полезу туда, в яму, нужно вытягивать их из ямы.

Он и говорит:

— Ах, бедная лиса, не пришлось мне снаряду своего тратить на тебя! Тебя и так волк загрыз.

Берёт лису и выкидывает, а лиса схватилась и побегла, и сказала:

— Вот я говорила, что буду жива — живая и осталась:

Тогда мужик сказал:

— Да, лиса хитра! Ишь, как обделала она меня — даже не придумать. Было счастье, да улетело.

Ну, с волка кожу съел, а журавля понёс домой, сварил, да съел — и охота кончилась. Ну, и всё.

77. [СОБАКА И КОТ].

обака и кот пошли прочь от хозяина. Кот пошел прочь — что ребята мучат, а собака от того пошла, что хозяин мало хлеба даёт. Собака и говорит коту: — Пойдём-ка, братишка, мы в лес. Там будем мы жить, никому повиноваться не будем, сами будем хозяевами. Я буду зайцов ловить, а ты птиц — и так мы будем питаться с тобой.

Пришли они в лес, попадаетеся им заблудивший[ся] петух, он и говорит:

— Примите меня к себе.

То собака и рассказывает:

— Принять то мы можем тебя, дак тебе корму не будет с нами. Мы всё-таки будем зайцов ловить и есть их, птиц будем ловить — тоже есть, а тебе всё-таки надо клевать, хоть овса, а хоть пшеницы, так ты бы с нами мог бы жить, а то у нас этого нет.

А петух говорит:

— Да. А птицы живут, — и там нету ни пшеницы, ни овса, — а в лесу живут, то и могу есть, что вы будете есть.

— Ну, так пойдём.

Они ходили день, ходили второй. Собака всё на земле ночевал, а кот и петух на дереве. Они пришли, обнчевались. А там была яма у того дерева, и там спала дикая свинья. То они не видали этого, а наверху дуба спал медведь, залез на дуба и спит спокойно. Петух сел на колья и кот забрался туда. Собака на полу. Кот сидел, сидел и усмотрел на низу — что-то там шевелится в яме. То он свиньи не видит, а только заметил, что свинья хвостом шевелит — мухи кусают. То он с дерева и скочил, думал мышь. И схватил свинью за хвост. Свинья завизжала. Петух испугался крепко, запел,

а собака стал лаять на свинью. Свинья побежала. А медведь испугался (*он же трус*) и с дуба скатился и тут убился. То петух и говорит:

— Нет, надо в деревню идти, мне с вами плохо жить!

Так петух и бросил их. А они походили, кот и собака. Собака и говорит:

— Тебе, братишка, хорошо! Ты можешь на дереве спасаться, а мне на дерево не попасть, то могут меня и волки съесть. Пойду я лучше к хозяину.

Он и отправился на старое место. Коту стало скучно одному. Ну, и кот за им пошёл. И стали жить они, как и раньше жили.

78. [ТРИ ПОРОСЕНКА].

или в лесе три поросёнка. Они и говорят друг с другом:

— Скоро станут холода, нам надо где-нибудь занять себе хранилище, чтоб нам от холоду сбавиться.

Один и говорит:

— Я сделаю себе с соломы хранилищу, то будет тепло мне.

А другой говорит:

— А я сделаю с дерева себе.

А третий говорит:

— А я сделаю с камня себе.

Этот скоро сделал с соломы себе хранилище. Ну и второй там сделал себе шалаш с дерева, а третий стал делать с камня. Ну, эти скоро сделали, а этот долго, потому что с камня он стал делать. Поросёнок лежит в своей будке, приходит серый волк и говорит ему:

— Ну, поросёнок, я тебя съем!

— И начал раскидать солому его, доставать поросёнка. Поросёнок видит, что волк его съест. Он с другой стороны поднялся и до брата побег своего. Прибегает.

— Чуть меня серый волк не съел в моей будке!

— Ну, так ложись в мою будку!

И стало уже их двое. Серый волк приходит сюда и говорит:

— Ну, поросята, хотел одного съести, а тут два, то одного придавлю, а другого съем!

Поросята видят, что волк уже начал деревянный шалаш раскидать и они убежали от волка. Прибегают к этому поросёнку, который сделал с камня себе будку. Их уже трое. Волк приходит сюда. Он видит:

— Ну, вот, — говорит, — уже и трое тут есть! Я всё-таки вас съем!

А этот отвечает, который делал с камня:

— А не придётся тебе, волк, нас съесть!

Он как ни ходит, а никак не может к им попасть. То волк пошёл, а потом чрез несколько время волк ворочается и приходит и говорит:

— Отворите, да меня пустите! Я прохожий, я замёрз, обогреться у вас...

Они посмотрели и говорят:

— Ты хотел нас съесть, да не придётся! Ты есть серый волк. Так волк они и не пустили. Волк опять пошёл.

— Как же мне до их добраться?

Он проходит и опять ворочается к им и стучится:

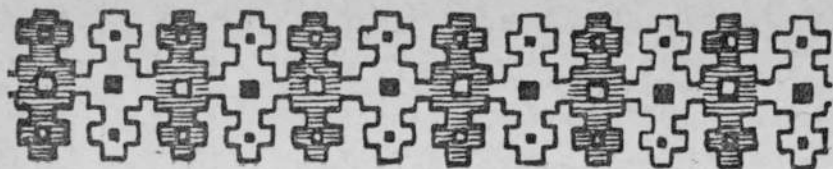
— Отворите мне, поросята, я гармонист хороший! Поиграю вам для веселья и обогреюся.

А они отвечают:

— Нет, серый волк, тебе охота нас съесть, да не придётся!

Волк видит, что делать нечего и пошёл своей дорогой, а поросята остались в своей каменной избушке жить.

79. РУССКИЙ МЕДВЕДЬ И МОРСКОЙ МЕДВЕДЬ.

от русский медведь идёт по взморью. Вдруг вылезает морской медведь. У русского медведя чёрная шерсть, а у того белая. Но морской медведь сильнее русского медведя. Он и говорит:

— Подожди-ка меня, я обтряхнусь!

Русский медведь остановился. Тот отряхнулся, приходит к русскому медведю.

— Ну, давай, — говорит, — пойдём!

Морской медведь говорит ему:

— Теперь мы пойдём по берегу. Мы никого бояться не будем, нас никто не обидит.

А этот говорит ему:

— Нет, обидят нас.

— Кто ж нас может обидеть?

— А вот русский человек обидит нас.

— Русский человек?! — рассказывает.

— Мы только его и должны бояться.

— Покажи мне его.

— Ну, вот, так пойдём же со мной, я покажу тебе такого человека, какого мы должны бояться.

Русский медведь повёл морского медведя в лес. Идут они по лесу, а морской медведь:

— Да покажи мне человека того, кого мы должны бояться!

Русский медведь рассказывает:

— Подожди, покажу.

Русский медведь ход знал по лесу, а морской не знал ничего. Морской медведь и говорит:

— Скоро ты мне покажешь или нет?

— Да, скоро, — говорит.

Выходят на почтовую дорогу, и говорит морскому медведю:

— Мы теперь должны спрятаться, чтобы нас люди не видели, и придёт тот человек, которого мы должны бояться.

Они спрятались и сидят. Вдруг идёт нищий с сумочкой. Морской и спрашивает:

— Это, видно, идёт тот человек?

А русский отвечает медведь:

— Это был человек когда-то. Ну, теперь его бояться нельзя, он нас скорей побойт.

Они опять сидят. Вдруг бежит парнишка в школу с сумочкой. Он спрашивает:

— Это, верно, человек тот, которого мы бояться должны?

Русский медведь отвечает:

— Да, годов через десяток, то и этого побойт.

— Как же так, что ты мне не покажешь?

— Подожди, придёт тот человек, которого мы должны бояться.

Тут вдруг является охотник и ведёт с собой двух собак. Русский медведь рассказывает:

— Вот идёт человек. Вот этого бойся.

— Ну, так будто бы этого бояться надо? — морской рассказывает.

А этот говорит:

— Иди, попробуй с этим человеком.

Морской медведь вышел, на дороге встал. Но охотник никогда морского медведя не видал. Он остановился и думает: «Что за чудо такая? Я шёл, на птиц зарядил ружьё. Пули нету, а то бы я уложил его!»

Морской медведь становится на две лапы, подходит к нему поближе, и берёт свою слюну и на охотника бросает. И охотник подумал: «Эти медведи только так делают. Неужели это медведь?»

А собаки его рвутся. Ну, собак он не отпускал от себя, а потом:

— Ах, давай-ка спугаю я тебя хоть из птичьих зарядов!

Снимает двухстволку и пускает ему прямо в рот. Ну, всё-таки как два снаряда (заряда) ему в рот попало, медведь и качнулся и потом бежать от этого мужика. Прибегает и рассказывает:

— Правду ты сказал, что мужика должны бояться. Я сколько не плевал, а мужик всё стоял. Он мне как плюнул, даже дым пошёл, так я качнулся.

Мужик пошёл своей дорогой, а они пошли своей. Ну, тогда поверил морской медведь, [что] — сильнее мужика нету.

80. МЕДВЕДЬ И ДИКАЯ СВИНЬЯ.

дин охотник идёт по лесу, видит — медведь на дереве сидит. Он и остановился:

— Как бы мне этого медведя убить?

Медведь слез с дерева и пошел. А охотник не видит, что медведь с дикой свиньей вала́ндается.

А тут на этом дереве была такая прирост (губа́). Вдруг медведь летит во весь дух, а за медведем дикая свинья. То медведь опять на это дерево и на эту губку и сел. То дикая свинья прибегла, кругом дерева походила — достать его не может и опять пошла. Медведь видит, что свинья пошла. Он опять слазит, за свиньей и пошел. Свинья опять на медведя. То медведь опять катит сюда, где ему можно спастись и бежит бегом, и дикая свинья бежит за медведем. Медведь опять за эту губку. Свинья пошла, медведь опять с этого дерева, с этой губки (он как на дерево заскочит, за губку и держится) и пошел опять за свиньей. Третий раз свинья за им погналась. Охотник всё любит и думает: «Кого вперед убить: свинью, али медведя?»

Свинья пошла, медведь тоже слазит, пошел за свиньей.

Охотник надумался:

— Пойду я, подрублю эту губку, то он оборвется, а свинья ему брюхо выкусает, то мне тогда и свинью можно убить.

Так охотник и сделал. Подрубил эту губку, а сам забрался на калужину повыше и дожидает. Вдруг опять свинья гонит медведя. Медведь до этого дерева добегают, на эту губку сести ему, и хватился за губку. То губка оборвалась и медведь упал. Свинья ему брюхо разорвала. У медведя кишки вышли и начала уже его кишки ёсти. Медведь кончился. Охотник стрелял на свинью, да плохо попал в ее. Свинья бросилась к охотнику на дым (медведь и свинья идут

на дым, откуда стрелили. Теперь мало свиней есть, у нас раньше были; так эта [т. е. домашняя] свинья может сделаться дикой).

То она прибегает к этой калужине и кругом ходит, а не может достать его с калужины. Охотник уже ружьё зарядил, всадил пулю хорошую и стукнул ей в лоб. Тут и свинья свалилась. Он и второй заряд, говорит:

— Не жалко на такую вещь!

И еще пустил.

Ну, убил свинью, пошел, лошадь взял и привозит две добычи: медведя и свинью. И рассказывает людям, что вот как пришлось убить.

81. КАК ВОЛК, СОБАКА, КОТ И МЫШЬ НЕПРИЯТЕЛЯМИ СТАЛИ.

Волк, собака и кот были как родные братья. Волк старше, собака младше, а кот еще младше. Волк и говорит богу:

— Господи, почему я такой несчастный уродился: в лесе что наживу, то съем, а не наживу, то так голоден сижу, а собака у хозяина в тепле, в добре, ее кормят и поят и она спит под крышей. Так и кот живёт у хозяина, а я всё под небом, хоть и мороз, хоть дождь — спрятаться негде; все на меня кричат, кто стретит — стреляют по мне, пугают, ну, я поневоле делаю им вред, что я хочу жить. Вот и приходится мне так проживать.

Тогда ему и сказывает бог:

— Можешь и ты жить в деревне так вот года три. На тебе записку. Когда три года пройдёт, то приди ко мне с запиской, тогда будешь жить в деревне, как собака и кот.

Волк взял записку. Проходил он с запиской год. На второй принёс меньшому брату и говорит ему:

— Брат, ты живёшь, под крышей, то на тебе записку и карауль ее.

Собака взял записку эту, волк пошел. А собаку стал там хозяин звать, собака и говорит:

— Отдам я младшему брату записку, он всё-таки на печке сидит, ему лучше караулить эту записку.

А кот взял, да эту записку заткнул в щёлку.

Ну, вот три года прошло, волк приходит к собаке:

— Дай-ка, брат, записку мне.

А собака говорит:

— Я отдал ее брату — коту.

Вот они пошли к коту.

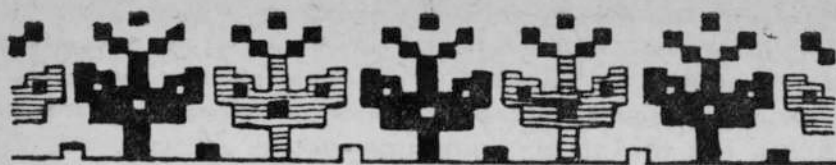
— Давай, кот, записку сейчас!

Кот полез за запиской, а там мыши объели ее, что и разобрать нельзя. И говорит собака волку, что мышь съела вашу записку.

Волк рассердился и бросился на собаку, а собака на кота, а кот на мышку. И с тех пор они стали неприятелями друг с другом.

Волк собаки не любит, собака — кошки, а кошка — мышь.

82. СОВА И СЫЧ.

ила сова в лесе. Она летит и видит — замёрзла птица, и она подлетает и смотрит на нее и говорит:

— Это нашей породы, совиёнок маленький.

И тащит к себе в гнездо и начала его кормить.

Продержала она его неделю. Носит корму. А он

преспокойно сидит в гнезде.

Однажды прилетает сова, берёт его под крыло и согревает его, и говорит она:

— Какой сегодня крепкий мороз.

А он отвечает под крылом ее:

— Это не мороз, а еще будет мороз. Вот подойдут рождественские морозы, вот тогда и скажешь, что мороз.

Сова и спрашивает:

— Почему ты знаешь?

— Как же я не знаю! Я уже семь лет живу на свете.

— Кто же ты такой есть? — она спрашивает.

— Да я есть сыч.

— А я думала, что ты сова маленькая. Вот я сожалела и питала тебя, а ты старше меня, ты больше знаешь меня. Так иди-ка, голубчик, из моего гнезда!

Взяла и выкинула его.

Сыч полетел искать себе новое место.

83. СОРОКА И ВОРОНА.

от летят сорока и ворона. Стречаются они вместе:

— Куда летишь, ворона?

— Да хотела место переменить (а сорока знала, что она сидела на одном дереве семь лет).

Сорока и говорит вороне:

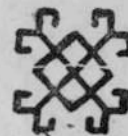
— Тебе же там хорошо было сидеть: тебя ни ветры не скидали, ни солнце, ни луна.

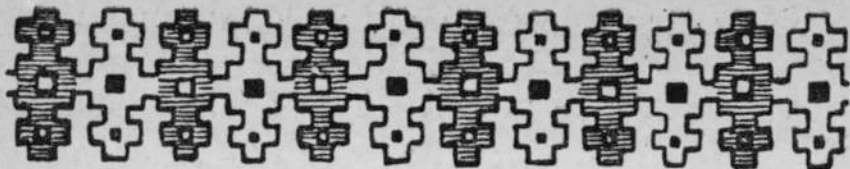
— Так вот я там немножко нагрязнила.

— А привычку грязнить с собой несёшь? — спрашивает сорока.

— Несу с собой.

— Ну, ты и на новом месте нагрязнишь.

84. НЕБО И ЗЕМЛЯ.

были у мужика сапоги. Голенищи были целы, а споду у его не было подметок.

Небо и говорит:

— Мужик идёт в сапогах, и сапоги у его хорошие.

А земля отвечает:

— Нет, мужик идёт босиком!

— Как же босиком, когда в сапогах?

Земля рассказывает:

— Мне больше видней, как тебе; ты смотришь сверху, а он идёт по мне и легко наступает, зато что у его подошвов нету, вот он и босиком.

85. МУЖИК И СЕМЬ СЫНОВ.

одной деревне жил мужик. У мужика было семь сынов. Сыны захотели делиться. Отец видит, что сыны уже делиться хотят, он и рассказывает сынам:

— Можно делиться, ребята, ну только будете жить раздельно, так у вас силы не будет.

И они рассказывают отцу:

— Как силы не будет? Какая была, такая и будет!

Отец им рассказывает:

— Нет, сыны, такой силы не будет у вас. Вот мы живём сейчас в куче — нет одного у нас, дело справляется, а если ты будешь один жить, там, где-нибудь останется.

Вот, отец пошёл, берёт под лоханкой веник и приносит им. Там, в венике, может, двадцать пруток было, и говорит им:

— Вот вы все теперь сильные и ребята здоровые. Нате этот веник, взломайте его.

Старшой взял ломать — только гнётся, ну, и все они ломали, а веник только гнётся.

Отец и говорит:

— Ну, вот видите, сыны, только он гнётся, а не ломается.

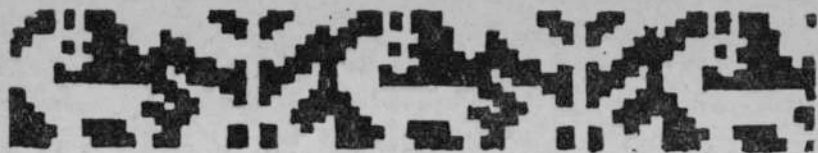
Он развязывает веник, подаёт старшому сыну прутик.

— На-ка этот прутик — взломаешь али нет?

Сын взял — чуть не на муку потёр его. Подаёт второму, и второй там и третий. Он и говорит:

— Вот видите — как веник в кучке, так только гнулся, не ломался, а поодиночке прутик ломается. Вот так и нас. Если будем жить поодиночке — каждый взломает, а, если будем жить дружно, за одно все, то нас никто не сломает.

Сыны и не стали отделяться.

86. КАК ПАРЕНЬ ЖЕНИЛСЯ.

лужил мужицкий сын бедный на службе семь лет. Ну, сам себя он вел чисто, хотя военная одёжа была. Понравилась ему одна девчонка самостоятельная. Он начал к ней подхаживать, ее обманывать, что «я тебя бы желал взять замуж, как отслужу службу».

Она и говорит:

— А что, ты здесь останешься жить?

Он отвечает ей:

— Как же я здесь могу остаться жить, когда у меня дома свои две лавки есть и две мельницы, и я останусь здесь жить; то тогда надо на военную службу опять поступать каким-нибудь фельдфебелем, тоже будут смеяться, что вот за какое-нибудь личико остался солдатскую кашу есть.

Она и согласилась:

— Ну, если так, я пойду!

— Ну, давай, повенчаемся.

Она и говорит ему:

— А дозволят тебе венчаться? *(Раньше не позволяли солдатам на службе жениться.)*

Он и говорит:

— Попробую проситься у начальства, что мне остаётся службы один месяц только.

Он там заявляет фельдфебелю. Фельдфебель докладывает ротному, ротный докладывает генералу. Генерал его вызывает. Он приходит к генералу, генерал его спрашивает:

— Что ты, жениться хочешь?

— Да, желал бы, ваше превосходительство, жениться, что мне — когда приду со службы, мне такую девушку не взять, потому что я бедный. А здесь-то я сказал, что я богатый, — она ж там не была, не знает. Я сказал, что у меня две лавки есть и две мельницы своих.

Генерал спрашивает:

— Какие ж ты сказал лавки?

— А на чём мужики сидят в избе.

— А мельницы?

— А что сам мелешь, рукой посыпашь, другой поворачивашь — и выходит мука. Вот тут и хлеб.

Генерал ему разрешил. Он оженился. Пожил и уехал домой со своей женой. Приезжает. Там его встречают, их принимают как по-деревенски. Она села на лавку, он за другую за столом. Они закусили, она и спрашивает:

— Милый мой, покажи мне лавки свои.

Он ей говорит:

— Да ты сидела на ей, а на другой я.

— А мельницы?

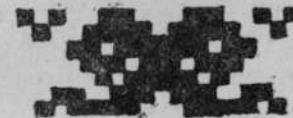
— Пойдём, я покажу мельницы.

Ведёт он ее на сарай и подводит:

— Вот, — говорит, — одна, а это — вторая. Так крути правой рукой, а левой рукой подсыпай — и будет мука.

Она взяла и начала крутить, и говорит:

— Как в Вильне, так и здесь, что замелешь, то и съешь.

87. КУЗНЕЦ И ПОРТНОЙ.

В одной деревне жили-были кузнец и портной. Кузнец ходил к одной девушке, хотел ее замуж взять. Замуж ее хотел взять и портной. Но портной видит, что она больше ударяет за кузнецом, и говорит ей:

— Я работаю, у меня работа чистая, а он постоянно грязный, и ты за им ударяешь больше! А к тому еще, он не видит хорошо. Он совсем слепой. Если ты не веришь мне, то вот сходи в кузницу к ему и посмотри на его, как он работает.

Она пошла и стоит. У его было два молотобойца. Как раз он стал сваривать ось и нагрел поскорей, и вытягивает, и говорит:

— Бить скорей надо, чтоб сварка пристала!

Ну, молотобойцы бьют всё по железу, а он раз — по железу, два — по наковальне. Она стоит и смотрит, и думает:

— Портной сказал правильно, что он слепой. Не видит, что такое горячее железо, а он не может попасть.

Вечером приходит он на беседу, где девчата собираются, подходит к ей:

— Ну, как, будем свадьбу делать?

Она ему отвечает:

— Свадьбу делать не штука! Ты молодой сейчас, а станешь постарше, что тогда с тебя будет? Ты ведь сейчас слепой уж. Я стояла в кузнице и любовалась; молотобойцы бьют по железу, а ты раз ударишь по железу и два раза по наковальне, не видишь такого горячего железа.

Кузнец и спрашивает:

— Кто тебе сказал?

А она отвечает:

— Это мне портной сказал.

— Ну, пусть, — говорит, — я слепой и не иди за меня замуж, я найду невесту себе, а того не знаешь, что портной припадочный и он даже при публике может полететь, ноги задрать и кричать.

Один раз в прекрасное время портной одел хороший костюм, лакированные сапожки, и вышли они в праздничный день на прогулку у моста. Портной с этой девушкой прохаживается, а кузнец нагрел докрасна кусок железа и подаёт молотобойцу.

— Бежи, — говорит, — туда! Вон ходит портной и вкладывает в голенищу этот кусок железа горящего.

Молотобоец берёт горящее железо в клещи и побег туда к портному, вложил в голенище, а сам молотобоец свистнул назад (портной не заметил, как вложил). Пока портянка была, так железо не допекло его там, то он влёт, идёт и ногой дрыгает. Он видит, что у его уже порядочно пекёт железо, и он свалился в хорошем костюме на грязный мост и начал ногами трясти и кричать, — девушка от его бегом.

— Правду он сказал, что портной припадочный. При такой публике он свалился и ногами дрыгает. Теперь близко я к ему не подойду.

Приходит к кузнецу и говорит:

— Ну, иди, сватай, я за тебя замуж пойду.

Так кузнец и оженился, а портной остался не при чём. Всё-таки кузнец обделал портного.

88. ДЕВУШКА И ДВА ЖЕНИХА.

деревне была одна девушка — красивая, хорошая. К ей и сватается один и другой жених. У одного жениха были там коровы и хлеба довольно. Ну, он немножко не так был красивый, а этот получше. Она и спрашивает:

— Что у тебя есть?

А богатый отвечает:

— А что у меня есть? Хлеб есть, режь и ешь.

Она и другого спрашивает:

— А у тебя что есть?

— А у меня резаный, готовый.

Она и думает:

— Что ж я пойду за этого, что режь да ешь! Я ж лучше пойду за того, что резаный, готовый — тут резать не надо.

И пошла за этого замуж, у которого готовый хлеб. Ну, там готового хлеба они поели, больше нету.

— Ну, посиди, — говорит, — я пойду за хлебом.

Пока он хлеба по деревне настрелял резаного, готового, то ей жрать захотелось. Он приносит:

— На, резаный, готовый!

Она видит, какой резаный, готовый, и говорит:

— Побоялась я за того итти, что режь да ешь... У того бы не надо было дожидать — когда б захотела, тогда б отрезала да и поела б, а у этого ждать надо, пока он набирает. Верно, судьба моя такая. Приходится мне так жить.

И осталась она на месте готовый хлеб ёсти.

89. РЫБАК И ОХОТНИК.

а реке рыбак ловил рыбу и обночевался. Охотник ходил по охоты и убил дятла. Приходит к рыбаку:

— Здравствуй, товарищ!

— Здравствуй!

— Можно с тобой здесь ночевать?

— Можно, не жалко.

Рыбак берёт рыбу, начинает ее чистить и мыть и в котёл бросать. Охотник из сумки вынимает своего дятла, начал перья рвать. Перья вырвал и стал его на огоньку посмаливать. Обсмолил его, дятла, перья сжёг на ём; берёт нож, разрезает, нутро выкидает с его и говорит рыбаку:

— Товарищ, давай, — говорит, — я в твой котёл покладу дятла, пусть он сварится и вместе будем ёсти.

Рыбак говорит:

— Давай, не жалко!

Вот уже рыба сварилась, да и дятел закипел. Рыбак и говорит:

— Ну, давай будем ужинать!

Они сели ужинать. Охотник и рассказывает:

— Какой ни дятлик, а уха хороша!

Рыбак помалкивает.

Он и второй раз:

— Какой ни дятлик а уха хороша.

Рыбак на это осёрдился, — будто от его дятла такая уха хорошая, достаёт дятла и выкидывает ему:

— Ты ж ешь своего дятла, а я буду свою уху ёсти.

Тут и охотник думает:

— Напрасно я сказал: да и уху не похлебал, да и рыбки не поел, а с дятла немного наешься.

Рыбак рыбы наелся, охотник—дятла, и каждый по своём остался,—так что и дружба у их не сошлась.

Тут и сказочка кончилась.

90. МУЖИК И СТОГ СЕНА.

ил в деревне мужик. Ни бедный, ни богат, а полна изба была ребят. Сена он накосил мало. Скот ему надо докормить. Он и говорит:

— Вот у нас есть богатый мужик Илья, у того закольев много на по́жне стоит, то поеду, накладу воз, привезу, недели две покормлю, а там и весна скоро будет.

Он и поехал. Накла́л воз сена с за́колья и думает: «Дай же я ему хоть напишу, чтоб он знал».

Он взял топор, на этой жерли притесал и написал:

«Дядя Илья, забрал сено я. У меня жонка Варька, то время мне косить было жарко. А как стал мороз, я приехал, накла́л и повёз. Ну, если ж у меня еще будут недохватки, так я подъеду и заберу у тебя остатки, чтоб на по́жне не лётовало».

Илья приезжает к сену, за́колья нету. И он видит, затёсано и написано, он и читает.

— А кто забрал и кто написал—неизвестно. Дак, пожалуй, тут зевать нечего, он приедет за остатками.

Илья и нача́л возить сено.

91. ХВАСТЛИВЫЙ МУЖИК И РАБОТНИК.

дёт мужик и работник. Вот они стретилися, сели, покурили. Мужик и говорит:

— Эх, у нас все, куда ни вздумал, все на лошадях.

А работник спрашивает:

— А если у кого лошади нету?

— Дак тот идёт пешком.

Работник сказывает:

— Дак так и у нас.

Мужик и говорит:

— У нас ребята как выйдут на улицу, так все в лакированных сапогах.

А рабочий сказывает:

— А если у кого нету?

— Так тот, — говорит, — идёт в лаптях.

Работник и сказывает:

— Кажный по простёжке протягивает ножки, то если про-
стягну́ть некуда, дак он и калачиком спит. Так вот, у кого есть
лошадь — едет на лошади, а у которого нету — тот идёт пешком.
У которого есть сапоги лакированные, а кто идёт и в лаптях, — дак
и он бы купил такие сапоги лакированные, дак, верно, не за что
купить, а лапти сплесть это полегчэй; а в кругу одном — что ты
в сапогах, что я в лаптях.

Тогда хвастливому мужику и говорить нечего.

92. ЗЯТЬ У ТЕЩИ.

ришол зять к теще в гости. А теща постоянно зятя любит, — она так сына не любит, как зятя. Она ему собрала кушанье, поставила на стол, нарезала хлеба, а сама кóло печки бегаёт всё. А зять был такой совестливый, что не мог сказать, что ложки нету.

Вот она там кóло печки видит, что он там не берётся ёсти, она и кричит:

— Ешь, ешь, зятёк!

А зять-то кулаком не будет хлебать ши ее. Тут как раз кошка села на окошко. Он и говорит:

— Пришла, мешаешь только здесь! Была бы, — говорит, — у меня ложка, так я б тебя согнал с окошка!

Тёща оглянулася, а у зятя ложки нету. Она притащила ложку и начал зять закусывать.

93. СВЁКОР И НЕВЕСТКА.

В деревни жил мужик. У его были сын и невестка. Он, старый, лежал на печке, а невестка печку топила. Были у их свои колбасы деланные, хорошие, с одной свинины. Невестка пошла, целный кружок колбасы взяла да и съела, а свёкра не позвала завтракать. (Сына дома не было.) Невестка пошла давать корму коровам. Свёкор тихонько встал, в клеть пошел, полкружка колбасы взял, на печку взобрался да и съел с хлебом полкружка колбасы, а после воды напился.

Невестка дала корму коровам и пришла домой топить печку. Топит печь и попивает водушку, и говорит:

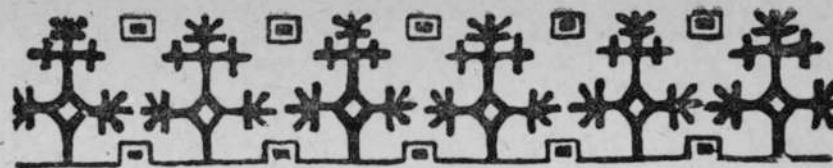
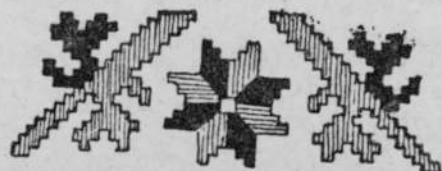
— Что это за беда сегодня, что пьётся вода?

Раз напилася и второй раз напилася, и всё поминает:

— Что за беда, что пьётся вода?

А свёкор, на печке лёжучи, и говорит невестке:

— Эх, невестка моя! Я, — говорит, — съел полбеда и то, голубка, напился воды; а ты сожрала целную беду, так можно пить воду.

94. ДВА МУЖИКА.

у, вот шли два мужика — старика. Идут они дорогой, один и говорит:

— Давай, товарищ, закурим.

— А я не курю, — говорит.

Этот вынимает трубочку, который сказал «закурим». Другой спрашивает у его:

— Давно, товарищ, куришь уже?

— Да лет тридцать.

— А сколько в день прокуриваешь?

— Да на два дня три копейки, да на спички две — пять копеек в два дня.

Он и начал считать. Сосчитал, что большие деньги. Подходят они к деревне — стоит новый дом и тёсом обшит, и покрашенный. Он и говорит ему:

— Знаешь, товарищ, что ты если б не курил этих тридцать лет, ты б на эти деньги мог бы сооронить вот такой дом, как этот стоит.

А этот отвечает:

— А у тебя дом есть? Ты ведь не куришь?

— Нету.

— Да и у меня нету! Я курил — нету, да и у тебя — не курил — нету. То мы с тобой ровни.

I КРАСНЫЕ ОРЛЯТА (СКАЗКА).

**II БЕДНЫЙ МУЖИК (ВАРИАНТ К СКАЗКЕ
№ 21: «ДВЕ ДОЛИ»).**

**III ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ И ЗАГАДКИ
Ф. П. ГОСПОДАРЕВА.**

**IV ПРО ВАНЮШУ — ВОРА (СКАЗКА
К. Ф. ГОСПОДАРЕВА).**

**V ПИСЬМО Ф. П. ГОСПОДАРЕВА
К СОБИРАТЕЛЮ.**

КРАСНЫЕ ОРЛЯТА.

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живём, жил орёл на дубе, было у его гнездо. Он только стал разжигаться, вдруг налетело на его солнце, стало его сжигать. Сил у его мало было еще. Ну, кое-как он продержался на дубе. Проходит год. У его тут стали уже орлята-малые ребята. Наскакивает на его ветер, стал рушить его гнездо. Он опять кое-как гнездо своё подобрал, опять вместе [прутья] склал.

Третий год приходит, — его орлята уже в перья вошли, — налетает на его дождь, такой крупный! Орел и говорит им:

— Мы уже три года просидели, не скинули нас с этого дуба. Как они ни бились: солнцем пекли, ветром сбивали и дождём смывали, а мы три года продержались на дубе. Ну, всё-таки нам буде плохо, пока мы не достанем одной вещи. Достанем, тогда нас никто не собьёт.

А они спрашивают:

— Какой, отец?

— А вот в таком-то месте, за ледовитой горой, там сидит мороз. Он нас солнцем сбивал, ветром сбивал и дождём сбивал, ну нас не взял, мы всё-таки здесь окреплись, но вот есть у его сундучок, в этом сундучке красный цветок, если мы этот цветок возьмём себе в руки, то нас тогда никто не собьёт. Да, вот, у нас еще маловато силы. Я уже и сам летал туда, но не мог добиться, потому что еще сила моя плоховата, а вы, молодые, добиться еще тоже не можете, надо еще два года подождать, пока в перья возьмётесь.

Вот они говорят, орлята:

— Дак мы уже в перья вошли, полетим — достанем!

Он и говорит:

— Если лететь, так одному надо лететь. Если достанет, так достанет.

Ну, вот старший орленок и говорит, что «я полечу».

Орел ему говорит:

— Лети. Как я только вам скажу, то мороз давно караулит нас и старается сбить, но ему не придётся, потому что вы сейчас в перьях, как и я. Когда полетишь, будет солнце тебя пекти, ты опускайся ниже. Когда ты пролетишь, солнце скроется, ты лети прямо. Нападёт на тебя ветер-туман, ты подымайся выше; ветер-туман скроется, ты опять лети прямо. Когда ты будешь лететь прямо, будет нападать на тебя большой ветер, ты тогда опускайся ниже и лети по взгору, — то по горе будет ветер, что из пушки бить, а ты будешь лететь, то у тебя и перышко не колыхнётся. А мороз будет думать, что я «его собью». Когда ж ты проберёшься эту гору, то мороз будет смотреть в левую сторону, а в правой стороне будет стоять сундучок, а в этом сун-

дучку — красный цветок. То когда ты возьмёшь этот цветок и принесёшь мне, то нас никто не собьёт.

Орлёнок старший и полетел. Ну, вот солнце его не взяло, а туман и дождь сбил его. Он сел на землю. Ну, и теперь сидит там.

По расчёту орла четыре дня нету старшего орлёнка. Он и говорит этим двум орлятам:

— Старший полетел, должен быть здесь, а его нету, то лети-ка, средний, да и примечай, где солнце жарило, — нет ли его там на земле, где дождь-туман — тоже посматривай там, и где ветер бьёт большой — тоже посмотри ты, нет ли его там. Так, смотри, лети той дорогой, как я сказывал.

Средний орлёнок и полетел. Когда он летел, мороз видит, что средний орлёнок летит, напускал на его солнце. Он от солнца опускался ниже. Мороз видит, что солнце не берёт его, — он напускает дождь и туман, чтобы он сбился. Он видит, что туман нападает, он подымается выше. Туман и дождь перестал, он тоже летит прямо, как сказывал раньше орёл всем трём, и видит, что ему недалеко тут пролететь. Нападает на его большой ветер. Он не послушал того слова, которого слышал.

— Неужели через какого-нибудь четверть часа меня собьёт ветер! Я пролечу прямо.

Ну, тут его ветер сбил, и этот там сидит.

Орёл видит, что и этого уже четыре дня нету, он и говорит:

— У нас силы убывает: уже двоих пойду нету, отиравайся-ка ты.

Вот и третий полетел, младший.

— Ну, лети, как я сказывал, они, верно, на силу свою надеялись, что «пролетим», а на силу свою мало надеяться, надо лететь так, как отец говорит, где можно свильнуть — свильнул, так дальше пройдёшь, а если не свильнёшь, так можешь остаться и тут.

Младший орлёнок и полетел. Мороз видит:

— Ага, двух сбил, собью и этого, тогда и орёл на дубе не усидит, а с воробьями он немного поскочит.

Он напускает на его [младшего орленка] солнце. Он видит, что солнце стало его палить, он и говорит:

— Да, мне отец сказывал свильнуть.

Опускается ниже, по самой земле летит. Солнце его нисколько не взяло. Он подымается и опять прямо полетел. Мороз видит, что солнце не взяло, он напускает дождь и туман, так что делает как тёмную ночь. Орлёнок видит, что «я запутаюсь, отец мне сказал, то можно свильнуть».

Он подымается выше. Поднялся он под облака, там стало ясно. Туман и дождь перестал. То мороз видит, что не взяло солнце, ни туман, ни дождь, он и говорит:

— Подлетит ближе, я его ветром собью. Этот немножко похитрей.

Он и начал ветер напускать. Он видит, что ветер подымается, и говорит:

— Мне отец сказывал, что можно свильнуть.

Молодой орлёнок опускается ниже, по самой земле, а сверху горы, что с орудия [стреляют, ветер такой бьёт. А у его даже пёрышко не колыхнёт. И вот он добрался, а мороз сильней и сильней жмёт на эту гору, да всё сметрит в левую сторону, а он — в правую сторону. Подходит к сундучку, сундучок открывает, цветок забирает.

Ну, с радости али с испугу не опустил тихо крышки, стукнула крышка, и мороз увидал, что орлёнок у сундука был, а того не знает, что орлёнок

цветок взял. Он погнался за орлёнком, стал ветром его сбивать, а ветер не берёт его, потому что у орлёнка цветок. Он стал туман напускать, у мороза силы нету и тумана напустить. Тогда мороз узнал, что орлёнок цветок взял. Тут орлёнок стал сбиваться с силы, а цветок у его в руках.

— Давай-ка я стану на низ опускаться, не найду ли хоть братьёв своих, их верно где-нибудь мороз сбил, хоть туманом, хоть солнцем, хоть ветром.

Вот он и опустился. Просто хотел отдохнуть. Когда стал спускаться, слышит, кличет его брат средний. Он подходит:

— Ты чего здесь сидишь?

— Да я, пожалуй, долго б сидел, если б ты не прилетел. Видишь, я и цветка не достал и на мель попал.

А этот говорит:

— Я цветок достал, да с сил сбился.

— Ну так, брат, я тебе пособлю цветка нести. Я отдохнул.

Они посидели, младший брат отдохнул, средний брат берёт цветок и полетел. Меньшой брат и говорит среднему:

— Теперь надо нам опускаться ниже.

— Почему?

— Да тут где-нибудь и старший брат сидит, надо и того взять.

Вот они стали опускаться и слышат, кличет их старший брат:

— Эй, братцы, опуститесь и возьмите меня. Я вижу, что вы слетали и на-верно цветка достали (он думает, они двоём слетали).

Они опустились. Старший орлёнок и говорит:

— Если б мы трое разом полетели, дак мы б давно достали.

А средний и говорит:

— Я сам немало сидел, меня ветер сбил, а цветок достал наш меньшой брат.

Они и полетели до своего отца, все трое.

Видит отец, что летят его орлята-храбрые ребята, все троём. Он кликнул птиц:

— Вы под дубом сидите, пользы делаете себе и мне, так вот, собирайтесь ко мне встречать орлят-моих ребят. Они летят и цветок тащат.

Птицы собрались, стретили орлят, то тогда орёл и спрашивает:

— Кто достал цветок?

— Младший орлёнок.

— А ты, старший, полетел, почему ты не долетел?

Он и говорит:

— Я с солнца скрылся, стал туман и дождь меня настигать, ну, я думаю, немного пролечу, то он и стихнет, что мне вилать от его, я всё прямо держал. Ну, всё-таки меня сбilo, то, пожалуй, я бы и теперь там сидел, если б братья не прилетели.

— Ну, а ты, средний, как?

Средний и говорит ему, что «я солнце пролетел, как ты мне сказывал, на-падает туман на меня с дождем, — я поднялся под облака. Туман и дождь стих. Я полетел прямо, стал немножко ветер шевелить. Ну, я тут думаю: неужели меня ветер собьёт. Я всё летел прямо, меня ветер сбил. Ну, вот я там и сел. Если б брат не прилетел бы, то я бы там и теперь сидел бы».

Тогда орёл и говорит:

— Ну, а всё-таки вы молодцы, что пособили цветок ему принести. Теперь

нас никто не возьмёт: ни ветер, ни солнце, ни дождь, потому что у нас красный цветок.

Орёл спрашивает у птиц:

— Как мы назовём этих орлят-боевых ребят?

Птицы и сказывают, что «это красные орляты-боевые ребята, потому что они цветок красный достали».

Ну, и они начали жить дружно. Вот уже живут двадцать первый год, и никто их не собьёт.

II.

БЕДНЫЙ МУЖИК.

Жил мужик в деревне бедный. Земли у его почти совсем не было. Вот там стали жать рожь, он пошёл по полю собирать колосья. Эти колосья насобирает и их в ступе помнёт, и ребят кормит этими колосьями. Он видит, что человек ещё какой-то собирает, вот он и подумал: «Верно тоже такой же бедняк, как я».

Подходит к этому человеку и спрашивает:

— Кто ты такой есть?

А этот отвечает:

— Я вот твоего брата есть счастье. Я собираю колосья и кладу ему в коню чтобы он не голодовал.

А он отвечает:

— Мы одного отца, одной матери, ты ему носишь, что он богат, а я бедный. А где же мой счастье?

Он отвечает ему:

— Твое счастье сидит в лесе, играет в дудочку. Вот если бы ты учился музыкантом, то ты б тогда богатым был. Так вот, иди к своему счастью поймай его, то он тебя наградит, и ты будешь богатым. Только когда будет играть, тогда смело иди, а как перестанет, так ты не шевелись, то иначе тебе не поймать его.

Братнино счастье его и отравило. Он немного прошёл, слышат доносятся в дудочку разные танцы. Он подходит поближе. Счастье остановилось играть, он остановился идти. Когда опять заиграло, он опять пошёл. Подошёл к нему и схватил его:

— Ты кто есть такой? — он спрашивает счастье.

— Я счастье твоё.

— Но если счастье, то я поведу тебя домой к своим ребятам, чтобы они съели тебя. Они голодуют.

Он и говорит:

— Ты меня не води, а вот на тебе три грёша денег и завтра утром рано выходи на базар, чтобы никого там не было ещё, и что первый раз увидишь, что будут нести, ты то и купи.

Он приходит домой, а утром отправляется на базар. Приходит, стоит на базаре и смотрит. Вдруг идёт рыбак и несёт щуку, так что фунтов восемь щука. Он и думает: «Как же за три грёша разве он отдаст эту рыбку? Ну, а всё-таки попробую договориться».

Он подходит и говорит:

— Что, продаёшь рыбку?

— Продаю.

— Сколько хочешь за рыбку?

— Рубль.

Мужик и думает: «Эх, у меня всего только три гроша». Рыбак и сказал:

— Будто я тебе за три гроша отдам.

И пошел с этой рыбкой дальше. Прошел немного и подумал рыбак: «Я каждый день ловлю рыбу, а он, может быть, никогда и не пробовал, что за рыба. Отдам ему за три гроша эту рыбку».

Ворочается, подходит к этому мужику и говорит ему:

— Ну, так на эту рыбку тебе, а эти три гроша занеси в церкву и брось их в шкатулку.

Сам отправился. И этот отправился. Шел он к колодезю, бросил в шкатулку эти гроши, а сам отправляется с рыбкой домой. Он эту рыбку приносит. Хозяйка ему и говорит:

— Дурак, ты бы продал эту рыбку там, сколько бы ты хлеба купил. Это бы было на три дня с нашими ребятами.

— А ладно, хозяйка, мы сами не ели, да и ребята наши не ели. Так бери и чисти рыбку, да вари, пусть они поедят.

Хозяйка отвечает:

— Поедят они рыбу, так могут у их животы попортиться.

А он отвечает:

— Не спортятся.

Хозяйка стала рыбу потрошить, надо ее варить. Разрезала рыбку, а в рыбке кусок золота фунта полтора и мрамору так кусок с фунт.

Он и говорит:

— Ну, что же теперь нам с этим сделать?

Она говорит:

— Бери золото и мрамор, тащи к барину, то барин даст нам чего-нибудь.

Он и потащил к барину. Приносит и говорит:

— Здравствуй, барин.

— Здравствуй.

Он говорит:

— Я, барин, пришел к вашей милости.

— Чего? Хлеба, верно, просить, несчастный ты?

— Нет, барин, вот я принес вещь вам, примете ее или нет?

— Покажи вещь.

Он с запянухи вынимает платок грязный, развязывает. Показывает золото и мрамор.

— Где ж ты его взял?

— А это, барин, я рыбку купил, а это в рыбке было. Это мое счастье мне дало такую рыбку купить.

— Ну, так вот я тебе дам сейчас: три воза хлеба навалю, дам пару коней, две коровы, земли пять десятин, две тысячи рублей денег. Довольно будет с тебя?

Мужик обрадовался:

— Довольно, барин.

— Ну, теперь бедный ты не будешь и тебе хватит хлеба на год с твоими детьми, а земля моя вспашена уже под рожь, а семена я дам. То ты на будущий год своего хлеба уже намолотишь.

Ну, вот тут мужик и разжился. Посылает к брату:

— Иди там, сынок, позови дядю в гости, я его угощу.

Брат его и приходит, спрашивает:

— Отчего ты, брат, так разбогател, за что тебе барин столько давал?

А брат ему и рассказывает:

— А знаешь, брат, я слышал, что барину нужно было на шапку смужек, то я взял, да смужек от шубы отрезал, да и занес ему. Вот за это барин мне дал.

Братнина жена и говорит:

— Пойдем скорей домой.

Он и пошел. Оторвал у ее шубы смужек и понес к барину и говорит барину:

— Здравствуй, барин.

— Здравствуй. Ты чего пришел?

— Да я, барин, принес, что и брат мой принес тебе.

— Ну, и хорошо.

Барин:

— Подайте тарелку.

Тарелку подали. Он с запянухи вытягивает, на тарелку смужек и хлопнул.

— Ты что, — говорит, — притащил?

— А что брат притащил, то и я притащил.

Барин мужика — на конюшню, — двадцать пять розог ему всыпал, и мужик домой пошел. Приходит домой и жена с тоски померла.

А тот и теперь живет хорошо. И сказке конец.

III.

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ И ЗАГАДКИ Ф. П. ГОСПОДАРЕВА.

(Записанные у Ф. П. Господарева и извлеченные из его сказок.)

1. Если идёт работа — спать неохота.
2. Грейся, да на нас надейся.
3. Конфетку съел — за возом пойдёшь поневоле.
4. Если палец прорвёт, так скоро заживёт.
5. Держись за землю, трава обманет.
6. Плох отец — и дома ничего нет.
7. Не с одной квашни хлеб ел (значит, у многих бывал).
8. Незнайка дома сидит, а Знайка далеко бежит.
9. На брюхе шёлк, а в брюхе щёлк.
10. Красивый, да несчастливый.
11. Случится — и богатый к бедному стучится.
12. Колос от колоса не услышишь голоса.
13. Мы все служили на «МО»: *МО*жет быть накормят, а *МО*жет быть палкой погонят.
14. Хоть худая свинья, да своего гнезда.
15. Что посеешь — то пожнёшь, кого полюбишь — того возьмёшь.
16. Пойдёшь в лес, крикнешь; как крикнешь, — так тебе и отзовётся.
17. По мастеру и дело.
18. Краса не одинакова у всех, да молодость у всех одна и та же.
19. Пропади коровка, пропади и верёвка.
20. Тюха да Матюха, Колунай с братом.
21. Обед на песню пропет.
22. Когда не умирать — день терять.
23. Голова, голова, про тебя прошла молва.
24. — Тит, пойдём молотить.
— Ой, голова болит!
— Тит, пойдём водку пить.
— Ой! Дай шанку ухватить.
25. Если сам плох — то не поможет бог.
26. Нет того ремесла, чтоб не было плутовства.
27. Кругом каравая пройдем и счастье найдем.
28. Если не будешь есть, не будешь везти.
29. Не торопись на тот свет: там кабаков нет.
30. Дармовому коню в зубы не смотрят.
31. По смерти пуговицы твои — мои.
32. На чьей лошади едешь, тому и песни поёшь.

33. Сверху было б чисто, а под низом хоть чорт родись.
34. Почему казак гладок? — поел и на бок.
35. Не святые горшки лепят, а такие грешные, как мы.
36. Поел хлеба-соли — на два часа воли.
37. Поставлю к орехову кусту борону, а ты поддержи кобылку ворону.
38. Не об том жалели, что сладко ели, а куда краюшки делись.
39. Барин кладёт печать, а мужик смотрит откудова начинать (мужик ворует, барин запирает).
40. Где лошадь ходит, там хозяин спит.
41. И тот в летнее время косец, кто лошадей пасёт.
42. В трактире и в бане мы все дворяне.
43. Барское обуванье, как воловское запряганье (как вола легко запрещь, так и барину обути сапоги, а мужику лапти обути трудно).
44. Один бог без греха, и тот спотыкается.
45. Собрались два Юрьи и оба дурни, один холодный, другой голодный. (А почему один холодный называется? — Потому что в Филиппов пост, в самые морозы, — за то он называется холодный. Называется он голодный потому, что весна, уже тепло, надо б справлять праздник, а у мужиков уже хлеба нет. Зато он и голодный.)
46. Как верёвочка не вьётся, а кончик найдётся.
47. Золотник мал, да дорог.
48. Легче верблюду пролезть в голочное ухо, чем бедному в царство небесное.
49. Вода и грёбли (мосты, плотины) рвёт.
50. Не хвали сам себя, пускай люди похвалят.
51. Язык не лопатка, любит что сладко.
52. Не до поросят, когда саму свинью палят.
53. С того света покойники не ходят.
54. Москва слезам не верит.
55. Кто крутит, да мотает, того и бог пинает, а кто по совести обходится тот без ужина спать ложится.
56. Кто старое бережёт, тот, пожалуй, лучше живёт.
57. Шило в мешке не утаишь.
58. Спина не берестень, не будет болеть каждый день.
59. Пропадай серебро, когда жить не добро.
60. Каждый по простёжки протягивай ножки.
61. Кто после хлеба-соли не отдышет [не отдохнет], того бог за свинью запишет.
62. Быка хозяин бьет за язык, а бабу за язык.
63. Как в Вильно, так и здесь, что замелешь, то и съешь.
64. Где чорт не возьмёт, там бабка возьмёт.
65. Где есть старый куст, там дом не пуст.
66. Не отец купил, не сын погоняет.
67. За отборки подкидает чорт оборки.
68. Если будет четырьём, то и пятому хватит.
69. В одном кармане — вошь на аркане, в другом — на цепу.
70. Каждый бы косил, если б чорт косу носил.
71. Захочешь лопать, будешь топтать.
72. Кто учит, тот и зарплату получает.
73. В сарафане все одинаковы.

74. За деньги и поп пляшет.
 75. Пусть богатый дивится, с чего бедняк живётся.
 76. Дёшево — гнило, дорого — мило.
 77. Не надо людям копать яму — сам ввалишься.
 78. Пила, не пила, лишь бы у колодца была.
 79. Наплевать богачу, я теперь свой хлеб молочу.
 80. Дело сделается, как слюна сплюнется.
 81. Хорошо одета, да характера нету.
 82. По мне хоть и хлеба не ешь.
 83. Вертись, не вертись, а помирать придётся.
 84. Шуба теплая, так и изба тепла.
 85. Жил так: верёвкой хлеб резал, а лаптем щи хлебал.
 86. Если бы не клин да не мох, то плотник бы с голоду сдох.

Загадки

1. Кто на свете всех здоровее? *(Тот, кто работает.)*
2. Без клина, без топора, без пилы все мосты замостил. *(Мороз.)*
3. Стоит туша, уши, а головы нет. *(Ушат.)*
4. Четыре сестрицы, четыре брючицы, два богомола и один вихляй. *(Корова.)*
5. Душист, пушист, кончается на «оз». *(Навоз.)*
6. Без чего хлеб нельзя спечь? *(Без корки.)*
7. В тёмном подполье стадо белых лебедей. *(Зубы.)*
8. Два кольца, два конца, посредине гвоздик. *(Ножницы.)*
9. Есть у нас ряса, по всему свету растяглась, — от конца до конца, куда ни иди, всё тут она. *(Дорога.)*

IV.

СКАЗКА КОНСТАНТИНА ФИЛИПОВИЧА ГОСПОДАРЕВА

ПРО ВАНЮШУ-ВОРА.

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живём, в одном селе, близ города, жила семья: сын и мать. В один прекрасный день мамаша и говорит сынку:

— Ты что ж, Ванюшка, никуда не идёшь работать и учиться, а то нам совсем стало трудно жить.

А он говорит:

— О, мама, я никуда не пойду учиться и работать, а сегодня тебе принесу мешок золота.

Она-то и говорит:

— Ой, Ванюшка, где же ты возьмёшь?

Говорит:

— Ладно, утром увидишь.

Вечером Ваня пошёл к своему дяде и говорит ему:

— Пойдём, дядя, к царю воровать.

Дядя согласился, и вечером они пошли в город к царю воровать. Подходят они к амбару, где хранится у них золото. Часовые все спали. Ваня выбил окно и залез в амбар, и набрал два мешка золота, и ушли домой.

На утро царь поднял бузу. Конечно, стражникам дал по заслугам, которые прозевали. А у царя при дворце находился свой вор. Он узнавал у него, хороший ли вор ходит воровать, приказал этому вору явиться к этому амбару, и спрашивает у его:

— Вор, а, вор, как поймать мне этого вора?

Вор отвечает ему:

— О, батюшка царь, этому вору скоро глаз не выколешь и рук не вырежешь.

На другой день Ванюшка с дядей пошёл на свою работу, и в это время пока они шли до амбара, царь приказал бочку со смолой положить. Они подходят к амбару. Стражников никого нет. Ваня, значит, дяде и говорит:

— Ну, дядя, сегодня твоя очередь навязать.

Дядя собрался на окошко и прыгнул, и угодил в бочку, и по горло завяз. Ваня испугался. Как к этому делу приступить? Он всяко думал, и остался только, чтобы не узнали вора, отрезать по горло дяде голову. Набрал полмешка золота, положил в мешок дядину голову и пошёл в родное село. Зашёл на мимопутье к дяде.

— Вот, тёта, я тебе принёс дядину голову.

— А где он? — она спрашивает.

— А он в бочку пал, — он отвечает. — Я его тащил, тащил и вытащить не мог.

А тётка и говорит:

— А как теперь я буду жить?

— О, тётка, я тебя прокормлю! Вот запомни: завтра дядю будут возить по деревне, и кто выйдет, заплачет, то сразу узнают, чей вор.

На другой день так и вышло. В восемь часов утра по деревне поволокли туловище в смолы. А Ванюша в это время был у тётки.

— Вот, — говорит, — тётка. Если ты хочешь поплакать по дяде, то налей в горшок молока и перед трупом урони.

Так и сделала тётка. Пошла к этому же трупу и споткнулась, и уронила горшок молока. Молоко разлилось. И она стала плакать:

— О, как же я теперь осталась без молока, как я буду детей воспитывать? Был один горшок молока, и тот разбился.

А жандармерия ее выгнала.

На третий день Ваня направился опять к дарю воровать один. Набрал мешок золота и пошел в родное село. Полмешка оставил тётке, как он говорил ей, что я тебя буду кормить, а остальные полмешка понёс домой.

Наутро царь поднял еще хуже бузу:

— Если я, — говорит, — поймаю этого вора, не то, что руки вырезать и глаза выкопать, я ему с корня голову сниму.

И спрашивает у своего вора:

— Вор, а вор, как поймать мне этого вора?

А тот ему в ответ:

— О, батюшка-царь, этому вору скоро глаз не выколешь и рук не вырубшь. А ты, батюшка-царь, у нас голова богатый, созови весь мир на пир и край столов на землю насыпь золота. Кто наклонится за золотом, тот, значит, вор.

Так и сделал батюшка-царь пир на весь мир. И насыпал золота край стола на землю. А Ванюшка ходит кругом столов да на золото поглядывает, и вспомнил, как его дядя завяз в смолы. Взял, намазал подметки смолой и стал ходить по золоту. Стражники оглянулись, а золота не оказалось. И в этот пир золота не оказалось, и вора нет. Тогда царь спрашивает у своего вора:

— Вор, а, вор, как поймать мне этого вора?

— А вот, батюшка-царь, поймать этого вора — сделай еще пир в одной комнате, через которую будут проходить гости. Пол надо разрыть и вырыть яму, насыпать золота и положить тряпку через яму.

А Ванюша это всё узнал, пошел на пир и подговорил себе товарища, что, мол, когда идет пир, ты подожги паклю и брось в окошко.

Когда гости стали собираться, собрались гости и стали угощаться. В это время Ваня прыгнул в яму и забрал всё золото в мешок, а его подговоренный товарищ зажег паклю и бросил в окошко. А Ваня в это время кричал:

— Пожар, горим!

И все, что было людей, побежали по тряпке, и тряпка не выдержала и лопнула, и в эту яму попал сам царь со своей сворой. Подали лестницу и стали вытаскивать из ямы, как Ванюша сказал, покойников.

— И меня вытащили вместе с золотом.

Царь разозлился еще хуже и спрашивает у вора:

— Вор, а, вор, как поймать мне этого вора?

А вор ему в ответ:

— О, батюшка-царь, этому вору скоро рук не вырежешь и глаз не выколешь, ты богатый человек у нас на Руси, еще попробуем один выход: пустим козла по селу и обвесим его всего золотом. Кто поймает этого козла, тот будет вор.

Так и сделал батюшка-царь по указанию вора. Пустил козла по селу. Долго шнылся козел по селу, а Ванюша глядел в окошко, а у самого зуб горел. Подошла темная ночь.

Ванюша поймал козлика, снял с него всё золото, посмотрел на кону и сказал: «Обухом — козлу в лоб».

На другой день царь послал свою свору с обыском в ближнее село. Заходит один человек в иванину избенку. А Ваня в это время с козлика обед варил. Полицмен спрашивает:

— Кто хозяин?

Ваня отвечает:

— Я.

— А что варишь?

— Козлика, ваше благородие!

— А где ты взял?

— На улице поймал.

Полицмен ничего не сказал, вышел из ворот на крыльцо и на дверях написал смолой: «Здесь вор».

Пока полицмен шел к батюшке-царю, Ванюшка в это время посмотрел на своих дверях, взял ведро со смолой и по всему селу на каждой дверях написал: «Здесь вор».

Вот батюшка-царь со сворой попадает к селу и спрашивает у полицмена:

— В каком доме вор?

А он и говорит:

— Посредине деревни.

Батюшка-царь входит в деревню и в первом доме читает на дверях: «Здесь вор».

А полицмен ему говорит:

— Нет, дальше.

И батюшка-царь разозлился и дал по заслугам всей своей своре. И спрашивает у вора своего:

— Вор, а вор, как поймать мне этого вора?

А вор ему в ответ:

— Не видать вам, батюшка, вора этого, как своих ушей. А вот, батюшка-царь, попробуй еще раз ловить этого вора: наденься деревенским мужиком и пойди по селу. Кто выйдет к тебе вечером и ты скажи ему тихонько: «Слушай, пойдём воровать к дарю».

И вот вечером царь пошел по селу, надевшись деревенским мужиком. А навстречу ему попадает Ваня. А царь и говорит:

— Слышь, пойдём воровать?

А Ваня слышит, что наречие не такое, как у воров. Сразу на ус себе наматал.

— Ну, да ладно, пойдём. (Согласился.)

Вышли за деревню, прошли поле. Зашли в лес, и Ваня давай этого царя учить воровать по-своему — и до того научил, что царь едва добрался до двора. А Ваня повернулся и пошел к себе домой. Царь весь в синяках. Спрашивает у своего вора:

— Вор, а вор, как поймать мне этого вора?

А вор ему в ответ:

— Батюшка-царь, разрешите мне научить вас нашему наречию.

Батюшка-царь согласился. Выучившись воровским словам по указанию своего вора, пошел вечером опять по селу. Выходит ему навстречу опять Ванюшка. А батюшка-царь и говорит:

— А ну, ты, молодец, пойдём к князю воровать!

— А ну, пойдём, — ответил Ваня.

Доходят до князева имения. Ваня и говорит:

— Подожди, надо послушать.

Залез на угол и стал прислушиваться. Вылез наземь и говорит:

— Вот что, говорит князь: я завтра собираю бал и делаю угощение. На этом угощении первую стопку царю налью яду.

А царь сразу намотал на ус и говорит Ванюшке:

— Ты, — говорит, — малец, как бы это передать царю?

А Ванюшка говорит ему в ответ:

— Знаешь что? Если царь придёт на бал, то пусть возьмёт с собой свою любимую собачку и в карман наготове положит револьвер; и когда ему преподнесут первую стопку и пусть он скажет, что на любом пире первую стопку пьёт моя собачка.

А царь ему и говорит:

— А как мне тебя после найти?

А Ванюшка говорит:

— А мы с тобой встретимся.

А царь ему в ответ:

— Давай поменяемся сапогами.

Ванюшка посмотрел на его хромовские желтые сапоги и чуть не рассмеялся.

— Ну, разве ты променяешь свои желтые сапоги на мои ланги?

А тот ему в ответ:

— Сменяю.

И переменялись сапогами. Вот подходит вечер. Князь приглашает царя в гости. Когда начался бал (*пир с обцем*), то первую стопку царю подносят — яд. А царь им и говорит:

— На любом пире первую стопку пьёт моя собачка.

А сам протягивает руку в карман и даёт собачке выпить. И собачка свернулась на стуле. Царь достаёт револьвер и стреляет первого князя, а потом княжеских придворных и уходит с бала.

У царя была красивая дочка. На другой день царь сам ходит по селу и ищет, у кого желтые хромовские сапоги. И зашел в ванину избу. Ваня аж со страху очумел:

— Погиб, бедняжка, не увижу больше белого свету. Ну, ладно, как выйдет, господи благослови! — В чем дело, батюшка-царь?

— Я, — говорит, — к тебе, мой спаситель. Покидай свою халуну, я тебе даю полцарства за твоё спасение моей жизни, отдаю тебе дочку свою замуж и устрою пир на весь мир

Я на том пире был, мёд, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

(Слышал на охоте от старика-охотника в 1935 г. на «Половом болоте», в охотничьей избушке.)

V.

ПИСЬМО СКАЗОЧНИКА К СОБИРАТЕЛЮ

Привет из Петрозаводска. Добрый вечер или час! Пишу письмо и жду от вас. Лети письмо, извивайся, никому чужому в руки не сдавайся, а сдайся тому, кто люб сердцу моему.

Во первых строках моего письма спешу сообщить о том, что я письмо твое получил, за которое тебя очень, очень благодарю. Желая тебе всего хорошего, а главное — здоровья. А теперь я начинаю писать про себя. Я сейчас живу хорошо, а думаю жить еще лучше. А я вот дождался выпуска книжек и тех фотокарточек к Октябрьским праздникам.¹ Но их я не получил. Я еще место не менял, работаю все еще в Совхозе № 1. Тот портрет, который меня рисовал ваш художник, он находится в совхозском Красном уголке. Но ты говорил, что я приеду в Петрозаводск, то пожалуйста. Приедешь, то начнем снова работать. Но вернемся к прошлому: вот когда фотографировали, то ребята просят карточки, но я их все потешал, вот когда пришлют, то я вам дам. Я надеюсь, что вы, тов. Новиков, их вышлите. Я вам хотел написать письмо, но не знал вашего адреса. А насчет сказок есть и знаем, где взять. У нас сейчас настоящая зима: и снегу много, и стоят морозы подходящие. В общем, говорить не о чем. Уже открылся каток. Сейчас мы, товарищ Новиков, 12/XII-37 г. будем выбирать в Верховный Совет. Но на этом я писать кончаю. Остаюсь жив и здоров, расту больше. Привет от Марфы Ивановны. Твой товарищ по сказкам — Господарев, Филипп Павлович.

(Письмо писал под диктовку Ф. П. Константин Господарев.)

¹ Речь идет о книге «Песни и сказки на Онежском заводе» и о фотографических карточках Ф. П. Господарева, заснятого в кругу детей летом 1937 г. Обещанные книгу и фотографические карточки Ф. П. получил после праздника.

Г. Ф. Нефедов.

О ЯЗЫКЕ ГОСПОДАРЕВА.

Язык Господарева — язык первоклассного мастера-сказителя. Он чрезвычайно богат теми особенностями, которые обычно определяют популярность сказителя и которые, в данном случае, упрочили за Господаревым еще в его молодости широкую славу любимого народом сказочника.

Господарев великолепно владеет языком, «за словом в карман не полезет». Все средства выразительности неизмеримо богатого народного языка в его полном распоряжении, и он мастерски использует их.

Задача данной статьи — дать лингвистическую характеристику языка сказителя.

Господарев — белорус бывш. Могилевской губ. В Карелии он с 1906 года и прожил здесь более 30 лет, никуда не выезжая. Все это в значительной степени определило особенности языка Господарева, «двуязычие» его. Наряду с белорусской основой легко прослеживается значительный слой местного русского говора и вместе с тем забвение или сглаживание некоторых белорусских черт, сильно расходящихся с особенностями местного говора.

Наиболее заметное влияние местного говора наблюдается в лексике, в названиях предметов и явлений. И это вполне естественно: Господарев, придя сюда с своими белорусскими названиями тех или иных предметов и явлений должен был, общаясь с местным населением, заменить их местными названиями. Это нашло свое отражение и в сказках Господарева.

Влияние местного говора на произношение Господарева и на формы слов менее заметно и не всегда его можно точно определить. Дело в том, что, помимо моментов расхождения белорусского языка и русских говоров Карелии в наиболее характерных их особенностях, есть моменты, сближающие их. И эти моменты сближения особенно рельефно выступают, если обратиться к истории русского языка в целом.

В отношении белорусского языка историками языка давно уже установлено, что белорусский язык, сохранив в большой степени и в большой чистоте черты древнего состояния русского языка, может дать очень многое не только для истории русского языка, но и для истории русского народа.

«Белорусское наречие принадлежит к числу самых важных местных видоизменений русского народного языка. Оно важно по своим особенностям по остаткам древности в составе; оно важно и по обширности пространства, на котором господствует как язык

народный... Исследователи исторические не могут не обратить на него внимания столько же, как и филологи, и конечно, найдут в нем не мало драгоценных указаний для своих соображений» — говорил И. И. Срезневский (XXXIV присуждение демидовских наград) еще в середине прошлого века. Это подтвердил своим многотомным трудом «Белорусы» академик Е. Ф. Карский.

Такое же значение приписывается историками языка и русским говорам Карелии.

И действительно, разбирая язык Господарева, часто встречаешь особенности, которые свойственны как белорусскому языку, так и русским говорам Карелии, и в то же время являются сохранившимися в них остатками древнего состояния русского языка.

Дать подробный анализ этих особенностей — дело специального исследования, здесь же для характеристики языка Господарева будут даны лишь некоторые особенности, последовательно встречающиеся у Господарева.

В порядке предварительного замечания следует сказать, что язык Господарева, как язык хорошего мастера-сказителя, несколько выходит из нормы обычного разговорного языка; он богаче и формами, и словарем, и своеобразными оборотами. Причем это богатство языка Господарева определяется и тем, что он, сохраняя белорусские особенности, пользуется и русскими, в зависимости от того, что представится сказителю более выразительным.

Характеристика языка Господарева дается в следующем порядке: 1) произношение (фонетика), 2) формы слов (морфология), 3) построение предложений (синтаксис), 4) лексика (словарь).

ПРОИЗНОШЕНИЕ (фонетика).

ГЛАСНЫЕ.

1. Аканье. Звуки О, Е без ударения произносятся как А (Я): яна паверила, тада (тогда), сагнал, без галавы, скарей, аслыбаню, толька (только), вяди, вьзут, мяшаеш, бяжит, яво, дярвеня, ляжит, пылятел, сяводни, денях (денег) и т. п.

В отдельных случаях неударяемое О произносится неясно, близко к Ы и очень кратко. Это наблюдается во втором предударном слоге, но не всегда: пылятел, аслыбаню, пыяси (поешь), кышалак, ны варху, но: погада-ка.

2. Выпадение гласных. Отпадает начальный гласный в таких, напр., словах: спугалась (испугалась), збавлю (избавлю), стория (история): расскажу каку-либо сторню.

Выпадает гласная (а, и) в середине слов: всё-тки (всё-таки), паграю (поиграю).

3. Наличие гласных О, Е в соответствии с отсутствием их в литературном языке (типа беглых гласных): из своего рота, из моха сошейте, министра (род. ед.), левиха (львиха), лёву (льву).

4. Произношение Е как И, Ы: пийтя, не пий, не бийтя, шыя (шея). Обратное явление: яец вместо яиц.

5. Появление согласного В перед начальным гласным: вутром, высповедь, ватарь (атарь).

СОГЛАСНЫЕ:

1. Г фрикативное (h), т. е. без мгновенного взрыва: сагнал, гости, пагада-ка, галава и т. п.

2. Р твердое: бяроць, крычыць, подкрапілся, не гарать (не горят), к мору (к юрю), прывычка, государа, горок (горек), дяроть (дерёт) и т. п.

3. У вместо предлога В: у таком-то месте, у деревню, или у такое-то имения, у Киев, у гости и т. п.

В конце слова вместо Л и В исконно твердых слышится иногда У неслоговое (ў): пажыў, пришоў, Киеў и т. п.

4. Отверждение конечных губных согласных: кров (кровь), свекров, проруб, назем (наземь), цеп (цепь), руп (рубль) и т. п.

5. Звук л перед Н в глаголах ТЯНУТЬ, ДВИНУТЬ: тянем за ноги, потянули, протянула верёвка, хочат стянуть быка на избу, правда кривду перетянула, двинули. Ср. также: стоінаць (стонать).

6. Выпадение согласных в сочетаниях нескольких согласных: невеска, двоём (вдвоем), троём (втроем).

ФОРМЫ СЛОВ (морфология).

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, РОД ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.

Прежде чем перейти к формам слов в языке Господарева, остановлюсь на особенностях в роде имен существительных, особенностях, вынесенных Господаревым из Белоруссии. Эти особенности следующие.

1. Женский род вместо мужского: А там гусь жареная была. Приносит гусь на тарелке, жареную. Разделили эту гусь на всех. И приходит с этой гусью. Моя мечь (меч), мечью голову сниму. Твоя мечь оскользнётся. Он с мечью три раза перекрутился.

2. Женский род вместо среднего: что за чуда такая. Никакой отличии не заслужили.

3. Мужской род вместо женского. А собачка залаял. Стречает человека с собаком. Кот-мурлыка стал к собаку на плечики. Собака был в кухне. Тянет к прорубу. Поймал мышку и держит его в рукаве. Рванный шинель свой. За нами погон (погоня) идёт. Получает телеграмм с Америки. Приходит телеграмм. Приковали цепом. На цепу (на цепи). Крест с крепким цепом.

Ср. также: он у матушку выманил шляпу. А у дедушку корабль почти готов. С дедушком. За батюшком. За дядем.

В формах слов у Господарева наиболее последовательно, почти без отступлений, проводятся особенности, характерные для его языка, более последовательно, чем особенности в произношении. Но эти особенности нельзя считать, только белорусскими, — большинство из них свойственны в той или иной мере русским говорам в Карелии. Может быть поэтому они так последовательно сохранились в языке Господарева.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Родительный падеж. Имена женского рода, имеющие в имен. п. окончание -А, оканчиваются в родит. падеже: Начали выскакивать с своей землянке. С этой деревне. Яйцо с этой курице. Хватился своей жене.

Имена мужского рода с твердой основой имеют окончание -У: От гнету. Мы будем слушать твоего совету. С походу. С девятого году. До моего приезду. Выходит с трактиру. Кричит с мешку (из мешка). Со стулу покатиля. Сноп от снопу. С городу. Пять вёрст до городу. Ведёт их до Петрограду. Труп нет (трупа нет). С песку. Договору никакого не было. Приказу надо слушать. Ей двадцать два году. Выйти со строю. Кусок носу. Будьте между народу.

Дательный падеж. Имена женского рода имеют окончание -Ы. Говорил мужик нашей мамы. Подавает царевны. Подходит к этой волшебницы. У братьев по жены есть. Подходит к этой совы. Отправляется по этой тропины. К женщины явился муж ее. Он Марьи и говорит. Ударил по головы. Еще по головы срубили. К свадьбы.

То же и в словах муж. рода с имен. пад. на -А: к старосты (редко).

Чаще слова муж. рода на -А имеют в дат. пад. окончание -У: к старосту. Они старосту рассказали то же, как и дядю рассказывали. К дядю добежали. К батюшку. Дядя заявил старосту. Ведет к дядю. К дедушку. Занёс дядюшку деньги. Петю (Пете) дала крыло. Ты что же Петьку (Петьке) не оставил?

То же в местном падеже: Имена жен. рода с окончанием -А в имен. пад. имеют в местном пад. окончание -Ы, -И: был в комнаты, оказался на помойной ямы. Бегают по избы. Оженился на этой волшебницы. По той стороны. Лошади в белой пены. Не отказал бы в моей просьбы. В той избушки. На нашей земли. На своей земли. На такой-то улицы. Поехал по своей полосы. Завяз в смолы. В одной комнаты. Корона на головы. По царевны. Об царевны.

Имена женского рода с мягкой основой без окончания в именит. пад. имеют в местном пад. окончание -Е: На кровати. На лошаде.

Имена мужского рода имеют окончание -У: В моём маленьком сундучку. Там в гороху поросёнка нету. Став его на огоньку посмаливать. Пускают его в мешку туда. Лежит в мешку. По ребёнку плакала, по мужу. На чердаку спят. На крычку. Поросёнок попался в гороху. Поехал на волку.

Но: В липовом кусте. В лесе. На том дубе. На лбе.

Форма родит. падежа в значении винительного, иногда с оттенком частичности. Жалковато такой птицы выкидать. Наверно дна достал. Не отдаёт кошелька этого. Не обману ли я кумы. Пошел своей стрелы искать. Иду искать жены своей. Почему ты своей жены не привёз. Я забыл дома шапки взять. Забыл топора взять. Не жалко этого города отдать тебе. Под лавкой еще вина (вино) есть. Нельзя ли выманить этой свиньи у барина. Посмотри-ка на дуба. Ищешь своего горя. Приезжай посмотреть моего дворца. Пойдем искать хозяйки. Пособлю цветка нести. Под одного дуба подклали. Высватать у купца дочку замуж. Он выслушал своей дочки Железного чудовища, волка, смотреть. Вы этого дуба изрубите. Мне достать всего можно.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО. Именит. — винительн. падежи. Имена мужского и среднего рода имеют окончание Ы, И: Выросли у ее лосиные роги. Завязали быка за роги. И мажут глаза свои. Глаза открыл. Есть у тебя глаза. Царь и глаза вылунил. С тех пор и пошли зеркала. Чтоб яйцы не похолодали. Поклад, яйцы в корзину. Скоро станут холоды. Зятя, Зяти.

То же в сочетаниях с числительными ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ: Они прожили три годы. Проходит уже три годы. Будто два годы. На три месяцы. Месяцы три-четыре. Оба сыны.

Но сравни: Являются сюда журавль. Подписались свидетеля. Открываются дверя. Конюха. Ну они, как мальчишка (мальчишки), не знали грамоте.

Родительн. — винительн. падежи. Очень употребительна форма на -ОВ, -ЕВ: Нет зеркалов. Несколько разов. Нету подошвов. По двенадцати чертов. От родителей. Двух батюшков позови. Шляпа осталась у батюшков.

Таких делов нету. Будут стрелять из ружьев, с орудиев. Зовут свидетелей. Пять этажков. Кушаньев. Угости всех жителей городских. С одного зерна выходит столько зернов. Солдатов. Мальчишковых. Лекарев. Учителев. Братов. Избов. Сапогов. Ножов. Быстрее мыслей (мыслей).

Но сравни: поварей, братьей, зятей, дохторей.

Склонение существительных с окончанием в имен. пад. на -МЯ. Эти существительные характеризуются тем, что почти всегда во всех падежах имеют окончание именительного падежа: Через несколько время. Ты чего без время ходишь. Сколько время стоим. Лошадей продам своим время. У тебя стремя будя. Видит у его стремя нету.

Но: ночным временем. С этим стремем.

ГЛАГОЛ. Инфинитив. В инфинитиве последовательно проводятся окончания -ТИ, -ЧИ вместо -ТЬ, -ЧЬ: Класти некуда. Захотел съести. Украсти. Грызти. Должен померти. Накласти. Попити. Понести. Пропasti. Попasti куда. Я должен докласти ему. Плыти долго. Начал терти в руках. Запрести, запрети, уберегтись, бегти, прибегти, добегти, пексти (печь).

Повелительное наклонение: Вы зьести (съесть) его сейчас. Теперь ести (есть). Ты его обчисти. Идь-ка, дорогая, сюда. А ты сам едь в другую деревню. Пожалуйста, на едь в Марьину рошу.

Изъявительное наклонение.

3-е лицо ед. ч. наст. вр. характеризуется отпадением конечного -Т: Он командуя. Чуть не каждый день броя (брест). Как ни броя, растут. Сказывая, прибегая, созывая, едя, выкидая, приходя, высказывая, черная, думая, поывая, делая, видя, ходя, приходя.

Встречается окончание -ТЬ: он говорить, идёть, берёть, бросаеть, при-сзжаеть, уходить, любить, кричить.

3-е лицо мн. ч. Здесь наблюдается следующее явление: Глаголы I спряжения имеют окончание -УТЬ (с мягким Т): Растуть, едуть, идуть, спрашивають, плывуть, вязуть. В глаголах же II спряжения с ударением не на окончании имеем окончание -УТ, т. е. то же окончание, только с Т твердым: кормют, поют, видют, приходят, заходят, молотют и т. д. Но в глаголах с ударением на окончании имеем окончание -ЯТЬ: стоять, говорить.

Встречаются и формы без -Т: они думая, выбирая, отвечая (редко).

2-е лицо наст. — буд. врем., един. ч. глаголов нетематического спряжения (дам, ем). Больше не даси? А что мне даси? Даси мне руп? (рубль). Отдаси мне? А вот третью часть корабля отдаси, тогда выручу. Еси (ешь) сладко, а выходит горько.

Прошедшее время в форме деепричастия. Он уехадши. Отец уже два года померши. Видит, что листья посыпавши. Вы еще ослабши. И видит, в этой деревни собравши толпа народу. Она заснувши уже.

Наряду с этим наблюдается употребление прошедшего сложного времени (вспомогательный глагол плюс деепричастие): Он был померши. Был умерши. А хозяин был ушедши на поле.

Вспомогательный глагол «ЕСТЬ». Этот глагол очень часто употребляется Господаревым там, где мы обычно пропускаем его: По пять месяцев есть бумаги лежат. Пахоты у меня много есть. А ты кто такой есть? — Я есть царский охотник. Кто у вас это за пастуха есть? Кто же ты такой есть? — Да я есть Сыч. Кто милее есть на свете? Кто на свете жирнее есть, и что есть на свете быстрее, и что мягче есть на свете? Какие же мы есть богатыри? Эх, какой я есть дурак! Ты откудова есть?

Деепричастие на -УЧИ: Свекор на печке лёжучи. А Иван, седючи на лошади... На боку лёжучи.

Другие особенности в глаголе. Обращают на себя внимание некоторые особенности в основах глаголов. Так, с одной стороны мы имеем: одеют, одёйт, раздеёт (т. е. одевают, одевает, раздевает), с другой стороны: даваст, вставаст, расходовай (т. е. дает, встает, расходуй).

МЕСТОИМЕНИЕ. Указательные и относительные местоимения употребляются в следующих формах: этый мужик, этую бочку на тоё место, в теи двери, тая рассудила, тые звери, этын орлы.

Родит. — винит. пад. личных и возвратных местоимений оканчиваются на -Е: Он мене заставлял. Я тебе убью. У тебе, у мене, от мене, от себе. Как тебе зовут? Хитрее тебе. Больше я на тебе не сяду.

Наблюдается отсутствие -Н в следующих местоимениях с предлогами: К ему, к ей, с им, у их, у ее.

Подобное явление наблюдается и в глаголах с приставками: съимать, кожу съяли, голову съял.

НАРЕЧИЕ. Очень распространены формы наречий на -ЕЙ и -ЕЕ: Хужей поближей, крепчей, пожарчей, толщей, к вечеру ближе, лучшей, почищей, пошибчей, ниже, выше, помельчей, помягчей, глыбее.

СИНТАКСИС. Чрезвычайно богатый материал дают сказки Господарева по вопросу построения фразы. Мы находим здесь и своеобразие в употреблении служебных слов, особенности в управлении и согласовании слов, в сочинении предложений, своеобразно выдержанный порядок слов, наконец всю ту совокупность средств, которая дает нам то, что мы определяем как стиль данного сказителя. Но вопросы стиля, как такового, не входят в рассмотрение данной статьи. Здесь рассматриваются только синтаксические элементы, характерные для языка Господарева без определения значимости их для стиля сказителя.

Предлоги:

С вместо ИЗ: вынимает с своего кошель. С пушки (из пушки) стреляет. С оружия. Выскакивая с лесу. Кричит с мешку и т. п.

ДО вместо К: Пойдем до Ленина. Пришли до городу. Пошли до своих жонков. Отравился до той барыни.

Особые случаи управления. Наречие «РЯДОМ» требует после себя родит. пад.: Поп жил рядом собора. Села за стол рядом своего мужа. Она села рядом его. Рядом тебя сидит. Царевна сидит рядом ночлежника.

Глагол «ПОБЛАГОДАРИТЬ» управляет дательным падежом: Он поблагодарил своей невестке за хороший хлеб. Поблагодарил ему за угощение. Он барину поблагодарил. Поблагодарил старику. И он мужикам поблагодарил. Поблагодарил левихе (львице).

Дательного падежа трубуют также глаголы: «ПРОСТИТЬ», «РАССУДИТЬ»: Простите мне, батюшка. Простите мне, что я сделал так. Пусть нам барин рассудит.

Форма местного пад. мн. ч. употребляется после предлога ПО: По приметах можно выйти по лесу. Он и стал рассматривать по этих отцовских приметах. Я читал по газетах, что... Ходил он по деревнях. По всех церквах. По списках богатыря нету. Он и пошел по солдатах смотреть. По видах, ты волшебник больше меня. Опубликовали по газетах. Государь отправил по всех домах искать козлятины. По дорогах насыпано золото. По карманах

Другие случаи управления: Не стал пристав преследовать за мазуриком. Не откажите моей просьбы. Я не виноват этому. Кого выбрать атамана.

Довольно интересным представляется употребление формы именит. пад, в значении родит. — винит, главным образом в именах женского рода и при наличии в предложении слова «НАДО»:

Жен. р.: что, думаешь, мне душа твоя надо? При закуске и выпивка надо. Я знаю, что дрова надо.

Мужск. р.: Нам надо тот человек, который за нами идёт. Сегодня ветер надо бы.

Здесь мы имеем насомненный остаток старины, сохранившийся как в белорусском языке, так и в русских говорах Карелии. «НАДО» = более древнему «НАДО Б», «НАДОБЬ». Ср. приметы из древнерусских памятников письменности: Чему тебе наша отчина? Тобе си сторона не надобь (Ипат. лет. 6682 г.). И не надобе им дань, и тамга, и поплужное (Собр. гр., т. II, ярлык 1267 г.). Смольнянину же тот товар не надобь боле (Смол. гр. 1230 г.).

В языке Господарева подобное явление встречается и без слова «НАДО». Мне остается служба один месяц. Я дожидал этот случай. Бери деньги побольше. Чтобы он не ел твои овцы, которые с ягнатами.

Множественное число глагола при собирательном существительном: А ихняя шайка справили себе пароход и ездили по морю. Тут народ все смеялся Назавтра починаются его прислуга.

Но при числительном «ТРИ» глагол в единственном числе: Является три прохожих.

Употребление союзов. Обращает внимание употребление союза «КАК». Он употребляется в разных значениях и часто соответствует союзам «ЧЕМ», «ТАК КАК»: Вам больше поверят, как ему. Нас больше обманывают, как мы обманываем людей. А где мы лучше дом возьмём, как этот. Как я самый старший, так я больше знаю. Как игрок хороший, его брали там и на свадьбы играть.

Союз «ЧЕРЕЗ» соответствует союзам «БЛАГОДАРЯ», «ИЗ-ЗА»: Счастливы ты через лошадь. Она не померла, а через любовь задавилась.

Союз «ЧТО» вместо «КАК»: Будя ветер что с пушки бить, что с оружия.

Отрицание «НЕ»: Встречаются случаи употребления в предложении одного отрицания НЕ вместо двух: Тебе советую никогда воровать. Ты никуда денешься. А я писал..., чтоб до моего приезда их никуда деть.

Сложное предложение. В речи Господарева преобладают простые сочинительные предложения, но встречаются и сложные. Построение их своеобразно, в них слабо связаны составные их части, и они легко могут распасться на простые предложения. Например: «Налейте им по стакану простой водки и подозвать, чтобы пушай выньют». Стоит только выбросить союз «ЧТОБЫ» — и сложное предложение распадается на простые, связанные только последовательностью действия, не теряя и не изменяя при этом общего смысла сложного предложения.

Порядок слов в предложении. Что касается порядка слов в предложении как в русском, так и в белорусском языке, то здесь мы встречаем довольно сложные отношения. Часто порядок слов определяется характером высказывания, жанром произведения.

В языке Господарева можно проследить некоторое своеобразие в порядке

слов, обусловленное, вероятно, повествовательным жанром. Это своеобразие проводится им последовательно и является одним из средств воздействия на слушателей.

У Господарева довольно часто наблюдается отрыв определения от своего определяемого; между определением и определяемым ставятся дополнения или сказуемые, или другие определения, иногда целый комплекс слов. Это делает речь Господарева плавной, спокойной и в то же время как бы поражающей слушателя неожиданно появляющимися определениями, заставляющей слушателя быть настороже.

Примеры: 1. Определяемое предшествует определению: Что, лошади правятся тебе мои? И поставил стакан на столе с водой. На тебе узду старшего брата лошади. Эти будут кони красивые, братнины, да не очень счастливые. Спеките свекру хлеб моему. Этот богатырь послал своему брату известие старшему.

2. Определяемое после определения: Своего помещика взять дочку замуж. Среднего сына отвечая жена. Куда его полетела стрела. А этой берся выше рукой, левой. Как будет государственной дочери доставать кольцо.

То же наблюдается и в управлении надежами: управляемый падеж часто отрывается от слова, которое им управляет: Они больше поплачут нас. Да ты больше знаешь меня (т. е. больше, чем я). Спасибо, что ты мимо не проехал меня. И раньше приедешь царевны домой. Я показал вам всё, больше нету показать ничего. И кругом обвёл этого собора.

Словарь. Словарь непонятных слов в сказках Господарева приводится в конце книги. Здесь же следует остановиться на отдельных примерах из словарного запаса сказителя. Среди глаголов можно отметить такие: готю, подарю, погостю, складай, докласть, заведи, посёдовать, поскорили, обночевали, спустить, силеет, выстал, перёдится и т. д.

Часть из них, как: спустить, выстал и др. очень распространены в Карелии.

Далее, в словах Господарева следует отметить слова, которые сохранились у него от белорусского благодаря тому, что эти же слова-названия он встретил здесь, в Карелии, и которые вообще представляют интерес своим территориальным распространением. Сюда можно отнести: пожня — дуга; жонка — жена, женщина вообще; охотник — охотник.¹

Но более интересным является то, что именно заимствовано Господаревым из местного говора. И тут мы видим, что даже в сказки Господарева проникло очень много местных слов-названий, заменив белорусские названия; большей частью это названия бытовых и хозяйственных предметов и явлений. Например: бесёда, рогач, мякúшка, вичка, малёнка.

К заимствованиям следует отнести также: жить в значении «быть» (до темна дожили, а пожню не скосили), опружить, сходить, выкопать, Место во временном значении (я тое место стоял под окошком, как вы убили) и т. д.

Новшества в языке сказок. Сказка, зародившись своим уходящая в глубь веков, живя и в настоящее время, широко использовала для своего развития всевозможные достижения науки и техники последнего времени. Герой

¹ Произношение этого слова совпадает с произношением его в отдельных местах Карелии.

в сказке Господарева посылает телеграмму: «Иду войной на твоё царство». Или: «Тут приходит телеграмм, что заключен мир».

Новые понятия и формы общественной жизни нашли своеобразное отражение в сказке: «Дочку застраховать; я буду большую страховку платить». «Опубликовал в газетах». «В газетах было пропущено, что такой-то будет жениться». «Декрет; такой выставили» и т. п.

Подводя итог всему сказанному о языке Господарева, можно сделать следующие выводы о взаимоотношениях белорусского и русского в языке Господарева. Белорусское сохранилось, вопреки местному, в произношении: аканье, Р твердое, h (г фрикативное) и ряд других черт. Довольно заметно белорусское в смешании родовых категорий.

В области форм слов (морфология), а также в области построения фраз (синтаксис) взаимоотношения белорусского и русского сложнее. Ряд характерных особенностей белорусского языка находит в той или иной степени соответствия в русских говорах Карелии. Это как раз вопросы, которые побуждают для своего объяснения углубиться в древнюю историю и искать общие источники сходных явлений или, по крайней мере, близкие отношения в прошлом между носителями белорусского языка и русских говоров определенной части Карелии.

В отношении части вопросов синтаксиса, например, порядок слов в предложении, сложные предложения и др., можно сказать, что они в какой-то мере есть особенность данного сказителя, а не диалекта или языка в целом.

Наиболее сильно влияние местного говора на белорусскую основу языка Господарева в лексике (словарь), о чем сказано выше. Лексика наиболее подвижная часть языка, легче поддающаяся изменению.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ СКАЗКИ Ф. П. ГОСПОДАРЕВА.

ПРА КЛИМА-БАЛЬШОВА ЗЛОДЕЯ.

У адной дзяравы жыў Клим. Днём ляжыць на пэчкі, а ночей ідэць на дэбечу. Усе мужыкі і казываюць:

— Вот, ніде не работая, а жывець харашо — ўсяво у яво хватая.

Тут пашоў сых, што чым Клим займаецца? Тут узнаў барын іхныі што дзаставіць, Клим дажа на прыёну не ідэць (раньшы работалі два дня памешіку і чатырэ сабе; мой атец служыў по прыёну. Ето здеся бэрства не было, а на нашых мястах пяць вёрст і памешікі, круном памешікі).

— Нада жа пазваць.

Зываюць. Волей-няволей Климу нада ійтить до барына, а не ійтить, так и рёзгі пазучыш. Ён прыходіць.

— Здрасти, — наварыць, — барын.

— Здрасти, здрасти. Ты хто такой есь?

— Да я, барын, Клим.

— Да ты, наварать, злодей харашо.

— А ничаво, — наварыць, — барын.

— Так ты укради у менэ пару коней.

— Так ты, барын, пакажы каких толька.

— Ну, если украдеш, лошади твае будут.

Барын поставил стражу. То Клим забрался еще днём на канюшню, и пашом с канюшны ввечером спустился, и сел у станок, иде лошади стаить, и палкой на калена лашадей калотит. То лошади нагами топают, а стража там на варахах стаить. Яны и наварать сами с сабой:

— Верно чувствуйтэ, што Клим прыдэць за вами.

А Клим здеся. Ну, вот, Клим слышыць, што яны утихли. Ён бяроць лашадей и пашоў. Прачинаецца стража. Прыбёгли — и коней нету. Вутром докладаюць барыну, што Клим украў лашадей.

— Дак вы, верно, спали.

— Нет, барын, ён дажа не в тей дзверы вывел, иде мы сидели.

Барын посылая за Климом. Клим на пэчкі спит, уже атдыхая. Прыяжанць управляюць:

— Што, Клим, нада ик барыну явіца.

— Атдыхну і прыду.

Являцца Клим ик барыну. Барын спрашывае:

— Што, украл лошадей?
— Украл, барын. Как же ваше слово зменить, када вы приказали?
— Идѣ ты дел лошадей?

— Да, барын, продал, а деньги уже расходовал.

Барын сказал:

— Ну, и маладец же ты! Тада вот, укради ж ты у менѣ деньги.

— А покажи, барын, идѣ яны у тебе.

Барын приводит и показывая:

— Вот у етай комнаты.

— Ну, так я сѣгодня их вазьму, — Клим сказал. — И воту ета акошка я буду лѣзти з дьяньями.

Барын взял шаблю и стал у акошка, дажыда яво. Барын станть, караулить, а Климу нада деньги ўзять. Ну, Клим знал, што вот сѣгодня пахаронен был пакойник. Ён яво аткапал, на плѣчи звал и тащѣть туды. Подходить к етому акошку. Акошка открывая и пакойника у акошка халавой гуская. А памещик тѣе время шаблей атрубил пакойнику халаву. халава упала сюды у комнату, а труп пад акошком слетел. Барын сам себе сказал:

— Тапер ты большы варавать не будеш. Тапер можна смела ийтѣть спать да вутра.

Барын и пашоў спакойна аддыхать.

Приходить и хаварыть жаны:

— Ну, я Климу атрубил халаву. Большы не украдет ни коней, ни денег, а завтра прыдѣда пахаранить яво.

Клим, када барын пашоў, улез на акошка, забрал деньги и эту халаву, и труп заносит туду на кладбища и апять зарыл, как было. И сам на печки спалѣживая, — деньги есѣ.

Барын вутром ўставая, идѣть у тую комнату, идѣ климова халава ляжыть. Приходить — халавы нету. Ён хлянул у акошка — и трупу нету, и ён к сундуку и сундук пустой. Ён и хаварыть:

— Как же так: халаву атрубил, а яво ничаво нету.

Барын сам атправился к Климу. Присяжжая, Клим на печки аддыхая

— Ну, што ж, Клим, украл деньги?

— Украл, барын.

— Я ж тебе халаву атрубил.

— Так ты, — хаварыть, — када менѣ халаву атрубил, и патом сказал, што я большы не буду варавать, коней тванх и денег не вазьму, а сам пашоў спакойна спать. Када ты пашоў, то халава паншла, деньги забрада и апять прышла з дьяньями ко мне, на место села, и я апять пашоў.

— Дак ты мене дай хоть часъ денег, — барын просит яво.

— Нет, барын, с таво свету пакойники не ходют, так тебе и денег не видать.

Барын и думая: «Иш, халаву на месте зрубил, и то ходя. Тапер з и плахавата бароца, нада уж лаской яво прасить».

— Ну, вот, Клим, украл лошадей и украл деньги, укради з барыни рубашку.

Ён и хаварыть:

— Можна, барын, украсти з барыни рубашку. Только, если я украду, а вы скажете, што нет, так вот на той рубашки нада сделать патнись, што именно яна тая рубашка, у каторай яна буда спать.

Клим уже забрался параньшы туды. Барыня у такой-та рубашки спала такое. А Клим уже сидел пад кроватью.

— Што ж нам делать? — барыня сказывала.

— Да ты съими рубашку, брось пад кровать.

Яна ету рубашку збросила пад кровать. Сама адела друную и спать яны хляли апять. Вутром прачинаеда и хаварыть, што вот Клим хател рубашку зять, да и не было яво.

Пасмотрѣли пад кровать — и рубашки нету. Барын апять к Климу. Клим апять на печки ляжыть, аддыхая.

— Ты што, — хаварыть, — рубашку украл?

— Украл, барын. Дак я, пажалуй, ее не крал, ее сама барыня, пажалуй, падала. Ну, а ўсѣ-тки работа мая была.

Барын ему хаварыть:

— Ну, если ж ты такой уже вор, то уваруй у менѣ барыню. Если барыню уваруеш, то палавина имения аддам.

— Харашо, барын, уварую и барыню. Только, знаеш, тры-чатырѣ дня ты только з барыней живѣш, а то я утащу ее.

Клим тут и трѣца [трѣтсѣ], разбивая план, как барыню ўзять. У адно время барын спал з барыней. Ён прышоў, да тихонько ее будит.

— Вѣстань, — хаварыть, — с кровати, а то Клим за табой идѣть. Перайдѣм у друное место.

Тая с кровати вышла, ён ее схватывая и пошоў с ей. Барын прачинаеда — барыни нету. Барын к Климу. Клим на печки ляжыть:

— Ну, што, — хаварыть, — украл барыню?

— Украл, барын.

— А идѣ ж барыня?

— Продад чорту.

Ён и хаварыть:

— За барыню обещал пол-имения аддать, если украдеш, а если варѣтиш менѣ барыню, аддам еще часъ имения, а себе аставлю третью часъ.

Клим и хаварыть:

— Тяжало, барын, ат чорта вырвать назат, ну ўсѣ-тки напробаю.

Клим и пашоў к чартям ворачивать барыню. Ён идѣть, видя — чартаят бегают. Ён подходит к раке и начал с песку вить варѣвки. Чорт насылая маладова чорта:

— Спраси, што Клим-великий злодей делая.

Чартѣнок приходит и спрашивает:

— Што ты, Клим, делаеш?

А ён отвѣчая:

— Ваю кадол (варовки), чартей тянѣть на сухадол, чераз тры дня ўсѣ чартей выкидаю.

Чартѣнок приходит и хаварыть:

— Бяда!

— Какая?

— Да вот Клим вѣет кадол, нас ўсѣх тянѣть на сухадол.

— Бяжы, спраси, што ён хочет с нас.

Чартѣнок прыбѣлая и спрашивает:

— Што ты хочеш с нас?

— Я ничаво не хачу, я барыню хачу назат ўзяць. Вот вас вётыўну а патам барыню вазьму.

Ён прыбіная і сказывае:

— Эта ён хочет барыню назат варатить.

Чорт і наварыць:

— Иди скажи яму, што пусь с табой у пераёнку побяжыць. Если ён аббяжыць табе, мы барыню аддадим, а если ты яво абхониш, то будя наша барыня.

Чартёнок яму і сказаў эта. Клим яму атвечае:

— Э-э, будта важность и с табой пабегать У меня маладён трох дён и то тебе абхонит.

А у Клима было поймано два зайца. Ён уже знаў, што эта будя. То адін заяц у адном мяшку, а другой заяц у другом мяшку. Ну, вот, када ён сказаў, што маладён трох дён абхонит:

— А нйде ж твой маладён трох дён?

— А тот еще у палёнках ляжыць.

Он вынимая с мяшку зайца.

— Ну, равняйсь!

Чартёнок ўстаў. Ён зайца і пустиў, заяц і пабёг. А чорт за зайцом бяжыць. Ну, ўсё-тки скрыўся заяц. Прыбіная чорт ік Климу.

— Ну, што, — наварыць, — абанна?

— Нет.

— А мой вот прыбёг давно (и показывая ўтарова зайца).

Чартёнок і нашоў к старому чорту.

— Разве, — наварыць, — яво абхониш! У яво маладён трох дён и то менё абанна.

Чорту ўсё-тки не ахвота барыню аддаць. А Клим своё дело делает, ўсё вёць вярówki. Чорт і пасылаў апят яво:

— Иди, — наварыць, — пусь ён с табой паборыца. Если пабора табё, то прыдэца барыню аддаць, а не пабора, то барыня будя наша.

Чартёнок прыходзіць і сказывае яму:

— А сказаў наш старый чорт, штобы я с табой пабóрылся. Если ты менё збóрыш, то барыню вазьмёш, а не збóрыш, то тада барыня наша.

Клим усмяхнуўся:

— Са мной ты станеш бароца, дак, пажалуй, я у тебе и кости патру. У менё дажа дедушка тры нóды на адном баку спить, табе и с тым не справида, не то што са мной.

— А нйде жа ён, дедушка твой.

— А пайдём, я накажу.

Ён знаў, нйде мядведь ляжыць. Вот ён і прыводзіць яво і показывае яму:

— Вот ён ляжыць уже тры нóды на адном баку. Залазь-ка к яму туды.

Вот чартёнок и палез. Миша и узяўся чорту щитать робры. Ну, кой-как вырваўся. Прыбіная і сказывае старшóму чорту:

— Иди-ка сам попробуй! Я бежал — не даўна, и ён привёл менё ик дедушку, который тры нóды ляжыць на одном баку. — Ён менё пачти ўсе кости пераламал. Насилу я вырваўся ат яво.

— Ну, дак што ж, приходица тада аддаць барыню.

Ему аддають барыню, ён прыводзіць ик барыню и наварыць:

— Зволь свой подарок палучить и давай жа менё тое, што ты сказывал.

Барыню жалковата стала.

— Так довольна с табё будя паловины.

Клим и наварыць яму:

— Да... На совесть верить нйльзя. Нада было сразу расписку брать себе. Ну, ладна, я большы чикада с табой не буду, а скоро и ты там будеш, нйде, барыня была.

Барын спухаўся и наварыць:

— Забирай, Клим, только не травож менё.

— Вот так давно б сказаў, а то с вами, што с чартиями — ўсё смотрите с мужыка, штоб мужык работав, вас пайл, кармил. Ну, а ўсё-тки ты нарваўся на менё. Налаву зрубил, и то живой стал.

Так барин ўсё яму и аддаў.

**УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ
И ВО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕ.**

- Азадовский — М. Азадовский. Сказки Верхнеленского края, вып. I, Иркутск, 1925. (Указывается № сказки.)
- Азадовский. «Русская сказка» — М. К. Азадовский. Русская сказка. Избранные мастера, тт. I и II, 1932 (Указ. том и № сказки.)
- Ан. — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Изд. Русск. геогр. общ., Л., 1929; цитируется также: «Указатель».
- Афанасьев — А. Н. Афанасьев. Народные сказки, Изд. 2, М., 1873. (Указ. № сказки.)
- «Волжск. фольк.» — Волжский фольклор. Составили В. М. Сидельников и В. Ю. Крупянская. Советский писатель, 1937. (Указ. № сказки.)
- Добровольский — В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник ч. 1, «Зап. Русск. географ. общ. по отд. Этнографии», XX, СПб., 1891. (Указ. страница.)
- Ж. Ст. — Живая старина, XXI, 1912, вып. II—IV (Указ. страница.)
- Зеленин. «Вятск. ск.» — Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. «Зап. Русск. геогр. общ. по отд. Этнографии», т. XLII, II, 1915. (Указ. № сказки.)
- Зеленин. «Пермск. ск.» — Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. «Зап. Русск. геогр. общ. по отд. Этнографии», т. XLI, II, 1914. (Указ. № сказки.)
- Иваницкий — Н. А. Иваницкий. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890. (Указ. № сказки.)
- Карнаухова — И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края. Academia, 1934. (Указ. № сказки.)
- Красноженова — М. В. Красноженова. Сказки Красноярского края. Госиздат «Художественная литература», Л., 1937. (Указ. № сказки.)
- «Красноярск» — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русск. геогр. общ. по этнографии, т. I, вып. 1 и 2. Красноярск, 1902. — Томск, 1906. (Указ. выпуск и номер сказки.)
- Озаровская — О. Э. Озаровская. Пятиречье. Изд. писателей в Ленинграде, 1931. (Указ. № сказки.)
- Ончуков — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. «Зап. Русск. геогр. общ. по отд. Этнографии», т. XXXIII. СПб, 1908. (Указ. № сказки.)
- «Песни и сказки» — Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937. (Указ. страница.)
- Романов — Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. III (1887), вып. IV (1891) и вып. VI (1901). (Указ. выпуск и страница.)

- Садовников — Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. «Зап. Русск. геогр. общ. по отд. Этнографии», т. XII, СПб., 1884. (Указ. № сказки.)
- Сергпутовский — А. К. Сергпутовский. Сказки и рассказы белоруссов-полешуков. СПб., 1911. (Указ. № сказки.)
- «Сказки Беломорья» — Сказки Карельского Беломорья, т. I, кн. I. Записи, вступительная статья и комментарии А. Н. Нечаева. Под общей ред. проф. М. К. Азадовского, проф. Б. А. Ларина, акад. И. И. Мещанинова, А. А. Прокофьева, А. П. Чапыгина, Петрозаводск, 1939. (Указ. № сказки.)
- «Сказки Куприянихи» — Сказки Куприянихи. Сборник А. М. Новиковой и И. А. Оссоветского под общей ред. проф. И. П. Плотникова. Воронежск. обл. книгоиздат, 1937. (Указ. № сказки.)
- «Сказы, песни» — Сказы, песни, частушки. Под ред. Е. М. Блиновой. Челябинск, 1937. (Указ. № сказки.)
- Смирнов — А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского географ. общ. «Зап. Русск. геогр. общ. по отд. Этнографии», вып. I—II, II, 1917. (Указ. № сказки.)
- Соколовы — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. Изд. Акад. Наук, М., 1915. (Указ. N сказки.)
- «Фольк. Урала» — Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1936. (Указ. страница.)
- Худяков — И. А. Худяков. Великорусские сказки, I—III. М., 1860—1861—1862. (Указ. выпуск и № сказки.)
- Шейн — П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. II, СПб., 1893. (Указ. страница.)
- Эрленвейн — А. А. Эрленвейн. Народные сказки, собранные сельскими учителями. М., 1863. (Указ. № сказки.)

ПРИМЕЧАНИЯ.¹

1. ОТКУДОВА НАЧИНАЮТСЯ ПЕСНИ И СКАЗКИ.

Легенда примыкает к обширному циклу рассказов, объясняющих происхождение различных животных, предметов и пр.: «Откуда медведь», «Откуда табак», «Откуда знахарь», «Откуда поп» и т. п. Рассказы эти имеют хождение в Белоруссии (см. Романов, IV).

По просьбе слушателей сказочник исполнил легенду на расширенном заседании фольклорного кружка при Филологическом факультете Ленинградского университета.

Напечатана в брошюре: В. Чистов «О собирании устного народного творчества» (Петрозаводск, 1938, стр. 29), а затем в альманахе «Карелия» (Петрозаводск, 1938, стр. 136).

2. СОЛДАТСКИЕ СЫНЫ.

Одна из любимых и чаще всего рассказываемых Господаревым сказок. По словам Ф. П., впервые услышал он ее от Шевцова в дер. Забавья (б. Могилевской губ.). Напечатана в книге «Песни и сказки», 135 и в «Студенческих записках Филологического факультета Ленинградского государственного университета» под ред. М. Азадовского (Ленинград, 1937). Отзыв — «Литературное обозрение» (1938, № 6, стр. 45).

Ан. 303 («Два брата») — сказка о двух братьях-близнецах. Наиболее близкие варианты находятся в сборниках: Афанасьев, 92; Ончуков, 4; Карнаухова, 133; Романов, VI, 60 («Медвежьи сыны»).

Нередко данный сюжет соединяется с другими. Так, например, «Сказки Куприяныхи», 11 с частичным впадением сюжета «Благодарные животные» (Ан. 554); то же у Карнауховой, 133; Садовникова, 4 (переп. Азадовский. «Русская сказка», I, 5); Романова, VI, 382 («Микита Игрович, купецкий сын»). Зачастую герои — два брата рождаются чудесным образом (от выпитой воды, — например, Ончуков, 4; от медведя — Романов, VI, 60, или других предметов и животных). У Афанасьева, 92 («Два Ивана — Солдатских сыны») мотив чудесного рождения братьев устранен. Герои в ней, как и у Господарева, — два солдатских

¹ Указаниями на некоторые параллели к сказкам Ф. П. Господарева из украинского фольклора мы обязаны проф. Н. П. Андрееву, за что приносим ему глубокую благодарность.

сына, идущих на поиски отца-солдата. Сказка в сб. Афанасьева социально менее заострена, ибо в ней отсутствует один из интереснейших мотивов: столкновения солдатских сынов с помещиком (мотив этот так же отсутствует и во всех известных нам вариантах). Ярко выраженный антипомещичий характер сказки Господарева делает ее замечательным явлением в русской сказочной литературе.

В основном это произведение отразило жизнь крепостной деревни, борьбу в ней крестьян против эксплуататоров-помещиков, глубокую ненависть трудовых масс к барам. Сказка особенно характерна для метода Господарева. Обилие реалистически-бытовых элементов, рисующих старую деревню и изображенных с определенной точки зрения: например, упоминание о школе, о слаче не в очередь солдата и т. п. Проявление богатырской силы дано не только как момент удали, но и как момент социальной расплаты, что необычно для сказок такого типа; необычна и оригинальна расплата с учителем. Характерно и то, что антагонистом солдатских сынов выступает помещик.

Вся сказка выдержана с соблюдением сказочной поэтики: традиционный зачин («В некотором царстве, в некотором государстве...»), богатство сказочных формул («волос в волос, голос в голос»; «Ворон костей не заносит, а сам добрый молодец приходит» и пр.), эпитеты («прекрасная царевна», «добрый молодец», «чистое поле» и т. п.), троичность (три змея, три комнаты в доме колдуньи и пр.).

Господарев вводит в сказку элементы городской культуры (так, в зачине указывается номер дома: «за номером пятым, в этом доме проклятом»; Иван снимает «номер в гостинице»; за пенной герой едет в «магазин» и т. д.).

Название — «Марьяна роцка», — очевидно, влияние каких-то литературных отголосков (В. А. Жуковский), возможно, через лубок.

Сюжету «Победитель змея» (Ан. 300 А) посвящена большая часть исследования К. Ranke («Die zwei Brüder» F. F. Communications, № 114, Helsinki, 1934); см. также А. И. Никифоров («Победитель змея». Советский фольклор, 1934, № 4—5, стр. 143).

3. СОЛДАТ ДАНИЛА.

Ан. 400 *В («Царь-девица: герой обручается с царь-девицей, но трижды просыпает свидание с ней») и Ан. 465 А («Красавица жена: пойдя туда, не знаю куда»). Порознь сюжеты разрабатываются довольно часто. Так, Ан. 400 *В — у Афанасьева, (127 а), 128 а, б, (152 а, б); Ж. Ст. 365—386; Садовникова, 61; Соколовых, (57); Смирнова, 9, 130; Эрленвейна, 12, 40.

Сказок с сюжетом «Пойди туда, не зная куда» «Указатель» насчитывает более 20. Доп.: Романов, VI, 70 («Иван Васильевич — Стрелок»). Особенно широко они бытуют на севере: Карнаухова, 7, 53; Соколовы, 59, 138 (переп. Азадовский. «Русская сказка», I, 9); Ончуков, (57), 116, 151, «Сказки Беломорья» 2. Очень интересный вариант на эту же тему (дача герою трудно выполнимых задач) — «Об Иване-царевиче и Иване-Сторожевиче» — «Фольк. Урала», 238. В «Солдате Даниле», так же как и в предыдущей сказке («Солдатские сыны»), Господарев сочетает фантастические элементы (чудесное добывание жены, диковинки: Бас-невидимка, меч-саморуб и пр.) с бытовыми (картины из жизни крепостной деревни) и психологическими (например, сцена расправы героя с царем).

Сказка Ф. П. по своей конструкции как бы распадается на две самостоятельные части: в первой — выступают Данила и помещик, во второй — Данила и царь.

4. ГОСУДАРСКИЙ СЫН.

Оригинальная и необычная контаминация ряда разнообразных сюжетов и мотивов: Ан. *1528, I («Нужда»); Ан. *1360, I («Любовник в виде чорта») и Ан. 950 («Дядя и племянник»). По словам сказителя, эту сказку он слышал впервые в 1905 г. в тюрьме (г. Могилев).

Сюжет «Нужда» (Садовников, 67; переп. Азадовский. «Русская сказка», I, 7) разрабатывается Господаревым лишь в качестве завязки и является как бы вводным эпизодом сказки: государский сын отправляется узнавать, что такое горе; встречные мужики рассказывают ему: «Как же, молодой человек, не горе? У самих хлеба нехватает, а государь подати собирает; себе не остаётся ничего, а ему дай. Вот тут и горе». Горе указывает бабушка (крадет у государского сына одежду).

Сказочник и его герои понимают, что своему существованию эксплуататорские классы обязаны исключительно трудовому народу: «Если б я эту работу не работал, — заявляет один из мужиков государскому сыну, — то мы б все с голоду сошли. Не носи бы ты такого пиджака на себе».

Вероятно, что на своеобразный, социально-заостренный вводный эпизод сказалось влияние пропагандистской литературы.

У Садовникова, (67) — барин хочет узнать у мужика нужду; мужик направляет его в поле, а сам уезжает на лошадях барина.

Сюжет «Любовник в виде чорта» в сказках: Афанасьев, 242; Карнаухова, 51; «Сказки Куприличих», 40; Ончуков, 14, 283; Соколовы, 67, 91, 103; «Сказы, песни», 5; Сергипутовский, 60; «Красноярск», I, 8.

Сказка с разработкой сюжета «Дядя и племянник» — у Афанасьева, 219 б; Зеленина. «Пермск. ск.», 49, 50, 54; «Красноярск», I, 50; Ончуков, 59, 160, 168; Карнаухова, 119; «Волжск. фольк.», 11; Романов, III, 410; Шейн, 203, 206.

Волшебные превращения героя и приключенческие эпизоды у Господарева разворачиваются на фоне широкого показа трудовой жизни крестьянства в революционное время.

Сказка изложена сочным и метким языком, включает в себя ряд пословиц и поговорок.

5. НЕЗНАЙКА.

Ан. 532 с присоединением сюжета «Сивка-бурка» (Ан. 530 А и Ан. 530 *В). Напечатана впервые в сб. «Песни и сказки», 174. Сказка довольно распространена в народе. Встречается во многих сборниках (см., например: Карнаухова, 47; Красноженова, 16; многие мотивы — у Романова, III, 142 и вариант «6»; VI, 26, 81, 470; Добровольский, 594 («Илья Муромец») и др.

Господарев строго хранит сказочный канон: тропичность, традиционные формулы, зачин, концовка.

Во многих местах сказка перекликается с русским былинным эпосом. Сильны в ней и урбанистические мотивы. Сказка несет в себе многие черты военного быта («позиция», «открытие огня», обращение к начальнику: «ваше благородие» и пр.).

Характерно, что царь в «Незнайке» изображен в виде богатого помещика. Более подробный разбор сказки дан нами во вступительной статье.

6. ПРО БЕДНОГО МУЖИКА.

Ан. 332 («Смерть-кума»). Доп.: Сергипутовский, 14; Шейн, 414, 416. Сказка — одна из характернейших для Господарева как бытописателя крестьянства. Здесь вскрывается художественный метод Ф. П. Мистико-фантастическую легенду он перевел в абсолютно реалистический план, сделав ее бытовой. Обычно легенда небольшого размера. Расширение ее у Господарева произошло в основном за счет обильного внесения сказочником в традиционную схему бытовых и автобиографических подробностей. Так, например, весь эпизод с крещением ребенка, по уверениям сказочника, — жизненный факт, связанный с биографией Ф. П. (см. вступительную статью), тщательно разработана сцена пребывания мужика в поместье барина. Сказочник стремится показать помещичий быт в различных его проявлениях. В сказку он вводит такой второстепенный персонаж, как Савку гармониста, через посредство которого и раскрывает жизнь дворовых людей. В лице мужика и Савки, с одной стороны, и барина с барыней — с другой, Ф. П. как бы сталкивает два мира: мир бедности, нищеты, социального угнетения и мир праздный, паразитарной жизни.

7. ИВАН—КУЗНЕЦКИЙ СЫН.

Впервые прослушана Ф. П. в Витебской губернии. Напечатана — «Песни и сказки», 227.

Сказка представляет собою сочетание сюжетов: «Чудесное бегство» (Ан. *313, I), «Бычок спаситель» (Ан. *314), «Звериное молоко» (Ан. 315 А) и «Победитель змея» (Ан. 300 А). Наиболее близкими вариантами с сочетанием четырех вышеприведенных сюжетов являются сказки, записанные Е. Романовым (III, 49 «Медяный вояк») и В. Ф. Булгаковым в с. Бердском 6. Барнаульского уезда («Красноярск», II, 29 «Об Идолище и о Иване, царском сыне»).

Сказки с сюжетом «Звериное молоко» по «Указателю» встречаются в 11 русских сборниках. Доп.: «Сказки Беломорья», 18. В Белоруссии они особенно распространены. См.: Добровольский, 478, 492 (частично), 495; Романов, III, 38, 40, 45, 49, 55, 60, 63. Действующими лицами в них, по замечанию Романова, большую часть являются брат и сестра, реже — муж и жена; любовником сестры (жены) и противником брата (мужа) чаще выступает змей, реже — Кошей Бессмертный, «медяный вояк», разбойник. Обычно героя извещает о приближении зверей («охоты») черный ворон (у Романова в сказке «Звериное молоко», III, 38, вместо ворона приходит «нейкий старичок, як-бы святый»).

«Звериное молоко» обычно сочетается с сюжетом «Бычок спаситель» (Афанасьев, 117, 118а; Садовников, 11); нередко — с «Победителем змея»: Афанасьев 118с, 119а; Зеленин. «Вятск. ск.», 6; Азадовский, 6 (переп. Азадовский. «Русская сказка», I, 19); «Красноярск», I, 52 и др.

Герои сказки — выходцы из самых различных слоев населения: сын бедного дьячка (Романов, III, 38); очень часто — сын и дочь родителей без определенных занятий: старичка и старухи (Романов, III, варианты 1 и 2 и сказка «Пуща драмуща», 40), купеческий сын (Романов, III, вариант 3 к той же сказке), царские дети (Романов, III, 45, 55, 63).

Происхождение героя из семьи кустика-кузнеца в сказках с сюжетом «Звериное молоко», по нашим наблюдениям, встречается впервые. Может быть,

наделение родителей героя определенной профессией (кузнеца) объясняется принадлежностью к ней и знанием этой профессии самим сказочником. Отец героя выведен Ф. П. незаурядным мастером кузнечного дела, способным на выделку таких сложных вещей, как железный волк. В сказке «Медзанный вовк» (Романов, III, 49) волк не выковывается дедом, а просто прибегает («Вот прибег к им вовк медзанный и зьев дзеда й бабу. А сам остався з дзяцьми»). Мотив опроса змеем (Юдой) домашних вещей встречается в сб.: Романов, III, 55 и вариант «б». В роли спасителя детей выступает бычок, он же вручает им и волшебные предметы. В некоторых сказках роль бычка заменяется другими животными: кот (Романов, III, 45), лось (Романов, III, 49), волк (Романов, III, 63).

Господарев строго сохраняет сказочные устойчивые формулы («Ворон костей не приносит, а сам молодец приходит», «Ну, так что ж, будем биться аль мириться?» и пр.); соблюдает общесказочный закон — трехчленность: три волшебных предмета (гребень, брус, платок; трехкратная борьба героя со змеем) и т. д.

8. ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ.

Ан. 402 («Царевна-лягушка»), [Ан. 400 А («Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену»), Ан. 518 («Обманутые лешие») и Ан. 302 («Кощеева смерть в яйце»). Сказка с контаминацией четырех приведенных сюжетов встречается весьма редко («Сказки Куприянихи», 25).

В изложении Ф. П. она богата традиционными моментами: троичность (три сына, три подарка отцу, три волшебных предмета и т. д.), сказочные формулы («Ветры мои милые, ветры мои буйные», или: «На море, на океане на острове Буяне» и т. п.), прекрасно разработана и концовка. В отдельных случаях живость и яркость повествования достигается путем ритмизации речи. Например: «Старший сын берёт лук, и средний сын берёт лук, и Еруслан Лазаревич меньший брат берёт лук и пошли они на поле, и стали они стрелять. Старший сын пустил с лука стрелу свою — ударила вправо стрела, средний сын пустил свою стрелу — таля подалась в левую сторону. Еруслан Лазаревич пустил свою стрелу — она зазвенела прямо» и т. д.

Для данного типа сказок имя героя (Еруслан Лазаревич), а также мотив сопротивления отцу браку — необычны.

9. КОНЕК-ГОРБУНОК.

Ан. 531. Доп.: «Сказки Куприянихи», 1; Карнаухова, 46; Романов, III, 239, 244, 247, 250; VI, 14, 286, 297, 360, 470; Шейн, 74, 279; Добровольский, 590; «Сказки Беломорья», 16.

Сюжет народной сказки лежит в основе одноименной сказки в стихах П. Ершова. Сказка П. Ершова, выдержавшая до революции более 30 изданий и ставшая одной из популярнейших сказок в России, оказала впоследствии большое воздействие на народную сказку (см. М. Азадовский. Автор «Конька-горбунка» — «Литература и фольклор», стр. 106). Это влияние сказалось и на господаревском варианте. Сказка Ф. П. по детализации мотивов (находка пера Жар-птицы, продажа лошадей, служба у дая в конюхах и т. д.), по ритмическому строю языка и отдельных рифмованных мест во многом напоми-

нает, а в некоторых случаях как бы повторяет строки «Конька-горбунка» П. Ершова. Приведу два характерных примера:

У Господарева

Слова Ваньки (младшего брата):

«Эй, глухие тетери, отворите брату двери. Я всю ночь не спал и ничего не видал... и пр.

Слова Конька-горбунка:

«Я тебе сказал, Иван, что не бэри пера, будет большая беда. Это не беда Жар-птицу достать, а беда еще впереди...»

У П. Ершова

Слова Данилы (старшего брата):

«Эй, вы, сонные тетери! Отпирайте брату двери,

Всю я ноченьку не спал» и пр.
Слова Конька-горбунка:

«Помнишь, ехав в град-столицу, Ты нашел перо Жар-птицы? Я сказал тебе тогда:

«Не бери, Иван, — беда!»

Это службишка — не служба, Служба вся, брат, впереди...»

Сохраняя в общих чертах канонический сюжет «Конька-горбунка», Ф. П. вставил в него эпизод с обесчещенной девицей, разрабатывающийся в сказке «Молодицкие яблоки» (Ан. 551), тем самым существенно изменив конец сказки: после женитьбы на Анастасии Федоровне герой встречает своего сына, родившегося от волшебницы, волшебницу и, расставаясь с ними, отдает похищенное — Жар-птицу и золотую клетку, а сам остается жить вдвоем с Анастасией Федоровной. Примечательно, что волшебница не осуждает поступка Ивана, наоборот, морально оправдывает его: «Но я это тебе прощаю потому что ты много мук и так принял, а молодым людям чего на ум не придёт».

В сказке своеобразна концовка и очень интересна деталь — письмо Анастасии Федоровны к киту, не встречающейся в других сказках.

10. ПРО ГЛУПОГО ОМЕЛЮ.

Ан. 675 («По шучьему велению»): Омелья ловит щуку и щадит ее. Щука исполняет все его прошения. По слову Омели боярская дочь (царевна) становится беременной. Боярин (царь) приказывает посадить Омелю со своей дочерью в бочку и бросить в море. Омелья и боярская дочь (царевна) спасаются (ср. «Чудесные дети» — Ан. 707). Окончание ничем не отличается от обычного окончания такого типа сказок. Правда, есть сказки и с другим окончанием: вместо того чтобы бросить Омелю в море, царь (боярин) предлагает ему трудные задачи: в ночь выстроить «большой чугунный мост», «за сегодняшнюю ночь, чтоб сад вырос, а в саду чтоб пел соловей» (Красножелезова, 6). Задачи выполняются по прошению Омели «по шучьему велению».

«Про глупого Омелю» «Указатель» зарегистрировал 11 вариантов. Известно лубочное издание (Афанасьев, 100а).

Сказка рисует быт старой деревни, отражает дореволюционные общественные отношения. Под воздействием классовой борьбы переосмыслиются образы волшебной сказки в сторону приближения их к живой современности. Изменяется функция чудесных предметов. У Господарева дубинка, по желанию бедняка Омели, опускается на спины эксплуататоров и их защитников.

Антагонизм классов прекрасно раскрыт в диалоге героя с боярином (см. вступительную статью).

Наряду с традиционными устойчивыми формулами («по моему прошению, по щучьему велению» и пр.) сказка впитала в себя современные слова и выражения, например: с острова Омея «подаёт по телефону боярину», боярина Омея заводит «в свой кабинет» и т. д.

Доп.: Азадовский. «Русская сказка», II, 26; некоторые черты сюжета — Романов, VI, 254.

11. ЧУДЕСНЫЙ СЫН.

Ан. 707 («Чудесные дети»). См. «Сказку о царе Салтане» А. С. Пушкина. Доп.: Красноженова, 17; Карнаухова, 69; Романов, III, 283 и вариант «б»; 295, 298 и вариант «б»; VI, 150, 163, 169, 178, 188, 199, 202; Шейн, 55.

Сюжет «Царя Салтана» мастерски разработан сказителем Чупровым, — Ончуков, 5 (перен. Азадовский. «Русская сказка», I, 2). У Господарева сказка передана схематично. Переход от одних действующих лиц к другим поражает поспешностью, вследствие чего пропущены существенные детали. Так, например, нет мотивировки эпизода получения чудесной способности царевича строить в одну ночь дворец, необъясненным осталось и появление чудесной свинки на острове. В сказке Пушкина все чудесное выполняет по желанию героя прекрасная царевна-лебедь. У Красноженовой (17) дедушка строит «полукаменную палату» и дает волшебное кольцо, которое выполняет дальнейшие желания героя.

Сказка отразила мечты трудового народа о «вечной» краюхе хлеба, о возможности прясть и ткать в одну ночь огромное количество материи, о возможности построить в одну ночь хорошее жилище» (М. Горький), о сокращении сроков крестьянских полевых работ и об их облегчении («Чудесная свинка», стр. 262).

В сказку проникли современные слова (Петрозаводск, железная дорога и т. п.). Любопытен эпизод: «Вдруг, как бы вам сказать, Финляндия объявила войну». Примечательно, что силу богатырей Ф. П. сравнивает с силой советской власти и по-новому разрабатывает концовку сказки.

В сказке устойчивы традиционные моменты: три девицы-сестрицы, двенадцать молодцов-богатырей и пр.

Исследование сюжета — М. Азадовский. Источники сказок Пушкина («Литература и фольклор», Гослитиздат, 1938).

12. ПРО ЗОЛОТОЕ ЯИЧКО.

Сочетание сюжетов: Ан. 567 («Чудесная птица») и Ан. 566 («Рога»). В такой контаминации сказка дана в сборниках: Зеленин. «Пермск. ск.», 3; Иваницкий, 2; Соколовы, 54 (перен. Азадовский. «Русская сказка», I, 11), 94; Смирнов, 177; Худяков, I, 26; Садовников, 22. Бытует она и с разработкой каждого сюжета в отдельности: Карнаухова, 3; Романов, III, 181, 186; Шейн, 163; «Сказки Беломорья», 17 (Ан. 566). Карнаухова, 139; Добровольский, 597 (Ан. 567).

Господарев опускает обычный вводный эпизод, в котором рассказывается о способах приобретения «чудесной птицы», и начинает сказку словами: «В деревне жила женщина. И у нее была такая курка, что она несла яички не простые, а золотые». В самом тексте традиционная обрядность представлена слабо (например, отсутствуют характерные для Ф. П. зачин и концовка), зато на первый план выдвинуты реально-бытовые и психологические моменты;

«подходит уже осень, ребят отправили в школу, так что им одному десять лет, а другому девять лет»; названы конкретные представители власти старой деревни: староста, урядник, становой; мотивировано признание матери в подготовке убийства детей («становой стал гладить ее... она с глупости заплакала и стала признаваться становому»).

Интересно, что уход детей из дому происходит после признания матери и ареста ее любовника, когда Алеша и Петя «научились грамоте» и смогли прочесть сами надпись на крыле «курки». В многочисленных вариантах дети бегут из дому, преследуемые матерью и ее любовником.

Сцена участия народа в «выборах царя» — одна из любопытнейших в сказке. В ней народ мечтает о вожде-руководителе («вот как сейчас у советской власти Ленин»), намечает кандидатуру в управители и принимает активное участие в самих выборах. Избранный «царь», организовав и сплотив вокруг себя народ, претворяет в жизнь свою программную установку (см. речь Пети на выборах, стр. 267), создает такой порядок в государстве, при котором «помещики и не стали драть и на работу гнать. Стали они жить, веселиться и стало всего много...»

Сходные мотивы «выборов», правда, менее детализированные, чем у Господарева, мы имеем в сказке, записанной одной из участниц саратовской студенческой экспедиции в 1926 г. (сказочник слышал сказку в военной казарме в г. Ульяновске). В ней избранный «царь» награждает крестьян землей и уничтожает господ (см. Азадовский. «Литература и фольклор», стр. 266).

13. ОБ ЗОЛОТОМ КОЛЬЦЕ.

Ан. 560 («Волшебное кольцо») — популярнейший сюжет народной сказки. Доп.: Азадовский. «Русская сказка», II, 38; «Сказки Куприяныхи», 20; Карнаухова, 146; Озаровская, 30; «Сказки Беломорья», 26; Романов, III, 345; VI, 404; Добровольский, 517, 607.

Завязкой сказки Господарева служит случайная находка героем волшебного кольца.

Наделенное чудесным свойством, кольцо исполняет любые желания его обладателя; кольцо же заставляет княгиню влюбиться в героя и выйти за него замуж. В дальнейшем сказочник раскрывает социальное неравенство между супругами, приводящее к тому, что «барыня», хитростью овладев волшебным предметом, засаживает своего мужа в темницу, а сама «удирает к другому господину, тот был почище и помолодче уже».

Подобная мотивировка измены жены в сказках не представляет исключения. «Мотив измены жены, — отмечает И. В. Карнаухова, — чувствующей социальное неравенство в своем браке и завладевающей чудесной вещью мужа, встречается очень часто». (См. И. В. Карнаухова. «Сказки и предания Северного края», 1934 г., стр. 421.)

В сказке Ф. П. стремится к рифме и балагурству: «Она [жена героя] ему пальцы откусила, кольцо его утащила. Кольцо взяла, а его на второй день в темницу заперла. Остался кот и собаки не при чем, торговать кирпичом» и т. д. Такое явное отклонение в сторону балагурства вообще не характерно для волшебных сказок Господарева и встречается в весьма немногих случаях.

В сказке оригинальны концовка и отступление о барине.

14. ПОРТУПЕЙ-ПРАПОРЩИК.

Ан. 301*С в соединении с Ан. 315*В («Неверная жена»). Прослушана Господаревым в Минской губ. в начале XX в. Вероятно, произведение прошло через военную среду: солдатский колорит в нем очень ощутителен. Звание героя (портупей-прапорщик) всего скорее заимствовано из лубка. В сказке довольно полно представлена традиционная обрядность (зачин, троекратность действий, устойчивые формулы и эпитеты). Строго мотивируя действия и поступки персонажей сказки, Ф. П. придал произведению композиционную стройность и законченность.

В сказке привлекает внимание интересное отступление о политических ссылах («Портупей-прапорщик живёт. Считает не только дни, а часы, как всё равно политические сидели в тюрьмах, так они не только считали часы, а минуты, когда выйдут на свободу. Так и он») и короткая рифмованная концовка, являющаяся вымыслом самого Господарева («Портупей-прапорщик стал жить-поживать и не горевать»).

15. БУЛОЧНИК.

Ан. *849 В, Ан. 1651* («Соль») и Ан. 307 («Девушка, встающая из гроба» Ср. «Вий» Н. В. Гоголя). Принадлежит к числу сказок, разрабатывающих легендарно-христианские мотивы. Варианты: Зеленин. «Вятск. ск.», 128; «Красноярск», I, 3, 51; Соколовы, 38, 77; Смирнов, 39, 51. Доп.: «Сказки Куприянихи», 4 («Про волшебную девушку»); Озаровская, 22 («Принятой»); Добровольский 547, 554; Шейн, 66 и 401.

В вариантах отсутствует сюжет Ан. 1651*.

Господарев и в этой сказке, как и в ряде других (например, «Марко Богатый», «Солдат на том свете»), религиозные моменты свел к минимуму, разработав их в плане волшебной сказки.

16. МАРКО БОГАТЫЙ.

Ан. 461 (ср. также Ан. 930 «От судьбы не уйдешь»). Доп.: Романов, III, 338. Обычно сказка пронизана религиозными элементами. Господарев почти совершенно снимает их; во всяком случае они не имеют специфико-религиозного чуда, но перерастают в типичную волшебную сказку. Замечателен пример со старичком. Обычно он творит «чудо», у Господарева — просто подменяется.

Наказание богача Марко за скупость у Ф. П. отсутствует. В большинстве сказок Марко становится перевозчиком (Афанасьев, 173 а; Смирнов, 362 Садовников, 86 и др.).

17. ЦАРСКАЯ ДОЧЬ.

Вариант известного древнего сказания о Melusine (см. А. Н. Веселовский. Поэтика, т. II, вып. I, СПб., 1913). Как самостоятельно существующая сказка в русских и белорусских сборниках нами не обнаружена. Параллелью к ней может служить вводный эпизод к сказке Романова, VI, 404.

18. О ЧЕТЫРЕХ БОГАТЫРЯХ.

Начало: «Чудесное рождение» — Ан. 303. В основе сказки — сюжет Ан. 301 А («Три дарства: золотое, серебряное и медное»).

Сказка очень популярна. Количество вариантов ее велико («Указатель» насчитывает более 50). Доп.: Романов, III, 78 (варианты: «а» и «б»), 92, 99, 110; VI, 248, 254, 262.

Сказка Господарева изложена сухо и схематично. Отсутствует мотивировка отдельных поступков героев. Так, например, без всякой цели они отправляются в путешествие (в ряде вариантов герои отправляются на поиски царевен, и один из них спускается под землю с целью освобождения их от змея).

«Иван-Сукин сын — золотые пуговицы» (Романов, III, 110) ближе всего к нашему варианту.

19. ПРАВДА И КРИВДА.

Подробные библиографические указания и список исследовательских работ — А. Н. Афанасьев. «Русские народные сказки», т. I, изд. «Academia», 1936, стр. 585.

Сказка напечатана во многих русских сборниках (см. Ан. 613). Доп.: «Сказки Куприянихи», 15; Добровольский, 644; Романов, III, «Два брата» (319), «Чортова мать» (320) и «Правда и кривда» (322, варианты: «а», «б» и «в»).

В сказке Господарева необычен заключительный эпизод, где герой пытается сделаться «бессмертным» и «скрозь молодым». Эта попытка успеха не имеет, и герой погибает. Трагизм развязки отчасти обусловлен творческим методом сказочника (см. вступительную статью).

20. МАЗУРИК.

Ан. 325 («Хитрая наука»). Доп.: Карнаухова, 44, 165; Красноженова, 26; «Волжск. фольк.», 4; Добровольский, 615; Шейн, 57, 59; «Сказки Беломорья», 21. У Господарева опущен эпизод с обучением сына. В некоторых сказках он разрабатывается (у Красноженовой, 26 и Смирнова, 72).

В сказке Ф. П. соблюдена троичность: три лебедя три коня, три задачи. Вторая часть сказки — бытовая новелла, приближающаяся к Ан. 1523А («Ловкий вор»). В ней герой, научившись воровать, уводит у пристава лошадей, а у пона крадет деньги. Обычно вторая часть сказки выдерживается в волшебном стиле: учитель гонится за учеником, который превращается в различных животных и т. п. и побегом освобождается из-под власти своего учителя («Волжск. фольк.», 4; Смирнов, 24, 72; Зеленин. «Пермск. ск.», 57; Садовников, 64 и др.). Вообще сказка рассказывается очень подробно, с обилием эпизодов, иногда с мастерской психологической характеристикой (Азадовский, 4; переп. Азадовский. «Русская сказка», I, 18); у Господарева — схематично и не разработано по сравнению с другими его волшебными сказками.

21. ДВЕ ДОЛИ.

Ан. 735 (Афанасьев, 172; Азадовский, 9; Ж. Ст. 298—299; Соколовы, 34. Доп.: «Сказки Куприянихи», 5; Романов, IV, 204; Шейн, 157; приблизительно: Карнаухова, 67; (мотив: находка золота в щуче — Шейн, 167 «Шавец и рыбак»).

Сказка «Две доли» отразила жизнь крепостной деревни. Так, провинившуюся жену богатого брата, барин «велел на конюшню [доставить] и войту приказал чтоб ей розог всыпал».

Сказка записана мною от Ф. П. в двух вариантах.

Вариант под названием «Бедный мужик» см. на стр. 597. В нем непосредственно наказывается сам брат-багач.

22. ДОЛЯ.

Ан. 564 («Чудесные дары»). Сюжет в общих чертах устойчив. Варианты: Афанасьев, 109 и примеч.; Ж Ст. 322—325; «Красноярск», I, 44; Ончуков, 16, 111, 132; Смирнов, 268, 308, 359; Карнаухова, 37. Сказка широко бытует в Белоруссии: Романов, III, 271, 276, 277, 279, 281; Добровольский, 597, 601.

Подзаголовок — «другой мотив, другая история» — сделан Ф. П. непосредственно после изложения сказки «Две доли».

Впервые напечатана в альманахе «Карелия» (Петрозаводск, 1938, стр. 115).

23. ПРО ЩУКУ—ЗОЛОТУЮ РЫБКУ.

Ан. 555 («Золотая рыбка»). Доп.: «Сказки Куприянихи», 3; Карнаухова, 107. Романов, III, 359; Добровольский, 640; Сержпутовский, 39 («Медведь» — отдаленный вариант).

Данная сказка является пересказом пушкинской сказки о золотой рыбке. Господарев очень близко придерживается пушкинского текста, внося самые незначительные изменения: главные из них — морализующий элемент [ответ рыбки на последнее приказание, чего нет у Пушкина, что вообще характерно для сказочника (см. «Лихая мачеха»)].

24. ПРО ОДНОГО ВОЛШЕБНИКА.

Ан. 326*В («Бесстрашный»). Господарев устранил мотив расправы бесстрашного с нечистой силой (у Зеленина. «Вятск. ск.», 52 — медведем) и освобождения пленной. Мотив этот имеется в сказках: Афанасьев, 204 а, б, с; Смирнов, 311; Карнаухова, 132. Сказка в изложении Ф. П. заканчивается запугиванием разбойников, которые разбегаются, оставив мужику и барину (главным действующим лицам сказки) золото и серебро (то же: Афанасьев, 204с). Господарев называл сказку «страшной» и любил рассказывать ее ночью. «Ночью особенно ее слушают, внимание берут»). Обычно сюжет Ан. 326*В разрабатывается самостоятельно. Исключение составляет сказка Карнаухова, 132, в которой контаминируется: Ан. *855 («Ума много да денег нет»), Ан. 326*В («Бесстрашный») и «Солдат и смерть».

25. ЛИХАЯ МАЧЕХА.

Изложена Ф. П. бледно и схематично. Концовка преподносится читателю в виде моралити, осуждающего поступки злой мачехи: «не надо людям копаться, сама скорей [в нее] ввалишься». Сказка входит в обширный цикл сказок «О мачехе и падчерице» — Ан. 480*В, широко бытующих как в России (см., например, Афанасьев, 52 а, б, 55; Зеленин. «Пермск. ск.», 77; Ончуков, 108; Карнаухова, 28 и 101; «Сказки Куприянихи», 24 и др.), так и в Белоруссии (Романов, III, 361—368; Шейн, 92).

Сюжет «Мачехи и падчерицы» использован Н. А. Некрасовым в поэме «Мороз-красный нос» (Подробные комментарии см. в сб. А. Н. Афанасьева, «Русские народные сказки», т. I, изд. «Academia», 1936, стр. 575).

26. МОРОЗ, СОЛНЦЕ И ВЕТЕР.

Ан.*298 (Вариант: Афанасьев, 48) с присоединением Ан.*298, I («Спор мороза с морозом») — мороз берется заморозить барина и мужика (у Смирнова, 147 — бурлака).

Первая часть сказки изложена Господаревым путанно; вторая — более удачно. Здесь спор ведут не мороз с морозом, как в сказке Смирнова, 147, а мороз спорит с ветром и солнцем о своем преимуществе перед ними. Господарев сумел и этому сюжету придать антипомещичий характер, искусно и остро разработав мотив о барине.

27. КАК МУЖИК И РАБОЧИЙ ПРАВДУ ИСКАЛИ.

Вариант белорусской сказки «Ленинская правда» (см. «Творчество народов СССР», 1937, стр. 12).

В отличие от старых сказок герои сказки Господарева — рабочий и мужик — искомую правду находят (Ленинскую правду). По типу народных сказок (поиски правды, счастья, своей доли) построена поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Путем-дорогою» (см. М. Щедрина. Сказки. Пестрые письма. Мелочи жизни, т. XVI. Госиздат «Художественная литература», М., 1937, стр. 214).

Сказка от Господарева записана в двух вариантах: один — мною, другой — А. Д. Соймановым (см. стр. 369). Сравнение записей показывает, что сказочник, оставляя в основе сюжетную схему, отступает от отдельных ее деталей, внося в произведения изменения и дополнения.

Сказка напечатана в газете «Красная Карелия» от 29 июня 1938 г. № 148; в журнале «Народное творчество» № 8, 1938 и в альманахе «Карелия», Петрозаводск, 1938, стр. 71.

Сказывал ее Ф. П. на расширенном заседании фольклорного кружка при физиологическом факультете Ленинградского государственного университета в марте 1938.

28. КАК МАРЬЯ С ИВАНОМ СРАВНЯЛАСЬ.

Оригинальная сказка Господарева, примыкающая по своей тематике к сказке «Как мужик и рабочий правду искали», основана на старой поэтической народной традиции (поиски правды, права).

Сказка помещена в газете «Комсомолец Карелии» (от 26 июня 1938 г., № 87), в журнале «Народное творчество» (№ 8, 1938, стр. 15) и в альманахе «Карелия» (Петрозаводск, 1938, стр. 37).

29. ШУТ БАЛАКИРЬ.

Шут Балакирь — лицо историческое. Это — И. А. Балакирев, официальный шут при дворе императрицы Анны Ивановны.

Народная молва связала деятельность Балакирева с эпохой Петра I. Такому представлению во многом способствовали сборники И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» (1788—1789) и К. А. Полевого «Собрание анекдотов Балакирева» (1830), а также лубочная литература. На самом деле, анекдоты, вошедшие в вышеуказанные сборники и лубок, заимствовались составителями из самых разнообразных источников (в том числе и иностранных) и только приписывались Балакиреву. (См. П. Н. Петров, «И. А. Балакирев», Русская старина, 1882, № X, стр. 165—169.)

Сказка «Шут Балакирь» относится к числу «долгих» сказок-новелл Господарева и представляет собою сложное сцепление сказочных сюжетов народ-

ного и книжного происхождения (контаминация «Балакирева» со сказочным шутом Миколой).

Контаминация сюжетов «Шута Балакиря» такова:

- 1) «Шутки дома оставил» Ан. 1528* (1542, II).
- 2) «Шляпа все заплачено» Ан. 1539 («Шут»).
- 3) «Мужик хоронит трех попов» Ан. *1730, I (1536 В). Доп.: «Сказки Куприянихи», 69; Озаровская, 12; Сержпутовский, 60 (отдаленные варианты); Красноженова, 21, (с присоединением Ан. 882 А); Добровольский, 690; Шейн, 210.
- 4) «Мертвое тело» Ан. 1537. Доп.: Карнаухова, 60; Шейн, 232 (с присоединением Ан. 1533 А), 235.
- 5) «Шут-невеста» Ан. *1538, I (1542, V).
- 6) «Лошадь, приносящая деньги и т. п.; герой должен быть брошен в воду (ср. 1525 F, 1535 *В) или дает похоронить себя живым и колет из могилы ножом» — Ан. 1539. Доп.: Карнаухова, 16; Азадовский, «Русская сказка», I, 20 (с присоединением Ан. *1730, I); «Сказки Куприянихи», 50; Романов, III, 403 и вариант «б»; Озаровская, 18 (мотив с мешком сходен); Добровольский, 681, 686; Шейн, 229, 232, 300.
- 7) Шут Балакирь рассказывает Петру I о даре — «охотнике до чужих жен».
- 8) Своим чудачеством «разгоняет» скуку Петра I.
- 9) Спасает Плещеева от казни.
- 10) Спасает преступника, приговоренного к казни.
- 11) Подшучивает над министрами-бюрократами.
- 12) «Передай дальше!» Ан. *1637.
- 13) Сажает министра на ябда. Ср. Ан. 1676,* Иваницкий, 45.
- 14) Добивается начальства над мухами (приблизительно Ан. 1586, «Человек жалуются в суд на мух»).
- 15) «На чужой земле» Ан. *1636 (1590). Данный мотив разработан в стихотворной повести XVIII в. (см. Русская старина, 1882 г., № X, стр. 173—175).
- 16) Выезд на охоту вместе с Петром I («Царская ворона»).
- 17) В гостях у Петра I.

В сказке главным действующим лицом является шут Балакирь, который у Ф. П. приобретает новые социальные черты: рисуется как выходец из крестьянства, как заступник трудового народа. Сталкивая героя с представителями эксплуататорского класса, Господарев подчеркивает тонкий и глубокий ум мужика (и здесь через всю сказку проходит мысль: «мужик, а хитрей чорта»), его жизнедеятельную натуру.

Обращаем внимание читателя на сказку, рассказанную шутком Петру I (стр. 386—387). Эта сказка — едкая социальная сатира на дарей.

Сказку «Шут Балакирь» Ф. П. Господарев излагал и по частям. Указание на прием такого изложения имеется в самой сказке; так, сказочник говорит: «Вот здесь можно кончить шута Балакиря, а можно и опять начать» (стр. 382).

30. ДВА МУЖИКА.

Ан. 875 («Семилетка»). У Афанасьева, 188 б в качестве завязки — спор между богатым и бедным из-за жеребенка (см. сказку Господарева «Как конь жеребенка родил»). Доп.: Красноженова, 25, 27 (в сказке 27 отсутствуют вопросы: что быстрее, жирнее, милее? и т. п.); Романов, III, 390, 392, 396; Шейн, 197. (О сказке см. вступительную статью.)

31. КНЯГИНЯ.

Принадлежит ли композиция сказки самому Господареву, или сюжет усвоен им от кого-либо — неизвестно. Важно отметить: сказка выдержана в господаревском стиле: та же помещичья тема, как всегда, демократизация героев (роль сапожника и портного в других сказках выпадает на долю Петра Великого или кого-либо из вельмож).

По своей структуре «Княгиня» напоминает собою мозаику ряда мотивов и положений, заимствованных из общеизвестных сказок; например, формула «Квас выпил, квасницу закрыл»; вариант: «квас пил, а квасницу не закрыл» — разрабатывается в сказке «Молодильные яблоки» — Ан. 551. См. также «Конек-горбунок» Господарева; рост и воспитание подкидышей — в сказке Антона Чиршника «Пра дочь Меньшикова и Петра Первого» («Сказки из разных мест Сибири» под ред. проф. М. К. Азадовского, Иркутск, 1928).

Эпизод, связанный с пиратством на море и бегством от разбойников, близок к повестям петровского времени, в частности, к «Гистории о Российском матросе Василии Корнотском и прекрасной королевне Ираклии флоренской земли».

32. БАРИН-ДРАЧУН.

Из цикла антипомещичьих сказок-сатир. Параллели неизвестны.

33. КАБАНЬЕ МЯСО.

Сказка представляет собою соединение сюжетов: Ан. 1541 («Весна красна»), Ан. 1210 («Тащат быка на крышу пасться»), Ан. 1245 («Носят свет в решете в дом без окон»), Ан. *1541, I («Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости») и Ан. 1528 («Жар-птица под шляпой»).

«Кабанье мясо» примыкает к обширной группе сказок-анекдотов. Сюжеты Ан. 1210 и Ан. 1245 — из цикла рассказов о пошехонцах. См. «Анекдоты или веселые похождения старинных пошехонцев». СПб., 1821.

Доп.: Озаровская, 39 («Дороня»); Карнаухова, 73; «Сказки Куприянихи» 41; Романов, III, 418—422; Красноженова, 38; «Песни и сказки», 272; Шейн, 180, 183.

34. ПОМЕЩИК И БЕДНЫЙ МУЖИК.

Ан. 901 А («Укрощение строптивой»). Мужик женится на дочке помещика, которая «хорошо одета, да характера нету», исправляет ее по методу: «не бил, не учил, сама научилась». Приурочив свой рассказ к помещичьей дочке, Ф. П. общепонятную проблему, лежащую в основе некоторых сказок (например, «Луна урус», где мужик женится на дочке «аднаво мужика», которая «хочит идет робить, не хочит — урусит» (См. «Narodopisný vestník československý» Praha, 1928 г., Č. 3, стр. 210), перенес в план социальный.

У Афанасьева 249 §§§ Мартышко берет в жены капризную дочку попа, Устью, убивает на ее глазах ягненка и лошадь; вместо лошади впрягает в сани жену и таким образом исправляет ее. У Смирнова, 365 — деревенский парень сватает дочь богача и т. д. Доп.: Озаровская, 10 («Укрощение строптивой»).

35. ПЛОТНИК И БАРИН.

В «Указателе не значится. Ср. Соколовы, 51 («Барин и мужик»).

36. ЦЫГАН И БАРИН.

Ср. В. Гнатюк, Галицько — руські анекдоти «Етнографічний збірник» VI, у Львові 1899, № 546 (цыган греется мешком, меняет мешок на баринову шубу); ср. также *1547 по «Указателю» (солдатская шинель), но последний пример имеет лишь отдаленное сходство с данным рассказом.

37. КАК КОНЬ ЖЕРЕБЕНКА РОДИЛ.

Ан. 875 («Семилетка»). Ср. со сказкой Господарева «Два мужика» и примечание к ней. В начале сказки — спор богатого и бедного мужика из-за жеребенка. Спор разрешает барин в пользу богатого мужика, хотя ясно, что жеребенок никак не может быть его. Дочь бедняка остроумным ответом заставляет барина признать свою глупость и возратить жеребенка ее отцу.

Очень интересный вариант сказки излагает М. Горький в статье «О сказках» (О литературе, 1935, стр. 262—263), где спорят мужик и бог. Спор остроумно разрешает в пользу мужика архангел Гавриил. Сказка антирелигиозного характера. Доп.: Романов, IV, 186 («Праведная судья»); в роли судьи выступает св. Николай.

38. ПРО ЦЫГАНА.

Анекдотический рассказ о том, как хитрый цыган обманул глухих барина и барыню. Рассказ этот Ф. П. называет «прибауточкой».

39. МУЖИК И БАРИН.

Ан. *1580 («Умный мужик»). В изложении Господарева барин призывает мужика к себе и хочет «у мужика узнать, что с мужика будет». Дает ему задачу разделить гуся. В других вариантах бедный мужик несет гуся (рябчика) барину (царю — Ончуков, 172) для обмена на хлеб (Афанасьев, 249 уу) и пр. Делит гуся (рябчика): голову — барину, гуску — барыне, ноги — барчонкам, крылышки — дочкам барина, а себе — туловище птицы (Афанасьев, 249 уу); голову — государю, резвое горло — государыне, двум сыновьям — «резвые ноги», «резвые крылья» — царским дочерям, «мякоть и один хлуп» — себе (Ончуков, 172), и пр.

Вторая часть сказки: богатый («замысловатый полесник» — Ончуков, 172) подражает бедному, но неудачно («Волжск. фольк.», 13; Афанасьев, 249 уу) — Господаревым не рассказывается.

40. КАК ПАРЕНЬ РОЗУМ ПОКУПАЛ.

Из цикла «Добрые советы». Ан. 910 В («Три слова»). Доп.: «Сказки Куприяники», 46; Карнаухова, 48. Герой в сказках Афанасьева, 192 а, б, с и «Сказки Куприяники», 46 получает советы не от жены, а от старика; у Господарева парень «покупает разум» в магазине, когда «расчет получил». В большинстве вариантов советы герою дают покупатели при продаже им ковра или шпринки

(Афанасьев, 192 а, б, с; Ончуков, 12, 85; Карнаухова, 48 и др.). Советы разнообразны; так, у Господарева: 1) ехать не той дорогой, которая короче, а которая длиннее; 2) не ночевать в той избе, где муж старший, а жена молодая и 3) век живи, а женке правду не скажи (разработка последнего совета в текст сказки не включается по ряду неудобопечатаемых моментов. Третий совет дается непосредственно за словами: «А ничего больше» до «Он и подумал», стр. 434. Продолжение изложения на стр. 439, после слов: «Ну, и стал поживать с матерью счастливо». Указанные пропуски в тексте не отмечены).

Отдельные места сказки разрабатываются Ф. П. подробно и занимательно с привнесением целого ряда реалистических деталей, отсутствующих в других сказках: «Он [герой] берет топорик и бегом в деревню. Прибегает, подскакивает под окошко. Там горит огонек, и окошко завешено. И он сквозь занавесочки поглядывает, а там ворочается поп с молодухой», или: «Выехали за деревню. Место было свободное. Они остановились. Лошадей выпрягли, привязали, корму дали. Подзакусил. Уже стемнело порядочно» и т. п. Вероятно, распознавание героем липы среди других деревьев ночью связано с практикой самого сказочника. Отец Господарева и его сыновья по ночам драли лыко в барском лесу. В темноте распознавать деревья приходилось на-вкус. Герой сказки говорит дядьке: «А, дядька... полночь, не видать хорошо. Зубами-то грызешь, — то ольха, то ива, а на липу не нарвался». Сцена разоблачения прелюбодейника-попа очень напоминает сцену разоблачения царских зятеев в «Незнайке». Некоторые сказки из цикла «Добрые советы» приобретают черты фантастики (Карнаухова, 48), тогда как данная сказка выдержана целиком в реалистических тонах.

41. ПРАВДА О СВЯТОМ ФЕОДОСИИ.

Напечатана в газете «Красная Карелия», № 244 от 23 октября 1937 г. под заголовком «Чудотворная Феодосия». Примыкает к циклу антирелигиозных сказок-сатир. По словам Ф. П., в основе сказки лежит «бывальщина», относящаяся к пределам б. Могилевской губ.

Главными действующими лицами в ней выведены поп и кулак, жаждавшие наживы на счет трудового народа. Сказка говорит о единстве интересов зажиточной части мужиков деревни и церковников; в ней Ф. П. разоблачает рассказы попов о «чудотворных иконах». Сказка с успехом может быть использована в качестве иллюстративного материала в антирелигиозной пропаганде.

Вариант: Сержипутовский, 34 («Проща»).

42. ПОП И РАБОТНИКИ.

В сказке Господарева поп выглядит кулаком-дармоедом, который держит у себя трех работников и всячески ухищряется, чтобы работники меньше ели и больше работали. Сказка выступает против попов и «чудес» религии — в этом основном направлении она примыкает к сказке «Правда о святом Феодосии», где также выводится жадный поп и разоблачается «чудесное» удаление святого из церкви. Ср. Ончуков, 41 и Красноженова, 34.

43. ПОП И РАБОТНИК.

Из цикла «Договор о службе» — Ан. 1000 («Уговор не сердиться»). Доп.: «Сказы, песни», 8 (с присоединением мотива неудачного бегства попа и поповны от работника).

44. МУЗЫКАНТ.

Ан. *1361, I («Гость Терентий»). Доп.: Карнаухова, 149; Озаровская, 11. Типичная схема сказки такова: мнимо-больная жена посылает мужа за лекарством, а сама веселится с любовниками (попом и дьяком). Прохожий (у Господарева музыкант) прячет мужа в мешок с соломой (у Господарева в «тукач соломой») и вместе с ним является к жене. Обычно в сказках жена поет песню про мужа, а прохожий в песне же дает мужу совет расправиться с женой. В сказке Господарева музыкант разоблачает в песне и проделки жены Егора и дает совет мужу.

Сюжет «Гость Терентий» разрабатывается в скоморошьей былинке «Гость Терентийше» (см. Древнерусские стихотворения Кирилла Данилова, 1887).

45. ПРО ЦЫГАНА И ПРО ПОПА.

Ан. 1736 («Скупой поп и работник»). Сказка передана Господаревым сжато и выразительно. Некоторые места удачно рифмованы; например, цыган после «косыбы» говорит попу: «Ну, так пожалел кусок сала, чтоб твоя трава вся на пожне встала, чтоб только там не встала, где хлеб — соль лежала».

К рифмовке слов работника или цыгана прибегают большинство сказочников. В варианте Афанасьева (248 f) цыган, не допущив от жадного попа десять копеек, пророчески заявляет: «Ну, коли так, я на небо взгляну, руку протяну да бога вспомню; как была трава — так и будет трава». У Шейна (332) работник говорит: «Ну, батюшка, ни давай сала, щоб тебе трава встала». Текст Шейна вообще близок к нашей сказке; здесь также действующими лицами выведены поп и цыган, и развертывание сюжета идет по той же схеме: наем цыгана к попу в работники, выезд в поле, леность в работе и т. п.

Варианты: Афанасьев, 248 f; «Красноярск», I, 132, № III; Соколовы, 19; «Сказки Куприяны», 39; «Воляск. фольк.», 14 (Ан. 1006 и Ан. 1736).

46. МУЖИК И ПОП.

Ан. *2100 (1626). Афанасьев помещает сказку в разделе «Об иногородцах» и приводит три ее варианта (Афанасьев, 248 m, t, ee). В первом варианте действующие лица — хохол и цыган, во втором — русский и татарин, в третьем — немец и мужик. У Смирнова, 206 — мужик и цыган. У Господарева — мужик и поп. Сказка Господарева в отличие от всех остальных носит антипоповский характер. В сказке мужик не только перехитряет попа, но и расправляется с ним, когда тот полез к мужику драться («Ты всё равно, как проклятый змей, — заявляет мужик, — людей ел, да ты хочешь так мужика съести. Нет, не съести мужика!»).

Впервые напечатана в альманахе «Карелия» (Петрозаводск, 1938, стр. 118).

47. ПРО ОДНОГО ПОПА И БЕДНОГО МУЖИКА.

Из цикла антипоповских сказок. Чудесный старичок «сивая бородушка, голова беленькая, как снежок» и мотив вырезывания кишек (ср. «Булочник») придает сказке фантастико-легендарный оттенок.

48. ЦЫГАН НА ИСПОВЕДИ.

Относится к числу антипоповских сатирических сказок. Вариант — Добровольский, 700 («Як мужик свайго батюшку паднадзіў»).

49. ПОП, МУЖИК И КОЗА.

Ан. *1529, II («Чудесная овца»). Сказка высмеивает глупого и завистливого попа. В сказке Садовникова, 41 (переп. Азадовский. «Русская сказка», I, 6) мужик продает овцу не попу, как у Господарева и Иванцкого, 45, а барину. Продажа козы у Господарева объясняется тем, что у его [мужика] беднота выходит. В сказке удачно разработан диалог. Отразилась в ней и местная (северная) география: «Подъезжает он к одной деревне, как к Шуе» (дер. Шуя находится в 17 км. от г. Петрозаводска).

50. КУЗНЕЦ И ПОП.

Из цикла антипоповских сказок-новелл. В «Указателе» отсутствует. В позднейших сборниках не обнаружена. Сказка противопоставляет труд кузнеца и «труд» попа, разоблачая паразитизм и алчность последнего: «Вы [попы] берете не только с живого, а и с мёртвого».

В качестве иллюстративного материала может быть использована в антирелигиозной пропаганде.

Впервые напечатана в альманахе «Карелия» (Петрозаводск, 1938, стр. 135).

51. ПРО КУПЕЧЕСКОГО СЫНА.

Ан. *880, I («Жена выручает мужа») — в основе лежит солдатская тема о женитьбе солдата на генеральской дочке; в этой сказке оригинально разработаны различные типичные мотивы солдатских сказок, в частности, центральный эпизод — игра в карты, часто встречающийся в сказках такого типа.

У Садовникова (14) солдат попадает в «окаменелое царство», «отчитывает» заколдованных государских дочерей и женится на одной из них. Господарев снимает все моменты фантастики: его герой становится генералом потому, что ему «повезло» в карты (то же: Зеленин. «Пермск. ск.», 66 и Смирнов, 215).

Сказка вводит нас в эпоху крепостных отношений; так, проигравшийся генерал продает своего денщика «за полсотни». По этому случаю Ф. П. замечает: «Видишь, что люди раньше стоили!»

Заключительный финал — мена положений — типичен.

52. ГОСУДАРЬ И КУПЕЦКАЯ ДОЧЬ.

Ан. *835 («Солдат и царевна») — одна из широко популярных солдатских сказок, в которой главным героем выступает солдат. Схема сказки такова: государь дает солдату деньги. Солдат проникает к купеческой дочери в дом вместо ее любовника — генеральского сына. Женится на дочери купца. Данной схемы придерживаются почти все сказочники. Сказка особенно хорошо разработана сказителем Аксаментовым, который является, по словам проф. М. Азадовского, «блестящим представителем солдатской сказки» (Азадовский. «Русская сказка», II, 23 — «Ума много, да денег нет»). Отличительными особенностями сказки Господарева являются: рифмованный зачин («прибаутка»), отсутствие мотива стоянки солдата на часах. Мотив этот разработан в сказке Аксаментова (см. также Ончуков, 244). Ответ солдата на вопрос генерала «Почему нас называют Вы?» — резок, но остроумен: «За то вас называют Вы, что вас чертей, много, а я один — за это меня называют ты».

Чрезвычайно интересна также деталь с обучением солдата грамоте.

Ан. 952 («Царь и солдат»). Ср. Ан. 953*. Доп.: «Сказки Куприяныхи», 48. Карнаухова, 55; Добровольский, 381. Типичная солдатская сказка. Сюжет в общих чертах устойчив: солдат спасает царя от разбойников, за что получает вознаграждение. Главное отличие вариантов — в детализации сказочниками отдельных мотивов. Господарев, например, подробно излагает блуждание Петра Великого по лесу, когда «погода была хмурая, солнце не светило»; рассказывает о «примете», которую Петр Великий избрал для ориентировки: «мне покойный отец сказывал — по приметам можно выйти из лесу. От северной стороны сучья меньше выходят, а с южной стороны — сучья больше»; вводит излюбленное им средство оповещения — газету: «Хозяин отвечает солдату: «Я читал по газетах, что государь сказал: «Прохожему солдату должны дать везде бесплатно». (Оповещение через газету также в сказках: «Правда о святом Феодосии», «Иван-кузнецкий сын», «Солдатские сыны».)

Вполне самостоятельно разработана Господаревым концовка сказки: «Вот это солдат — молодец! И сказки конец».

54. БЕЗЗАБОТНЫЙ МОНАСТЫРЬ.

Ан. 922. Схематично рассказанный вариант одной из популярнейших в мировой литературе сказок. В отличие от многих вариантов (Афанасьев, 187; Оичуков, 164; Смирнов, 20, 71, 115, 314), у Господарева, как и в предыдущей его сказке, действующим лицом является Петр I.

Доп.: «Сказки Куприяныхи», 37; Азадовский. «Русская сказка», II, 39; «Песни и сказки», 276; Добровольский, 386 (две последних с участием Петра I).

55. ПЕТР I И КУЗНЕЦ.

Вариант: «Песни и сказки», 288. Имеются сказки, где вместо Петра I выступает барин.

56. ПРО КЛИМА-БОЛЬШОГО ЗЛОДЕЯ.

Завязкой служит сюжет Ан. 1525 А. Клим ворует коней у барина, деньги, рубашку с барыни, наконец, барыню, которую продает чорту (см. «Фольк. Урала», 229; во второй части сказки Филька-вор проводит одного жадного попа). За возвращение барыни барин обещает Климу две трети имения. К этой завязке присоединяются сюжеты из цикла «Совместная работа человека с чортом и т. п.: человек надувает чорта» (см. «Сказка о попе и его работнике Балде» А. Пушкина): 1) Ан. 1045 («Угроза морщить озеро веревкой»); 2) Ан. 1072 («Бег в перегонки»); 3) Ан. 1071 («Борьба: брат (дедушка), человек — медведь»). Черти, напуганные Климом, возвращают барыню Климу, а Клим — барину. Барин за это награждает Клима. Доп.: Шейн, 116, 118, 120 («Климко») 297 («Климко-вор и черти»); Красноженова, 14 («Гришка и черти»).

В сказке Господарева хорошо разработан диалог. Произведение, очевидно, бытовало среди крепостного крестьянства. Так, сам герой сказки является крепостным человеком: «Тут узнал барин йхний, что действительно Клим даже на пригон не идёт... ссылают — волей-неволей Климу надо идти до барина, а не идти, так и розги получишь».

Ан. 1165* (1353). Варианты сказки: Сержпутовский, 37; Добровольский, 346; Шейн, 135, 137; Худяков, II, 78. У Господарева вместо бабы действующим лицом является «Баба-ага — костяная нога». Отдельные эпизоды разработаны детально и реалистично: «Иван лёг к ей в передник. Она [жена] поискала с одной стороны [головы], перевернула на другую сторону, а Иван уже и спать захотел» и т. п.

В обращениях «Бабы-аги — костяной ноги» выражена типическая речь старухи: «Нет, нет, голубчик! Я тебе правду сказываю». Мастерски зарисована сцена, в которой «Баба-ага» побуждает мужа и жену повздорить между собой.

Исследование данного сюжета — Ю. Поливка, Баба хуже чорта, «Русский Филологический вестник», 1910, № 1—2.

58. МУЖИК И ЧОРТ.

Анекдотический рассказ. Заключительная часть рассказа о шляпе без шва (на излюбленную Господаревым тему: «мужик хитрее чорта») усвоена от Шевцова (см. вступительную статью).

59. С ЧЕГО ОКАЗАЛОСЯ ЗЕРКАЛО.

Ан. 1061 («Кто раскусит камень, орех, горох» и т. п.). У Сержпутовского, 11 («Бусел») мотив соревнования человека с чортом опущен. Вариант начинается с того, что бог дал «завязаны гаршбчак» и велел человеку, не развязывая, бросить его в море. Ночью женка из любопытства «развязала гаршбчак», выскочили оттуда «уселякие гадзюки, ящарки й жабы». Награждение зеркалом отсутствует (то же и в других вариантах). Сказка заканчивается словами: «От аткуль ўзялися буслы».

60. БАРЫНЯ И КОЛДУН. Варианты неизвестны.

61. ГАРМОНИСТ И ЧЕРТИ

Ср. «Сказки Куприяныхи», 10; Сержпутовский, 2. Рассказ широко известен на Украине: П. П. Чубинский, Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом, т. I, вып. 1, СПб. 1872, стр. 186, 187, 190; М. Левченко, Казки та оповідання з Поділля, вып. I — II. У Києві 1928, № 60, 61; М. Драгоманов, Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876, стр. 52—54; Б. Д. Гринченко, Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях, вып. II, 1897, № 61; В. Гнатюк, Знадоби до Галицько-руської демонології, Етногр. зб. т. I, № 13, 14; т. II, вып. I, № 30, 112—115.

62. КОТ — ЧИСТОТА, ОГОНЬ — КРАСОТА, ИЗБА — ВЫСОТА.

Ан. 1940. Из цикла солдатских сказок. У Господарева кот обозначает чистоту, огонь — красоту, изба — высоту; у Афанасьева 249 за — огонь обозначает чистоту, вода — благодать, стеля — высоту; у Смирнова, 203 — огонь обозначает небесную красоту, вода — божью благодать, кошка — дворовую подчищалу и т. п. Прощальные слова солдата (проезжающего и т. п.) рифмуются. Так, у Смирнова (203) солдат говорит: «Дворовая подчищала взяла небесную красоту, подняла на высоту; скорей бери божью благодать, а то

домом не владеть»; у Афанасьева, 249 www — «взяла чистота красоту, повнесла на высоту; коли не ухватишь благодати — не будешь жить в хати» и т. д. Рифмуются слова проезжающего и в сказке Господарева. Прохожим обыкновенно является солдат (Афанасьев, 249 www; Смирнов 203); у Афанасьева, 249 aa — бурсак, у Добровольского, 331 — просто прохожий.

63. МУЖИК И ПРОЕЗЖАЮЩИЙ.

Ан. 1572*С. — древний анекдотический рассказ. Итальянский поэт Пуччи (XIV в.) в стихотворном прикладе передает первую часть рассказа: за отказ от угощения хозяина гости бьют и корят: «в чужом доме, на даровом хлебе живи так, как велит хозяин, а в чужой дом со своим уставом не суйся». В русских сказках «к начальным чертам тут присочинена еще вторая часть, назначенная усилить комическое впечатление и затемняющая основной смысл» (см. А. Н. Веселовский. Собр. соч., т. 16, стр. 26).

«Указатель» ссылается на единственный вариант — Афанасьев, 249 tt, где хозяин бьет гостя за отказ от продолжения угощения — «не перечь», а гость бьет хозяина за непрошенный совет — «не указывай». У Господарева дается рассказ с небольшим изменением: как хозяин, так и гость избивают поочередно друг друга только за указку.

64. ДЕРЕВНЯ БИБАЧКИ.

Ан. 981* («Почему перестали убивать стариков»). «Указатель» ссылается на один вариант (Ончуков, 186). Доп.: Сержпутовский, 8 («Стары бабько»). Ср. Афанасьев, 244.

65. БОГАТЫЙ МУЖИК.

Из цикла «Добрые советы», Ан. 910 D («Умирающий богач велит сыну повеситься») и Ан. 915 («Мудрые советы»). Вариант — Худяков, II, 79.

66. ПРО МУЖИКА.

Сказка отразила бесправное положение женщины в дореволюционной России. Идеал сказки: жена младшего брата смиренная и покорная, ни в чем не противоречащая мужу и беспрекословно ему подчиняющаяся. Сказка заканчивается характерной поговоркой: «Быка хозяин бьет за язык, а бабу за язык».

67. САПОЖНИК НА ТОМ СВЕТЕ.

Ан. 1531 («Жизнь есть сон») и Ан. 1526 («Старый нищий и воры»). Сказка авантюрного характера, построена почти исключительно на диалоге. Прослушана мною дважды. В первом изложении Господарева воры одевали сапожника не в генеральскую одежду, а в офицерскую и требовали повторять в магазине не — «да», а — «обязательно».

В вариантах воры одевают нищего просто в хорошее платье, ведут в магазин и требуют товаров для «барина». Получив товары, исчезают, оставив старика-нищего (сапожника и т. п.) расплачиваться.

68. МУЖИК И ТРИ СЫНА.

Из цикла «О хитрых и ловких людях» — Ан. 1525 Е. Варианты немногочисленны: Афанасьев, 219 примеч.; (Зеленин. «Вятск. ск.», 61); Соколовы, 3; Худяков, I, 34. Доп.: «Сказки Куприяны», 49 («Как в стегачи нанялся»).

69. ПРО КИЕВСКОГО И МОСКОВСКОГО ЖУЛИКА.

Ан. *1525 П («Кража под песню»). Константин Господарев слышал сказку от отца с иной концовкой, а именно: коня московский жулик не бросал на произвол судьбы, а приводил обратно на пашню, причем киевский жулик с дерева сообщал об этом мужику: «Спиху на ех, а мужику коня привели».

В роли ловких людей часто выступают солдаты (Афанасьев, 249 ddd, eee); у Смирнова, 205 — жулики.

70. ОТЕЦ И СЫН.

Варианты неизвестны.

71. ГЕНЕРАЛ И ПОПУГАЙ.

Ан. *1526, П («Вор и попугай»). Вариант — Смирнов, 204 («Лакей и барин»). В сказке Смирнова (204) солдат, служивший раньше у барина лакеем, забегает к барину в дом, узнает от попугая, где деньги, и ворует их. Попугай не признает вора среди солдат. У Господарева сказка осложнена тем, что денщик не обманывает попугая, а убеждает его в том, что генерал нисколько не ценит его «за длинный язык», а попугай, на опыте убившись в этом, не только перестает сплетничать обо всем генералу, но сам советует денщику украсть у генерала деньги. Денщик ворует, попугай намеренно не выдает и не распознает вора среди солдат.

72. СОЛДАТ НА ТОМ СВЕТЕ

Ан. 804* («Соломон в аду»). Афанасьев, Легенды, 15; Озаровская, 49; Смирнов, 134; Романов, III, 426; Сержпутовский, 1; Шейн, 412.

Сказка Господарева несет в себе больше фантастико-реалистических элементов, нежели легендарных. Так, сказочник, описывая рай, проницательно заявляет: «Там, знаешь, нельзя курить», или солдат стыдит бога: «Какой же ты бог, когда ты сам не знаешь, что я делаю».

У рабочего Онежского завода Н. И. Одинцова («Песни и сказки», 265) совсем необычно для данного типа сказок разработан заключительный эпизод: изгнанный из ада солдат попадает в Петроград в 1917 г., где вместе с рабочими принимает участие в борьбе за свободу.

73. МИКОЛА И ЕГОРЬЯ.

Ан. *846 («Илья и Никола») Афанасьев. Легенды, 10; Иваницкий, 55; Садовников, 91, 92; Смирнов, 54, 211; Романов, IV, 19 и вариант «б»; Добровольский, 298, 302. В легенде много бытовых элементов. Так, например, сказочник о земле мужика говорит: «полоска у мужика была узкая, да длинная. У кого два надела, так пошире, а у кого был надел, так поуже полоска», или: «Мужик раньше на маленки в долг брал и отдавал маленками».

Святых Миколу и Егорья сказка снижает до обыкновенных смертных: они сердятся (по этому случаю сказочник восклицает: «Святые — и то сердятся, а мужик чтоб не сердился!», или: «Вот до чего рассердился святой»), враждуют друг с другом, Егорий мстит мужику и т. п.

У М. Горького в статье «О сказках» (О литературе, 1935, стр. 163) изложена сказка няньки Евгении, в которой роль обиженного Егорья исполняет бог.

74. БЕЗДОЛЬНЫЙ ИВАН.

Ан. *847 («Золотое стремечко») Афанасьев. Легенды, 12; Ж Ст. 313—314; Иваницкий, 41; Соколовы, 9, 116; Романов, III, 400 и вариант «б».

В сказке Господарева ярко очерчен эпизод в доме у кулака: ночью приходит Иван к кулаку продавать золотое стремечко. Темно. «Кулак хотел запалить огонь. А он стремя вытянул с-за пазухи, засияло в избе, как при огне».

Как обычно, у Господарева концовка имеет социально-моральный характер: «Кто крутит да мотает, вот его господь и питает, а кто по совести всё обходится, тот без ужина спать ложится» (к этому сказочник добавляет: «Жили так: кто кого проведёт, тот и хорошо живёт»).

75. ПЕТР, ПАВЕЛ И БОГ.

Легенда представляет собою соединение следующих сюжетов: Ан. 770* («Ленивый жених для прилежной девушки» и т. п.): Добровольский, 319; Смирнов, 89 и Ан. 791 («Петр и Христос на ночлеге»); Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы, 1876, стр. 125—128, 129; Добровольский, 291; Шейн, 370 («Бог, пои и Никола»).

76. ВОЛК, ЛИСА И ЖУРАВЛЬ.

Ан. 33 («Лиса в яме») Сказка напечатана в сб. «Песни и сказки», 260.

77. СОБАКА И КОТ.

Примерно Ан. 103 («Кот и дикие животные»). Доп.: «Сказки Куприянихи» 26; Романов, III, 36 («Козел и баран»). У Романова — в лесу ночуют козел и баран; сваливаются не на медведя, а на волков.

Сказка прекрасно рассказана Абрамом Новопольцевым (Садовников, 52 — «Лиса и Кутафей Иванович»).

78. ТРИ ПОРОСЕНКА.

Примерно Ан. 130 («Зимовье зверей»). Доп.: Романов, III, 21 («Бык, порсяк, козел, гусак и пятах»).

79. РУССКИЙ МЕДВЕДЬ И МОРСКОЙ МЕДВЕДЬ.

Ан. 157 («Настоящий человек»). В варианте сказки у Садовникова, 58 («Лев, щука и человек») — не морской медведь, а лев пускается на поиски настоящего человека. Лев встречает мальчика (будущего человека), старика (человека в прошлом), и, наконец, солдата «при ружье и сабле». Солдат хитрит. Лев в нем признает настоящего человека.

80. МЕДВЕДЬ И ДИКАЯ СВИНЬЯ.

В русском сказочном репертуаре параллели нам неизвестны.

81. КАК ВОЛК, СОБАКА, КОТ И МЫШЬ НЕПРИЯТЕЛЯМИ СТАЛИ.

Ан. 200 («Собачий права»). Варианты: М. Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы, 1876, стр. 197, № 44 («И собакам надобен паспорт»); Романов, III, 20 («Собаки, кошка и мыши»); Шейн, 348 («Вражда волка, собаки, кошки и мышки») и 349.

82. СОВА И СЫЧ.

Ан. 230 («Воспитание большоголовой и большеглазой птицы»). В русских сборниках не встречается. Впервые сказка напечатана в сб. «Песни и сказки», 259. Ср. Добровольский, 279 («Як варона ястриба вывила. С яких пор варона кричить: урода, урода...»).

83. СОРОКА И ВОРОНА.

Правоучительная «прибауточка», употреблявшаяся Ф. П. «к слову» (см. вступительную статью). Ссылки на варианты «Указатель» не дает.

84. ЗЕМЛЯ И НЕБО.

Напечатана в альманахе «Карелия», Петрозаводск, 1938, стр. 136.

85. МУЖИК И СЕМЬ СЫНОВ

Рассказывал мне два раза: первый раз — в виде семейного предания (см. вступительную статью), другой — как сказку.

Произведение популярно в народе. Печаталось во многих школьных хрестоматиях.

86. КАК ПАРЕНЬ ЖЕНИЛСЯ.

Сюжет анекдотический. Главным героем является хитрый солдат — один из излюбленных персонажей многих сказок-новелл. Ссылка на варианты в «Указателе» отсутствует. Вероятно, произведение вышло из солдатской среды и бытовало в западных районах России. На последнее указывает заключительная часть рассказа: «Как в Вильне, так и здесь, что замелешь, то и съешь».

87. КУЗНЕЦ И ПОРТНОЙ; 88. ДЕВУШКА И ДВА ЖЕНИХА; 89. РЫБАК И ОХОТНИК; 90. МУЖИК И СТОГ СЕНА; 91. ХВАСТЛИВЫЙ МУЖИК И РАБОТНИК; 92. ЗЯТЬ У ТЕЩИ — бытовые анекдотические рассказы. Варианты неизвестны.

93. СВЕКОР И НЕВЕСТКА.

Краткий анекдотический рассказ из крестьянского быта. Ф. П. называет его «присказкой». Усвоен от старика Шевцова («Свекра и невестку» рассказывал Шевцов. От его сказка. Это с ним на самом деле было»).

94. ДВА МУЖИКА.

Бытовой анекдот о курящем и некурящем мужиках. Отметим проникновение в диалог современного слова «товарищ» в виде обращения: «Давай, товарищ, закурим!», или: «Знаешь, товарищ? Что ты, если б не курил» и т. д.

КРАСНЫЕ ОРЛЯТА.

Аллегорическая сказка о завоевании Севера советскими летчиками. Сказка далека еще до художественного совершенства, но для читателя она не лишена интереса, т. к. является первой попыткой Ф. П. создать произведение на со-

временную тему. Поэтому сказку мы не исключаем вовсе из сборника, а печатаем ее в отделе «Приложения». (О создании «Красных орлят» см. вступительную статью.)

ПРО ВАНЮШУ-ВОРА.

Записана от К. Ф. Господарева. Ан. 950 (см. сказку «Государский сын» и примечание к ней). Господарев Константин (сын Филиппа Павловича) родился в 1917 г. Окончил школу-семилетку и автодорожную школу ФЗУ. В настоящее время рабочий-слесарь. Сказки слушал от отца и от других сказочников чаще всего у костра на почлеге во время охоты. Знает, по его словам, не менее 20 сказок. Рассказывает живо и охотно. Слушая сказки Ф. П. при записи, Константин не раз прерывал его, возражая или против отдельных местных и белорусских слов, употребляемых сказочником: «так здесь (или: «теперь») не говорят, а говорят вот как»; или не соглашался со схемой развертывания сюжета той или иной сказки. Во время изложения Ф. П. сказки «Государский сын» Константин заявил: «Эта сказка не так сказывалась на охоте, а вот как. Записывайте». Я записал «Про Ванюшу-вора». Если судить по этой сказке, К. Господарев является уже сейчас незаурядным молодым сказочником. Язык его сказки сочен и динамичен. Хорошо построен диалог. От всей сказки веет какой-то обаятельной примитивностью и простотой. К сожалению, Константин всей богатой сказочной традиции своего отца не усвоил. Но целый ряд сказок запомнил и рассказывает их неплохо.]

В зимние вечера любит читать книги фантастико-приключенческого характера. «Обожает» романы Жюль Верна и Майн-Рида.

ПЕРЕЧЕНЬ СКАЗОК, НЕ ВОШЕДШИХ В СБОРНИК.

1. «Пан Твардовский». Ан. 313 В (Записана частично).
2. «Про монаха». Ан. 839 («За одним грехом — другие»).
3. «Глупый мужик». Примыкает к циклу сказок о путешествии на тот свет (ср. Ан. 460 А, В). Близкие варианты: Армянские сказки, изд. П. М.—Л., Academia, 1933, стр. 52 («Глупец») и стр. 246 («Чопчи»).
4. «Заноза у медведя». Ан. 156.
5. «Лес и поле». Лес и поле спорят друг с другом из-за старшинства. Спора разрешить не могут.
В «Указателе» не зарегистрирована.
6. «Трусливый заяц». Ан. 70. Трусливый и к тому же всеми обижаемый заяц, решает утопиться в речке. Но убедившись, что есть животное, которое его боится (лягушка), остается жить.
7. «Почему раньше долго жили?» Когда бог дал чертям власть над мертвыми людьми, он продолжил людям жить помногу. Узнав, что человек перед смертью плохо исполняет свою работу, а иногда и запасу никакого не оставляет после себя, бог укоротил жизнь человека и лишил его возможности знать день своей смерти. («Тут черти и зажили».)
Ссылки на русские варианты в «Указателе» нет. Вариант: Романов, IV, 36 («Зачем люди перестали знать об своей смерти»).
8. «Попугай». Анекдот о попугае-сплетнике, который жаловался барину на то, что портные воруют из мастерской лоскуты материи. Попугай наказывался работниками.
9. «Медведь на возу: его принимают за попа». Ан. 116.

Кроме этих сказок, мною были выслушаны еще несколько текстов, записать которые по разным причинам не удалось.

1. «Поп и работник». Ан. 1544 *В. «Бабые пятно».
2. «Дочки священника». Ан. 1544 А* («Работник будто бы не знает женщин»).
3. «Про царя Давыда и премудрого сына Соломона». Ан. 920. Премудрого Соломона родила царя жена Давыда и решила его убить. Для этого она отдала ребенка повару. Но повар не убил Соломона, а убил собаку и сердце ее принес жене Давыда. Ребенка же подбросил к мужику в ясли. Когда Соломон подрос, он делал чудеса: выстроил ветряную мельницу, начал изобретать новые серпы, пилы, топоры. Царь Давыд узнал о чудесном юноше и захотел поймать его. Для этого он послал за ним свою золотую карету: кто

ее правильно оценит — тот и премудрый. Соломон оценил ее в корку хлеба. Его не взяли (решили, что неправильно оценена карета), но царь Давид догадался, что это был тот юноша, который изобретал новые топоры, пилы и так далее. Соломон сделал скрипку и весы. Давид поймал Соломона и дал задачу — собрать золото. Соломон собрал. Отец и мать признали в Соломоне своего сына... Соломон у бога. В аду он выстроил дерковь. За это его чорт выбросил из ада. После этого он стал царствовать на земле.

4. «Два мужика». В одной деревне жили два мужика. Один — волшебник, другой — нет. «Они дружили и совет дали: на могиле того, кто помрет первым, живой должен три ночи провести». Помер волшебник. Товарищ его пришел к нему на могилу. Волшебник воскрес. Вместе они пошли в деревню. Зашли в один дом. Волшебник взял сонного ребенка из «качалки», переломил его пополам и надавил миску крови («вот и свежее вино, кум»). Кум выпил. Прокричали петухи. Волшебнику — время в могилу. Рассвело. «Волшебник затемно опаздал в могилу», превратился в головешку и остался лежать в доме. «Куму же он дал средство спасти ребенка: кресного ударить в нос, чтобы пошла из его кровь и этой кровью помазать ребенка». Так и было сделано. Ребенок ожил. Мужик решил изловить волшебника. Сделал железную заслонку. Когда дрова сгорели, кум взял головешку, заслонку, упор и кинул головешку в печь, крепко прикрыв печь заслонкой. Волшебник из головешки превратился в змея. Змей лопнул, печь разорвалась.

5. «Два солдата». Двух солдат отпустили на год в отпуск. Железных дорог не было. «Денег у их нехватало до дому добраться». И решили они продать свой мундир, сапоги, шинель, а хозяину трактира сказать, что они генералы и их ограбили разбойники. Так и сделали. Хозяин трактира принял их за генералов. Готовил им самые лучшие кушанья и проч. Вдруг в трактир приехал настоящий генерал. Познакомился он с этими «генералами». «Рассказали они ему свое положение». Сжалился над ними генерал. Дал им запасную одежду свою генеральскую, заплатил за них хозяину трактира, карету купил и как генералов пригласил к себе. Поехали солдаты-«генералы» к нему. А у генерала была дочка. Понравился ей один солдат. Женился этот солдат на генеральской дочке. А тут время отпуска солдатам истекло. Явились солдаты в свой полк. Царский смотр войскам. Рассказали они государю о своих приключениях. «Государь за их смекалку произвел солдат в генералы».

6. «Лиса и волк». Ан. 1 и 2. Лиса ворует рыбу с воза мужика. Встречается лиса с волком. Хитрый совет лисы. Волк опускает хвост в прорубь. Избегание волка.

7. «Лиса и журавль». Ан. 60. Лиса приглашает журавля в гости и угощает его кашей. Журавль не может съесть каши, так как лисичка измазала ее по сковородке. Лисица наелась. Журавль остался голодным. В свою очередь, журавль пригласил лисицу в гости. «Журавль наварил кушанье в кувшине». Угощает лисичку, а лисичке и мордочки в кувшине не просунуть. Журавль наелся, лисичка-хитричка осталась голодной. (См. басню И. А. Крылова.)

СЛОВАРЬ.

- А б и б о́ка (Ты что лежишь, а б и б о́ка.) — лентяй, лежебока (?).
- Ба́бка (А я хоть буду в ба́бки снопы ставить) — десяток или более хлебных или льняных снопов, поставленных в кучу; а иногда покрытых одним из них, колосьями вниз. (И. И. Носович. «Словарь белорусского наречия», СПб., 1870.)
- Бавстру́к (И называют их бавстру́ками. Незаконно будто ро́ждены; мы есть солдатские сыны, а не то что бавстру́ки) = байстру́к — незаконнорожденный сын.
- Було́ва (Сделаны було́вы по двадцать пять пудов весом из мягкого железа; заставил кузнеца выкатывать эти було́вы с ручками) — шар на одном конце палки, вместо набалдашника. (Словарь Носовича.)
- Бу́ркнуть (Он тогда как бу́ркнул этого министра, так этот со стула покати́лся) — (зд.) стукнуть, ударить.
- Ва́га (И он подхватил котёл без ва́ги) — рычаг.
- Вала́ндаться (Медведь с дикой свиньёй вала́ндается) — канителиться, возиться, волочить время.
- Ва́р (Иди, кум, домой, покупай хлеб и ва́ру) — ва́рево, кушанье.
- В (у́) го́ру (Кидай брус у́ го́ру) — вверх.
- Верто́вка (Теперь за это они дали мне верто́вку) — (зд.) взбучка.
- Ви́чка (А вот стоит куст ореховый. Слезем с лошадей, выломим себе ви́чку) — прут. В Белоруссии: ви́тка — ветка, деревцо.
- Вкли́нить (Он кому вкли́нит две монеты, кому три в карман) — (зд.) всунуть.
- Влю́бчик (А он к ей ходил, начальник тюрьмы, влю́бчик был) — любовник.
- Во́йт (И во́йту приказал, чтоб ей розог всыпал) — сельский староста.
- Воро́шить (Так где же ему повернуть тот камень. Камень не воро́шится) — шевелить, шевелиться.
- Всто́пня́ться (Она всто́пня́лась) — встращиваться (?).
- Втя́гнуть (А они завели быка за ро́ги и хоча́т втя́гнуть быка на избу́) — втянуть.
- Вызво́лять (Вызво́ль хоть кусок хлеба, ребят кормить; министеры на шута негодовать за эту штуку, что таких преступников вызво́ляет) — помогать в нужде, освобождать.
- Ви́копать (Они мне вот в таком-то месте гла́зы ви́копали и оста́вили меня) — (зд.) выколоть.

Вѣпростаться (Бочка не шевелится, я вѣпростаясь; он вѣпростался, дно выскочило у бочки) — высвободиться, вытянуться.

Вѣстать (В такие-то часы он в капусте вѣстал; барыня вѣстала; чтоб я утром вѣстала) — встать, подняться.

Вѣтягáть, вѣтягнуть (Я теперь могу тебя вѣтягнуть; и он платок вѣтянул; Савку вѣтянули на кухню) — вытягивать, вытянуть.

Годовáть (Она всё-таки меня годовáла; если кто живого найдёт, то прошу, чтоб годовáл) — воспитывать, растить, кормить, выкармливать.

Горéлка (Каждый день ходить да всё горéлку носить) — водка.

Готúю (Я ж пашú под рожь, готúю на будущий год; отдыхайте, я подгутúю вам) — готовлю.

Гребёнка (Крыша была под гребёнку покрыта).

Грива, грівочка (Подходит, стоит грива) — возвышенное продолговатое место, опушенное лесом. (Словарь Носовича.)

Гультáй (этот гультáй всё на печке спит) = гультай — лентяй.

Даесí (Ну-ка, сам не даесí, да святому принеси) — даёшь.

Дасí (А что дасí мне; дасí подписку ему на три года) — дашь.

Делъбá (Барин ему за эту делбú дал еще пять рублей денег) — дележ.

Дюпка (Являются сюда журавли... Один всё своей дюпкой помахивает) — клюв.

Ёвня (Пусть он насадит сто снопов в ёвню) — овин.

Жáлобный (Утром просыпается — что-то жáлобные флаги вывешены) — траурный.

Жívчиком (Чтобы жívчиком было представлено; жívчиком отправился в деревню) — живо, скоро, быстро.

Завелéть (Ты, толстобрюхий чорт, заведí, чтоб коня убрали в конюшню; ты только заведí мне, что надо) — велеть, приказать.

Завернúться (Завернúлася и пошла; он только завернúлся в свою комнату) — повернуться; возвратиться, вернуться.

Заганúть (он мне такую загадку заганúл) — загадать.

Загóн (Испани этот загóн свой) — загороженное место для скота, пастбище, луг (Словарь Даля); у Господарева — отрезок пашни.

Займéть (Вот в одно прекрасное время займéл ему повар) — сделать наказ, дать задание, приказать.

Закладáть (коса идёт правильно. И говорит: так надо закладáть, так ровнó потягивать) — закладывать, полагать основание.

Зáколье (У нас есть богатый мужик Илья, у того зáкольев много на пожне стоит) — (зл.) клад сена, стог.

Заручéнное (И берёт у царевны заручéнное кольцо) — обручальное.

Зáсек (В амбарах засéки были такие) = зáкром.

Застáва (У кулака много было набрано одёжи у мужиков, и сапогов, — это всё в застáву давали мужики) — (зл.) залог.

Заúчить (Схватил всю будóву и пустил — всё равнó, что с орудий стукнуло, заúчило и из виду скрылось) — завизжать, загудеть.

Зевáть (Отца зевáл, мать зевáл, меня будешь доедать) — съедать.

Злýдни (Я нашлю на этот хлеб злýдней) — нужда, тяжкое время, бедность, голод и т. п. (Словарь Даля); у Господарева, вероятно, какие то существа, приносящие человеку вред.

Известь (Подъезжают они к крыльцу, там уже известь дана) — весть, известие.

Изомлéть (У хозяина руки изомлéли, а всё мало) — (зл.) устать, утомиться.

Калúжина (Твое счастье у моря лежит под калúжиной; ударяет палкой калúжину) — пень, корень, сук (от калужья).

Кáменка (Берёт коврик воды, кидает в кáменку и начинает парить опять ее; печи не было, а была просто кáменка, как в бане) — вообще печь; в тексте Господарева — небольшая печь, особого строения («как в бане»).

Квáрта (Старшóй заказывает квáрту вина) — мера жидкостей.

Квасн́ца, квасн́чка (Гость был, квас пил, а квасн́цы не закрыл) — кадка для квасу.

Кладка (Тут оказывается небольшая речечка... Кладок здесь нету) — перекладина.

Коклатый (Сам сделался старым старичком, коклатам мужичком).

Кокóт (Там стоит дуб на двенадцати кокóтов) — сук.

Кóло (Да здесь никого нету, кóло нас; а сама кóло печки бежит всё) — около, близ, подле.

Колтунáтый (Не гляди, что колтунáтый; а у этого жеребенка шерсть, как у меня на голове, колтунáми да длинная) от слова колтún (особая болезнь волос, когда волосы сваливаются в неразделимые космы), у Господарева — нерасчесанные, спутанные в комки волосы.

Колупнúть (Дал силу ему большую уже, то теперь его никто не колупнет) — (зл.) поддеть, подхватить, свернуть.

Копá (сноп от снопа на три сажени будет, а копá от копý чуть не на три версты) — копна.

Кошлатый (А мой, как я дурак, кошлатый горбунок) — (зл.) со спутанной, с свалившейся в комья шерстью (кóшма — войлок).

Крóмка (Этот хлеб ёсте... Как они ни режут, ни едят, — крóмка целá) — краюха, горбушка.

Кряж (Человек едет на лошади, и стоит большой кряж и у его лошаденка плохая, а ему надо подняться на этот кряж) у Господарева, вероятно, — возвышенность, гора (горный хребет).

Линýть (Что, верно богатство стало линýть), — убывать, итти на убыль.

Маклák (Покупай одежду себе и мужу — брату моему, чтоб маклákым таким не ходил) — посредник при продаже и купле, базарный плут.

Малёнка (У его чуть уже не малёнка денег стала) = малёнка — старая мера для сыпучих тел.

Махáть (Оседлал коня и махнúл в деревню за матерью; они махнúли по лесу и поймали зайца) — (зл.) быстро ехать, бежать, мчаться.

Мелъ (И могу целый год кормить вашу команду и мёли не будет) — (зл.) дно.

Мóрок (Богатство твоё пройдёт морóком).

Моршáки (Уже на лбе моршáки были немножко) — морщины.

Мурашки (В муравейник принесёшь, да покладёшь, то мурашки как станут кусать) — муравьи.

Мякúшка (Съел мякúшки три хлеба) — маленький хлебец. В Белоруссии мякуш, мякиш — мягкая часть тела. (Словарь Носовича.)

Наскидáть (Наскидáли ему три рубля за работу) — накидать, набросать.

Натискáть — см. тискануть.

Нежал́мый (И дай ему матросов нежал́мых и капитанов нежал́мых) — т. е. тот, которого не жалко.

Нóжны (Захвати с собой нóжны) — ножницы.

Обижда́ть (А давай кинем жеребный, то обижда́ться не будем друг на друга) — обижать, обижаться.

Обо́рки (Тебе за отбо́рки подкидает чорт обо́рки) = обо́ра — тонкая веревочка, вроде бечевки, прикрепляемая к лаптям, для обертыва́ния ею ног при обуви сверх онуч. (Словарь Носовича.)

Опро́че, опрочь (Она догадывается, что это никто не может сказать опро́че сына; опро́чь тебя никто не поймает ее) — кроме.

Опру́жить (Чаю ты не пей, а вроде как станешь доставать сахар, то его опру́жь; стоит котёл опру́женный) — опрокинуть.

Ора́ть (Если бы там, на острове, была свинья — носом ора́ла) — пахать.

Оста́ток (Оста́тки твой добрый конь тебя будет учить) — остальное.

Отбо́рки (Тебе за отбо́рки подкидает чорт оборки) — брать по праву или силою (может быть — отбор, выбор).

Отдасй (А вот третью часть корабля отдасй, тогда выручу) — отдашь.

Отмале́ванный (Он видит, что стоит здесь тоже отмале́ванный человек, как и он, только камень) — нарисованный, написанный красками.

Пасть (И он уже знал, что здесь пасть наготовлена на него) — пагуба, гибель.

Па́ша (Я пока буду барином, хозяйствовать, то я с вас не буду брать ни за па́шу скота и приго́ну) — подножный корм.

Пере́дится (Что ни гонит своего коня, дорога не пере́дится; едут, а дорога не пере́дится, лошади в белой пене) — подвигаться.

Перета́гнуть (Правда кривду перета́гнула) — перетянуть.

Пле́мйш (Ну, так вот, пле́мйш, можешь у меня трое суток пожить) — племянник.

Победо́вать (Цы́ган победо́вал) — горевать.

Побежо́н (Вы будете спавши, вы будете побежо́ны, а если не будете спать, то он с вами ничего не сделает; если буду побежо́н — убьют меня) — побежден.

Пого́н (Иван-кузнецкий сын, за нами пого́н идёт. Змей догоняет; и она за ими в пого́н вдарилась) — погоня.

Погоня́лка (У меня, барин, погоня́лка длиннее твоей плетки; барин, мы на погоня́лке век живём) — кнут.

Подало́сь (Это так тебе подало́сь, верно ты неловко стал) — показалось.

Подто́рнуть (Требухи он затанул под котёл, ро́ги под крышу подто́рнул) — засунуть, впихнуть.

Подъя́ть (Взять лопату да выкидать кругом землю от тебя, да и подъя́ть с земли тебя) — поднять.

По́жня (Эту по́жню скосили, перешли на другую) — сенокосный луг.

По́лы (Он уже не кричит, что двери по́лы; ворота мои по́лы) — открыты.

Поско́рить (А вы, видно поско́рили обедать пришли) — поспешить.

По́сланы (посылает он человека, то это по́сланы приходят заявить) — посланные (?).

Посто́йл (Заедем на посто́йл, отдохнём, лошадей покормим и сами подкормимся) — постоянный двор.

Поты́лица (У двенадцатого будет на лбу солнце, а в потылице месяц; по потылице дать) — затылок.

Потя́гнуть (Вот у нас кот ученый, а природа, — говорит, — его потя́гнет) — потянуть.

По́йв (Мазурика и по́йву нету) — появление.

Приго́н (Я пока буду барином, хозяйствовать, то я с вас не буду брать ни запашу скота и приго́ну; надо своё сработать, помещику приго́н отслужить) — барщина.

Пригото́ую — (Я пригото́ую для лошади твоей) — приготовлю.

Приоро́вывать (Старую солому вози, по своих полосках расстилаи и приоро́вывай) — припахивать.

Приспе́хи (Далеко итти до рубашки, до этих приспе́хов) — доспехи.

Притис́кать (Змей свалился, и лошади притисли Змея ногами; как притисну́л, так и ноги поломались у жеребца; опять он нача́л притиска́ть конюхов) — прижимать.

Притя́гать (Вот притя́гает к крыльцу) — притягивать.

Прове́сть (Змей придумал как его прове́сти) — обмануть.

Прово́лька (Мужик закурил папиросу и с прово́льки курит; это только в гостях так курят с прово́лькой) = проволо́ка — проволочка, замедление, остановка в ходе работы.

Просте́жка (Каждый по просте́жке протягивает ножки, то если простя́гнуть некуда, так он калачиком спит) —

Просте́ть (Забрался на печку и сидит, ноги просте́л) — свесить.

Простя́гать (Та́я простя́гает руку́ и берёт стакан; барин руку́ про́стягну́л) — протягивать.

Протя́галка (Протя́галку дать) — кнут, па́тка.

Протя́гать (Там протя́гнута была верёвка) — протягивать, протянуть.

Прохвати́ться (Он прохватился, вздрогнул здорово; я прохвати́лась, да поздно) — проснуться, притти в себя, спохватиться.

Прочина́ться (Утром прочина́ются, и лошади к ним являются; солдат Данила, милый мой, прочни́ся; Алеша прочну́лся) — пробуждаться, просыпаться.

Пря́сло (Даже на пря́сле зёрнышка не оставляете). —

Радёть (Как радёл к моей груди́, так чтобы Ивану-кузнецкому сыну) — усердствовать.

Растя́гнуть, растя́гать (Давай-ка я растя́гну ноги; тот и растя́гну́л ноги, дно и выскочило; есть у нас ряса, по всему свету растя́глась) — растянуть, растягивать.

Рига́ч (Вот там за рига́чем) — место, занятое ригами.

Рогáч (Держись за рогáч) — часть сохи. В Белоруссии рогач — кол, рычаг для подъема тяжестей. (Словарь Носовича.)

Рóпша (Мужик взялся с левой стороны правой рукой за рóпшу и подерживает ручкой, что у его соха идёт правильно за лоша́дью) —

Сади́ть (Они являются, Гронин и Воронин, прямо сади́т к помещику в комнаты) — (зд.) вбегать, входить без разрешения, врываться.

Са́желка (Тую ше́пку возьми и брось ее в саду в са́желку; я жене не скажу; что селезень у нас в са́желке) — выкопанный прудок для мочки пеньки. (Словарь Носовича.)

Сба́виться (Там дрова сами сбáвились) — (зд.) сгрузиться.

Свето́к (Свето́к начинает, а солдат Данила спит) — рассвет.

Сви́стнуть (Вели ей у плиты погреть, то она сви́стнет в трубу, эта рубашка, и пронесёт ее воздухом на улицу; взял ногой как сви́стнул) — (зд.) улететь, убежать; также ударить.

Свѣтка, свѣта (свою свѣтку даёт с широкими рукавами) — род верхней одежды.

Сгорѣть (Помещик сгорѣл: Как ты имеешь право называть меня так?! — (зд.) рассердиться, разгорячиться.

Сдруговаться (Он с работником очень сдруговался) —

Склоняться (Наверно к этому письму нужно склониться мне; тогда Иван и склонился) — сдаваться, признавать свою неправоту.

Слых (Ну, а про тебя даже слыха не было; слых пошел, что в таком то месте под мельницу подошла бочка) — слух.

Смѣтно (Видит, что у его конь смѣтно идёт; а Иван всё помалкивает, да такой смѣтной; и она стала смѣтной) — печально, грустно.

Смѣшка (Оторвал у ее шубы смѣшек и понёс) — агнцья овчина.

Сѣшка (Там на печке, на сѣшке есть блины) — подставка.

Спѣхи (Одевай, богатырские спѣхи; богатырские спѣхи на ём) — доспехи.

Спод (Голенищи были целы, а споду у его не было) = испод — низ, основание, подбой.

Сподняя (Так давай мне сто рублей и споднюю одежду) = исподняя — нижняя.

Стогнать (Она там будет стогнать) — стонать.

Стрѣта (На поле ему стрѣты никакой не случилось; ты этой стрѣты не бойся) — встреча.

Стѣлое (Эту привезут одни кости, да стѣлое мясо) — холодное.

Сунимать (Хозяин приезжает, лошадь сунимает) — распрягать.

Схватиться (Портуней-прапорщик... на своего доброго коня схватился; и ударил плеткой по спине, но так, что у его рубец схватился; солдат Данила схватился, хотел только бегчи) — (зд.) вскочить, появиться, спохвататься.

Схлестнуться (Он и выехал схлестнулся с этим богатырём) — столкнуться, схватиться (в битве, в драке).

Схожденье (А ты мне что, схожденье делал?) — снисхождение.

Тата (Один был умного таты) — отец.

Тискануть (Тисканул своего коня; а он тисканул пружину, перевернулся к куме ногами) — прижать, нажать, пришпорить.

Толкач (Я возьму толкач, которым в ступе толкнут: я толкачом всех убью) — большой деревянный пест.

Торнуть (Тот опять сову торнул) — ткнуть.

Транка (Поклади транку; подайте нам транку) — трап.

Трѣхнуться (Солдат что-то трѣхнулся) — испугаться.

Тукач (Она будет в тукаче соломы, вещь, лежать) — нераспоясанный сноп. (Словарь Даля.)

Тѣчка (Он накупил шпигату, отмерил, сколько саженой полагается на полверсты, поставил тѣчку) — знак, метка, колышек.

Тѣкнуть (Роман тѣкнул топором — корень сразу слетел) — (зд.) ударить.

Тягать (Так дал бы мне этих иней, коренья тягать; один тѣгнет из ее кровь, и другой тѣгнет, и третий тѣгнет кровь из ее; подходит к мешку, и тѣгнет этого к проруби) — тянуть, вытягивать.

Узка (Когда узку сняла, ну и порет ее) — (?)

Улегать (Потому что за мной улегает наш государь в нашем царстве; у меня есть дядушка Корчун, так тот за мной улегает) — помогать, помогать.

Учѣвка (Ему, значит, учѣвку даёт) — наставление, совет, указка.

Ушлѣпать (Так это ты моего дядю ушлѣпал) — убить.

Хлебѣны (Ну, по-деревенски, — нужно на хлебѣны ухать) —

Хрястать (Царский сын и начал хрястать) — (зд.) рубить.

Цеп (Возьми у его крест с крепким цѣпом) — цепь.

Чкнуть (Он ее и чкнул) — ткнуть.

Чура́к, чурачок (Отруби дерево и подкопай ямочку и подклади чурачок) — короткий обрубок бревна, жерди.

Шаркнуть (Бык своим рогом как шаркнул, так с седла слетел) — (зд.) мотнуть, задеть, ударить.

Шкирка (Он берёт солдата за шкирку) — ворот.

Щебѣль (Напушу грозу, даже щебѣль вымою на его полосе) = щебень (?) — мелкий камень, галька.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
М. К. Азадовский. Предисловие	3
Н. В. Новиков. Ф. П. Господарев и его сказки	7

СКАЗКИ

I.

1. Откудова начинаются песни и сказки	59
2. Солдатские сыны (Иван и Роман).	60
3. Солдат Данила	86
4. Государский сын	113
5. Незнайка	145
6. Про бедного мужика	181
7. Иван-кузнецкий сын	197
8. Еруслан Лазаревич	218
9. Конек-горбунок	239
10. Про глупого Омелю	249
11. Чудесный сын	255
12. Про золотое яичко	264
13. Об золотом кольце	272
14. Портупей-прапорщик	278
15. Булочник	297
16. Марко богатый	313
17. Царская дочь	320
18. О четырех богатырях	324
19. Правда и Кривда	330
20. Мазурик	337
21. Две доли	342
22. Доля	346
23. Про щуку-золотую рыбку	350
24. Про одного волшебника	353
25. Лихая мачеха	357
26. Мороз, солнце и ветер	360

II.

27. Как мужик и рабочий правду искали	367
27а. (вариант)	369
28. Как Марья с Иваном сравнилась	373

29. Шут Балакирь	376
30. Два мужика	396
31. Княгиня (Грбнин и Ворбнин).	401
32. Барин-драчун	409
33. Кабанье мясо	413
34. Помещик и бедный мужик	419
35. Плотник и барин	423
36. Цыган и барин	424
37. Как конь жеребенка родил	426
38. Про цыгана	428
39. Мужик и барин	431
40. Как парень разум покупал	433
41. Правда о святом Феодосии	440
42. Поп и работники	443
43. Поп и работник	448
44. Музыкант	451
45. Про цыгана и про попа	453
46. Мужик и поп	457
47. Про одного попа и бедного мужика	459
48. Цыган на исповеди	464
49. Поп, мужик и коза	467
50. Кузнец и поп	470
51. Про купеческого сына	472
52. Государь и купеческая дочь	488
53. Петр Великий и солдат	495
54. Беззаботный монастырь	501
55. Петр Великий и кузнец	503
56. Про Клима-большого злодея	505
57. С чего оказалось зеркало	511
58. Мужик и чорт	513
59. Про честного мужика	515
60. Барыня и колдун	518
61. Гармонист и черти	520
62. Кот — чистота, огонь — красота, изба — высота	522
63. Мужик и проезжающий	524
64. Деревня Бибачки	525
65. Богатый мужик	528
66. Про мужика	530
67. Сапожник на том свете	532
68. Мужик и три сына	536
69. Про Киевского и Московского жулика	539
70. Отец и сын	541
71. Генерал и попугай	543
72. Солдат на том свете	546
73. Микола и Егорья	550
74. Бездельный Иван	554
75. Петр, Павел и бог	559
76. Волк, лиса и журавль	562
77. Собака и кот	564

78. Три поросенка	566
79. Русский медведь и морской медведь	568
80. Медведь и дикая свинья	570
81. Как волк, собака, кот и мышь неприятелями стали	572
82. Сова и сыч	574
83. Сорока и ворона	575
84. Небо и земля	576
85. Мужик и семь сынов	577
86. Как парень женился	578
87. Кузнец и портной	580
88. Девушка и два жениха	582
89. Рыбак и охотник	583
90. Мужик и стог сена	585
91. Хвастливый мужик и работник	586
92. Зять у тещи	587
93. Свекор и невестка	588
94. Два мужика	589

ПРИЛОЖЕНИЯ

I Красные орлята (сказка)	593
II Бедный мужик (вариант сказки № 21: «Две доли»)	597
III Пословицы, поговорки и загадки Ф. П. Господарева	600
IV Про Ванюшу-вора (сказка К. Ф. Господарева)	603
V Письмо сказочника к собирателю	607
Г. Ф. Нефедов. О языке Ф. П. Господарева	608
Диалектологическая запись сказки Ф. П. Господарева	617
Указатель сокращений, принятых в примечаниях и во вступительной статье	622
Примечания	624
Перечень сказок, не вошедших в сборник	649
Словарь	651

Дополн. к кат. № 17. 27, 28, 29 (лек. 21-22) 31, 32.

47, 48, 50, 55 = ск. кат. № 286) 58, 60.

61 = ск. кат. № 10, стр. 2. 66 70, 80, 83, 84, 85-94.

47
H
AKI

Отв. редактор М. К. Азадовский.

Переплет, титул, форзац, заставки и концовки — художника Г. А. Стронк.
Художник-консультант М. И. Разулгович.

Подписано к печати 16/1 1941 г. Бумага
Окуловского Бумкомбината 60×92 см. Печати.
лист. 41⁵/₈. Печ. зн. в л. 32100. Учет.-авт. л.
44,25. Госиздат КФССР № 61. Е—3710.
Заказ № 1986. Тираж 10000
Цена 16 руб., переп. 2 руб.

Набрано и отпечатано в Типографии № 1
им. Володарского Управления издательства
и полиграфии Исполкома Ленгорсовета, Ленин-
град, Фонтанка, 57.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стр.	Стр.	Напечатано	Следует читать
20	1 сверху	64	66
20	2 "	106	104
263	11 снизу	взял ¹ Советскую власть	Советскую власть взял ¹
652	12 сверху	покрыта).	покрыта)—один из видов соломенной кровли.
653	11 снизу	морóком).—	морóком)—мрак. Зд. м. б. прах.
653	13 сверху	мужичком).	мужичком)—(Зд.) лохматый.
655	18 "	спит)—	спит)—(Зд.) шев в одежде.
655	21 снизу	оставляете).—	оставляете)—сушило.
655	11 "	лошадью).—	лошадью)—(?)
657	3 сверху	ухать).—	ехать)—стол (обед) у родителей новобрачной.

Заказ № 1986. Сказки Ф. П. Господарева.